РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

XX век

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

К 70-летию
ЮРИЯ СТЕПАНОВИЧА
КУКУШКИНА –
заслуженного профессора
Московского государственного
университета,
действительного члена
Российской Академии наук

Юрий Степанович Кукушкин

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

XX век

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1999

УДК 93/99
ББК 63.3(2)
Р76

Редакционная коллегия:
С. А. Байбаков, А. И. Вдовин, В. А. Корецкий

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Российское государство и общество. XX век. — М.: Изд-во
Р76 Моск. ун-та, 1999. — 560 с.

ISBN 5–211–04090–2

Настоящее издание подготовлено в связи с 70-летием академика РАН, заслуженного профессора МГУ Ю. С. Кукушкина. В сборник включены результаты исследований по актуальным проблемам отечественной истории и историографии. На основании впервые вводимых в научный оборот архивных и иных данных, использования новых подходов в анализе процессов возникновения и развития советской государственности авторы предлагают свой взгляд на регулирование и совершенствование конституционного строя. Особое внимание уделено проблемам российского федерализма и национальному вопросу. Вскрывая глубинные причины кризиса СССР на рубеже 80–90-х годов, авторы анализируют содержание этого процесса и его последствия. Рассматриваются также вопросы практического совершенствования современной государственности России и обосновывается ряд рекомендаций.

Книга рассчитана на специалистов — историков, политологов и всех, кто интересуется историей Государства Российского.

УДК 93/99
ББК 63.3(2)

ISBN 5–211–04090–2

© Исторический факультет МГУ, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. С. Кукушкин — ученый и педагог (С. А. Байбаков) 6

Возникновение и развитие советской государственности

Сивохина Т. А. Роль ВЦИК в становлении советской государственности (ноябрь 1917 — январь 1918 г.) 27
Златопольский Д. Л., Селунская В. М. Исторический опыт развития отечественных федераций 38
Байбаков С. А. Итоги историографического изучения образования СССР 68
Баркова О. Н. Из истории разработки Конституции РСФСР 1925 года 108

Советская власть и общество

Чечевишников А. Л. Неизвестное эхо дискуссии о профсоюзах 137
Данилова Е. Н. Советская власть и национальные меньшинства (1917 — 1920-е гг.) 151
Щагин Э. М. Противоборство власти и оппозиции по вопросам социалистической реконструкции деревни 168
Серова И. К. Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР в 1953 г. 188
Данилов А. А. Проект конституционной реформы в СССР начала 60-х годов 206
Терещенко Ю. Я. К вопросу о конституционной реформе в СССР в период перестройки 221
Барсенков А. С. Реформы М. С. Горбачева и судьбы союзного государства 246
Шадрин А. Ю. Прибалтийский сепаратизм в истории разрушения СССР 271

Становление новой России

Печенев В. А. Русский народ и судьбы Государства Российского 297
Чистяков О. И. «Русская республика»? 309
Вдовин А. И., Корецкий В. А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России 322
Наумов Н. В. Международные аспекты распада СССР 366
Котов В. И. Проблемы развития российской государственности на современном этапе 396
Пантелеев С. Ю. Государственная идеология в постсоветской России 417

Из истории общественно-политической жизни

Муромцева Л. П. У истоков российского парламентаризма 439
Леонова Л. С. Эволюция политических воззрений В. И. Вернадского 460
Остапенко А. И. «Белое движение» и проблема целостности России 519
Сведения об авторах 557

Ю. С. КУКУШКИН — УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

3 апреля 1999 г. исполняется 70 лет действительному члену Российской Академии наук, доктору исторических наук, заслуженному профессору МГУ, заведующему кафедрой отечественной истории XX века исторического факультета МГУ Ю. С. Кукушкину. Его научные труды, учебные пособия, популярные издания и публицистические выступления широко известны не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Во многих российских и зарубежных вузах, государственных и общественных организациях успешно работают ученики Юрия Степановича, которые готовятся достойно отметить юбилей своего учителя. Однако для коллектива исторического факультета МГУ этот юбилей особенно значим. Трудно назвать человека, который бы сделал и продолжает делать для родного факультета больше, чем Ю. С. Кукушкин. Только на посту декана он самоотверженно трудился четверть века. Этот уникальный для истфака и крайне редкий для университета прецедент красноречиво свидетельствует об умении Юрия Степановича четко организовать работу большого и сложного коллектива интеллигентов-гуманитариев, не терпящих администрирования и вообще нелегко поддающихся управлению. Его особый дар руководителя был довольно быстро замечен и должным образом оценен не только в университете. Ю. С. Кукушкин неоднократно получал заманчивые предложения возглавить другие крупные и престижные научные и учебные учреждения. Порой высокие партийные и государственные инстанции пытались склонить декана к переходу на более масштабную работу. Юрий Степанович всегда с благодарностью, но без колебаний отвергал лестные предложения, сохраняя верность факультету и кафедре, где он трудится уже более 40 лет. Этот пример достойного служения своей Alma mater особенно поучителен и важен сейчас, когда из-за бедственного положения российских вузов от многих, в первую очередь молодых, ученых верность избранной профессии требует прежде всего готовности к самопожертвованию во имя будущего российской науки и культуры.

Вся трудовая биография академика Кукушкина подтверждает давно и хорошо известную истину: безошибочно осознанное в молодости призвание, помноженное на трудолюбие, терпение и талант, со временем не может не дать прекрасные результаты. Что же помогло Юрию Степановичу еще в школьные годы сделать правильный выбор? Сам он отвечает на этот вопрос так: «Мне было предопределено стать преподавателем истории. Почему преподавателем и почему именно истории? Ответ на это я попытаюсь дать теперь, когда бóльшая часть жизни отдана любимому делу. Важную роль играла семья, семейные традиции. Мой прадед и дед крестьянствовали и вместе с тем учили сельских детей. Отец и мать были преподавателями в средних и высших учебных заведениях. С детства я видел, с каким увлечением они работали. Мне нравились их окружение, их коллеги, их библиотеки. Все это формировало мое отношение к профессии педагога.

О специализации я принял решение в пятом классе средней школы. С годами это решение окрепло. Шла Великая Отечественная война. Народ отдавал все силы для приближения победы. Огромную роль в воспитании патриотизма играли работы историков, посвященные славному прошлому нашей великой Родины. Мне хотелось как можно больше знать о нем. Я понимал, что для этого нужно много учиться... Отец был историком. Эти обстоятельства привели меня в 1947 г. на исторический факультет Московского государственного университета».

Обращает на себя внимание точно зафиксированный в памяти момент принятия решения о будущей профессии — пятый класс. Дело в том, что в биографии подростка Юрия Кукушкина пятый класс был не просто рубежом между начальной и средней школой. Он стал незабываемой вехой между мирной жизнью и военным лихолетьем. С матерью и младшей сестрой летом 1941 г. Юрий приехал к родственникам в Сталинград. Осенью 1941 г. жизнь города была всецело подчинена решению главной задачи — обеспечению фронта оружием. Казалось, все прочее отошло на второй план и осталось там, в мирной жизни. Напряженную атмосферу тех дней не могли не ощущать и школьники, которые не очень-то надеялись сесть за парту в новом учебном году. Юрий Степанович до сих пор хорошо помнит свою радость и изумление, когда 1 сентября 1941 г. он все же стал пятиклассником. И хотя занятия велись в три смены: не хватало учителей, помещений и оборудования, — школа работала.

Суровые испытания периода Великой Отечественной войны и связанный с ними подъем патриотических чувств ускорили процесс формирования гражданской зрелости не только у молодого поколения фрон-

товиков, но и у учащихся-старшеклассников, что позволило многим из них рано осознать свое призвание. Это дало возможность юному выпускнику московской средней школы Юрию Кукушкину правильно выбрать профессию и даже довольно точно определить свою будущую специализацию — изучение отечественной истории.

Поступив в 1947 г. на исторический факультет Московского университета, Юрий Кукушкин влился в уникальный творческий молодежный коллектив, общепризнанными лидерами которого были молодые фронтовики Анатолий Горский, Иван Ковальченко, Константин Тарновский. Благодаря своему жизненному опыту, гражданской зрелости, редкой целеустремленности и принципиальности в сочетании с отзывчивостью, скромностью и добротой они быстро завоевали прочный авторитет и искреннее уважение своих однокурсников. Ценя огромное позитивное воздействие, оказанное на него в студенческие годы старшими товарищами-фронтовиками, Юрий Степанович с неизменной теплотой и благодарностью вспоминает о них: «Вчерашние солдаты, оторванные на долгие четыре года от учебы, став студентами, стремились наверстать упущенное, учились самозабвенно, с жадностью и упорством. Они давали замечательные образцы отношения к учебе. Незабываемые лекции известных ученых в сочетании с энтузиазмом студентов — вчерашних фронтовиков давали поразительный эффект. Не ставя прямой задачи — учить своих однокурсников-школяров, студенты-солдаты своим примером показывали, как надо работать в семинарах, библиотеках и архивах».

Тон, заданный старшими товарищами, их непререкаемый авторитет сплачивали весь студенческий коллектив. На курсе сформировалась дружественная рабочая атмосфера. Однокурсница Юрия Степановича, ныне профессор исторического факультета МГУ Л. М. Брагина так вспоминает об этом времени: «Студенческие годы, овеянные живым увлечением наукой, напряженными духовными исканиями первых послевоенных лет, дали нам не только хорошую школу нашей будущей профессии, но и то, что осталось с нами на долгие годы, — чувство товарищества, готовности к взаимопомощи, своеобразного братского единения. Тогда это находило выражение в ярких проявлениях "курсового патриотизма": мы дружно болели за наши команды на спортивных соревнованиях, устраивали вечера с остроумными капустниками, работали в подшефном колхозе. Дух товарищества не был утрачен нашим курсом и после окончания университета — каждые пять лет мы с неизменным энтузиазмом устраиваем вечера сокурсников, а когда ряды наши стали заметно редеть, пришло время воспоминаний, подведения радостных и грустных итогов ушедших лет».

Уровень изучения и преподавания истории определялся профессиональным мастерством, широкой научной эрудицией и высокой культурой профессорско-преподавательского состава. В то время на факультете работала плеяда талантливых ученых и педагогов. Ю. С. Кукушкин и его сокурсники слушали лекции К. В. Базилевича, С. В. Бахрушина, С. С. Дмитриева, Е. Н. Городецкого, К. К. Зельнина, М. О. Косвена, Н. А. Машкина, А. И. Неусыхина, С. Д. Сказкина и др. Главной заслугой своих учителей студенты послевоенных лет, сами ставшие впоследствии ведущими российскими историками, считали умение развивать у молодежи аналитические и творческие способности. Университетские профессора стремились не только донести до своих слушателей общепринятые и устоявшиеся в исторической науке представления о событиях прошлого, но и познакомить их с дискуссионными и слабо изученными проблемами. Практически каждый лекционный курс был, что называется, «авторским», и каждый лектор превосходно владел своей индивидуальной методикой подачи сложного материала. Все это, вместе взятое, помогало противостоять догматизму и начетничеству, имевшим в те годы широкое распространение.

Когда твои учителя — крупные ученые и блестящие педагоги, нелегко отдать кому-либо из них предпочтение. Между тем каждый студент знает, как много в его судьбе зависит от удачного выбора научного руководителя. Выбор этот предстояло сделать и Ю. С. Кукушкину. Правда, его нацеленность на специализацию по отечественной истории еще до поступления в университет в какой-то мере облегчала поиск. Однако даже в пределах одной кафедры, к тому же довольно большой (в те годы она была единой для всех периодов отечественной истории), найти своего научного наставника было непростой задачей. Сыграл ли здесь свою роль случай? В известном смысле да, так как именно в 1948 г. на историческом факультете начал преподавать П. А. Зайончковский, в группу которого и попал студент II курса Кукушкин. Однако тем, кто хорошо помнит Петра Андреевича как ученого и педагога и те его качества руководителя, которые особенно ценятся творческой молодежью, легко понять, что приход Юрия Степановича в научную школу Зайончковского, начавшую формироваться в конце 40-х — начале 50-х годов, вряд ли можно назвать случайностью.

П. А. Зайончковский, бесспорно, был носителем лучших традиций университетской исторической школы. Широкая эрудиция ученого, творческая индивидуальность, глубокое и доскональное знание источников и бережное отношение к факту помогали избежать идеологической предопределенности и тенденциозного изложения материала.

Несмотря на интенсивную научную работу, Петр Андреевич не ограничивался общением со студентами только на лекциях и семинарах. Он учил второкурсников методике исследовательской работы и непосредственно в библиотеках и архивах, приглашал их на научные конференции в МГУ и Институт истории АН СССР, сам проводил великолепные экскурсии по историческим местам Москвы и Подмосковья. Ученики Зайончковского знали, что свою горячую любовь к Родине, которой проникнуты его труды и вся его педагогическая деятельности, Петр Андреевич доказал на фронтах Великой Отечественной войны. Участник боев под Сталинградом, на Курской дуге и Правобережной Украине, он только после тяжелого ранения закончил службу в Красной Армии в 1944 г. в звании гвардии майора.

В 1952 г. Ю. С. Кукушкин, с блеском защитив написанную под руководством Петра Андреевича дипломную работу, поступил в аспирантуру. Этот год стал важной вехой в биографии не только самого молодого аспиранта, но и кафедры, на которой он учился. С целью совершенствования педагогической и стимулирования научно-исследовательской работы по всем основным периодам отечественной истории был поставлен вопрос о разделении кафедры истории СССР. В марте 1953 г. на ее основе были созданы четыре самостоятельные кафедры. В их число входила впервые образованная в системе советской высшей школы кафедра истории СССР советского периода. Лишь с середины 60-х годов одноименные кафедры стали появляться и в других вузах.

Вновь организованная кафедра поначалу оказалась в сложном положении. Преподавание истории советского общества как самостоятельной дисциплины к тому времени еще окончательно не сложилось. Лишь в 1953/54 учебном году студентам был прочитан курс истории СССР, который охватывал не весь период XX века, а начиная с событий Февральской революции 1917 г. Естественно, кафедра испытывала острую нехватку квалифицированных преподавателей и научных сотрудников, специализировавшихся в области советской истории. Для решения кадровой проблемы аспирантам кафедры истории СССР, занимавшимся дореволюционной проблематикой, было предложено переключиться на изучение послеоктябрьского периода. В их числе был и Ю. С. Кукушкин.

Обдумывая тему своей кандидатской диссертации, он не захотел менять объект исследований. Им по-прежнему оставалась история отечественной государственности. Однако изучение ее структуры и функций в условиях нового общественного строя поставило перед молодым исследователем ряд новых серьезных проблем. Для начала нужно было

определить, какой государственный орган и в каких хронологических рамках предстоит изучать.

Поскольку, согласно Конституции, вся власть в СССР принадлежала Советам, именно они были избраны в качестве предмета исследования. Учитывалась также актуальность вопросов советского строительства в условиях начавшейся после смерти Сталина либерализации политического режима в СССР. В те годы от высшего руководства страны исходили предложения о разграничении деятельности партийных и государственных органов, преодолении подмены функций Советов партийными органами соответствующего уровня. Совершенствование деятельности Советов рассматривалось тогда в качестве важнейшего направления развития демократии. С этой точки зрения особенно перспективным представлялось изучение работы местных Советов, непосредственно связанных с населением. Ю. С. Кукушкин сосредоточился на исследовании сельских Советов как наиболее массовых и многочисленных органов власти на местах. Было принято во внимание и еще одно немаловажное обстоятельство: в советской историографии в то время не было обобщающих научных трудов, посвященных деятельности местных Советов в 20–30-е годы.

Определяя хронологические рамки диссертации, аспирант стремился выбрать такой момент в жизни советской деревни, когда функции Советов как органов пролетарской диктатуры должны были проявиться особенно полно. Переломным периодом были годы сплошной коллективизации сельского хозяйства. Она в свою очередь рассматривалась как одно из трех направлений (наряду с индустриализацией и культурной революцией) строительства социализма в СССР. Именно в ходе «социалистического кооперирования» мелких крестьянских хозяйств роль местных Советов как низшего звена единой системы органов «диктатуры пролетариата» (так определялась сущность государства в период перехода от капитализма к социализму) должна была проявиться достаточно ощутимо и последовательно. В соответствии с принятыми тогда в общественных науках идеологическими и теоретическими постулатами функции Советов рассматривались по двум основным направлениям. Первое — хозяйственно-организаторское направление их деятельности, их вклад в налаживание работы колхозов, жизни и быта советских людей. Второе — подавление сопротивления ликвидируемых эксплуататорских классов, и прежде всего кулачества как наиболее многочисленного из них.

Когда молодой исследователь приступил к сбору материала для диссертации, ему пришлось выдержать первое серьезное испытание. Скончался профессор В. Ф. Шарапов, назначенный Ю. С. Кукушкину в

качестве научного руководителя. Вот когда особенно пригодились навыки самостоятельной работы, выработанные в предшествующие годы. На завершающем этапе подготовки диссертации Ю. С. Кукушкина консультировал профессор Г. Н. Голиков. Успешно защищенная в 1956 г. работа была рекомендована к печати и издана. Это было первое в советской историографии монографическое исследование деятельности сельских Советов в период коллективизации.

В мае 1956 г. кандидат исторических наук Ю. С. Кукушкин был зачислен на должность ассистента кафедры истории СССР советского периода. А 4 июля он в качестве комиссара студенческого отряда уехал на целину, на уборку урожая в совхозы Алма-Атинской области.

Приступив к педагогической работе, Юрий Степанович не прервал своих исследований. Особенно охотно он брался за подготовку таких изданий, которые не только вносили вклад в науку, но и могли быть широко использованы в учебном процессе. В самом начале работы на кафедре Кукушкин был включен в коллектив составителей аннотированного указателя мемуарной литературы «История советского общества в воспоминаниях современников 1917–1957 гг.», который увидел свет в 1958 г. Здесь ему потребовались навыки справочно-библиографической работы, привитые Зайончковским в студенческие годы. Работа над этой книгой способствовала углублению источниковедческой подготовки молодого специалиста, расширяла его кругозор как педагога.

Успешное начало педагогической деятельности было по достоинству оценено коллективом кафедры. В конце 50-х годов Ю. С. Кукушкина назначили заместителем заведующего кафедрой (им в то время был доцент М. И. Стишов). У него появилась возможность попробовать свои силы на новом административном поприще. Тем более что Стишов, чрезвычайно занятый завершением работы над своей докторской диссертацией, предоставил своему заместителю практически неограниченную свободу действий.

Спокойный, интеллигентный, доброжелательный стиль работы, хорошая внутренняя организованность и собранность позволяли Ю. С. Кукушкину решать возникающие вопросы без лишней спешки и суеты, не дергая по мелочам коллег по кафедре. Очень помогло в работе и его умение внимательно выслушивать мнения (порой противоречивые и даже противоположные) старших товарищей, учитывать их критические замечания. Хорошо изучив профессиональные и личные качества каждого члена коллектива, молодой заместитель заведующего сумел обеспечить сочетание интересов кафедры в целом с индивидуальными запросами и пожеланиями каждого из ее членов, причем так, что достоинства каж-

дого сотрудника проявлялись с максимальной полнотой, а недостатки — в минимальной степени. Конечно, опыт накапливается годами, не сразу все удавалось осуществить так, как задумывалось. Но все же в целом учебный процесс на недавно образованной кафедре был налажен четко. Рост профессионального мастерства и успехи в административной деятельности стали основанием для продвижения по службе: с февраля 1959 г. Ю. С. Кукушкин стал старшим преподавателем кафедры, а в сентябре 1961 г. — доцентом.

Умение хорошо организовать не только труд других, но и свой собственный позволило Юрию Степановичу не снижать интенсивности научных исследований. Их главной темой по-прежнему оставалась история местных органов советской власти. Однако параллельно Кукушкин начал изучать центральные органы государственной власти и управления. Его заинтересовала деятельность такого чрезвычайного органа, как Совет Рабочей и Крестьянской Обороны. Он был создан 30 ноября 1918 г. и осуществлял руководство работой всех советских, хозяйственных, военных и общественных организаций для обеспечения эффективного взаимодействия фронта и тыла. Деятельность этого органа была очень слабо отражена в отечественной историографии. Изучение образования и функционирования Совета Обороны Кукушкин начал с рассмотрения аспекта, по которому в то время имелось больше всего источников, — материалов о деятельности Ленина. В 1962 г. вышла в свет его брошюра «В. И. Ленин — председатель Совета Рабочей и Крестьянской Обороны». В дальнейшем автор продолжил изучение деятельности этого органа. Прежде всего он стремился расширить источниковую базу своего исследования за счет привлечения новых архивных документов, что в какой-то степени ему удавалось. Однако полностью реализовать свои научные планы Юрий Степанович не смог из-за ограниченного доступа к архивным материалам. Тем не менее, несмотря на все трудности, в 1969 г. была опубликована его работа «Совет Обороны», которая стала первым в отечественной историографии исследованием, дававшим целостное представление о работе этого органа. Оно позволяло судить о роли Совета Обороны в достижении победы над белогвардейцами и интервентами. Изучение деятельности государственных органов в период гражданской войны вывело Кукушкина на еще одну интересную тему — возникновение коммунистических субботников. Помимо ряда статей Юрий Степанович (в соавторстве с Д. К. Шелестовым) написал брошюру о «великом почине» русских рабочих в критический период войны.

И все же главным предметом его научных интересов по-прежнему оставалась история местных органов советской власти. Чтобы опреде-

лить наиболее актуальную проблематику и хронологические рамки своих будущих трудов, Юрию Степановичу нужно было критически оценить историографическую ситуацию, сложившуюся в изучении истории Советов. По его мнению, эта тема, представленная в основном пропагандистскими брошюрами, изданными к избирательным кампаниям и юбилейным датам, была одним из самых отстающих «участков» науки о советском строительстве. Перелом в изучении советского строительства наступил в 1957 г., когда было опубликовано более десятка научных статей. В последующие годы продолжали выходить статьи, появились и первые монографии о Советах. Однако в них доминировал историко-правовой подход: хорошо прослеживалось совершенствование законодательства об этих органах, но слабо отражалась их конкретная деятельность.

Ю. С. Кукушкин отметил также неравномерность освещения различных этапов деятельности Советов. Особенно «не повезло» первым годам нэпа, когда работа Советов перестраивалась применительно к условиям перехода от войны к миру и был выдвинут лозунг «оживления» их деятельности. Кроме того, в рамках одного периода в литературе была недостаточно отражена региональная специфика деятельности местных Советов, особенно на материалах союзных и автономных республик. Неравномерность изучения распространялась и на основные направления деятельности Советов. Слабо освещались хозяйственно-организаторские и культурные мероприятия, проводившиеся ими.

Критический анализ литературы по истории местных Советов помог Кукушкину четко сформулировать главную цель своего исследования — показать роль сельских Советов как органов диктатуры пролетариата со времени перехода к новой экономической политике до 1932 г., когда в пределах РСФСР (географическими рамками которой ограничился автор) произошла радикальная перестройка сельского хозяйства и был в основном ликвидирован класс кулачества. Помимо этого, изучение историографии помогло сформировать новые исследовательские задачи, решение которых могло помочь раскрыть роль Советов в укреплении союза рабочего класса с беднотой и середняками; осветить хозяйственно-организаторскую деятельность сельсоветов, а также идейно-воспитательную и культурную работу, проводившуюся ими.

Для написания своего труда Ю. С. Кукушкин привлек обширный круг исторических источников. Кроме основных видов опубликованных документов он тщательно изучил доступные ему материалы партийных и государственных архивов. В частности, им были использованы фонды различных отделов и секторов Центрального Комитета, а также Москов-

ского, Новосибирского и Томского областных комитетов партии. Много нового дали исследователю неопубликованные документы высших государственных органов (Президиума ЦИК и ВЦИК; Совнаркома СССР и Совнаркома РСФСР; Наркомзема и НКВД) — материалы различных комиссий по вопросам советского строительства, отчеты местных органов власти, обобщающие сводки о деятельности Советов на местах.

Характеризуя этот вид исторического источника, Кукушкин обратил внимание на хорошую сохранность материалов центральных органов советской власти и плохое состояние документов местных Советов, особенно сельских. Нехватка грамотных людей, бумаги, письменных принадлежностей — все это осложняло делопроизводство сельсоветов, а спустя десятилетия затруднило работу историка по их изучению.

Источниковая база работы была расширена и за счет материалов, редко вводимых тогда в научный оборот. Они были выявлены в Центральном архиве кинофотофонодокументов, музеях В. И. Ленина, М. И. Калинина, Музее Революции и некоторых краеведческих музеях, почерпнуты из воспоминаний участников описываемых событий. Кроме того, Кукушкин начал использовать и такой сложный для научной интерпретации источник, как художественные произведения. Особую информативную ценность для него имела литература, созданная членами Всероссийского общества крестьянских писателей, среди которых преобладали выходцы из крестьян, хорошо знавших сельскую жизнь.

Глубокий и всесторонний анализ вышеуказанных источников позволил Ю. С. Кукушкину подготовить к середине 60-х годов фундаментальное исследование «Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1923 гг.)». Принципиальные положения о классовой борьбе в период построения социализма изложены в книге в духе произведений Ленина и программных документов Коммунистической партии. Напомним, что Ленин выделял пять форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата, таких, как подавление сопротивления эксплуататоров; гражданская война как наиболее острая форма классовой борьбы; борьба за руководство крестьянством и другими непролетарскими слоями; борьба за использование буржуазных специалистов; борьба за создание новой дисциплины[1].

Это напоминание нелишне сегодня, когда в учебной литературе и публицистике взгляды лидеров большевиков излагаются упрощенно, в результате чего классовая борьба сводится только к первым двум из упомянутых форм. Автор исследования трактует это понятие широко и

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 262–264.

под этим широким углом зрения рассматривает функции сельских Советов как органов диктатуры пролетариата.

В работе отмечалось, что после разгрома основных сил белогвардейцев и интервентов накал классовой борьбы в стране снизился, однако она не прекратилась. Ее обусловливали сохранявшиеся социальные противоречия между рабочими, поддерживаемыми беднотой, и остатками эксплуататорских классов, самым многочисленным из которых было кулачество. Не прекращались и колебания середняка. Недовольный чрезвычайными мерами политики «военного коммунизма», ухудшением экономического положения в деревне, он в 1920–1921 гг. поддержал кулацкие вооруженные мятежи, охватившие ряд губерний Центральной России и Западной Сибири. Характеризуя размах крестьянских выступлений, Кукушкин указывал, что до конца 1922 г. 36 губерний РСФСР находилось на военном положении. Он одним из первых дал статистику крестьянских выступлений, напомнив при этом, что мятежники выступали за избрание Советов без коммунистов, созыв Учредительного собрания, обеспечение свободы торговли. В обращении Временного революционного комитета Кронштадта говорилось: «Мы боремся сейчас за свержение партийного ига, за подлинную власть Советов». Однако, как показано в исследовании, реальные дела восставших расходились с провозглашенными ими лозунгами. На захваченных мятежниками территориях происходил разгром местных органов советской власти, сопровождавшийся многочисленными кровавыми расправами не только с коммунистами, но и со всеми, кто их активно поддерживал. В некоторых случаях из зажиточных крестьян формировали новые Советы, но чаще всего восставшие не вспоминали о своих обещаниях и создавали эсеровские комитеты Союза трудового крестьянства, которые (согласно инструкции) «не избираются гражданами, а назначаются высшими революционными комитетами».

В данной работе хорошо отражено участие Советов всех уровней в борьбе с мятежниками. В охваченные мятежом губернии направлялись уполномоченные ВЦИК. Местные Советы организовывали отряды самообороны, в которых крестьяне несли сторожевую службу, оказывая содействие частям Красной Армии. Сельсоветы помогали крестьянам, пострадавшим от мятежников.

Конечно, содержащаяся в книге однозначная оценка причин этих мятежей и целей восставших как «кулацко-эсеровского бандитизма» сегодня подверглась существенной корректировке. Да и приведенные автором факты свидетельствуют о том, что у крестьян были основания для недовольства не только изжившей себя экономической политикой, но и функционированием тех органов власти, которые по Конституции долж-

ны были выражать интересы трудящихся. Между тем исследователь констатировал такие серьезные пороки в деятельности Советов, как бюрократизм, волокита, отсутствие гибкости, формализм, мешавшие крестьянам видеть в существовавших тогда Советах защитников своих интересов. Об отсутствии у Советов должного авторитета среди крестьян говорят и скромные результаты избирательных кампаний 1921 г., о чем пишет автор. Ведь именно по этой причине на протяжении 20-х годов потребовалось провести серьезную перестройку содержания, форм и методов функционирования Советов. Она осуществлялась под лозунгом «оживления деятельности Советов» и стала главным объектом внимания Ю. С. Кукушкина. Автор подробно рассмотрел рождение и развитие этого лозунга, стремление не допустить превращения всей деятельности по его проведению в жизнь в очередную кратковременную кампанию. На основе солидного архивного материала показана организационная перестройка системы Советов в конце восстановительного периода (1924–1927 гг.) и на этапе сплошной коллективизации сельского хозяйства. Специальный раздел труда посвящен движению городских рабочих, которое имело целью укрепить сельские Советы. Впервые подробно освещалась роль сельсоветов в организационно-хозяйственном укреплении победившего колхозного строя.

Самой драматической стороной сплошной коллективизации было раскулачивание. Автор придерживался принятой в то время в советской историографии трактовки этого явления как «лишения капиталистических элементов деревни производственных источников». Он отмечал, что инициатива ликвидации кулачества исходила от бедняцких слоев крестьянства. Советская власть стремилась придать этому процессу организованный характер, подвести под него правовую основу. Центральные партийные и государственные инстанции обращали внимание местных органов на нецелесообразность ликвидации кулачества до начала коллективизации в данном районе страны. М. И. Калинин, побывавший в те годы во многих местах РСФСР, отмечал, что органам власти «в 95 случаях из 100 приходится играть сдерживающую роль». В итоге в пределах РСФСР выселение основной массы кулаков в отдаленные районы было осуществлено в 1930–1932 гг.

Конечно, многие современные читатели не согласятся с объяснением и оценкой ряда исторических событий и явлений, идущими от принятых в то время идеологических схем. Однако приведенный автором конкретно-исторический материал помогает воссоздать сложную картину переплетения и преодоления классовых противоречий в российской деревне 20-х — начала 30-х годов. В этом отношении монография

Ю. С. Кукушкина, изданная в 1968 г., представляет большой научный интерес и сегодня. Собранный автором материал необходимо критически сопоставить со сведениями из новейших научных трудов. Это поможет преодолеть не только прежние заблуждения советских историков, но и односторонние трактовки прошлого нашей страны, даваемые современными исследователями и публицистами.

Еще одним направлением в освещении Ю. С. Кукушкиным истории Советов можно считать подготовку им персональных обобщающих работ (Исторический путь Советов в СССР. М., 1996) и его участие в коллективных монографиях, посвященных деятельности Советов за весь период их существования (Советы за 50 лет. М., 1967; и др.)[2].

Столь значительный объем опубликованных и подготовленных к печати трудов стал возможен еще и потому, что в 1962–1965 гг. Юрий Степанович перешел с должности доцента на должность старшего научного сотрудника, и его педагогическая нагрузка уменьшилась. В 1965 г. он вернулся на должность доцента. Тогда же в его биографии произошло важное событие — он был назначен заместителем декана исторического факультета по научной работе. Стать вторым человеком на истфаке (после декана факультета, каковым в то время был профессор И. А. Федосов) 36-летнему доценту позволили не только стремительный научный и педагогический рост, но и опыт административной работы, полученный на кафедре.

В 1967 г. Юрий Степанович защитил докторскую диссертацию «Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.)», а через год стал профессором кафедры истории СССР советского периода. График работы молодого профессора был предельно напряженным. Он включал полную педагогическую нагрузку, положенную профессору (чтение общего курса лекций для студентов III курса, руководство семинаром и спецсеминаром, дипломниками, аспирантами); плановую и внеплановую научную работу (в частности, в августе 1970 г. Ю. С. Кукушкин вошел в состав советской делегации, участвовавшей в XIII Международном конгрессе исторических наук и в дальнейшем принимал участие в последующих конгрессах). В сферу постоянных обязанностей заместителя декана входили организация научных исследований, проводившихся на факультете, организация научных конференций и Ломоносовских чтений, руководство аспирантурой, курирование деятельности созданного

[2] И поныне, когда после ликвидации Советов значительная часть исследователей отказалась в угоду новой конъюнктуре от изучения их истории, Ю. С. Кукушкин остается верен этой проблематике.

в 1968 г. факультета повышения квалификации преподавателей университетов и педагогических вузов. Сколько больших и малых проблем, возникавших постоянно и порой неожиданно, приходилось решать в те годы Юрию Степановичу! Упомянем лишь об одной из них. В 1970 г. завершалось строительство нового здания гуманитарных факультетов на Ленинских горах. Коллектив истфака готовился к переселению. Ю. С. Кукушкин активно участвовал в организации работ по переезду факультета с улицы Герцена на Ленинские горы. Вспоминается одна важная деталь, дающая представление о личных качествах Юрия Степановича как руководителя. В том году на проводимых традиционно субботниках и воскресниках шла упаковка книг и оборудования кафедр и кабинетов. Студенты-третьекурсники, к числу которых принадлежал в то время и автор этих строк, прослушав лекцию профессора Кукушкина по истории СССР в Большой Тихомировской аудитории, через день-два снова встречались с ним на субботнике или воскреснике, где он работал вместе со всеми.

В новом здании занятия начались 1 сентября 1970 г. Первый (после переезда) учебный год проходил в многочисленных хлопотах для руководителей всех подразделений факультета: нужно было обжиться на новом месте. Именно тогда (25 февраля 1971 г.) по предложению ректора МГУ академика И. Г. Петровского деканом исторического факультета стал профессор Ю. С. Кукушкин, а в 1977 г. Юрий Степанович был также избран заведующим кафедрой отечественной истории XX в. (прежнее название — кафедра истории СССР советского периода).

Ю. С. Кукушкин возглавил факультет в сложное для страны время. В те годы историки ощутили прессинг насаждавшейся сверху концепции «развитого социализма»; под флагом борьбы с очернительством отечественной истории свертывались исследования, в которых критиковался сталинский режим: подвергались разгромной критике и гонениям ученые, стремившиеся при объяснении противоречивых явлений прошлого выйти за жесткие рамки догматических схем, утвердившихся в науке; затруднялся и без того ограниченный доступ исследователей к архивным источникам. Тем не менее частичная реабилитация жертв сталинских репрессий и продолжавшееся (хотя и замедленное) введение в научный оборот новых источников, расширение методических возможностей работы с ними (в том числе и с помощью ЭВМ) позволили обеспечить поступательное развитие исторической науки по ряду направлений отечественной истории.

Влияние политической атмосферы в стране столь же неоднозначно сказалось на содержании научных трудов и учебных пособий, написанных Ю. С. Кукушкиным или выходивших под его руководством. Оно

заметно, в частности, в его брошюре «Советы в развитом социалистическом обществе» (М., 1976) и написанной им в соавторстве с О. И. Чистяковым книге «Очерк истории советской Конституции» (М., 1980; 2-е изд. М., 1987). В них собран, систематизирован и доходчиво изложен интересный материал, привлекший тогда внимание читателей к этим обобщающим работам. Однако данная автором интерпретация исторических событий и явлений отразила достижения и недостатки теоретико-методологических основ исторического познания, характерных для доперестроечного периода. Сказанное относится и к серии учебников для исторических и юридических факультетов вузов[3], а также для старших классов средней школы[4], в написании и редактировании которых принимал участие Юрий Степанович. В момент выхода в свет они находились на уровне, достигнутом тогда советской исторической наукой, и оказали несомненную пользу студентам вузов и учащимся школ. Вместе с тем идущий от директивных партийных документов однозначный формационно-стадиальный подход, с позиций которого интерпретировался фактический материал, ограничил срок службы вышеупомянутых (как, впрочем, и всех других) учебников по отечественной истории XX века периодом своего безраздельного господства в исторической науке (примерно до конца 80-х годов).

В начале 70-х годов кафедра истории СССР советского периода под руководством профессора В. М. Селунской (заведующая кафедрой с 1967 по 1977 г.) приступила к изучению социальной структуры советского общества. Подключился к исследованию этой проблемы и Ю. С. Кукушкин. Его особенно интересовала роль политики Советского государства в преобразовании социально-классовой структуры СССР, что нашло отражение в двухтомной коллективной работе кафедры, одним из авторов и редакторов которой стал Юрий Степанович[5]. В то же время, изучая историю образования СССР, он касался темы национальной политики и национальных отношений. После образования при кафедре отечественной истории XX века лаборатории по истории межнациональ-

---

[3] История государства и права СССР. Ч. II. М., 1971; История СССР. Эпоха социализма. М., 1974; История СССР. Эпоха социализма: Учебник для студентов университетов. М., 1985; История государства и права СССР. Ч. II. М., 1986.

[4] История СССР: Учебник для девятого класса средней школы. М.: Просвещение, 1982 (переиздан в 1986 г.); История СССР: Учебник для десятого класса средней школы. М.: Просвещение, 1984 (переиздан в 1986 и 1988 гг.).

[5] Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917 — 1920. М., 1976; Изменение социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х гг. М., 1979.

ных отношений ему довелось быть автором и редактором ряда тематических сборников, статей и выступлений по этой проблеме, увидевших свет в 90-е годы[6]. Недавно под редакцией и с предисловием Юрия Степановича вышел сборник документов «Государство российское: власть и общество» (М., 1996), в котором собраны важнейшие источники, позволяющие вырабатывать основы современных концепций по этой кардинальной проблеме отечественной истории.

Следующим новым направлением научной деятельности Ю. С. Кукушкина стало изучение методологии и истории исторической науки. С 1977 г. под его редакцией начало публиковаться периодическое издание «Вопросы методологии и истории исторической науки», с большим интересом встреченное научной общественностью.

В наше бурное время, работая в качестве декана, Кукушкин сумел создать в коллективе спокойную, деловую, творческую атмосферу. За повседневными заботами он стремился не упустить стратегические направления в развитии факультета, прежде всего совершенствование его структуры. В 70–80-е годы на истфаке были созданы новые научные подразделения — лаборатория истории русской культуры (на базе одноименного кабинета), лаборатория истории русского города, преобразованная затем в лабораторию истории национальных отношений XX в., лаборатории американистики и исторической информатики, этносоциологическая лаборатория, оснащенные новейшей техникой. Все они организационно подкрепили наиболее актуальные и перспективные направления исторической науки.

Декан заботился также об улучшении работы уже существующих кафедр, лабораторий и кабинетов. Здесь одна из самых неотложных задач состояла в пополнении их молодыми специалистами, в соблюдении преемственности в кадровом составе. Для проведения занятий по тем предметам, которые не могли быть обеспечены силами штатных преподавателей, привлекались видные ученые из академических институтов и ведущих вузов. Особенно труднорешаемой в этом случае была подчас проблема оплаты труда совместителей. Однако могли возникать и трудности иного рода. Привлекая к работе совместителей, Ю. С. Кукушкин ориентировался прежде всего на их научную и педагогическую квалификацию и, если она была достаточно высока, не останавливался перед приглашением на истфак ученых, которые в то время подвергались

[6] О концепции национальной политики в Российской Федерации / Под. ред. Ю. С. Кукушкина. М., 1992; Русский народ: историческая судьба в XX веке. М., 1993; Представительная власть: Специальный выпуск по материалам конференции «Многонациональная Россия: История и современность». М., 1998.

официальной критике. Об этом, в частности, вспоминал в своем последнем интервью журналу «Отечественная история» (1997. №6) академик П. В. Волобуев, ставший в 60-е годы одним из создателей «нового направления» в исторической науке. В марте 1973 г. в отделе науки ЦК КПСС состоялось совещание, на котором «новое направление» было охарактеризовано как «ревизионистское». После этого Волобуев (в то время член-корреспондент Академии наук СССР) был уволен с поста директора Института истории СССР АН СССР как «несправившийся с работой». По настоянию «сверху» его потребовали исключить из состава ученых советов, и, как впоследствии вспоминал сам П. В. Волобуев, «только декан истфака МГУ проф. Ю. С. Кукушкин, проявив гражданское мужество, не подчинился этому указанию».

Декану неоднократно приходилось участвовать в подборе достойных кандидатур на должность руководителей историческими и языковыми кафедрами. Особенно трудно решалась эта проблема в тех случаях, когда у коллектива той или иной кафедры не было единого мнения о наиболее предпочтительном заведующем и нужно было искать квалифицированного специалиста со стороны.

Следующим важным направлением в деятельности декана являлось руководство учебно-методической работой. Своевременное обновление учебных планов и программ, контроль за обеспечением читаемых курсов учебниками и учебными пособиями (в ходе которого приходилось регулировать сложные проблемы взаимоотношений с издательствами), решение многочисленных вопросов, связанных с проведением учебной практики и экспедиций, — все это входило в круг повседневных забот Ю. С. Кукушкина. Как председатель приемных комиссий исторического факультета, он внимательно следил за работой по набору студентов на первый курс, придавая ей большое значение.

Высокий научный и методический уровень занятий, проводимых на факультете, позволил ему стать признанным учебно-методическим центром высшего исторического образования в стране. В декабре 1975 г. на базе истфака МГУ состоялось I Всесоюзное совещание заведующих кафедрами всеобщей и отечественной истории, археологии и этнографии университетов и институтов культуры. На основе организационных структур совещания позже было создано Учебно-методическое объединение (УМО) исторических факультетов университетов, во главе которого стал истфак.

Высокий авторитет крупнейшего в стране исторического факультета, первоклассного научного и учебного центра не ограничивается пределами нашего государства. В рассматриваемый период истфак под-

держивал обширные международные связи. Особенно тесные контакты установились между ним и историческими факультетами университетов стран социалистического содружества. В декабре 1972 г. по инициативе и на базе исторического факультета МГУ состоялся I Международный семинар по проблемам преподавания истории СССР в университетах социалистических стран. Такие семинары проводились периодически вплоть до конца 80-х годов.

Разрядка международной напряженности в первой половине 70-х годов создала благоприятную общественно-политическую атмосферу для расширения контактов с ведущими университетами капиталистических стран. С тех пор профессора из США, Франции, Германии, Японии и других государств мира часто приезжают к нам для чтения лекций и обмена научной информацией, подготовки совместных научных трудов и координации научных исследований.

Сам Юрий Степанович неоднократно выезжал за рубеж для проведения переговоров и подписания соглашений о сотрудничестве, а также для чтения лекций по истории России и СССР, истории российской и советской государственности, по актуальным проблемам теории и методологии исторической науки, проблемам высшего исторического образования. Его лекции слушали студенты университетов Великобритании, США, Японии, Индии, Болгарии. Он является почетным доктором Софийского университета им. К. Охридского (Болгария) и Токийского университета Соко (Япония). Ряд научных трудов, учебников и научно-популярных работ Ю. С. Кукушкина был издан на английском, немецком, французском, испанском, португальском и японском языках в нашей стране и за рубежом.

Большая и плодотворная исследовательская, педагогическая и организационная деятельность Юрия Степановича получила широкое признание научной общественности. В 1979 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1987-м — действительным членом АН СССР (ныне РАН). С тех пор свою разностороннюю работу в университете он совмещает с активной деятельностью как член Академии наук. Многие годы Ю. С. Кукушкин является членом бюро отделения истории, где отвечает за сотрудничество РАН с высшей школой; ряд лет был заместителем академика-секретаря отделения истории и заместителем председателя Национального комитета российских историков. Большую работу Ю. С. Кукушкин вел как заместитель председателя научной секции Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами. В частности, по его инициативе происходили периодические научные встречи российских и португальских, российских и испанских историков, в которых

принимали участие ученые нашего факультета. Не менее плодотворной была его деятельность и в качестве вице-президента и члена бюро Международной комиссии по истории университетов. Кроме того, с 1975 по 1988 г. Ю. С. Кукушкин входил в состав редколлегии журнала «Вопросы истории», с 1990 г. до настоящего времени является членом редколлегии журнала «Отечественная история», а с 1979 г. — главным редактором журнала «Вестник Московского университета» (серия «История»). Ю. С. Кукушкин награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и рядом медалей. Он является лауреатом премии им. М. В. Ломоносова I степени. В числе первых на историческом факультете он удостоен почетного звания «Заслуженный профессор Московского университета».

В июне 1996 г., несмотря на неоднократно звучавшие пожелания коллег возглавить факультет на очередной срок, Юрий Степанович оставил пост декана. Однако он по-прежнему активно участвует в жизни факультета и университета, являясь членом факультетского и университетского советов, возглавляет кафедру отечественной истории XX в., Совет по защите докторских диссертаций и входит в состав Специализированного совета по защите кандидатских диссертаций.

Несмотря на напряженную административную и научно-организационную работу, Юрий Степанович никогда не ограничивал себя в том, что считает своим главным призванием, — в педагогической работе. Он постоянно читает общий курс лекций студентам третьего года обучения, расширяет тематику спецкурсов, руководит работой общего (кафедрального) спецсеминара, осуществляет научное руководство дипломниками, аспирантами, стажерами. За годы своей работы на историческом факультете он подготовил 12 докторов и 40 кандидатов наук. Более 100 выпускников факультета успешно защитили под его руководством дипломные работы.

Коллектив исторического факультета МГУ, ученики, коллеги и друзья академика Ю. С. Кукушкина сердечно поздравляют его с юбилеем и желают ему доброго здоровья и долгой плодотворной научной и педагогической деятельности.

С. А. Байбаков

Возникновение и развитие советской государственности

Т. А. Сивохина

РОЛЬ ВЦИК В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (НОЯБРЬ 1917 — ЯНВАРЬ 1918 г.)

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) — один из высших государственных органов Советской России, центральное звено нового государственного механизма, был сформирован на II Всероссийском съезде Советов 27 октября 1917 г.[1] Совместно с Совнаркомом он возглавил советскую власть и приступил к созданию государства пролетарской диктатуры, к созданию принципиально новой политической системы общества.

В трудах отечественных исследователей — историков[2] и правоведов[3] уделено значительное внимание начальному периоду деятельности ВЦИК. Опираясь на большой фактический материал и сообразуясь с концептуальными установками своего времени, авторы осветили такие вопросы, как правовое положение ВЦИК II созыва и его место в системе высших органов власти, участие ВЦИК в социально-экономических преобразованиях общества, его партийный состав и борьба фракций при обсуждении важнейших законодательных актов. В 90-е годы повысился интерес ученых к проблеме складывания новой российской государственности после революционных событий 1917 г.[4], однако деятельность ВЦИК в этой области не стала предметом специального исследования. В дан-

---

[1] Все даты приводятся по старому стилю.

[2] См., напр.: *Покровский А. С.* Значение протоколов Президиума ВЦИК для изучения государственного строительства (ноябрь 1917 — июль 1918 гг.) // Источниковедение истории советского общества: Сб. ст. М., 1964; *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства. М., 1965; *Разгон А. И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977; *Сивохина Т. А.* Политические партии в послеоктябрьской России: сотрудничество и борьба. М., 1995; и др.

[3] См.: *Федоров К. Г.* ВЦИК в первые годы Советской власти. 1917–1922 гг. М., 1957; *Клеандрова В. М.* Организация и формы деятельности ВЦИК (1917–1924 гг.). М., 1968; *Кореневская Е. И.* Становление высших органов советского государственного управления. М., 1975; История государства и права СССР. 2-е изд. М., 1981. Ч. II; и др.

[4] См., напр.: *Булдаков В. П.* Имперство и российская революция // Отечественная история. 1997. №2; *Устина Л. Н.* Городские думы в 1917 году (на материалах Самарской, Саратовской и Симбирской губерний): Дис. ...канд. ист. наук. Самара, 1998; История отечественного государства и права. Ч. 2. М., 1998. Данный вопрос интересует также и зарубежных, в частности американских, исследователей. См., напр.: *Розенберг У.* Формирование новой российской государственности // Отечественная история. 1994. № 1.

ной статье сделана попытка рассмотреть место и роль ВЦИК в процессе становления советской государственности в период между II и III Всероссийскими съездами Советов, т. е. с момента его формирования и начала деятельности до принятия в январе 1918 г. конституционных актов, определивших положение ВЦИК как высшего законодательного, распорядительного и контролирующего органа в Советской России.

ВЦИК II созыва был сформирован как орган многопартийный. В числе его депутатов находились представители партий большевиков (62 мандата), левых эсеров (29), соц.-дем. интернационалистов (6), украинских социалистов (3) и эсеров-максималистов (1). В отечественной историографии утвердилась точка зрения, что высший государственный орган был создан в соответствии с «Положением», утвержденным предшествующим (первым) Всероссийским съездом Советов. Это утверждение справедливо лишь отчасти. Присутствовавшие на последнем заседании II Всероссийского съезда представители политических партий направили во ВЦИК, как и предусматривалось в § 6 (п. «а») названного «Положения», своих депутатов на основе пропорционального представительства. Но большинство других пунктов «Положения» не было выполнено: во ВЦИК не вошли представители руководящих центров ряда социалистических партий[5], а также посланцы крупных областей и районов, армий фронта и флота, Совета профессиональных союзов, Всероссийских железнодорожного и почтово-телеграфного союзов. Вместе с тем съезд принял постановление, предусматривающее возможность пополнения ВЦИК представителями крестьянских Советов, армейских организаций и ушедших со съезда политических партий[6]. Нарушение правил при избрании ВЦИК II созыва явилось одной из причин обвинения его лидерами правосоциалистических партий в «непредставительности» и «неправомочности».

В дни работы межпартийного совещания по вопросу о формировании коалиционного правительства[7] одним из предметов обсуждения стал состав ВЦИК. Правые эсеры и меньшевики предложили создать взамен ВЦИК Временный Народный Совет из представителей действующе-

---

[5] В «Положении» (§ 6, п. «а») говорилось о необходимости включения во ВЦИК представителей центральных органов следующих партий и организаций: меньшевиков, большевиков, эсеров, трудовиков и независимых социалистов, Бунда, латышских социал-демократов, соц.-дем. Польши и Литвы, ППС-Левицы и соц.-дем. интернационалистов (Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 62–63).

[6] Съезд покинули фракции правых эсеров, меньшевиков и Бунда.

[7] Речь идет о совещании, организованном Всероссийским исполнительным комитетом профсоюза железнодорожников (Викжель) с целью создания вместо СНК нового правительства — из представителей всех социалистических партий.

го органа власти и ЦИК I созыва, Всероссийского Совета крестьянских депутатов, самоуправлений Москвы и Петрограда, всероссийских профессиональных объединений. Принятие этого предложения означало бы потерю большевиками доминирующего положения во ВЦИК, поскольку руководство в указанных организациях принадлежало правым социалистам. Вопрос о ходе переговоров при Викжеле рассматривался на заседании ВЦИК в ночь с 1 на 2 ноября 1917 г. Фракция большевиков предложила депутатам принять резолюцию, в которой были сформулированы условия пополнения ВЦИК. Включение в него представителей всероссийских профсоюзных организаций, Всероссийского Совета крестьянских депутатов и других организаций (войсковых, городских), говорилось в резолюции, возможно при условии и только после их перевыборов. В. Володарский, обосновывая позицию большевиков в этом вопросе, утверждал, что допущением представительства во ВЦИК городских дум «уничтожается самая сущность принципа власти Советов»[8].

В данной статье мы не касаемся истории межпартийной борьбы, развернувшейся во ВЦИК в связи с рассмотрением и принятием резолюции «Об условиях соглашения социалистических партий»; этот вопрос достаточно подробно освещен в исторической литературе[9]. Заметим лишь, что с прекращением работы межпартийного совещания при Викжеле переговоры о расширении состава высшего органа государственной власти продолжались. Во второй половине ноября — начале декабря 1917 г. ВЦИК был пополнен представителями от воинских частей и флота, ВЦСПС, от Викжеля и почтово-телеграфного союза. Численность депутатов превысила, по нашим подсчетам, 370 человек; среди них находились представители не менее 12 политических партий: большевиков (49,5%), левых эсеров (30%), эсеров-максималистов, правых эсеров, соц.-дем. интернационалистов, меньшевиков, ППС-Левицы и др.

Различие программных установок представленных во ВЦИК партий и организаций, разное понимание депутатами сущности задач и путей дальнейшего развития России предопределили острую политическую борьбу в нем при обсуждении важнейших вопросов, связанных с процессом становления новой российской государственности. Все противники идеи пролетарской диктатуры оказались в оппозиции политике правящей партии; возглавили оппозицию соц.-дем. интернационалисты.

Важнейшие законодательные акты, направленные на коренную ломку старого государственного механизма и создание новых управлен-

---

[8] Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполн. Комитета Советов Р., С., Кр. и Каз. Депутатов II созыва (далее — Протоколы заседаний ВЦИК II созыва). М., 1919. С. 12.

[9] См., напр.: *Разгон А.И.* Указ. соч. С. 131–167.

ческих структур, утверждались благодаря численному преобладанию большевиков. В период правительственного соглашения с партией левых эсеров, заключенного во второй половине ноября, представители ПЛСР поддерживали, хотя и с оговорками, политическую линию большевиков.

В ходе практической работы сформировалась структура ВЦИК, более четко определились его место и обязанности в системе нового государственного механизма. Были созданы рабочие органы — отделы и комиссии (постоянные и временные); каждый отдел имел двух руководителей — от фракций большевиков и левых эсеров. Вся подготовительная работа к пленарным заседаниям, юридическое и редакционное оформление документов возлагались на Президиум, численность и состав которого изменялись в зависимости от численного состава депутатов и соотношения партийных фракций.

Ведущим направлением деятельности ВЦИК являлось законотворчество. Оно было определено решениями II Всероссийского съезда Советов, предусматривавшими переход всех прав съезда (после окончания его работы) к новому полномочному органу — ВЦИК. Не случайно в первом принятом депутатами документе — резолюции «Всем Совстам, всем рабочим, солдатам и крестьянам» ВЦИК характеризовался как «новый полномочный руководящий орган», как «высший орган революционной диктатуры» [10]. Тем самым депутаты официально заявили о ВЦИК как об учреждении, в обязанности которого входит законотворчество. Законодательными функциями был наделен также и Президиум верховного органа — в тех случаях, когда созыв пленарных заседаний оказывался по каким-либо причинам невозможным[11].

Депутаты выполняли свои обязанности (утверждение документов, рассмотрение важнейших вопросов внутриполитической и внешнеполитической жизни, обсуждение депутатских запросов и т.д.), собираясь на пленарные заседания. Периодичность пленумов в разные периоды деятельности ВЦИК была различной. 13 декабря 1917 г. Президиум постановил собирать пленумы два раза в неделю; этот порядок сохранялся до окончания срока полномочий ВЦИК II созыва.

В официальных документах, в выступлениях депутатов — и большевиков, и представителей оппозиции — высший государственный орган именовался иногда парламентом. Так, в резолюции ВЦИК, подготовленной фракцией большевиков и принятой 4 (17) ноября, говорилось: «Советский парламент не может отказать Совету Народных Комиссаров в

[10] Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. С. 4.

[11] Там же. С. 19.

праве издавать неотложные декреты без предварительного обсуждения Центральным Исполнительным Комитетом в рамках общей программы Всероссийского съезда Советов»[12]. Вциковская оппозиция использовала в своей деятельности некоторые формы парламентской борьбы, такие, например, как заявления, декларации, запросы к членам правительства и даже — в качестве протеста — уход с пленарных заседаний.

Однако «советский парламент» в лице ВЦИК имел некоторые особенности. Во-первых, в нем были представлены лишь социалистические партии и демократические организации. В силу этого он, будучи «представительным учреждением», отражал интересы не всего, а лишь части российского населения. На этот момент обращалось внимание и в упомянутой выше резолюции. «Советский парламент рабочих масс, — говорилось в ней, — не может иметь ничего общего по своим методам с буржуазным парламентом, где представлены разные классы с противоположными интересами и где представители правящего класса превращают регламент и наказ в орудие законодательной обструкции»[13].

Другой особенностью «советского парламента» было совмещение в его руках законотворчества и контроля за выполнением законов. Кроме ВЦИК обязанностями законодательного, исполнительного и административного органа был наделен Совет Народных Комиссаров. Такой подход к основам формирования двух высших государственных структур отразил правовые и политические взгляды лидеров правящей партии, их стремление порвать с «традициями буржуазного парламентаризма», с принципом отделения законодательной работы от исполнительной[14].

В первые недели существования ВЦИК отсутствовало четкое разграничение обязанностей между ним и Советом Народных Комиссаров. В принятом на II съезде Советов декрете об образовании правительства шла речь лишь о контрольных функциях ВЦИК по отношению к Совнаркому и о его праве смещать народных комиссаров. Активная законодательная работа СНК в первые послеоктябрьские дни, издание им декретов без санкции ВЦИК вызывали протесты депутатов. Фракции левых эсеров и соц.-дем. интернационалистов несколько раз обращались к председателю Совнаркома с запросом по поводу издания правительством постановлений без предварительного рассмотрения и утверждения их во ВЦИК. 17 ноября по требованию левых эсеров был принят «Наказ» о взаимоотношениях ВЦИК и Совнаркома. В нем подтверждались ответ-

---

[12] Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 44.

[13] Там же.

[14] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 73.

ственность правительства перед ВЦИК и право последнего утверждать правительственные законодательные акты. Была закреплена практика отчетности наркомов перед членами ВЦИК о проводимой ими работе. «Наказ» явился одним из первых правовых документов, регулирующих взаимоотношения двух высших государственных органов. Позднее III Всероссийский съезд Советов (январь 1918 г.) в резолюции «О федеральных учреждениях Российской Республики» подтвердил принцип ответственности правительства перед ВЦИК. Одновременно за Совнаркомом сохранились его законодательные функции.

В центре внимания Совнаркома и ВЦИК на начальном этапе их деятельности находилась работа по ликвидации старых государственных учреждений (Государственного совета, министерств и др.)

На пленарных заседаниях ВЦИК II созыва было принято 49 законодательных актов[15], значительная часть которых была направлена на уничтожение прежнего аппарата власти и на создание нового механизма государственного управления. Так, декретом об уничтожении сословий и гражданских чинов (10 ноября 1917 г.) упразднялся институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства. 16 ноября после бурных дебатов ВЦИК одобрил правительственный декрет о роспуске Петроградской думы.

Значительное внимание высший законодательный орган власти уделял предстоящим выборам и созыву Учредительного собрания. В руках ВЦИК сосредоточилась вся подготовительная работа к его открытию: здесь были утверждены правительственное постановление о проведении выборов в Собрание в назначенный срок, декреты о праве отзыва делегатов и «Об аресте вождей гражданской войны против революции», а также решение о созыве III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и Чрезвычайного крестьянского съезда. 22 декабря ВЦИК принял, невзирая на возражения оппозиции, резолюцию большевистской фракции с заявлением о поддержке высшим органом власти того Учредительного собрания, которое станет на сторону трудящихся, поддержит внутреннюю политику и внешнеполитический курс правительства[16]. На заседании ВЦИК в ночь с 3 на 4 января 1918 г. рассматривался порядок открытия Учредительного собрания и была утверждена Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. 6 января депутаты ВЦИК одобрили правительственный декрет о роспуске Учредительного собрания, поставив тем самым последнюю точку в послеок-

---

[15] См.: *Покровский А. С.* Указ. соч. С. 74.

[16] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 277.

тябрьской политической борьбе за утверждение власти высших органов государства диктатуры пролетариата.

На пленарных заседаниях ВЦИК обсуждались законопроекты, связанные с организацией новых учреждений общегосударственного характера. Так, 2 декабря 1917 г. депутаты приняли декрет СНК о создании Высшего совета народного хозяйства. ВСНХ учреждался при Совнаркоме как центр по руководству экономической жизнью страны. Ему предстояло подготовить переход от рабочего контроля к национализации промышленности и транспорта, а позднее — осуществлять планирование, регулирование и организацию всего народного хозяйства[17]. При обсуждении вопроса о составе ВСНХ оппозиционно настроенная часть депутатов настаивала на включении в него представителей торгово-промышленной буржуазии (требование соц.-дем. интернационалистов) и крестьянства (пожелание левых эсеров). Левые эсеры пытались также добиться переподчинения ВСНХ от Совнаркома Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету. После длительных прений декрет был утвержден в первоначальной редакции, предложенной правительством.

Одобрение депутатов получили законопроекты, разработанные в Наркомате по делам просвещения и направленные на создание новых учреждений в сфере культуры — Государственного совета по заведованию музеями и дворцами республики и Госиздата. На первый из них возлагалось руководство российскими музеями (к 1917 г. их насчитывалось свыше 150), учет и охрана художественных ценностей; Госиздату вменялось в обязанность издание учебной литературы, сочинений русских классиков и т.д. Однако образование Госиздата затянулось: он был создан лишь в 1919 г. на базе издательских отделов ВЦИК, Московского и Петроградского Советов.

Важное место в работе ВЦИК II созыва занимала деятельность по формированию нового государственного механизма управления в губерниях и уездах. В соответствии с постановлением II Всероссийского съезда Советов вся власть на местах переходила в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы получили право прямого общения с правительством. Именно Советам надлежало стать проводниками политики новой власти. ВЦИК совместно с Совнаркомом и Наркоматом внутренних дел оказывал помощь в формировании новых органов самоуправления. В его составе был образован иногородний отдел для установления контактов с местными Советами (позднее, в целях ликвидации параллелизма в работе, его передали в ведение НКВД). Для разъяс-

[17] Там же. С. 172–174.

нения правительственных декретов и контроля за их исполнением представители ВЦИК направлялись на постоянную или временную работу в провинцию. Только в ноябре 1917 г. 40% от депутатов высшего органа были командированы в крупные промышленные центры и в воинские части[18]. В числе командированных находились представители разных партийных фракций — большевики, левые эсеры, соц.-дем. интернационалисты; списки лиц, рекомендуемых фракциями для работы в армии и в провинции, предварительно утверждались Президиумом ВЦИК. В реквизированном для нужд ВЦИК издательстве «Биржевые ведомости» печатались правительственные циркуляры для последующей их отправки в местные Советы.

Высшие органы новой власти, учитывая знания и опыт работников прежних самоуправлений в административных, финансовых и хозяйственных делах, не стремились форсировать упразднение городских дум и земств. Примечательно, что на первом заседании ВЦИК 27 октября 1917 г. было одобрено правительственное постановление, в соответствии с которым расширялись права органов городского самоуправления в решении продовольственного вопроса. Намечаемые ими в этой области меры не требовали утверждения представителями новой власти и вступали в действие немедленно. В случае противодействия продовольственной политике органов городского самоуправления виновные лица могли быть подвергнуты тюремному заключению либо конфискации имущества[19].

Местным Советам рекомендовалось всемерно использовать аппарат прежних хозяйственных и финансовых учреждений. «Все чиновничьи канцелярии и управления, — говорилось в редакционной статье одного из номеров газеты «Известия ВЦИК», — будут продолжением или, вернее, исполнительным органом в общих делах соответствующего отдела Совета Раб., Солд. и Кр. Депутатов»[20]. В соответствии с постановлением ВЦИК был создан Наркомат по местному самоуправлению (18 декабря 1917 г.). В его задачу входило объединение деятельности всех городских и земских учреждений[21].

В ряде губерний возникли и успешно действовали коалиционные органы власти, в которых сотрудничали представители Советов и местных дум. Однако сочетание в одной государственной структуре органов

---

[18] См.: *Разгон А.И.* Указ. соч. С. 34.

[19] Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. С. 6.

[20] Известия ВЦИК. 1917. 15 ноября.

[21] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 251.

пролетарской диктатуры и дооктябрьской государственности не могло продолжаться долго: судьба буржуазных городских и земских учреждений была предрешена постановлениями II Всероссийского съезда Советов. В ноябре 1917 г., как уже говорилось, была объявлена контрреволюционной и распущена Петроградская городская дума; ее судьбу разделили Московская, Саратовская и другие городские думы. Как правило, местные Советы сами решали вопрос о роспуске прежних органов самоуправления, что вызывало многочисленные жалобы во ВЦИК. Некоторые из них обсуждались на заседаниях Президиума ВЦИК. Так, например, 3 января 1918 г. Президиум ВЦИК рассмотрел жалобу Витебского земства на работников упразднившего его Совета; было постановлено отослать жалобу в Витебский Совет.

Роспуск Учредительного собрания — учреждения, родственного по своей классовой природе думам и земствам, — активизировал деятельность Советов по ликвидации прежних органов самоуправления. К лету 1918 г. на местах утвердилось полновластие губернских, уездных и волостных Советов; Наркомат по местному самоуправлению был упразднен.

С законотворческой деятельностью ВЦИК конца 1917 — начала 1918 г. связан начальный этап становления новой правовой системы в Советской России. 22 ноября 1917 г., после неоднократного обсуждения на пленумах ВЦИК (а несколько ранее — на заседаниях Президиума), был принят правительственный Декрет о суде (№ 1).

В соответствии с декретом были ликвидированы действовавшие в стране судебные установления — судебные палаты и Правительствующий Сенат, окружные, военные и морские суды; упразднялся институт мировых судей. Вместо них должны были создаваться новые («революционные», как говорилось в декрете) органы судопроизводства. Отменялись прежние законы, которые находились в противоречии с принятыми ВЦИК декретами, в то же время местным судам разрешалось пользоваться «законами свергнутых правительств», если те не противоречили «революционной совести и революционному правосознанию»[22].

Декрет о суде был принят, невзирая на резкие возражения против его утверждения со стороны левых эсеров.

Несовершенство Декрета о суде, неразработанность многих его статей затрудняли пользование им, вызывали резкую критику со стороны специалистов-правоведов. Новое «Положение о суде», принятое спустя неделю после утверждения декрета, ввело запрет на использование прежнего законодательства. Отныне главным критерием в работе предста-

[22] Там же. С. 124–126.

вителей судебных органов являлось их «революционное правосознание». Очевидная нелепость сложившегося положения заставила наркома по делам юстиции левого эсера И. З. Штейнберга выступить с предложением отменить Декрет о суде (№ 1). Его предложение поддержано не было. В связи с этим работники Наркомюста были вынуждены срочно дорабатывать и расширять важнейшие положения закона. О ходе подготовки и содержании созданного на его основе Декрета о суде (№ 2) И. З. Штейнберг информировал членов ВЦИК. Утвержден Декрет был ВЦИКом III созыва в феврале 1918 г.

Начавшаяся ломка сложившейся системы судопроизводства, упразднение действовавших судебных установлений имели одним из своих последствий скопление большого количества неоконченных и нерассмотренных дел. В связи с этим 29 декабря ВЦИК принял постановление «О направлении неоконченных дел упраздненных судебных установлений». Согласно декрету, все нерешенные дела — гражданские и уголовные — передавались избранным заново местным судами в другие инстанции[23].

С деятельностью ВЦИК II созыва связано складывание новых принципов системы правоохранительных органов. По настоянию депутатов было отменено распоряжение главнокомандующего по обороне Петрограда М. А. Муравьева об охране общественной безопасности, согласно которому охрана города возлагалась на революционных рабочих, солдат и матросов. По рекомендации ВЦИК для охраны общественного порядка началось формирование рабоче-крестьянской милиции (постановление было принято Наркоматом внутренних дел 28 октября 1917 г.).

В начальный период существования ВЦИК возникло еще одно направление его деятельности, связанное с развитием межнациональных отношений. В конце 1917 г. депутаты несколько раз обращались к вопросу о взаимоотношениях с Украиной, объявившей себя Народной Республикой (УНР) и заявившей о независимости от Советской России. 8 декабря на совместном заседании ВЦИК и Совнаркома было принято «Воззвание к украинским рабочим, солдатам и крестьянам, ко всему народу Украины»; в нем содержался призыв к переизбранию Центральной Рады и борьбе за переход власти на Украине в руки Советов[24]. Спустя несколько дней депутаты одобрили позицию Совнаркома по отношению к Украинской Раде.

---

[23] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 294–296.

[24] Там же. С. 191.

К началу 1918 г. в Советской России были заложены основы нового государственного механизма управления. В центре и на местах (там, где установилась советская власть) действовали новые государственные учреждения, ставшие базисом деятельности формирующейся политической системы. Складывались новые принципы системы судопроизводства и охраны общественного порядка. III Всероссийский съезд Советов, работавший с 10 по 18 января 1918 г., своим решением о слиянии Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов законодательно закрепил создание единой системы Советов как формы российской государственности.

Съезд принял несколько документов, связанных с национальным и государственным строительством, в частности Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В статье 1-й первого раздела декларации Россия объявлялась республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а Советы — полновластными органами власти в центре и на местах. В числе главных задач советской власти были названы: ликвидация деления общества на классы и установление его социалистической организации. Документ провозгласил федеративный принцип устройства государственного единства России. Подтверждались принятые Совнаркомом декреты о земле, о национализации банков, о рабочем контроле и другие. В декларации было записано положение о создании Красной Армии рабочих и крестьян и полном разоружении имущих классов. Она впервые официально зафиксировала ограничение прав имущих классов, их исключение из политической жизни страны.

Была принята резолюция «О федеральных учреждениях Российской республики», в которой подтверждалось положение декларации об учреждении Российской Социалистической Советской Республики на основе добровольного союза народов России, как федерации советских республик этих народов. Высшим органом государственной власти в пределах федерации провозглашался Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. В обязанности съезда входило, в частности, избрание правительства республики и ВЦИК, за которым сохранялись функции высшего законодательного и исполнительного органа власти между съездами. Все текущие дела на местах должны были решаться местными Советами.

Конституционные акты, утвержденные на III Всероссийском съезде Советов, имели важное значение в законодательном оформлении складывающейся советской государственно-правовой системы, в дальнейшем развитии новой государственности.

Д. Л. Заитовецкий, В. М. Севурская

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФЕДЕРАЦИЙ

После Октябрьской революции 1917 г. на территории бывшей империи были созданы три федерации — Российская и Закавказская, а также Союз ССР. Все они были многонациональными государствами, и это определило цель и способы их создания. Каждое из трех федеративных государств должно было стать государственной формой разрешения национального вопроса.

Рассматривая только одно из этих государств — Советский Союз, американский исследователь федерализма Дэниел Елазар дает свою характеристику возникновения данного федеративного государства. «После революции 1917 года, — пишет он, — Россия выбрала федеративное государственное устройство как единственно возможную форму сохранения старой империи под большевистским порядком»[1]

Это суждение, очевидно вопреки воле его автора, содержит признание двух важных факторов, имеющих историческую значимость. Первый — после Октябрьской революции в России была создана новая форма государственного устройства — федерация, которую не могла использовать и применить царская Россия; второй — эта федерация, созданная в результате революции, была единственно возможной формой строительства нового государства, обеспечившей его жизнеспособность.

Думается, что опыт великого федеративного государства — Советского Союза, жизнедеятельность которого продолжалась почти семьдесят лет, имеет непреходящую историческую и политическую ценность не только для Российской Федерации, которая объявила себя преемницей Союза ССР, но и для других федеративных государств, желающих в новых исторических условиях, в соответствии с волей своего народа, творчески использовать данный опыт.

Опыт федеративного государства — Советского Союза может и должен исследоваться учеными для более глубокого, философского понимания правовой природы федерализма в целом, а равно новой сущности данной федерации, созданной впервые в мировой истории как государственное средство разрешения национального вопроса в многонациональном государстве.

---

[1] *Elazar D.* Exploring Federalism. The University of Alabama Press., 1991. P. 131.

Союз Советских Социалистических Республик был создан на первом Съезде Советов СССР, происходившем 30 декабря 1922 г. Создание Союза ССР было одним из последствий великой революции. Именно эта революция вызвала к жизни исполинскую энергию десятков и сотен миллионов рабочих, крестьян, интеллигенции нескольких поколений, которая была направлена на преобразование отсталой, аграрной страны, какой была до революции Россия, в передовое промышленное государство. Союз ССР в последующие годы стал одной из двух сверхдержав в мировом сообществе.

Занимая огромную территорию — 21 миллион кв. км, обладая весьма развитыми производительными силами — мощной экономикой, характеризующейся высоким уровнем развития многих отраслей промышленности и сельского хозяйства, — огромным запасом самых разнообразных природных богатств, народы Советского Союза создали могущественное федеративное государство, основанное на новых принципах, неизвестных ранее истории.

Народы Советского Союза одновременно с этой федерацией создали также новое общество, которое фактически представляло собой новую мировую цивилизацию.

Советский Союз как федерация нового типа не возник внезапно, точно Минерва из головы Юпитера. Его создание было подготовлено развитием в течение пяти лет (октябрь 1917 г. — декабрь 1922 г.) федеративных связей, вызванных к жизни самой историей — интервенцией почти полутора десятка государств против Советской России и гражданской войной, разрушенным вследствие этих событий народным хозяйством страны, отсутствием дипломатического сотрудничества России и других республик с мировым сообществом.

Советский Союз представлял собой федерацию нового типа: принципами ее строительства стали добровольность объединения республик, их равноправие и национальный принцип.

Добровольность объединения в федерацию выражалась в том, что Союз ССР был создан на основе свободно выраженной воли народов каждой независимой республики, выразителем которой явился высший представительный орган государственной власти республики. Советская федерация — Союз ССР был построен на основе взаимного доверия наций, на их добровольном стремлении к союзу, к созданию общего государства.

Добровольность объединения союзных республик в Союз ССР обеспечивалась тем, что в составе этого государства каждая нация была суверенной и равноправной. В этом выражалась *политическая гарантия*

добровольного объединения республик, создававшая реальную возможность свободного волеизъявления для любой нации. Вместе с тем добровольность объединения союзных республик в одно федеративное государство — Союз ССР обеспечивалась *юридической гарантией* — правом свободного выхода из Союза. Это право закреплялось во всех трех конституциях СССР — 1922, 1936 и 1977 гг.

Между тем некоторые современные федеративные государства — США, Германия, Швейцария — создавались, как известно, с помощью силы. Пользуясь силой оружия, обманом, покупая за доллары огромные территории, создавали властные органы американскую федерацию. В 1803 г. Соединенные Штаты Америки за 15 миллионов долларов купили у Франции Луизиану, в 1819 г. купили у Испании Флориду. В результате войны с Мексикой 1845–1848 гг. США захватили почти половину всей ее территории — Техас, Новую Мексику и Калифорнию. Федеративный строй США окончательно утвердился силой оружия в результате гражданской войны 1861–1865 гг.

В результате войн, происходивших в прошлом веке, возникли и некоторые другие союзные государства. Так, германская федерация возникла как монархическая (1871–1918) после разгрома Австрии и победы Пруссии в войне с Францией. В результате гражданской войны 1847 г. против семи католических кантонов возникла Швейцарская федерация.

Принцип равноправия субъектов федеративного государства — Союза ССР означает, что все субъекты этой федерации — союзные республики обладают равными правами по всем вопросам государственного строительства независимо от величины своей территории, количества населения, уровня развития экономики. Этот принцип также был закреплен во всех трех конституциях Союза ССР.

Равноправие союзных республик выражалось в том, что каждая республика имела одинаковую с другими компетенцию, свою конституцию, принимаемую и изменяемую Верховным Советом республики. Равноправие республик, далее, выражалось в том, что каждая республика обладала правом свободного выхода из СССР; территория ни одной республики не могла быть изменена без ее согласия; союзная республика имела свое республиканское гражданство и обладала правом приема в него, при этом каждый гражданин союзной республики являлся одновременно и гражданином СССР; каждая союзная республика независимо от величины своей территории и количества населения избирала одинаковое число депутатов в Совет Национальностей — одну из палат Верховного Совета СССР, представлявшего интересы союзных республик и тем самым выражавшего федеративную природу СССР.

Равноправие союзных республик выражалось и в том, что каждая союзная республика имела своего представителя в высших государственных органах Союза ССР: в Президиуме Верховного Совета СССР, в состав которого входил Председатель Президиума Верховного Совета союзной республики; в Совете Министров СССР в лице Председателя Совета Министров союзной республики; наконец, в Верховном Суде СССР, в который входил Председатель Верховного Суда союзной республики.

Думается, что приведенные фактические данные о равноправии союзных республик, содержавшиеся в Конституции СССР, а равно в конституциях союзных республик и неуклонно проводившиеся в жизнь, в практику государственного строительства, представляют собой доказательство их одинакового статуса как субъектов федеративного государства — Союза ССР.

Однако в литературе о федерации при характеристике Союза ССР как федеративного государства встречаются иные суждения о равноправии союзных республик.

«Существование большого государства, — писал американский ученый Д. Елазар, — доминирующего над меньшими государствами, с которыми оно официально состоит в равных федеративных отношениях, зачастую является главной причиной неудачной попытки осуществления федерализма... Даже при отсутствии доминирующей роли Коммунистической партии, само существование Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, занимающей три четверти территории и включающей в себя три пятых всего населения СССР, исключало возможность сохранения подлинно федеративных отношений в этой стране»[2].

Д. Елазар, по-видимому достаточно поверхностно изучив факты о Советском Союзе как федеративном государстве нового типа, ставит его в один ряд с другими федерациями. Правильно отмечая, что в германской федеративной империи (1871–1918 гг.) господствующую роль играла Пруссия, а другие субъекты федерации фактически, на практике обладали ничтожными правами, он затем данную характеристику переносит на советскую федерацию.

Американский ученый, видимо, не знает того, что, хотя Российская Федерация по размеру своей территории была в 570 раз больше Армении, а по численности населения превосходила ее в 46 раз, обе эти республики обладали в федеративном государстве — Союзе ССР равными правами, о которых уже было сказано.

---

[2] *Elazar D.* Op. cit. P. 170.

Такое положение было возможным потому, что Союз ССР в реальной действительности был федерацией нового типа, неизвестной ранее истории.

Это выразилось и в уникальной, выдающейся исторической акции Российской Федерации в отношении других союзных республик. Пять союзных республик — Узбекская, Туркменская[3], Таджикская, Киргизская и Казахская — ранее составляли территорию РСФСР; они возникли в результате национально-государственного размежевания республик Средней Азии, в котором участвовала Туркестанская АССР, входившая в состав Российской Федерации. В результате этой акции территория РСФСР уменьшилась почти на 4 млн кв. км. Так, Российская Федерация, руководствуясь подлинно братским отношением к другим нациям, бескорыстно помогала им строить свою национальную государственность, в том числе в виде одинаковых с ней по статусу союзных республик.

Национальный принцип построения означает, что субъектами федерации — Союза ССР были национальные государства — союзные республики. Построение федерации по национальному принципу было осуществлено впервые в мировой истории, фактически почти одновременно с РСФСР. Федерация в этих условиях явилась одним из могучих средств разрешения национального вопроса в Союзе ССР.

Русские ученые и политические деятели в начале XX столетия были твердо уверены в том, что никакая федерация не может разрешить национальный вопрос. Видный русский государствовед А. С. Ященко, всю свою жизнь исследовавший проблемы федерации во всем мире и создавший фундаментальный труд, посвященный федерализму, утверждал в начале XX столетия, что никакая федерация не может решить национальный вопрос[4], а создать *в России* федерацию, построенную по национальному признаку, совершенно невозможно.

Накануне Октябрьской революции такую же точку зрения высказывал один из основателей и лидеров кадетской партии, принадлежавший к ее правому крылу, министр во Временном правительстве Керенского, русский государствовед Ф. Ф. Кокошкин. «Я считаю, — писал он, — что построение российской федерации, основанной на начале национального разделения, представляет задачу государственного строитель-

[3] Особенность Узбекской ССР и Туркменской ССР состояла в том, что они не были автономными республиками; в результате национально-государственного размежевания Средней Азии Узбекская ССР и Туркменская ССР возникли сразу же как союзные республики.

[4] См.: *Ященко А. С.* Теория федерализма. Юрьев, 1912. С. 392.

ства, практически неосуществимую»[5]. По его мнению, создать федерацию на основе национального принципа — «это значит практически, как бы ни обстояло дело формально, разбить Россию на куски, а потом попробовать эти куски склеивать в федерацию»[6].

Между тем, вопреки этим предсказаниям, три федерации в нашей стране были созданы именно по национальному принципу, — Российская Федерация, Союз ССР и Закавказская Федерация.

Существенная особенность развития национальных отношений в нашей стране заключается в том, что Союз ССР представляет собой многонациональное государство, насчитывающее более ста наций и народностей.

Обобщающая картина, дающая конкретное представление об их количественной характеристике, содержится в материалах Всесоюзной переписи населения 1979 г.[7]

Согласно этим материалам[8], в нашей стране имеется 104 нации, народности[9] и национальные группы[10]. При этом примерно половину данного количества составляют крупные нации и народности. Это относится к 52 из них; в свою очередь 22 насчитывают более одного миллиона, составляя 96,2% населения, а еще у 30 численность населения составляет от 100 тыс. до 1 млн, составляя 3,4% населения. На всех остальных приходится 0,4%.

Следует обратить внимание на то, что среди национальностей СССР имеется 12 национальных групп, нации которых находятся за его пре-

---

[5] *Кокошкин Ф. Ф.* Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 14.

[6] Там же. С. 29.

[7] Думается, что следует пользоваться именно этой переписью, после которой жизнедеятельность Союза ССР продолжалась еще двенадцать лет, а не последней — 1989 г., когда до его разрушения оставалось всего два года.

[8] Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. (Табл. 13. Распределение населения СССР по национальности и языку). М., 1984. С. 71–73.

[9] В материалах переписи названы 104 национальности. Необходимо при этом принимать во внимание, что в указанное количество входят пять мелких народностей Севера, каждая из которых составляет менее тысячи человек. Вместе с тем в рубрике «другие национальности» насчитывается более 66 тыс. человек.

[10] Понятие «национальная группа» обычно используется для характеристики осколков наций и народностей, по разным причинам оторванных от них. В нашей стране это понятие применяли к компактно проживающим группам людей, нации которых находились за пределами СССР; оно применимо также к группам людей, проживающих вне своего национального государства, другой формы национальной государственности.

делами. Это немцы, поляки, корейцы, болгары, греки, венгры, румыны, турки, финны, персы, чехи, словаки[11]. При этом две из них превышают 1 млн: немцы составляют почти 2 млн — 1 млн 936 тыс.; поляки — более 1 млн — 1 млн 151 тыс. Две наименьшие национальные группы — это чехи (18 тыс.) и словаки (10 тыс.).

Таким образом, как свидетельствуют приведенные данные, в СССР было более 100 наций, народностей и национальных групп. При этом примерно половина из них, а именно 52 нации, народности, национальные группы, составляют вместе 99,6% всего населения.

Эти данные необходимо сопоставить с имевшимися в СССР формами национальной государственности. В состав Советского Союза входило 53 национальных государства и национально-государственных образования. В их числе 35 национальных государств — 15 союзных и 20 автономных республик, а также 18 национально-государственных образований — 8 автономных областей и 10 автономных округов.

Некоторые из указанных форм национальной государственности объединяли две или несколько наций и народностей; таковыми, например, тогда были: Дагестанская Автономная Республика с ее более чем десятком народностей, Кабардино-Балкарская Автономная Республика, Чукотский и Корякский автономные округа. Учитывая эти многонациональные формы, следует подчеркнуть, что в целом не менее 80 наций и народностей, включая примерно 30 малых, имели в СССР либо национальное государство — союзную или автономную республику, либо национально-государственное образование в виде автономной области либо автономного округа.

Одним из важнейших и решающих условий возникновения различных форм национальной государственности в СССР было то, что универсальное право наций на самоопределение в результате творчества народных масс, учета конкретных исторических условий было облечено в различные формы. Другими словами, каждая из форм национальной государственности возникла потому, что право наций на самоопределение было претворено в жизнь в различных формах; в свою очередь появление различных форм национальной государственности народов СССР зависело от целого ряда конкретных исторических, экономических причин и условий. К их числу относится прежде всего неодинаковая степень экономического и культурного развития многочисленных наций и народностей Советского Союза. Некоторые народы не прошли до Октябрь-

[11] Данный перечень национальных групп приведен соответственно убывающей численности их населения – от наиболее значительной до самой малой.

ской революции капиталистического развития, они сохранили патриархально-родовой или полупатриархальный общественный строй; это Башкирия, отдельные народы Северного Кавказа, большая часть Азербайджана, Киргизия, Казахстан.

Создание различных форм национальной государственности наряду с целым рядом указанных факторов вызвано также волею данной нации или народности, свободой их творчества в государственном строительстве. В строительстве и развитии национальной государственности важную роль играет количественный состав нации или народности, создавшей национальное государство или иную форму национальной государственности.

Все формы национальной государственности неразрывно связаны друг с другом. При этом в каждой из них, естественно, кроме коренной нации или народности, давшей ей имя, имеются и другие нации или народности. Такое положение вытекает из многонационального характера федеративного государства — Союза ССР. В свою очередь многонациональный характер этой федерации привел к тому, что национальные государства — союзные и автономные республики — также, как правило, являются многонациональными, хотя, разумеется, отнюдь не в одинаковых количественных пределах.

При этом разумеется, что в создании и развитии национальной государственности важную роль играет количественный состав нации или народности, создавшей национальное государство или иную форму национальной государственности.

Опыт государственного строительства свидетельствует о том, что даже в союзных республиках, согласно упоминавшимся материалам переписи населения 1979 г., коренная нация составляет либо абсолютное большинство населения, как это имело место в 13 союзных республиках, либо относительное большинство — в Киргизии либо уступает относительное большинство другой нации, как это имело место в Казахстане.

Анализируя эту практику государственного строительства, один из исследователей федеративного государства — Союза ССР И. М. Кислицын сделал следующий категорический вывод: «Право на свою национальную государственность в форме союзной республики имеет только тот народ, который на занимаемой им территории составляет компактное большинство населения, при этом не относительное, а абсолютное»[12]. Исходя из этого, две союзные республики — Казахскую и Кир-

[12] *Кислицын И. М.* Вопросы теории и практики федеративного строительства Союза ССР. Пермь, 1969. С. 118.

гизскую, не имеющих абсолютного большинства национального населения, автор предлагал преобразовать в автономные[13].

Непродуманный, поверхностный взгляд автора по важнейшему вопросу жизнедеятельности федерации, а равно его предложения противоречили практике государственного строительства. И хотя со времени формулирования вопроса о национальном составе союзной республики прошло много лет, обращение к нему и в настоящее время имеет существенное значение для понимания природы отечественного федерализма.

Автор не учитывал два фактора. Во-первых, возможность изменения в национальном составе населения в будущем в сторону его увеличения. Если, по материалам переписи населения 1979 г., киргизы составляли в своей республике 47,9%, т. е. относительное большинство населения, то уже в 1985 г. количество киргизов в республике превысило 50%, а в декабре 1987 г. оно было равно почти 53% всего населения Киргизской ССР[14].

Во-вторых, автор, вероятно, не знал, каков был национальный состав населения Казахской Автономной Республики в 1936 г., когда она была преобразована в союзную республику: эти данные содержались в переписи населения 1939 г., материалы которой не публиковались[15], а по данному вопросу впервые увидели свет лишь в 1967 г.[16] Между тем в 1936 г., когда Казахская АССР была преобразована в союзную республику, казахи не составляли большинства населения республики. Более того, по данным переписи населения 1939 г., их было 37,8%[17], а это в свою очередь означает, что казахи в то время не составляли не только абсолютного, но и относительного большинства населения Казахской Республики: русских в том же году в Казахстане было 39,8%[18].

Но дело не только в национальном составе союзных республик. Если обратиться к другим формам национальной государственности,

---

[13] Там же. С. 118–120.

[14] Кыргызстан маданияты 1987, 17 декабря. С. 6.

[15] Материалы переписи населения 1939 г. содержались в архиве Центрального статистического управления при Совете Министров СССР (далее — ЦСУ при СМ СССР) и были опубликованы более чем через пятьдесят лет после проведения переписи.

[16] Данные о национальном составе Казахской АССР в 1936 г., содержащиеся в материалах переписи населения 1939 г., были впервые опубликованы в кн.: *Златопольский Д. Л.* СССР — федеративное государство. М., 1967. С. 252.

[17] Архив ЦСУ при СМ СССР. 1939. Д. 206. Л. 98.

[18] Там же.

например к автономным республикам и автономным округам, то национальное большинство населения в них еще более редкое явление. Так, из 20 АССР, по данным переписи 1989 г., только в 7 коренная нация составляла абсолютное большинство населения: от многонациональной Дагестанской АССР, где ее народности составляли 80,1%, до Северо-Осетинской, где осетины составляли 52,9%; после Дагестана следуют по убывающей: Чечено-Ингушская (70,7), Чувашская (67,6), Каракалпакская (64,8), Тувинская (64,2), Кабардино-Балкарская (57,5).

Наконец, в 8 автономных республиках нация, имя которой они носят, составляла меньшинство от почти десяти процентов (9,9) в Карельской Республике до одной трети (33,3%) в Якутской; а между этими крайностями — Аджарская (17,3), Башкирская (21,9), Коми (23,3), Бурятская (24,3), Удмуртская (30,0), Мордовская (32,5)[19].

Так обстоит дело с национальным составом автономных республик. Еще большее удивление может вызвать национальный состав другой формы национальной государственности — автономных округов. В конце 70-х годов он представлял собой следующее. Только в двух из них, Коми-Пермяцком и Агинском Бурятском, в первом пермяки, а во втором буряты составляют абсолютное большинство населения округа (соответственно 61,3 и 51,9%). В восьми остальных автономных округах коренная народность составляла меньшинство. Ее количество колебалось от 34,4% бурятов в Усть-Ордынском Бурятском до 3,03% хантов и манси (вместе 17,3 тыс. человек) в Ханты-Мансийском автономном округе[20]. Такой национальный состав автономных республик и автономных областей кардинально отличался от национального состава всех существовавших союзных республик.

В 90-е годы, после опубликования ряда переписей населения Советского Союза, впервые возникла возможность изучить проблему динамизма движения наций союзных республик: в 8 из них — за 50 лет, а в 7, состоявших в СССР более продолжительное время, — за 60 лет, начиная с первой переписи населения СССР 1926 г. Для решения этой выдающейся по своей значимости проблемы отечественного федерализма были использованы материалы всех шести переписей населения Советского Союза — первой в 1926 г., затем переписей 1939, 1959, 1970, 1979 и, наконец, 1989 гг.

---

[19] Тогда еще была единая Чечено-Ингушская Республика; впоследствии их стало две – Чеченская и Ингушская.

[20] Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. С. 84–88.

В итоге на основании использования многочисленных источников[21] была составлена сводная таблица «Национальный состав населения союзных республик (нация, давшая наименование республике, — в процентах)»[22]; тем самым впервые в развитии федеративного государства — Союза ССР предпринята попытка раскрыть проблему движения наций в субъектах этой федерации почти за все время ее жизнедеятельности, длившейся около 70 лет (декабрь 1922 — декабрь 1991 г.).

Национальный состав населения союзных республик, как это можно видеть из упомянутой таблицы, является уникально стабильным. И это несмотря на то, что миграция населения внутри Советского Союза распространялась на десятки миллионов людей.

Вместе с тем следует отметить, что в 10 союзных республиках за указанный ряд десятилетий за это время произошло увеличение национального состава населения: от 0,3% в Литве (в этой и в других республиках данные переписи населения имеются с 1959 по 1989 г.) до 19,5% в Азербайджане (с 1926 по 1989 г.), а также существенно возросло русское население: в РСФСР (с 1926 по 1989 г.) на 8%, в Армении на 10,3%. В то же время численность основного населения, давшего имя государству, уменьшилось только в пяти союзных республиках: от 13,1% в Эстонии; 9,6% в Латвии (обе с 1959 г.); 7,3 — на Украине; 2,8 — в Белоруссии (обе с 1926 г.) до 1% в Молдавии (с 1959 г.). Все приведенные данные позволяют сформулировать следующий вывод.

Данная особенность союзной республики — уникальная устойчивость ее национального состава — является достоянием 1989 г., она не могла стать известной ранее, например 30 или 50 лет тому назад. Только после указанного года, в том числе и теперь, на основе учета полувековой, а равно 65-летней практики государственного строительства, возникла возможность оценить значение этой особенности союзной республики.

Рассмотрение различных форм национальной государственности, в особенности автономных республик и автономных округов, с позиций их национального состава свидетельствует о том, что в большинстве из них коренная нация или народность не составляет даже относительного большинства населения, а нередко находится в меньшинстве. То обстоятельство, что в СССР его руководящими кругами

---

[21] В процессе этой работы были использованы тома VIII–XI и XIV–XVII переписи 1926 г., а также архивы ЦСУ при СМ СССР с неопубликованными материалами переписи населения 1939 г.

[22] ***Златопольский Д. Л.*** Государственное единство Российской Федерации: некоторые проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Право. 1991. № 5. С. 10–12.

никогда (ни одного раза!) даже не ставился вопрос об упразднении хотя бы одной такой формы национальной государственности, свидетельствует о внимательном, бережном отношении к любому, в том числе и к самому малому, народу, имеющему свою форму национальной государственности. Это проявление истинного великодушия и демократизма Советского Союза, который не только отечественные ученые, но и выдающиеся мыслители всего мира справедливо называли новой мировой цивилизацией.

Все это бесспорно свидетельствует о том, что Союз ССР — великое федеративное государство, объединившее в своем составе еще две федерации — Российскую и Закавказскую, создавшее более пятидесяти форм национальной государственности с присущими им неповторимыми красками и оттенками, на деле стало государственной формой разрешения национального вопроса — одной из самых трудных проблем в жизни общества.

Подобно Советскому Союзу и Российской Федерации, весьма существенную, решающую роль в решении национального вопроса в Закавказье сыграла Закавказская Федерация, в состав которой вошли три республики — Грузия, Армения и Азербайджан.

В Закавказской Федерации, к моменту ее создания в 1922 г., в Грузии, Армении и Азербайджане было 45 наций, национальных групп и народностей; таковы были данные единственной переписи населения, проведенной в России до революции[23].

Создание Закавказской Федерации было вызвано необходимостью совместного решения Грузией, Арменией и Азербайджаном крупных государственных задач: совместной защиты от возможного нападения агрессивных государств; необходимостью преодоления хозяйственной разрухи; острой потребностью борьбы с крайним обострением национальных взаимоотношений в этих республиках в результате хозяйничанья в них, до установления здесь советской власти, буржуазно-националистических правительств: муссаватистов в Азербайджане, дашнаков в Армении и меньшевиков в Грузии.

Буржуазное Временное правительство России активно поддерживало армянских, грузинских, азербайджанских националистов в их стремлении создать великую Армению — от Эривани до Ростова, великий Азербайджан — до персидского Тавриза, великую Грузию, что еще больше

---

[23] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, проведенной 28 января 1897 г. Т. II. СПб., 1905. С. 38–55.

усиливало национальную вражду на Кавказе. Председатель Советского правительства Азербайджана, выступая на первом Съезде Советов республики, говорил, что, находясь в 1917 г. в Тифлисе, где он читал лекции, он был «приглашен во дворец, где Ной Жордания, Ной Рамишвили и Гегечкори, рассматривая географическую карту, возмущались полученным из Петербурга известием о том, что там уже работают дашнаки и с цифрами в руках доказывают необходимость создания великой Армении, начиная от Эривани до Ростова. В Петербурге был даже поставлен вопрос о Тифлисе: армянский он или грузинский город»[24].

Буржуазные «национальные» правительства, господствовавшие три года в Закавказье, вызвали хозяйственную разруху, отравили сознание народов ядом буржуазного национализма.

12 марта 1922 г. в Тифлисе на полномочной конференции представителей высших органов государственной власти республик был принят Договор об образовании Федеративного Союза Социалистических Республик Закавказья[25].

В договоре указывалось, что союз основан на праве наций на самоопределение и признании независимости и суверенности объединяющихся республик. Это было добровольное объединение равноправных республик, имевшее целью тесное военное, политическое и экономическое сотрудничество. Вместе с тем в договоре в основных чертах определялась система государственных органов Федеративного Союза, порядок их создания и полномочия.

13 декабря 1922 г. была принята Конституция Закавказской Федерации. Она состояла из двух разделов: Декларации об образовании ЗСФСР и Договора об образовании ЗСФСР. В декларации были сформулированы цели объединения.

Договор состоял из десяти глав, в которых излагались основные положения Конституции ЗСФСР. В отличие от субъектов Российской Федерации, субъекты Закавказской Федерации обладали правом выхода из ЗСФСР. Однако, согласно Конституции, выход из Закавказской Федерации республики мог быть осуществлен только по решению высшего органа Федерации (ст. 1). Первый съезд Советов Закавказья преобразо-

---

[24] Государственный архив Азербайджана. Ф. 379. Оп. 16. Д. 3. Л. 21.

[25] В ноябре 1921 г. высшие государственные органы Азербайджана приняли решение о желательности вхождения Дагестана в Закавказскую Федерацию (Государственный архив Азербайджана. Ф. 379. Оп. 7. Д. 45. Л. 9). Однако это предложение не было осуществлено по ряду причин: одна из них состояла в том, что Дагестан был автономной республикой, а в состав Закавказской Федерации вошли суверенные республики.

вал ранее созданный Федеративный Союз в Закавказскую Федерацию; это было сделано в принятой им Конституции.

Необходимо отметить, что в многонациональной Закавказской Федерации существовало несколько автономных единиц, которые были созданы в Грузии и Азербайджане; при этом в каждой из указанных республик имелась политическая форма автономии — автономное государство в виде автономной республики, а также административная форма автономии — автономная область. В Грузии было две автономных республики, Абхазская и Аджарская, и одна автономная область, Южно-Осетинская. В Азербайджане — одна автономная республика, Нахичеванская, и одна автономная область, Нагорно-Карабахская, которая много лет спустя, после упразднения Закавказской Федерации, по требованию проживающего в ней армянского народа была преобразована в автономную республику.

Создание автономных форм национальной государственности в республиках, входящих в состав Закавказской Федерации, также активно способствовало разрешению в ней национального вопроса.

Закавказская Федерация за удивительно короткий срок своей жизнедеятельности — четырнадцать лет, — с декабря 1922 до декабря 1936 г., успешно решила все стоявшие перед ней задачи. Неудивительно поэтому, что при принятии новой, второй Конституции СССР в 1936 г. Закавказская Федерация прекратила свое существование; при этом Армения, Азербайджан и Грузия вошли в состав Союза ССР в качестве трех суверенных союзных республик. Особо выдающейся заслугой народов трех республик, составлявших Закавказскую Федерацию, было решение национального вопроса.

А это означало, что от периода господства в Закавказских республиках буржуазно-националистических правительств, когда, по словам одного исследователя данного периода, люди «жгли и резали друг друга», не осталось и следа. Народы трех республик не только установили мир, но между ними сложилась братская дружба, которая явилась надежной основой успешного решения всех созидательных задач этих народов.

Так Закавказская Федерация стала государственной формой разрешения национального вопроса.

Таким образом, совершенно очевидно, что все три федерации — Союз ССР, Российская и Закавказская, — а равно существование в Советском Союзе более 50 форм национальной государственности в течение почти 70 лет всемерно способствовали укреплению братской дружбы всех народов СССР.

Дружба народов Советского Союза была столь крепкой, что даже Гитлеру и его политикам не удалось посеять рознь и вызвать национальную вражду, в том числе и на тех советских территориях, которые были ими оккупированы в течение нескольких лет. И последующее развитие советской федерации, казалось, не предвещало никаких потрясений. Но такой взгляд на будущее оказался несостоятельным. Зловещая угроза национализма и шовинизма появилась в СССР в период перестройки.

Неудивительно поэтому, что, как полагают отдельные исследователи, национализм в нашей стране возник в результате разрушения СССР, неизменно выступавшего вдохновителем и организатором дружбы народов.

Исторические факты, однако, свидетельствуют о том, что возникновение и развитие национализма и шовинизма в СССР представляло собой значительно более сложное явление. Необходимо отметить, что ядовитые семена национализма были посеяны в первые годы так называемой перестройки, когда во главе партии и государства стоял М. С. Горбачев.

М. Горбачев, как Генеральный секретарь ЦК КПСС и одновременно как Президент СССР, никаких мер по борьбе с национализмом и шовинизмом ни по линии партии, ни по государственной линии не принимает. В результате если в 1988 г. единственным местом вооруженных столкновений был Нагорный Карабах, то в 1989 г. возникло уже несколько таких очагов, в том числе и вооруженных столкновений в Закавказье и Средней Азии. Примерно так обстояло дело до конца 1991 г., когда Союз ССР был разрушен.

Когда после разрушения СССР возникло пятнадцать суверенных государств, вооруженные конфликты между народами резко возросли: началась национальная война между союзными республиками — Азербайджаном и Арменией из-за автономной республики Нагорный Карабах, находящейся в составе Азербайджана, но где большинство населения составляют армяне.

В Грузии война велась против двух малых народов, входивших в ее состав: сначала против осетин, имевших в составе Грузии свою Южно-Осетинскую автономную область; сразу после окончания этой войны новый Президент Грузии Э. Шеварднадзе начал другую войну против небольшого народа — абхазов, имеющих в составе Грузии свою автономную республику. Эта жестокая война, длившаяся в течение многих месяцев, несмотря на численное превосходство грузинских вооруженных сил, окончилась победой Абхазии: оккупанты были изгнаны с ее

территории. Значительную роль в этой победе сыграл героизм абхазского народа и братская поддержка многих народов Северного Кавказа, сражавшихся на стороне абхазских вооруженных сил.

Особо следует сказать о войне в Чечне. Эта кровавая война России против небольшой республики, в прошлом автономной, длилась около двух лет. Обе воюющие стороны называли эту войну подлой. Эта война беспримерна по своему варварству: была полностью разрушена столица республики — город Грозный, многие десятки сел и других населенных пунктов; число убитых и раненых с каждой стороны до сих пор не предается гласности — остается неизвестным. Нет также сведений о количестве военнослужащих и гражданских лиц, взятых чеченцами в заложники. По материалам газеты «Вашингтон пост», около половины населения республики, а оно составляет без ингушей около миллиона человек, стали беженцами.

Вскоре после этого в отечественной прессе появились некоторые данные о зловещих итогах данной войны. За полтора года в Чечне погибло 3 тыс. российских солдат, 60 тыс. мирных жителей; вместе с тем, 100 тыс. людей оказались искалеченными в результате полученных ранений[26].

Наконец, несколько слов о политике российских властей и руководства Чечни по вопросу об этой кровавой войне. За последние три года Государственная Дума приняла по чеченской проблеме 37 документов с весьма конструктивными предложениями. И хотя они были направлены на мирное решение конфликта, они, к сожалению, не были востребованы Президентом и правительством[27].

Совершенно очевидно, что сепаратизм и национализм, бывшие среди существенных причин разрушения СССР, еще в период существования Союза, а тем более после его гибели создали огромную угрозу разрушения государственного единства Российской Федерации. Творческое решение этой проблемы продолжает оставаться чрезвычайно актуальным и сегодня. Вместе с тем укрепление государственного единства России будет необходимым условием создания новой федерации бывших союзных республик, входивших ранее в Союз ССР.

Воссоздание федерации бывших советских республик будет означать воссоединение могучего советского народа, который, вопреки его воле, был искусственно разорван на части в результате разрушения СССР. Между тем советский народ и после разрушения Союза ССР представля-

---

[26] См.: *Комиссаров В.* Ложь ложью погоняет // Правда России. 1996. 30 мая.

[27] См.: *Илюхин В.* Метастазы сепаратизма расползаются по телу России // Правда-5. 1996. 4 декабря.

ет собой такое единство, о котором раньше не было известно истории. Несколько лет тому назад, в 1992 г., генетики Российской Академии наук провели беспримерное в истории мировой науки исследование народов Советского Союза, создав при этом электронный атлас генофонда бывшего СССР. Главный вывод ученых заключается в следующем: существует генетическая общность советского народа[28].

Воссоздание федерации бывших союзных республик, быть может вначале некоторых из них, явится могучим средством решения национальных задач, защиты национальных интересов России, Украины, Белоруссии, Казахстана, всех бывших советских республик.

Федерация этих республик в случае ее возрождения станет уникальным средством решения многих острейших проблем современности, она предотвратит разрушение России на многие карликовые государства, защитит свободу и независимость бывших союзных республик, предотвратив их порабощение и превращение в колонии, остановит катастрофическое разрушение экономики и создаст условия для ее возрождения и расцвета и, следовательно, для подъема благосостояния всего советского народа.

Ныне Российская Федерация занимает огромную территорию — 17 млн 75 тыс. кв. км; это означает, что по размеру территории Россия более чем в три раза превосходила 14 вместе взятых союзных республик, составлявших 5 млн 325 тыс. кв. км и вместе с Россией входивших в состав Советского Союза. Население России, по данным последней переписи 1989 г., было равно 147 млн человек, а к началу 1993 г. — 150 млн человек.

Важная особенность Российской Федерации состоит в том, что она является одним из самых многонациональных федеративных государств в мире: в ней имеется 84 нации и народности. При этом самой многочисленной в России нацией являются русские, составляющие 81,5% ее населения.

Многонациональный характер России определил цель и способы строительства в ней федеративного государства. Аналогичная историческая ситуация имела место и в других федерациях. С одной из них Россия была связана почти 70 лет — это Союз ССР, где насчитывалось более 100 наций, народностей и национальных групп, а с другой — около полутора десятилетий — это Закавказская Федерация, в которой было 45 наций и народностей.

---

[28] См. об этом: *Вальский А. П.* Россию спасут люди без ненависти в глазах // Правда. 1992. 9 сентября.

Главная цель создания Российской Федерации состояла в том, чтобы она стала государственным средством разрешения национального вопроса. Такая же цель стояла и перед Союзом ССР, а равно и перед Закавказской Федерацией. Для осуществления этой великой и чрезвычайно трудной задачи строительство всех трех федераций впервые в мировой истории осуществлялось по национальному принципу. Это означало, что субъектами в каждой из них стали национальные государства. Особенность Российской Федерации, однако, состояла также и в том, что ее субъектами стали не только национальные государства, но и другие формы национальной государственности.

Иными словами, отличие России от двух других федеративных государств заключалось в том, что она была построена на автономии: ее субъектами были автономные государства — автономные республики и другие формы национальной автономной государственности — автономные области и автономные округа.

Любой объективный исследователь не может не признать, что создание федерации, основанной на автономии, было уникальным, единственным в мировой практике примером строительства федеративного государства. Строительство автономий в России активно осуществлялось в течение 1920–1922 гг., когда за указанное время было создано 8 автономных республик и 12 автономных областей[29]; национальные округа появились позднее — в начале 30-х годов, в дальнейшем они получили наименование автономных округов.

Среди трех форм национальной государственности в России одна автономная республика есть политическая форма автономии, т. е. это государство. Поэтому оно имело свою конституцию, свой парламент, издававший законы, свое правительство и высшие судебные органы, а также гражданство республики. Полномочия автономных государств изменялись: до 1938 г. они осуществляли амнистию[30], а также обладали правом приема в гражданство[31]. Автономная область и автономный округ относятся к административной автономии; это означает, что они не

---

[29] Несколько автономных государств, созданных до 1920 г., оказались недолговечными, временными и по разным причинам прекратили свое существование (см.: *Чистяков О. И.* Становление Российской Федерации. М., 1966. С. 87–128).

[30] Центральный государственный архив (далее — ЦГА) Татарской Республики. Ф. 732. Оп. 1. Д. 62. Л. 295.

[31] Только за полгода в 1924 г. высший орган власти Башкирской Республики принял в гражданство 61 человека, в прошлом граждан Японии, Румынии и Польши, а также отказал в приеме в гражданство 4 лицам (ЦГА Татарской Республики. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 34).

обладают статусом государства. Тем не менее автономная область и автономный округ есть формы национальной государственности.

Таким образом, в Российской Федерации существуют три формы национальной государственности. Создание различных форм национальной государственности было вызвано к жизни определенными, исторически сложившимися объективными условиями. К их числу прежде всего относится различная степень экономического, политического и культурного развития. Некоторые народы, не прошедшие до революции 1917 г. капиталистического развития, сохраняли долгое время патриархально-родовой или полупатриархальный общественный строй (Башкирия, Дагестан и некоторые другие народы Северного Кавказа). Так, в 1931 г. по докладу правительства Дагестана в Совете Национальностей ЦИК СССР отмечалось, что в республике «в основном удалось уничтожить остатки феодальных и родовых отношений»[32].

Создание различных форм национальной государственности обусловлено также разнообразием форм, способов самоопределения наций, вызванных к жизни целым рядом других факторов, в том числе и волею данной нации, народности. Наконец, все формы национальной государственности народов России созданы в результате свободно выраженной воли нации или народности, их творчества в государственном строительстве и потому в каждой из этих форм воплощен в жизнь суверенитет нации или народности.

Во всех формах национальной государственности народов России со времени их образования созданы все необходимые условия для развития национального языка, национальной культуры для дальнейшего совершенствования своей национальной государственности, а следовательно, и для дружбы всех народов, составляющих Российскую Федерацию. Исторический опыт строительства национальной государственности в России, таким образом, свидетельствует о том, что Российская Федерация стала государственным средством разрешения национального вопроса.

Между тем, согласно мнению многих ученых, в связи с разрушением в 1991 г. Советского Союза в России и других республиках, входивших ранее в СССР, вместо дружбы народов возник глубокий кризис в решении национального вопроса, вспыхнули национализм и шовинизм, различные варианты национального эгоизма, т. е. те явления, против которых неизменно и всегда успешно выступал Советский Союз. Последующее развитие России связано с попытками — не всегда удачными — преодолеть явления

---

[32] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 23. Д. 1317. Л. 65.

национальной ненависти и вражды, так внезапно возникшие в России и других республиках, входивших в прошлом в состав Советского Союза.

Совершенствование федеративной природы Российской Федерации происходит по трем основным направлениям. Одно из них — это существенное уточнение статуса автономных республик; другое — активное строительство иных автономных единиц, использование гибкости форм национальной государственности для преобразования многих из них в высшую форму автономии; и, наконец, еще одно направление — совершенствование Верховного Совета России для более полного выражения федеративной природы государства.

Первое направление заключалось в том, что различие между политической и административной автономией с годами становилось все более ясным и ощутимым. В этой связи следует отметить, что статус автономной республики как государства фактически не был определен со времени создания Российской Федерации до принятия третьей Конституции СССР в 1977 г., а вслед за ней, через год — Конституции Российской Федерации 1978 г.

Разумеется, может показаться странным, что почти 60 лет статус автономной республики как государства не был определен; это недоумение усиливается потому, что, согласно второй Конституции СССР 1936 г. и Конституции Российской Федерации 1937 г., автономная республика обладала правом принимать свою конституцию, иметь свой парламент — Верховный Совет, она осуществляла законодательную деятельность. Совершенно ясно, что форма национальной государственности, обладающая такими правами, есть государство. Однако, вопреки здравому смыслу, этот вывод был сделан не в Конституции Российской Федерации 1937 г., а 40 лет спустя — в Конституции РСФСР 1978 г.

Такое признание означало, что в отличие от автономной области и автономного округа, представляющих собой административную автономию, автономная республика есть политическая автономия, т. е. высшая форма автономной национальной государственности.

Второе направление совершенствования федеративной природы Российской Федерации заключалось в следующем. Одновременно с признанием истинного статуса автономной республики в России происходил и другой процесс — развития всех форм автономной национальной государственности, создание новых автономных единиц, преобразование многих форм административной автономии в политическую автономию. В 30-е годы в России впервые появилась новая форма автономной национальной государственности — национальный округ; впоследствии он стал именоваться автономным округом. Вскоре в Рос-

сии возникло десять таких округов. Ни в одной из 14 других союзных республик, составлявших Советский Союз, такой формы национальной государственности не было. Каждый автономный округ занимал огромную территорию на Крайнем Севере России. Со времени своего создания все десять автономных округов сохранились до наших дней.

Автономия за время своего существования в России доказала свою жизнеспособность и динамизм: в ее рамках создавались новые национальные государства — автономные республики — путем перехода от административной автономии к более широкой политической. Следует указать на то, что из 16 автономных республик, имевшихся в прошлом в Российской Федерации, 11 были созданы в результате их преобразования из автономных областей: это Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Карельская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Тувинская, Удмуртская, Чечено-Ингушская, Чувашская.

В дальнейшем, в начале 90-х годов, еще четыре автономные области были преобразованы в автономные республики: Адыгейская, Горно-Алтайская, Карачаево-Черкесская и Хакасская. Вместе с тем несколько позднее Чечено-Ингушская Республика в соответствии с волей ее народов разделилась на две республики — Чеченскую и Ингушскую.

Все это означает, что из 21 государства, имеющегося в настоящее время в России, 16 были созданы в результате преобразования автономных областей в такие государства[33].

Третье направление совершенствования федеративной природы Российской Федерации заключалось в кардинальном преобразовании существовавшего в конце 80-х годов парламента России — Верховного Совета.

В сентябре 1988 г., принимая участие в «круглом столе», организованном Институтом государства и права АН СССР совместно с журналом «Советское государство и право» по вопросам национальной государственности народов СССР, автор данной статьи предложил создать двухпалатную структуру в Верховном Совете РСФСР. При этом предлагались и названия будущих палат: одну палату было, по его мнению, целесообразно именовать Совет Республики, а другую — либо Советом Автономий, либо Советом Национальностей[34].

Идея о двухпалатной структуре Верховного Совета РСФСР после упомянутого «круглого стола» в сентябре 1989 г. получила подробное

---

[33] Необходимо принять во внимание, что преобразование 11 автономных областей после разделения Чечено-Ингушской на две означало преобразование 12 автономных областей.

[34] Отчет об этом «круглом столе» см.: Советское государство и право. 1989. № 1.

обоснование в статье того же автора, опубликованной в апреле 1989 г. В ней развивалась концепция двухпалатной структуры Верховного Совета РСФСР. «Думается, — указывалось в статье, — что с учетом федеративного характера РСФСР, наличия в ней нескольких десятков автономных государств и автономных государственных образований, целесообразно изменить структуру ее Верховного Совета, перейдя от однопалатной к двухпалатной системе построения... Создание такой палаты было бы самым действенным средством утверждения федеративной природы РСФСР»[35].

В статье указывалось также, что создание в Верховном Совете России палаты по национальному принципу поможет сделать проблему национальных отношений постоянной и важнейшей для данного органа, что в свою очередь приведет к существенной активизации в Верховном Совете всех автономных единиц, к укреплению национальных и интернациональных начал в государственном строительстве[36]. При этом автор вновь повторил уже предлагавшиеся названия палат — Совет Республики одной из них и другой — Совет Автономий либо Совет Национальностей.

Вместе с тем подчеркивалось, что обе палаты должны быть равноправны. Концептуальная идея указанной статьи заключалась в том, что создание второй палаты по национальному принципу усилит влияние в Российской Федерации каждой из 31 автономной единицы, имеющейся в республике. Все это приведет к кардинальному совершенствованию федеративной природы Российской Федерации.

Предложение о создании второй палаты в Верховном Совете Российской Федерации было принято сначала руководящими партийными органами, а затем и законодателями. В августе 1989 г. предложение было сформулировано в проекте платформы ЦК КПСС по национальному вопросу, а затем в постановлении ЦК КПСС по тому же вопросу, принятому на сентябрьском пленуме ЦК КПСС.

Вслед за тем была проведена важная конституционная реформа: 23 октября 1989 г. были внесены изменения в Конституцию РСФСР[37]. Согласно этому акту, Верховный Совет Российской Федерации становился двухпалатным органом. При этом были приняты названия палат, предложенные инициатором данного законопроекта, — Совет Республ-

---

[35] *Златопольский Д. Л.* Национальная государственность союзных республик: некоторые актуальные проблемы // Советское государство и право. 1989. № 4. С. 13.

[36] Там же. С. 12–14.

[37] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1304.

лики и Совет Национальностей. Согласно Конституции, был установлен принцип равноправия палат; вместе с тем численность палат была также одинаковой.

В начале 90-х годов автономные республики, а вместе с ними и другие виды автономии, не считаясь с общими интересами Российской Федерации, с необходимостью укрепления ее государственного единства, руководствуясь нередко эгоистическими местными целями, в специально принятых акциях — декларациях — заявили о своем государственном суверенитете; при этом нередко ставился вопрос о возможности выхода автономной республики из состава РСФСР.

Так идея о суверенитете автономий распространилась со скоростью лесного пожара. В Российской Федерации примерно за полгода, с августа 1990 г. до начала февраля 1991 г., из 16 автономных республик 15 приняли декларацию о своем государственном суверенитете. Одновременно из 5 автономных областей 4, а из 10 автономных округов 6 приняли решения об их преобразовании в автономии более высокого статуса: 8 — в автономную республику и два — в автономную область. Таким образом, всего в РСФСР из 31 автономной единицы решение о преобразовании своего статуса приняли 25 автономий. Тем не менее фактически были преобразованы в республики только четыре автономные области; в результате в России стало уже не 16, а 20 автономных республик. К этому нужно добавить еще одну республику — Ингушскую, о которой уже упоминалось.

Здесь в особенности важна позиция автономных республик, ибо принятие ими деклараций о своем государственном суверенитете нанесло ущерб не только Российской Федерации, поставив под угрозу ее целостность, но и Союзу ССР, так как в конечном счете эти акты способствовали разрушению СССР, которое было уже близко и произошло в следующем, 1991 г.

Подобная позиция характерна для Декларации о государственном суверенитете Татарстана, принятой в августе 1990 г., для такой же Декларации Якутской (Саха) Республики, опубликованной в сентябре 1991 г. Как стало ясно впоследствии, главная цель деклараций этих, да и других автономных республик заключалась в том, чтобы обрести статус союзных республик, а затем, быть может, пользуясь закрепленным в Конституции СССР правом выхода из его состава, осуществить и эту акцию.

В этом плане характерно признание государственного советника по политическим вопросам при Президенте Татарстана Р. С. Хакимова, сделанное им в 1997 г. По его словам, мотивом для принятия Декларации о суверенитете Татарстана «стало стремление самостоятельно подпи-

сать союзный договор, то есть не в составе делегации РСФСР, а в качестве союзной республики»[38].

Точно такую же позицию занимал и политический деятель Якутии (Саха), депутат Съезда народных депутатов от своей республики и депутат Верховного Совета СССР М. М. Яковлев; примерно за полгода до принятия его республикой Декларации о суверенитете он выступил со статьей, в которой рассказал о двух своих выступлениях на совещаниях народных депутатов Сибири и Дальнего Востока: «В своих выступлениях на обоих совещаниях я поднимал наиболее наболевшие вопросы своей республики. В частности, о необходимости предания Якутии статуса союзной республики»[39].

Такая позиция автономных республик, провозгласивших в декларациях свой государственный суверенитет, нередко видна и в самих этих документах. В этих случаях в декларациях автономных республик провозглашались цели, которые могли быть осуществлены только в результате полного разрыва государственных связей данной автономии не только с Россией, но и с Союзом ССР: объявить деятельность в области внешней политики и внешних экономических связей исключительными полномочиями своей республики (ст. 9 Декларации Северной Осетии); создать свою финансовую и кредитную системы, а также собственную таможенную службу (ст. 9 Декларации Коми); закрепить право выхода республики из России и даже из Союза ССР (ст. 3 этой же Декларации).

В этих условиях было совершенно очевидным, что государственный суверенитет, провозглашенный в декларациях автономных республик, обретал огромную разрушительную силу, направленную против единства Российской Федерации. Неудивительно поэтому, что идея государственного суверенитета бывших автономных республик не была закреплена в Конституции Российской Федерации, хотя со времени принятия автономными республиками соответствующих деклараций (август 1990 г. — февраль 1991 г.) до конца 1993 г. изменения в Конституцию вносились пять раз. Другими словами, в самом тексте Конституции Российской Федерации автономные республики именуются иначе, а именно: «республики в составе Российской Федерации».

В марте 1992 г. в России был принят Федеративный договор, получивший впоследствии широкую известность. Он был посвящен разме-

---

[38] *Хакимов Р. С.* Асимметричность Российской Федерации. Взгляд из Татарстана // Регионология. 1997. № 2. С. 25.

[39] Цит. по: *Макаров М. М.* Сибири и Дальнему Востоку — особый статус // Социалистическая Якутия. 1990. 18 февраля.

жеванию компетенции между федерацией и ее субъектами. Этот договор впоследствии был одобрен VI Съездом народных депутатов России 10 апреля 1992 г., который признал его составной частью Конституции России. В этом договоре содержалось упоминание о том, что республика, входящая в состав России, есть суверенное государство.

Политическая и правовая оценка Федеративного договора не может быть однозначной. С одной стороны, можно утверждать, что подписание данного договора спасло Россию от распада в конце 1991 — начале 1992 г., опасность которого тогда была особенно велика в связи с разрушением СССР и развитием тенденций сепаратизма и национального эгоизма. С другой стороны, в Федеративном договоре был впервые закреплен суверенитет республик, входящих в Россию. В этой связи необходимо подчеркнуть, что поддержка законодателями России идеи о суверенитете бывших автономных республик является полностью несостоятельной — теоретически, практически и политически.

Теоретическая несостоятельность данной идеи состоит в том, что никогда, нигде в мировой литературе автономное государство не признавалось суверенным. Это объясняется также и тем, что в мировой истории не было ни одной федерации, в которой субъектами были бы федеративные государства. В этой связи следует отметить, что теоретическая мысль социал-демократии в России всегда однозначно решала данный вопрос, в том числе в начале XX столетия, т. е. до революции и после нее: автономия не обладает суверенитетом, она связана, однако, с ограничением централизации со стороны того государства, в состав которого она входит. Это важно отметить потому, что именно указанная теоретическая концепция строительства автономии в России была в ней воплощена в жизнь.

Практическая несостоятельность идеи о государственном суверенитете бывших автономных республик подтверждается практикой государственного строительства: как уже отмечалось, статус автономной республики как государства не был определен почти 60 лет.

Политическая несостоятельность идеи о государственном суверенитете выражалась в том, что такая позиция усиливала опасность разрушения Российской Федерации. Принятие Федеративного договора означало, что в характеристике федеративного государства в России произошло по крайней мере два крупнейших, весьма существенных изменения.

Если раньше, до принятия Федеративного договора, в России было 32 субъекта федерации: 21 национальное государство, 1 автономная область, 10 автономных округов, при этом все они были разными формами национальной государственности, то это означало, что тогда в основу строительства Российской Федерации был положен национальный принцип.

Принятие Федеративного договора означало первое кардинальное изменение характера Российской Федерации: в ее составе были созданы новые субъекты федерации, которых прежде, почти за 75 лет ее жизнедеятельности, в ней никогда не было. Такими субъектами стали административно-территориальные единицы: 6 краев, 49 областей, 2 города, а всего, следовательно, еще 57 субъектов федерации. Это означало, что общее количество субъектов Российской Федерации, ранее равное 32, возросло почти в три раза и составило 89 единиц. Само собой разумеется, что это повлияло на качественную характеристику всей федерации.

Другое кардинальное изменение характера Российской Федерации также связано с появлением в ее составе новых субъектов федерации. Это означает, что наряду с прежним, национальным принципом строительства Российской Федерации появился еще один, совершенно новый принцип ее построения — административно-территориальный.

Совершенствование федеративных отношений в Российской Федерации является в настоящее время самой главной политической и правовой задачей, имеющей, несомненно, стратегическую значимость. Это объясняется тем, что после принятия в марте 1992 г. Федеративного договора, содействовавшего укреплению федерации, вместе с тем получили развитие различные тенденции не только в теории, но и в практике государственного строительства, способные создать угрозу разрушения Российской Федерации.

2 июля 1993 г. областной Совет Свердловской области принял декларацию об изменении статуса области и провозглашении Уральской Республики в составе России. В декларации указывалось, что принятие этого документа означает преобразование области в государство, в котором предполагается создать свой парламент, принять конституцию, образовать Совет Министров, осуществлять законодательную деятельность. Аналогичное решение принял Вологодский областной Совет, провозгласивший создание Вологодской республики[40]. Разумеется, оба этих решения были вскоре отменены, но они отразили желание 57 новых субъектов федерации — областей, краев, двух городов — обрести статус государства.

После появления Федеративного договора появились теоретические постулаты, цель которых состояла в том, чтобы преувеличить значение этого документа и доказать, что его принятие существенно меняет право-

[40] См.: *Усачев Д.* От области до республики — один шаг // Российская газета. 1993. 3 июля. С. 2; Опасный путь // Там же. 8 июля. С. 1.

вую природу Российской Федерации. Эта федерация, по мнению отдельных ученых, изменила свой характер и стала «договорной федерацией».

Такая позиция была вызвана к жизни конкретными историческими условиями: Конституция России, конституции республик, уставы других субъектов федерации, закрепившие характер взаимоотношений Российской Федерации с ее субъектами, — все эти акты привели к тому, что в последние годы федеративные связи получили развитие во многих договорах. Это были договоры и соглашения, заключенные между органами власти Российской Федерации и органами власти ее субъектов о разграничении компетенции.

В середине1997 г. были опубликованы все договоры и соглашения между федерацией и ее субъектами в виде документального двухтомного сборника[41]. Всего в указанном сборнике опубликовано 24 договора и 160 соглашений к указанным договорам. При этом количество соглашений у 7 субъектов федерации превышает десять (Свердловская и Ростовская области — по 18, Саха (Якутия) — 15, Татарстан — 12 и т. д.); с другой стороны, 7 субъектов федерации ограничились заключением договора, не подписав к нему ни одного соглашения.

Количество договоров и соглашений к ним продолжало возрастать. В апреле 1998 г., по данным Совета Федерации Федеративного Собрания, количество договоров между федерацией и ее субъектами возросло до 40. Анализируя договоры и соглашения, необходимо отметить, что они содействовали укреплению государственного единства Российской Федерации. Однако нельзя не видеть и некоторых отрицательных сторон, присущих некоторым таким договорам. Характеризуя такие отрицательные моменты, автор заключительной статьи сборника договоров и соглашений, депутат Государственной Думы, доктор политических наук В. Н. Лысенко правильно отметил, что договоры, подобные договору со Свердловской областью, «фактически узаконивают "*договорное право*", которое для сторон, заключивших договор, имеет приоритет перед федеральным законодательством, а порой и перед Конституцией»[42].

«Таким образом, — формулирует он общий вывод, обозначается тенденция дезинтеграции Российской Федерации, ее *перехода от кон-*

[41] Сборник договоров и соглашений между органами государственной власти Российской Федерации и между органами государственной власти субъектов Российской Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий (далее – Сборник договоров и соглашений). М., 1997. Ч. 1. С. 1–369; Ч. 2. С. 397–775.

[42] *Лысенко В. Н.* Прочна ли договорная основа федеративных отношений // Сборник договоров и соглашений. С. 744 (курсив наш. – *Авт.*).

ституционной или конституционно-договорной формы государственного устройства к чисто договорной»[43].

Думается, что В. Н. Лысенко, предупреждая об опасности дезинтеграции Российской Федерации, прав. Однако вторая часть его вывода не может быть признана верной, так как она противоречит теории и практике государственного строительства федеративных государств. В реальной действительности договорной федерации никогда не было и не могло быть: основным правовым документом федерации является ее Конституция, а не договор — об этом свидетельствует вся мировая история строительства федеративных государств, весь ее опыт. Известны только два исключения из данного правила: принятие союзного договора об образовании СССР в декабре 1922 г., когда примерно через год, в январе 1924 г., была создана Конституция СССР; то же было и с Закавказской Федерацией: в марте 1922 г. появился договор о создании Федеративного Союза, а в декабре того же года была принята Конституция Закавказской Федерации.

Совершенно ошибочная идея о «договорной федерации» появилась даже в конституции одного из субъектов Российской Федерации — Башкортостана. В этой конституции не закрепляется основополагающая норма о том, что данная республика является субъектом Российской Федерации. Вместо этого в Конституции Башкортостана, в резком противоречии с конституционными нормами России, устанавливается, что ее отношения «с Российской Федерацией являются договорными»[44].

Такая конституционная норма Башкортостана означает, что законодатели республики, вопреки принципу конституционной законности, а равно и в полном противоречии со здравым смыслом, поставили свой договор с Россией выше Конституции России, а заодно и выше своей собственной конституции!

Идея «договорной федерации» носит ясно выраженный разрушительный характер: если в основе федеративных отношений находится договор, то одна из заключивших такой договор сторон может всегда отказаться от этого договора, денонсировать его либо любым другим способом добиться того же результата. В отличие от этого никакая конституция нескольких государств, составляющих федерацию, не может быть произвольно отвергнута одним из этих государств.

Постулат о «договорной федерации» в России несостоятелен и потому, что договорные отношения характерны не для федерации, а для международно-правовых отношений, и в частности для конфедерации.

---

[43] Там же (курсив наш. — *Авт.*).

[44] Конституция Башкортостана. Ст. 70.

Следует при этом принять во внимание историческую особенность возникновения Российской Федерации: республики не являются ее учредителями; напротив, Российская Федерация создала Татарстан, Башкортостан, а равно все другие формы национальной государственности в ее составе.

Иногда в качестве разновидности взгляда на Российскую Федерацию как на «договорную» выдвигается идея о том, что субъекты этой федерации строят свои отношения с федерацией на «договорно-конституционной основе»[45].

Такое суждение содержит в себе два аспекта. Первый из них означает повторение главной идеи «договорной федерации»: договор поставлен на первое место, он, следовательно, важнее конституции — несостоятельность такого постулата уже отмечалась. Другой аспект состоит в том, что конституция и договор поставлены в один ряд, что также совершенно недопустимо и несопоставимо. Общеизвестно, однако, — и это уже отмечалось, и мировая практика строительства федеративных государств неопровержимо свидетельствует, — что основополагающим актом любой федерации является ее конституция. Что же касается Российской Федерации, то принятые в ней Федеративный договор, а также другие договоры, разумеется, также основаны на ее Конституции.

И наконец, последняя позиция, сформулированная уже упоминавшимся автором Р. С. Хакимовым. Он полагает, что существует «два основных подхода к федерализации России: конституционно-договорный, когда федеральный центр определяет все процессы и делегирует все полномочия регионам и договорно-конституционный, когда отношения строятся «снизу вверх» через добровольное делегирование полномочий федеральному центру»[46].

Из приведенного текста совершенно очевидно, что Р. С. Хакимов не имеет должного представления о том, как в федерации строятся отношения между федеральным центром и субъектами федерации. Являясь сторонником «договорной федерации» (которую он фальшиво именует «договорно-конституционной»), он далее без тени смущения утверждает: «Сторонники второго подхода (т. е. «договорной федерации», к числу которых относит себя Хакимов. — *Авт.*) не считают Россию подлинной федерацией и придерживаются формирования отношений с центром «снизу вверх», то есть через добровольную передачу полномочий с помощью двусторонних договоров»[47]. Однако дело, как полагает автор,

---

[45] *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф.* Опыт федерализма. М., 1994. С. 24.

[46] *Хакимов Р. С.* Указ. соч. С. 30–31.

[47] Там же. С. 31.

даже не в этом. Главный его вывод впереди. «Если сторонники первого подхода настаивают на соответствии конституций республик Конституции России, — уверенно продолжает он, — то вторые, прежде всего Татарстан, утверждают, что именно Конституция России должна соответствовать конституциям республик, а федеральный центр должен находиться под контролем субъектов федерации»[48].

Мысль совершенно ясная: не 21 конституция национальных государств — субъектов федерации должна соответствовать Конституции России, а, напротив, Конституция России должна соответствовать всем этим основным законам. А теперь от общего — конституций всех республик, входящих в Российскую Федерацию, — перейдем к частному — конституции одной республики — Татарстана. В ней вместо основополагающей нормы: Татарстан — субъект Российской Федерации — устанавливается, что Татарстан — государство, ассоциированное с Россией, т. е. ее ассоциативный член (ст. 61).

И вот, по замыслу Р. С. Хакимова, не Татарстан должен изменить свою антифедеративную ст. 61 Конституции, а Россия должна в своей Конституции установить, что она образует с Татарстаном (и другими республиками) ассоциацию, состоящую из ассоциированных с ней членов (всех других республик). Ясно, что это путь не к укреплению Российской Федерации, а к ее разрушению.

Ясно также, что предлагаемая концепция «договорной федерации» — опасный путь к неизбежному в этом случае упразднению Конституции федеральной России, а вслед за тем — к разрушению России и созданию на ее месте десятков, а быть может, и сотен карликовых государств.

В этих условиях радикальным средством укрепления Российской Федерации является приведение парламентами республик своих конституций в соответствие с Конституцией России и упразднение в них противоречий с общефедеральными конституционными нормами.

В современных условиях все более настойчиво осознается необходимость обновления действующей Конституции, которая все более перестает удовлетворять трудящихся граждан, особенно в той ее части, которая связана с федеративным строительством. Вносятся также предложения о принятии новой Конституции Российской Федерации. Задача исследователей состоит в том, чтобы разрабатывать новые аспекты развития федеративных отношений в Российской Федерации.

---

[48] Там же.

С. А. Байбаков

ИТОГИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Драматические последствия упразднения СССР, испытываемые ныне не только россиянами и гражданами ближнего зарубежья, но и многими другими государствами, крушение надежд на амортизирующую роль Содружества Независимых Государств, в которое пока не удалось вдохнуть полнокровную жизнь, подтвердили самые пессимистические прогнозы. Тяжелые результаты разрушения Союза проявились везде, так как произошел полный распад политического, экономического, культурного и правового пространства СССР. Россия и страны ближнего зарубежья до сих пор не могут выйти из полосы кризисов, сопровождавшихся трагическими конфликтами, в том числе и вооруженными. В такой ситуации перед российской общественностью не мог не встать ряд дискуссионных вопросов: был ли неизбежен (предопределен) распад СССР, имелась ли возможность сохранить его в реформированном виде в начале 90-х годов, стоит ли ныне стремиться к возрождению государственного объединения бывших союзных республик и каковы шансы на успех?

Логика поиска ответов на эти непростые вопросы заставляет политиков и ученых постоянно обращаться к процессу формирования СССР с тем, чтобы выяснить, не были ли в фундаменте Советского Союза заложены факторы, предопределившие его будущий распад. В период существования СССР преобладало мнение о его изначальной жизнеспособности. Согласно господствовавшей в те годы идеологии, считалось, что он был создан на основе наиболее прогрессивного (демократического) общественного строя и наиболее рациональных принципов, разработанных В. И. Лениным. В 1987–1988 гг. это идеологическое положение было дополнено указанием на то, что в ходе строительства социализма ленинские принципы национально-государственного устройства СССР были серьезно деформированы сталинской «автономистской» национальной политикой, фактически превратившей СССР в унитарное государство. Стали разрабатываться различные проекты реформирования сложившегося бюрократически-централизованного государственного союза республик и населяющих их народов с учетом нового исторического этапа, переживаемого страной, и перспектив ее развития. После августовских событий 1991 г. последовал полный демонтаж советской политической

системы, идеологическим обоснованием которого стал новый постулат об изначальной порочности возникшего после революции общественно-политического строя и национально-территориального принципа, положенного в основу советских федераций. Такие объяснения легко вписываются в господствующую политическую и идеологическую конъюнктуру. Однако наш богатый кризисными ситуациями опыт показывает, что высказанные в такой момент суждения и оценки часто грешат односторонностью и преувеличениями.

В кризисные периоды развития общества возрастает социальная значимость исторической науки, становящейся существенным фактором его духовного возрождения. Общество нуждается в объективной оценке событий прошлого. Потребность в новых исторических исследованиях по истории образования СССР, соответствующих современному уровню развития исторической науки и дающих объективный, всесторонний анализ этого неординарного события, сейчас как никогда велика. Однако чем ближе эпоха, которую изучает гуманитарий, тем большее влияние на ее изучение оказывает политика. Воздействие политики на науку сложное: прямое и косвенное, позитивное и негативное. Одной из отрицательных сторон такого воздействия оказывается конъюнктурность, когда историческая наука становится «опрокинутой в прошлое». Конъюнктурность вредна всегда, но особенно она опасна в период кризисного состояния науки. В это время естественная защитная реакция науки ослабевает, прежде всего из-за исчерпания устаревших теоретико-методологических принципов. Соответственно возрастает значение других компонентов, обеспечивающих ее поступательное развитие. Одним из таких компонентов является историография.

Функции историографии вообще и в момент кризиса исторической науки в частности можно правильно понять, исходя из диалектической концепции развития, признающей единство двух сторон — отрицания и преемственности. Если смена старого качества новым происходит не через диалектическое отрицание, а нигилистически, путем «голого» отрицания, уничтожающего старое качество целиком, то ни о каком движении вперед не может быть и речи. Именно в таком нигилистическом отрицании состоит опасность конъюнктурного воздействия на науку. Понимание ее пагубного влияния на массовое историческое сознание и профессиональную историографию среди историков имеется.

Как-то академик М. В. Нечкина метко назвала проблему историографии проблемой наследства в исторической науке, отметив, что без нее наука перестает восприниматься как процесс, так как исчезает ход накопления реальных исторических знаний. Продолжая эту верную мысль,

заметим, что в кризисные моменты развития исторической науки именно на историографию ложится основная тяжесть по обеспечению преемственных связей в развитии исторической мысли. Потребность в глубоких историографических обобщениях в такие периоды особенно велика. Об этом достаточно убедительно говорит и опыт историографического изучения рассматриваемой темы.

Зарождение историографических исследований по проблеме советской союзной государственности относится ко второй половине 20-х годов. Начавшееся тогда интенсивное изучение вновь образованного государства потребовало оперативного анализа первых работ. Так как авторами подавляющего большинства из них были юристы, то и первые серьезные историографические обзоры также создавались представителями этой науки. Это обстоятельство важно отметить, поскольку в дальнейшем юристы уступят лидерство в историографических исследованиях историкам.

В рассматриваемый период в юридической периодике и журналах по советскому строительству, помимо множества содержательных рецензий, часто публиковались тематические обзоры научной литературы. Среди них выделяется своей обстоятельностью обзор И. Ильинского. Высокий профессионализм автора проявился не только в правильном отборе наиболее интересных работ о советской федерации, хорошем знании обобщающих трудов по советскому государственному праву, но прежде всего во внимании к понятийно-категориальному аппарату. В самом начале обзора Ильинский отмечает, что, употребив понятие «становление» применительно к советской федерации, он хотел отразить сложившееся среди ученых мнение о незавершенности процесса образования союзной государственности, несмотря на принятие союзной конституции. Далее автор останавливается на таких ключевых для советского государствоведения понятиях, как социально-политическое содержание и форма государства, и лишь после этого переходит к проблемному анализу рецензируемой литературы[1].

Комплекс выделенных Ильинским проблем интересен прежде всего тем, что вскоре они либо совсем исчезнут из научной литературы, либо отойдут на задний план, чтобы вновь стать предметом дискуссий лишь 30 лет спустя, после XX съезда КПСС. Это — вопрос о юридической природе СССР (федерация или конфедерация), суверенитете республик и его гарантиях, влиянии национального и экономического факторов на

[1] См.: *Ильинский И.* Становление советского федерализма (обзор) // Печать и революция.1926. Кн. I. М., 1926. С. 137.

федеративное устройство государства, его централизацию и децентрализацию, перспективе развития советской федерации по мере решения национального вопроса.

Рассматривая мнения ученых, автор акцентирует внимание на выявленных им объективных и субъективных противоречиях, возникающих при взаимодействии вышеуказанных факторов, отмечает спорные и нерешенные проблемы, определяет пути их исследования. Такой подход к освещению хода изучения советской федерации логично вытекает из понимания Ильинским процесса ее становления как разрешения комплекса исходных проблем. Не отвергая метода юридической догматики, он подчеркивает необходимость внимательного изучения повседневной практики функционирования государственных органов. Примечателен и выдержанный в академической традиции язык и стиль работы, а также поиск автором научной истины, стремление увидеть рациональное зерно во взглядах коллег, даже если он сам их и не разделяет.

К сожалению, не все публикации историографического характера отличались подобной академичностью. С конца 20-х г. быстро набирала силу политизированная научная публицистика, чутко улавливавшая стремительно менявшуюся политическую и идеологическую конъюнктуру. Курс на форсированную индустриализацию, сплошную коллективизацию, тотальное огосударствление экономики сопровождался переходом к административно-мобилизационным и репрессивным методам управления, с помощью которых ломалось сопротивление всех несогласных с политикой сталинского руководства. Для их теоретического обоснования, т. е. оправдания волны репрессий летом 1928 г. И. В. Сталиным был выдвинут постулат об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Последовавшая волна разоблачений сторонников правоуклонизма, обвиненных в затушевывании классовой борьбы и защите интересов буржуазии, пагубно отразилась на всех гуманитарных науках, в том числе и на государственно-правовых исследованиях.

Дело в том, что одной из сложнейших методологических проблем, находившихся в центре внимания советских юристов того времени, являлась реализация классового подхода в государствоведении. Основные дискуссии по ней велись с самого начала становления советского государственного права. О них еще пойдет речь, здесь же только отметим, что разоблачительная компания, развернутая в конце 20-х годов конъюнктурно настроенными правоведами, привела к такому пониманию и реализации классового принципа, которое, видимо, можно определить как узкоклассовый, абсолютизирующий отличительные черты классов и обусловленные ими классовые противоречия. Он выразился в нигилис-

тическом отрицании возможности применения формально-юридических методов в советском государствоведении, поскольку используемый в этом случае понятийный аппарат и методики его применения вырабатывались дореволюционной отечественной и зарубежной немарксистской мыслью. Типичным образцом такой конъюнктурной историографической работы может послужить книга А. К. Стальгевича «Пути развития советской правовой мысли». Движимый стремлением разоблачить все проявления буржуазной науки в трудах советских юристов, автор видит их практически у каждого серьезного государствоведа-аналитика, поскольку все они в той или иной мере использовали отвергаемую методику. Проблемы, поставленные критикуемыми авторами (М. О. Рейхелем, Н. И. Палиенко, Д. А. Магеровским, И. Н. Ановым, В. Н. Дурденевским и др.), Стальгевич объявляет надуманными, поскольку они явились результатом неправомерного применения методов буржуазного государствоведения к качественно иному объекту исследований — советской государственности, классовая природа которого диаметрально противоположна буржуазной. Таким образом, по Стальгевичу, дилемма, является ли СССР федерацией или конфедерацией, споры о суверенитете Союза и республик — это итог рассмотрения советской федерации «через буржуазные очки»[2].

Весьма показательно, что решающим аргументом в споре становилось соответствие высказываемых мыслей складывающимся идеологическим или политическим догмам. Скажем, теория «потенциального суверенитета», сторонником которой был Д. А. Магеровский, отвергается не столько по соображениям чисто юридическим, сколько по политическим мотивам. По мнению Стальгевича, она политически ошибочна, так как из нее вытекает, что «мы занимаемся просто обманом народа пустыми лозунгами о праве наций на самоопределение, равноправии, свободе, братском сотрудничестве народов и их взаимном доверии, ибо все это лишь в идее — «потенциал»[3].

Такие историографические обзоры нанесли науке колоссальный вред, так как, по существу, лишали советских государствоведов их профессионального инструментария, вырабатывавшегося десятилетиями, отсекали возможность использования достижений зарубежной юридической науки, обрекая советское государствоведение на те самые описательность и схематизм, против которых так рьяно сами же и выступали. Ко всему прочему торжество нигилизма вело к ликвидации

---

[2] *Стальгевич А. К.* Пути развития советской правовой мысли. М., 1928. С. 51.

[3] Там же. С. 52.

историографического направления в научных исследованиях. В 30-е годы оно практически исчезает.

Однако наше представление о зарождении историографии советской государственности было бы неполным, если не упомянуть публикации, в которых рассматривались взгляды тех немарксистских зарубежных ученых, за которыми признавались попытки более или менее объективного анализа политической и правовой жизни Советского Союза [4]. Такой подход также со временем будет утрачен, уступив место политизированной борьбе с фальсификаторами. После XX съезда КПСС, когда встала задача преодоления последствий культа личности Сталина в гуманитарных науках, появилась потребность переосмысления накопленных за три десятилетия знаний. Для этого нужно было выработать научные критерии их оценки. Поскольку эта функция принадлежит главным образом историографии, в те годы, пожалуй, впервые в истории советской исторической науки широко развернулись историографические исследования. Их координация была возложена на научный совет «История исторической науки», созданный в 1958 г. при отделении истории АН СССР. Именно тогда, в 60-е годы, серией статей С. И. Якубовской и Д. А. Чугаева на новую ступень было поднято и историографическое изучение рассматриваемой темы [5].

К началу 60-х годов оба вышеназванных историка были достаточно известны своими монографиями и статьями по образованию СССР. Их научная концепция формировалась в первое послевоенное десятилетие под сильным воздействием сталинизма. В середине 50-х годов они были в числе первых специалистов, получивших доступ к ранее закрытым архивным материалам, введение которых в научный оборот открыло новые горизонты в изучении формирования союзного государства. Как историографы, они столкнулись с довольно сложной задачей переосмысления не только трудов своих коллег — историков и юристов, но и собственной концепции. И сегодня, отдавая должное новаторству их историографического поиска, нужно видеть пределы их возможностей,

---

[4] См.: *Гурвич Г.* Советское государство в иностранной научной литературе // Революция права. 1927. № 2; *Корнилов Ф.* Право национальностей СССР и немецкая критика // Советское право. 1928. № 4.

[5] См.: *Якубовская С. И.* Строительство Союзного Советского социалистического государства. 1922–1925 гг. М., 1960. С. 29–49; *Она же.* Советская историография образования СССР // Вопросы истории. 1962. № 12; *Чугаев Д. А.* Образование Союза ССР (историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6; *Он же.* Историография образования СССР // Очерки по историографии советского общества. М., 1965.

объективно установленные временем и обществом, в котором они жили, и субъективной способностью самих ученых к восприятию нового.

Историографические публикации Якубовской и Чугаева интересны прежде всего впервые предпринятой попыткой проследить весь ход изучения рассматриваемой проблемы. Процесс изучения образования СССР разбит на три историографических этапа с вехами в середине 30-х и середине 50-х годов. Причем если последняя из них обоснована позитивным воздействием решений XX съезда КПСС, то рубеж первого и второго этапов специально не мотивируется. Видимо, здесь сказалось влияние сложившейся в то время общей периодизации истории советского общества, согласно которой к середине 30-х годов в СССР был построен социализм и, как один из его результатов, сложился культ личности Сталина.

Заслуга Якубовской и Чугаева состоит также в том, что они начали своеобразную реабилитацию литературы 20-х — начала 30-х годов, фактически заново вводя ее в научный оборот. Не отказываясь еще от обвинений С. А. Котляревского, М. О. Рейхеля и ряда других государствоведов в недооценке особенностей классового характера советского федеративного государства и в чрезмерной аналогии с буржуазными федерациями, историографы признали глубину и обстоятельность анализа этими юристами правовых взаимоотношений республик до образования СССР и в его составе. Тем самым фактически была признана правомерность и плодотворность формально юридического метода (хотя бы как вспомогательного). К этому надо добавить важность замечания Якубовской о вреде нигилистического отношения к нормам буржуазного права. И хотя этот недостаток отмечается при характеристике работы Г. С. Гурвича и тем самым сфера его проявления значительно сужается, необычайно важен сам факт понимания этого серьезного методологического порока многих работ советских ученых[6].

Не обошла вниманием Якубовская и еще одно важное в методологическом отношении замечание Гурвича, относящееся еще к 1928 г., о необходимости преодоления упрощенной трактовки взглядов В. И. Ленина на федерацию. Она справедливо заметила, что самому Гурвичу это сделать не удалось.

Заслуживает внимания и стремление Якубовской при оценке позиции ученого учесть динамику его взглядов. Правда, это сделано применительно к отдельным исследователям и лишь к некоторым аспектам

---

[6] См.: *Якубовская С. И.* Строительство Союзного Советского социалистического государства. С. 32.

проблемы, но все же такой подход способствовал формированию правильной методики историографического исследования.

Анализируя достоинства и недостатки литературы второй половины 30-х — начала 50-х годов, Якубовская и Чугаев акцентировали внимание на проявлениях в ней культа личности Сталина. При этом авторы не скрывали того, что они руководствовались документами КПСС. Их методологическое значение в то время понималось довольно упрощенно. Положения партийных документов наряду с выступлением лидеров партии и государства воспринимались как кодекс единственно правильных, безупречных, а потому обязательных для каждого ученого руководящих указаний, выйти за пределы которых в трактовке принципиальных проблем, а тем более вступить в противоречие с которыми мог лишь порвавший с марксизмом-ленинизмом антисоветчик. Осознание того, что абсолютизация и догматизация готовых формулировок партийных решений, представляемая как реализация их методологической функции, сама по себе уже является наследием сталинизма, тогда еще не пришло и сказывалось до конца 80-х годов. Подобный подход сковывал творческий поиск ученых, ограничивал свободу мышления необходимостью выверять соответствие самостоятельно полученных выводов установленными канонами.

Его влияние заметно и в рассматриваемых работах Чугаева и Якубовской. Ряд серьезных просчетов историков, связанных с влиянием культа Сталина, авторы прямо заимствовали из партийных документов (умаление роли Ленина, партии, народных масс; принижение значения коллективного опыта и творчества и т.д.). Однако наибольший интерес для специалистов представляли отмеченные историографами конкретные факты влияния культа личности Сталина, проявившиеся в искажении исторических фактов, односторонней, тенденциозной трактовке источников, изъятии из научного оборота документов, не согласовавшихся с мифом о непогрешимости Сталина. Чугаев и Якубовская справедливо указали на такую негативную черту работ этого периода, как спрямление и лакировка исторического процесса, затушевывание трудностей и ошибок в строительстве союзного государства и проведении национальной политики. Однако сведение причин распространения этих серьезных пороков литературы только к культу личности Сталина хотя и являлось шагом вперед, но все же сужало сферу поиска корней заблуждений и ошибок.

Сковывающее влияние апологетического отношения к партийным документам особенно заметно в том случае, когда историографы высказывают самостоятельные оценки о работах прошлых лет. Так, Якубовская пришла к верному заключению, что исследователи 30–50-х годов

сосредоточивались исключительно на показе борьбы против сепаратизма, местного буржуазного национализма, умалчивая о попытках великодержавного извращения национальной политики[7]. Однако она не развивает свою мысль и, в частности, не объясняет причин «забвения» историками этого явления, отнесенного решениями XII съезда РКП(б) к главной опасности в проведении национальной политики. Вероятно, это связано с тем, что носители великодержавного уклона в партийных решениях тех лет (да и последующих) не персонифицированы, а без этого отнести Сталина и его единомышленников к выразителям великодержавности никто не решался. Ведь, согласно тем же партийным документам о культе личности, Сталин хотя и совершил ряд серьезных ошибок, но в целом всегда стоял на позициях марксизма-ленинизма и руководил осуществлением ленинского плана строительства социализма[8].

Именно неизжитое влияние сталинизма привело к тому, что в то время в качестве важного показателя научной ценности становятся цитаты и ссылки на труды Ленина (как раньше ссылались на Сталина) и партийные решения. В результате исследователей 20-х годов абстрактно упрекали в недостаточном использовании ленинских работ, хотя изучавшиеся ими сугубо юридические аспекты не всегда этого и требовали. В то же время и Якубовская и Чугаев считали положительной чертой работ второго историографического этапа правильное освещение этапов объединительного движения и внимание к деятельности Коммунистической партии. Но ведь критерием правильности взглядов авторов в данном случае служила схема объединительного движения, содержавшаяся в резолюции XII съезда партии по национальному вопросу и работах Сталина. Что же касается описания деятельности партии и ее руководителей, то, конечно, появление этого аспекта в исследованиях как специального направления научного поиска можно было бы только приветствовать, но, как признают оба историографа, к сожалению, оно было далеко от исторической правды.

Таким образом, при оценке таких аспектов рассматриваемой проблемы, как роль Ленина и партии, акцент сознательно или подспудно смещался с того, как пишут, на то, о чем пишут. Получалось, что если пишут о Ленине и партии (естественно, в соответствии с директивными указаниями ее руководителей), то это уже само по себе хорошо и правильно. В дальнейшем, в годы так называемого застоя, на этом будут

---

[7] Там же. С. 41–42.

[8] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 7. М., 1971. С. 206.

спекулировать сотни околонаучных авторов, на все лады перепевавших к очередному юбилею давно известные истины.

Начало третьего историографического этапа Якубовская и Чугаев обоснованно относят к середине 50-х годов. Историографический анализ работ тех лет сосредоточен на том, как в них отражена роль Ленина и партии в разработке теоретических проблем советской федерации, строительстве союзного государства, критике плана «автономизации», международном значении образования СССР. В разделах работ о современной (для авторов историографических статей) литературе по рассматриваемой проблеме в наибольшей степени проявился такой типичный недостаток, как библиографизм, когда историографический анализ превращается в совокупность небольших аннотаций на отдельные труды, причем конкретный вклад исследователя определяется в общих чертах, а внимание концентрируется на отдельных, порой частных проблемах. Библиографизм, вероятно, неизбежен при оперативном отклике на недавно изданные книги и статьи, и наличие этого недостатка отнюдь не делает историографические публикации бесполезными для науки в целом. Но по ним все же трудно судить о степени изученности всех аспектов рассматриваемой темы.

В какой-то мере этого недочета не удалось избежать и М. И. Куличенко, когда он характеризует только что появившиеся тогда монографии С. И. Якубовской и С. С. Гилилова. Однако, определив на основе этих книг наиболее дискуссионные аспекты современной ему историографии образования СССР, он поставил в центр историографического анализа различные точки зрения ученых и высказал о них свое мнение. Такой подход позволял изживать элементы библиографизма. В еще большей степени проблемный принцип анализа литературы присущ более поздним работам вышеуказанных авторов[9]. В них были конкретно сформулированы хорошо изученные аспекты, выявлены спорные вопросы и проанализированы позиции авторов, указаны пробелы в работах советских историков и государствоведов (внешнеполитический фактор образования СССР, его международное значение и проч.).

---

[9] См.: *Куличенко М. И.* Юбилейная литература о месте и роли национального вопроса в Октябрьской революции // Вопросы истории КПСС. 1969. № 3; *Якубовская С. И.* Основные этапы и проблемы историографии национально-государственного строительства в СССР // Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР. Душанбе, 1970; *Чугаев Д. А.* Историография образования Союза ССР // Коммунистическая партия — организатор Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972.

Дальнейшее историографическое изучение образования СССР шло в русле общей концепции советской исторической науки, в основном сложившейся к середине 60-х годов и наиболее полно отраженной в IV томе «Очерков истории исторической науки в СССР». Авторский коллектив, состоявший из ведущих историков и историографов во главе с М. В. Нечкиной, исходил из соответствия крупных периодов развития советской исторической науки основным этапам истории советского общества, органической частью которого она является. Мысль, в принципе, верная, особенно применительно к изучению истории советского периода. Все дело заключалось в том, чтобы правильно определить содержание и хронологию этапов. Они были выделены, как уже отмечалось, в строгом соответствии с программными документами КПСС того периода и выглядели следующим образом: переходный период от капитализма к социализму (1917 — середина 30-х годов); период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (середина 30-х — середина 50-х годов). Этой исходной периодизации соответствовала производная от нее трехчленная периодизация развития советской исторической науки. Содержание его первого периода (1917 — середина 30-х годов) составляла борьба за утверждение марксистско-ленинской концепции исторического процесса. Следующий этап (середина 30-х — середина 50-х годов) — от времени утверждения марксистско-ленинской концепции, ставшей основой для всех отраслей исторического здания, до XX съезда КПСС. Начальным рубежом здесь считали известные постановления партии и правительства, касавшиеся изучения истории (1934–1936 гг.). Третий период (с середины 50-х годов) приходится на время, когда решениями XX и XXII съездов КПСС создались благоприятные условия для дальнейшего подъема исторической науки[10].

Сегодня нам уже нетрудно заметить, что основу отправной периодизации составляет сталинская схема развития советского общества, сохраненная авторами «Очерков...» в нетронутом виде. Она была внедрена в общественные науки еще во второй половине 30-х годов через краткий курс «Истории ВКП(б)» и получила директивное закрепление в документах XVIII съезда партии. Согласно взглядам ее творца, послеоктябрьская история нашей страны выглядела в виде прямой восходящей линии от капитализма к социализму и далее к коммунизму. Соответственно столь же прямолинейно-поступательно должна была развиваться и историческая наука. Поскольку основным политическим содержанием переходного периода считалась обострявшаяся классовая борьба

[10] Очерки истории исторической науки в СССР. Т 4. М., 1966. С. 3, 11–20.

рабочего класса и трудящегося крестьянства с буржуазией города и деревни, в развитии исторической науки акцент делался на освещении борьбы марксистско-ленинского направления с буржуазной и мелкобуржуазной историографией. Подобно тому как под провозглашенный Сталиным в середине 30-х годов вывод о победе социализма в СССР стали подгонять соответствующие типологические характеристики советского общества, далеко не всегда соответствующие реальности, так и в анализе развития самой исторической науки от сформулированных партийными идеологами аксиом шли к реальному историографическому процессу, а не наоборот, как следовало бы. Причины живучести сталинских идеологических канонов в общих чертах ясны: партия преодолевала культ личности Сталина, а не сталинизм и сталинщину, т. е. боролась не с болезнью общества, а лишь с ее внешними проявлениями.

Однако было бы несправедливо утверждать, что эта борьба прошла бесследно и не дала никаких позитивных результатов. Ее основным итогом было то, что историографы, все еще находясь в сталинской системе координат, правильно определили вектор движения из порочного круга, что нашло отражение и в рассматриваемых «Очерках...». Его авторы довольно точно определили критический рубеж, начиная с которого стало сказываться пагубное влияние культа Сталина на историческую науку, отнеся его к концу 20-х — началу 30-х годов, а не к середине 30-х, как доказывалось раньше. Верно были определены и характерные проявления сталинизма в исторических исследованиях: укоренение формализма и начетничества, подмена исследований цитатами, подгонка выводов под предвзятые умозаключения[11]. Но дальше этого авторский коллектив не пошел. Уже стало сказываться сдерживание процесса десталинизации сверху. Не удалось даже в полной мере использовать перспективные идеи предыдущих историографических трудов, в которых влияние культа личности предлагали рассматривать как распространение немарксистского подхода к изучению исторического процесса. Конечно, это торможение не было случайным. Дальнейшее продвижение в этом направлении ставило под сомнение саму правомерность исходной и производной периодизации, обнажило противоречивость сложившейся концепции развития общества и исторической науки.

Положения общепринятой схемы о победе социализма, установлении подлинной демократии плохо согласовывались с признанием в те годы нарушений законности, массовых репрессий и злоупотреблений

[11] Там же. С. 18.

властью. Согласно ей, получалось, что марксистско-ленинская идеология восторжествовала как раз в тот самый момент, когда пышно расцвел культ Сталина, догматизм и прочие пороки. Видимо, в какой-то степени противоречивость подобных построений все же осознавалась партийными идеологами тех лет. Для того чтобы их снять, в партийные документы было заложено утверждение о том, что культ личности и его последствия не привели к перерождению основ советского государственного и общественного строя[12]. Аналогичными образом «решили» эту проблему руководители авторского коллектива «Очерков...», отметив, что названные негативные явления были присущи «не всем работам в одинаковой степени, исследование не прерывалось и копило результаты, но процесс развития науки затормозился. Однако культ личности не может заслонить многогранную деятельность партии, историческое значение ее борьбы против враждебных взглядов и течений, великие успехи партии и народа в строительстве социализма, успехи в области науки, в том числе и исторической»[13].

И еще на одно ключевое звено рассматриваемой концепции хотелось бы обратить внимание. Оно находилось в прямой логической связи со всеми предыдущими. Коль скоро было признано, что основу исторической науки составляла марксистско-ленинская концепция, то вполне естественно во главу угла нужно было поставить труды ее творцов. После критики Сталина единственным последовательным марксистом остался Ленин. Именно ему в соответствии с неизжитой логикой сталинской схемы были отданы все лавры первенства. Ленин был назван основоположником советской исторической науки. Его стали рассматривать не только в качестве гениального и непогрешимого теоретика и методолога, но и как первого историка и историографа советского общества, в трудах которого с исчерпывающей полнотой даны ответы на все принципиальные вопросы советской истории. Отсюда развитие марксистско-ленинской концепции изображалось как поступательное движение по пути овладения сказанным и написанным Лениным. Такой подход предопределил структуру общих и специальных историографических работ. Они непременно открывались реконструированной авторами ленинской концепцией рассматриваемой проблемы, а затем прослеживался поэтапный процесс ее внедрения в соответствующую отрасль исторического знания. При такой логике построения научных трудов догматизация и канонизация ленинского наследия были неизбежны.

---

[12] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 210.

[13] Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. С. 18.

В 70-е — начале 80-х годов рассмотренная схема была несколько модифицирована. Положение о развернутом строительстве коммунизма было заменено активно пропагандировавшейся концепцией развитого социализма. Рубеж второго и третьего историографических этапов был сдвинут с середины 50-х на конец 50-х — начало 60-х годов, когда, согласно новым представлениям, наше общество достигло стадии зрелого социализма, что увязывалось с выводами XXI съезда КПСС о полной и окончательной победе социализма и принятием новой Программы партии на XXII съезде КПСС.

Перенос хронологической границы на несколько лет можно было бы считать несущественным, если руководствоваться стадиально-формационными критериями периодизации, что внешне и было сделано. Однако эта передвижка во времени имела серьезные последствия для историографии, поскольку смещала акцент с решений XX съезда КПСС о культе личности. В 70-е годы процесс десталинизации общества не только был приостановлен, но даже кое в чем сдал завоеванные позиции. О культе личности перестали упоминать в партийных документах и соответственно в научных трудах.

В такой обстановке историографы стали объединять в один этап литературу, изданную при Сталине, с научными трудами периода «оттепели». В результате либо освещение негативного влияния культа личности совсем исчезло из характеристики этого удлиненного историографического этапа, либо ущерб, нанесенный им исторической науке, констатировался несколькими общими фразами, не показывался на конкретном материале. Вновь стали говорить о том, что в эти годы были успешно преодолены тенденции схематизма, модернизаторства, вульгарного социологизма[14]. Достаточно вспомнить «Историю ВКП(б). Краткий курс», чтобы понять, насколько эти утверждения соответствовали истине. Инерционность авторов и перестраховка издательств, фактически выполнявших роль цензуры, в отношении освещения пагубного влияния сталинского режима были столь велики, что даже в первые годы перестройки традиционная схема менялась очень медленно[15].

Что же касается проблемы образования СССР, то в общей историографической литературе она отражена довольно поверхностно и больше напоминает библиографический обзор, чем историографический анализ. В IV томе «Очерков...» отмечено лишь, что в 20-е годы историка-

---

[14] Там же. С. 11.

[15] См., напр.: *Барсенков А.С.* Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955). М., 1988; *Он же.* Основные этапы изучения советского общества в исторической науке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1990. № 2.

ми недооценивалось значение нового союзного государства, чем и объясняется отсутствие работ на эту тему. Вместе с тем представители правовой науки уделяли этой проблеме большое внимание. Однако и они, по мнению авторов «Очерков...», также недооценивали значение союзного государства, поскольку рассматривали его в плане уточнения и совершенствования уже имевшихся договоров [16].

Столь же лаконично охарактеризована литература 30–50-х годов. Здесь выделена проблематика исследований, названы авторы, но не прослежена динамика концепции рассматриваемой темы[17]. Более подробно образование СССР отражено в обобщающих трудах по истории государства и права, так как советская государственность является в них специальным предметом исследования[18]. Общая концепция этих работ не отличается оригинальностью по сравнению с историографическими исследованиями историков, вышедшими в 70-х — начале 80-х годов, поскольку методологические ориентиры, содержащиеся в партийных документах, были одни и те же. В ее основу положена та же трехчленная периодизация истории советского общества, повернутая к развитию государства от диктатуры пролетариата к общенародному. И в них прослеживается борьба за утверждение марксизма-ленинизма в теории и истории государства и права, содержится утверждение о преодолении в 30–50-е годы вульгарно-социологического подхода и не упоминается культ личности Сталина.

Однако эти труды все же интересны как первые попытки обобщения и систематизации всего массива государственно-правовой литературы, предпринятые после пятидесятилетнего перерыва. Они дают представление о проблематике исследований, позициях авторов, состоявшихся дискуссиях и слабо изученных аспектах. О сильных и слабых сторонах историко-правовых историографических трудов этого периода с полным основанием можно судить, обратившись к самой, пожалуй, интересной и содержательной монографии этого жанра, написанной Н. Я. Куприцем. Автор выявил и систематизировал практически всю литературу 20 30-х годов по советскому государственному праву. Рассматривая советские конституции в качестве нормативной базы для формирования науки советского государственного права, автор выделил три этапа ее становления и развития, ориентируясь на даты принятия Конституций РСФСР

---

[16] Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. С. 492–493.

[17] Там же. С. 448–449; *Барсенков А. С.* Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955). С. 62–63.

[18] Советская историко-правовая наука (очерки становления и развития). М., 1978; Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. М., 1976.

и СССР — 1918, 1923 (имеется в виду принятие Конституции СССР II сессией ЦИК СССР 6 июля 1923 г.), 1936 гг. В рамках этих этапов им подробно воспроизводятся и оцениваются различные трактовки государствоведами проблем Советской Конституции, организации Советского государства и его форм, где акцент сделан на различных подходах в освещении советской федерации и автономии; избирательного права. В отличие от своих предшественников Куприцу удалось показать столкновение различных мнений ученых и проследить эволюцию их взглядов. Несомненной заслугой автора является внимание к складыванию понятийно-категориального аппарата правовой науки.

Однако непреодоленная сталинская схема развития советского общества, положенная в основу анализа, сказалась не только на общей концепции монографии, но и на трактовке методологических аспектов рассматриваемой проблемы. Уже сама исходная установка Куприца о том, что «главное в развитии советского народа, идущего под руководством партии по пути строительства коммунизма, как и в развитии его науки, составляют не ошибки и недостатки, а достижения и победы»[19], свидетельствует об односторонности и некоторой заданности анализа. Применение марксистского диалектического метода в государственно-правовой науке он сводит к последовательному соблюдению классового подхода, фактически понимаемого в том его вульгаризированном виде, который внедрялся Сталиным и его единомышленниками с конца 20-х годов. Отсюда предвзятое отношение Куприца к формально-юридическому методу как к каналу проникновения в советское право буржуазных идей. Вслед за Г. С. Гурвичем, А. К. Стальгевичем и др. он считал, что использование этого метода позволяет в лучшем случае судить лишь о формах государства в ущерб содержанию, обусловленному его классовым характером. Такая методологическая установка не позволила автору по достоинству оценить доводы тех ученых, которые еще в 20-е годы считали возможным использовать понятие «правовое государство» в отношении советской государственности (А. В. Малицкий и др.). Этот термин рассматривался Куприцем как вредное влияние буржуазной правовой науки.

Как скрупулезный исследователь Куприц не мог не заметить искусственное обострение идеологической конфронтации на рубеже 20–30-х годов и ее влияние на развитие государственного права. Но им весьма робко осуждались лишь ее чрезмерно острые формы, приводившие к всевозможным преувеличениям, но не сущность, состоявшая, по его

[19] *Куприц Н. Я.* Из истории науки советского государственного права. М., 1971. С. 10.

мнению, в борьбе за чистоту марксистской государственно-правовой теории[20].

Исследования, написанные на общесоюзном материале, дополняют историографические работы, ограниченные республиканским масштабом. В этом плане представляет интерес книга Б. М. Бабия. Хотя по уровню обобщения литературы она соответствует библиографическому обзору, тем не менее из нее можно получить дополнительные сведения о крупных советских государствоведах, работавших на окраине, и их трудах. Бабий отметил, что проявления правового нигилизма дали себя почувствовать в начале 30-х годов, что культ личности Сталина причинил колоссальный ущерб правовой науке, но это верное само по себе утверждение не вытекает из произведенного им обзора литературы соответствующего периода, входя в противоречие с общей концепцией автора[21].

Общие историографические труды вместе с историографическими статьями об образовании СССР послужили фундаментом для серии кандидатских диссертаций, специально посвященных рассматриваемой проблеме. Правда, первая из них, защищенная Е. А. Зайцевой в 1969 г., носила не историографический, а источниковедческий характер[22]. Однако ее автор не ограничилась определением информационных потенций традиционных групп исторических источников, а попыталась выяснить, насколько полно выявленные ею материалы введены в научный оборот, указав тем самым на упущенные историками возможности. Зайцева совершенно верно рассматривала партийную публицистику 20-х годов не как литературу, а как источник и даже посвятила ей специальную главу диссертации. Правда, это не помешало ей годом раньше в историографической статье упрекнуть С. И. Якубовскую в том, что она забывает о работах партийных и советских деятелей, считая зачинателями изучения образования СССР юристов[23]. Однако другое замечание Зайцевой в тот же адрес об искажении взглядов С. А. Котляревского, несправедливо обвиненного Якубовской в допущении аналогии между буржуазной и советской федерациями, высказано вполне обоснованно. Правда, не вполне объективный подход имел место не только со стороны

---

[20] Там же. С. 24, 102, 123–124.

[21] См.: *Бабий Б. М.* Очерк развития правовых исследований в Украинской ССР (1919–1984 гг.). Киев, 1984. С. 38.

[22] См.: *Зайцева Е. А.* Политика РКП(б) и Советского правительства по национальному вопросу в 1921–1925 г. (Обзор опубликованных документов). Л., 1969.

[23] См.: *Зайцева Е. А.* Советская историография политики РКП(б) по национальному вопросу (1921–1923 гг.) // Из истории КПСС и Ленинградской партийной организации: Сб. ст. Вып. 1. Л., 1968. С. 66.

Якубовской и не только по отношению к позиции Котляревского, а был унаследован от острых идеологических споров рубежа 20–30-х годов.

Первая кандидатская диссертация по историографии образования СССР была подготовлена М. А. Малиновским в Харькове в 1973 г. Двумя годами позже в Москве диссертация на ту же тему была успешно защищена С. В. Кулешовым, а в год 60-летия СССР — Н. М. Родионовой (Воронеж). В этих трех взаимодополняемых работах не только видны достижения и просчеты советской историографии 70–80-х годов, но и прослеживается общая закономерность ее развития в так называемый застойный период. Все авторы строго придерживаются общей историографической концепции и исходят из развития исследования образования СССР по восходящей линии и в ускоряющемся темпе. Каждый из них начинает диссертацию с изложения своего понимания ленинского учения о советском многонациональном государстве (на самом деле в этих главах воспроизводятся взгляды наиболее известных специалистов). Затем следует поэтапная характеристика литературы под углом зрения выделенных в первой главе проблем, которая и рассматривается как процесс утверждения марксистско-ленинской концепции. Авторы диссертаций не отказались от сложившейся к тому времени оценки литературы 20–30-х и 30–50-х годов. Таким образом, существенных расхождений между ними нет.

Диссертации отличаются друг от друга главным образом акцентами на определенные ракурсы общей проблемы: Малиновский написал работу в общеисторическом русле, Кулешов и Родионова — в историко-партийном. Есть и некоторые различия в предложенной ими периодизации исторического процесса. Если Малиновский придерживается схемы, сложившейся в 60-е годы, и считает вехами середину 30-х и середину 50-х годов, то Кулешов воспроизводит уже откорректированный ее вариант, удлиняя 2-й этап до конца 50-х годов. Родионова литературу второй половины 50-х — начала 80-х годов объединила в один период с двумя этапами и рубежом в середине 60-х годов. Выделение последнего этапа обосновывается тремя причинами: активизацией научных исследований с конца 60-х годов (в этот период, по подсчетам Родионовой, было издано более 500 монографий и брошюр, тогда как до середины 50-х годов — около 30); углублением разработки рассматриваемой проблемы в связи с расширением источниковой базы; переходом от сбора фактического материала к теоретическим обобщениям и появлением трудов, написанных учеными разных специальностей[24].

---

[24] См.: *Малиновский М. А.* Образование СССР в советской историографии (1922–1971): Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1973; *Родионова Н. М.* Историко-партийная литература о деятельности Коммунистической партии по образованию Союза Со-

Правомерность рассмотрения литературы 70-х — первой половины 80-х годов в рамках самостоятельного историографического этапа сейчас сомнения не вызывает, хотя трудно согласиться с его характеристикой, содержащейся в диссертациях. Членение историографического процесса на этапы должно быть методологически обоснованным. При всем известном догматизме и схоластичности трудов по методологическим проблемам историографии в разработке этого аспекта имеются и полезные результаты. В ходе продолжавшейся на протяжении ряда лет дискуссии историографы пришли к выводу, что ведущим критерием периодизации должна быть эволюция концепции. Кроме того, необходимо учитывать теоретико-методологический уровень исследований, их источниковую базу, общественно-политическую обстановку, в которой создавались научные труды, что позволяет глубже уяснять причины и характер изменений в самой концепции[25].

Именно этот ведущий критерий и не сработал в исследовании Родионовой. На первый план диссертантка поставила количественную характеристику литературы. Между тем увеличение числа опубликованных работ не всегда автоматически является показателем активизации научного поиска. В юбилейные годы (1972, 1982) выходили сотни книг и статей, не радовавших читателя ни новизной трактовок, ни свежестью фактического материала. Наоборот, нередко оригинальные, хотя и небесспорные работы подвергались резкой критике в общественно-политических и научных изданиях, так как некоторые их нетривиальные идеи противоречили господствовавшим в науке традиционным концепциям или приевшимся идеологическим догмам. В качестве типичного примера можно привести резонанс научной общественности на работу И. М. Кислицына. Наиболее интересные мысли, высказанные автором, были начисто отвергнуты большинством специалистов.

Само по себе отсутствие новых идей в научных трудах говорит об устойчивости концепции. В некоторых случаях это объясняется тем, что исследователи вводят новый фактический материал, еще укладывающийся (или подгоняемый) в рамки ранее сформировавшейся концепции. Он позволяет уточнить или дополнительно аргументировать некоторые ее аспекты. Если же в научных трудах традиционная концепция воспроизводится на известных фактах или даже на более узком конкретно-истори-

ветских Социалистических Республик: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1982. С. 3–4, 13–14.

[25] См.: *Нечкина М. В.* О периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1960. № 1; *Сахаров А. М.* Методология истории и историография. (Статьи и выступления). М., 1981. С. 130, 132, 136, 140.

ческом материале, то правомерно констатировать застойные или регрессивные тенденции в историографии. Эти явления также должны включаться в характеристику историографического процесса[26].

Применительно к рассматриваемой теме некоторая корректировка концепции все же имела место, хотя и не была столь отчетливо выражена, как после XX съезда КПСС; видимо, поэтому историографы своевременно не зафиксировали ее. Более того, ресталинизация повлияла и на сами историографические работы, в частности, в какой-то степени проявилась и в рассматриваемых диссертациях.

Наиболее рельефно она проявилась при анализе литературы 30–50-х годов. Так, С. В. Кулешов отметил возобладавшую в этот период тенденцию к преувеличению роли И. В. Сталина в образовании СССР. Диссертант утверждал, что она выражалась в частом, догматическом цитировании работ Сталина, которым отводилось подчас больше места, чем фундаментальным ленинским трудам. Ссылаясь на статью в журнале «Коммунист» (1956, № 5), он специально поясняет, что констатация этого факта не ставит под сомнение самостоятельную ценность трудов Сталина. Иными словами, он видит порок отмеченного им явления не в его сущности, а лишь в его внешней форме. Из этого напрашивается вывод о том, что стоит только прекратить обильно цитировать Сталина — и сразу же наступит избавление от излишнего преувеличения его роли. Еще более заметным оказалось влияние ресталинизации на оценку «Краткого курса истории ВКП(б)». В нем, по мнению Кулешова, были даны «методологически верные и теоретически глубокие оценки» каждого из этапов образования СССР[27]. Естественно, подобная позиция не позволяла историографам разглядеть неизжитость сталинской концепции в научной литературе, поскольку она была прикрыта именем Ленина и авторитетом партийных документов, сталинское авторство большинства из которых не афишировалось.

Привлекает внимание еще одно спорное положение рассматриваемых диссертаций. Выше уже отмечалась неправомерность рассмотрения работ Ленина в качестве историографического источника, но все диссертанты, идя за общими историографическими трудами, тем не менее включали их в сферу своих изысканий. Ленин при этом рассматривался как теоретик, практик, историк и историограф. Кулешов, к примеру, одну из задач историографического исследования видел в том, чтобы проанализи-

---

[26] В этом отношении был прав А. М. Сахаров, когда он не согласился с М. В. Нечкиной, утверждавшей, что труды, которые ничего нового не вносят в науку, должны выпадать из ее истории (см.: *Сахаров А. М.* Указ. соч. С. 134).

[27] См.: *Кулешов С. В.* Историография деятельности Коммунистической партии по созданию СССР: Дис. ...канд. ист. наук. М., 1975. С. 102.

ровать источниковую базу работ В. И. Ленина, изучить историю создания его крупных произведений, выявить методику работы Ленина над своими трудами. Позиция Кулешова по этому вопросу оставалась неизменной до конца 80-х годов, о чем свидетельствует первая глава его докторской диссертации, защищенной в 1985 г.[28] Лишь недавно он стал высказывать идеи, прямо противоположные положениям обеих своих диссертаций[29].

Столь же неправильно относить к историографии речи, доклады и публицистику руководителей партии и государства (И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе, М. И. Калинина, С. М. Кирова и др.) и рассматривать их в качестве исследователей истории образования СССР, за что также наиболее рьяно ратовал Кулешов, пытаясь проследить зарождение историко-партийной историографии. Вряд ли сегодня можно согласиться со встречающимся во всех диссертациях положением о том, что Ленин всесторонне разработал концепцию союзного многонационального государства. Такую концепцию, по крайней мере в законченном виде, он создать не успел: помешали занятость другими делами, болезнь и смерть. Конечно, эта группа источников оказала сильное влияние на научную литературу, что, ко всему прочему, объясняется некритическим отношением к ней со стороны историков. Историограф может и должен учитывать это влияние, но никак не отождествлять источники и литературу. Между тем среди партийных и государственных деятелей рассматриваемого периода были ученые, которые написали научные труды по истории (М. Н. Покровский и др.), государству и праву (П. И. Стучка и др.). Только в этом случае их работы можно отнести к научной литературе и считать предметом историографического анализа.

К юбилейным датам в исторической периодике обычно появлялось несколько историографических обзоров, в которых авторы (историки и юристы) анализировали новую литературу об образовании СССР[30].

---

[28] См.: *Кулешов С. В.* Историография ленинской национальной политики партии большевиков в трех российских революциях. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1985. С. 19–20.

[29] См.: *Кулешов С. В.* Метаморфозы интернационализма // Наше Отечество. Ч. II. М., 1991.

[30] См.: *Кукушкин Ю. С.* Проблемы изучения истории создания Союза ССР // История СССР. 1972. № 6; *Ахмедов М. С.* Некоторые вопросы истории образования Союза ССР // Вопросы истории КПСС. 1973. № 2; *Зайцева Е. А., Овсянкин В. А.* Образование Союза Советских Социалистических Республик в новейшей советской литературе // Вестник ЛГУ. 1982. Вып. 4. № 20; *Зевелева Е. А., Кулешов С. В.* История образования СССР в советской литературе последнего десятилетия // Вопросы истории. 1982. № 11; *Чистяков О. И.* Образование СССР. (Некоторые вопросы историографии) // История СССР. 1983. № 1.

Хотя нередко эти публикации грешили библиографизмом, все же пользу они приносили, привлекая внимание научной общественности к новым работам и помогая неспециалистам ориентироваться в проблематике рассматриваемой темы. Кроме того, их авторы высказывали свое собственное мнение по существу поднятых в историографии проблем, представлявшее интерес и для специалистов.

Несколько историографических статей было написано и автором этих строк[31]. В них была предпринята попытка проследить динамику концепции образования СССР в 70-е годы. С этой целью была рассмотрена трактовка всех узловых проблем данной темы. В результате проведенного анализа серьезные концепционные изменения выявить не удалось. Был сделан вывод о подтверждении концепции, сложившейся в середине 50-х — середине 60-х годов, как вполне научно оправданной. Сегодня очевидно, что такая оценка литературы 70-х годов была недостаточно верной. Как и другим историографам, мне не удалось констатировать тенденции к застою и частичной ресталинизации.

Следующее направление в историографическом изучении рассматриваемой темы представлено работами, посвященными отдельным ее аспектам. Еще в 1967 г. С. И. Якубовская выбрала для историографического обзора относительно слабо изученную проблему — участие народов советского Востока (Средней Азии и Закавказья) в образовании и развитии СССР[32]. В последующие годы появились аналогичные исследования, написанные на материалах Украины[33]. Сюда же следует отнести историографические труды по смежным или более широким проблемам, имеющим принципиальное значение для изучения рассматриваемой темы. Это прежде всего историографические публикации по истории национально-государственного строительства, национальной политики и национальным отношениям[34].

---

[31] См.: *Байбаков С.А.* История образования СССР в советской историографии 70-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 6; *Он же.* Актуальные проблемы образования советского многонационального государства // Социальные аспекты истории советского народа как новой социально-интернациональной общности людей. М., 1982.

[32] См.: *Якубовская С. И.* Народы Советского Востока в образовании и развитии СССР. (Историографический обзор) // Народы Азии и Африки: история, экономика, культура. 1967. № 6.

[33] См.: *Белый П. Ф.* Отражение участия украинского народа в объединительном движении за образование СССР в документальных публикациях и монографиях // Исторические источники и их изучение. Вып. 7. Киев. 1972.

[34] См.: *Маланчук В. Е.* Вопросы историографии национальной политики КПСС // Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию наци-

Подводя итоги историографического изучения образования СССР в доперестроечный период, приходится констатировать его отставание как от потребностей исследовательской практики, так и от историографии смежных тем советской истории. Историографам удалось решить сравнительно ограниченный круг проблем, многие из которых (прежде всего характеристика исторических этапов) нуждались в существенном пересмотре. Ими была выявлена практически вся имеющаяся литература, установлено, кто из авторов по каким вопросам и что писал, определены дискуссионные проблемы и позиции спорящих сторон. Однако ведущий компонент историографического исследования (динамика концепции) показан слабо, с догматических методологических позиций. Составить целостное представление о степени изученности всех аспектов концепции по ним трудно из-за непреодоленного библиографизма.

Поступательное развитие исторической науки должно обеспечиваться историографическими исследованиями различных типов — от рецензии до специальной монографии, — каждое из которых имеет свои функции и особенности, различаясь уровнем историографического обобщения. Но даже работая над рецензией или историографическим обзором, допускающими первоначальный, низший уровень такого обобщения, автор должен определить место анализируемой книги или серии работ в имеющейся литературе, установить вклад (или отсутствие такового) в изучении проблемы. Ясности по этим вопросам как раз и не хватало многочисленным рецензиям и обзорам, появлявшимся в научной периодике 70-х — первой половины 80-х годов, получивших меткое определение «комплиментарных». Ознакомившись с ними, трудно было понять, чем обогащала науку каждая новая работа, к тому же если она не являлась первой публикацией автора по этой теме, то было неясно, какая новая информация в ней содержится. При существовавшей практике рецензирования высокую оценку порой получали работы, авторы которых ограничивались лишь более или менее квалифицированным изложением уже неоднократно высказывавшихся идей, подкрепленных ссылками на давно уже введенные в оборот источники.

Возраставший поток поверхностно-описательных рецензий и обзоров, конечно, отразился на качестве историографических работ более

ональных отношений в СССР. М., 1972; *Тадевосян Э. В.* Проблемы советской историографии национально-государственного строительства в СССР // История СССР. 1978. № 6; *Бромлей Ю. В.* К изучению основных этапов и направлений национальных отношений в СССР// История СССР. 1979. № 2; *Зевелев А. И., Кулешов С. В.* История национально-государственного строительства в новейшей советской литературе // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. М., 1980.

высокого ранга (статей, монографий, диссертаций), поскольку он не способствовал созданию прочной базы для более серьезных обобщений. Распространение легковесных историографических публикаций имело множество негативных последствий, с одной стороны, порождая скептическое отношение специалистов к историографии вообще, а с другой — соблазняя видимостью простоты неискушенных, начинающих исследователей, причем безотносительно к тому, занимались ли они отечественной или зарубежной историографией. Страдала в конечном счете наука, ибо недостаточно квалифицированные исследования не только не способство- вали распространению новейшей научной информации, но, что самое досадное, не позволяли своевременно констатировать замедление темпов исследований и нарастания других негативных явлений. Ведь кто, как не историографы, должны были первыми уловить тревожные тенденции, наметившиеся уже к началу 70-х годов, однако они этого не сделали.

Историография периода перестройки началась с ломки неизжитых сталинских схем истории советского общества. Первоначально речь шла о возвращении к ленинизму, очищению его от сталинских и прочих наслоений. Применительно к рассматриваемой теме такой подход нашел воплощение в историографических работах А. П. Ненарокова. В его статье, само название которой говорит об отказе от традиционного представления о прямолинейно-поступательном развитии советской историографии, процесс образования СССР предстает в более сложном виде, как движение научной мысли по извилистому пути не только вперед, но и вспять, пути, полному драматизма, приобретений и потерь.

Автор начал с того, что отверг положение о Ленине как первом профессиональном историке рассматриваемой темы, резонно заметив, что первый глава Советского правительства был прежде всего политиком-практиком, «опиравшимся в своих выводах в лучшем случае на политические обобщения исторического опыта, не преследуя задач историко-профессионального анализа»[35]. Правда, при этом Ненароков все же подчеркнул, что Ленину принадлежит первенство в историческом анализе проблем объединительного движения народов, национально-государственного и национально-культурного строительства.

Менее чем через год в представленной к защите докторской диссертации и изданной на ее основе через два года монографии автор несколько скорректировал свою позицию, сделав ее более противоречи-

---

[35] *Ненароков А.П.* Догматическая канонизация сталинских подходов к решению национального вопроса и потери советской историографии объединительного движения // История СССР. 1988. № 6. С. 58.

вой. Им утверждалось следующее: «Ленин положил начало и профессиональному историческому анализу этих проблем. Однако все это отнюдь не означает, что именно с этого начинается и профессиональное изучение данных проблем исторической наукой» [36]. Такая весьма двусмысленная позиция Ненарокова красноречиво свидетельствовала о том, как нелегко давался историкам отказ от старых идеологических аксиом. Ведь, по существу, им с самого начала была высказана правильная мысль: работы Ленина следует рассматривать как исторический источник, не включая их в историографию.

Определяя основное содержание процесса становления и развития историографии, Ненароков еще по-прежнему видел его в овладении ленинским наследием и концепцией. Однако в отличие от своих предшественников автор считал, что оно шло противоречиво и неоднозначно и вплоть до середины 50-х годов слабо влияло на направление и содержание исследовательских трудов. Таким образом, по существу, Ненароков пришел к совершенно верному заключению о том, что ленинская концепция так и не утвердилась в советской историографии, несмотря на субъективное желание исследователей руководствоваться именно ею. Такой вывод был значительным шагом вперед по сравнению с господствовавшим ранее мнением о том, что к середине 30-х годов ленинская концепция прочно утвердилась в советской историографии.

Процесс изучения объединительного движения советских народов представлен Ненароковым в виде двух витков спирали с вехой в середине 50-х годов. Характеризуя особенности литературы, вышедшей до того периода, автор верно выделил зародившуюся и утвердившуюся в то время тенденцию к упрощенному изложению истории советского общества. В ее основе лежало обоснование правильности и закономерности провозглашенного Сталиным и его ближайшими сподвижниками курса. По мере того как позиции политических противников Сталина или просто чем-то неугодных ему государственных и партийных деятелей оценивались как вредительские, высказанные ими мысли или развитые на их основе идеи отбрасывались прочь, что вело к исчезновению целых направлений в историографии и догматизации сталинской схемы объединительного движения и образования СССР[37].

Основу господствовавшей в эти годы концепции, согласно Ненарокову, составили следующие положения: *1) субъектами объединитель-*

---

[36] ***Ненароков А. П.*** К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов. М., 1991. С. 18.

[37] См.: ***Ненароков А. П.*** Догматическая канонизация сталинских подходов... С. 61.

ного движения считались советские республики или народы этих республик, а суть движения сводилась к вопросу об их более тесном объединении в единый государственный союз; 2) взаимоотношения Российской Федерации с независимыми советскими республиками с самого начала базировались на принципах ленинско-сталинской национальной политики; 3) образование СССР изображалось как итог реализации заранее разработанного Лениным и его единственным верным учеником Сталиным плана строительства союзного Советского государства[38].

Отмеченные Ненароковым характерные черты историографии 30 – 50-х годов можно в том или ином виде обнаружить и в литературе 20-х — начала 30-х годов. Однако трудно согласиться с ним в том, что по тематике, подходам и решениям литература конца 30-х — начала 50-х годов являлась лишь продолжением исследовательских наработок предшествующих лет. Это утверждение идет вразрез с его же утверждением о противоречивости процессов в историографии в период ее становления. К отмеченным выше выводам нельзя свести даже определяющее содержание работ 20-х — начала 30-х годов. Ведь сам автор писал о потерях целых исследовательских направлений, тем, подходов, наметившихся именно в начале изучения объединительного движения и образования СССР. Представляется, что в 20-х — начале 30-х годов указанное Ненароковым направление было одним из быстро усиливавшихся течений в историографии, которое безраздельно утвердилось в науке во второй половине 30-х годов. Таким образом, вряд ли можно считать оправданной ликвидацию рубежа конца 20-х — начала 30-х годов в развитии историографии рассматриваемой темы.

Констатируя победу сталинской трактовки объединительного движения и образования СССР в историографии 30–50-х годов и связанные с этим потери, автор между тем не исключал наличия поступательной тенденции в литературе. Он раскрыл ее, рассмотрев труды историков и юристов. Характеризуя научную литературу, изданную после XX съезда КПСС, Ненароков показал начало преодоления казавшихся незыблемыми сталинских канонов и отметил неприятие новых трактовок неосталинистским, охранительным течением в историографии (особенно по вопросу о так называемом «национал-уклонизме»). По его мнению, это консервативное направление с конца 60-х годов постепенно заняло господствующее место в историографии, перекрыв дорогу многим перспективным подходам, наметившимся в период «оттепели»[39].

---

[38] См.: *Ненароков А. П.* К единству равных... С. 26, 23.

[39] Там же. С. 29–30.

Историографические исследования продолжали и юристы. Е. В. Алферова предприняла новую (после Н. Я. Куприца) попытку обобщить взгляды советских правоведов 20-х годов на федерацию и автономию, справедливо полагая, что в те годы ими был внесен существенный вклад в разработку этой проблемы[40]. Она уделила должное внимание поискам государствоведами общепризнанного значения таких отправных понятий, как «самоуправление», «автономия», «федерация», «конфедерация». Отражая логику развития научной мысли, автор установила генетическую связь проблемы федерации национально-территориального типа с исследованием доктрины самоуправления. Она проследила, как на смену идеи «свободных общин» приходит «государственная теория» самоуправления, согласно которой местным выборным органам придавалось значение государственных учреждений. Тем самым они вписывались в единую систему административной иерархии. Этой теории была противопоставлена «политическая теория» самоуправления, сторонники которой отстаивали независимость органов самоуправления от «министерского» (административного) управления. Самоуправление, т. е. автономию, если ее понимать в широком смысле слова, они рассматривали как децентрализацию государственного властвования[41]. Весьма отрадно, что автор обзора признала, что нигилистический подход при определении понятийного аппарата критиковался еще в 20-е годы С. А. Котляревским, М. О. Рейхелем и другими юристами[42]. Наиболее подробно Алферова обобщила взгляды государствоведов на правовую природу и юридический статус советских автономных республик и областей, суверенитет союзных республик, а также представления о роли федерации в решении национального вопроса.

Через год исследование в этом направлении было продолжено. Коллективом авторов отдела государства и права ИНИОН АН СССР (Е. В. Алферова, Н. А. Богданова, П. Г. Семенов и др.) был опубликован сборник обзоров о становлении и развитии советского государствоведения в 20-е годы[43]. Сравнивая разработанную авторами концепцию с предложенной двадцатью годами раньше трактовкой вопросов Куприцем,

---

[40] См.: *Алферова Е. В.* Советская федерация и автономия — государственно-правовые формы решения национального вопроса (исследования ученых-правоведов 20-х годов). Обзор. М., 1989.

[41] Там же. С. 6–9.

[42] Там же. С. 13.

[43] Становление и развитие советского государствоведения: исследования ученых 20-х годов. Ч. 1–2. М., 1990.

следует отметить их совпадение по многим принципиальным позициям. В качестве теории и методологии был признан марксизм-ленинизм и государственное право, разработанное на его основе. Последовательное проведение марксистско-ленинской методологии фактически свелось к декларированию классовых приоритетов при изучении государства и права, при этом субъективные намерения авторов отождествлялись с результатами их научных исследований (хотя желание при разработке государственного права руководствоваться интересами рабочего класса отнюдь не гарантировало автоматически успешность его реализации). Кроме того, у них не вызывала сомнения и правомерность руководящей роли КПСС в федеративных отношениях советских республик.

В основном совпадают и их объяснения трудностей развития советского государственного (конституционного) права в 20–30-е годы: 1) нежелание исследователей того времени применять дореволюционную правовую терминологию; 2) недооценка правовых норм регламентации государственного строительства; 3) политизированность науки о конституции. Однако перестроечные веяния все же отразились на концепции новой плеяды юристов. При объяснении причин недооценки правовой регламентации функционирования государственных органов ими подчеркивалось фактическое верховенство власти над правом, неизбежное при диктатуре пролетариата[44]. Констатировалась регрессивная тенденция в развитии науки советского государственного права, возобладавшая с конца 20-х годов и приведшая фактически к ликвидации этой отрасли знаний в начале 30-х годов[45]. Правда, один из авторов, П. Г. Семенов, считал, что процесс становления советского конституционного права затянулся, но не прекращался. Он завершился в конце 30-х годов, о чем свидетельствовал выход в свет в 1938 г. первого учебника по этой дисциплине[46]. Широкое распространение таких негативных явлений, как догматизм, вульгарная социологизация, вытеснение плюрализма мнений и нетерпимый характер критики, связывалось с утверждением командно-административных методов руководства и формализацией *функций демократических институтов*.

В русле этой концепции авторский коллектив предпринял попытку нового переосмысления взглядов государствоведов 20-х годов, систематизировав их по следующим проблемам: природа и сущность власти, ее экономическая основа, организационная структура, общие вопросы

---

[44] Там же. Ч. 1. С. 15.

[45] Там же. Ч. 1. С. 14–15.

[46] Там же. Ч. 2. С. 16–17.

Конституции и национально-государственное устройство СССР. Общий вывод таков: в 20-е годы советское государственное право еще не сложилось в самостоятельную отрасль юридической науки, поскольку не была выработана ее концепция, не определился четко предмет ее изучения, не сформировался развитый понятийный аппарат[47].

Веяния первых лет перестройки отражены также в историко-теоретическом исследовании Н. А. Богдановой[48], хотя в концепционном отношении работа немногим отличается от литературы застойных лет. Основной акцент в ней сделан на методологических аспектах исторического исследования в науке советского государственного права. Представляют интерес авторские размышления о единстве исторического и теоретического методов исследования, трактовка идеи преемственности в развитии советского государственного права, постановка вопроса о движении понятийного аппарата науки. Богданова подробно остановилась на методологических аспектах периодизации советского государственного права, обосновав вывод, что ее критерии следует искать в развитии самой науки (изменении концепций и теорий). Можно согласиться и с ее выводами о том, что периодизация государственного права, построенная в соответствии с этапами социально-политической истории страны, нуждается в переосмыслении. Однако в работе сохранены в нетронутом виде традиционные исходные догматические установки на рассмотрение всех явлений государственно-правовой действительности с позиций интересов пролетариата, признание единственно научной марксистско-ленинской теории и методологии, отстаивание чистоты взглядов на советское государственное право с позиций догматизированного марксизма. Допускавшийся в первые годы перестройки плюрализм мнений был ограничен рамками только социалистического выбора и только марксистского образца. Тем не менее в годы перестройки был сделан шаг вперед в осмыслении хода и итогов изучения истории образования СССР.

Наш историографический очерк все же был бы не завершен, если не упомянуть ряд современных историографических исследований, в которых положено начало переосмыслению феномена советской историографии; предпринята попытка по-новому определить содержание этапов советской исторической науки в XX веке, проследить влияние сталинизма на развитие исторических исследований и его эволюцию в период «оттепели»; выяснить причины и суть кризиса отечественной

---

[47] Там же. Ч. 1. С. 3–6.

[48] См.: *Богданова Н. А.* Наука советского государственного права: историко-теоретическое исследование. М., 1989

историографической науки и пути его преодоления[49]. Особое внимание российские историографы уделили анализу тех сложных процессов, которые происходили в недрах советской исторической науки в годы перестройки, когда стремительное, обвальное разрушение старых концепций опережало появление новых научных интерпретаций прошлого[50]. Из этих работ хотелось бы выделить большую историографическую статью Д. А. Аманжоловой, в которой дан проблемный анализ работ о национальной политике в России и СССР, вышедших на рубеже 80–90-х годов. Предметом исследований автора явился обширный массив литературы, хронологически охватывающий дооктябрьский период, годы советской власти и современность. Для нас особый интерес представляют современные трактовки присоединения народов к Российской Империи, развития национально-освободительного движения в России в начале XX в., национальной политики в первые годы советской власти и образования СССР. Автор рассматривает различные, порой диаметрально противоположные мнения российских ученых по этим вопросам, стремясь (хотя и не всегда успешно) преодолеть негативное влияние политической конъюнктуры, свойственное для многих работ последних лет[51].

После рассмотрения хода и итогов историографических исследований хотелось бы кратко изложить свое собственное представление о членении процесса изучения образования СССР. Думается, что его можно разделить на два периода с рубежом в начале 90-х годов. Ориентировочной вехой здесь являются августовские события 1991 г. и распад СССР. Главным критерием выделения этих периодов будет теоретико-методологическая основа исследований. До начала 90-х годов советские ученые могли руководствоваться только марксистско-ленинской теорией, которая считалась единственно научной методологией исторического познания. Влияние немарксистских доктрин сказывалось в самом начале и в конце этого периода, но оно не было определяющим. Доктринальные ограничения сковывали свободу творческой мысли ученых, но не исключали разномыслия и споров в рамках официальной марксистско-ленинской теории и идеологии, которые в свою очередь также эволюционировали. Все это отразилось на формировании и развитии концепции

---

[49] История и сталинизм. М., 1991; Советская историография. М., 1996; Историческая наука России в XX веке. М., 1997; *Сидорова Л. А.* Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997.

[50] См.: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура. М., 1992; *Поляков Ю. А.* Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М., 1995.

[51] См.: *Аманжолова Д. А.* Историография изучения национальной политики // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 308–331.

образования СССР. На основании этого и других вышеуказанных критериев внутри первого периода можно условно выделить 5 этапов с вехами в начале 30-х, середине 50-х, конце 60-х — начале 70-х и середине 80-х годов.

Советские ученые приступили к изучению СССР сразу же после его конституирования. Логика научного поиска требовала от них прежде всего разобраться в сущности вновь образованного государства. Для этого было необходимо, рассмотрев структуру и компетенцию органов государственной власти и управления СССР, а также вошедших в него республик, решить проблему соотношения суверенитета союзного государства и его субъектов, выяснить отличие СССР от других федеративных государств, как социалистических (РСФСР, ЗСФСР), так и буржуазных. Поскольку эти аспекты являются предметом исследования в первую очередь юридической науки, то на первом историографическом этапе (с середины 20-х до начала 30-х годов) ее представители занимали здесь практически монопольное положение.

В работах Г. С. Гурвича, С. А. Котляревского, Д. А. Магеровского, А. В. Малицкого, М. О. Рейхеля, И. П. Трайнина и других государствоведов помимо разного, порой противоречивого и даже противоположного по выводам решения вышеуказанных проблем были высказаны интересные, порой спорные точки зрения на правовые формы взаимоотношения республик до образования СССР, а также определено в общих чертах международное значение этого события. С конца 20-х — начала 30-х годов образование союзного государства теснее связывается с осуществлением программных положений Коммунистической партии по национальному вопросу, отмечается роль В. И. Ленина в интернациональном сплочении советских народов. При этом еще в 1928 г. Г. С. Гурвич обратил внимание на необходимость преодоления упрощенного подхода к изложению взглядов В. И. Ленина на федерацию, высказав при этом ряд существенных, но спорных суждений. Исторические аспекты образования СССР были затронуты в статьях В. И. Игнатьева. Он привел интересный материал о работе конституционной комиссии ЦИК СССР, рассмотрел документы, провозглашавшие СССР. Примечательно и то, что образование союзного государства им рассматривалось как итог объединительного движения советских народов.

На втором историографическом этапе (начало 30-х — середина 50-х годов) к изучению образования СССР активно подключились историки. Первой из них специальную работу по этой проблеме в 1943 г. (в 1947 г. — 2-е изд.) опубликовала Э. Б. Генкина. В конце 40-х — начале 50-х годов появились монографии С. И. Якубовской, Д. А. Чугаева, В. В. Пентковской, И. С. Чигарева, М. И. Куличенко. Историко-правовое направле-

ние историографии получило развитие в работах Д. Л. Златопольского, С. Л. Ронина, О. И. Чистякова и других государствоведов. Разработка исторических аспектов создания союзного государства позволила четко определить хронологические рамки и этапы объединительного движения (4 этапа, начиная с Октябрьской революции до января 1924 г.), а также полнее раскрыть содержание и государственно-правовые формы взаимоотношений республик на каждом из них. Э. Б. Генкина, В. В. Пентковская, С. И. Якубовская ввели в научный оборот ряд важных материалов конституционной комиссии ЦИК СССР.

Расширение исследовательской проблематики в указанных направлениях осуществлялось в условиях режима сталинского единовластия и культа его личности. Обществоведы были вынуждены принимать как бесспорные истины содержавшиеся в выступлениях Сталина положения и выводы. В русле высказанных вождем идей трактовался собранный ими конкретный материал, который подавался таким образом, чтобы недвусмысленно подвести читателя к выводу о гениальности, прозорливости и, следовательно, безошибочности действий Сталина. Этот же идеологический фактор обусловил затухание исследовательской активности по ряду проблем, поставленных в 20-е годы.

В соответствии со сталинской схемой образование СССР выглядело как результат воплощения партией заранее разработанного Лениным и его единственным верным учеником и соратником Сталиным плана. Время его создания относили к весне 1921 г. или даже к концу 1917 — началу 1918 г. Истинная же позиция Сталина, отраженная в подготовленных им или под его руководством документах, отношение к ней В. И. Ленина не упоминались, так как эти материалы были недоступны для исследователей. Позиции оппонентов Сталина преподносились в упрощенно-одностороннем виде и оценивались как национал-уклонистские, троцкистские и сепаратистские. Соответственно и поиск форм государственного союза не мог рассматриваться как плод коллективных усилий, результат противоборства и синтеза различных позиций, каждая из которых имела сильные и слабые стороны. Этими же обстоятельствами объяснялся акцент на борьбе с местным национализмом. Великодержавный шовинизм, несмотря на определение его партийными документами в качестве главной опасности, в литературе тех лет выглядел скорее как потенциальная угроза, чем тревожная реальность.

Подобный упрощенный, конъюнктурный подход сказался и на изображении объединительного движения советских народов, которое фактически сводилось к взаимоотношениям советских республик. Кроме того, показывая преимущества сотрудничества, прослеживая расши-

рение сфер единства республик, исследователи обходили вниманием существовавшие трудности, умалчивали о частых конфликтных ситуациях, требовавших совершенствования установившихся государственно-правовых форм. Таким образом, получалось, что процесс объединения стимулировался лишь сверху, благодаря предвидению, усилиям партийного руководства во главе со Сталиным.

Потепление общественно-политического климата в стране после смерти Сталина и в особенности после XX съезда КПСС благотворно сказалось на изучении рассматриваемой темы. Публикация новых ленинских документов, расширение доступа к архивам, начало борьбы с идеологией и практикой культа Сталина открыли путь к воссозданию реалистической картины формирования союзного государства и положили начало третьему историографическому этапу (середина 50-х — начало 70-х годов).

Отход от сложившейся концепции проявился в повышенном внимании к роли В. И. Ленина в образовании СССР на завершающем этапе объединительного движения. В статьях и книгах В. В. Пентковской, С. И. Якубовской, С. С. Гилилова и других исследователей было показано, что именно Ленин обосновал необходимость объединения республик в федеративное государство нового типа — союз суверенных и равноправных республик. Рассмотрение ленинской аргументации вывело исследователей на такие крупные теоретические проблемы, как понимание интернационализма и национализма, великодержавного шовинизма и местного национализма, фактического и юридического равенства наций и др.

Новые трактовки завершающего этапа развития ленинского учения о социалистической федерации потребовали пересмотра взглядов исследователей на формы государственного единства народов в первые годы советской власти, а также на все марксистско-ленинское учение о формах многонационального социалистического государства. Показательно и то, что в общественные науки вновь стали возвращаться научные дискуссии, не санкционированные сверху. В конце 50-х — первой половине 60-х годов острая полемика развернулась по таким проблемам, как взгляды Ленина на государственно-правовые формы решения национального вопроса в России в дооктябрьский период, и в частности его отношение к федерации и различным видам автономии; изменение отношения Ленина к возможности федерирования России в ходе Октябрьской революции и определение факторов, обусловивших эволюцию взглядов лидера большевиков; время выдвижения плана создания союзного государства и его международное значение. В ходе обсужде-

ния затрагивались не только конкретно-исторические аспекты данной темы. Постановка и обсуждение теоретико-методологических аспектов вышеуказанных проблем позволили сделать шаг вперед на пути преодоления догматической схемы, утвердившейся на предыдущем этапе.

Ленинские статьи и письма 1922–1923 гг. помогли по-новому подойти к оценке позиции соратников, и прежде всего Сталина. В литературе впервые появились сведения о плане «автономизации», была воспроизведена критика его Лениным. Более того, прямо еще не оценивая сталинский проект как проявление великодержавного уклона, исследователи все же отмечали, что неоднократные указания Ленина на опасность великодержавного шовинизма были связаны с ошибками и просчетами, допущенными в ходе подготовки к провозглашению СССР. Однако в то время они считали, что, несмотря на серьезные ошибки, Сталин в целом стоял на правильных, т. е. марксистско-ленинских, позициях и вместе с большинством других руководителей партии и государства следовал предначертаниям Ленина. Видимо, поэтому глубокий анализ факторов (исторических, идейно-теоретических и проч.), обусловивших появление проекта автономизации, так и не был осуществлен. Предпринимались попытки по-новому рассмотреть позиции оппонентов Сталина. В. В. Пентковская и Ю. М. Кочарава отмечали, что руководство ЦК КП Грузии справедливо выступило против «автономизации». Они не повторили прежних оценок сторонников П. Г. Мдивани как националистов и сепаратистов, хотя и воздержались от каких-либо других. Однако такой подход не получил поддержки и развития, поэтому и прежние оценки их позиции были сохранены. Тогда же сняли «клеймо» националиста со Скрыпника, но ничего не изменили в трактовках взглядов Х. Г. Раковского. В этом проявилась непоследовательность позиции ученых, отражавшая и предопределявшаяся половинчатостью и противоречивостью процесса десталинизации советского общества.

Серьезные изменения произошли в освещении всех этапов объединительного движения. В работах М. И. Куличенко, Д. А. Чугаева, Д. Л. Златопольского, О. И. Чистякова и других ученых был реалистичнее показан сложный путь объединения республик, успехи, трудности и просчеты в налаживании сотрудничества между ними. И здесь по ряду вопросов, о которых речь пойдет в соответствующей главе данной работы, мнения исследователей разошлись. Наиболее полно завершающий этап объединительного движения был отражен в монографии С. И. Якубовской «Строительство союзного советского социалистического государства в 1922–1925 гг.». Автору удалось проанализировать причины образования СССР, показать несовершенство договорных отношений между

республиками, ввести в научный оборот новые материалы, отражающие участие трудящихся республик в объединительном движении, подробнее проследить разработку Декларации и Договора об образовании СССР, полемику по узловым вопросам Конституции СССР 1924 г.

Параллельно шла разработка рассматриваемой проблемы в региональном (республиканском) масштабе на материалах Украины (В. М. Курицын, В. А. Чирко, М. И. Куличенко, Б. М. Бабий), Белоруссии (С. А. Маргунский, В. А. Круталевич), Закавказья (С. В. Хармандарян, В. Н. Мерквиладзе, Дж. Б. Гулиев).

Однако с начала 70-х до середины 80-х годов в отечественной историографии образования СССР начинают доминировать застойные тенденции. Застопорившееся введение в научный оборот нового конкретного исторического материала не позволило существенно продвинуться в изучении проблем, поставленных на предыдущем этапе. В изданных в эти годы обобщающих коллективных трудах и монографиях тема излагалась в основном на известном фактическом материале с обкатанными выводами и оценками, выверенными в соответствии с директивными партийными документами. Несмотря на огромный массив юбилейных работ, материалов научных и научно-практических конференций, поток научно-популярной литературы, дискуссии велись вяло и были скорее отзвуком былых научных споров.

В целом сложившаяся к этому времени концепция образования СССР не претерпела существенной модификации, но некоторые изменения в ней все же произошли. Они были обусловлены прежде всего тенденциями, наметившимися в общественно-политической жизни страны: свертыванием критики Сталина и его частичной реабилитацией; нарастанием административно-бюрократических методов управления во всех сферах, в том числе и в научной. В этой обстановке была приглушена критика плана «автономизации» и других просчетов и ошибок, допущенных при образовании и конституировании СССР. Все чаще проводилась мысль о том, что после замечаний и предложений Ленина Сталин отказался от разработанного под его руководством проекта и вместе со всеми претворял в жизнь ленинские идеи. Необходимо также отметить, что ограниченное введение в оборот конкретно-исторического материала не обеспечивало необходимой базы для теоретических обобщений. Развитие теории шло главным образом под влиянием логического фактора в ущерб историческому, что привело к распространению абстрактно-теоретических рассуждений, схоластики и догматизма.

Констатация застойных, а порой и регрессивных тенденций в историографии, конечно, не означает полного отсутствия каких-либо по-

зитивных результатов у советских ученых. Однако они имелись в освещении «периферийных» и региональных аспектов рассматриваемой проблемы: вышли работы о роли периодической печати в образовании СССР, монографии об объединительном движении на Украине и в Белоруссии, тематические источниковедческие и историографические статьи.

С середины 80-х до начала 90-х годов можно выделить следующий историографический этап, связанный с провозглашенной попыткой «социалистической перестройки» советского общества. Примечательно, что «перестроечный» процесс в историографии рассматриваемой темы шел тем же путем, что и во второй половине 50-х годов. Историки вновь обратились прежде всего к завершающему этапу объединительного движения, чтобы в полной мере воссоздать роль Ленина в образовании СССР. Опираясь на его представление о содержании, формах и методах осуществления национальной политики, принципах построения союзного многонационального государства, ученые и публицисты предприняли новую попытку объективного освещения заключительного этапа образования СССР.

В историографии этих лет идеи В. И. Ленина о союзном многонациональном государстве рассматривались в общем контексте возрождавшейся ленинской концепции социализма, тех «коренных перемен» в ней, которые были им намечены в результате осмысления опыта строительства социализма в первые годы советской власти и в условиях перехода к нэпу. Одновременно с нее пытались снять последующие сталинские наслоения и сформулировать опять же на ее основе современные представления о социализме.

Расширившийся круг источников дал возможность по-новому взглянуть на роль соратников В. И. Ленина. Ставшие доступными письма И. В. Сталина и Д. З. Мануильского отразили понимание ими сути таких принципов национально-государственного строительства, как централизм и суверенность, позволили судить об их отношении к различным формам федерации, перспективах развития национальной государственности. Сопоставление взглядов Сталина и его единомышленников с предложениями Ленина свидетельствуют о серьезных разногласиях в высшем партийно-государственном руководстве о подходах к принципам и методам формирования союзного государства и его субъектов, что вело к окончательному отказу от положения о тождественности или близости во взглядах Ленина и Сталина.

Новые документы и более благоприятная атмосфера в стране создали необходимые условия для объективной оценки позиции лидеров партии, являвшихся в 1922–1924 гг. или позже противниками Сталина.

Если раньше их деятельность оценивалась негативно или замалчивалась, то теперь участие Л. Б. Каменева и Л. Д. Троцкого в образовании СССР и выработке национальной политики в период перехода к нэпу стало освещаться по-новому. Произошла переоценка позиции Х. Г. Раковского и руководства ЦК КП Грузии (П. Г. Мдивани и его сторонников). С них сняли клеймо противников образования СССР, сепаратистов и националистов. Их взгляды стали рассматриваться как протест против проекта автономизации и вообще административно-бюрократических методов проведения национальной политики. Теперь уже в новом ракурсе предстала история образования ЗСФСР и ее вхождения в состав СССР, столкновения Орджоникидзе и его сторонников с группой Мдивани и единомышленниками Ф. И. Махарадзе, «грузинский инцидент» и отношение к нему Ленина.

Особенно интересна была попытка А. П. Ненарокова вновь рассмотреть объединительное движение советских народов на всем его протяжении, одновременно впервые в отечественной историографии раскрыв наряду с другими культурные факторы этого процесса. В историографических работах им были рассмотрены этапы изучения объединительного движения, показано, как в его освещении утверждались сталинские оценки и походы, как трудно шел процесс их преодоления. В серии статей, брошюр и монографии автор сформулировал свое понимание сущности объединительного движения народов, предложил его периодизацию, дал характеристику каждого этапа, стремясь отойти от влияния изживших себя стереотипов сталинского времени.

Августовские события и распад СССР в 1991 г. завершили этап в развитии страны и исторической науки, условно именуемый перестройкой. Современный, или постперестроечный, период качественно отличается от предшествующих семидесяти с лишним лет по целому ряду социальных параметров. Применительно к изучению рассматриваемой темы главное отличие состоит в том, что распалось государство, процесс образования которого являлся объектом изучения, при этом марксизм-ленинизм не только утратил статус единственно научной теории и методологии, но и, по мнению многих политиков и ученых, потерял право рассматриваться в качестве научной доктрины вообще. Наряду с постоянно расширяющейся источниковой базой эти факторы обусловливают формирование новых концепций образования СССР. Однако сейчас российская историческая наука находится в самом начале нового этапа своего развития, поэтому в ней наряду со становлением новых концепций завершается процесс, характерный для предыдущего этапа ее развития и заключающийся в окончательном преодолении влияния сталинс-

ких интерпретаций образования СССР. На становление новых концепций образования СССР сильное влияние оказывают изменившиеся представления российских обществоведов о возникновении и развитии советской политической системы, составной частью которой являлось советское федеративное государство. В последние годы появился ряд обобщающих исследований, в которых в конкретно-историческом плане раскрыты особенности формирования советской политической системы, обусловившей появление таких ее характерных черт, как фактическое превращение компартии в государственную структуру, однопартийность, крайняя централизация власти и управления; преобладание репрессивных методов решения политических и экономических задач, подавления политического инакомыслия и проч.[52]

Преодолевая ограничения, обусловленные идеологизированным применением классового и формационного подходов, российские историки и политологи прослеживают действие центробежных и центростремительных тенденций в развитии российской государственности, проявлявшихся в стремлении народов к государственному единству и обособлению на всем протяжении российской истории[53]. Это позволяет глубже понять механизм действия этих тенденций в послеоктябрьской России[54]. Появились статьи и первые монографии, в которых с учетом современных реалий переосмысливаются содержание, методы реализации и результаты национальной политики компартии и Советского государства[55]. После большого перерыва стали появляться специальные исследования о деятельности Сталина в области национально-государственного строительства. Раньше эта тема была особенно подвержена переменчивому влиянию политической конъюнктуры. Те-

---

[52] См.: *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения. М., 1995; *Гимпельсон Е. Г.* Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М., 1995; *Шишкин В. А.* Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997.

[53] См.: *Поляков Ю. А.* Стержень российской истории: борьба центробежных и центростремительных тенденций // Свободная мысль. 1996. № 11; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

[54] См.: *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России. Кн. 1–3. М., 1992 1993; *Коржихина Т. П.* Федерализм или унитаризм? Перипетии российской государственности // Свободная мысль. 1995. № 6.

[55] См.: *Вдовин А. И.* Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1996; *Чешко С. В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М., 1996; Национальная политика России: история и современность. М., 1997; *Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.* Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.

перь наступает время для более взвешенной всесторонней оценки его вклада в теорию и практику национальной политики России и СССР[56]. Однако в этих трудах обозначены лишь контуры новых концепций образования СССР, поскольку история становления советской федерации не являлась предметом специального исследования их авторов. Историкам еще предстоит выработать и серьезно аргументировать современные трактовки процесса формирования СССР, отвечающие нынешнему уровню и потребностям отечественной и мировой исторической науки. Сегодня можно констатировать завершение целой историографической эпохи, которая состоит из ряда этапов и на протяжении которой велось изучение рассматриваемой темы. Ее хронологические рамки могут быть ограничены серединой 20-х — началом 90-х годов. Подведению итогов изучения образования СССР в течение этих лет посвящена работа автора данной статьи, вышедшей в 1997 г.[57] Основная цель работы заключалась в изучении формирования и развития концепции образования СССР в научной литературе указанного периода. Принимая во внимание, что попытки поэтапного (хронологически-проблемного) освещения этой темы уже неоднократно предпринимались, автор строит свое исследование по проблемно-хронологическому принципу (положив в основу проблему и прослеживая ее изучение в хронологической последовательности), так как, по его мнению, именно такая структура работы позволяет наилучшим образом отразить динамику трактовки стержневых проблем темы, составляющих ее концепцию. Формулируя эти узловые вопросы, автор исходил не столько из собственного видения рассматриваемой темы, сколько из концептуальной проблематики, сложившейся в отечественной историографии прошлых лет. Она не претерпела существенных изменений на протяжении всего изучаемого периода, что и сделало возможным дать проблемно-хронологическое изложение материала.

Осмысливая ход и итоги изучения истории образования СССР, автор попытался на основе современных представлений о пути развития отечественной исторической науки обосновать критерии членения процесса исследования рассматриваемой проблемы; охарактеризовать каждый из выделенных историографических этапов с точки зрения складывания исследовательской проблематики, составляющей концептуальную

[56] См.: *Константинов С. В.* Сталинская концепция федерализма в России в 1918 году // Научные труды МПГУ им. В. И. Ленина. Сер. Социально-исторические науки. М., 1995. С. 101–108; *Он же.* И. В. Сталин и национально-государственное переустройство России. 1917–1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

[57] См.: *Байбаков С. А.* История образования СССР: итоги и перспективы изучения. М., 1997.

основу темы, определить состояние источниковой базы и теоретико-методологического уровня работ. В работе предпринята попытка проследить в хронологической последовательности ход изучения основных проблем рассматриваемой темы; показать динамику взглядов советских ученых на сущность и основные этапы объединительного движения; эволюцию взглядов В. И. Ленина и большевиков на государственно-правовые формы решения национального вопроса в России, поиск государственной формы объединения советских республик осенью 1922 г.; разработку Конституции СССР 1924 г. На основе проведенного анализа имеющейся научной литературы и с учетом всех опубликованных на сегодняшний день исторических источников автор ставил перед собой задачу — выявить наиболее актуальные, перспективные и слабоизученные аспекты истории образования СССР.

В отличие от своих предшественников автор данного исследования сознательно не претендует на комплексность изучения всей темы, считая эту цель недостижимой для одного исследователя. Именно погоня за всеохватностью, стремление в равной степени осветить весь комплекс проблем в одной работе приводили в прошлом к распылению сил историографов. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что такие аспекты историографии, как анализ теоретико-методологического уровня научных исследований, их источниковая база, деятельность научных центров и характеристика кадров историков, затрагиваются лишь постольку, поскольку они напрямую влияли на динамику концепции образования СССР. Каждый из этих аспектов может и должен быть предметом специального исследования.

О. Н. Баркова

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1925 ГОДА

Поиск форм нового государственного устройства, делегитимация Союза ССР на основании тезиса о его изначальной искусственности, противоречия между официально провозглашенной формой Советского государства (федерацией) и его по сути унитарным содержанием убедительно доказывают тот факт, что двигаться вперед по пути позитивного развития в области государственного строительства невозможно без изучения исторического опыта.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в национально-государственном строительстве РФ, невольно обращаешься к вопросу о преемственности и повторяемости исторического процесса. Теория и практика создания государственности Российской Федерации начиная с момента ее возникновения дает огромный исследовательский материал для изучения истории политического, национально-государственного и конституционного строительства. Но, несмотря на этот очевидный факт, интерес к проблемам становления и развития РСФСР как самостоятельного государственного образования не возникал. Исключение составляют, пожалуй, работы В. Г. Филимонова[1] и О. И. Чистякова[2]. О Российской Федерации было принято вспоминать лишь в контексте образования Союза ССР и его конституционном оформлении — Конституции СССР 1924 г. Более того, если Конституции РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г. изучаются уже давно, имеют сложившуюся историографию (хотя теперь уже уровень этих исследований нас не совсем удовлетворяет)[3], то история разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 г. до сих пор практически как бы выпала из поля зрения исследователей (прежде всего историков). По-видимому, объяснением такой научной невостребованности может служить тот факт, что РСФСР, считавшаяся суверенной республикой, была фактически низведена до положения автономной, утратив не только самостоятельность, но и интерес у исследователей.

---

[1] См.: *Филимонов В. Г.* Образование и развитие РСФСР. М., 1963.

[2] См.: *Чистяков О. И.* Становление Российской Федерации. 1917–1922. М., 1966.

[3] См.: *Байбаков С. А.* Итоги и перспективы изучения Конституции РСФСР 1918 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1988. № 6.

Между тем Российская Федерация в 20-е годы — это не только крупнейшая республика Союза ССР, но и в какой-то степени его прообраз. Образованный Союз Советских Социалистических Республик являлся фактически правопреемником всего географического и политического пространства дореволюционной России. При создании его общесоюзных органов власти и управления был использован опыт РСФСР (так, порядок проведения съездов Советов СССР и Всероссийских съездов почти полностью совпадал). Более того, 28 ноября 1922 г. при рассмотрении проекта основ Конституции СССР комиссией пленума ЦК РКП(б) Л. Б. Каменев предлагал перенести наименование РСФСР на новое союзное государство. Наверное, в какой-то мере можно согласиться с С. И. Якубовской в том, что в этом предложении ясно проявился великодержавный настрой Каменева[4]. Однако, по мнению С. А. Байбакова, здесь скорее следует видеть дань истории и традиции прошлых лет, когда под Россией понималась вся территория прежней Российской Империи, но частично имела место и недооценка национального вопроса[5].

Вместе с тем РСФСР — это тоже федеративное государство со своими субъектами, численно не уступающими Союзу. К 1923 г. в составе Российской Федерации было: 11 автономных республик, 14 автономных областей, 63 губернии и области на правах губерний, правовое положение которых необходимо было закрепить и законодательно оформить. И этот процесс как нельзя лучше можно проследить на примере истории разработки и принятия второй Российской Конституции 1925 г. При этом необходимо прежде всего ответить на вопрос: была ли РСФСР федерацией сама? Как выглядела концепция советского федерализма в 20-е годы?

Эти годы — один из интереснейших периодов аналитического правоведения, который в современной историографии называют «всплеском аналитического правоведения»[6] не только по количеству опубликованных работ, но и по охвату исследовательских проблем, в них поставленных (от разработки понятийного аппарата советского автономно-федеративного строительства до определения правовой структуры и сущности государственного устройства СССР и РСФСР). Это был, пожалуй, единственный период в развитии теоретической юридической мыс-

---

[4] См.: *Якубовская С. И.* Строительство союзного Советского социалистического государства. М., 1960. С. 162.

[5] См.: *Байбаков С. А.* История образования СССР: итоги и перспективы изучения. М., 1997. С. 346.

[6] *Алексеев С. С.* Теория права. Харьков, 1994.

ли, когда в науке открыто сосуществовали отличные от официальной точки зрения различные научные направления. Положение начинает меняться к концу 20-х годов, когда в общественно-политической жизни начинает формироваться и укрепляться административно-командная система руководства. Огромной пестротой мнений отличается в этот период ответ на вопрос о правовой природе Российской Федерации: от признания РСФСР как особого типа федерации (Стучка, Гурвич) до отказа РСФСР в федеративном характере (Плетнев)[7].

Именно сегодня, когда в Российской Федерации в связи со сменой общественного строя и изменением базовых принципов построения государства и общества идет поиск форм нового государственного устройства, как никогда важно понять и правильно построить отношения между центром и субъектами, опыт РСФСР (пусть в чем-то и неудачный) должен помочь избежать повторения старых и нагромождения новых ошибок. И в этом смысле изучение опыта развития и конституционного оформления РСФСР имеет непреходящее значение.

Историография истории разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 г. прошла в своем развитии несколько этапов.

Начало изучению Конституции РСФСР 1925 г. положили ее современники, подчас создатели, среди которых был Д. И. Курский и другие юристы-государствоведы 20-х годов — В. Игнатьев, Н. Зайцев, А. Турубинер. Это работы, вышедшие в 1924–1925 гг. на страницах журналов «Власть Советов», «Еженедельник советской юстиции», «Административный вестник», «Советское право». Вопросы о причинах и предпосылках создания второго Основного Закона РСФСР и о согласовании Конституции РСФСР 1925 г. со своими предшественницами были в центре внимания исследователей[8]. Безусловно, мы имеем полное право соглашаться или оспаривать сегодня те ли иные наработки первых исследователей Конституции РСФСР 1925 г., но при этом необходимо учитывать, что они были первыми, кто обратился к этой проблематике и, выделив из широкого круга проблем определенный спектр вопросов, сумел их правильно проанализировать.

---

[7] См.: *Байбаков С. А.* Указ. соч. С. 141–143.

[8] См.: *Курский Д. И.* Пересмотр Конституции РСФСР // Власть Советов. 1924. № 1; *Он же.* Новый текст Конституции РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 20; *Он же.* Конституция РСФСР (текст 1925 г.) // Власть Советов. 1925. № 23–24; *Игнатьев В.* Внесение изменений в Конституцию РСФСР // Власть Советов. 1924. № 1; *Зайцев Н.* Конституция РСФСР // Административный вестник. 1925. № 6; *Турубинер А. М.* Конституция РСФСР 1925 г. // Советское право. 1925. № 6; и др.

Следующий шаг по изучению Конституции РСФСР 1925 г. был сделан только в середине 60-х — середине 70-х годов[9].

В 1963 г. вышла работа В. Г. Филимонова «Образование и развитие РСФСР», в которой после долгого перерыва вновь появилось упоминание о Конституции РСФСР 1925 г., где в контексте истории политического и социально-экономического развития РСФСР говорилось и о второй Российской Конституции, перечислялись ее статьи и давались комментарии к ним.

Первым опытом источниковедческого анализа Конституции РСФСР 1925 г. явилось диссертационное исследование М. К. Макарова и опубликованная им в 1968 г. статья, посвященная истории разработки проекта Конституции РСФСР 1925 г. в Совнаркоме РСФСР. Автор, детально проработав архивные материалы, сумел достаточно полно показать процесс прохождения проекта Конституции РСФСР 1925 г. в СНК, выделив четыре этапа этого процесса. Одним из первых М. К. Макаров сделал интересный вывод о том, что в проекте, подготовленном Госпланом РСФСР, ставился вопрос о суверенитете республики, толкуемый достаточно широко, но показывающий тенденцию к развитию экономической самостоятельности уже через год после принятия Конституции СССР 1924 г. Им же была высказана мысль о равноценном объединении трех сугубо «самостоятельных» проектов, подготовленных в Совнаркоме РСФСР, которая не представляется сегодня достаточно обоснованной.

Изучению начального этапа разработки Конституции РСФСР 1925 г. посвящены статьи В. С. Ломова. Опираясь на архивные источники, автор проследил деятельность комиссий ВЦИК по созданию проекта Конституции до момента его передачи на рассмотрение СНК РСФСР. При всей тщательности, с которой подошел В. С. Ломов к своей работе, такие вопросы, как профессиональный, социальный и образовательный состав

---

[9] См.: *Филимонов В. Г.* Указ. соч.; *Макаров М. К.* Конституция РСФСР 1925 г. как исторический источник (1925–1936): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; *Он же.* Из истории разработки Конституции РСФСР 1925 г. // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968; *Ломов В. С.* Субъекты Российской Федерации и Конституция РСФСР 1925 г. // 50 лет Советского государства и социалистической законности. Волгоград, 1968; *Он же.* Подготовка комиссией ВЦИК проекта Конституции РСФСР 1925 г. // Правоведение. 1973. № 3; *Семидеркин Н. А., Чистяков О. Н.* Конституция РСФСР 1925 г. // Советское государство и право. 1976. № 1; *Он же.* Проблема Конституции РСФСР 1925 г. в современной литературе // Актуальные проблемы истории государства и права. М., 1976; *Он же.* Конституция РСФСР 1925 г.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977; *Он же.* Разработка Конституции РСФСР 1925 г. // Правоведение. 1979. № 3; *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997.

членов Конституционной комиссии ВЦИК, роль и авторитет Л. И. Курского в работе комиссии, так и не были поставлены.

Конституция РСФСР 1925 г. явилась в 70-е годы предметом специального исследования Н. А. Семидеркина — историка права, в работе которого прослеживаются закономерности развития основных конституционных институтов. В частности, им предпринята попытка проследить выработку проекта на этапе его прохождения в комиссии Президиума ВЦИК, которая, по его мнению, не закончила свою работу после поступления проекта Конституции в СНК, несмотря на формальную свою ликвидацию, а все-таки собралась на расширенное заседание и доработала проект. Проведя анализ текста проекта Конституции, Н. А. Семидеркин сумел найти изменения, внесенные на завершающем этапе работы. При этом автор достаточно схематично проследил обсуждение проекта Конституции на сессии ВЦИК и XII Всероссийском съезде Советов. Вместе с тем попытка периодизации создания Конституции РСФСР 1925 г., предпринятая Н. А. Семидеркиным и О. И. Чистяковым, во многом является спорной, так как не совсем ясен критерий и принцип выделения именно трех этапов этого процесса, который просто не укладывается в данную схему.

Интересен тот факт, что вопросы, связанные с причинами выработки Конституции РСФСР 1925 г., вообще не получили своего дальнейшего изучения в этот период. Видимо, это объясняется тем, что исследователи считали эту проблему уже достаточно хорошо изученной, а о ее переосмыслении речи не шло.

И наконец, в 1997 г. была опубликована работа «Конституция России: природа, эволюция, современность» С. А. Авакьяна, где автором предпринята попытка исследования проблем правовой природы Конституции РФ на базе учения об Основном Законе как политическом и правовом документе. Показывая особенности российских конституций, автор анализирует и текст Конституции РСФСР 1925 г.

Именно так выглядит историко-правовой обзор работ, рассматривающих собственно историю разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 г.

Понимая сегодня Конституцию РСФСР как документ не только государства, но и общества, принятие которого обусловливалось факторами политического и экономического характера, нужно (с учетом новых архивных документов) проследить и переосмыслить историю разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 г. Такой подход позволил бы не только расширить исследовательские рамки проблемы, но и по-новому оценить взаимоотношения союзного государства и его субъектов, фактическое, а не формально-юридическое положение РСФСР внутри

союзного государства, разобраться в структуре федеративного устройства РСФСР, проследить процесс разграничения компетенции органов власти и управления Союза ССР и его субъектов по Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. Новые подходы в осмыслении этого круга вопросов уже обозначены сегодня в таких работах, как «Федерализм в истории России» Р. Г. Абдулатипова, Л. Ф. Болтенкова, Ю. Ф. Ярова (М., 1992), в сборнике «Становление и развитие советского государствоведения: Исследования ученых 20-х годов», подготовленном ИНИОН АН СССР (М., 1990), в монографии «История образования СССР: итоги и перспективы изучения» С. А. Байбакова (М., 1997) и др.

Целью данной статьи является попытка проследить процесс истории разработки Конституции РСФСР 1925 г., рассматривая РСФСР как особую форму государства со своими субъектами и как самостоятельное государство в составе СССР (если РСФСР таковой была). Особое внимание в статье будет уделено характеристике состава Комиссии ВЦИК, роли ее председателя — Д. И. Курского на разных этапах прохождения проекта Конституции РСФСР, а также анализу положений Конституции РСФСР 1925 г.

6 июля 1923 г. ЦИК Союза ССР утвердил и ввел в действие Конституцию СССР. Согласно ст. 5 Основного Закона Союза ССР, на все союзные республики возлагалась обязанность — внести в тексты своих конституций изменения, вытекавшие из факта образования СССР. В связи с этим XI Всероссийский съезд Советов 29 января 1924 г. по предложению народного комиссара юстиции РСФСР Д. И. Курского принял постановление «О внесении в Конституцию Российской Советской Федеративной Социалистической Республики изменений и о порядке введения их в действие». Оно обязывало ВЦИК разработать изменения Конституции РСФСР к очередной сессии ВЦИК с немедленным введением их в действие, а окончательный текст внести на утверждение XII Всероссийского съезда Советов[10].

Для выполнения подготовительной работы Президиум ВЦИК XI созыва 3 апреля 1924 г. образовал специальную комиссию под председательством народного комиссара юстиции РСФСР Д. И. Курского в составе 12 человек: Н. В. Крыленко, А. Г. Белобородова, А. С. Киселева, М. И. Рогова, В. А. Аванесова, А. И. Догадова, А. С. Енукидзе, Н. Айтакова, Л. М. Кагановича, П. И. Стучки и А. А. Сольца[11]. Вскоре, однако, стало очевидным, что целесообразнее не ограничиваться приведением Конституции

[10] Съезды Советов в документах. М., 1962. Т. 4. Ч. 1. С. 19.

[11] ГАРФ. Ф. 6981. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 77.

РСФСР 1918 г. в соответствие с Основным Законом Союза ССР 1924 г., а создать новую, учитывающую факт образования СССР, постановления VII–IX Всероссийских съездов Советов и ряда сессий ВЦИК, а также включающую ряд новых положений, вытекающих из практики национально-государственного строительства Российской Федерации. Впервые эта идея была сформулирована Д. И. Курским на страницах журнала «Власть Советов» в апреле 1924 г.[12]

Первое заседание Конституционной комиссии Президиума ВЦИК состоялось 2 июля 1924 г., профессиональный и образовательный состав комиссии был весьма интересен. Из 12 членов комиссии ВЦИК только у 5 ее членов было высшее юридическое образование и к моменту включения их в состав комиссии имелся опыт государственной работы в республиканских органах власти: Д. И. Курский окончил юридический факультет Московского университета, был народным комиссаром юстиции РСФСР (1918–1928), первым советским Генеральным прокурором, директором Института советского права РАНИОН; Н. В. Крыленко окончил юридический факультет Харьковского университета, был председателем Верховного трибунала при ВЦИК, заместителем наркома юстиции, прокурором РСФСР (1922–1931); М. И. Рогов окончил юридический факультет Московского университета, в 1917–1928 гг. — член Президиума и зам. Председателя Моссовета; П. И. Стучка окончил юридический факультет Петербургского университета, Председатель Верховного суда РСФСР (1923–1932), Председатель Заграничного бюро ЦК Латвии, Председатель КП Латвии в Коминтерне (1920–1930); А. А. Сольц учился на юридическом факультете Петербургского университета, но за участие в революционной деятельности был исключен, с 1921 г. — член Верховного суда РСФСР, затем СССР, член Интернациональной контрольной комиссии (в первый состав ЦКК РКП(б) был включен по предложению В. И. Ленина), а в начале 20-х годов по его инициативе была создана специальная комиссия, облаченная правом от имени ВЦИК освобождать из заключения всех, кого посчитает нужным.

Вместе с тем 5 членов Конституционной комиссии не получили высшего образования вообще, но к моменту их включения в состав комиссии имели большой опыт организационной работы и были государственными и партийными работниками РСФСР: А. С. Киселев — член Президиума ЦКК, член ЦКК РКП(б), с 1923 г. — нарком РКИ РСФСР, с 1924 г. — секретарь и член Президиума ВЦИК; А. Г. Белобородов — зам. наркома (1921–1923), нарком внутренних дел РСФСР с 1923 г., член ред-

[12] См.: *Курский Д. И.* Пересмотр Конституции РСФСР // Власть Советов. 1924. № 1. С. 11–12.

коллегий юридических журналов; А. А. Догадов — с 1921 по 1929 г. — член Президиума и секретарь ВЦСПС, учился в партийной школе Лонжюмо в Париже; Недирбай Айтаков — председатель Туркестанского ЦИК, зам. Председателя ЦИК СССР с 1925 г.; Л. М. Каганович — секретарь ЦК РКП(б) (1924–1925), с 1923 г. — кандидат в члены ЦК РКП(б).

И наконец, среди членов Конституционной комиссии были В. А. Аванесов — выпускник медицинского факультета Цюрихского университета, с 1919 г. — член Президиума ВЦИК, член коллегии ВЧК (1920–1924), а с 1925 г. — член Президиума ВСНХ и А. С. Енукидзе — член Президиума и секретарь Президиума ЦИК СССР с 1922 г., окончивший среднее техническое училище в г. Тбилиси.

Таким образом, анализ профессионального и образовательного состава Конституционной комиссии ВЦИК не позволяет однозначно говорить о высокой компетентности комиссии в целом, поскольку профессиональных юристов в комиссии было недостаточно. Вместе с тем знакомство с персональным составом ее членов позволяет понять степень значимости, важности и самостоятельности РСФСР в Союзе ССР.

Известно, что при создании Союза ССР и его конституционном оформлении одним из острейших явился вопрос о соотношении компетенции Федерации и ее субъектов[13]. Сопоставление же Договора об образовании СССР 1922 г. и соответствующих разделов Конституции 1924 г. наглядно свидетельствует о том, что за короткий отрезок времени сторонники усиления и концентрации важнейших полномочий на союзном уровне одержали победу. Именно поэтому к исключительному ведению Союза ССР Конституция 1924 г. отнесла такие ключевые вопросы, как определение отраслей промышленности и предприятий, имеющих общесоюзное значение, установление общесоюзных налогов и доходов, руководство внешней торговлей, международными отношениями, организация Вооруженных Сил и др.

Безусловно, иного выхода в тех исторических условиях и не могло быть. Но Конституция СССР 1924 г. при этом не определяла рамки суверенитета и возможности компетенции союзных республик. Во второй главе Основного Закона 1924 г. лишь признавалось наличие суверенитета у союзных республик, который был «ограничен в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза»[14]. СССР охранял суверенные права своих субъектов, а за

---

[13] См.: *Авакьян С. А.* Указ. соч. С. 58.

[14] Основной Закон (Конституция) СССР 1924 г. // *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. Приложение. С. 263–313.

каждой из союзных республик сохранял право свободного выхода из Союза, но при согласии всех республик, входивших в СССР. В гл. 9 «О союзных республиках» Конституция СССР фиксировала уже сложившуюся в них систему органов власти (Съезд–ЦИК–СНК), но при этом состав Совнаркомов определялся исчерпывающим образом, что не оставляло субъектам федерации практически никаких возможностей для самостоятельности. И если Конституция СССР 1924 г. юридически оформила и закрепила структуру и правовую природу Союза ССР, что и сказалось на содержании статей этого закона, то положение и статус субъектов было предложено рассмотреть на уровне конституций союзных республик, новые редакции которых были утверждены в период 1925–1931 гг. Включение же в состав комиссий по пересмотру текстов республиканских конституций партийных и государственных деятелей не только республиканского, но и союзного уровня позволило бы успешно осуществлять концепцию верховенства союзного законодательства над республиканским и концентрацию всех полномочий преимущественно на союзном уровне при условии, что они будут проводить эту линию. Именно этим и можно объяснить факт включения в состав Конституционной комиссии Президиума ВЦИК советских, партийных и государственных руководителей — Н. Айтакова, Л. М. Кагановича, А. С. Енукидзе и др. По-видимому, предполагалось, что их авторитет и государственное мышление позволят достойно представить общесоюзную власть. Очевидно, что вопрос о таком представительстве достаточно спорен и противоречив, как не совсем ясна и позиция этих представителей. Это с одной стороны.

С другой стороны, из 12 членов Конституционной комиссии только у В. А. Аванесова (был секретарем Конституционной комиссии ВЦИК по разработке Конституции РСФСР 1918 г.) и Д. И. Курского (входил в состав первой подкомиссии по вопросам бюджетных прав Союза ССР в декабре 1922 г., где руководителем подкомиссии был И. В. Сталин) имелся опыт не только организационной, но и реальной законотворческой работы в структурах подобного уровня.

Тот факт, что при разработке Конституции РСФСР — одной из крупнейших союзных республик почти не присутствовали известные представители высших партийных органов и общесоюзных структур, специально назначенные для работы в комиссии, не позволяет однозначно судить как о степени значимости и важности данного Основного Закона в жизни СССР, так и возможности свободной реализации прав РСФСР в качестве суверенной республики. Более того, у РСФСР не было республиканской компартии, как у остальных членов союзного государства,

благодаря которой Российская Федерация могла бы отстаивать и лоббировать свои интересы на союзном уровне.

Для более обстоятельного пересмотра текста Конституции РСФСР 1918 г. на первом заседании Конституционной комиссии 2 июля 1924 г. были образованы четыре подкомиссии: 1) по вопросам ведения центральных органов власти и увязки Конституции РСФСР с Конституцией СССР; 2) по вопросам местных органов власти, исключая автономные образования; 3) по вопросам, касающимся национальных республик и областей; 4) по вопросам бюджета.

Основой для работы подкомиссий явился проект Конституции, составленный председателем Конституционной комиссии ВЦИК Д. И. Курским 25–28 июня 1924 г., который был внесен на первое заседание комиссии и одобрен ею в целом. Д. И. Курский говорил о своем проекте: «Для того чтобы был материал для работы комиссии, я лично проделал следующую работу. Я просмотрел текст Конституции РСФСР 1918 г. и внес изменения, которые вызываются следующими тремя основаниями...»[15]. Ими, по мнению Курского, являлись принятие Конституции СССР, постановления, дополнения и изменения конституционного порядка, принятые съездами Советов и сессиями ВЦИК за период с 1918 по 1924 г., и процессы национально-государственного строительства внутри РСФСР. Следует отметить, что структура и названия шести разделов, включавших 91 статью текста Конституции РСФСР проекта Д. И. Курского, практически полностью совпадают с Основным Законом РСФСР 1925 г. При этом, по мнению В. С. Ломова, в 68 статьях проекта нашли свое как прямое, так и косвенное отражение соответствующие положения Закона 1918 г.; в 10 статьях — нормы Конституции 1924 г.; в 6 статьях — Постановления VII Всероссийского съезда Советов «О Советском строительстве»; в 5 статьях — постановления VIII Всероссийского съезда Советов; в 3 статьях — постановления IX Всероссийского съезда по тому же вопросу; в 10 статьях — постановления сессий ВЦИК. Кроме того, в 11 статьях проекта содержатся новые положения[16].

Взяв за основу наработки проекта Конституции РСФСР, подкомиссии на своих заседаниях, которые проходили с разной степенью регулярности, рассмотрели и внесли свои поправки в текст проекта. По имеющимся архивным материалам можно с уверенностью говорить о работе лишь 3 подкомиссий. Подкомиссия по вопросам ведения центральных органов власти на заседания не созывалась.

---

[15] ГАРФ. Ф. 6981. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

[16] См.: *Ломов В. С.* Подготовка комиссией ВЦИК проекта Конституции РСФСР 1925 г. // Правоведение. 1973. №3. С. 24.

Первое и единственное заседание подкомиссии по вопросам, касающимся национальных республик и областей, состоялось 25 ноября 1924 г. В ходе своей работы члены этой подкомиссии существенно переделали главу предварительного проекта, почти вдвое увеличив число статей. В структуру РСФСР были включены не только автономные республики, но и автономные области, полностью отсутствующие в проекте Курского. И автономные республики, и автономные области[17] признавались субъектами Российской Федерации. Пределы прав автономных областей должны были определяться постановлениями ВЦИК.

Из всех подкомиссий наибольший объем работы выполнила подкомиссия по вопросам местных органов власти, собиравшаяся на свои заседания 15 и 17 января 1925 г. Ею было принято без изменений или с поправками редакционного характера большинство статей первоначального проекта.

Большая работа также была проведена подкомиссией по бюджету, которая внесла многочисленные поправки в соответствующий раздел проекта и подвергла его значительной переработке. Так, из 9 статей проекта лишь 3 были приняты без изменений. Было сформулировано положение, согласно которому бюджет РСФСР входил как составная часть в единый бюджет Союза ССР, а общесоюзное законодательство определяло распределение расходов и доходов на республиканские и общесоюзные. Был установлен принцип, по которому республиканские расходы должны были покрываться доходами.

Понятно, что оценить предложения подкомиссии достаточно сложно, поскольку речь идет о столкновении финансовых интересов отдельно взятой республики и всего союзного образования в целом. Известно, что в 1922 г. сложилась система налоговой политики. Налоги устанавливались в централизованном порядке ВЦИК и СНК РСФСР. Затем они рассматривались и подтверждались ЦИК республик. Централизация налоговой политики способствовала созданию единого общефедерального бюджета. Составление его и распоряжение со стороны РСФСР вызывало трения во взаимоотношениях между российскими органами власти и органами власти республик. Похожая ситуация складывалась и в отношении республиканского и общесоюзного бюджета. Таким образом, практика государственного строительства порождала финансовые противоречия, которые также проявлялись в федеративных отношениях[18].

---

[17] ГАРФ. Ф. 6981. Оп. 1. Д. 3. Л. 266.

[18] См.: *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России. М., 1992. Кн. 1. С. 269–270.

В результате работы, проделанной сначала лично Д. И. Курским, затем подкомиссиями, на свет появился скомпилированный предварительный проект Конституции РСФСР, который и был внесен на второе и третье заседания Конституционной комиссии, проходившие 19 и 21 февраля 1925 г.[19] Большинством голосов было принято предложение Курского прений не открывать и обсудить проект постатейно. По-видимому, это связано с тем, что члены комиссии работали с текстом в подкомиссиях.

Выступивший на пленарном заседании 19 февраля Д. И. Курский предложил включить без изменений Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа в новую Конституцию РСФСР. Это предложение было принято комиссией[20]. Интересен тот факт, что, выступая в 1924 г. на страницах журнала «Власть Советов», Курский высказывал иную точку зрения по этому вопросу[21]. Так, по его мнению, с одной стороны, Декларация являлась исключительно историческим документом пролетарской революции, в котором имелись статьи программного характера, сохранявшие свое значение и в иных исторических условиях. К таковым, считал он, можно отнести ст. 2, которая гласила, что «Российская Советская Республика утверждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик».

Вместе с тем Курский считал, что имелся ряд положений, необходимых для пересмотра из-за их явно «переходного характера» (отмена частной собственности, национализация промышленности). «Их необходимо заменить новыми, — писал он, — более точно определяющими социальную основу Советской республики нашего времени...».

Представляется, что внесение в текст новой Конституции Декларации без изменений, как это предлагал Курский в 1925 г., было ошибочным. Со времени принятия Декларации прав... (январь 1918 г.) прошел достаточно большой отрезок времени и значительные изменения в жизни страны, и простая логика требовала пересмотра этого документа. Поэтому трудно объяснить это решение Курского, а вместе с ним и всей комиссии, поскольку включение ее (Декларации) в проект Конституции без изменений нельзя объяснять лишь данью историческому прошлому.

Среди наиболее интересных, на наш взгляд, изменений было то, в котором членами РФ были признаны не только автономные республики, но и автономные области, новый статус которых давал им право иметь свои конституции наравне с АССР. Более того, в ходе работы комиссии

---

[19] ГАРФ. Ф. 6981. Оп. 1. Д. 3. Л. 103–120.

[20] Там же. Л. 22, 161.

[21] См.: *Курский Д. И.* Пересмотр Конституции РСФСР. С. 11–12.

было внесено предложение о предоставлении ЦИК АССР права приостанавливать постановления Президиума ВЦИК, но оно было отвергнуто[22].

Итак, пройдя сложный путь изменений и согласований от первоначального проекта, составленного лично Д. И. Курским, до ставшего уже предварительным проектом Конституционной комиссии, этот документ был направлен в Президиум ВЦИК. И 16 марта проект Конституции РСФСР поступил на рассмотрение СНК РСФСР. На этом первый этап разработки проекта Конституции Российской Федерации был закончен. Однако, несмотря на тот факт, что имелось упоминание Д. И. Курского о том, что после рассмотрения в СНК проект был возвращен в комиссию ВЦИК, архивных данных по этому вопросу не обнаружено.

Следует отметить, что среди исследователей проблем истории разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 г. нет полного согласия в оценке деятельности и значения Конституционной комиссии Президиума ВЦИК. Думается, что точка зрения исследователя В. С. Ломова[23], который полагал, что в основе второй Конституции РСФСР лежит проект комиссии ВЦИК, более правильна, поскольку Конституционная комиссия Президиума ВЦИК проделала действительно большую работу по созданию текста новой Конституции РСФСР. И в основе второй Российской Конституции действительно лежал проект комиссии ВЦИК.

В процессе разработки второй Конституции Российской Федерации достаточно деятельное участие принял Совнарком РСФСР, который 24 марта направил циркулярное письмо с окончательным проектом комиссии ВЦИК на заключение всем наркоматам РСФСР, уполномоченным союзных наркоматов и членам Малого СНК[24]. К сожалению, архивных документов с замечаниями и предложениями наркоматов не сохранилось.

31 марта 1925 г. состоялось заседание представителей наркоматов и членов Малого СНК, где был заслушан окончательный проект Конституции, составленный комиссией ВЦИК. Одним из решений этого заседания было создание специальной комиссии под председательством того же Д. И. Курского в составе представителей всех наркоматов РСФСР и уполномоченных наркоматов СССР[25]. По-видимому, включение в состав данной комиссии представителей союзных органов власти соответствовало не только идеям широкой коллегиальности, но и стремлению к

---

[22] ГАРФ. Ф. 6981. Оп. 1. Д. 3. Л. 161.

[23] См.: *Ломов В. С.* Указ. соч. С. 27.

[24] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 96. Д. 8. Л. 118.

[25] Там же.

централизации и усилению общесоюзной власти. Прямым доказательством чему являются поправки, касавшиеся статей о ВЦИК и СНК РСФСР.

Так, из ведения верховных органов РСФСР изымалось право избирать и отзывать председателя СНК, его заместителей и отдельных членов Совнаркома (т. е. исключалась ст. 38 окончательного проекта). Вместе с тем вводилась новая статья — о составе СНК, где говорилось, что «Совнаркому принадлежит общее управление РСФСР», в связи с чем неизмеримо возрастала его роль в управлении Российской Федерацией[26]. Это своеобразное обособление СНК привело к тому что предположительно Д. И. Курским была предложена статья, подчеркивающая законодательную власть ВЦИК (ст. 25) по рассмотрению и утверждению всех декретов и постановлений, определяющих нормы экономической и политической жизни республики[27].

Среди интересных предложений комиссии было и такое, в котором предлагалось не считать автономные области членами федерации и их права свести к правам административно-политических единиц, что практически нарушало практику национально-государственного строительства в РСФСР. Впервые в текст Конституции РСФСР была внесена статья о столице республики — Москве (ст. 88)[28].

Таким образом, комиссия СНК внесла в проект Конституции РСФСР свое видение проблем административного устройства органов власти Российской Федерации, проводящее четкую грань между законодательной властью ВЦИК и исполнительной властью СНК РСФСР. Поправки такого рода в свою очередь противоречили уже сложившейся схеме верховных органов власти РСФСР, отказавшейся от принципа разделения властей.

13 апреля 1925 г. Д. И. Курский обратился в СНК с просьбой рассмотреть проект, выработанный комиссией[29].

Параллельно с работой, проводимой созданной СНК комиссией, 24 марта 1925 г. Совнарком разослал текст окончательного проекта Конституции РСФСР на заключение всем наркоматам. Среди прочих его получил и Госплан РСФСР, который также создал свою комиссию, получившую название «специальное совещание»[30].

---

[26] Там же.

[27] Там же. Л. 87.

[28] Там же. Л. 100.

[29] Там же.

[30] Там же. Ф. 262. Оп. 4. Д. 1. Л. 147–162.

В состав специального совещания под председательством члена президиума Госплана В. И. Вельмана вошли также Н. А. Болдырев, В. Ю. Вольф, Я. В. Ливенсон и известные своими многочисленными публикациями юристы-государствоведы 20-х годов Н. В. Дурденевский, С. А. Котляревский и Б. Д. Плетнев, приглашенные для консультаций.

Специальное совещание Госплана, работая с 25 марта по 8 апреля 1925 г., не только внесло целый ряд поправок и изменений в проект ВЦИК, но и составило свой проект.

По мнению М. К. Макарова, с которым трудно не согласиться, основная идея проекта, выработанного специальным совещанием, — это конституционное оформление республиканского суверенитета в пределах союзного государства. Эта идея наиболее ярко прописывалась в стремлении к наиболее четкому определению суверенитета республики в вопросах о расширении прав ее верховных органов власти в области управления экономической сферой и законодательства. Так, верховные органы власти РСФСР должны были, согласно предложениям совещания, не только устанавливать план народного хозяйства, но и регулировать его самостоятельно (ст. 31)[31].

Среди наиболее интересных поправок были: о конституционной гарантии неприкосновенности членов ВЦИК, о дифференциации прав высших органов власти и предложение о предоставлении Всероссийскому съезду Советов права как верховному органу власти определять направления внешней и внутренней политики республики (ст. 35)[32].

Таким образом, проводя свою главную идею о республиканском суверенитете, специальное совещание внесло свои предложения практически по всем статьям окончательного проекта комиссии ВЦИК с учетом своего понимания проблемы.

Президиум Госплана РСФСР на заседаниях 9 и 11 апреля 1925 г. под председательством А. М. Лежавы обсудил итоги работы специального совещания. В работе президиума Госплана приняло участие довольно большое количество представителей, не только члены его президиума (В. И. Вельман, В. М. Бажанов и др.), но и члены совещания: Б. Д. Плетнев, Н. А. Болдырев, В. Н. Дурденевский и др., а также представители ВЦСПС, НКВнуторга и НКФ[33].

Результатом работы этих заседаний явилось принятие поправок и дополнений к проекту Госплана. Поэтому абсолютно прав М. К. Мака-

[31] Там же. Л. 153.

[32] Там же.

[33] Там же. Л. 140–143.

ров, считающий, что в ходе работы президиума Госплана был подготовлен самостоятельный законопроект.

Безусловно, в проекте Госплана нашла отражение идея большей централизации хозяйственной жизни республики по сравнению с другими проектами Конституции РСФСР. И это можно объяснить тем, что с момента своего образования Госплан был, пожалуй, единственным органом, отвечающим за планирование народного хозяйства республики, поскольку в декрете о его создании не говорилось об аналогичных структурах в республиках. Именно поэтому, познав в своей работе все сложности организации общего хозяйства республик, руководители Госплана в условиях нового положения РСФСР в составе союзного государства пытались уже четко обозначить не только свое положение, но и границы экономического и политического суверенитета Российской Федерации. Это с одной стороны. С другой стороны, это стремление к централизации объясняется и желанием повысить роль планирования народного хозяйства, что гораздо легче было сделать при централизованном руководстве[34]. Но, как справедливо отмечает М. К. Макаров, идея централизации в проекте Конституции была сформулирована таким образом, что входила в противоречие с принципами экономической самостоятельности автономных республик.

17 апреля состоялось заседание СНК РСФСР, на котором был заслушан проект Конституции РСФСР, подготовленный комиссией СНК (решение от 31 марта 1925 г.). Было решено поручить комиссии в составе Д. И. Курского, М. С. Богуславского, Н. А. Семашко, П. А. Богданова, А. Г. Белобородова и В. И. Вельмана рассмотреть представленный проект. Заметим, что в ее состав вошли не только новые члены — Н. А. Семашко, П. А. Богданов, но и представитель специального совещания Госплана В. И. Вельман, и уже хорошо нам известные Д. И. Курский и А. Г. Белобородов. Можно с полной уверенностью говорить о том, что работа комиссии фактически свелась к синтезированию двух проектов комиссии 31 марта (комиссии Малого СНК, председатель Д. И. Курский) и Госплана РСФСР, хотя официально слушался только первый проект. Большинство из принятых комиссией дополнений практически дословно совпадало с текстом проекта Госплана. Но, по мнению В. С. Ломова, проект Госплана, значительно отличающийся от проекта Конституционной комиссии ВЦИК, в связи с запозданием его подготовки последующими инстанциями официально не рассматривался, хотя ряд положений этого проекта был учтен комиссией СНК РСФСР. По-видимому, факт

[34] См.: *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Указ. соч. С. 270.

включения отдельных положений проекта Госплана в проект Совнаркома (с учетом всего вышесказанного) можно объяснить тем, что в комиссию СНК входил В. И. Вельман — председатель специального совещания Госплана, который предположительно и провел эти поправки.

В результате работы комиссии в сводный проект были внесены дополнения: о праве свободного пользования национальными языками на съездах и в суде, о праве обучения на родном языке в школе. Расширение прав ВЦИК проходило наряду с общим увеличением роли высших органов власти РСФСР по отношению к национальным республикам, что позволило внести в проект статью о чрезвычайных сессиях ВЦИК, которые могли созываться по требованию не менее шести автономных республик (раньше, в предыдущих проектах, — не менее трех) (ст. 36)[35].

Кроме того, в синтезированный проект была введена новая глава «Об основах экономического строя РСФСР», согласно которой вся промышленность РСФСР считалась национализированной (ст. 18). Проект СНК, объявляющий национализированной всю промышленность, не учитывал существование в Российской Федерации частнокапиталистических и кустарных предприятий.

На заседании 24 апреля 1925 г. этот сводный проект был принят. Докладчиком по принятому Совнаркомом проекту Конституции в Президиуме ВЦИК был назначен Д. И. Курский. Парадокс ситуации заключается в том, что человек, создавший проект Конституции, который и лег в основу работы всех комиссий разных ведомств, становится докладчиком по принятому СНК проекту Конституции. Видимо, положение Д. И. Курского во властных структурах 20-х годов было достаточно прочным и влиятельным, так как он принимал самое активное и деятельное участие на разных этапах работы над проектом Конституции и входил в состав различных комиссий (как правило, в роли председателя).

Таким образом, разработка Конституции РСФСР в СНК прошла четыре этапа: комиссия СНК РСФСР, созданная 31 марта, совещание Госплана, президиум Госплана и комиссия СНК 17 апреля 1925 г. Такое серьезное отношение к делу, такое количество ступеней прохождения показывает не только сложность задачи, но и коллегиальность работы над созданием второй Конституции РСФСР. Процесс прохождения проекта Конституции РСФСР, построенный в несколько этапов, достаточно хорошо освещен в статье М. К. Макарова «Из истории разработки Конституции РСФСР», вышедшей в 1968 г., но не все выводы автора можно принять бесспорно.

---

[35] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 96. Д. 8. Л. 51.

Во-первых, М. К. Макаров, недооценивая важную роль Конституционной комиссии ВЦИК, в значительной степени преувеличивал значение проекта Конституции СНК. Он считал, что «Конституция РСФСР 1925 года, принятая XII Всероссийским съездом Советов, явилась своеобразным синтезом проектов комиссий ВЦИК, СНК и Госплана». Думается, что выдвинутая М. К. Макаровым концепция равноправного объединения трех самостоятельных проектов не совсем верна. Проект Конституции, названный исследователем проектом комиссии Совнаркома, представляет собой синтезированный проект сам по себе. Более того, как верно отметил В. С. Ломов, проект комиссии Совнаркома представляет собой окончательный проект комиссии ВЦИК, в котором комиссиями Малого СНК и СНК РСФСР кроме редакционных дополнений внесено только семь заметных изменений. Поэтому говорить о его видимой самостоятельности неправомерно.

Во-вторых, проект Госплана, который, как и другие наркоматы, получил проект Конституции комиссии ВЦИК на рассмотрение, существенно отличался от окончательного проекта комиссии ВЦИК, но в связи с запозданием его подготовки последующими инстанциями официально не рассматривался. При этом некоторые его положения были учтены комиссией СНК РСФСР. В этом случае действительно можно говорить о самостоятельном проекте Госплана, в котором прослеживалась тенденция к конституционному оформлению суверенитета, пусть подчас толкуемого слишком расширительно. Именно в проекте Госплана больше, чем в каком-либо другом проекте, учитывались принципы новой экономической политики, проходившей в СССР. Тенденции и идеи углубления централизации хозяйственной жизни РСФСР, прописанные в проекте Госплана, объяснялись желанием поднять и повысить роль планирования в РСФСР, что было целесообразно, учитывая социально-экономическое положение и условия проведения экономической политики этого периода.

И наконец, любая проделанная работа по доработке проекта Конституции РСФСР ценна и полезна, если она проведена вовремя. Тот факт, что, несмотря на всю серьезность организаторской и подготовительной работы, проделанной членами Госплана, их наработки остались лишь своеобразным архивным дополнением проекта Конституционной комиссии ВЦИК, не позволяет ставить его в один ряд с окончательным проектом ВЦИК. Таким образом, предположение М. К. Макарова о трех самостоятельных проектах Конституции представляется неправомерным.

Итак, 24 апреля 1925 г. одобренный проект Конституции РСФСР был возвращен в комиссию Президиума ВЦИК, которая, несмотря на

свою фактическую ликвидацию, как предположил Н. А. Семидеркин, все-таки созывалась на расширенное заседание[36]. И хотя на этот счет нет архивных данных, сопоставление проекта, вышедшего из стен СНК, и проекта, поступившего затем на сессию ВЦИК, действительно доказывает правоту выводов Н. А. Семидеркина.

Одним из заметных изменений проекта Конституции явилось исключение из него главы «Об основах экономического строя». Можно предположить, что те тенденции к излишней детализации основ экономического строя РСФСР (тенденции экономической обособленности) в тот период времени были не только неосуществимы, но и политически не востребованы.

В результате изменений, касающихся автономных образований, разница в правовом статусе двух форм автономии еще более углубилась, что отражало взгляды Д. И. Курского на структуру РСФСР.

Также был принят ряд редакционных поправок текста проекта Конституции РСФСР.

Таким образом, проект, принятый на расширенном заседании комиссии Президиума ВЦИК, с учетом внесенных в него изменений был опубликован 3 мая 1925 г. в газете «Известия» для всеобщего ознакомления. Так завершился окончательный этап разработки проекта Конституции РСФСР 1925 г.

На сессии ВЦИК, проходившей 5–6 мая 1925 г., а затем и на XII Всероссийском съезде Советов с докладом о проекте Конституции РСФСР выступил Д. И. Курский. В ходе прений по докладам были высказаны замечания. Для их сведения и проработки и на сессии ВЦИК, и на съезде были избраны комиссии, которые, изучив характер поправок, как правило, не принимали их полностью, а лишь уточняли[37].

11 мая 1925 г. XII Всероссийский съезд Советов, приняв предложенные комиссией поправки, единогласно утвердил новый текст Конституции РСФСР. Более года потребовалось Конституционной комиссии ВЦИК для составления, рассмотрения и согласования нового проекта Конституции РСФСР. В связи с этим изложим текст документа и проанализируем его.

Конституция РСФСР 1925 г. состоит из шести разделов, объединяющих 91 статью. В значительной степени текст 1925 г. во многом идентичен и аналогичен тексту Конституции РСФСР 1918 г., но при этом в струк-

---

[36] Там же.

[37] См.: *Семидеркин Н. А.* Разработка Конституции РСФСР 1925 г. // Правоведение. 1979. № 3. С. 87.

туре и содержании обоих документов есть нововведения и различия. Если в Законе 1918 г. Декларация прав... и раздел «Общие положения...» составляют два разных раздела, то в тексте 1925 г. имеется раздел 1 — «Общие положения», представленный главой из 15 статей. В нем говорится о преемственности идей Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа и основных начал Конституции РСФСР 1918 г. Согласно ст. 1, Конституция РСФСР 1925 г. «имеет своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». Вдумаемся: важнейшее теоретическое положение о том, что диктатура пролетариата необходима вплоть до построения не только социализма, но и коммунизма, появляется уже в 1925 г. в республиканской, а не в союзной конституции. И это не случайно.

Когда в середине 20-х годов стало очевидно, что социализм придется строить в капиталистическом окружении, в одной, отдельно взятой стране, возник вопрос о дальнейшей судьбе государства в условиях победившего социализма. Именно тогда в текст Конституции РСФСР 1925 г. заносится эта важная для государственного строительства теоретическая установка. Интересно, что тогда же, в 1926 г., М. И. Калинин в одной из своих статей писал, что «пролетарское государство будет превращаться постепенно, по мере успехов социалистического строительства... в государство общенародное, имеющее уже новый смысл и содержание (устремление к коммунизму)»[38].

В июле 1918 г., когда принималась первая Конституция РСФСР, Российская Федерация была фактически единственным независимым советским государственным образованием. В 1925 г. РСФСР уже входит в состав СССР и, согласно ст. 3, передает ему свои полномочия, отнесенные к ведению органов Союза (ст. 1 Конституции СССР). Это порождало проблему разграничения компетенции республик и центра и проблему соотношения и разделения законодательства РСФСР и Союза ССР, в том числе конституционного. Так, по мнению О. И. Чистякова и Н. А. Семидеркина, «законодатель не пошел по пути повторения в Конституции РСФСР статьи Основного Закона СССР об ограничении суверенитета союзных республик; он не счел также нужным упомянуть о праве выхода из Союза». Исследователи считают, что объяснением этого факта может служить, по-видимому, указание Д. И. Курского на то, что «это право

[38] На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990. С. 137.

бесспорно вытекает из Договора об образовании Союза и ст. 4 Союзной Конституции и в подчеркивании не нуждается, ибо для всех ясно значение вхождения РСФСР в Союз Советских Республик».

Как известно с 1925 по 1931 г. все республики, вошедшие в Союз ССР, как и РСФСР, приняли свои конституции, но в отличие от Российской Федерации они иначе трактовали вопрос о своем вхождении[39]. Ст. 2 Конституции УССР 1925 г. устанавливала, что УССР объявляет о своей полной солидарности со всеми советскими республиками и, базируясь на постановлении 7-го Всеукраинского съезда Советов и Договора об образовании СССР, образует с ними, на основании полной добровольности и равноправия, Союз ССР. В ст. 3 отмечалось, что УССР входит в состав СССР как суверенное договорное государство и сохраняет за собой право свободного выхода из Союза. Суверенитет УССР ограничен только в пределах, указанных в Конституции СССР, и только в пределах, отнесенных к компетенции Союза. Вне этих установленных пределов УССР осуществляет свою государственную власть самостоятельно.

В Конституции ЗСФСР, принятой в 1925 г., говорилось, что ЗСФСР объединяется с РСФСР, УССР, БССР в одно союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик.

Статьи об условиях вхождения БССР в состав Союза ССР по Конституции 1927 г. были практически аналогичны статьям Конституции РСФСР 1925 г.

Одной из важных особенностей Конституции РСФСР 1925 г. (как и других союзных республик) была та, что республиканский Основной Закон не копировал союзный, а лишь исходил из принципа «разделения компетенции» между союзным и республиканским законодательством. Этот факт и позволил современным исследователям проблем конституционного строительства (как и государствоведам 20-х годов) говорить о единой Советской Конституции[40].

Конституция РСФСР 1918 г. и Конституция РСФСР 1925 г. — это основные, но разные вехи конституционного развития Российской Федерации, которые не могли не отразиться в положениях и статьях законов. Так, Конституция 1918 г. не определяла круг конкретных полномочий Всероссийских съездов Советов и ВЦИКа, а ограничивалась общими положениями. Но, вступив в Союз ССР, РСФСР становится союзной республикой, и, следовательно, требовалось конкретно оговорить компетенцию этих органов власти. Именно поэтому в тексте новой Конститу-

---

[39] См.: *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Указ. соч. С. 283–284.

[40] См.: *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории Советской Конституции.

ции и появляется раздел II «О предметах ведения Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» (ст. 16–19). К исключительному ведению съезда было отнесено установление, дополнение и изменение Конституции РФ, окончательное утверждение конституций автономных республик, которых к 1923 г. на территории РСФСР было 11.

В тексте Закона 1925 г. весьма ощутим фактор вхождения в СССР: почти все полномочия, осуществляемые республиканскими органами власти (съездами и ВЦИКом), должны были согласовываться с органами власти и законодательством Союза ССР. Кроме того, в тексте Закона 1925 г. в ст. 19 говорилось, что по предметам компетенции Союза все постановления верховных органов СССР имеют обязательную силу. Закономерен вопрос: что же тогда есть суверенитет и как его следует понимать в отношении статей Конституции РСФСР 1925 г.?

Представляется, что ответ на этот сложный вопрос кроется в понимании идеи советского федерализма и автономии в 20-е годы.

Вопрос о взаимоотношениях Союза ССР и составляющих его частей — союзных республик — является ведущим в проблеме советского федерализма. В исследованиях 20-х годов считалось вполне естественным, что советская федерация строится на «началах сохранения суверенитета каждым членом Союза». А так как признаками суверенитета являлись, по мнению А. М. Турубинера[41], независимость и право на самоопределение, то «суверенитет союзных республик, — считает он, — заключается в их праве свободного выхода из Союза. Это право выхода обеспечивает их независимость, обуславливая их подчинение Союзу пределами их собственного желания». Эту же точку зрения поддерживал и С. А. Котляровский в работе «СССР и союзные республики», вышедшей в 1926 г.[42]

Существовало в юридической литературе 20-х годов и довольно спорное понятие «потенциальный суверенитет», высказанное проф. Д. А. Магеровским в работе «Союз Советских Социалистических Республик: (Обзор и материалы)», где предисловие к книге написал Д. И. Курский[43]. По мнению проф. Магеровского, понятие суверенитета чрезвычайно своеобразно: «Он проявляется до заключения договора, в

---

[41] См.: *Турубинер А. М.* Очерки государственного устройства СССР. М., 1925. С. 20.

[42] См.: *Котляровский С. А.* СССР и союзные республики. М.; Л., 1926.

[43] См.: *Магеровский Д. А.* Союз Советских Социалистических Республик: (Обзор и материалы). М., 1923.

частности, в создании своих конституций государствами, входящими в Союз, проявляется в момент заключения союзного договора, но может в любой момент проявиться в акте одностороннего отделения от федеративного целого». Сегодня принято считать, что это мнение не нашло поддержки в научных юридических кругах и большинство исследователей 20-х годов признавали суверенитет союзных республик реальным[44].

В разделе III «Об устройстве Советской власти» Конституция 1925 г. подтвердила сложившуюся систему органов власти в РСФСР: Съезд — ВЦИК — Президиум ВЦИК — СНК — народные комиссариаты (11 наркоматов, из которых половина — 5 — были объединенные). По-видимому, идя навстречу пожеланиям центра, уполномоченные общесоюзных наркоматов включались в СНК республики. Устанавливалась также двойная система подчинения: народные комиссары должны были подчиняться высшим органам власти и директивам не только РСФСР, но и СССР (ст. 38). Яркое проявление тенденции к централизации выражалось в праве союзных объединенных наркоматов отменять акты соответствующих наркоматов РСФСР, если у последних не было четких предписаний ВЦИК, Президиума ВЦИК и СНК Российской Федерации (ст. 43).

Принципиальной новизной отличалась глава 4 раздела III — «Об автономных советских социалистических республиках и областях», которых в РСФСР было соответственно 11 и 14 (на 1923 г.). Процесс активной автономизации начался в Российской Федерации еще в 1919 г. и проходил сразу на двух уровнях: республиканском и областном. Будучи своеобразным союзным государством со своими субъектами федерации, РСФСР должна была упорядочить отношения внутри себя самостоятельно. Было предусмотрено, что АССР имеют свои конституции и принимают их своими съездами Советов, внося на утверждение Всероссийского. Таким образом, в отношении автономных республик, образующих так называемую «тесную автономию» РСФСР, было все ясно: автономные республики располагали автономией лишь в пределах, установленных законом РСФСР по линии необъединенных наркоматов.

За 1920–1924 гг. по линии внутренней федерации в РСФСР образуется целый ряд и других автономно-государственных единиц, и в итоге происшедшей дифференциации федерального устройства возникает новое понятие — автономная область, отношение к которой было далеко не однозначным.

---

[44] Становление и развитие советской государственности: исследования ученых 20-х годов. М., 1990. Ч. 2. С. 40–49.

Анализ публикаций государствоведов 20-х годов позволяет выявить два подхода к характеристике автономных областей. Первый представляли К. А. Архипов, В. Н. Дурденевский и М. А. Рейснер, которые в своих работах делали акцент на чисто юридической конструкции автономического статуса областей. Второй — Г. С. Гурвич, Д. А. Магеровский и А. М. Турубинер, делавшие упор на политическую сторону вопроса[45]. Но представители и первого и второго подхода были едины в том, что наиболее типичными автономными единицами в РСФСР являются автономные республики, а не автономные области, которые и образовывались иногда стихийно (А. С. Енукидзе) или «как национальная губерния территориального масштаба» (В. Н. Дурденевский). Это во-первых. Во-вторых, что в отношении автономных областей в РСФСР наметился процесс к постепенному слиянию их с автономными республиками и к поднятию третьестепенного члена — автономной области — на высшую ступень развития. В-третьих, раз автономные области все-таки существуют, то следует разобраться в природе их появления.

Противником признания статуса и положения автономных областей был и создатель предварительного проекта Конституции 1925 г. Д. И. Курский. В проекте Д. И. Курского, предложенном Конституционной комиссии ВЦИК, нет никакого упоминания об автономных областях и регламентируется исключительно положение автономных республик. Только, по мнению В. С. Ломова, благодаря настойчивости подкомиссии по вопросам, касающимся деятельности национальных республик и областей, субъектами т. н. «тесной автономии» стали и автономные области. Согласно же ст. 44 Конституции РСФСР 1925 г., автономные области образуются на основе действующего Основного Закона и положения о них принимаются их съездами Советов и утверждаются ВЦИКом. В то время как для автономных республик Конституция РСФСР 1925 г. определяла возможность принятия законодательных актов их центральными исполнительными комитетами.

Вместе с тем практика развития автономных областей в 20-е годы показывает, что процесс перехода автономных областей на стадию республик действительно шел и отказ от существования такого своеобразного государственного образования имел место. С осуществлением этой идеи СССР стал бы союзом республик, суверенных и автономных, без областных субъектов.

Интересен тот факт, что анализ первых декретов советской власти и текстов конституций не позволяет сегодня однозначно считать, что

[45] Там же.

центральная власть РСФСР никогда не выдавала себя за созидательницу автономных образований разного уровня. Более того, если в Конституции 1918 г. вопрос об автономии республик вообще обходится молчанием (подчеркивались лишь «начала федерации» и «национального самоопределения»), то Конституция РСФСР 1925 г. не рассматривает их как единицы, созданные сверху вообще, а лишь представляет национальностям право выделения в особые автономные республики и автономные области[46].

Раздел IV Конституции РСФСР 1925 г. «О выборах в Советы» рассказывает об активном и пассивном избирательном праве и состоит из 8 статей. Тексты и положения этих статей идентичны аналогичным нормам других конституций как 1918, так и 1924 г.

Раздел V «О бюджетном праве» (ст. 76–86) оговаривал условия составления общегосударственного бюджета, куда входили все государственные доходы и расходы РСФСР, включая входящие в нее автономные республики (ст. 76). Заметим, речь идет только об автономных республиках. Согласно ст. 77, бюджет РСФСР входил составной частью в единый государственный бюджет. Такое объединение финансовой системы в то время наблюдалось в мире везде. И в этой связи интересно мнение известного английского историка Э. Карра, который, говоря о взаимоотношениях центра и окраин СССР в 20-е годы, отмечал, что «концентрация власти в центре была характерна скорее для периода, чем для институтов любой отдельной страны. В Советском Союзе корни ее были в первую очередь экономические»[47].

Вопросы о гербе, флаге и столице РСФСР освещались в разделе VI Конституции Российской Федерации 1925 г. В ст. 89 было записано, что столицей Российской Социалистической Федеративной Республики является г. Москва, в то время как в тексте Основного Закона РСФСР 1918 г. вопрос о столице зафиксирован не был. Таким образом, согласно Конституции РСФСР 1925 г. Москва становилась центром не только Союза ССР, но и республики.

В наши дни нам сложно представить демократическое государство без писаной конституции, которая по своей форме всегда документ *государства, а по сути и содержанию — документ и общества и государства*. Все конституционные нормы, закрепленные в Основном Законе, являются основополагающими для деятельности органов власти, поли-

---

[46] Там же.

[47] *Карр Э.* История Советской России. Большевистская революция. М., 1990. Т. 1–2. С. 324.

тических движений, партий, всех граждан и т. д. Принятие конституции любого уровня — это всегда результат, обусловленный факторами политического и социально-экономического характера.

Появление Конституции РСФСР 1925 г., история ее разработки и принятия (как и любых других) имели в своей основе политические и экономические причины. Тесные переплетения объективных и субъективных предпосылок, связанных с национально-государственным строительством внутри самой Российской Федерации и образования Союза ССР, объясняют необходимость ее разработки и принятия. Но говорить о Конституции в отрыве от времени ее принятия просто невозможно.

Вторая Конституция РСФСР 1925 г. привела конституционные основы РСФСР как союзной республики в соответствие с новыми условиями, вызванными образованием СССР. Конституция РСФСР 1925 г. законодательно оформила предшествующий опыт государственного строительства и политико-правовые изменения, происшедшие в республике в начале 20-х годов.

Создание Конституции РСФСР 1925 г. явилось итогом большой и серьезной работы, прошедшей ряд этапов.

Схематический ход разработки Конституции РСФСР 1925 г. можно представить следующим образом. Первоначально эта работа была возложена на образованную 3 апреля 1924 г. комиссию Президиума ВЦИК, которая, разбившись на подкомиссии, рассматривала соответствующие главы первоначального проекта, составленного Д. И. Курским. Далее указанные главы были скомпилированы в предварительный проект, который обсуждался на пленарных заседаниях Конституционной комиссии ВЦИК. Затем выработанный комиссией Президиума ВЦИК окончательный проект был направлен на обсуждение в СНК РСФСР.

Обсуждение окончательного проекта Конституции РСФСР 1925 г. в СНК РСФСР проходило как на заседаниях Совнаркома РСФСР, так и в Госплане РСФСР — на специальном совещании и на президиуме Госплана РСФСР. Подчеркнем, что говорить о создании «своего» проекта Конституции РСФСР Совнаркомом РСФСР неправомерно, поскольку он представлял тот же окончательный проект Конституционной комиссии ВЦИК, где кроме редакционных поправок было внесено только семь заметных изменений. Проект же Госплана РСФСР, значительно отличавшийся от окончательного проекта комиссии ВЦИК, в связи с опозданием его подготовки последующими инстанциями официально не рассматривался.

После прохождения в СНК РСФСР проект Конституции был возвращен в комиссию ВЦИК, которая, несмотря на свою формальную лик-

видацию, все-таки собралась на расширенное заседание и доработала проект. И наконец, проект Конституции РСФСР был рассмотрен на третьей сессии ВЦИК XI созыва и утвержден XII Всероссийским съездом Советов 11 мая 1925 г.

При создании Конституции РСФСР 1925 г. большой объем работ выпал на долю Конституционной комиссии ВЦИК и ее подкомиссий, для которых был характерен скрупулезный отбор материала, тщательный подход к деталям, стремление к четким формулировкам. Определяя значение Конституционной комиссии ВЦИК, подчеркнем, что она под руководством Д. И. Курского проделала основную работу по созданию проекта Конституции РСФСР 1925 г.

В этой связи необходимо особо выделить личный вклад Д. И. Курского, председателя Конституционной комиссии ВЦИК, которым был составлен первоначальный проект Конституции РСФСР, послуживший основой для всей последующей работы. Вместе с тем Д. И. Курский возглавлял также работу ряда комиссий, создававшихся в рабочем порядке во время обсуждения проекта.

Советская власть и общество

А. П. Чечевишников

НЕИЗВЕСТНОЕ ЭХО ДИСКУССИИ О ПРОФСОЮЗАХ

1921 г. вошел в историю нашей страны как год решительного поворота. «Военный коммунизм» был обречен. Крепость большевистской диктатуры раскачивали волны крестьянских восстаний и рабочих «волынок». Каждый следующий шаг грозил падением в пропасть анархии. X съезд РКП(б) ликвидировал продразверстку и подвел черту под огосударствлением профсоюзов, положив тем самым начало выходу из кризиса. В этих вынужденных шагах руководство большевистской партии не усматривало радикального изменения всей политики. Если бы на съезде кто-нибудь вслух предложил реформы, аналогичные так называемому нэпу, он вряд ли после этого сохранил свой партийный билет.

Общепринятое еще вчера представление о том, что на X съезде был провозглашен нэп, к сожалению, еще не вполне изжито в отечественной историографии, а также в устной (преподавательской) традиции. Особенности перехода к новой политике в различных сферах партийной, государственной и общественной жизни остаются слабоизученными. Так, известно, что на II пленуме ВЦСПС в феврале 1922 г. был принят «новый курс» в профдвижении, отразивший потребности хозрасчетной экономики и легализовавший защитную функцию профессиональных союзов в рабочем государстве. Однако вопрос о том, каковы корни этого курса, как шла кристаллизация идей, положенных в его основу, какие большие и малые политические кризисы были преодолены на пути к нему, на наш взгляд, до сих пор даже не поставлен в исторической литературе.

Одной из критических точек в рамках выработки «нового курса» стали события мая 1921 г., связанные с подготовкой и проведением IV Всероссийского съезда профсоюзов. Прежде чем рассказать о них, необходимо подчеркнуть, что приемлемая реконструкция конфликта на съезде чрезвычайно сложна и требует детальной проработки таких проблем, как история борьбы группировок в ВЦСПС, профсоюзный вопрос в работе руководящих партийных органов в 1918–1921 гг., взаимоотношения между отдельными членами ЦК РКП(б) в связи с различным пониманием ими роли и места профсоюзов в системе диктатуры пролетариата. К сожалению, автору не удалось разыскать стенограмму заседаний коммунистической фракции IV съезда, которая могла бы пролить свет на детали разыгравшегося конфликта.

Прошедшая в ноябре 1920 — марте 1921 г. дискуссия о профсоюзах[1] явилась результатом их глубокого кризиса. За годы гражданской войны рабочие организации стали частью государственного аппарата, растеряв при этом ряд своих естественных функций, на которых ранее базировалось их влияние. По свидетельству Г. Е. Зиновьева, «какой-нибудь картографический подотдел Реввоенсовета Республики, несомненно, обладает, по крайней мере, в 10 раз большими ресурсами и средствами, чем весь ВЦСПС...»[2].

В этот период в профсоюзах утвердились несвойственные им методы руководства «массами», закрепленные в решениях IX съезда РКП(б). Линия большевистской партии на огосударствление профдвижения привела к тому, что союзы стали превращаться в репрессивный аппарат диктатуры. Недовольство рабочих беспощадно пресекалось. К осени 1920 г. тюрьмы Петрограда были переполнены арестованными рабочими[3]. Наиболее тяжелое положение сложилось на транспорте, где вся власть находилась в руках комиссаров Главполитпути и Главполитвода[4]. Профсоюзы транспортников в сентябре были слиты в единый Всероссийский союз транспортных рабочих (Цектран), ставший, по сути, вспомогательным аппаратом комиссарского режима. На каждой железнодорожной станции, при вагоноремонтных мастерских имелись один-два вагона с решетками. Малейшая дисциплинарная провинность была чревата помещением в такой вагон-тюрьму сроком на несколько дней, нередко «без отрыва от производства»[5].

С образованием Цектрана в его руководстве возник острый конфликт между твердо стоявшими на позициях IX съезда лидерами союза и активом секции водников, полагавшим, что дальнейшее продолжение такой линии гибельно для профессионального движения. В ходе ожесточенных дискуссий вскрылось немало фактов репрессий по отношению к рабочему классу. Так, на одном из декабрьских заседаний профкомис-

---

[1] Формально дискуссия была открыта 7 декабря 1920 г.

[2] О роли профессиональных союзов в производстве. М., 1921. С. 10.

[3] РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 148. Л. 2 об.

[4] Главполитпуть — Главный политический отдел Наркомата путей сообщения. Образован в феврале 1919 г. в качестве временного политического органа, работающего под непосредственным руководством ЦК РКП(б). В январе 1920 г. реорганизован в Главное политическое управление НКПС. Решением Пленума ЦК 7 декабря 1920 г. упразднен. Главполитвод — Главное политическое управление водного транспорта НКПС. Образован в апреле 1920 г. как отделение Главполитпути. Также упразднен 7 декабря 1920 г.

[5] РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 148. Л. 2.

сии ЦК РКП(б) делегаты с мест сообщали о многочисленных арестах профсоюзных работников, об угрозах уничтожить союзные организации. Представитель водников Нижнего Новгорода с возмущением привел следующий факт: на одной из пристаней группа рабочих обратилась к комиссару с просьбой, касающейся их материального положения. В ответ рабочие услышали, что, если они не будут работать, их всех закуют в цепи[6].

Такая практика идеологически обосновывалась некоторыми руководителями ВЦСПС. Один из наиболее активных сторонников жесткой политики, член президиума ВЦСПС А. З. Гольцман, на исходе 1920 г. следующим образом сформулировал принципы укрепления связи с «массами»: «Мы не будем останавливаться перед тем, чтобы применять тюрьмы, ссылку, каторгу по отношению к людям, которые неспособны понять наши тенденции»[7].

Решающее значение для пересмотра решений IX съезда имело то обстоятельство, что к ноябрю 1920 г. В. И. Ленин осознал губительность жесткого курса и активно поддержал инакомыслящих в Центране. X съезд РКП(б), огромным большинством голосов одобривший новую концепцию роли и задач профсоюзов в условиях диктатуры пролетариата, вынес тем самым приговор милитаристскому господству в профдвижении. Но привести его в исполнение было нелегко. Страна задыхалась в продовольственном, транспортном и топливном кризисах. Острота политической ситуации не спадала. Реформы в управлении промышленностью еще только намечались.

В этой обстановке началась подготовка к IV Всероссийскому съезду профсоюзов. В конце апреля бюро коммунистической фракции ВЦСПС наметило список докладчиков, причем по важнейшим вопросам было поручено выступить недавним сторонникам Л. Д. Троцкого — А. А. Андрееву, А. З. Гольцману и В. В. Коссиору. Политбюро ЦК РКП(б), заподозрив фракционность, постановило изменить список докладчиков. В ответ 3 мая бюро комфракции ВЦСПС высказалось против такого решения, мотивируя тем, что смена докладчиков за 11 дней до объявленной даты открытия съезда дезорганизует его работу. Руководство ВЦСПС ставило вопрос о проведении совместного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК с участием всех наличных членов ЦК, с разрешением присутствия на нем бюро комфракции ВЦСПС в полном составе. Бюро фракции сочло необходимым довести до сведения Политбюро, что постановка вопроса о докладчиках на заседании коммунистической фракции съезда

---

[6] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 42. Д. 14. Л. 10, 12, 14, 17 и др.

[7] О роли профессиональных союзов в производстве. М., 1921. С. 17.

в той или иной форме неизбежна и может внести «деморализацию в ряды ответственных работников профдвижения». Пересмотра решения Политбюро ЦК РКП(б) не последовало[8].

Для проведения съезда профсоюзов ЦК РКП (б) создал специальную комиссию в составе Г. Е. Зиновьева, В. М. Михайлова, В. М. Молотова, И. В. Сталина, М. П. Томского, которая приняла подготовленный Зиновьевым проект резолюции по отчету ВЦСПС и постановила провести его через фракцию съезда[9]. Как представляется, комиссия, а в нее входили только члены официально распущенной X съездом «платформы десяти»[10], свою задачу видела в том, чтобы максимально ослабить позиции бывших оппонентов в выборных органах профсоюзов.

Вечером 16 мая Томский выступил с отчетом о работе президиума ВЦСПС на первом заседании фракции съезда. Затем доклад об организационной деятельности президиума зачитал В. В. Шмидт. В это время в зале находились члены комиссии ЦК Сталин и Молотов. После выступления Шмидта Сталин покинул собрание, сообщив телефонограммой Ленину, что хотя прослушанные им отчеты «средние, дающие основания для трепки... судя по общему впечатлению, больших осложнений не будет, но аппарат ВЦСПС будет улучшен»[11].

Прения по докладам были продолжены 17 мая. Томский передал проект резолюции по отчету ВЦСПС, подготовленный комиссией ЦК, члену президиума ВЦСПС А. И. Гинзбургу для оглашения, но почему-то

---

[8] РЦХИДНИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 22. Л. 79 об., 80.

[9] Известия ЦК РКП(б). 1921. №32. С. 1.

[10] Выборы делегатов на X съезд РКП(б) проходили по платформам, представленным различными партийными группировками в ходе дискуссии о профсоюзах. Так называемая «платформа десяти» была опубликована в виде брошюры «Проект постановления X съезда РКП(б) по вопросу о роли и задачах профсоюзов», датированной 14 января 1921 г. Ее подписали девять членов ЦК РКП(б) – Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, М. П. Томский, Я. Э. Рудзутак, М. И. Калинин, Л. Б. Каменев, Г. И. Петровский, Артем (Ф. А. Сергеев), В. И. Ленин и член президиума ВЦСПС С. А. Лозовский. К числу главных функций профсоюзов были отнесены: их участие в управлении государством, подготовка кадров для советского и хозяйственного аппарата, борьба за укрепление трудовой дисциплины. Предусматривалось, что основой их деятельности должны стать методы воспитания и убеждения, широкое развертывание демократических начал внутри профсоюзов. «Платформа десяти» была поддержана большинством местных парторганизаций и легла в основу постановления X съезда партии *о роли и задачах профсоюзов*. В резолюции «О единстве партии» съезд постановил немедленно распустить все образовавшиеся на той или иной платформе группы. Всякие фракционные выступления влекли за собой «безусловное и немедленное исключение из партии».

[11] РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18732.

не проинформировал, что данный документ «освящен» авторитетом ЦК. В результате члены фракции съезда восприняли проект резолюции как точку зрения его непосредственного автора, Зиновьева, поддерживаемую питерской делегацией[12]. Как вспоминал один из ответственных работников петроградского губсовпрофа А. М. Дурмашкин, этим промахом организаторов съезда воспользовался Д. Б. Рязанов, «выступивший на заседании фракции с резкой критикой ЦК партии в духе отстаивания независимости профсоюзов от партии. Он внес свою, противоречащую линии партии резолюцию, в которую демагогически было включено предложение о всеобщем переходе к натурализации заработной платы, остро волновавшее делегатов. Оно находило поддержку из-за резкого падения покупательской способности бумажных денег»[13]. Томский выступил против позиции Рязанова. Тем не менее только 30 из двух с половиной тысяч членов фракции голосовали за резолюцию, внесенную Гинзбургом[14].

В меньшевистском «Социалистическом вестнике» эти события были изложены без ссылки на источник следующим образом: «На первом заседании фракции большевиков, заслушавшем отчет ВЦСПС, представитель последнего Томский самопокаянно бил себя в грудь, признавая никчемность и бездеятельность своего учреждения, и в самооправдание заявил, что ЦК коммунистов не давал Совету работать, подавляя его своими приказами. Д. Б. Рязанов, подтвердив это обстоятельство, напал на ВЦСПС за то, что у него не хватало мужества бороться с ЦК, говорил с большим пафосом и в результате провел огромным большинством резолюцию, которая настаивает на независимости профсоюзов (на фракции кричали: «Вы обещали уничтожить огосударствление союзов! Вы нас обманули!») и устанавливает, что ЦК не давал работать ВЦСПС»[15].

Д. Б. Рязанов в одном из своих выступлений на XI съезде РКП(б) привел текст этой резолюции. В ней констатировалось, что целый ряд объективных условий препятствовал правильной постановке работы ВЦСПС, а «текучесть его состава и неприспособленность отдельных членов мешали организации в нем основного рабочего ядра». Одну из причин этого положения Рязанов усматривал в характере взаимоотношений, установившихся между центральными органами партии и фракцией ВЦСПС. Признавалась необходимость идейного руководства профсою-

---

[12] Известия ЦК РКП(б). 1921. №32. С. 1.

[13] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922 годы. М., 1963. С. 529.

[14] XI съезд РКП(б). Март – апрель 1922 г. Стеногр. отчет. М., 1961. С. 262.

[15] Социалистический вестник. Берлин, 1921. №10. С. 12.

зами со стороны партии. В то же время высказывалось пожелание прекратить практику мелочной опеки, чрезмерного вмешательства в текущую работу ВЦСПС. «Подбор руководящего персонала профдвижения, — подчеркивалось в резолюции, — должен протекать при направляющем контроле партии, но партия должна особенно тщательно проводить нормальные методы пролетарской демократии именно в профсоюзах, где более всего отбор руководителей должен делаться самими организованными партийными массами». Представлялась недопустимой ситуация, когда о подготовляемых мерах в области рабочего и экономического законодательства партийные работники профдвижения узнавали позже всех. Автор резолюции ставил под сомнение целесообразность дальнейшего проведения беспартийных конференций рабочих отдельных отраслей, ибо они мешали нормальной деятельности профсоюзов как массовых организаций[16].

В отчете ЦК РКП(б) за время с 1 мая по 1 июня 1921 г. подчеркивалось, что «принятая резолюция, по существу, очень мало касалась работы ВЦСПС и была целиком направлена к оценке работы ЦК партии, причем ЦК было признано, что дух этой резолюции далеко не соответствовал духу партийных решений о взаимоотношениях между партией и союзами (вопрос, по которому тов. Рязанов всегда придерживался особого взгляда)»[17].

Такой исход был совершенно неожиданным. Прибывший на заседание фракции Сталин попытался исправить положение. Но, как вспоминал Дурмашкин, «выступление Сталина не содержало достаточной аргументации по существу вопроса и было сделано в резких, раздраженных тонах, изобиловало грубыми личными выпадами в адрес Томского, Рязанова, да и самой фракции. Это вызвало в зале протесты, выкрики, нервозность. На реплики Рязанова, сидевшего сбоку на сцене, Сталин вместо критики по существу грубо бросил в его сторону: "Замолчите, шут гороховый". Рязанов вскочил, ответил тем же»[18].

Атмосфера на съезде еще более накалилась после его официального открытия вечером 17 мая. На состоявшемся пленарном заседании, вопреки установившейся традиции, не присутствовали представители ЦК РКП(б), Исполкома Коминтерна и ВЦИК. Делегаты усмотрели в этом реакцию на разразившийся во фракции конфликт[19]. В записке, направ-

---

[16] XI съезд РКП(б). Март – апрель 1922 г. Стеногр. отчет. С. 262–264. В приведенном Рязановым тексте резолюции отсутствует упомянутое Дурмашкиным предложение о натурализации заработной платы.

[17] Известия ЦК РКП(б). 1921. №32. С. 1–2.

[18] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922 годы. С. 529–530.

[19] *Заседание фракции лишь формально носило* закрытый характер. Более 80% из трех тысяч участников съезда составляли коммунисты. Естественно,

ленной утром 18 мая членом президиума ВЦСПС С. А. Лозовским В. М. Молотову, отмечалось возмущение большинства делегатов съезда, расценивших такое отношение высшего руководства партии как попытку мстить за принятую резолюцию. Ряд делегаций высказался за ее пересмотр. Но в то же время на собрании представителей делегаций, состоявшемся утром 18 мая, с трудом удалось провалить предложение с требованием выразить официальный протест ЦК РКП(б) по поводу отсутствия лидеров партии на открытии съезда. Делегации, сообщал Лозовский, обвиняют ЦК в том, что по его вине принята резолюция Рязанова, «съезд разлагается: поговаривают об отъезде домой»[20].

Разумеется, интерпретировать отсутствие представителей ЦК на пленарном заседании как «месть» не вполне справедливо. Вторая неудачная попытка навести порядок на съезде была бы чревата непредсказуемыми последствиями. Замаячил призрак нового Кронштадта. Необходимо было тщательно проанализировать ситуацию.

Вопрос о положении на съезде профсоюзов обсуждался 18 мая на Пленуме ЦК РКП(б). ЦК отклонил принятую фракцией резолюцию и постановил ввести в комиссию по руководству съездом вместо Томского Н. И. Бухарина, а также отстранить Рязанова от всякой работы в профдвижении. ЦК вынес порицание Артему (Ф. А. Сергееву), А. С. Шляпникову и И. И. Кутузову за то, что, участвуя в заседании фракции съезда, они не приняли мер к отстаиванию партийных решений. Пленум освободил Томского от работы в ВЦСПС и от поручения выступить с докладами на съезде профсоюзов. ЦК назначил комиссию в составе И. В. Сталина, М. В. Фрунзе, А. С. Киселева и Ф. Э. Дзержинского, которой было поручено рассмотреть факты и определить меру дисциплинарной ответственности Томского[21].

По поручению ЦК вечером 18 мая на фракции IV съезда профсоюзов выступил Ленин[22]. Рассказав о подготовленном комиссией ЦК проекте резолюции, он разъяснил, что голосование большинства фракции за резолюцию Рязанова, по существу, противопоставило фракцию Центральному Комитету, профсоюзы — партии. Ленин заявил, что он далек от мысли, что коммунисты фракции хотели этого, но они попали в такое положение в результате неосведомленности о решении ЦК. Это

что разногласия сразу стали известны беспартийным и представителям других партий.

[20] РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 346. Л. 1–2.

[21] Известия ЦК РКП(б). 1921. №32. С. 1–2.

[22] Конспект ленинской речи см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 393.

могло произойти только потому, что имел место чудовищный факт сокрытия резолюции ЦК. Ленин объяснил, что вопрос о руководстве партии профсоюзами есть коренной вопрос существования диктатуры пролетариата, и напомнил об Уставе партии, определяющем обязательность решений партии для фракции. Коснувшись поведения Томского, Ленин заметил, что даже если нет фактов, позволяющих думать о сознательном содействии со стороны Томского проведению резолюции Рязанова, налицо вопиющая безответственность, неслыханное нарушение партийной дисциплины[23].

Реакция зала, по всей видимости, была очень неоднозначной. Как вспоминал позднее Зиновьев, фракция «работала так, что заставила ЦК нашей партии сильно призадуматься над положением вещей в профессиональном движении. Я как сейчас вижу т. Ленина, вернувшегося с этой фракции, который сказал мне буквально следующее: "Я первый раз испытываю чувство, что я говорил не перед партийными товарищами, а перед беспартийными"»[24]. В конечном счете подавляющим большинством голосов фракция отклонила резолюцию Рязанова и приняла резолюцию комиссии ЦК, предложив вместе с тем ЦК пересмотреть свое решение в отношении Рязанова и Томского. Пленум ЦК отклонил это предложение[25].

Сохранились записки, направленные делегатами съезда Ленину 18 мая. От этих пожелтевших от времени листков и обрывков бумаги веет усталостью и смятением, возмущением и скорбью, а подчас в них — поразительные прозрения рядовых большевистской партии, чьи имена давно забылись.

Делегат из Тамбова Медведков, которому вряд ли приходилось часто брать в руки перо, пишет, что, съехавшись для решения важных вопросов, участники съезда несколько дней занимаются только грызней. Автору записки раньше казалось, что грызня между коммунистами — это местное явление. Теперь же он видит, что «эта грызня была на местах не местная, а центральная». Обращаясь к Ленину, Медведков просит его использовать все свое влияние, чтобы ее преодолеть[26].

В ряде записок отмечается, что разногласия зимы 1920/21 г. не изжиты. Они вновь обострились на съезде профсоюзов. «Когда мы, работники с мест, — пишет один из делегатов, — приезжая в центр, сталки-

---

[23] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922 годы. С. 530–531.

[24] XI съезд РКП(б). Март – апрель 1922 г. Стеногр. отчет. С. 281.

[25] Известия ЦК РКП(б). 1921. №32. С. 2.

[26] РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 346. Л. 18–18 об.

ваемся вместо работы со склокой, то руки опускаются»[27]. В другой записке констатируется, что X съезд РКП(б) не устранил разногласий в партии. «В низах и верхах вода кипит и бурлит, хотя закрыта как будто крышкой (пост. X съезда). Вопрос *жизненно* остался неразрешенным...» Автор присоединяется к общему возмущению поведением Сталина на заседании 17 мая, так как, по его мнению, причины происходящего сегодня и в том, что «представитель ЦК в лице Сталина оперирует с больным организмом, совершенно не зная его»[28]. Один из делегатов, считая, что всю эту историю нужно было разрешить внутри ЦК, заметил, что «Сталина следует одернуть за неумение подойти к фракции: если сечете фракцию, надо делать с толком и тактом»[29].

Во многих записках — недоумение фактическим неучастием комиссии ЦК в работе съезда, недовольство администрированием в руководстве профдвижением, неопределенностью во взаимоотношениях между комфракциями союзов и партийными комитетами. Делегаты с тревогой задаются вопросом: какой резонанс будет иметь этот съезд в партии и рабочем классе?[30] Подчас Ленину адресуется откровенно раздраженное («Думаете ли Вы серьезно, что тот разврат, который внесен теперь среди 3000 коммунистов со всех сторон России, есть руководство фракцией?» /А. Иванов/[31]) и даже пророческое («Дорогой тов. и учитель! На меня и, вероятно, на большинство коммунистов-середняков вся история эта производит гнетущее впечатление. Временами думаешь, не становятся ли наши вожди жертвами интриг, и более печальная и опасная мысль: не есть ли это симптомы вырождения в самой партии, что опаснее всякой мелкобуржуазной стихии» /делегат из Гомеля А. Соркин/[32]).

С тревогой было встречено делегатами и известие об отстранении Томского и Рязанова. «Думаем, что ЦК хорошо знает, как дорог нам т. Томский и как глубоко мы его уважаем, чтобы сразу не допустить его к работам съезда», — подчеркивается в одной из записок[33].

Конфликт на съезде профсоюзов ускорил выработку «нового курса» в профдвижении. Однако принципы взаимоотношений партии

---

[27] Там же. Л. 3.

[28] Там же. Л. 32.

[29] Там же. Л. 24–24 об.

[30] Там же. Л. 6 об., 8, 17, 21–22 об., 26–26 об., 31–31 об., 39, 39 об., 42, 42 об.

[31] Там же. Л. 30.

[32] Там же. Л. 23.

[33] Там же. Л. 40.

и союзов остались неизменными. Впоследствии, выступая на заседании комфракции ЦК профсоюза металлистов 6 марта 1922 г. с сообщением комиссии ИККИ по письму 22 членов «рабочей оппозиции», Зиновьев так охарактеризовал события мая 1921 г.: «Такие столкновения и даже разногласия, несомненно, всегда оказывают тяжелое впечатление и оставляют тяжелый след. Вполне понятно, когда та или иная фракция Всероссийского съезда профсоюзов, пришедшая в столкновение с ЦК по вопросу о списке, остается недовольной. Но мы спрашиваем наших иностранных товарищей, думают ли они, что партия может отказаться от своего права в таких случаях, когда бывают расхождения, настоять на постановлении ЦК. Наши международные товарищи, знающие как мы ставим вопрос, сами не поступают ли так во Франции или в Италии?.. В таких случаях, когда возникают важные партийные и принципиальные вопросы, ЦК обязан указать своим членам правильную линию, иначе получится полный хаос, получится независимость профсоюзов, которая приведет к гибели пролетарскую диктатуру»[34].

18 мая 1921 г. Ленину удалось преодолеть кризис во взаимоотношениях большевистской партии и профессиональных союзов. Съезд продолжил работу без Томского и Рязанова. Их персональное дело обсуждалось на заседании ЦКК, на котором было одобрено решение пленума ЦК от 18 мая. В отношении Томского ЦКК, в частности, отметила: «Тов. Томский, член ЦК, которому поручено было руководство работой фракции и проведение директив ЦК о характере резолюции, не принял нужных мер, не развил перед фракцией позиции ЦК в этом вопросе, не выполнил прямого указания ЦК и, как представитель партии на высшем руководящем посту в профессиональном движении, не оправдал доверия партии и должен был быть партией устранен из состава президиума»[35].

Если Рязанову, несмотря на попытки апеллировать к XI съезду РКП(б), так и не удалось вернуться на профсоюзную работу, то отставка Томского оказалась временной. В течение нескольких месяцев он исполнял обязанности председателя Туркбюро ЦК РКП(б) и Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. Томский был не согласен с решениями ЦК и ЦКК. Косвенным свидетельством этого служат его слова на VI съезде Компартии Туркестана. При обсуждении доклада ЦК КПТ 13 августа 1921 г., призывая делегатов смело вскрывать имеющиеся недостатки, он заявил: «Когда революция ставит вопрос, то я не боюсь выступить с критикой

[34] Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

[35] Известия ЦК РКП(б). 1921. № 32. С. 2.

своего ЦК, не боюсь того, что меня могут сослать, рекомендую и вам сделать то же, тот, кто боится, тот плохой коммунист. Кто боится, что, если он неуважительно отнесется к своему начальству и за это подвергнется ссылке и аресту, тот не коммунист»[36].

В нашем распоряжении имеется развернутая характеристика майских событий 1921 г., данная Томским значительно позже, в период борьбы с «правым уклоном». На заседании бюро фракции ВЦСПС 9 ноября 1928 г. он заявил: «Теперь задним числом я считаю, что это было неправильное решение относительно меня... Я выступил потому, что Ильич заподозрил, что я хочу сделать блок с троцкистами, с Андреевым, Гольцманом, с Коссиором, по подозрению, что я хочу сделать блок с ними, а на самом деле я ставил ставку на лучших работников профдвижения, которые были троцкистами, но которые излечились. Последствия показали, что Андреев не троцкист. Я ставил ставку на лучшую деловую часть против рабочей оппозиции, которые были исправимы. Без всякой задней мысли»[37].

Конечно, данное высказывание оставляет немало вопросов. Представляется, что Томский пошел наперекор ЦК вполне сознательно. Осенью 1921 г. В.И. Ленин писал о нем как о «ловком, твердом и упрямом человеке»[38], и майские события, по-видимому, способствовали вынесению такой оценки.

Томский не забывал, что представляет ЦК партии в профессиональных союзах, и всегда выступал против их независимости. В 1926 г. он говорил, что «для большевиков вопроса о независимости быть не может, как не может быть и вопроса о нейтральности»[39].

Но, характеризуя точку зрения Томского на взаимоотношения партии и союзов, нельзя забывать и о другой стороне медали. Он не только представлял партию в ВЦСПС, но и защищал интересы профсоюзов в руководящих органах партии. Томский не раз указывал, что работа коммунистов в профсоюзах очень сложна, что мало знать формы и методы работы, необходимы особая тактика, особый подход, особая внимательность, особая осторожность. «Если при этих условиях люди, сидящие наверху и занятые очень большими делами, начинают по всем этим вопросам руководить теми, которым приходится проводить будничную, серенькую работу о том, в пятак или семь копеек нужно добиваться

---

[36] Бюллетень VI съезда Компартии Туркестана. Ташкент, 1921. № 4. С. 11.

[37] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 42. Д. 152. Л. 242.

[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 189–190.

[39] VI расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля – 15 марта 1926 г.). Стеногр. отчет. М.; Л., 1927. С. 318.

прибавки, нужно ли ее устанавливать сегодня или через 3 месяца, как нужно подписывать коллективные договоры, — если в этой работе партия начнет руководить и дергать вплоть до мелочей, вплоть до подбора людей, то из этого ничего хорошего не выйдет»[40].

Подобную точку зрения отстаивать было непросто. И особенно в ситуациях критических, когда объективные условия толкали к милитаризации всего и вся. «Весь 1919–1920 г., — вспоминал Томский в 1928 г., — я провел в дискуссии непрерывно с Троцким... Перед тем, как троцкизм сформулировался и вылился в дискуссию, поддерживали линию не мою, а Троцкого, а меня секли, стегали и били на заседаниях Политбюро»[41]. Сам Троцкий в декабре 1920 г. соглашался, что Томский «был, вероятно, иногда прав, что ЦК слишком вторгался во внутреннюю жизнь и в вопросы состава органов профессиональной организации»[42].

Вероятно, что и во время конфликта на IV съезде профсоюзов Томский не изменил своей особой линии. Что же касается его борьбы против «рабочей оппозиции», то, не имея достаточных оснований для обобщений, приведем два высказывания, сделанные ее виднейшими представителями. А. С. Шляпников в марте 1922 г. заявил, что выступление Томского на съезде профсоюзов — «попытка его создать вокруг меня рабочую оппозицию, попытка, за которую он поплатился кое-чем»[43]. С. П. Медведев через несколько дней после описываемых событий отмечал, что Томский не без ведома лидеров партии и Рязанов по согласованию с Томским «вели провокационную травлю против части профработников и членов партии, разделявших во время предсъездовской дискуссии[44] платформу рабочей оппозиции, перенося спор с ними с разногласий по существу вопросов профдвижения, стоявших в порядке обсуждения, — исключительно на их принадлежность в предсъездовский период сторонникам рабочей оппозиции...»[45].

---

[40] Там же. С. 319–320.

[41] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 42. Д. 152. Л. 243.

[42] О роли профессиональных союзов в производстве. М., 1921. С. 26.

[43] РЦХИДНИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

[44] Отметим, что методы внутрипартийной борьбы «героического периода русской революции» отличались от тех, которые утвердились к середине 20-х годов. Так, оценивая свои споры с Томским, Троцкий подчеркивал, что «эти разногласия не означают и не могут означать взаимной травли и жестокой борьбы. В самой острой полемике с тов. Томским я всегда говорил, что мне абсолютно ясно, что руководителями нашими в профсоюзах могут быть только люди с опытом, с авторитетом, которые есть у тов. Томского» (О роли профессиональных союзов в производстве. М., 1921. С. 33–34).

[45] РЦХИДНИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

Отстранение Томского от работы в ВЦСПС существенно ослабило центр профсоюзного движения в условиях выработки «нового курса», а направление его в Туркестан отрицательно сказалось и на ситуации в Ташкенте. В ожесточенных спорах о конкретных формах реализации новой экономической политики в Средней Азии Томский поддержал точку зрения большинства в Туркбюро против позиции члена бюро Г. И. Сафарова. Томский настаивал на введении продналога и считал невозможным сочетать нэп с организацией комбедов. Сафаров же утверждал, что продналог и свободный товарообмен не вполне применимы к условиям Туркестана, и делал упор на организацию союзов бедноты и классовое расслоение местного населения. После того как одна из спорящих сторон была поддержана таким авторитетным вождем, как Томский, пламя конфликта разгорелось с новой силой, и 14 октября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) было вынуждено отозвать его из Туркестана[46].

Работая в Ташкенте, Томский не порывал связей с ВЦСПС. Ему регулярно направлялись протоколы заседаний президиума и другие информационные материалы. Руководители ВЦСПС были уверены в скором возвращении своего лидера. Характерны такие строки из письма, адресованного Томскому 18 августа 1921 г.: «Кошмар гольцмановщины миновал, и руки для работы развязаны. Так жаль, что нет Вас, а без Вас работа в президиуме не имеет вида, ни формы, и даже дух божий не носится над бездной. Ждем Вашего возвращения...»[47].

После непродолжительного руководства Гохраном[48] 5 января 1922 г. решением Политбюро ЦК РКП(б) Томский возвращается к работе в ВЦСПС[49] и принимает активное участие в выработке и проведении «нового курса» в профдвижении.

Переход к «новому курсу» был обусловлен принятием новой экономической политики, сопровождавшейся введением хозрасчета на государственных предприятиях, передачей некоторых предприятий на арендных условиях частному капиталу, использованием иностранного капитала и допущением концессий. Все это неизбежно влекло за собой снятие с профсоюзов ряда государственных функций (снабжение спецодеждой, нормирование зарплаты, распределение продовольствия

---

[46] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 53. С. 415–416, 432.

[47] РЦХИДНИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 165. Л. 69. Подпись неразборчива. Кроме упомянутого письма, она встречается на ряде инструктивных документов ВЦСПС, рассылавшихся на места.

[48] Ленинский сборник XXXIX. С. 322.

[49] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 42. Д. 46. Л. 22.

и т.п.). Центр тяжести их работы переносился в область защиты материальных интересов рабочего класса. На государственных предприятиях были легализованы забастовки, которые могли проводиться в крайних случаях под руководством профсоюзов.

На II пленуме ВЦСПС (16–19 февраля 1922 г.) развернулась ожесточенная полемика по вопросу о допустимости забастовок. Возражая их принципиальным противникам, Томский подчеркивал, что, выступая категорически против забастовок, профсоюзы могут растерять всякое влияние в массах. «В таких вопросах: эксплуатация женщин, мордобой, оскорбление рабочих, — в таких случаях союз обязан немедленно прервать работу, — заявил он. — Если со стороны администрации возможно такое выступление... союз должен немедленно объявить забастовку. Иначе Вы никакими словами Ваш авторитет в рабочих массах не подымете. А как коммунисты должны вести себя в стачках? Они должны направлять свои действия таким образом, чтобы стачка не была дезорганизована... Как бы Вы ни упирались и ни пытались противиться новому курсу, он Вас заставит пойти к массам, и чем скорее Вы это сделаете, тем крепче будет Ваш авторитет. Раньше от Вас требовали, чтобы Вы везде и всюду говорили рабочим, правы или не правы они были: ты должен трудиться, должен работать, трудовая дисциплина этого требует, общие интересы и т.д. и т.д. У Вас была одна пластинка. Теперь Вам развязывают руки, и если Вы умело будете действовать, Ваш авторитет будет крепче»[50].

Как уже отмечалось выше, перевод профсоюзов на рельсы нэпа не сопровождался изменением характера взаимоотношений между партией и союзами. По-прежнему все решения вышестоящих партийных органов были обязательными для работавших в профдвижении коммунистов. Впоследствии — на рубеже 20–30-х годов — это облегчило разворот профсоюзов «лицом к производству». Несмотря на упорное сопротивление подавляющего большинства руководителей союзов, которые представляли собой крепко спаянную группировку внутри ВКП(б), в конце 1928 г. всякая автономия ВЦСПС была ликвидирована, а в течение 1929–1931 гг. практически целиком сменено высшее и среднее звено профсоюзного аппарата. Профсоюзы вновь превратились в одну из второстепенных структур государственной власти.

[50] Там же. Д. 40. Л. 30.

Е. Н. Данилова

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА (1917—1920-е гг.)

В многонациональном государстве сфера национальных отношений, национальная политика требуют от властей пристального и постоянного внимания. В таком государстве национальная проблематика актуальна на любом из этапов его существования. Российские исследователи справедливо полагают, что национальная политика, национальные процессы всего советского периода требуют серьезного переосмысления и более вдумчивого и глубокого анализа. Это относится и к 1920-м годам, хотя в литературе эти годы долгое время считались наиболее благополучными и результативными в осуществлении национальной политики новой властью. Извращения и деформации в национальной сфере, по мнению одних, появляются в самом конце 20-х годов, по мнению других — в середине 30-х годов, по мнению третьих — лишь в годы Великой Отечественной войны[1]. При анализе 1920-х годов исследователями, как правило, подчеркивались те стороны национальной жизни, где происходили наиболее зримые достижения в национально-государственном строительстве, культурно-просветительской области. По нашему мнению, национальная политика большевиков этого периода и ее результаты были неоднозначны и очень противоречивы.

1920-е годы были годами бурных дискуссий, наличия разных взглядов на дальнейшие судьбы многонационального государства. Однако, как теперь видно, документальная база была представлена довольно однобоко и ограниченно, многие интереснейшие документы засекречивались и не доходили до исследователей. То есть картина национальной политики, национальной жизни страны получалась неполной. Публикация новых документов позволяет глубже исследовать противоречивые и сложные процессы в национальной сфере в те годы.

В данной статье затрагиваются лишь два взаимосвязанных аспекта национальной политики тех лет. Один из них касается проблемы отношения властей к национальным меньшинствам. Другой аспект связан с

---

[1] См.: *Мунчаев Ш. М.* Политическая история Российского государства. М., 1998. С. 301; *Крупник И. И.* Национальный вопрос в СССР. Поиски объяснений // Советская этнография. 1990. № 4. С. 7; *Грызлов В.* Обострение национального вопроса в Российской Федерации // Диалог. 1997. № 3. С. 24.

оценкой деятельности и судьбой государственных органов по осуществлению национальной политики, прежде всего Народного комиссариата по делам национальностей и местных национальных отделов.

Проблеме современного положения национальных меньшинств ныне уделяется пристальное внимание. В связи с распадом СССР эта проблема приобретает все большую остроту и актуальность, ибо число национальных меньшинств в каждом из вновь возникших на территории бывшего Союза государств внезапно увеличилось, а их правовое и бытовое положение в ряде стран ближнего зарубежья резко ухудшилось. Гораздо хуже обстоит дело с изучением реального положения национальных меньшинств на заре советской власти[2].

В исследованиях советских ученых доказывалось, что проблема национальных меньшинств в СССР была успешно решена к концу 1930-х годов (точно так же, как и национальный вопрос в целом), употребление понятия «национальное меньшинство» в эти годы представлялось политикам и практикам уничижительным для национальностей страны[3]. Начиная с этого времени вплоть до конца 1980-х годов данное словосочетание советскими историками практически не применялось.

В 1920-е годы термин «национальное меньшинство» был весьма размытым. Под него практически подпадали не только части этносов, жившие оторванно от своего основного массива (именно так понимается термин «национальные меньшинства» в современных документах мирового сообщества и в проекте Закона о национальных меньшинствах Российской Федерации), но большая часть малочисленных коренных народов страны[4].

Во всех программно-теоретических установках Российской коммунистической партии предреволюционного периода и первых послереволюционных лет требование равенства и полного свободного разви-

---

[2] Наиболее обстоятельным исследованием политики по отношению к национальным меньшинствам в первые десятилетия советской власти является кн.: *Болтенкова Л. Ф.* Интернационализм в действии. М., 1988.

[3] См: *Болтенкова Л. Ф.* Указ. соч. С. 197.

[4] В законопроекте о национальных меньшинствах Российской Федерации национальное меньшинство определяется как «часть народа, проживающая в инонациональной среде за пределами его традиционного расселения, но продолжающая сохранять самобытность, язык, культуру, традиции и другие этнические особенности этого народа». Это понятие подразумевает три группы этнических общностей: этнические общности, живущие в России, но имеющие свои государства; выходцы из других стран, но не имеющие своих государственных образований; части этносов, проживающие за пределами своих автономных образований в рамках одного государства (Этнополитический вестник. 1992. №2. С. 58; 1993. № 1. С. 37).

тия национальных меньшинств и этнографических групп всегда присутствовало. С приходом большевиков к власти началось практическое претворение в жизнь их национальной программы и в ее рамках — решение проблем национальных меньшинств.

Большевики желали перемен в национальной сфере. Это бесспорно. Но главным для них в первое время было все-таки не восстановление исторической справедливости, не учет национальных интересов (в том числе и национальных меньшинств) в полном объеме, не поиск баланса интересов государства и отдельных национальностей, а стремление привлечь на свою сторону национальные массы, т. е. чисто политическая задача[5]. Она преобладала надо всеми остальными и определяла приоритеты национальной политики, методы и формы ее практического воплощения в жизнь.

Национальная программа большевиков имела достаточно общий и декларативный характер. У пришедших к власти людей не было четких представлений о том, как претворять ее в жизнь, каковы пути национальной стабилизации, каким должно быть устройство многонационального общества, как строить отношения центра с национальными регионами, как на практике (а не в лозунговой форме) соблюдать интересы национальных меньшинств.

Поначалу большевики часто опирались на опыт национальной самоорганизации народов, точно так же, как они использовали созданные народной инициативой Советы в качестве основной формы народовластия. Например, первые национальные комиссариаты (польский, литовский, финский, эстонский, чешский, латышский, немецкий и др.) были созданы представителями самих национальностей (если быть более точными — их большевистских организаций), но не Наркомнацем.

По инициативе снизу, т. е. самих национальных меньшинств, возникали многие национальные общественные организации — культурно-просветительские общества, хозяйственно-культурные объединения, различного рода национальные союзы, землячества, национальные клубы, кружки и т. д.

Стихийно возникла такая форма работы, как национальные съезды, через которые национальности страны стремились к самостоятельному

---

[5] В архивных документах первых лет советской власти – многочисленных (ежемесячных, квартальных, полугодовых) отчетах Наркомнаца или его отделов при определении наиболее важных задач этих новых государственных органов власти весьма часто встречаются формулировки: «насаждение советской власти», «приобщение населения национальных окраин к советской власти», «распространение советской власти», «укрепление советской власти» и т.п.

осмыслению своего реального положения, насущных потребностей. Эта форма самоорганизации национальных масс, порожденная ростом и активизацией национального самосознания, достаточно скоро была признана важнейшим каналом для осуществления национальной политики и советизации национальных окраин. Любопытен в связи с этим проект резолюции организационно-инструкторского отдела Наркомнаца «О национальных съездах» (декабрь 1921 г.). В нем, в частности, говорилось: «Стихийно возникшие съезды по национальному признаку рассматривать как территориально расширенные беспартийные конференции и признать эти съезды желательными для привлечения народных масс каждой национальности к обсуждению вопросов своего экономического и культурного развития... Созыв и ведение съездов поручить Наркомнацу и его органам... Поручить Наркомнацу и его органам выработать соответствующую инструкцию для национальных съездов...»[6].

Таким образом, большевики, достаточно быстро осознав важность этого канала для проведения в жизнь своей политики, активно приспосабливали к своему режиму формы национальной самодеятельности и самоорганизации и через них (в частности, финансируя съезды, определяя их компетенцию, руководителей, квоты представительства, сроки и порядок проведения, разрешая или не разрешая работу культурно-просветительских обществ) влияли на характер принимаемых решений и в целом на то или иное национальное меньшинство.

Показательны в этом плане архивные документы, связанные с организацией по окончании гражданской войны Всероссийского съезда немецких колонистов. Наркомнац был серьезно обеспокоен стихийностью процессов объединительного движения немцев Украины, стремлением ряда заграничных организаций подчинить их своему влиянию, образованием различного рода союзов немецкого населения вне контроля и влияния центральных органов Наркомнаца и большевистской партии. Руководителями немецкого движения Украины, как утверждал один из ответственных деятелей Наркомнаца, Клейн, были «лица, чуждые коммунизму». Чтобы перехватить инициативу, не дать движению принять «нездоровые формы», предлагалось созвать съезд немецких колонистов России. В меморандуме немецкого отдела Наркомнаца об этом говорилось прямо: «Вопрос не разрешается прямым слиянием немецких организаций с русскими... Так как союзы немцев-колонистов фактически существуют, не могут быть слиты или распущены, нужно противопоставить им другую организацию вроде Центрального немецкого союза. В

[6] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 150. Л. 123 об.

областях, где нет союзов, организовать таковые под руководством коммунистов. Существующие организации должны раствориться в центральном союзе»[7]. Эти события можно определить как борьбу за массы, они приобретали политический характер. Съезд, разрешенный Наркомнацем, на проведение которого было отпущено 150 тыс. рублей, состоялся в ноябре 1922 г. как конференция немцев-колонистов Центральной России.

Одним из наиболее ярких и положительных достижений национальной политики первого революционного десятилетия считалось создание особых государственных органов власти разного уровня по проведению в жизнь национальной политики большевиков. Среди них особо выделялся Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) и его многочисленные структурные подразделения на местах. Изучение их деятельности позволяет наглядно проследить противоречивость процессов, понять, как и почему происходило постепенное свертывание необходимой для многонационального государства работы, особенно на местах, как национальности страны, и прежде всего национальные меньшинства, все более и более лишались реальной возможности отстаивать и защищать свои национальные интересы.

Главное, что ставилось в заслугу Наркомнацу и его подразделениям, — это активное участие в национально-государственном строительстве. Деятельность Наркомнаца и его структурных подразделений высоко оценивалась в доперестроечной советской литературе[8]. Такая же оценка присуща ряду публикаций постсоветского времени. К. Калинина, к примеру, считает деятельность Наркомнаца исключительно плодотворной. Наркомнац, по ее мнению, успешно осуществил «свои главные координационные функции»[9]. Обращается особое внимание на то, что свою основную задачу — подготовку образования СССР — он выполнил, в связи с чем его ликвидация в 1923 г. была вполне закономерной. Именно так было записано в постановлении 2-й сессии ВЦИК 10-го созыва от 10 июля 1923 г.: «Наркомнац РСФСР закончил свою основную миссию по подготовке дела образования национальных республик и областей и объединения их в Союз республик. Вторая сессия Всероссийского исполнительного комитета считает своевременной

---

[7] Там же. Д. 58. Л. 11 об.

[8] История Наркомнаца наиболее полно представлена в кн.: *Макарова Г. П.* Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. 1917 – 1923. Исторический очерк. М., 1987.

[9] *Калинина К.* Институты государства – регуляторы межнациональных отношений // Этнополитический вестник. 1995. № 4. С. 33–34.

ликвидацию Наркомнаца»[10]. В последующем в советской литературе в точно таких же формулировках объяснялась необходимость упразднения центрального органа власти по осуществлению национальной политики в стране, и целесообразность этого решения подавляющим большинством исследователей не подвергалась сомнению. Только в 1989 г. Т. П. Коржихина высказала мнение о преждевременном упразднении Наркомнаца[11]. Таким образом, бесспорность ликвидации Наркомнаца при образовании СССР ныне не выглядит столь же безупречно. Исключительно положительно оценивают деятельность и историческую роль Наркомнаца Г. П. Макарова и Т. П. Коржихина.

Положительные стороны деятельности Народного комиссариата по делам национальностей не следует, однако, абсолютизировать. «Эйфория прежней историографии, всячески восхвалявшей деятельность Наркомнаца, неоправданна. Авторитет его был невысок», — справедливо отмечает Е. Г. Гимпельсон[12], приводя в своей книге целый ряд примеров, свидетельствующих о том, что Политбюро, Оргбюро РКП(б), государственные структуры порой мало считались с Наркомнацем.

Таким образом, очевидно, что столь разные оценки деятельности Наркомнаца требуют более пристального и углубленного анализа структуры, характера и реальной работы Наркомнаца. В то же время представляется, что недавно высказанное категоричное суждение группы авторов (Н. И. Бугай, Т. М. Броев, Р. М. Броев) «о превращении Наркомнаца из органа утверждения идей новой власти в нерусской среде в орган политического надзора над ними»[13] должным образом не аргументировано и требует более серьезного обоснования.

Конкретный материал показывает, что структура Наркомнаца складывалась в значительной степени стихийно и хаотично. В литературе постоянно обращалось внимание на особенности структуры Наркомнаца, в основу которой был положен национально-функциональный принцип. Однако четких критериев при формировании конкретных национальных комиссариатов не просматривается, остается неясно, почему

---

[10] Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР. Систематический сборник действующих актов правительств Союза ССР и РСФСР по делам национальностей. Октябрь 1917 – ноябрь 1927 гг. М.; Л., 1928. С. 24.

[11] См.: *Коржихина Т.П.* Из истории Наркомата по делам национальностей РСФСР (1917–1923 гг.) // Политическое образование. 1989. № 7. С. 90.

[12] *Гимпельсон Е. Г.* Формирование советской политической системы. 1917 – 1923. М., 1995. С. 210, 211.

[13] *Бугай Н. Ф., Броев Т. М., Броев Р. М.* Советские курды: время перемен. М., 1993. С. 25.

одни национальные меньшинства имели свои национальные комиссариаты (отделы), а у других таковых не было. Исследователи пытались объяснить своеобразие структуры Наркомнаца требованиями времени и задачами данного органа власти [14]. На наш взгляд, такое объяснение столь усложненной структуры вряд ли можно считать удовлетворительным. Нечеткость организационных форм вела к дублированию работы национальных отделов (подотделов, секций, подсекций) при Советах, других комиссариатах, партийных и общественных организациях, приводила к соперничеству между разнообразными структурными подразделениями, выливавшемуся порой в противостояние.

В июле 1922 г., за несколько месяцев до образования СССР, ВЦИК принял новое положение о Наркомнаце, по которому при нем могли учреждаться федеральные комитеты по делам отдельных наркоматов. По этому положению был создан федеральный комитет по земельным делам (Федкомзем), готовилось создание комитетов по торговле, административно-правовым делам, промышленности и др.[15] Вряд ли такое дублирование функций отраслевых наркоматов было оправданно, оно не находило понимания среди руководителей соответствующих ведомств, еще более усложняло структуру Наркомнаца. Однако создан был лишь один Федкомзем; другие комитеты так и остались в проектах. Перманентные, поспешные и не всегда оправданные реорганизации государственных органов власти по осуществлению национальной политики пагубно отражались на реализации национальной политики и учете интересов национальных меньшинств, особенно в глубинке. Возможно, этим можно объяснить, что за короткое время существования Наркомнаца неоднократно (в 1919, 1920, 1922 и 1923 гг.) ставился вопрос о его ликвидации.

Деятельность государственных органов разного уровня, осуществлявших национальную политику, подбор кадров велись при опоре на принципы партийности, классового подхода и политической благонадежности. При формировании в 1918 г. коллегии Наркомнаца часть руководителей национальных комиссариатов, по существу, игнорировала принцип национального представительства. Интересы малочисленных этносов страдали при этом более всего.

---

[14] См.: *Малютина А. В.* Строительство Народного комиссариата по делам национальностей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1979. № 3. С. 25; *Коржихина Т. П.* Из истории Наркомата по делам национальностей РСФСР (1917 – 1923 гг.) // Политическое образование. 1989. № 7. С. 85.

[15] Жизнь национальностей. 1923. Кн. 2. С. 148.

Так, например, 18 августа 1918 г. в СНК было отправлено коллективное письмо от фракции коммунистов коллегии. В нем, в частности, говорилось: «Фракция коммунистов Коллегии Наркомнаца находит нежелательным вычеркивание из списка представленных фракцией кандидатов товарищей Бобинского и Карклина на том основании, что с их включением в составе Колегии якобы окажется двойное представительство в ней от поляков и латышей и находит это не соответствующим тому принципу, по которому только и может быть построена коллегия, т. е. по *принципу политической ответственности и работоспособности* членов Коллегии, а не по принципу национального представительства»[16]. Ту же мысль еще резче сформулировал представитель Польского комиссариата С. Бобинский: «Считаю недопустимым строить Коллегию по национальному признаку, вносящему разрозненность в нашу среду и работу. Коллегия должна быть составлена из старых ответственных политических работников»[17]. Дело в том, что в первоначальный список членов коллегии были рекомендованы по два представителя от Польского и Латышского комиссариатов, против чего резко выступили некоторые другие национальные комиссариаты (например, Вотский и Кавказский) и возражал СНК, настаивая на предоставлении права совещательного голоса в коллегии представителям всех национальностей, а при решении вопроса конкретной национальности — на предоставлении ей права решающего голоса. Таким образом, уже на ранних этапах деятельности Наркомнаца принципы формирования его отдельных структур вызывали существенные разногласия.

Практически не исследована реальная роль И. В. Сталина как руководителя Наркомнаца. В литературе отмечается, что он недостаточно уделял внимание наркомату. По сведениям Г. П. Макаровой, за период с 1917 по 1920 г. Сталин находился в Наркомнаце в общей сложности всего два-три месяца, но без него наиболее важные решения не принимались. Т. П. Коржихина подсчитала, что за шесть лет работы Наркомнаца Сталин участвовал в заседаниях его коллегии не более 10 раз[18]. Не связан ли частично с этим обстоятельством тот факт, что при обсуждении вопроса о судьбе Наркомнаца в декабре 1922 г. Сталин наиболее настойчи-

---

[16] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 85. Л. 100.

[17] Там же. Л. 94.

[18] См.: ***Макарова Г. Н.*** Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. 1917–1923. Исторический очерк. С. 149; ***Коржихина Т. П.*** Советское государство и его учреждения. 1917–1991. М., 1995. С. 102; ***Она же.*** Из истории Наркомата по делам национальностей РСФСР (1917 – 1923 гг.) // Политическое образование. 1989. № 7. С. 86.

во добивался его ликвидации. Вопрос о будущем Наркомнаца специально обсуждался в период подготовки образования СССР. В частности, на заседании подкомиссии Комиссии Пленума ЦК РКП(б), занимавшейся проблемами объединения республик, 25 декабря 1922 г. заслушивались тезисы проектов Конституции СССР Г. В. Чичерина и Д. И. Курского. Одним из пунктов этих тезисов была судьба Народного комиссариата по делам национальностей. Среди членов подкомиссии единого мнения не было. За безоговорочное упразднение Наркомнаца проголосовали лишь двое — Сталин и Курский. Остальные члены подкомиссии предлагали оставить Наркомнац «при главных объединениях — РСФСР и ЗСФСР»[19], т. е. в республиках федеративного типа.

Весной 1923 г. при обсуждении тезисов доклада Сталина XII съезду РКП(б) также высказывалось мнение не упразднять Наркомнац. Представитель еврейской секции при ЦК РКП(б) А. Н. Мережин предлагал создать органы наподобие Наркомнаца не только в РСФСР и ЗСФСР, но и в других республиках и автономных областях. Такие органы с правами наркоматов, утверждал он, должны были осуществлять «охрану интересов национальных меньшинств и иметь право непосредственных сношений с высшими органами федерации и отдельными наркоматами, корректируя их работу с точки зрения правильной национальной политики советской власти»[20].

Предложение не получило поддержки. Любопытно, что наиболее резко против выступали руководящие сотрудники Наркомнаца. Например, О. Я. Карклин, одно время возглавлявший Латышский национальный комиссариат, член коллегии Наркомнаца, заместитель Сталина по Наркомнацу, обвинил Мережина в приверженности теории Бауэра (как тогда выражались, «в австрийском уклоне»). Карклин отвергал предложение Мережина создать республиканские и областные государственные органы по национальным делам. «Читайте и слушайте, — иронизировал он: — Наркомнац Зырянской автономной области, Наркомнац Чувашской автономной области и т. д.»[21]. Словосочетание «Наркомнац области» казалось ему нелепым.

Убежденный интернационалист, Карклин, как и некоторые другие большевики, излишне прямолинейно следуя марксистской теории о

---

[19] На пути к социалистическому унитаризму. Из новых документов 1922 г. по истории образования СССР // Отечественная история. 1992. № 4. С. 93.

[20] Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е годы. Документы и материалы. М., 1992. С. 139–140.

[21] Там же. С. 165.

сближении наций, полагал, что в ряде западных губерний России (в своем выступлении он упомянул Псковскую, Витебскую, Гомельскую губернии) национальные различия «так или иначе уже стираются». Задача пролетариата, напоминал Карклин, цитируя В. И. Ленина, — «поддерживать все, помогающее стиранию национальных различий... национальных перегородок... поддерживать все, ведущее к слиянию наций. Поступать иначе — значит встать на сторону реакционного мещанства»[22]. Получалось, что все, кто выступал за сохранение национальной самобытности, национальных различий, могли быть обвинены в национализме. Свое критическое выступление Карклин завершил любопытной фразой: «Я право не вижу большой беды, ежели кто-нибудь из наших земляков "очувашится" или "озырянится"»[23].

Следует напомнить, что Карклин — один из ведущих руководителей Наркомнаца, заместитель Сталина. Неудивительно, что чиновники с подобными настроениями выступали за упразднение Наркомнаца, полагая, что он имел «временные задачи», что национальные комиссариаты создавались как «временные органы»[24].

Не испытывал никаких сожалений по поводу ликвидации Наркомнаца и Сталин. В выступлении на XII съезде партии в 1923 г. он сказал: «Я два года дрался за уничтожение Наркомнаца и получал отказ. Это орган ничего не делающий и тормозящий работу. Меня не освобождали от наркомства. Я и здесь был подневольным человеком. Наркомнац — комиссариат агитационный, никаких административных прав Наркомнац не имеет»[25]. Несколько странно услышать такое из уст руководителя ведомства. Но, видимо, именно в словах Сталина об отсутствии административных прав у Наркомнаца и лежат истинные причины, помогающие понять его столь негативное отношение к возглавляемому им государственному учреждению.

Из вышеизложенного становится ясно, что большевики — руководители Наркомнаца и его подразделений по-разному понимали главные задачи и функции этих органов власти. Высшее руководство в лице Сталина и его сторонников сожалело, что этот орган был не административным, а агитационным, всего лишь приобщающим народы страны к советской власти. Другие, более вдумчивые, часто не столь высокого ранга руководители, воспринимали Наркомнац, национальные отделы

---

[22] Там же. С. 166; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 133.

[23] Национальный вопрос на перекрестке мнений... С. 166.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 209.

как государственные органы не только разрабатывающие и осуществляющие национальную политику, но и регулирующие национальные взаимоотношения, смягчающие национальные противоречия.

Более пристального внимания исследователей заслуживает и отдел национальных меньшинств Наркомнаца, деятельность которого в советской литературе также оценивалась чаще всего положительно. Создание данного отдела характеризовалось как пример пристального внимания партии и советской власти в целом к национальным меньшинствам страны. Конкретный же материал не дает основания для завышенных оценок. Во-первых, время существования отдела было слишком кратким для развертывания им сколько-нибудь существенной работы (отдел возник в 1921 г., в 1922 г. претерпел реорганизацию, в 1923 г. был ликвидирован). Во-вторых, в его организации, структуре, подборе кадров некоторые практические деятели уже тогда усматривали большие недостатки. В частности, один из руководителей эстонского национального отдела А. Кастра в письме к И. В. Сталину в январе 1921 г. писал, что отдел национальных меньшинств является «совершенно непригодной» формой организации, что объединение национальностей, курируемых данным отделом, «абсолютно ни на чем не основано», а заведующего отделом «назначают таким же порядком, как заведующего хозяйственным отделом или кладовыми». Кастра настаивал на упразднении нового структурного подразделения Наркомнаца[26], предлагал организовать в Наркомнаце по отделу для каждой из национальностей страны. Подразделять же национальные меньшинства в практической работе целесообразно лишь на «народы Запада» и «народы Востока».

В мае 1921 г. отдел национальных меньшинств имел 75 сотрудников, из них 40 инструкторов национальных подотделов. Летом 1922 г. его штат был сокращен более чем в два раза и доведен до 30 сотрудников[27]. О методах работы отдела дает представление следующий конкретный факт. В начале 1923 г. одним из лучших среди губернских национальных отделов был признан Саратовский: отдел национальных меньшинств Наркомнаца (как отмечено в отчете о его деятельности) «разослал на места инструкцию о необходимости связаться с Саратовским губотнацем и, следуя его методу, оживить работу среди национальных меньшинств»[28].

Систему местных органов государственной власти по практическому осуществлению национальной политики среди национальных мень-

---

[26] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 150. Л. 1, 2, 5.

[27] Там же. Д. 161. Л. 9.

[28] Там же. Д. 458. Ч. 3. Л. 149.

шинств до осени 1921 г. составляли разного рода национальные отделы — региональные (Сибнац, Туркнац), губернские и уездные отделы национальностей (губотнацы, уотнацы), создаваемые Наркомнацем при губисполкомах, а также отделы национальных комиссариатов (польского, литовского, финского, латышского и пр.), создававшиеся в местах компактного проживания данного национального меньшинства. Особенно активно создавали свои отделения на местах национальные комиссариаты (к осени 1918 г. в составе Наркомнаца их было 19). Например, Польский комиссариат за короткий срок создал свои отделы в 10 городах РСФСР, где компактно проживали большие группы польского населения. Латышский комиссариат имел 12 отделов (подотделов) в различных губерниях страны[29]. Свои отделы на местах образовывали Эстонский комиссариат, Финский комиссариат и др. Начавшаяся гражданская война затормозила процесс широкого создания подобных местных органов власти, многие из созданных прекратили существование. Процесс их возрождения возобновился по окончании войны.

Местные национальные отделы имели сходную структуру, они состояли из подотделов двух видов — общего характера и созданных по национальному признаку. Для примера приведем структуру Самарского национального отдела. Он включал в себя следующие подотделы: инструкторский, информационный, издательский, экономико-правовой, управления делами, татаро-башкирский, украинский, немецкий, еврейский, смешанный (с подсекциями — польской, венгерской, латышской, китайской, эстонской)[30]. Численность аппарата такого национального отдела в различных губерниях была различной — от нескольких человек до 25 (Петроградский). Губернские отделы создавали уездные национальные отделы, особенно в местах с пестрым этническим населением.

Создание нацотделов часто вызывало непонимание и сопротивление местных исполкомов, вероятнее всего из-за неразграниченности полномочий и функций. Например, журнал «Жизнь национальностей» писал: «Сибирский губисполком смотрит на губотнац как на лишнее и никому не нужное учреждение»[31]. Иногда принимались решения о присоединении нацотделов к исполкомам в качестве одного из его подразделений. Набиравшие силу партийные организации также высказывались за упразднение нацотделов.

---

[29] См.: *Болтенкова Л. Ф.* Указ. соч. С. 24; ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 68. Л. 56–56 об.

[30] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1329. Л. 1.

[31] Жизнь национальностей. 1923. Кн. 3–4. С. 90.

Наркомнац требовал от национальных отделов регулярных отчетов о своей деятельности. В архивах сохранились многие из них, они позволяют судить о конкретной работе на местах, проводимой этими отделами. Она была различна по своим результатам в различных губерниях, что в значительной степени зависело не столько от финансирования этой деятельности, сколько от кадров.

Таким образом, в первые годы советской власти складывалась довольно разветвленная сеть государственных учреждений по осуществлению национальной политики, охватывающая и низовые административные единицы на уровне губернии, уезда и даже волости, что, естественно, требовало финансовых затрат. После разорительной гражданской войны финансирование этих органов власти почти не осуществлялось. К тому же имея двойное подчинение — Наркомнацу и губисполкомам, неразграниченность полномочий и функций в ряде губерний, губотнацы и губисполкомы противостояли друг другу.

Национальные отделы (подотделы, секции) при Советских органах власти (Советах, исполкомах), не располагавшие должной финансовой поддержкой и властными полномочиями, со временем утрачивали свое влияние. Напротив, национальные структурные единицы при партийных организациях набирали вес и силу. На примере судеб и положения национальных отделов хорошо видно, как проявлялись общие тенденции усиления партийных органов власти. Эти процессы настораживали отдельных работников Наркомнаца. В частности, уже упоминавшийся А. Кастра в письме к Сталину писал: «Национальные секции РКП дошли до отрицания необходимости Наркомнаца. Партийная конференция эстонских организаций Петроградской губернии постановила осенью 1920 г. упразднить Эстонский отдел Наркомнаца. Поляки в очень резкой форме отрицают необходимость иметь Польский отдел Наркомнаца»[32]. Подобные настроения были сильны и в провинции.

В результате местные национальные отделы просуществовали недолго. Уже в ноябре 1921 г. по инициативе Наркомнаца с формулировкой «в связи с сокращением штатов» упраздняются все уездные и почти все губернские отделы национальностей. Временно сохранились лишь десять из них в губерниях с наиболее пестрым этническим населением (в Петербургской, Саратовской, Енисейской, Томской, Иркутской, Астраханской и др.). При этом специальным постановлением Малой коллегии Наркомнаца именно губисполкомам было предоставлено право упразднять или сохранять губернские отделы национальностей. С мест в Наркомнац, в отдел национальных меньшинств поступало много обра-

[32] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 150. Л. 95.

щений, телеграмм с просьбами о сохранении местных национальных отделов, о разъяснении смысла данной реорганизации. Если в центре считали, что большая часть местных национальных отделов не нужна, то на местах придерживались иной точки зрения, справедливо полагая, что в результате свертывания их работы интересы национальных меньшинств и в целом национальная политика пострадают. Тем не менее к маю 1922 г. уездные и губернские национальные отделы были окончательно ликвидированы. Любопытно, что вскоре после этого, в январе 1923 г., съезд губернских советов национальных меньшинств высказался за «прекращение сокращения национальных учреждений и постепенное восстановление их сети до пределов 1921 г.»[33]

Каким же образом руководители Наркомнаца предполагали заботиться об охране интересов национальных меньшинств?

Вместо национальных отделов вводился институт уполномоченных, которые назначались Наркомнацем «по соглашению с губисполкомом». На вопрос Екатеринбургского нацотдела о том, кто же будет защищать интересы национальных меньшинств, заведующий отделом национальных меньшинств Плич отвечал: «Уполномоченный в Екатеринбургской губернии будет исполнять работу губотнаца, и таким образом интересы национальных меньшинств Екатеринбургской губернии будут иметь в его лице защитника»[34]. Таким образом, один человек должен был заменить целый государственный орган власти.

Любопытен проект инструкции уполномоченным Наркомнаца при губисполкомах, свидетельствующий, на наш взгляд, об утопичности затеи. На уполномоченного возлагалась защита политических и экономических интересов и прав национальных меньшинств, вовлечение их в русло активного советского строительства, изучение истории, этнографии и культурной жизни меньшинств, созыв съездов, конференций, совещаний и т. д.[35] Ясно, что такой многоплановый и большой объем работы среди порой целого ряда разных по культуре, религии, образу жизни национальных меньшинств губернии вряд ли мог быть по силам одному уполномоченному. Подобная реорганизация могла вести лишь к свертыванию работы среди национальных меньшинств, ее формализации, зависимости от личности уполномоченного (его профессионально-образовательного и культурного уровня в частности), равнодушию со стороны высших органов власти к интересам и нуждам национальных меньшинств.

---

[33] Там же.

[34] Там же. Д. 1196. Л. 23.

[35] Там же. Л. 8.

Обращает на себя внимание и такой факт: уполномоченный ставился в прямую зависимость от губисполкома. В «Положении об уполномоченных» говорится, что «в случае несогласия уполномоченного Наркомнаца с тем или иным постановлением губисполкома уполномоченный, *не приостанавливая* (курсив наш. — *Е. Д.*) исполнения данного постановления, доводит свое мнение до сведения Наркомнаца»[36]. То есть реальные возможности влияния уполномоченного были сужены, он мог лишь «довести до сведения».

При ликвидации Наркомнаца институт уполномоченных был сохранен и передан ЦИК. Во второй половине 20-х — начале 30-х годов ЦИК созвал три совещания (1927, 1928, 1934 гг.) уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских комитетов. Стенографический отчет второго совещания, состоявшегося в Москве в июне 1928 г., опубликован. Он позволяет весьма отчетливо охарактеризовать главные установки и некоторые наиболее насущные проблемы национальной политики тех лет, ее просчеты, влияние теоретических представлений большевиков на практическое воплощение в жизнь, неоднозначность результатов этой политики, положение уполномоченных.

Многие из выступавших на совещании уполномоченных сетовали на слабое внимание со стороны Президиума Совета Национальностей (к нему перешла большая часть функций Наркомнаца) к национальным меньшинствам, настаивали на создании специального более широкого органа по осуществлению национальной политики и руководства нацменьшинствами, т. е. практически вели речь о воссоздании органа, подобного Наркомнацу. Обращали внимание на слабое руководство уполномоченными со стороны центра. «Несколько руководящих циркуляров, — говорил уполномоченный Шипилло из Ленинградской области, — явно недостаточно»[37]. Отмечали слабое финансирование. Многие уполномоченные по совместительству работали на нескольких должностях, ибо их должность не оплачивалась. Некоторые участники совещания предлагали ввести платных уполномоченных хотя бы в губерниях с большим числом национальных меньшинств. Укрепить авторитет уполномоченного предлагалось путем перевода его из числа рядовых членов губисполкома в состав его руководства (Президиума). Обсуждался вопрос и о наци-

---

[36] Там же. Л. 7.

[37] Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах. 1928. Стеногр. отчет. М., 1928. С. 37.

ональности уполномоченного: мог ли быть им не представитель нацменьшинства. Как видим, нерешенных вопросов было много. Как мог работать и что конкретно мог сделать уполномоченный (часто человек случайный) без зарплаты, без влияния, постоянно оглядывающийся и согласовывающий свои действия с местными и центральными чиновниками, имеющий лишь право «довести до сведения центра», часто не знающий языка, особенностей жизни и быта национальных меньшинств вверенной ему территории?

Поэтому промахов в работе уполномоченных было предостаточно. На совещании 1928 г. особенно критиковалась деятельность уполномоченного по Крымской области. Он, в частности, рьяно исполняя закон об отделении школы от церкви, содействовал закрытию всех меннонитских школ, которые находились в их молельных домах. «И в результате, — отмечал представитель ЦК РКП(б) В. И. Межлаук, — все немцы-меннониты остались без всяких школ — и без духовных и без светских... Результат — все немецкое население... видя пустую школу, оказались противниками крымской власти и советской власти»[38].

Другая проблема, которая часто поднималась на совещании, касалась проведения классовой политики среди западных национальных меньшинств. Дело в том, что большинство из них жило гораздо зажиточнее окружающего населения, некоторые работники местных национальных органов власти, воспринимая их как зажиточное кулачество, задавались вопросом, не надо ли их разорять. В соответствии с духом времени классовым моментам уделялось первостепенное внимание. Закрывая второе совещание, один из сопредседателей, Досов, подчеркнул как сугубо положительный момент классовый подход к решению каждого вопроса. «Почти по всем докладам, — сказал он, — этот момент у нас подчеркнут сильно, по-большевистски»[39].

Констатируя положение уполномоченного, его реальные функции, один из выступавших на совещании отметил: «Фактически уполномоченный является техническим исполнителем просьб отдельных граждан национальных меньшинств»[40]. Такое постепенное сужение функций уполномоченных до функций «технического исполнителя» не могло не порождать сомнения в целесообразности существования самого этого института. И уже в 1928 г. на втором совещании один из представителей ВЦИКа утверждал: «Назрел вопрос об отмирании института уполномо-

[38] Там же. С. 208.

[39] Там же. С. 478.

[40] Там же. С. 67.

ченных и вливании обслуживания национальных меньшинств в общую систематическую работу Советов и исполкомов»[41]. Эта идея в последующем набирала все большую силу.

Несколько иначе в 20-х годах обстояло дело на Украине. В отличие от России там сложился более разветвленный аппарат работников среди национальных меньшинств (уполномоченные не только на уровне губернии, как в России, но и на уровне уезда, волости, района, округа). Причем это были освобожденные и оплачиваемые работники. В местах, где проживало несколько национальных меньшинств, в комиссию входили уполномоченные от каждого из них. Совещания уполномоченных на Украине (погубернские, окружные или республиканские) проводились ежегодно. Однако общей картины в стране это не меняло.

Итак, от широкой сети национальных отделов разного уровня к институту уполномоченных и далее к его ликвидации — таков весьма короткий путь существования специальных местных органов государственной власти по осуществлению национальной политики. За столь краткий срок бытия они не только не смогли выполнить предназначавшуюся им роль, но и не сумели развернуть сколько-нибудь серьезную деятельность.

Анализ конкретного исторического материала позволяет сделать и ряд других выводов. 1) Представляется бесспорным, что после октябрьских событий 1917 г. большевики искренне стремились исполнить свою национальную программу, которая, однако, имела лишь самые общие черты; 2) активность и самоорганизация самих национальных меньшинств значительно возросли и были использованы в работе по осуществлению новой национальной политики; 3) в национальной политике начала 20-х годов было много непоследовательного и противоречивого, что определялось главным образом несовпадением теоретических установок с реальностью, с интересами национальных меньшинств, а также некомпетентностью тех, кто занимался практической деятельностью в этой сфере; 4) национальная политика, деятельность конкретных государственных учреждений по ее осуществлению, национальные процессы в первое послереволюционное десятилетие нуждаются в дальнейшем детальном исследовании и переоценке выводов, сделанных под прессингом прежних методологических, конъюнктурных и идеологических установок.

[41] Там же. С. 68.

Э. М. Шагин

ПРОТИВОБОРСТВО ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ ПО ВОПРОСАМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ДЕРЕВНИ

Переосмысление советского прошлого в современной отечественной историографии придало проблеме путей развития нашей страны, альтернативных тем, что имели место в действительности, повышенную актуальность. При этом особенно бросается в глаза следующая взаимосвязь и взаимозависимость: чем масштабнее и противоречивее являлись реально произошедшие перемены в общественном развитии страны, чем выше оказалась цена, заплаченная народом за них, тем с большей остротой и убежденностью в значимости для теории и практики постсоветского обустройства России, обернувшегося новой всенародной бедой, которой ныне не видно конца, развертываются среди историков, экономистов, социологов и иных специалистов в области обществознания споры вокруг вопроса не о том, что произошло в пореволюционном прошлом нашего отечества, а о том, «чего не было, но могло бы быть, если бы...»

Модернизация народного хозяйства в целом и сельского хозяйства в особенности, обошедшаяся стране, ее народу наиболее дорого, представляет для подобного рода научных дебатов едва ли не самую обильную пищу. Вот почему на гребне второй реабилитационной волны, порожденной так называемой перестройкой, с подачи современных западных советологов (М. Левина, Т. Шанина, С. Коэна и др.) в отечественной исторической литературе стало модным противопоставлять «революции сверху» (как назвал форсированную насильственную коллективизацию крестьянских хозяйств ее крестный отец, И. В. Сталин) в качестве альтернатив варианты решения проблемы модернизации аграрной сферы народного хозяйства СССР, выдвигаемые лидером и основным глашатаем правого уклона в ВКП(б) Н. И. Бухариным, с одной стороны, выдающимся представителем организационно-производственного направления отечественной аграрно-экономической мысли, видным теоретиком и практиком российской сельскохозяйственной кооперации А. В. Чаяновым — с другой.

При этом обе названные альтернативы рассматриваются, чаще всего не только как близкие по своей сущности[1], но и как связанные

---

[1] См.: *Фигуровская Н. К., Глаголев А. И.* А. В. Чаянов и его теория семейного крестьянского хозяйства. // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М., 1989; *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996.

генетически, поскольку признается, что первая вобрала в себя если не все, то многие основополагающие идеи второй[2]. В то же время при их анализе внимание акцентируется на научно-теоретическом содержании концепций Н. И. Бухарина и А. В. Чаянова и, к сожалению, почти ничего не говорится о том, каковы были конкретно-исторические (объективного и субъективного плана) условия для практического воплощения их основных установок.

Наряду с названными альтернативами обсуждается и выдвинутая американскими историками Г. Хантером, Я. Ширнером возможность поступательного развития сельского хозяйства СССР на основе сложившихся в аграрной сфере страны нэповского времени тенденциях[3]. Аналогичную точку зрения разделяют и некоторые отечественные исследователи (М. А. Свищев, Л. И. Бородкин и др.).

Задачей настоящей публикации является не только восполнить имеющийся в современной историографии пробел, но и постараться сквозь призму идейно-политического противоборства власти и оппозиции по вопросам реконструкции советской деревни в конце 20-х — начале 30-х годов определить, сколь весомы оказались шансы на осуществление в противовес коллективизации по-сталински у концепций, которые выдвинули и отстаивали внутри верхушки правящей партии лидеры правых уклонистов Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский, а в среде беспартийной научной интеллигенции, обреченной при коммунистической диктатуре в лучшем случае играть роль суперкомпетентных, но безвластных «замов» при недостаточно компетентных, но всевластных

---

[2] См.: ***Данилов В. П.*** Бухаринская альтернатива // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990; ***Он же.*** О характере аграрной эволюции России после 1861 года // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. Ч. 1; ***Он же.*** Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М., 1992. О той и другой альтернативах пишут также исследователи, которые справедливо подчеркивают не только их сходство, но и принципиальную разницу. См., напр.: ***Кабанов В. В.*** Без альтернатив. Пути и бездорожье аграрного развития России: век XX — до коллективизации // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1; ***Он же.*** Судьбы кооперации в Советской России: проблемы, историография // Кооперативный план: иллюзии и действительность. М., 1995; ***Он же.*** «Кооперативный план»: иллюзии и действительность. Судьбы кооперации в Советской России: проблемы, историография // Судьбы российского крестьянства. М., 1996; ***Он же.*** Крестьянская община и кооперация в России XX века. М., 1997; ***Симонов В. В., Фигуровская Н. К.*** Послесловие // Николай Дмитриевич Кондратьев. Особое мнение. Избр. произведения: В 2 кн. Кн. 2. М., 1993.

[3] Современные тенденции аграрного развития. Теоретической семинар // Отечественная история. 1995. № 6.

большевистских «самах» партийно-государственного управленческого аппарата — такие выдающиеся представители отечественной аграрно-экономической мысли, как Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов и их соратники.

В этих целях наряду с извлечениями из трудов разработчиков интересующих нас концепций будут использованы материалы следствия по делу Центрального комитета Трудовой крестьянской партии (ТКП), открытых судебных процессов по делам Промпартии, Союзного бюро меньшевиков, а также документы Пражской коллекции Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), сведения, почерпнутые из периодики эпистолярного наследия и иной творческой продукции активных деятелей российского зарубежья той поры.

Столь разнообразный корпус источников не только позволяет существенно расширить информационное поле для более предметного освещения интересующих нас вопросов, но и при сопоставительном анализе малоизвестных документов проливает новый свет как на проблему альтернатив сталинской «революции сверху», так и на запутанные в современной историографии страницы истории взаимоотношений власти и оппозиции на почве модернизации советской деревни.

Как уже отмечалось, в рядах большевистской партии сталинской ставке на «революцию сверху» в качестве более безболезненного варианта решения проблемы «социалистической модернизации» деревни противостояли взгляды правых уклонистов, которые в современной литературе именуются «бухаринской альтернативой». После своей реабилитации в 1988 г. Н. И. Бухарин предстал перед отечественным читателем как один из последовательных проводников ленинских взглядов на кооперацию, через которую мелкие частные хозяйства, в том числе и зажиточные, кулацкие, по его образному выражению, должны «врастать в социализм».

Вместе с тем появились и мнения о том, что он будто бы «разработал свой план кооперативного развития деревни,» во многом перекликающийся со статьей В. И. Ленина «О кооперации» (1923) и книгой А. В. Чаянова «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» (1919)[4].

Воспроизведенное суждение отнюдь не бесспорно. Сам факт, что бухаринские взгляды на сельскохозяйственную кооперацию как на столбовую дорогу крестьян к социализму в чем-то корреспондировались с кооперативной теорией А. В. Чаянова и даже базировались на этой теории, а в еще большей степени с поздними высказываниями В. И. Ленина

[4] См.: *Фигуровская Н. К., Глаголев А. И.* А. В. Чаянов и его теория семейного крестьянского хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. С. 43.

по данному вопросу, еще не означает, что между воззрениями первого и второго, с одной стороны, и третьего — с другой, можно ставить знак равенства. Если считавшие себя последовательными марксистами вождь большевиков Ленин и «любимец» их партии Бухарин в основном одинаково смотрели на роль кооперации в деле «социалистической реконструкции» деревни, то принципиально по-другому подходил к решению вопроса о судьбах трудового крестьянского хозяйства на путях своеобразной самоколлективизации автор антибольшевистской повести-памфлета «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянов.

Вот почему нельзя не согласиться с В. В. Кабановым, который полагает, что находить одно лишь сходство во взглядах Чаянова и Бухарина (а, от себя заметим, равно и Ленина) — занятие весьма рискованное, поскольку за обнаруженными элементами совпадения есть опасность не увидеть коренных различий[5]. А именно такого рода некорректность допускает В. П. Данилов в своей статье о «бухаринской альтернативе», заявивший, «что в целом процесс кооперирования крестьянских хозяйств, как он характеризуется в произведениях Бухарина, вобрал в себя основные положения концепции «кооперативной коллективизации», разработанной А. В. Чаяновым[6].

Чтобы лучше понять существо имеющей здесь место ошибки, достаточно задуматься над тем, а что такое «основные положения» чаяновской концепции модернизации деревни на путях «кооперативной коллективизации». Назовем те из них, по которым у Чаянова и Бухарина (как, впрочем, и у Ленина) были диаметрально противоположные суждения.

Во-первых, Чаянов считал естественным и в то же время едва ли не первостепенным условием нормального функционирования кооперации наличие рынка, товарно-денежных отношений, тогда как Бухариным (вслед за Лениным) рынок рассматривался в качестве временного явления, допускаемого только на протяжении переходного от капитализма к социализму периода. А во-вторых (и это особенно важно учитывать), Ленин и Бухарин мыслили социалистическое кооперирование деревни исключительно в условиях диктатуры пролетариата. Что же касается Чаянова, то он, а также Н. Д. Кондратьев и другие наши выдающиеся экономисты-аграрники, причастные к делу о так называемой Трудовой крестьянской партии, подлинные успехи кооперирования отечественной деревни напрямую связывали с демократическими правопорядками, которые должны прийти на смену диктаторскому режиму большевиков.

---

[5] Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 220-221.

[6] Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990. С. 96.

Коммунистические адепты от науки обвиняли А. В. Чаянова и его сторонников в неонароднической идеализации индивидуального крестьянского хозяйства, в стремлении увековечить его. Отводя эти и им подобные наветы, ученый в своей работе «Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий» писал: «По нашему глубокому убеждению, идеальным аппаратом сельскохозяйственного производства является совсем не крупная латифундия и не индивидуальное крестьянское хозяйство, а новый тип хозяйственной организации, в которой организационный план расщеплен на ряд звеньев, каждое из которых организовано в тех размерах, которые являются оптимальными для него. Говоря иначе, идеальным нами мыслится крестьянское семейное хозяйство, которое выделило из своего организационного плана все те его звенья, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой и организовало их на разные ступени крупности в кооперативы»[7].

Конечным результатом такого кооперирования была бы организация всех отраслей, работ и функций крестьянского хозяйства «в той степени крупности и на тех социальных основах, которые к нему подходили». Таким образом, рядом с крестьянским хозяйством возникали и отчасти заменяли его «крупные коллективные предприятия кооперативного типа», благодаря чему оно обретало возможность использования преимуществ крупного производства там, где такие преимущества действительно существовали. Одновременно с повышением производительности труда и поднятием агрикультурного уровня деревни решались бы и сложные социальные проблемы последней, поскольку кооперирование должно было охватить и всесторонне укрепить все слои крестьянства.

Такая «кооперативная коллективизация» мыслилась А. В. Чаяновым и его единомышленниками по организационно-производственной школе аграрной науки (А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. Н. Минин, А. А. Рыбников и др.) как проводимая в жизнь исключительно на самодеятельной, добровольной и сугубо хозяйственной основе. Это, по выражению Александра Васильевича, изначально должно было обеспечить ей свойства подлинной «самоколлективизации».

По сравнению со сталинской насильственной ломкой самостоятельного крестьянского хозяйства, обернувшейся трагедией для нескольких сотен тысяч семей раскулаченных и гибелью еще большего количества населения от голода 1932–1933 гг., а также заметным падением производительных сил деревни реализация чаяновского варианта мо-

[7] *Чаянов А. В.* Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1924. С. 3–4.

дернизации села означала бы безболезненную, эволюционного характера перестройку аграрного сектора страны на реформистских началах.

Однако крупномасштабной перекачки материальных и трудовых ресурсов из деревни в город в целях форсированного индустриального рывка, который страна должна была совершить в 1930-е годы, этот путь не мог гарантировать. Более того, при существующем политическом режиме чаяновская модель модернизации сельского хозяйства была попросту неосуществима. И сам Александр Васильевич, и другие не менее выдающиеся ученые-экономисты, являвшиеся, если можно так выразиться, своеобразным ядром оппозиции сталинскому режиму, хорошо сознавали это.

Не случайно все надежды их и практические действия были нацелены на то, чтобы, используя свое положение «спецов» в соответствующих наркоматах и иных советских учреждениях, попытаться реализовать тактику «обволакивания» большевистской власти, которую столь удачно осуществляла кадетско-прогрессистская оппозиция по отношению к царскому самодержавию, прежде чем свалить его в феврале 1917 г.[8]

Контуры подобного рода линии поведения оппозиционно настроенных по отношению к большевикам ученых и других представителей отечественной интеллигенции начали вырисовываться еще в условиях гражданской войны и интервенции. С соответствующими предложениями, выдержанными в духе тактики «обволакивания» органов советской власти, А. В. Чаянов выступал в кругу своих коллег по кооперативной работе, как видно из протоколов объединенной сельскохозяйственной кооперации, еще в начале 1919 г. Он считал, что наряду с рекомендациями большевистским правителям пересмотреть пагубный для производительных сил деревни военно-коммунистический курс аграрно-крестьянской политики следует приложить максимум усилий к обеспечению представительства своих сторонников «во всех хозяйственных органах советской власти и оказывать всюду однообразное программное давление»[9]. Материалы «Красной книги ВЧК» показывают, что идентич-

---

[8] Необходимо отметить, что по доступным для пишущего настоящие строки материалам следственного дела о ЦК Трудовой крестьянской партии, понятие «обволакивание» в этой связи употреблял только Сократ Константинович Чаянов, двоюродный брат А. В. Чаянова, тоже привлеченный к данному делу. См. сохранившуюся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) брошюру «Материалы по делу контрреволюционной Трудовой крестьянской партии и группировки Суханова-Громана (сентябрь 1930 г.)» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 30. Л. 79–80).

[9] Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922. Документы и материалы. М., 1990. С. 133.

ные установки разделяли тогда многие представители столичной интеллигенции. «Общая тенденция была — найти равнодействующую между старым и новым строем, — отмечал в своих показаниях следователям Лубянки проф. С. А. Котляревский. — В общем господствовал взгляд, что большевизм должен внутренне переродиться и уступить место другим течениям»[10].

Разумеется, даже в кругах московской общественности, где восходила звезда лидера организационно-производственного направления отечественной аграрно-экономической мысли, отнюдь не все видные деятели науки и той же кооперации были склонны поддерживать тактику, которая вскоре получит название «российского термидора». Судя опять-таки по протоколам Совета объединенной сельскохозяйственной кооперации, более решительно были настроены Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров, М. Н. Вонзблейн и некоторые другие известные кооператоры. «Полумеры... — подчеркивал первый из названных активистов кооперативного движения, — недопустимы. Для устранения господствующего анархического состояния необходимо восстановить торговый аппарат (напомним, что запрещение свободы торговли и как следствие — ликвидация частного торгового аппарата были едва ли не главной заповедью военно-коммунистического курса большевиков. — *Э. Щ.*), но последний не появится, если не будет гарантировано свободное состояние страны». Исходя из этого, Н. Д. Кондратьев ратовал за необходимость, «во-первых, создания системы комбинированных сил, во-вторых, взаимоотношения этих сил на началах свободного соглашения... Необходимо признать, что всякие заготовки должны быть свободными; принудительность в этом отношении должна быть полностью устранена»[11].

Тем не менее к концу гражданской войны Николай Дмитриевич, как и иные прежде радикально настроенные кооператоры, вынужден был самой логикой политического противоборства существенно пересмотреть былой арсенал средств и методов конфронтации с большевистской властью, видоизменив их в соответствии с условиями «гражданского мира», формально признанного вчерашними заклятыми врагами.

Нэповский «экономический Брест большевизма», как окрестил реформистскую линию советского руководства теоретик сменовеховства проф. Н. В. Устрялов, придал А. В. Чаянову и его коллегам, в том числе и тем, которые еще недавно придерживались принципа — «кто не с нами, тот против нас», еще большую уверенность в том, что тактика

[10] Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 305.

[11] Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922... С. 132, 135.

«обволакивания» большевистских властных структур гораздо рациональнее и эффективнее, нежели открытая конфронтация оппозиционно мыслящих слоев интеллигенции с коммунистическим режимом.

Существо своих политических раздумий Александр Васильевич, обычно открыто не высказывавший своей неприязни к послеоктябрьским порядкам (повесть-памфлет «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», содержавшая резкую критику политики «военного коммунизма» большевиков, недаром была издана под псевдонимом «Иван Кремнев», который даже за границей ученый в доверительной переписке с родными и близкими советовал «не очень раскрывать»), изложил Е.Д. Кусковой, своей родственнице по второй жене — Ольге Эммануиловне Гуревич и видной деятельнице российского политического масонства[12] в письме, написанном во время служебной — по линии Наркомзема — командировки за границу в 1922–1923 гг. и сохранившемся в Пражской коллекции ГАРФа почему-то без первых двух страниц.

К концессиям Запада для их получателей автор письма советовал добиваться политических гарантий, которые по его словам могли заключаться в том, что «один по одному в состав сов[етской] власти будут входить несоветские люди, но работающие с советами». Как все это практически осуществить? — спрашивал Александр Васильевич и тут же отвечал: «Надо договориться самим, то есть всем тем, кто понимает, что делается в России, кто способен принять новую Россию. Надо частное воздействие на Зап[адно-]евр[опейских] полит[ических] деятелей — необходим с ними сговор и некий общий фронт».

Тактику «обволакивания» большевистского режима ученый, как явствует из этого буквально уникального документа, в котором автор поскольку ему за границей не грозила опасность быть уличенным чекистскими цензорами, демонстрирует подлинную свободу суждений по острейшим проблемам пореволюционной России, был склонен сопрягать с интервенцией, но не военной, а экономической. «Мне представляется неизбежным и в будущем проникновение в Р[оссию] иностранного капитала, — разъяснял он свой взгляд на данный вопрос адресату. — Сами мы не выползем. Эта интервенция, как я упомянул выше, идет и теперь в наиболее разорительных для России формах. Эта интервенция усилится, так как при денежном хозяйстве в России давление Запада будет всегда более реальным. Ведь если будет на Западе котироваться червонец (заметим, что письмо писалось тогда, когда в советских правительственных кругах дискутировался вопрос о выпуске новых советских

[12] Подробнее об этом см.: *Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 109–112.

денежных знаков — червонцев. — *Э. Щ.*), то любой солидный банк может получить концессию — стоит пригрозить и напугать. Это куда страшнее Врангеля и всяких военных походов!

Так нельзя ли нам также использовать эти экономические возможности, открывающиеся перед Западом? Нельзя ли к экономическим концессиям Запада присоединить наши политические концессии? Я понимаю и не отрицаю, что выгодные концессии легче получить от сов[етской] власти. Но я почти уверен в том, что эксплуатировать концессии (28–30 лет!) спокойнее и выгоднее при гражданском правопорядке»[13].

Читая эти строки, поражаешься прозорливости суждений нашего выдающегося соотечественника относительно возможностей, которые открывал нэп для изживания эволюционным путем «красной смуты» после неудачных попыток преодолеть ее силой оружия в гражданской войне, сопряженной с интервенцией.

Воспроизведенные чаяновские мысли интересны еще и тем, что они в значительной степени предвосхитили основные программные и тактические установки так называемой Трудовой крестьянской партии (ТКП), которые изложили на следствии по делу Центрального Комитета этой партии, тянувшемся более полутора лет (с июня 1930 до января 1932 г.), как сам Александр Васильевич, Н. Д. Кондратьев, так и большинство других арестованных по данному делу ученых-аграрников и экономистов.

Как известно, показания арестованных были использованы следствием, а затем и высшим партийно-государственным руководством страны как подтверждение факта существования и контрреволюционной деятельности подпольной антибольшевистской организации и обоснования начала политической расправы над ними.

---

[13] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5865. Оп. 1. Д. 548. Л. 4–5. Хотя цитируемое письмо, начиная с 1989 г., неоднократно опубликовывалось (в том числе дважды и автором настоящей статьи), получив таким образом буквально хрестоматийную известность, текст его, как правило, воспроизводился с большими разночтениями или досадными пропусками. Только по этой причине, обращаясь к анализу его историко-политического содержания, мы ссылаемся не на многочисленные публикации этого интересного документа, а на авторский оригинал, хранящийся в архиве. В то же время считаем необходимым дать список основных публикаций письма: ***Щетинов Ю. А.*** Режим личной власти Сталина: к истории формирования // Режим личной власти Сталина: к истории формирования / Под ред. акад. Ю. С. Кукушкина. М., 1989. С. 57; История России. 1917–1940: Хрестоматия / Под. ред. проф. М. Е. Гловацкого. Екатеринбург, 1993. 2-е, перераб. и доп. изд. — Хрестоматия по истории России. 1917–1940. М., 1995. С. 269–270; ***Шагин Э. М.*** Уникальные документы нэповского времени. Приложение: письма А. В. Чаянова к Е. Д. Кусковой // Научная программа: русский язык, культура, история: Сб. материалов научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов, историков. М., 1995. Ч. II. С. 283–284; Письма А. В. Чаянова. Публикация, вступ-

Сопоставление ставших доступными для исследователей материалов некоторых допросов Кондратьева, Чаянова, Макарова, Садырина и других узников с документами вроде цитированного письма Александра Васильевича позволяет заключить, что показания допрашиваемых не были сплошь самооговорами и представляют собой вполне добротный источник, степень достоверности которого определить не так уж сложно. Не менее перспективным в плане объективного (без налета нынешней политической конъюнктуры, чем больна не только современная публицистика, но и историография) освещения противоборства большевистской власти и политической оппозиции является изучение материала допросов в сопоставлении с перепиской Сталина с В. М. Молотовым, в которой проблеме следствия по делу ТКП уделялось серьезное внимание.

Буквально в тезисном порядке скажем о наших наблюдениях по самому существу интересующего нас вопроса. Получив первые протоколы допросов с признаниями арестованных в причастности их к деятельности ТКП, Сталин, даже не зная той же переписки А. А. Чаянова с Е. Д. Кусковой (поскольку она попала в наши архивы только после второй мировой войны), по достоинству оценил опасность политических воззрений Кондратьева, Чаянова и их коллег для большевистского режима.

При этом его заинтересовала не столько суть политической платформы ТКП, сводившаяся, по словам А. В. Чаянова, к ставке «на органический ход политической эволюции»[14] (короче говоря, к термидорианскому перерождению большевистского режима, — *Э. Щ.*), сколько тактика данной организации, допускавшая блокирование «с правым крылом ВКП(б) при переходе к нему власти, т. к. этот блок рассматривался, —

пительная заметка и комментарии Р. М. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. 18. М.; СПб., 1995. С. 509–510; Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945) / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М., 1996. С. 271–272; *Чаянов В. А.* А. В. Чаянов — человек, ученый, гражданин. М., 1998. С. 137–138; и др.

[14] ***Чаянов В. А., Петриков А. В.*** А. В. Чаянов в следствии ОГПУ по делу Трудовой крестьянской партии (1930–1932 гг.). Ч. II. Протоколы допросов А. В. Чаянова и другие документы следственного дела // Сельский мир. Альманах. Март 1998. М., 1998. С. 23–24. Из протокола допроса А. В. Чаянова 8 августа 1930 г. видно, что, согласно установкам ТКП, «государственный строй в стране политически должен являться сотрудничеством двух основных классов — пролетариата и крестьянства / радикальная интеллигенция (к последней Чаянов, судя по всему, относил прежде всего себя и своих коллег по ТКП. — *Э. Щ.*) и *буржуазия*. Для большинства руководящей группы конкретным выражением этой политической системы, — уточнял свою мысль Александр Васильевич, — должна была являться *буржуазно-демократическая республика — ряд элементов, являющихся, по мнению ТКП, несомненным достижением советского периода*» (там же. С. 24).

рассказывал следователю ОГПУ Н. Д. Кондратьев, — как этап к осуществлению демократического принципа»[15].

Через несколько дней после того, как Н. Д. Кондратьев сделал это признание, Сталин напишет Молотову: «Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольникова и Теодоровича) *между этими господами и правыми (Бух[арин], Рыков, Томский)*. Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять»[16].

Однако в дальнейшем ходе следствия Н. Д. Кондратьев и другие арестованные прямую организационную связь с лидерами правого уклона в ВКП(б) отрицали, хотя, вероятно, в неоформленном виде на уровне индивидуальных контактов она, как показывают протоколы допросов, существовала. Недаром один из депортированных большевиками за границу экономистов, Б. Д. Бруцкус, в письме Е. Д. Кусковой, вместе с которой в 1930–1932 гг. он организовывал кампанию протеста западной интеллигенции в защиту Кондратьева, Чаянова и их товарищей, выражал уверенность, что «нашим узникам худшее не грозит и что воззва-

[15] Николай Дмитриевич Кондратьев. Особое мнение... Кн. 2. С. 690.

[16] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сб. документов. М., 1995. С. 194. В том же пункте данного письма «вождь народов» обращал внимание своего заместителя на важность этого дела и необходимость отнестись к ведению следствия без спешки, основательно. «*Я думаю, что следствие по делу* Кондратьева-Громана-Садырина, — подчеркивал он, — нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело важное. Все документы по этому делу нужно раздать членам ЦК и ЦКК". Тот факт, что Сталин называет интересующее нас следствие по делу ЦК ТКП делом Кондратьева-Громана-Садырина, включив в «дуэт» членов ЦК ТКП (Н. Д. Кондратьева и П. А. Садырина) бывшего меньшевика В. Г. Громана, который позднее проходил по делу так называемого «Союзного бюро меньшевиков», можно объяснить тем, что на начальной стадии дознания Сталин и его окружение склонялись к мысли объединить в одно дело с ТКП и меньшевистскую группу Суханова-Громана. Выполняя волю Генсека, ОГПУ оперативно собрало и издало типографским способом брошюру «Материалы по делу контрреволюционной Трудовой крестьянской партии и группировки Суханова-Громана (сентябрь 1930 г.)». В ней были напечатаны протоколы допросов Кондратьева, Юровского, Макарова, Садырина, Громана и других (всего 18 человек) — допросов, проводившихся с 20 апреля по 4 сентября 1930 г. Брошюру по поручению Молотова помощник секретаря ЦК А. Поскребышев разослал членам ЦК и ЦКК и наркомам со сроком пользования 2 недели. Несколько позже в «верхах» было признано целесообразным развести эту связку: по Союзному бюро меньшевиков с 1 по 9 марта 1931 г. прошел открытый судебный процесс, на котором свидетелем выступил председатель ЦК ТКП Кондратьев (Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта — 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса. Обвинительное заключение, приговор. М., 1931). На уровне закрытого судебного разбирательства коллегией ОГПУ было «разукрупнено» и дело ЦК ТКП: основная группа арестованных осуждена коллегией ОГПУ в конце января 1932 г., другая во главе с П. А. Садыриным — несколько раньше.

ние[17] явится к тому дополнительной гарантией. Я думаю, что правая оппозиция скоро победит Сталина, и их тогда освободят»[18].

Кстати, аналогичную уверенность в скором падении Сталина и приходе к власти в стране «мягких» большевиков — Бухарина, Рыкова, Томского — еще раньше высказывал в письме тому же адресату и один из теоретиков республиканско-демократического лагеря российского зарубежья тех лет, бывший посол Временного правительства в США Б. А. Бахметьев. «Этот год или будущий должен быть отмечен *падением Сталина*, которое, по всей вероятности, сыграет в истории России такую же роль, как значение падения Робеспьера, — читаем в этом его письме, написанном 29 марта 1929 г. — Вы помните, мы обсуждали, произошел ли Термидор в русской революции? Я говорил, что нет. Теперь для меня падение Сталина будет Термидором»[19].

«У правых уже нет вождей, — отмечал он далее с сожалением, но в то же время подчеркивал: — чего и не требуется: нужно лишь, чтобы история покончила со Сталиным, как с последним оплотом твердокаменности: тогда власть останется в руках мягких максималистов — Рыкова, Калинина и К°, которые подобно термидорианцам будут пытаться нести дальше большевистское знамя, но фактически будут игрушкой жизненной стихии, уступая и колеблясь под давлением жизни и партийных низов, требующих приспособления и примирения. Послесталинский период власти слабых большевиков, мне представляется, будет периодом, когда жизнь действовать начнет в *положительном* смысле, а не только как отрицательная стихийная сила, как она действовала до сих пор, и когда опять-таки под номинальной крышкой слабой большевистской власти внутри русского тела будут нарастать и откристаллизовываться те группировки и бытовые отношения, которые в известный момент властно потребуют перемены правящей верхушки и создадут исторические силы и исторические личности, которым суждено будет внешне положить конец большевистскому периоду и открыть следующий»[20].

Воспроизведенные наблюдения и выводы автора письма характеризуют его как трезво мыслящего политика, базирующего свое видение

---

[17] Речь идет о воззвании 86 видных германских ученых, среди которых были люди с мировыми именами — А. Эйнштейн, М. Планк, М. Зеринг и др., воззвание, выражавшее протест против ареста большевиками известных экономистов-аграрников. «Для большевиков это гулкая пощечина» — так оценивал общественный резонанс от воззвания автор письма.

[18] ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 70. Л. 11 об.

[19] Там же. Д. 41. Л. 274–275.

[20] Там же. Л. 275.

конкретной исторической ситуации, в которой находилась наша страна в конце 20-х — начале 30-х годов XX в., на всестороннем учете действия объективных законов общественного развития. Будучи маститым исследователем в области гидравлики, гидроэнергетики, теоретической и прикладной механики, Б. А. Бахметьев предстает перед нами как энциклопедически эрудированный мыслитель, великолепно разбирающийся не только в отечественной и всемирной истории, но и в смежных общественных науках, таких, как социология, социальная психология, футурология.

Сравнивая политическую обстановку в России накануне так называемого «великого перелома» с тем, что было в 1921 г., когда, по его меткому выражению, «Ленин вводил нэп», понимая последний «только как известную временную тактическую меру», Бахметьев правильно заявлял: «Сейчас положение другое. Для всякого настоящего коммуниста, — развивал он свою мысль, — сделалось ясным, куда по-настоящему ведет нэп; потому нэп надо приостановить, как это фактически и сделал Сталин в прошлом году. Новый полномерный коммунизм — единственный оставшийся для правоверного коммуниста путь. Отойти от него, делать то, что желает правый уклон, — верно квалифицировал Борис Александрович, — это значит признать, что коммунистическая карта бита. Это значит вступить на путь ликвидации революции как таковой. Вы скажете, — обращался он к адресату, — правоуклонисты этого не ощущают. Я скажу: вероятно, нет. Пути человеческой массовой психологии, как она развертывается в исторических событиях, в большинстве случаев развертываются в областях неосознанных и недодуманных до конца. Термидорианцы, которые положили конец терроризму, всего меньше думали покончить с господствующими якобинцами; наоборот, им казалось, что их путь единственный, которым можно спасти положение правящей партии...»[21]

Обращает на себя внимание меткая оценка Б. А. Бахметьевым сторонников правого уклона в ВКП(б) как термидорианцев российской революции с «неосознанными и недодуманными до конца» политическими позициями по судьбоносным проблемам общественного развития страны того времени.

Как уже отмечалось, их лидеры — Бухарин, Рыков, Томский — вслед за Кондратьевым, Чаяновым и другими отстаивали эволюционный путь развития крестьянского хозяйства с постепенным охватом последнего всеми видами кооперации. Но в отличие от первых и даже наперекор им правоуклонисты не мыслили такого эволюционного развития

[21] Там же. Л. 274.

без коммунистической монополии на власть, полагая, что при диктатуре пролетариата могут иметь место и две и три партии, «но только при одном условии: одна партия будет у власти, а остальные в тюрьме».

Да и внутри монопольно правящей партии их лидеры были не прочь насадить столь же жесткие порядки. Вот что, к примеру, говорил с трибуны XV съезда ВКП(б), отвечая на критическое выступление Л. Б. Каменева, А. И. Рыков: «Тов. Каменев... должен был бы не жаловаться на то, что несколько человек при острейшей открытой борьбе оппозиции против партии посажены в тюрьму, а признать, что по «обстановке», которую оппозиция пыталась создать, сидят очень мало. Я думаю, — заключил он, — что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить»[22].

А в вопросах аграрно-крестьянской политики правые уклонисты в пику Н. Д. Кондратьеву, А. В. Чаянову и др. высказывались за усиление так называемого классового подхода. Их лидер Бухарин едва ли не первым среди членов Политбюро ЦК ВКП(б) почти за полтора месяца до XV партийного съезда выдвинул лозунги «*усилить нажим на капиталистические элементы*... перейти к форсированному наступлению на капиталистические элементы деревни»[23].

Но, несмотря на это, в дальнейшем по мере нарастания накала борьбы за власть в большевистских верхах Кондратьев, Чаянов и их коллеги становятся генераторами идей правой оппозиции, источником фактических систематизированных и проанализированных данных, которые служили аргументацией для таких идей. Н. Д. Кондратьев, думается, не преувеличивал, когда на допросе 4 октября 1930 г. отмечал, что идеологическое воздействие на лидеров правых он и его коллеги оказывали посредством личных бесед, выступлений на заседаниях, написания по просьбе того или иного партийного работника специальных докладных записок, справок и т.п. «Таковы, например, мои записки и доклады, записки и доклады проф. Юровского и др., — конкретизировал ученый. — В результате всего этого ряд идей экономической политики, таких, как идея положительной оценки рыночных методов воздействия на с[ельское] хозяйство, значения развития с[ельского] хозяйства и, в частности, индивидуального с[ельского] хозяйства для роста всего народного хозяйства и для экспорта, идея ослабления материального бремени, лежащего на с[ельском] хозяйстве, идея равновесия народного хозяйства и умеренности, реальности темпов индустриализации, мобильности капитальных

[22] XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1961. Т. 1. С. 290–291.

[23] *Бухарин Н. И.* Избр. произведения. М., 1988. С. 341.

вложений и т. д., постепенно стали общими как для правого крыла ВКП(б), так и для ТКП». Тем не менее и здесь он счел «необходимым оговорить, что указанные взаимоотношения между ТКП и правым уклоном ВКП(б) были все же лишены организационной оформленности, совершались в порядке личных связей и для правых коммунистов существование ТКП оставалось неизвестным» [24].

Весьма близки к идейно-политическим позициям Кондратьева, Чаянова и их коллег были воззрения теоретика сменовеховского течения, весьма популярного среди как интеллигенции российского зарубежья, так и той, что жила и работала в СССР, профессора Н. В. Устрялова. Будучи после возвращения на родину арестованным, в ходе следствия на вопрос о том, как он мыслил развитие нашей страны в условиях нэпа, Николай Васильевич отвечал: «Я представлял себе дело таким образом, что на основе нэпа создается государство крепкого мужика с элементами государственного капитализма и политической формой советской власти. Если впоследствии коммунистическая партия будет чинить препятствия развитию этого государства, история заставит ее подчиниться или уйти, уступив место другой власти, столь же крепкой и централизованной, но лишенной воли к социализму. Впрочем, я думал, что этого не случится, т.к. найдутся коммунисты, способные проявить надлежащую историческую «гибкость». 1927–1929 годы наметили конкретную группу таких коммунистов — группу Бухарина–Рыкова. В 1929 г. развернулось социалистическое наступление и шли острые разногласия в партии. В моей статье «Здесь Родос» имеется известная фраза: «Пока Бухарин говорит, мы можем молчать!». Я не верил в успех наступления и считал, что возвращение к нэпу — неонэп — является единственным выходом из трудностей».

Показательно и то, что Н. В. Устрялов признал, что 1928–1929 гг. были временем расцвета его термидорианских взглядов на внутреннее развитие СССР[25].

Организационная разобщенность оппонентов была на руку Сталину и его окружению. Используя ее, они не только расправлялись с ними порознь, но нередко прибегали к дискредитации одних политических оппозиционеров устами других. Не случайно, что кампанию идейного преследования выдающихся отечественных экономистов-аграрников начал на исходе 1927 г. один из вождей «новой оппозиции» Г. Е. Зиновь-

[24] Николай Дмитриевич Кондратьев. Особое мнение... Кн. 2. С. 705–706.

[25] Политическая история российской эмиграции 20–30-х годов XX века в документах. М., 1998.

ев, назвавший их сменовеховцами и внутренними устряловцами[26]. А в следующем году вскоре после апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) Кондратьева и его сторонников громил лидер правого уклона Н. И. Бухарин, усмотревший в рекомендациях ученых относительно сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства страны совершенно откровенную кулацкую программу, «решительный сдвиг от индустриализации в сторону окулачивания страны»[27].

При подобного рода выпадах со стороны лидеров антисталинских внутрибольшевистских группировок надеждам Кондратьева, Чаянова, и их единомышленников на то, что «правые группы партии в известный исторический момент (через 4–6 лет) в борьбе с левыми группами для своего усиления будут стремиться расширить свою социальную базу и в той или иной степени блокироваться с ТКП как с наиболее советской из непролетарских общественных группировок СССР»[28], сбыться было более чем проблематично. Но даже в этих условиях, как признавал на следствии Н. Д. Кондратьев, поскольку создавались точки пересечения между идеологией правых коммунистов и членов ТКП, последние, естественно, «поддерживали правых коммунистов в текущей работе с максимальной энергией и служили т. о. базой для укрепления правого крыла ВКП(б) уже как бы организационно»[29].

Общеполитическая ситуация в стране на рубеже 20-х и 30-х годов складывалась таким образом, что ни у оригинальных, базирующихся на глубоком и разностороннем обобщении опыта эволюции крестьянского хозяйства, а также места и роли в этой эволюции самодеятельной хозяйственной организации мелких товаропроизводителей — кооперации идей Чаянова, Кондратьева и других отечественных ученых, ни тем более у эклектических суждений Бухарина и его сторонников достаточно весомых шансов на осуществление не оказалось.

Поражение Бухарина и его группы было предопределено не только контролем Сталина над мощным партийно-государственным аппаратом, но и большой заманчивостью его установок «форсированного скачка» для партийных низов, части рабочих, а также бедных и некоторой

---

[26] См.: *Зиновьев Г.* Манифест кулацкой партии // Большевик. 1927. № 13. С. 33–47.

[27] *Бухарин Н.И.* Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. К итогам апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). 13 апреля 1928 г. // Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избр. произведения. Новосибирск, 1990. С. 280–282.

[28] Сельский мир. Альманах. Март 1998. С. 24.

[29] Николай Дмитриевич Кондратьев. Особое мнение... Кн. 2. С. 706.

части средних крестьян, для формирующейся в те годы новой советской интеллигенции, которой старые «спецы» представлялись помехой в их карьере. Идея «подхлестнуть клячу истории» находила отклик у многих истинных патриотов, увидевших в ней путь превращения России, пусть и большевистской, в великую мировую державу.

Из опубликованного нами письма М. Рафаила И. В. Сталину можно заключить, что взгляды лидеров правого уклона поддерживали некоторые партийные и иные функционеры среднего звена. Но сталинская правящая верхушка, как видно из ответа самого Генсека на это письмо, зорко следила за политическими настроениями во всех звеньях партийно-государственного аппарата и решительно пресекала любые проявления политического инакомыслия[30].

Думается, прав был руководитель Республиканско-демократического объединения российских эмигрантов П. Н. Милюков, когда, сравнивая политическую ситуацию в СССР конца 20-х — начала 30-х годов с той, которая существовала после гражданской войны, подчеркивал, что «теперь картина иная. Власть усилилась чрезвычайно. Она имеет силу там, где даже царская власть не имела: становые и урядники не держали деревню так цепко, как держат ее советские эмиссары»[31].

Немаловажным фактом, который влиял на ход и исход идейно-политической борьбы в верхах правящей партии, были личные качества лидеров противоборствующих группировок. Показательно, что даже предрекавший Сталину скорое падение Б. А. Бахметьев вынужден был признать его явное превосходство не только над своими соратниками, но и над теми, кто возглавлял так называемый правый уклон в ВКП(б). В цитированном выше письме Е. Д. Кусковой он писал: «Вопреки всему, что слышу, я лично думаю, что Сталин искренний коммунист. Он далеко не так глуп, как о нем пишут... его речи и заявления, кстати, становящиеся все более и более резкими, на десять голов выше по логике и аргументации, чем все, что исходит от других его коллег. Я понимаю, что он мало образован, и убежден, что он не столь глубокий коммунист в смысле теоретико-философском, но я остаюсь при мнении, что по темпераменту и по настроениям и по традициям он определенный и неисправимый большевик, его способности к практической политике и приспособлению несомненны, однако он не может перейти и не перейдет известных пределов, где он будет чувствовать и знать, что коммунизму кладется фактический конец».

---

[30] Власть и общество России. XX век. М.; Тамбов, 1999.

[31] Последние новости (Париж). 1932. 20 декабря.

Касаясь дальше того, что большинству людей, участвующих в исторических событиях, не дано осознать их до конца, он возвращается к характеристике Сталина и утверждает: «Только отдельным, более чутко мыслящим и видящим вождям дано видеть глубже и лучше, и я не могу отказать Сталину в той способности предвидения и анализа, которой не замечаю ни у Рыкова, ни у других подобных более мягких коммунистов. Вот почему мне кажется, что Сталин лично не уступит, зная отлично, что сохранить власть уступками не удастся»[32].

Думается, что у Бахметьева не было нужды льстить кремлевскому диктатору, и с его характеристикой Сталина как политика, данной к тому же в сугубо доверительной переписке, не предназначавшейся огласке, нельзя не согласиться. Безусловно, отмеченные качества их лидера помогли сподвижникам искреннего коммуниста (как назвал Сталина Бахметьев) получить верх в борьбе с правыми уклонистами. Во многом тому же способствовала и сталинская непримиримость к идейным колебаниям среди своих сторонников.

А в конце 20-х годов такие колебания допускали М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов и некоторые другие деятели партии и Советского государства. На примере М. И. Калинина, чья политическая непоследовательность стала одним из предметов переписки Сталина с Молотовым, можно убедиться в том, что Генеральный секретарь ЦК не только был основательно информирован относительно «грехов» всесоюзного старосты, но и своевременным вмешательством лишил оппозицию возможности усилить свои ряды перебежчиком из противоположного стана[33].

Что касается идей и политических планов Чаянова, Кондратьева и их сторонников, то сфера их реального общественно-политического воздействия на те или иные слои населения страны была еще более ограниченной, чем у бухаринской и других антисталинских группировок внутри большевистской партии. Организационно-политические возможности этих выдающихся ученых и их сподвижников были, судя по всему, не намного шире, чем у почти сплошь меньшевистской по составу «Лиги объективных наблюдателей», о существовании и платформе которой впервые поведал Н. В. Валентинов (Вольский)[34], лиги, которая явилась своеобразной предтечей знакомой нам группы Суханова–Громана.

---

[32] ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 41. Л. 272-273.

[33] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову... С. 198–199, 211.

[34] См.: ***Валентинов Н. (Вольский Н.)*** Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 31–59, 363. См. также: ***Кафенгауз Л. Б.*** Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 3–4; *Телицын В. Л.* Судьба русской революции в оценках «Лиги наблюдателей» // Меньшевики и меньшевизм: Сб. статей. М., 1998. С. 109–126.

Благодаря игре воображения обер-чекиста Я. С. Агранова (Сорен-зона) и его подручных, а также их неуемному желанию угодить «вождю народов», который, судя по его переписке с В. М. Молотовым, придавал делу ЦК ИКП «очень важное» значение[35], нелегальное сообщество единомышленников-ученых, практиков-кооператоров, агрономов и сотрудников земельных и иных органов хозяйственного управления численностью, как показывал Н. Д. Кондратьев, примерно в тысячу человек превратилось в якобы массовую политическую крестьянскую партию, насчитывающую едва ли не 200 тысяч членов[36]. Чтобы придать подобным сведениям видимость реальных, в Политбюро ЦК ВКП(б) была представлена справка, если верить которой, ТКП вобрала в свой состав всех крестьян-опытников, обслуживаемых сельскохозяйственными опытными станциями страны, хотя, как тогда же выяснилось, максимальный контингент деревенских активистов-производственников исчислялся в 10–15 тысяч человек.

Однако сводить эти несообразности к мистификациям, выдаваемым Г. Ягодой, Я. Аграновым и другими заплечных дел мастерами на потребу злой воле Сталина и его окружения, было бы явным упрощением. Верхушка ОГПУ имела в ту пору немало оснований для подлинной тревоги: с мест к ней стекались сведения о политической консолидации оппозиционных сил на уровне отдельных регионов страны и, более того, о перерастании оппозиционных настроений в антиправительственные действия. «Историкам еще предстоит детально разобраться во всех случаях выступлений против политики партии, отделить реальность от чекистских «преувеличений», — справедливо пишут авторы книги «Оппозиция и власть», приводя соответствующие свидетельства, отложившиеся в фондах секретных архивов. — Но то, что выступления, достаточно массовые, чтобы назвать это время прелюдией к несостоявшейся гражданской войне, действительно имели место, сомнений не вызывает»[37].

При своей относительной малочисленности и организационной неоформленности ТКП как политическое объединение части отечественной интеллигенции основные надежды на реализацию своих идей связывала с возможностью «победы во внутрипартийной борьбе правого ук-

---

[35] Письма И. В. Сталина В.М. Молотову... С. 194.

[36] Центральный архив ФСБ. Д. Р-33480. Обвинительное заключение по следственному делу ЦК контрреволюционной вредительской организации «Трудовая крестьянская партия». М., 1931.

[37] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 143, а также 144–145.

лона, развития политической организации страны на базе замены диктатуры пролетариата системой политического строя, опирающегося на два класса — рабочих и крестьян и радикальной интеллигенции»[38].

Поражение правой оппозиции лишало его этих надежд. Не случайно лидеры и теоретики объединения — Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, Л. Н. Литошенко — после того, как бухаринско-рыковская группировка лишилась былого влияния в партии и государстве, если верить их признаниям на следствии, утрачивают уверенность в достижении поставленной цели и первый из них зондирует возможность нелегальной эмиграции из СССР, а Чаянов и Литошенко пересматривают свои взгляды и отходят от Трудовой крестьянской партии[39].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что, во-первых, реальных шансов на осуществление ни бухаринская, ни чаяновско-кондратьевская альтернативы форсированной коллективизации в конкретных условиях СССР конца 20-х — 30-х годов не имели. Отечественная деревня оказалась исторически обреченной на сталинскую «революцию сверху» — одну из величайших трагедий нашего народа. А во-вторых, исход борьбы за выбор пути, по которому должно пойти советское крестьянство, приобрел поистине судьбоносное для народов СССР значение. Колхозный строй, ускоренно созданный в течение 30-х годов безмерно дорогой, но не напрасной ценой, не только обеспечил форсированную перекачку средств и существенную долю рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, сделав возможным совершенный в преддверии второй мировой войны индустриальный рывок страны, но и сам стал важной составной частью сформировавшейся в ней модели предельно централизованной экономики мобилизационного типа, той частью, которая внесла самостоятельный и довольно весомый вклад во всемирно-историческую победу Советского Союза в Великой Отечественной войне.

---

[38] ***Чаянов В. А., Петриков А. В.*** А. В. Чаянов в следствии ОГПУ по делу Трудовой крестьянской партии // Сельский мир. Альманах. Март 1998. С. 21–22.

[39] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 30. Л. 7, 80 об.; ***Чаянов В. А., Петриков А. В.*** Указ. соч. С. 32, 51, 62, 96-98, 103, 105–106.

И. К. Серова

СОВЕТ ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР В 1953 г.

Ветер перемен весной 1953 г. повеял практически сразу после похорон И. В. Сталина, и оказалось, что нет такой сферы, которой бы он не коснулся. В условиях, когда открытых заявлений об изменении курса партийное руководство не делало, большинство учреждений, организаций и институтов (особенно идеологического характера) переживали весьма трудное время. Они в растерянности, так как не получают своевременно (а они приучены именно к этому) четких указаний «сверху», но зато ощущают, чем дальше, тем больше, давление «снизу». Надежды на демократизацию, порождаемые в массах отдельными заявлениями и решениями ЦК КПСС и правительства, заставляли руководство различных организаций проявлять инициативу, самостоятельно искать выходы из создавшейся ситуации и тем самым подталкивать руководство страны к решению многих вопросов, исходя не столько из теоретической, сколько из практической целесообразности. В данной статье рассматривается деятельность в 1953 г. только одной организации — Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР[1].

Выбор организации не случаен. Во-первых, она представляет собой инстанцию, занимающуюся вопросами, лежащими на стыке многих сфер: идеологии, культуры, национальной и социальной политики, и поэтому ее документация позволяет отслеживать широкой спектр проблем не только в горизонтальном (т. е. территориальном), но и в верти-

---

[1] Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (далее в тексте Совет) был образован согласно Постановлению СНК СССР № 628 от 29 мая 1944 г. (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 4. Д. 1. Л. 3–7). На него было возложено решение следующих задач: предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых руководителями религиозных объединений, требующих разрешения Правительства СССР; разработка проектов постановлений по вопросам религиозных культов; наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений правительства СССР, относящихся к религиозным культам; информирование Правительства СССР о состоянии, положении и деятельности религиозных культов; общий учет церквей, молитвенных зданий и др. С этого момента и вплоть до реорганизации Совета в декабре 1965 г. (в результате его слияния с Советом по делам Русской Православной церкви возник Совет по делам религий) его обязанности оставались неизменными, но акценты в разные периоды переносились с одной задачи на другую, методы решения задач также менялись в зависимости от обстановки. Все это отчетливо просматривается по материалам фонда 6991 ГАРФ.

кальном (властном, функциональном) разрезах. Будучи связанной сотнями нитей с большим числом самых разных лиц и институтов (от ЦК КПСС, МИДа, МВД, различных обществ дружбы и творческих союзов до местных органов управления в отдаленных уголках Советского Союза), она накопила информацию, содержащую разносторонние данные и отражающую состояние и настроения представителей различных социальных, национальных и даже возрастных групп населения. Во-вторых, политика и практика руководства большинством религиозных культов в СССР в послевоенный период остается все еще мало изученной. Представляется, что введение в оборот новых данных позволит повысить уровень изученности проблемы в целом, а также раскроет механизмы выработки решений на одном из переломных этапов в истории страны.

К 1953 г. Совет представлял собой вполне сформировавшуюся организацию, в составе которой было три отдела[2] и инструкторская группа[3]. Председателем Совета до ноября 1954 г. был И. В. Полянский, которого сменил на этом посту в качестве исполняющего обязанности председателя В. И. Гостев, бывший до этого заместителем председателя. Все подразделения Совета работали через своих уполномоченных, которых в середине 1953 г. насчитывалось более 100 человек. Если сопоставить эту цифру с количеством зарегистрированных религиозных обществ в СССР, за деятельностью которых приходилось наблюдать Совету (на 1 января 1953 г. их было 5074, а через год — 5002)[4], то можно констатиро-

---

[2] Отдел по вопросам старообрядческих и сектантских церквей (зав. отделом Кольцов); отдел по вопросам мусульманского, иудейского и буддийского вероисповеданий (зав. отделом Приходько) и отдел по вопросам армянской, католической и лютеранской церквей (возглавлял Карпов, но отчет этого отдела за 1953 г. подписал старшим инспектором Совета Смирновым, так как Карпов в ноябре 1953 г. умер. К сожалению, архивные материалы зачастую не позволяют установить имен и отчеств работников Совета). Этот отдел также ведал вопросами, связанными с лютеранской, реформаторской и методистской церквами. Отделы были неравнозначны как по численности приписанных к ним уполномоченных (скажем, отдел по вопросам мусульманского, иудейского и буддийского вероисповеданий руководил работой почти половины всех уполномоченных Совета — 46 человек), так и по характеру и объему выполняемой ими работы. Специфика их деятельности объяснялась территориальными и национальными особенностями отдельных религиозных культов, их внутренними проблемами и масштабностью. Справедливости ради следует сказать, что отделы строго соблюдали правило равенства религиозных культов, и в материалах Совета нет подтверждений тому, что одни конфессии пользовались какими-то преимуществами по сравнению с другими.

[3] Инструкторскую группу возглавлял Фролов.

[4] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 21, 22.

вать, что это была небольшая организация. Ее руководители являлись номенклатурой ЦК КПСС[5]. Формы и методы работы Совета хотя и претерпевали периодически некоторые изменения[6], в целом устоялись и не вызывали особых возражений ни у представителей власти, ни у руководителей конфессий. И все-таки после смерти Сталина пришлось сделать многое из того, что не входило в план работы Совета на 1953 г.

Условно год 1953-й можно разделить на три части. Первая — до смерти Сталина, когда Совет работал по плану, утвержденному в конце 1952 г. Для этого периода характерна неспешность в рассмотрении ходатайств, строгое соблюдение традиционной процедуры решения любого вопроса и малое число заседаний. Интересно, что в 1953 г. Совет провел всего 16 заседаний (последний протокол показывает, что Совет заседал даже 31 декабря). Из них только два состоялись до смерти Сталина (30 января и 12 февраля). Особый период в деятельности Совета занимают два месяца после смерти Сталина — Совет вообще не проводит заседаний. Он выжидает. Можно лишь предположить, что идет напряженная внутренняя работа, цель которой — определиться. Первое после смерти Сталина заседание Совета проходит 6 мая 1953 г. Протокол его показывает, что Совет уловил изменения в ситуации и в настроениях верующих, решился сделать кое-какие самостоятельные шаги, проявить инициативу в надежде на то, что она будет одобрена в ЦК и в Совмине. Но уверенности в том, что начнется потепление, еще нет, а потому Совет старается проводить двойственную политику. С одной стороны, начинается борьба за наведение порядка в статистике и отчетности, с другой — ужесточается контроль за соблюдением законности. Строго говоря, эта последняя линия в поведении представителей Совета всегда присутствовала, но, проводя ее, Совет больше заботился об охране советского законодательства, чем о защите прав верующих всех вверенных ему конфессий. Теперь же Совет пытается разрешать вопросы, не решавшиеся годами и даже десятилетиями.

---

[5] Номенклатура должностей ЦК КПСС по Совету была утверждена решением ЦК КПСС от 16 июля 1953 г. К ней относились пять человек: председатель, его заместитель и три члена Совета (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 93. Л. 200–201).

[6] Так, с 1 января 1953 г. вводилась новая форма статистической отчетности, предусматривающая раздельный учет действующих зарегистрированных религиозных обществ и молитвенных домов на предмет уяснения соответствия их численности численности зарегистрированных служителей культа (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 22). Согласно циркулярному письму уполномоченным от 11 декабря 1953 г., ежеквартальная отчетность заменялась с 1 января 1954 г. полугодовой, представляемой в определенные сроки, по единой схеме, из 7 разделов. То же касалось и планов работы (там же. Д. 94. Л. 86–92).

Так, положительно и относительно быстро были решены вопросы издания церковных книг, календарей и другой религиозной литературы. Было разрешено издание Корана, который не переиздавался в СССР после Октябрьской революции[7], еврейского молитвенника, Библии (по ходатайству евангельских христиан баптистов)[8], увеличение тиражей лунного табеля-календаря[9], старообрядческих календарей[10] и др.

История с изданием еврейского молитвенника весьма показательна. С письмами-ходатайствами по этому вопросу на имя И. В. Полянского еще до смерти Сталина (28 января и 29 декабря 1952 г.) обращался раввин, председатель Московской еврейской религиозной общины С. М. Шлифер, который просил «оказать содействие в получении от соответствующих инстанций разрешения» на печатание молитвенника на еврейском языке в количестве 10 тыс. экз. Учитывая, что численность Московской еврейской общины составляла примерно 15–20 тыс. молящихся в год, он аргументировал свою просьбу не только тем, что «старые молитвенники обветшали, изношены и не могут быть использованы», но и тем, что новые будут дополнены «молитвами за мир и за благополучие творца мира, тов. СТАЛИНА и его соратников». Текст молитвенника (271 страница) сопровождался русским переводом, который был представлен в Совет 17 февраля 1953 г.[11] Заключение отдела, подписанное инспектором Совета Басисом 4 ноября 1953 г., гласит сле-

---

[7] Ходатайство об издании Корана было составлено Духовным управлением мусульман Средней Азии и Казахстана 30 сентября 1953 г., а положительное решение Совета вынесено уже 5 ноября этого же года (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 92. Л. 62). При этом в заключении Совета подчеркивается политическая целесообразность издания Корана с указанием всех выходных данных на русском и арабском языках. Тираж издания должен был составить 2 тыс. экз. (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 66).

[8] Совет просил Правительство СССР разрешить издание еврейского молитвенника тиражом 3 тыс. экз., Библии — 5 тыс. экз. (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 92. Л. 62).

[9] Ходатайство Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана об увеличении тиража лунного табеля-календаря на 1953–1954 гг. с 2 тыс. экз. до 8 тыс. было подано еще в 1952 г., а разрешение увеличить тираж до 6 тыс. экз. было получено в конце 1953 г. (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 27).

[10] 25 августа 1953 г. Кольцов в письме на имя И. В. Полянского отмечал, что старообрядческие церковные календари не издавались в 1950, 1951, 1952 и 1953 годах, что «отдел, который в течение 4 лет отводил вопрос об издании церковных календарей, в настоящее время не находит причин и мотивов для отклонения настойчивых ходатайств верующих старообрядцев об издании календарей на 1954 год» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 92. Л. 42, 43). Эта же мотивировка полностью переходит в письмо Полянского Г. М. Маленкову, обсужденному в Совете 21 октября 1953 г. (Там же. Л. 59, 60).

[11] (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 92. Л. 67.

дующее: «Отдел считает возможным удовлетворить ходатайство еврейского религиозного общества... ограничив тираж до 3–4 тыс. экз.». При этом специально отмечалось, что «составленная еще при жизни Сталина раввином молитва за мир и творца мира тов. Сталина и его соратников требует изменения и редакции»[12]. Трудно представить, что малоизвестный чиновник отважился бы дать подобное заключение несколькими месяцами ранее.

Изменение общей ситуации не просто почувствовали, но и использовали в своих целях даже те религиозные общины, положение которых в вопросе обеспеченности религиозной литературой было гораздо лучше, чем у мусульман или иудеев. К их числу относятся прежде всего евангельские христиане баптисты, пытающиеся получить разрешение на издание Библии несмотря на то, что она уже издавалась в СССР[13]. Поддерживая эту просьбу, отдел (а по его представлению и Совет) обращает внимание на то, что некоторые иностранные религиозные деятели предлагают свои услуги в издании Библии или просят разрешения о посылке ее (на русском и других языках) в СССР в виде подарка[14]. Подобный поворот дела вряд ли мог устроить новое государственное и политическое руководство страны. Совет хорошо понимал это, но он считал, что дальше не издавать религиозную литературу становилось просто невозможно. И потому уже к осени 1953 г. он добивается разрешения ЦК партии на расширение издания религиозной литературы. Тиражи издаваемых книг[15] оказывались меньшими по сравнению с запрашиваемыми, но

---

[12] Там же. Л. 74.

[13] В 1926 г. в Ленинграде в количестве 25 тыс. экз. и в 1927 г. в Киеве в количестве 15 тыс. экз. Кроме того, в 1946 г. ими было получено из Риги 8082 экз. Библии, изданной за границей (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 92. Л. 77). В мае 1953 г. ВСЕХБ, имеющий 2100 зарегистрированных общин с 300 тыс. крещеных членов, просит разрешить ему напечатать 10 тыс. экз. Библии. Позднее, в письме от 5 октября 1953 г. речь ведется уже не просто об издании этих книг, но и о «сохранении матриц» для дальнейшего, по мере надобности, печатания. К традиционной мотивации (недостаточность, ветхость, интерес иностранцев) добавляется аргумент, что издание Библии будет одним из самых ярких доказательств того, что в СССР существует свобода не только для чтения Библии, но и для ее печатания (Там же. Л. 76).

[14] Например, председатель Совета баптистов Финляндии Аухиайнен просит в письме от 26 сентября 1953 г. принять в подарок 1500 экз. Библии.10 сентября этого же года с подобным предложением, адресованным послу СССР в США Г. К. Зарубину, обращался американский священник Ф. Ломан и др. (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 92. Л. 78).

[15] Эта практика была опробована еще до марта 1953 г. на издании церковных табелей-календарей. Так, решая вопрос об издании лютеранского календаря, Совет

объективно Совет все же способствовал удовлетворению спроса на них среди представителей самых разных конфессий.

К мысли о том, что дальше действовать так же, как прежде, видимо, не удастся, да и не имеет смысла, Совет подводил все возрастающий поток жалоб и заявлений от верующих. Если обратиться к данным всего лишь по одному отделу (отделу по вопросам старообрядческих и сектантских церквей), то можно увидеть, что в 1953 г. их поступило гораздо больше, чем в предыдущие годы. В 1949 г. их было 81, в 1950 г. — 53, в 1952 г. — 25 (процесс, казалось, пошел на убыль), а в 1953 г. — 170[16]. Причем 85 заявлений (более 60%) поступили через правительственные органы; из них около 70% были повторными[17]. Характерной особенностью всех жалоб является ссылка на Советскую Конституцию и ущемление местными органами власти прав верующих по отправлению культа.

Примерно такой же была картина и по другим отделам[18]. Жалобы верующих становятся столь настойчивыми, что Совет пытается исправить ошибки, допущенные ранее местными органами власти и судебными органами. Он начинает признавать ошибочность и даже незаконность закрытия в предыдущие годы синагог, молельных домов и других культовых сооружений с частичным их возвратом религиозным общинам[19].

считает возможным просить ЦК разрешить религиозному центру лютеран в Латвии издать типографским способом не 16 тыс. экз., как указано в их ходатайстве, а только 7 тыс. экз., а лютеранам Эстонии 5 тыс. экз. вместо 15 тыс. и т. д. (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 92. Л. 2).

[16] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 5.

[17] Дело в том, что по заявлениям, рассматриваемым Облисполкомами (как низшей инстанцией), чаще всего давались отрицательные ответы, а это провоцировало верующих обращаться выше по инстанциям.

[18] Например, отдел по вопросам армянской, католической и лютеранской церквей за 1953 г. рассмотрел 106 заявлений и жалоб (против 30 в 1952 г.), и 50% из них поступило сюда через СМ СССР, ЦК КПСС и Президиум ВС СССР. Наибольшее число жалоб и заявлений (56%) поступило из Украинской ССР. По этому поводу Совет провел в конце ноября 1953 г. в Москве совещание областных уполномоченных по Украинской ССР, на котором предложил им «более тщательно и объективно проверять жалобы и заявления верующих» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 75, 76).

[19] Так, было дано разрешение об открытии армянских церквей в Степанокерте (Нагорный Карабах Азербайджанской ССР), в Ташкенте, Харькове, Москве (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 87). Было освобождено 15 костелов в БССР, ранее незаконно занятых под хозяйственные нужды местными органами власти (там же. Л. 68). Явились с повинной 5 ксендзов, скрывавшихся от преследований в течение 2–3 лет, и им было предоставлено право продолжать свою службу на прежних местах, так как за ними не было выявлено состава преступлений (Там же. Л. 69) и др.

О том, что Совет стал более сговорчивым, говорит также факт о разрешении Эчмиадзинскому католикосату обряда мироварения[20], не совершавшегося к 1953 г. уже 28 лет. В связи с тем что миро — символ единства Армянской церкви — в последний раз варилось в Эчмиадзине в 1926 г., его запасы оказались израсходованы, и зарубежные епархии обратились к верховному католикосу Георгу VI с просьбой разрешить им получить миро от Киликийского католикосата (здесь оно варилось в последний раз в порядке исключения в 1948 г.). Однако Георг VI отклонил эту просьбу, что вполне соответствовало установкам высшего политического руководства страны на тот момент.

Еще одним показателем того, что Совет после смерти Сталина стал более уступчивым, является изменение характера и объемов международных контактов, осуществляемых между зарубежными и советскими религиозными центрами. Этому участку работы в Совете всегда придавалось особое значение. Отделы по указанию Совета старались по возможности ограничить эти связи. Они внимательно следили за перепиской, встречами, предложениями, идущими из-за рубежа, четко дозировали общение с зарубежными религиозными организациями, в результате чего международные связи практически всех религиозных культов в СССР были незначительными. Однако в 1953 г. заметна активизация зарубежных церквей, стремящихся к расширению связей с единоверцами в Советском Союзе. Особенно значительный интерес был проявлен со стороны зарубежных протестантских организаций к положению и деятельности баптистов в нашей стране[21]. В этом же году ВСЕХБ посетило 19 религи-

---

[20] Мироварение — одно из главных таинств армянской церкви, совершаемое каждые 5–7 лет при участии 12 епископов от всех епархий только католикосом всех армян, престол которого находился с 1441 г. в Эчмиадзине. Проведение обряда состоялось в 1954 г., но разрешение на него было получено в конце 1953 г. И. В. Полянский лично написал по этому поводу два письма в ЦК КПСС на имя Н. А. Михайлова (12.02.53 г.) с указанием на то, что «СМ СССР не будет рассматривать вопросы, касающиеся армянской церкви» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 93. Л. 280) и на имя П. Н. Поспелова (06.06.53 г.), где посчитал возможным даже поторопить ЦК с разрешением поставленных вопросов (Там же. Л. 285). Позже для проведения мироварения и на некоторые другие нужды тов. Григорян (председатель Совета по делам армянской церкви при Совмине Армянской ССР) запросил довольно существенные суммы (более 2 млн руб.) и разрешение для католикоса Георга VI беспошлинно ввозить из-за границы товары с последующей их реализацией на комиссионных началах. Решение СМ СССР от 29 марта 1954 г. удовлетворило значительную часть ходатайства (там же. Д. 100. Л. 87, 89).

[21] В 1953 г. ВСЕХБ получил 64 письма из 19 стран: из Англии – 13, США – 10, Швеции – 10 и т.д. Были впервые получены письма из Ирландии и Эквадора (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 7). Даже Всесоюзный совет адвентистов, не получав

озных деятелей из Англии, Дании, Швеции, ГДР, Австралии, Норвегии, Швейцарии и США[22]. В августе этого же года состоялась поездка делегации советских баптистов в Швецию, и, по сообщению советского посла в этой стране К. К. Родионова, результаты ее были положительными.

Важным подтверждением этой же тенденции является восстановление паломничеств для мусульман. Совершение паломничества относилось к разряду вопросов, требующих специального разрешения правительства СССР и тщательной подготовки[23]. Запрашивая разрешение правительства на это «путешествие», Совет указывал, что мусульмане СССР не совершали паломничеств с 1947 г., и «это обстоятельство используется пропагандой некоторых кругов капиталистических стран во враждебных по отношению к Советскому Союзу целях»[24]. В августе 1953 г. две группы паломников (18 человек) вылетели в Саудовскую Аравию (Медина, Мекка) и благополучно вернулись домой в сентябре. В этом же месяце из Ливана в Эчмиадзин приезжал епископ Дареник Палодян (директор Духовной академии Киликийского католикосата в г. Антилиасе)[25]. Правда, дальше этого Совет в 1953 г. не пошел и высказал отрицательное отношение к попыткам Всемирного совета церквей вовлечь Армянскую церковь в экуменическое движение[26].

Увеличивается численность и меняется состав иностранных делегаций, посетивших Московскую и Ленинградскую синагоги. Если до марта 1953 г. Московскую хоральную синагогу посетило всего три человека, и

ший из-за границы никакой корреспонденции несколько лет, получил в 1953 г. 6 писем (там же. Л. 6), хотя до адресатов продолжало доходить не все.

[22] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 10.

[23] Отдел согласовывал с Духовным управлением мусульман список паломников, разрабатывал и согласовывал с Министерством финансов СССР смету расходов в иностранной валюте и в рублях, определял потребности, согласовывал с МИД и ГВФ СССР маршрут перелета в оба конца, остановки в пути, получение загранпаспортов, проводил беседу о том, как вести себя за границей, организовывал информацию в печати. Подготовка и осуществление паломничества занимали 3 месяца.

[24] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Д. 100. Л. 26.

[25] Там же. Л. 83, 84. Одной из причин его приезда было стремление уговорить верховного католикоса дать согласие на избрание Гарегина Хачатряна (ставленника дашнаков) католикосом, но Георг VI своего согласия на это не дал, так как действовал в соответствии с данными ему Советом рекомендациями и проводил кандидатуру архиепископа Хада Аджапагяна.

[26] Когда генеральный секретарь ВСЦ Висерт Хуфт предложил католикосу всех армян прислать на вторую ассамблею ВСЦ в августе 1954 г. в г. Эвентон (США) трех наблюдателей от армянской церкви, Совет эту инициативу не одобрил (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 91).

это были лица, которым нельзя было отказать из-за их положения[27], то с весны 1953 г. эта синагога приняла шесть иностранных делегаций (30 мая — 18 баскетболистов из Израиля, 24 сентября — 8 представителей женской рабочей делегации из Швейцарии, 28 ноября — 4 члена рабочей делегации английских женщин и др.)[28]. Без сомнения, все это осуществлялось с санкции Совета по делам религиозных культов.

Весна — это время растерянности и неопределенности для Совета, с трудом поспевающего за быстро меняющейся общей ситуацией. Можно даже сказать, это время его пассивности при возрастающей активности верующих и духовенства. Наиболее ярким примером тому может служить положение дел у иудеев. Конец 1952 г. и начало 1953 г. характеризовались снижением посещаемости синагог. Соответствующий отдел Совета констатировал в отчете за истекший год, что религиозные общества (в отличие от прошлых лет) не проявляли особой активности даже в дни подготовки к Пасхе. Причин тому было несколько. Среди них — «аресты врачей в Москве, а в ряде городов (Одессе, Ростове-на-Дону, Виннице, Тбилиси, Симферополе и др.) происшедшие аресты служителей культа и религиозных активистов»[29]; распространение провокационных слухов о деятельности синагоги в Ленинграде; хулиганские поступки подростков в г. Куйбышеве; переучет в торговых предприятиях в связи с введением с 1 апреля новых цен и др. Были даже случаи, когда раввины и члены исполнительных органов религиозных обществ подавали заявления о сложении с себя полномочий. Все это способствовало тому, что верующие иудеи в первые дни Пасхи избегали посещать синагоги.

Положение, однако, резко изменилось после опубликования сообщения МВД СССР о фабрикации «дела врачей» и в последний день Пасхи (7 апреля) помещения синагог в Москве, Ленинграде, Кишиневе и др. городах не могли вместить всех верующих. Среди посетителей синагог были лица, которые раньше их не посещали. В Московской хоральной синагоге делались попытки читать вслух сообщение МВД СССР[30]. В синагоге в Иркутске говорили: «Теперь смыто с евреев грязное пятно, правда восторжествовала и евреи снова стали равноправными гражда-

[27] 7 января 1953 г. гостем Московской синагоги был член Бирманской делегации на Всемирном Конгрессе сторонников мира в Вене, проф. Мон-У-По-Чо, а 14 января — члены Австралийской еврейской делегации этого же конгресса Рутфильд и Левин (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 52).

[28] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 52. Всего Московскую хоральную синагогу посетили представители 8 иностранных делегаций из 7 стран.

[29] Там же. Л. 48, 49.

[30] Там же.

нами»[31]. Уполномоченные Совета не вмешивались в ситуацию и не пытались ограничить посещаемость синагог.

К осени активность верующих и духовенства возросла настолько, что в Киеве в Судный день (один из осенних религиозных иудейских праздников) синагога не могла вместить всех желающих, и пришедшие помолиться «заняли прилегающую к ней улицу и мешали уличному движению». В Риге 18 сентября (накануне Судного дня) молились на улице, а 19 сентября синагогу посетило 10 тыс. человек, среди которых были офицеры и солдаты в форме. Один из канторов был приглашен из Ленинграда и являлся солистом хора Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова. В этот же день синагогу в Житомире посетили ряд руководящих работников учреждений и предприятий города, в том числе «отдельные работники управления связи и других ведомств в своих формах», а в Минске в Судный день в синагоге было так тесно, что четырех человек, в том числе раввина, вынесли из синагоги без чувств[32]. И в этих случаях уполномоченные Совета не принимали никаких мер к «исправлению» положения, хотя поведение верующих порой было на грани вызова. Пассивное наблюдение представителей местных исполнительных органов и уполномоченных Совета лишь вселяло в сознание масс надежду на то, что с практикой ограничений в религиозном вопросе покончено.

О том, что религиозная активность к осени 1953 г. пошла резко вверх, говорят и факты обращения религиозных групп, действующих явочным порядком, с ходатайствами об их регистрации и об открытии синагог[33], а также имевшие место факты нарушения трудовой дисциплины в дни религиозных праздников. Попытки представителей местных органов власти воздействовать на молящихся «традиционными» методами теперь не просто вызывали молчаливый протест верующих, но и обжаловались у уполномоченных Совета[34].

---

[31] Там же. Л. 50.

[32] Там же.

[33] С такими ходатайствами обратились незарегистрированные общества в городах Винница, Остер, Гродно, Умань, Сквир и др. (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 51).

[34] Так, в г. Пушкино секретарь райисполкома М. П. Кальянов вместе с представителями финорганов вошел 19 сентября, в Судный день, в дом, где группа евреев проводила молитвенное собрание и отобрал паспорт у одного из молящихся. Совет был вынужден осудить «нетактичный поступок»; пострадавший дважды обращался к уполномоченному Совета по Москве и Московской обл. с жалобами на эти действия (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 51).

Бытовавшее в литературе мнение о том, что Совет, его отделы и уполномоченные только «давили», «следили», «наказывали» или «запрещали», не подтверждается на материалах 1953 г. Документы за этот год свидетельствуют об успешных попытках Совета помочь различным религиозным обществам, отдельным деятелям и просто верующим. Так, отдел по вопросам армянской, католической и лютеранской церквей послал письма: Генеральному Прокурору СССР о необходимости розыска и наказания воров, ограбивших пять костелов в Литовской ССР, и наказании виновных в избиении пастора лютеранской церкви в Эстонской ССР; в Министерство финансов СССР о необходимости пресечь грубые извращения налоговой политики по отношению к служителям культа в Литовской ССР; в Министерство юстиции СССР о необходимости регистрации служителями культа священников, отбывших наказание за антисоветскую деятельность и имеющих еще поражение в правах, и др.[35]

Подобные шаги были прежде всего ответом на сигналы, поступающие от руководителей религиозных культов. Нельзя сказать, что они все решались, но появление положительных решений говорит о характере сдвигов весьма определенно. Если даже в одном случае из трех (как это было с жалобой главы буддистов в СССР Бандидо Хамбо ламой Дармаевым)[36] вышестоящие инстанции признавали свою неправоту и соглашались исправить ошибку, то уже есть основания считать, что «лед тронулся». Свободу почувствовали не только руководители, но и рядовые верующие. Например, когда главный лама СССР прибыл в одно из сел в Читинской области, чтобы взять хранящуюся здесь религиозную святыню (книгу из 108 томов), то ее обладатели отказались отдать ее, заявив, что у нее есть уже хозяин — 12-летний мальчик, которого они считают перерождением святого ламы Ганжуры Гегена, автора затребованного сочинения[37].

Значительное число жалоб, приходящих в Совет, было связано с «неправильным обложением» служителей культа подоходным налогом. И в этом случае Совет проявил гибкость и способность к пониманию. Уже в июле 1953 г. заведующий отделом Совета Карпов выезжал специально для решения этой проблемы в Литовскую ССР. В результате было

[35] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 60–61.

[36] Имеется в виду направленная в Совет жалоба с просьбой прекратить гонения на трех лам в Агинском национальном округе Читинской обл. и отменить незаконно завышенное налогообложение. После проверки жалобы Минфин СССР признал правоту главы буддистов и дал указания о перерасчете налога и сложении числящейся недоимки (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 54).

[37] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 56.

установлено, что в первой половине 1953 г. органы Министерства финансов этой республики «без учета деклараций, представленных служителями культа, о своих доходах и без установления фактических доходов произвольно, по своему усмотрению, значительно увеличили подоходный налог на ряд католических служителей культа, а в г. Каунасе за неуплату этого налога описали личное имущество у всех настоятелей костелов, что вызвало возмущение со стороны не только служителей культа, но и верующих»[38]. По просьбе уполномоченного в Секретариате ЦК КП Литвы было проведено совещание с руководящими работниками Министерства финансов Литовской ССР, на котором было принято решение о пересмотре всех налоговых дел служителей культа, подавших жалобы (а их было 49), и снижении налога до установленных законом размеров. За это уполномоченный Совета по Литовской Республике получил ряд писем с выражением благодарности «за восстановление справедливости».

Большое место в работе Совета в 1953 г. занял учет незарегистрированных групп, которые были особенно многочисленны в республиках Средней Азии. Характерно, что отделы давали своим уполномоченным указания «никаких мер к их роспуску не принимать, а только информировать руководящие органы республик и областей» о деятельности групп и провести их учет по специально разработанной схеме[39]. Немало проблем было с незарегистрированными религиозными группами реформаторской церкви, из которых 27 приходилось на Закарпатскую область. Как оказалось, Совет был вполне способен учесть национальные и географические особенности этой территории (относительно молодой возраст области — в составе СССР только с 1946 г., близость иностранных государств: Венгрии, Чехии, Румынии и Польши, высокий процент лиц венгерской национальности, не утративших традиции регулярного посещения церкви). По результатам проверки было принято решение о регистрации пяти групп и о переводе еще 16 на положение филиалов действующих зарегистрированных религиозных обществ[40]. Такой подход к проблеме показывает, что позиция Совета была достаточно осмотрительной, а может, и выжидательной: если политика изменится и будет дано «добро» на регистрацию, то вся информация есть и можно регистрировать, а если нет, то тот же учет позволит действовать и в другом направлении. Совет ждал указаний правительства более полу-

[38] Там же. Л. 63.

[39] Там же. Л. 40.

[40] Там же. Л. 66, 67.

года, прежде чем осмелился написать письмо на имя Г. М. Маленкова, которое заканчивалось словами: «Просим Ваших указаний»[41].

Особенно напряженным в работе Совета был последний квартал 1953 г. Его начало ознаменовалось заседанием от 1 октября, на котором был поставлен вопрос о разработке уже в ноябре текущего года проекта нового Положения о Совете. Этому решению предшествовало совместное заседание 23 сентября 1953 г. Совета по делам Русской Православной церкви[42] и Совета по делам религиозных культов[43], на котором среди прочего обсуждались материально-бытовые условия членов и уполномоченных Советов[44]. Итогом этого заседания было решение обратиться с письмом на имя Председателя Совмина СССР и попытка расширить права Совета[45]. В письме говорится, что «за истекшее время со дня организации Советов их функции вышли за рамки «Положений» о Советах, имевшиеся указания в настоящее время являются недостаточными, закон «О религиозных объединениях» 1929 г. в значительной своей части устарел, и, кроме того, необходимо конкретизировать права Советов»[46].

Этот объемистый документ под грифом «Секретно» содержит также перечень вопросов, по которым Советам необходимы указания (их всего 14, многие имеют подпункты). Вопросы эти, как сказано в письме, «наиболее актуальные и принципиальные», они «вытекают из многолетней практики работы» и определяют «тактическую линию в данное время по отношению к религиозным центрам в Советском Союзе»[47].

Оба Совета просили внести определенность по вопросам о том, «допустимо ли принципиально... строительство новых молитвенных зда-

---

[41] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Д. 92. Л. 51.

[42] От Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР присутствовали: Г. Г. Карпов (председатель), С. К. Белышев (заместитель) и три члена Совета (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 49).

[43] От Совета по делам религиозных культов присутствовали: И. В. Полянский (председатель), И. Н. Карпов (член Совета), Л. А. Приходько, Л. А. Задорожный (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 60, 61).

[44] Члены Советов откровенно настаивали на улучшении материально-бытовых условий для себя и своих уполномоченных (прикрепление к кремлевской столовой и кремлевской поликлинике № 2, обеспечение жилплощадью и т.д.).

[45] В письме на имя Г. М. Маленкова от 21 октября 1953 г. (в редакции И. В. Полянского) Совет просил предоставить ему права – давать согласие на издание церковных календарей, самостоятельно решать вопрос о тираже и форме их издания (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 60, 61).

[46] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 51.

[47] Там же.

ний»[48] и открытие старых[49], как относиться к незарегистрированным общинам[50] и группам верующих[51], не следует ли изменить порядок налогообложения духовенства[52] и по многим другим. Это письмо было написано, по-видимому, не только потому, что председатели Советов боялись действовать вне инструкций, но еще и потому, что они считали уместным и своевременным сгладить острые углы во взаимоотношениях с иерархами и верующими различных конфессий.

Не дожидаясь ответа на письмо, Совет продолжал приспосабливать работу своих сотрудников и всего аппарата к новым условиям. Он более строго стал относиться к работе своих уполномоченных. Им, в частности, не разрешают вмешиваться во внутренние дела религиозных культов, в решение вопросов назначения и увольнения духовенства, оставляя все это на усмотрение руководства конфессий и религиозных центров[53].

В июне 1953 г. в Минске было проведено совещание областных уполномоченных Совета по Белорусской ССР, которое показало, что «в отличие от 1952 г. уполномоченные исключили в своей работе привлечение милиции для ликвидации молитвенных собраний незарегистрированных групп верующих»[54]. Уже упоминавшемуся уполномоченному в Литовской ССР были возвращены документы и письмо о снятии с реги-

---

[48] По мнению Советов, строительство новых типовых зданий церквей и впредь допускать не следует, а вот строительство небольших молитвенных домов, не отличающихся по своей архитектуре от обычных (при наличии многочисленной группы верующих), разрешать следует (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 53).

[49] Оба Совета выступали за открытие ранее закрытых церквей, не более 10-20 в год по каждому Совету в отдельности (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 52).

[50] По этому вопросу оба Совета высказались более чем определенно: «Следует зарегистрировать и тем самым легализовать их деятельность» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 53).

[51] Совет считал целесообразным «не препятствовать» существованию таких групп, так как они продолжают существовать, невзирая на меры по их роспуску (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 54).

[52] Существующий порядок налогообложения духовенства Советы считали несовершенным и предлагали изменить его. Письмо обращало внимание правительства на то, что в настоящее время духовенство «приравнивается к некооперированным кустарям и налог с его доходов исчисляется в прогрессивном увеличении, что является своего рода налоговым прессом для лиц этой категории» «и является неправильным».

[53] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 94. Л. 33, 34.

[54] Там же. Д. 100. Л. 70.

страции якобы распавшихся двух лютеранских религиозных обществ, так как выяснилось, что он написал свое заключение на основании непроверенных сведений[55].

В конце ноября 1953 г. в Москве состоялось совещание областных уполномоченных Совета по Украинской ССР. На нем уполномоченным было предложено «более тщательно и объективно проверять жалобы и заявления верующих»[56], «не вмешиваться во внутреннюю жизнь последних»[57], не допускать в своей работе методы администрирования. Уполномоченные также не остались в долгу перед Советом и выступили с критикой в адрес его руководства. Было указано на «редкую живую связь» с ними, недостаточный учет их мнения, противоречивость установок, даваемых Советом. Уполномоченные откровенно говорили о том, что не понимают, как можно будет выполнять указания Совета, если им не разрешают посещать молитвенные собрания.

В ответ на эти замечания один из работников Совета (Кольцов) сказал: «Большинство уполномоченных свою основную задачу видят в изучении религиозной деятельности. Это... не так. Изучать, конечно, мы должны... Но, во-первых, нельзя превращать изучение в самоцель, во-вторых... не задаваться при этом задачей изучения чуть ли не каждого верующего и при этом во всех разрезах... в-третьих... не нужно превращаться в своего рода следователя. Мы работаем на политически остром участке, имеем дело с людьми, придерживающимися противоположной, враждебной нам идеологии, отсюда мы должны постоянно проявлять особую политическую бдительность». И добавил: «Ни Совет, ни его уполномоченные не могут непосредственно вести борьбу с религией. Это в наши функции не входит. Наоборот, это нам запрещено»[58].

Подводя итоги заседания Совета от 26–28 ноября 1953 г., заместитель председателя Совета В. И. Гостев объяснял разноречивость в действиях уполномоченных тем, что они недостаточно ясно представляют свою роль и свои функции в государственном аппарате. «Надо всегда помнить, что по нашему отношению к религиозным обществам и служителям культа судят о позиции государства к религии», — говорил он[59]. Гостев подчеркнул, что позиция государства по отношению к церкви «не менялась и не меняется. Но мы с вами часто на местах, движимые неприязненным чувством к религии, ломаем позицию госу-

[55] Там же. Л. 66.

[56] Там же. Л. 75.

[57] Там же. Д. 92. Л. 85.

[58] Там же. Л. 115, 116.

[59] Там же. Л. 119.

дарства, администрируем, регулируем совершение религиозных обрядов, т.е. вмешиваемся во внутреннюю чисто религиозную жизнь церкви своими действиями, оскорбляем чувства верующих, пытаемся показать себя перед местными органами власти какими-то борцами с религией, когда от нас этого государство вовсе не требует»[60]. В этой речи, достаточно откровенной, обнаруживаются интонации покаяния, показывающие готовность Совета к смене ориентиров с противостояния на сосуществование.

Призывая уполномоченных поддерживать нормальные отношения с верующими, В. И. Гостев объяснял, что они «позволят больше узнать о жизни и деятельности культа, нежели вы в своей практике проявите себя такими государственными работниками, которые попирают права верующих и религиозных обществ»[61]. Он завершил свое выступление словами: «Уполномоченный должен так построить свою тактику, чтобы действия... не выглядели бы действиями такого человека, который поставлен государством для борьбы с религией, для ущемления интересов верующих. Шаблона в этом деле не дашь, в каждом конкретном случае требуется особо обдумать... свою тактику»[62]. Вскоре после этого заседания Совет сформулировал свои требования по оперативной работе для всех уполномоченных в специальном циркулярном письме от 11 декабря 1953 г.)[63]. Шаг по тем временам довольно смелый. «Ведь за многие годы, — как вспоминал Д. Т. Шепилов, — в высших сферах управления сложилась привычка ждать по всякому поводу указаний»[64], а не давать их. Совету потребовалось меньше года, чтобы понять, что надеяться на указания сверху не стоит и надо действовать инициативнее. В соответствии с духом перемен Совет указывал: «Уполномоченные не должны заниматься разбором вопросов, входящих в компетенцию партийных и советских организаций, они обязаны лишь информировать обкомы КПСС и Облисполкомы о всех имеющихся у них фактах нарушения советского законодательства о культах»[65]. Соблюдение законности предлагалось понимать совсем не так, как прежде, когда его требовали только от духовенства и верующих. К концу 1953 г. оно становится обязательным и для советских и партийных органов всех уровней.

---

[60] Там же. Л. 120.

[61] Там же. Л. 121.

[62] Там же. Л. 122.

[63] Там же. Д. 94. Л. 86–92.

[64] *Шепилов Д. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1988. № 8. С. 3.

[65] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 94. Л. 36.

В современной отечественной литературе справедливо отмечается, что именно в этот период в СССР сосуществовали два подхода к проблемам религии и церкви, между которыми шла борьба[66]. И объясняется это не только тем, что новые руководители не считали этот аспект государственной деятельности важным, но еще и тем, что в государственном и партийном аппаратах происходила переориентация в отношении к религиозному вопросу[67]. Все это не могло не сказаться на деятельности Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР.

Нельзя сказать, что Совет пересмотрел свою политику кардинально. Он продолжал выполнять большинство из тех задач, что и раньше, но действовал более осмотрительно[68]. К концу 1953 г. Совет уже был готов к тому, чтобы не просто выполнять директивы, но более строго соотносить их с советским законодательством, «не допуская нарушений законных прав граждан»[69].

Тенденции, характерные для деятельности Совета в 1953 г., окончательно оформились на протяжении следующего года и получили отражение в ноябрьском (1954 г.) Постановлении ЦК КПСС. Из выступления И. В. Полянского на совещании уполномоченных Совета по БССР (проходило в Москве 18–19 ноября 1954 г.) видно, что этот документ принимался при непосредственном участии Совета[70]. Раскрывая суть по-

---

[66] По мнению Н. И. Одинцова, «первый означал фактическое возвращение в партийную и государственную деятельность взглядов и практики 30-х годов» и проявился в постановлении ЦК КПСС от 7 июня 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению», а второй состоял в осуждении всякого администрирования по отношению к верующим и религиозным организациям. Его сторонники выступали за разъединение партийной и государственной линий в религиозном вопросе. Выражением этой линии является постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (***Одинцов М. И.*** Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 115).

[67] М. И. Одинцов считает, что для Сталина и Молотова в церковной политике не требовалось санкций партийных органов и они подчеркнуто выступали от имени Советского государства, тогда как с 1954 г. вопросы церковной политики перемещаются в сферу партийного влияния (***Одинцов М. И.*** Указ. соч.).

[68] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 33. Один из отделов снял с регистрации в 1953 г. ряд организаций, среди которых было 5 религиозных обществ мусульман, и закрыл один мазар (гробницу) из 9 функционирующих в этот период. При этом мазар был закрыт временно, на период карантина, в связи с заболеванием служителя культа проказой (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3 (с). Д. 100. Л. 33). Сопоставление этих цифр с данными за 1952 г. показывает, что годом ранее с регистрации было снято в два раза больше религиозных обществ (там же. Д. 91. Л. 244).

[69] Там же. Д. 92. Л. 123–125.

[70] Там же. Д. 101. Л. 193, 194. И. В. Полянский говорит, что именно Совет сигнализировал о том, что антирелигиозная пропаганда стала вестись неправильно,

становления, Полянский разъяснял, что «оно требует вести идеологическую работу... не трогая верующих людей, отправления культа в церквах, наличия всяких атрибутов для отправления культа». Он особо подчеркивал, что «метод администрирования приносит Советскому государству вред и усиливает религиозные предрассудки»[71], поэтому постановление запрещает администрирование, и это надо запомнить всем работникам Совета.

Анализ ситуации 1954 г. выходит за хронологические рамки статьи и заслуживает самостоятельного исследования. В заключение стоит отметить, что Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР всей своей деятельностью в 1953 г. способствовал тому, чтобы политика государства в религиозном вопросе стала более терпимой и плюралистичной. Удалось далеко не все, но это вовсе не значит, что усилия Совета не должны быть оценены по достоинству.

из-за чего «в движение пришла большая масса верующих»; «за границей стали трактовать, что Советское государство пошло в наступление на церковь. Т.о., сложившаяся обстановка, говорила за то, что ЦК партии должен был принять постановление, направленное на выправление этих ошибок. И это постановление вышло в свет, оно чрезвычайно поможет в нашей работе».

[71] Там же. Л. 195.

А. А. Данилов

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ В СССР НАЧАЛА 60-х ГОДОВ

Известно, что в конце 50-х — начале 60-х годов СССР вступил в новую качественную стадию своего развития, практически завершался процесс формирования основ индустриального общества. Вопреки часто встречающимся утверждениям, это новое качественное состояние советского общества не прошло незамеченным для руководства страны. Другое дело, оно по-своему оценивало характер и сущность этих перемен. В 1959 г. был сделан вывод о полной и окончательной победе социализма в СССР. В 1961 г. новая Программа КПСС зафиксировала начало развернутого коммунистического строительства. Власти довольно хорошо понимали и необходимость перемен в политической системе общества. Прежняя, экстремальная ее модель, оформившаяся в 30-е годы, была рассчитана на быстрое завершение индустриальной модернизации. Теперь эта задача оказалась решенной. В этих условиях руководство партии и страны сочло необходимым не просто внести изменения в Основной Закон, а разработать новую Конституцию страны. Как отмечал Н. С. Хрущев, новая «Конституция СССР должна быть приведена в соответствие с Программой КПСС и законодательно закрепить новые формы общественного и государственного устройства нашей страны, соответствующие периоду развернутого строительства коммунистического общества»[1].

Впервые о необходимости принятия новой Конституции было сказано на XXII съезде КПСС. Постановлением Верховного Совета СССР от 25 апреля 1962 г. был утвержден состав Конституционной комиссии в составе 94 человек во главе с Н. С. Хрущевым. В ее состав вошли все члены советского высшего политического руководства, а также ряд министров, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции. Комиссия провела два пленарных заседания — 15 июня 1962 г. и 16 июля 1964 г. В период между этими двумя датами и был разработан проект новой Советской Конституции.

Для разработки проекта в составе Конституционной комиссии было создано девять подкомиссий: 1) по общеполитическим и теоретическим вопросам Конституции (председатель — Н. С. Хрущев); 2) по вопросам

---

[1] Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 5. Оп. 30. Д. 441. Л. 149.

общественного и государственного устройства (Н. В. Подгорный); 3) по вопросам государственного управления, деятельности Советов и общественных организаций (Л. И. Брежнев); 4) по экономическим вопросам и управлению народным хозяйством (А. Н. Косыгин); 5) по вопросам национальной политики и национально-государственного строительства (А. И. Микоян); 6) по вопросам науки и культуры, народного образования и здравоохранения (М. А. Суслов); 7) по вопросам народного контроля и социалистического правопорядка (Н. М. Шверник); 8) по вопросам внешней политики и международных отношений (Б. Н. Пономарев); 9) редакционная комиссия (Л. Ф. Ильичев). Ключевую роль играли, видимо, первая и последняя из указанных подкомиссий. В первую (разрабатывающую вопросы общего содержания проекта) вошли почти все председатели остальных подкомиссий (за исключением Ильичева и Пономарева), а также члены Президиума ЦК Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, Ф. Р. Козлов, Д. С. Полянский. Редакционная же комиссия сводила воедино предложения остальных подкомиссий, а также учитывала или отвергала поступающие в адрес Конституционной комиссии пожелания трудящихся и рекомендации руководства. Для участников разработки проекта были составлены первоначальные рекомендации, изложенные в «Памятной записке».

Этих установок разработчики придерживались довольно жестко. Так, на заседании подкомиссии Подгорного 24 ноября 1962 г. Председатель Президиума Верховного Совета Грузии Г. С. Дзоценидзе предложил отразить в Конституции тот факт, что фактическое руководство политической и хозяйственной деятельностью в республиках принадлежит Центральным Комитетам компартий союзных республик и их первым секретарям[2]. Председательствовавший Ф. Р. Козлов, сославшись на отсутствие такого подхода в «Памятной записке», отказался принять во внимание это предложение.

В каждой подкомиссии были созданы специальные рабочие группы, каждая из которых занималась разработкой лишь одного, довольно узкого вопроса. Таким образом, обсуждение вариантов проекта (или его частей) шло по сложной схеме: рабочая группа — подкомиссия — редакционная комиссия — председатель Конституционной комиссии — пленарное заседание Конституционной комиссии. Эта процедура не дает нам сегодня возможности определить, кто именно предлагал те или иные формулировки, вошедшие в итоговый проект или отклонил

[2] Там же. Л. 15.

те, которые выдвигались на предшествовавших этапах работы. Между тем различия предварительных проектов и итогового документа весьма существенны.

В отличие от Конституции 1936 г. в предложениях подкомиссий к новому проекту предлагалось объединить прежде разделенные понятия государственного и общественного устройства в едином разделе. В нем намечалось «дать основные черты победившего в СССР социалистического строя и периода развернутого коммунистического строительства», показать преимущества нового общественного строя[3].

Одним из ключевых конституционных положений должен был стать вывод о «перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство». В связи с этим предлагалось преобразовать Советы депутатов трудящихся в Советы народных депутатов. Было включено положение о том, что в СССР «народу принадлежат все общественные богатства и вся полнота политической власти»[4].

Принципиально новым было в предложениях подкомиссии Подгорного положение о классовой структуре общества на новом этапе его развития. В нем впервые говорилось о социальной базе общенародного государства и отмечалось, что «социалистическое общество состоит из дружественных классов — рабочего класса и крестьян, а также интеллигенции»[5]. В обосновании этого тезиса отмечалось, что в прежней Конституции интеллигенция не упоминается вовсе, в то время как численность этой категории населения с 1926 по 1962 г. выросла с 2,5 млн до 22 млн человек. Упоминание интеллигенции как одного из классов социалистического общества должно было в какой-то степени компенсироваться тезисом о ведущей роли рабочего класса. Подчеркивался также многонациональный характер общенародного государства.

Главным направлением развития политической системы страны в период развернутого коммунистического строительства было названо «развертывание общенародной демократии, выражающееся в невиданном росте активности и самодеятельности масс в управлении государством и народным хозяйством, в передаче некоторых функций государственных органов общественным организациям, в усилении общественных начал в деятельности государственных органов»[6]. В связи с этим предлагалось отметить в проекте, что Советы народных депутатов, буду-

---

[3] Там же. Л. 22.

[4] Там же. Л. 23.

[5] Там же.

[6] Там же. Л. 25.

чи представительными органами государственной власти, в то же время содержат в себе и черты общественной организации.

Уже в первых предложениях звучал тезис о необходимости закрепления руководящей и направляющей роли КПСС в советском обществе. Предлагалось подчеркнуть, что в основе советской государственной системы лежит принцип демократического централизма, в частности принцип коллективности руководства. Интересно, что вслед за разделом о государственном и общественном строе предлагалось поставить раздел об основных правах и обязанностях граждан. В Конституции 1936 г. этот раздел был поставлен в заключительной части. Среди прав были зафиксированы право на труд и постоянное улучшение условий труда; на справедливую оплату труда в соответствии с его результатами; право на отдых и улучшение его условий; на пользование общественными фондами; на материальное обеспечение в старости и при потере трудоспособности; дополнительные права женщин (не раскрывалось); на образование; на свободную творческую самодеятельность и всестороннее развитие. В числе обязанностей были упомянуты необходимость трудиться, защищать Родину, умножать ее богатства, охранять общественную и государственную собственность и др.

Специальный раздел планировалось посвятить новым общественно-политическим институтам. Отмечалось, что «новому этапу развития Советского государства — общенародному социалистическому государству — должны соответствовать и новые общественно-политические институты»[7]. К их числу были отнесены: всенародное обсуждение важнейших законопроектов; отчетность избранных руководителей органов государственного управления непосредственно перед населением; всесоюзные, республиканские и местные отраслевые совещания трудящихся, вырабатывающие рекомендации для органов государства; органы народного контроля. Отдельно было сказано о референдумах, возможность проведения которых была предусмотрена Конституцией 1936 г., но ни разу до этого не была реализована. Предполагалось, что первый референдум будет посвящен принятию новой Конституции.

Планировались изменения и в избирательной системе: возрастной избирательный ценз снижался до 18 лет; право отвода кандидатов в депутаты могло быть реализовано не только на этапе выдвижения, но и после регистрации; требования Программы КПСС о ротации выборных партийных органов предполагалось распространить на депутатский корпус; право изменения избирательного законодательства передавалось

[7] Там же. Л. 28.

из ведения Президиума Верховного Совета СССР самому Верховному Совету.

Отдельный блок вопросов касался деятельности государственных органов. Правом законодательной инициативы наделялись ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Расширялись права постоянных комиссий Советов всех ступеней (им, в частности, предоставлялось право контроля деятельности министерств, совнархозов, ведомств и др.). Впервые предполагалось привлекать членов постоянных комиссий ВС СССР к работе комиссий на продолжительное время с освобождением на это время от работы на производстве. Постоянным комиссиям местных Советов предлагалось передать функции отделов исполкомов местных Советов. Был зафиксирован тезис о том, что правосудие должно осуществляться только судами и ни один другой орган, кроме них, не может применять уголовные наказания. Вносилось и предложение о том, что санкцию на арест может дать только суд. Это объяснялось тем, что прокуратура должна осуществлять надзор, а не административное право, которое должно находиться в ведении суда.

В 1963 г. был подготовлен один из первых полных проектов Конституции. В нем предложения уже были сведены в постатейную структуру. Кроме уже перечисленных выше позиций в проекте оказались и некоторые новые. Так, ст. 57 фиксировала обязанность граждан СССР беречь и охранять богатства природы и содействовать их разумному использованию. Ст. 63 содержала положение о том, что трудоспособные граждане обязаны заботиться о своих престарелых и нетрудоспособных родителях. Особенно много принципиально новых позиций было включено в проект третьей главы, касающейся полномочий союзных республик. Интересно уже само его название: «Союзная республика — суверенное государство». Ст. 70 предусматривала право свободного выхода из СССР. Ст. 71 впервые в истории союзного государства предоставляла право союзным республикам «осуществлять дипломатические и экономические отношения и культурные связи с зарубежными странами»[8]. А ст. 72 содержала также беспрецедентное право иметь республиканские войсковые формирования. Ст. 76 давала право республиканским властям по всем вопросам, не оговоренным в Конституции, «осуществлять государственную власть самостоятельно, сохраняя свой суверенитет»[9]. Выборы республиканских органов государственной власти предполагалось

[8] Там же. Л. 69.

[9] Там же.

проводить путем тайного голосования. Вместо Совета Министров предполагалось иметь Правительственный Совет республики.

Новым было и положение о местных органах власти, в котором, в частности, с учетом введенной в 1957 г. структуры управления народным хозяйством предусматривалось, что «местные Советы образуются по производственному и территориальному принципу» (ст. 94)[10].

Высшими органами государственной власти СССР должны были стать Верховный Совет народных депутатов СССР и Правительственный Совет СССР. Верховный Совет народных депутатов должен был состоять, как и прежде, из двух палат — Совета Союза и Совета Национальностей. В Совет Союза каждый депутат избирался бы от 300 тыс. населения. А Совет Национальностей формировался на основе следующих норм представительства: от каждой союзной республики — 25 депутатов; от автономий — 11; от автономной области — 5; от национального округа — 1. Сессии Верховного Совета должны были проходить дважды в год.

Свои предложения об экономической системе советского общества предложила подкомиссия А. Н. Косыгина. Она высказалась за исключение из текста действующей Конституции положения о том, что «лица, покушающиеся на социалистическую собственность, — враги народа», к которым необходимо применять самые суровые методы воздействия[11]. Значительно был расширен в тексте круг объектов государственной собственности. В их число были включены «земля, ее недра, воды, леса и другие природные богатства, заводы, фабрики, шахты, рудники, электростанции, железнодорожный, водный, воздушный и автомобильный транспорт, сельскохозяйственные предприятия, производимая на государственных предприятиях продукция, жилые дома, торговые, коммунальные и иные предприятия, банки, средства связи». Видимо, опасаясь, что из этого перечня может что-то непроизвольно выпасть, создатели документа дополнили его фразой о том, что «в собственности государства может находиться и любое другое имущество»[12].

Наряду со статьями о государственной и кооперативной собственности, их охране и приумножении впервые вводились статьи о личной собственности граждан и мелком частном хозяйстве. Так, ст. 31 предусматривала в числе объектов личной собственности их трудовые доходы и сбережения, жилые дома и подсобное хозяйство, предметы домашнего хозяйства и обихода, личного потребления. На все это предполагалось

[10] Там же. Л. 73.

[11] Там же. Д. 442. Л. 52.

[12] Там же. Л. 62.

введение права наследования. В ст. 32 рассматривалось отдельно право членов колхозного двора на общую совместную собственность: «жилой дом, подсобное хозяйство на приусадебном участке, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь в соответствии с уставом колхоза»[13]. Наряду с этим содержались и две оговорки: во-первых, что хозяйство колхозного двора носит подсобный характер и не должно наносить ущерб участию колхозников в общественном производстве и, во-вторых, что «необходимость в личном подсобном хозяйстве колхозников постепенно будет отпадать, когда общественное хозяйство колхозов сможет полностью заменить его»[14].

Итоговый проект Конституции был обсужден на заседании Конституционной комиссии 16 июля 1964 г. Он имел совершенно иную структуру, да и по содержанию во многом отличался от тех предложений, о которых говорилось выше. Он состоял из восьми разделов: «Общественный и государственный строй», «Личность, общество и государство», «Народовластие в СССР», «Органы государственной власти СССР», «Союзная республика», «Охрана социалистической законности и правопорядка», «Цели и принципы внешней политики СССР», «Заключительные положения».

По содержанию этот проект представлял собой совершенно очевидный шаг назад в разработке демократических основ деятельности государства. В нем к тому же присутствовало гораздо больше идеологических штампов и деклараций, отсутствовавших в рабочих проектах (самым декларативным и «пустым» был проект подкомиссии Брежнева).

Не перечисляя всех отличий за неимением такой возможности, хочу остановиться лишь на наиболее важных. В ст. 43 не только закреплялось предлагавшееся положение о руководящей и направляющей роли Коммунистической партии, но и содержался вывод о неуклонном возрастании ее руководящей роли по мере строительства коммунизма. Ст. 4, закрепляя монопольное господство коммунистической идеологии, фиксировала, что «идеологическую основу общественного и государственного строя СССР составляет марксистско-ленинское учение — самое передовое революционное учение современности»[15]. В ст. 24 отмечалась перспектива постепенного слияния всех форм социалистической собственности в единую коммунистическую собственность. В разделе, посвященном союзным республикам, оказались снятыми практически все смелые предложения, предоставлявшие им беспрецедентную само-

[13] Там же. Д. 441. Л. 235.

[14] Там же. Д. 442. Л. 63.

[15] Там же. Д. 466. Л. 165.

стоятельность. В вопросе о ротации депутатского корпуса была принята оговорка о возможных исключениях, которая, по сути, сводила на нет прогрессивное звучание этого положения.

Отсутствовали и многие другие пункты, содержавшиеся в предварительных проектах. Возникает естественный вопрос о том, на каком же этапе, кем и почему были сняты эти безусловно прогрессивные предложения.

Есть основания полагать, что это произошло в ходе обсуждения внесенных предложений на заседании Президиума ЦК. Характер принятых в итоговом варианте изменений позволяет считать, что это было принято под давлением той части коллективного партийного руководства, которая уже готовилась к смене власти, последовавшей через три месяца. О том, что консервативное давление было оказано, в том числе и на главу партии и правительства Н. С. Хрущева, свидетельствует характер его собственных корректив и замечаний на проекте Конституции. Хотя следует признать и то, что ряд из них также носили ограничительный для демократии характер. В частности, именно ему принадлежит ссылка на возможные исключения из общих правил при ротации депутатского корпуса; оговорки по поводу потребительского назначения личной собственности граждан и др. Вместе с тем он последовательно отстаивал общий демократический характер проекта, в то время как замечания некоторых членов Президиума ЦК звучали более консервативно (например, предложения Брежнева об усилении в Конституции роли КПСС и др.). Интересны в этой связи и рассуждения Хрущева на заседании Конституционной комиссии 16 июля 1964 г. о характере будущего коммунистического общества. В то же время руководители КПСС имели возможность в своем стремлении «охладить пыл» сторонников демократического крыла использовать «пожелания трудящихся». В кавычки мы берем эти слова потому, что характер их предложений был различным, но в обзорах писем, поступавших в ЦК и в Конституционную комиссию, фигурировали, как правило, те из них, которые были желательны лидерам, на стол которых эти обзоры поступали. Что же предлагали простые граждане в своих обращениях в ЦК?

Д. А. Беляков (Каунас) предлагал предусмотреть специальным положением Конституции тезис о том, что «высшая власть в стране принадлежит Коммунистической партии». Одновременно он внес предложение о всенародном избрании Председателя Президиума Верховного Совета СССР[16]. В. Г. Клубов (Череповец) считал, что следует всенарод-

[16] Там же. Д. 444. Л. 5.

ным голосованием, проводимым один раз в четыре года, решать вопрос о председателе Совета Министров. При этом он ссылался на недопустимость возрождения культа личности первого лица. Кандидат технических наук Г. Беляева из Москвы в своем письме высказывала пожелание, чтобы «права человека Конституцией не просто декларировались, но и гарантировались». Следует признать, что с учетом этих и других аналогичных предложений в один из проектов были внесены соответствующие уточнения. Например, в ст. 45, где говорилось о правах и свободах граждан СССР, отмечалось, что «эти свободы обеспечиваются предоставлением общественных зданий, типографий и запасов бумаги, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления»[17]. И. Г. Гришин из Москвы считал, что в СССР «идет консолидация различных национальностей в единую коммунистическую нацию», и потому предлагал снять графу о национальности из паспортов. Для реализации национальных прав он предлагал «создать национальные комитеты по вопросам культуры и просвещения», т. е. предлагал решение, довольно близкое к реализации идеи «культурно-национальной автономии» начала века[18]. Е. Ф. Израилова из Ташкента выступала, ссылаясь на Ленина, против частной собственности и предлагала отобрать частные дома и автомобили «независимо от того, на трудовые или нетрудовые доходы» они приобретены.

Особенно остро во многих письмах был поставлен вопрос о недемократичности советской избирательной системы. Так, Сидорова из г. Жданова Донецкой обл. отмечала, что «фактически никакого избрания, то есть оказывания предпочтения одного другому, нет, а имеется только наречение, утверждение единственного кандидата депутатом». Такой порядок, по ее мнению, «очень обидно отзывается на самолюбии избирателей, так как этот обряд является дорогостоящей бутафорией выборов»[19]. Продолжая свою мысль, она отмечала, что «даже у нашего антипода, в США, где 60% избирателей или подкуплены, или отстранены от выборов, никто не знает, кто будет избран, а у нас всякий знает. В ГДР депутат избирается из пяти кандидатов. Наш существующий способ «избрания» — один кандидат дает одного депутата — самый скверный из всех способов избрания в 130–140 государствах земли, самый антидемократический»[20].

---

[17] Там же. Л. 8.

[18] Там же. Л. 23.

[19] Там же. Л. 19.

[20] Там же.

Особенность обсуждения гражданами СССР проекта Конституции страны состояла и в том, что некоторыми из них были предложены не просто частные пожелания и предложения, а собственные проекты нового Основного Закона страны. Такие проекты прислали рабочий А. С. Шубин, старший научный сотрудник АН Грузии А. Менабде, учитель истории из Мурома И. М. Абрамович. Причем проект Абрамовича был достаточно емким и включал 6 глав, 10 разделов, 205 статей[21].

В проекте ленинградского учителя В. В. Покровского, состоявшем из 127 статей, предполагалось иметь 14 разделов: 1) Организационная форма страны. 2) Основы общественного устройства Советского Союза. 3) Организационные основы административного устройства Советского Союза. 4) Административное деление Советского Союза. 5) Высший законодательный административный орган Советского Союза. 6) Президент Советского Союза. 7) Высший распорядительный административный орган Советского Союза. 8) Непосредственный высший законодательный административный орган Советской Республики. 9) Непосредственный высший распорядительный административный орган Советской Республики. 10) Высшие непосредственные административные органы Советского Союза. 11) Высшие непосредственные административные органы в государственных заведениях Советского Союза. 12) Суды Советского Союза. 13) Основные права граждан Советского Союза. 14) Основные обязанности граждан Советского Союза[22].

Обширным был и круг вопросов, поднятых в письмах и предложениях граждан. А. А. Тарасов из Касимова предлагал закрепить в самом названии проекта направленность Конституции на построение в СССР коммунизма и назвать его «Проект Народной Конституции СССР по строительству коммунистического общества». Это предложение перекликалось с мнением Ф. С. Бубеннова из Ростова-на-Дону, предлагавшего переименовать и сам СССР в Союз Советских Коммунистических Республик (ССКР)[23]. Особую роль правящей партии в жизни страны предлагалось также определить по-разному. Кроме предложений констатировать ее в Конституции в отдельной статье предлагалось также впредь формировать специальные государственные органы. В. В. Покровский из Ленинграда внес предложение заменить Верховный Совет СССР Верховным Административным Советом, который должен был состоять их трех равноправных палат: Палаты Партии, Палаты Союза, Палаты Национальностей. При этом

[21] Там же. Д. 473.

[22] Там же. Д. 472. Л. 35.

[23] Там же. Л. 3.

предполагалось, что «правами Палаты Партии, согласно своему служебному положению, автоматически будет пользоваться ЦК КПСС»[24].

Вносились предложения, направленные на совершенствование государственного строительства, изменение основ избирательной системы. Б. В. Баженов из г. Калинина справедливо отмечал, что «система единственного кандидата, приучая избирателей к бездеятельности», одновременно «самих депутатов приучает к безответственности», так как «сейчас на выборах главное — выдвижение кандидатов. Если меня выдвинули, то все в порядке, я тем самым уже выбран, голосование — только формальность»[25]. Отсюда, по его мнению, «у депутатов (в массе) чувство ответственности перед теми, кто выдвинул его кандидатуру, а не перед избирателями, которые голосовали за него»[26].

Кандидат юридических наук К. С. Салихов из Минска указывал на необходимость закрепления в Конституции положения о том, что никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и подвергнут наказанию за свои убеждения. «Отражение этого положения в Конституции, — отмечал он, — явилось бы еще одним ярким проявлением и наглядным подтверждением превосходства социалистической демократии над буржуазной»[27]. А. Г. Григорьев из Пензы отмечал необходимость реального соблюдения свободы слова в СССР, так как «без свободы слова и печати общество нормально развиваться не может»[28] прежде всего потому, что «никто, кроме народа, не сможет усмотреть лучше все наши плюсы и минусы»[29]. Сложившаяся же практика с соблюдением свободы слова казалась ему декоративной, так как «мы имеем лишь критику сверху вниз, но не имеем критики снизу вверх. Без критики в двух направлениях мы нашу жизнь не сможем исправить»[30].

Интересны и предлагавшиеся самими гражданами гарантии соблюдения записанных в Конституции положений. Рабочий Новокузнецкого алюминиевого завода И. А. Рудаков для этого предлагал создать контрольный орган за соблюдением контроля над действиями исполнительных властей (он говорил лишь о правительстве) — Охранный конституционный комитет[31].

---

[24] Там же. Л. 140.

[25] Там же. Л. 21.

[26] Там же.

[27] Там же. Л. 36.

[28] Там же. Л. 221.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Там же. Л. 135.

Таким образом, предложения граждан по вопросам государственного строительства, с одной стороны, отражали сложившуюся в стране ситуацию и ориентировали разработчиков на ее закрепление (в частности, законодательное подтверждение особых властных полномочий партийных структур), а с другой — содержали элементы традиционной либерально-демократической политической модели, основанной на разделении властей, общественном контроле за ними, реальном соблюдении гражданских прав и свобод, демократической системе выборов. При этом они вольно или невольно были вынуждены сравнивать политическую систему СССР с западными образцами, и эти сравнения чаще всего были не в пользу нашей традиционной советской модели. Даже в терминологии (президент СССР, премьер-министр и т. п.) граждане вольно или невольно обращались к зарубежному опыту. Не чужды этого были и сами советские лидеры. Вспомним, как в марте 1946 г. в повестку дня пленума ЦК ВКП(б) был включен вопрос «О премьер-министре СССР». Лишь в ходе работы пленума этот пункт был скорректирован. Зато в своей речи на нем Сталин довольно четко выразил свое отношение к этой проблеме, отметив, что «Народный Комиссар или вообще комиссар — отражает период неустоявшегося строя, период гражданской войны, период ломки... Этот период прошел»[32]. Аналогичные рассуждения в 1963–1964 гг. ближайшее окружение Хрущева отмечало и у него самого. Однако под влиянием «коллективного разума» — ЦК предложения о введении поста президента или премьер-министра (хотя они высказывались даже в стенах высших партийных органов и их учебных заведений) в итоговый документ так и не прошли.

В проектах и письмах граждан была отражена и проблема будущего национально-государственного и административного устройства страны. И здесь также столкнулись две крайние позиции в этом вопросе: с одной стороны, тенденция закрепить сложившуюся особую роль Центра в отношениях с союзными республиками, а с другой — попытки повысить статус не только союзных республик, но и автономных образований, а также и некоторых административных регионов РСФСР.

Например, В. Н. Селиверстов предлагал образовать единую Прибалтийскую ССР, а Литве, Латвии и Эстонии придать статус автономных образований[33]. В. В. Покровский в своем проекте видел в составе СССР семь республик: Белорусскую Советскую Республику (все республики он предлагал также впредь именовать без прилагательного «социалисти-

[32] Там же. Ф.2. Оп. 1. Д. 8. Л.34.

[33] Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 472. Л. 23.

ческая», так как с этим «и так все ясно»), Закавказскую Советскую Республику (в качестве автономий в нее должны были входить Грузия, Армения и Азербайджан), Казахскую Советскую Республику, Рижскую Советскую Республику (в качестве автономных образований в ее составе должны были оказаться не только Латвия, Литва и Эстония, но и Калининградская область), Российскую Советскую Республику (в составе которой должны были объединиться десять административных краев: Западный, Северо-Западный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Волжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западносибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный), Среднеазиатскую Советскую Республику (с автономиями Туркмении, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана), Украинскую Советскую Республику[34]. И. А. Жолдак из Москвы считал необходимым создать Сибирскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику, которая должна была, не относясь к РСФСР, напрямую входить в состав СССР. Ее территорию должны были составить все сибирские и дальневосточные территории РСФСР, а столицей стать Иркутск[35].

Другие, наоборот, предлагали вернуться к традиционному, дореволюционному принципу административного деления страны. Инженер-механик из Алма-Аты П. Н. Самохин предлагал в связи с этим в основу национально-государственного строительства и административного деления страны положить не национальный признак, а экономическую целесообразность. Союзными республиками он видел: Дальневосточную (в составе всех областей Восточной Сибири и Дальнего Востока), Западно-Сибирскую, Уральскую, Семиреченскую (Казахстан), Среднеазиатскую, Закавказскую, Причерноморскую (Украина и Молдавия), Прибалтийскую (Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Калининградская, Ленинградская и Псковская области), Приволжскую, Центральную[36].

Иной подход был выражен в предложениях «и дальше развивать самостоятельность союзных республик»[37]. Так, С. Ф. Зибрев (Москва) предлагал, к примеру, всем республикам СССР стать членами ООН и иметь свои зарубежные представительства[38]. Как видим, эти предложения совпадали с первоначальными вариантами проекта, написанными в

[34] Там же. Л. 58.

[35] Там же. Л. 53.

[36] Там же. Л. 106.

[37] Там же. Л. 43.

[38] Там же. Л. 14.

недрах самой Конституционной комиссии. Однако следует признать, что подобного рода предложений как из самой комиссии, так и от граждан поступили считанные единицы.

Предлагалось внести изменения в символику государства. Инженер Э. Н. Киселев из Пензы предложил наряду с серпом и молотом в новом гербе страны изобразить циркуль, символ мирного атома или искусственного спутника Земли, «что отражало бы усиление роли интеллектуального труда»[39]. А. М. Гинзбург из Москвы предлагал поместить на красном полотнище государственного флага СССР изображение первого искусственного спутника Земли и обозначить год его запуска. В анонимном письме из Яранска Кировской области автор писал: «Кровавый цвет флага — жестокий цвет, желательно его заменить. Для всех будет приемлем флаг цвета радуги. Кого не радует цвет радуги после тучи, ливня, а затем тихого плодотворного дождичка при солнце...»[40]. Интересно, что это было мнение не только представителей нового поколения, не имевшего опыта революционной борьбы, прошедшей под красным знаменем, но и части самих старых большевиков. Так, персональный пенсионер республиканского значения, участник революции И. М. Шлейер из Симферополя отмечал: «Вместо красного флага, говорящего о революционной борьбе за власть, говорящего об опасности, о пожаре, необходимо принять трехцветный флаг: красный — революционный период, синий — период строительства социализма, белый — период мира, период коммунизма»[41]. По существу, речь шла о возврате к дореволюционному флагу России, а новым было лишь объяснение значения его цветов.

Авторы писем по-разному оценивали перспективы включения своих предложений в проект Конституции. Упоминавшийся уже В. Г. Клубов в этой связи отмечал: «Я советовался со многими членами партии, все одобрили, но некоторые выразили сомнение: примут ли такое добавление в наш закон»[42].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что проект Конституции 1962–1964 гг., безусловно, отражал объективные потребности демократической эволюции существовавшей в стране политической системы. В предложениях рабочих групп и подкомиссий нашло отражение и частичное решение наиболее актуальных проблем развития многонационального Советского государства. Нет сомнений в том, что в случае

---

[39] Там же. Л. 136.

[40] Там же. Л. 137.

[41] Там же. Л. 282.

[42] Там же. Л. 8.

реализации этих предложений существовавшая в стране общественно-политическая система получила бы серьезный стимул для дальнейшего развития. Можно предположить, что принятие Конституции в предлагавшемся разработчиками варианте либо сняло бы с повестки дня, либо значительно отодвинуло во времени возникновение диссидентского движения, выдвигавшего в середине 60-х годов во многом схожие варианты действий. Более того, власти сумели бы с помощью такого варианта Конституции привлечь на свою сторону симпатии значительной части интеллигенции и других социальных категорий. В то же время следует признать, что реализация прав и свобод, заложенных в нем, могла привести в перспективе к эрозии существующей политической системы. И это не могли не понимать представители той части руководства КПСС, которая и без того считала многое из сделанного в годы руководства Хрущева не только лишним, но и опасным. В связи с этим вполне логичным, с их точки зрения, было не только вымывание в первой половине 1964 г. из итогового варианта Конституционного проекта многих наиболее последовательных и радикальных его идей, но и свертывание работы над Конституцией сразу после смещения Хрущева с руководящих постов в октябре того же года. Уже в январе 1965 г. все разосланные на места проекты документа были возвращены, причем без каких-либо комментариев и предложений. В Конституцию же 1977 г. идеи предшествующих проектов вошли в еще более выхолощенном виде, даже в сравнении с итоговым вариантом Конституционной комиссии 1964 г.

Ю. Я. Терешенко

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЕ В СССР В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

В научных и общественно-политических журналах страны дискуссия о реформе была начата весной 1989 г. и завершилась весной 1991 г. В ней приняло участие 23 человека, было опубликовано 16 статей[1]. Это в шесть раз меньше, чем было опубликовано за то же время в тех же изданиях статей по проблеме нового Союзного договора. Научная дискуссия по проблеме конституционного обновления единого союзного государства протекала в фарватере политических преобразований. Весной 1991 г. она была окончательно вытеснена проблемой Союзного договора. Вопрос о новой Конституции СССР был фактически снят с повестки дня. Это обусловлено тем, что, вопреки итогам Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г., был взят курс на ликвидацию федеративного (союзного) государства и создание конфедерации (содружества) суверенных государств, которая не предполагала Основного Закона. Научная интеллигенция быстро отреагировала на перемену планов в коридорах власти.

---

[1] См.: ***Лазарев Л. В., Слива А. Я.*** Конституционная реформа – первый этап // Советское государство и право. 1989. № 3; ***Сахаров А. Д.*** За день до кончины... (Публикация незавершенного проекта Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии) // Новое время. 1989. № 52; ***Златопольский Д. Л.*** Конституция СССР. Проект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1990. № 5; ***Кудрявцев В., Топорнин Б.*** К новой Конституции СССР // Народный депутат. 1990. № 1; ***Даниленко В.*** Утверждая новую форму правления // Народный депутат. 1990. № 2; ***Топорнин Б. Н.*** Конституционная реформа – путь к правовому государству // Советское государство и право. 1990. № 4; Концепция новой Конституции Союза ССР: предложения Института государства и права АН СССР // Советское государство и право. 1990. № 4; ***Белоцерковский В.*** О будущей конституции и проекте Сахарова // Октябрь. 1990. № 10; О новой Конституции СССР // Советская этнография. 1990. № 5. (Авторы статей: Ю. В. Бромлей, С. В. Чешко, В. А. Тишков, К. В. Чистов, М. Н. Губогло, Э. В. Тадевосян); О новой Конституции СССР // Советская этнография. 1990. № 6. (Авторы статей: С. А. Арутюнов, З. П. Соколова, О. И. Шкаратан, В. И. Козлов); ***Шафир М., Кочлов А.*** Конституция и Союзный договор // Народный депутат. 1990. № 14; ***Попов В.*** Конституционный кризис // Новое время. 1990. № 49; ***Бирюков П. Н.*** О концепции новой Конституции Союза ССР: международно-правовые основы // Советское государство и право. 1991. № 4; ***Кудрявцев В. Н.*** В Конституцию СССР внесены изменения // Социалистическая законность. 1991. № 4; ***Тихомиров Ю.*** Основной Закон: Каким быть новым конституциям Союза и республик // Народный депутат. 1991. № 3; ***Овсепян Ж. И.*** О ходе конституционной реформы в СССР // Известия вузов. Правоведение. 1991. № 3.

Подавляющее большинство статей было посвящено двум важным аспектам: во-первых, политико-правовой характеристике принятых Верховным Советом СССР и Съездами народных депутатов СССР законов; во-вторых, предложениям по конституционному преобразованию Союза ССР главным образом в сфере национально-государственного устройства. В двух статьях содержались проекты новой Конституции Советского Союза (незаконченный проект академика А. Д. Сахарова и проект профессора Д. Л. Златопольского), в одной — концепция новой Конституции СССР, предложенная Институтом государства и права АН СССР.

Первая статья по проблеме была опубликована спустя несколько месяцев после того, как 1 декабря 1988 г. XXII внеочередная сессия Верховного Совета СССР 11-го созыва внесла серьезные изменения и дополнения в Конституцию СССР 1977 г. Оценивая историческое значение сессии, М. С. Горбачев, совместивший к тому времени должности руководителя партии и главы государства, специально подчеркнул, что именно ее решения вывели СССР «на путь революционной перестройки»[2]. Исследователи назвали решения сессии первым шагом конституционной реформы в СССР[3]. Последующие шаги (этапы) связывались уже с решениями I, II, III и IV Съездов народных депутатов СССР (соответственно май–июнь 1989 г., декабрь 1989 г., март 1990 г., декабрь 1990 г.). Доцент Ростовского государственного университета Ж. И. Овсепян стал автором последней статьи по проблеме конституционной реформы в СССР. Статья была первой и единственной попыткой анализа всего хода реформы за два с половиной года. В ней дана правовая характеристика восьми документов реформы: Закона «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР» от 1 декабря 1988 г., принятого Верховным Советом СССР на XII внеочередной сессии 11-го созыва; постановления I Съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР», в котором ставилась задача «безотлагательно начать работу по подготовке новой Конституции», и постановления того же съезда о создании Конституционной комиссии для решения указанной задачи; трех конституционных законов, принятых II Съездом народных депутатов СССР, — «Об уточнении некоторых положений Конституции (Основного Закона) СССР по вопросам порядка деятельности Съезда народных депутатов, Верховного Совета СССР и их органов» от 20 декабря 1989 г., «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР по вопросам избирательной системы» от 20 декабря 1989 г., «Об изменениях и

---

[2] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 7. М., 1990. С. 180.

[3] См. указ. статьи Л. В. Лазарева, А. Я. Сливы и Ж. И. Овсепяна.

дополнениях ст. 125 Конституции СССР» от 23 декабря 1989 г.; Закона «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» от 14 марта 1990 г., принятого III внеочередным Съездом народных депутатов СССР; Закона «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» от 26 декабря 1990 г., принятого IV Съездом народных депутатов СССР.

Предпосылки реформы автор усматривал в курсе XIX Всесоюзной партконференции на «преодоление отчуждения народа от власти», а в самой реформе — на отражение процесса «перераспределения власти». Исследователя искренне удивили «крутые виражи реформы», которая вначале вела к становлению парламентской формы правления в СССР, затем резко повернула к президентской, вначале создавала гарантии против режима единовластия, затем стала создавать «достаточно сильную политическую фигуру» в лице Президента СССР с чрезвычайно широкими властными полномочиями[4].

Однако не все ученые это удивление разделяли. Так, вице-президент АН СССР, народный депутат СССР, председатель редакционной комиссии IV Съезда народных депутатов СССР В. Кудрявцев не видел противоречия «между президентской исполнительной властью и Советами как органами законодательной власти». На вопрос корреспондента: почему же Указы подписывает президент, а не Председатель Верховного Совета? — глава высшего законодательного органа, академик отвечал просто: потому что он не только глава исполнительной власти, но и высшее должностное лицо государства. Подписывая Указы, президент осуществляет «взаимодействие и связь» между двумя ветвями власти[5]. Позиция В. Кудрявцева была последовательной. Еще в начале 1990 г. он вместе с директором Института государства и права АН СССР Б. Топорниным опубликовал статью, в которой рассматривал процесс изменения и дополнения Конституции СССР 1977 г. как процесс создания новой Конституции СССР, создания «не сразу, а по отдельным блокам, кирпичикам». Авторы считали, что в центре Конституции государства должно стоять не государство, а человек[6]. Таким человеком стал Президент СССР.

В разгар конституционного реформирования Союза ССР исследователи все еще обсуждали вопрос: с чего начать работу над Конституцией? Первый заместитель директора ВНИИ советского государственного

---

[4] См.: *Овсепян Ж. И.* Указ. соч. С. 8, 12, 14.

[5] См.: *Кудрявцев В. Н.* В Конституцию СССР внесены изменения. С. 4.

[6] См.: *Кудрявцев В., Топорнин Б.* Указ. соч. С. 35, 38.

строительства и законодательства Ю. Тихомиров предлагал начать с разработки современной конституционной теории, без которой «нельзя двигаться вперед», затем разработать Союзный договор, который «первичен в сравнении с Конституцией СССР». Но договор в тексте Конституции лишь упомянуть, а не включать, поскольку это умалит его «самостоятельную ценность»[7]. Таким образом, автор предполагал сосуществование двух документов: одного «учредительного» (Договор), второго «регулирующего» (Конституция).

Доктор юридических наук М. Шафир и кандидат юридических наук А. Козлов предлагали начать с разработки и подписания нового Союзного договора и до тех пор, пока этот вопрос не будет решен, вопрос о Конституции отложить. В дальнейшем новый Союзный договор включить в текст новой Конституции. Авторы настаивали на своей точке зрения, несмотря на заявление о том, что Договор об образовании Союза ССР 1922 г. «является открытым и сохраняет свою юридическую силу по сей день». Отсутствие упоминания о Договоре 1922 г. в Конституциях СССР 1936 и 1977 гг. они расценили как «деформации, которые произошли в Советской Федерации в годы тоталитарного режима»[8]. Противники единого государства Шафир и Козлов предлагали исключить Союз ССР из процесса разработки и подписания нового Союзного договора, считая это «исключительной прерогативой» субъектов Союза. При этом они ссылались на опыт подписания Договора 1922 г., когда Союз ССР не являлся «хотя бы одной из сторон», заключивших Договор.

В ходе дискуссии более откровенно выразил позицию противников единого государства доктор исторических наук Н. Попов. Анализируя конституционный кризис, разразившийся осенью 1990 г., автор видел его выражение в нежелании республик подчиняться приказам центра, т. е. в фактическом нарушении союзной Конституции, в которой было закреплено верховенство законов Союза над республиканскими. Выход из кризиса Попов видел в ликвидации «источника проблемы» — Конституции СССР. Вначале приостановить ее действие, затем вообще ликвидировать вместе с союзным правительством и союзным парламентом. А далее республики сами решат, что делать: то ли создавать новый Союз, то ли конфедерацию, то ли объявить полную независимость[9].

Еще более ясную позицию занял В. Белоцерковский, член правозащитного движения в СССР, посвятивший свою статью критике проекта

---

[7] *Тихомиров Ю.* Основной Закон: Каким быть конституциям Союза и республик. С. 31, 32.

[8] *Шафир М., Козлов А.* Конституция и Союзный договор. С. 63, 65.

[9] См.: *Попов Н.* Конституционный кризис // Новое время. 1990. № 49. С. 6.

А. Д. Сахарова. Поскольку Сахаров предложил Конституцию для Союза республик, автор увидел в проекте пережитки «державного мышления». По мнению автора, Союз республик может строиться лишь на конфедерации, а для конфедеративного союза конституция не нужна, ему нужен Союзный договор. «Конституция — это для федеративного или унитарного государства». Но на этом Белоцерковский не остановился и предложил идти дальше в освобождении сознания «от имперского мышления», а именно отказаться и от Союзного договора, так как «очень мало шансов есть на создание даже и конфедеративного Союза республик». Свою позицию правозащитник аргументировал тем, что «мало кто захочет остаться в Союзе с Россией» из-за ее великого удельного веса[10].

Академик А. Д. Сахаров, избранный народным депутатом СССР, первым выступил против конституционной реформы в форме изменений и поправок Конституции 1977 г., за принятие новой Конституции страны. Страну он не определял как «государство» (тем более «единое»), а лишь как «Союз Советских Республик Европы и Азии» (вариант названия, предложенный В. И. Лениным в сентябре 1922 г.). Избранный I СНД СССР членом Конституционной комиссии, Сахаров первым предложил и проект такой Конституции. В декабре 1989 г., незадолго до своей скоропостижной кончины, он передал его народному депутату СССР от Литвы академику В. Статулявичюсу, который опубликовал проект в литовской «Комсомольской правде» 12 декабря 1989 г. В том же месяце он был напечатан в политическом еженедельнике «Новое время»[11].

Проект составлен на основе конвергенции («встречного плюралистического сближения») социализма и капитализма. Два десятилетия автор отстаивал эту позицию, видя в ней единственный путь к «кардинальному решению глобальных и внутренних проблем». В проекте она возведена в число первоочередных задач Союза. Исходя из нее, Сахаров предложил ликвидировать иерархическую структуру СССР, сделав субъектами Союза («структурными составными частями») все существовавшие в то время национально-государственные и национально-административные образования числом более пятидесяти. Кроме того, проект предполагал ликвидацию Российской Федерации как единого целого: вначале ополовинить, выведя из ее состава все автономии, затем оставшуюся часть разделить на четыре округа (Европейская Россия, Урал, Западная Си-

---

[10] *Белоцерковский В.* О будущей конституции и проекте Сахарова // Октябрь. 1990. № 10. С. 143.

[11] См.: *Сахаров А. Д.* За день до кончины... (Публикация незавершенного проекта Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии). С. 26–28.

бирь, Восточная Сибирь) «с полной экономической самостоятельностью». Академик Сахаров сформулировал и «цель народа Союза» — «счастливая, полная смысла жизнь», но свел ее лишь к гражданским правам человека, обойдя молчанием социально-экономические права.

В этом отношении значительно дальше пошел Институт государства и права АН СССР, который считал «важнейшей частью» Конституции Декларацию прав и свобод человека. Декларация заняла большую часть предложенной институтом концепции новой Конституции. Вслед за идеологами диссидентского движения 60–80-х годов составители концепции отстаивали приоритет прав «первого поколения» (политических и личных) над правами «второго поколения» (экономических и социально-культурных). Ведущие ученые института надеялись, что будущая Конституция станет гарантом перестройки[12], а его директор Б. Топорнин высказал нерешительную уверенность в принятии Конституции в 1991 г.[13]

Особое место в историографии проблемы занимают прикладные аналитические материалы 10 сотрудников Института этнографии АН СССР относительно статей новой Конституции СССР, затрагивающих тему национальных отношений. Опубликованные в 1990 г. в двух номерах журнала «Советская этнография», они отразили научное, политическое и идеологическое разномыслие авторов как в понимании этнонациональной ситуации в стране, так и в предложенных мерах для ее трансформации. Свою растерянность перед развернувшимся в стране социально-экономическим и политическим кризисом ученые попытались скрыть радикальностью своих противоречивых предложений: отказаться от принципа национальной государственности как противоречащего концепции правового государства и перейти к федерации преимущественно политико-территориальных образований без права выхода из Союза, одновременно «заморозив» существующее национально-государственное устройство СССР (Ю. В. Бромлей, С. В. Чешко); разработать «новое мышление» в сфере национальных отношений, чтобы радикальные реформы основывались «на какой-то генеральной концепции» (В. А. Тишков); четко обозначить право не только нации, но и этнических групп и каждого человека на национальное самоопределение (К. В. Чистов); в основу нового Союза положить идею «конфедерации федераций», предоставив любой национально-территориальной единице право на выход (М. Н. Губогло, Э. В. Тадевосян); нужна не Конституция, а Союзный договор, так как СССР из государства должен превратиться в Союз Суверенных Госу-

[12] Советское государство и право. 1990. № 4. С. 15.

[13] Там же. С. 14.

дарств и поскорее, иначе «от Советского Союза может не остаться не только Союза, но и ничего советского» (С. А. Арутюнов); строить Союз не на демократическом централизме, а на консенсусе субъектов, имеющих право на различные союзы в пределах СССР (О. И. Шкаратан); превратить СССР в «ассоциацию национальных автономий» с правом выхода (В. И. Козлов) [14].

Историография проблемы свидетельствует, что никто из участников дискуссии не ставил под сомнение необходимость радикальных перемен и их законодательного закрепления в новой Конституции. Изменения и дополнения в Конституцию СССР 1977 г. рассматривались как мера временная, переходная. Вопрос о предпосылках перемен практически никого из авторов не интересовал. Научную мысль волновали только перспективы, только они будоражили фантазию ученых. А ведь обращение к вопросу о социально-экономических и политических предпосылках реформы, как и всей перестройки, помогло бы многое прояснить и развеять иллюзии.

Корни предпосылок реформы уходят в экономику СССР середины — второй половины 1970-х годов, когда в силу ряда идеологических и политических причин экономическая реформа 1965 г., по мнению исследователей, была фактически свернута[15]. В действительности же она ушла в тень. Лишившись государственного и общественного контроля, она породила «теневую экономику». В то время как темпы социально-экономического развития страны падали, темпы «теневой экономики» нарастали. «Теневая экономика» стала «уродливым детищем» экономической реформы 1965 г., делавшей ставку на хозрасчет, прибыль, ограниченный рыночный обмен.

Развитие «параллельного» государственному производства и обмена было вначале вынужденной реакцией хозяйственников на растущий диктат союзных и республиканских министерств и ведомств, общая численность которых к середине 80-х годов достигла 900, а количество показателей, по которым они контролировали работу предприятий, выросла с 5 (в 1965 г.) до 1500 (в 1985 г.). «Подпольные» цеха с использованием неучтенных машин и оборудования помогали хозяйственникам выполнять и перевыполнять производственные планы, удовлетворять потребительский спрос населения, не избалованного официальным сек-

---

[14] Советская этнография. 1990. № 5. С. 3–19; Советская этнография. 1990. № 6. С. 3–9.

[15] См.: *Первушин С. И.* 25 лет спустя. (Почему не удалась экономическая реформа середины 60-х) // Социалистический труд. 1990. № 10. С. 92–95.

тором экономики. Этим поддерживался престиж не только хозяйственников, но и непосредственного партийного и советского руководства. Однако к концу 70-х годов «теневая экономика» превратилась в самостоятельный экономический фактор, а «теневики» — в серьезную социальную силу. Эта сила держалась не только на больших деньгах, но и на неофициальной поддержке высоких покровителей из среды областного, краевого, республиканского и союзного руководства. К началу 80-х годов «теневики» контролировали до четверти национального дохода СССР. Подпольные миллиарды стали неисчерпаемым источником подкупа должностных лиц всех уровней. С 1988 г. они серьезно укрепили материальную базу перестройки. Несмотря на необычайную остроту, проблема «теневой» экономики была закрыта не только для населения страны, но и для подавляющего большинства исследователей социально-экономических проблем советского общества. Она стала доступна широкой общественности только с конца 80-х годов[16]. Тем не менее спустя годы после перестройки в воспоминаниях ее главных исполнителей проблема обойдена молчанием[17].

В начале 80-х годов развернулась широкомасштабная борьба с преступлениями в экономической сфере. Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов инициировал ряд дел, самым громким из которых стало «Дело «Океан», о преступлениях в системе Минрыбхоза СССР. Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Андропов усилил борьбу. Она превратилась в настоящую войну с «теневиками» и их покровителями. Были арестованы сотни людей. Многие, не дожидаясь ареста и сохраняя честь семьи, кончали жизнь самоубийством. Центральные газеты того времени были переполнены некрологами о «скоропостижной смерти» ответственных работников. Люди уходили из жизни, не веря в грядущее торжество «нового мышления» и «правого дела».

---

[16] См.: ***Осипенко О.*** «Теневая экономика»: попытка политико-экономического анализа // Экономические науки. 1989. № 8; ***Он же.*** Кто разыгрывает карту «теневой экономики» // Социалистический труд. 1990. № 10; ***Синилов Г. К., Головнин С. Д.*** Нейтрализация теневой экономики — общегосударственная задача // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1990. № 3; ***Морин Ю., Лавров В.*** Кое-что о мафии. (О теневой экономике в СССР) // Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 12; ***Елькин А.*** Бедные и богатые. (О социальном расслоении советского общества) // Советские профсоюзы. 1991. № 11; и др.

[17] См.: ***Горбачев М. С.*** Жизнь и реформы: В 2 кн. Кн. 1. М., 1995; ***Рыжков Н. И.*** Десять лет великих потрясений. М., 1995. «Теневой экономики» частично коснулся А. Н. Яковлев, сведя ее к деятельности хозяйственников, которые использовали официальную экономику в собственных интересах (См.: ***Яковлев А. Н.*** Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 137).

В номенклатурных кругах ширились разговоры об угрозе «нового 1937 года». Выиграв несколько битв, Андропов тем не менее проиграл войну с преступностью. Он быстро сгорел в ней. Его неизлечимая болезнь стала таковой, когда ряды противников курса Генсека сплотились в борьбе за собственную жизнь. За редким исключением, ни одно из дел, начатых при Андропове, не было доведено до конца: ни «океанское», ни «ростовское», ни «московское», ни «хлопковое» и т. д. После смерти Андропова они были приостановлены, а при Горбачеве — Рыжкове прекращены. По словам М. С. Горбачева, андроповская политика «наведения порядка», с ее односторонним акцентом на «дисциплинарных мерах», дискредитировала «общую линию» и привела его к мысли о необходимости «более фундаментального подхода»[18].

Однако Ю. В. Андропов не просто наводил порядок. Он боролся за социалистическую законность, за соблюдение Конституции СССР 1977 г., запрещавшей частное предпринимательство, частную собственность и эксплуатацию человека человеком. С его уходом определились две крайних точки зрения на «теневую экономику»: одни считали ее «криминальной нишей» реальной экономики и настаивали на продолжении беспощадной борьбы, другие — образцом высокоэффективного хозяйствования, для которого узки рамки социалистического хозяйствования и уголовного законодательства[19].

Позиция последних усилилась с принятием Новой редакции Программы КПСС, притупившей коммунистическую идеологию и отодвинувшей задачу коммунистического строительства в отдаленную перспективу. Шел 1986 г. Вопрос о легализации «теневой экономики», допущении частной собственности и частного хозяйства стал предметом политической дискуссии. Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС выступил за «освобождение от предубеждений» в этом вопросе. По словам М. С. Горбачева, его одним из первых поддержал Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков[20]. И Рыжков признает, что в те годы они «дополняли друг друга»[21].

Осенью 1986 г. руководитель партии Горбачев, глава правительства Рыжков и глава государства А. А. Громыко добылись принятия Верховным Советом СССР Закона об индивидуальной трудовой деятельнос-

---

[18] *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 335.

[19] См. подробнее: *Осипенко О.* «Теневая экономика»: попытка политико-экономического анализа. С. 46.

[20] См.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 345.

[21] *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. С. 42.

ти. Это был первый, пусть маленький, но клин в основы строя, закрепленные Конституцией СССР. Закон стал первой победой сторонников частной собственности, которую они считали «главной общечеловеческой ценностью». Второй победой стал Закон о кооперации, принятый Верховным Советом СССР в мае 1988 г. по докладу Н. И. Рыжкова.

В марте 1988 г., пропагандируя проект Закона на IV съезде колхозников, М. С. Горбачев ни слова не сказал о частной собственности, об эксплуатации. Наоборот, упор делался на необходимость раскрепощения человеческой активности, возвышения творчества и мастерства, вовлечения каждого гражданина в управление делами общества[22]. Более того, Горбачев официально осуждал политиков, открыто отстаивавших необходимость частной собственности. В ноябре 1988 г. на заседании Президиума ВС СССР он критиковал «товарищей из Эстонии» по этому вопросу. «Частная собственность, — говорил он, — это, как известно, основа эксплуатации человека человеком, а наша революция совершалась именно для того, чтобы ее ликвидировать, передать все в собственность народа. Пытаться восстановить ее — значит толкать назад, это глубоко ошибочное решение»[23].

Г. Шахназаров, бывший помощник Генсека, а затем Президента, утверждал, что даже в 1990 г. Горбачев «не мог перешагнуть через высшую заповедь ортодоксального социализма — отрицание частной собственности»[24]. Это заблуждение. Слишком опытным политиком был М. С. Горбачев, чтобы говорить людям правду, всю правду и сразу, даже если они входили в узкий круг его помощников. Он яркий представитель дозированной правды, позволявшей в случае необходимости спрятаться за недоговоренностями, ускользнуть от честного ответа и ответственности. До конца 80-х годов лидеру компартии открыто идти в массы под флагом восстановления частной собственности было равно самоубийству. Для этого существовали другие люди.

Тем не менее политического самоубийства М. С. Горбачев не избежал. Самым серьезным шагом к нему стал Закон о кооперации, реализация которого бумерангом ударила и по его инициаторам, и по обществу, и по Конституции союзного государства, да и по самому государству. Закон не способствовал увеличению общественного производства путем создания производственных кооперативов в дополнение к госу-

---

[22] См.: *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 6. М., 1989. С. 143.

[23] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 7. С. 142.

[24] *Шахназаров Г.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 191.

дарственным предприятиям. Зато он позволил превратить подпольные цеха в кооперативы при предприятиях, а «цеховиков» — в кооператоров. Они получили весьма льготные налоги, существенно отличавшиеся от налогов на государственные предприятия. Это позволяло платить работникам зарплату в два-три раза выше, чем на госпредприятиях. При этом выпускалась та же продукция и использовались государственные средства производства. Подобная кооперативная политика ударила по трудовым коллективам, расколов их. А ведь, согласно Конституции СССР 1977 г., они были основой экономической и политической систем общества.

Кроме того, созданные кооперативы стали главным каналом перевода безналичных денег в наличные, что заставило правительство страны на порядок увеличить производительность печатного станка, т. е. денежную эмиссию. До этого миллиарды безналичных рублей на счетах госпредприятий существовали только для взаиморасчетов, на них ничего нельзя было купить, они не давили на товарную массу. После этого огромная денежная масса раздавила товарную. Менее чем за год опустели полки в магазинах и на складах. Социально-экономическая ситуация в стране резко обострилась.

Наконец, кооперативы монополизировали право госпредприятий на внешнеэкономическую деятельность, которое те получили в 1987 г. по Закону о госпредприятии (объединении). Это право использовалось для перекачки товарной и денежной массы за рубеж.

Н. И. Рыжков считал разработанную при его активном участии кооперативную политику «позитивной тенденцией» в реформировании экономических отношений, несмотря на ее «неприятности и издержки» («искривления», по Горбачеву)[25]. Поскольку в своих воспоминаниях он неоднократно обращался к мнению А. Солженицына, называя его слова пророческими, последуем его примеру. Так вот, в своей последней книге «Россия в обвале» А. И. Солженицын назвал кооперативы, созданные «в сросте с государственными предприятиями и за их счет», лжекооперативами. Свою оценку писатель дополнил народной мудростью: «Не пори, коли шить не знаешь»[26].

Курс, взятый новым руководством страны на перераспределение общенародной собственности, надо было закрепить перераспределени-

---

[25] *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. С. 228.

[26] *Солженицын А.* Россия в обвале. М., 1998. С. 19. Н. Рыжков приписывает этот «срост» лоббистам в прессе и новом Верховном Совете, которым нельзя было противостоять. Однако это некорректно. «Срост» был заложен в концепцию кооперативной политики, для этого она и была разработана. Будь иначе, вся перестройка теряла бы смысл.

ем власти, в противном случае его ожидала бы судьба нэпа, а Горбачева и Рыжкова — судьба Бухарина и Рыкова. Подставив под растущий новый класс табурет, с его шеи не сняли петлю уголовного права. Жить под страхом ареста, тюрьмы, смертной казни? Так жить нельзя! Но и кусок общей собственности выпускать из рук не хотелось. Разрешить противоречие мог лишь коренной пересмотр Основного Закона государства. С этой целью и была начата политическая, прежде всего конституционная, реформа в СССР. В руках реформаторов Конституция СССР 1977 г. вскоре превратилась, по эмоциональному выражению Н. Рыжкова, в «уличную девку»[27]. Начало «обвальной и бесцеремонной перекройки» Конституции бывший глава бывшего союзного правительства относит к 1988 г. Это действительно так. Процесс начался после принятия Закона о кооперации. Проследим его основные этапы.

В развитии конституционной реформы отчетливо различаются два основных этапа. Первый (1988–1989) — этап становления парламентской формы правления, второй (1990–1991) — этап становлеия президентской формы правления. Лозунг первого этапа — «Вся власть Советам!», второго — «Вся власть Президенту!».

По ряду причин реформа была прервана, осталась незавершенной. В большом историческом плане она была политической контрреволюцией, закреплявшей и углублявшей социально-экономический переворот[28]. Каким же образом она началась в стране, которая жила под красным знаменем Октября? Для этого ее вначале нарядили в революционные одежды, назвав продолжением дела Октября, революцией, правых представили левыми, левых — правыми. В стране массовой грамотности идеологи перестройки, используя монополию на информацию, метод дозированной правды (полуправду), мощь партийно-государственного агитационно-пропагандистского аппарата и партийную дисциплину, произвели аберрацию (смещение) политического сознания народа. Это удивительное явление достойно самостоятельного исследования. В данной статье оно будет затронуто лишь в силу необходимости.

---

[27] *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. С. 334. В книге это выражение приписывается «одному небезызвестному народному депутату» без указания фамилии. Поскольку Н. И. Рыжков с ним согласен, то правомочно эту оценку приписать и самому автору воспоминаний.

[28] Задним числом контрреволюцией назвал всю перестройку один из ее активных участников (см.: *Шахназаров Г.* Цена свободы... С. 174). В 1992 г. «очагом контрреволюции в СССР» назвал ЦК КПСС под руководством М. С. Горбачева А. С. Цинко, работавший в аппарате ЦК в годы перестройки (см.: *Цинко А.* Правда никогда не опаздывает // Яковлев А. Предисловие. Обвал. Послесловие. С. 4).

До 1 июля 1988 г. руководство страны официально не вело речь о необходимости конституционной реформы. Речь шла только о развитии законодательства на основе Конституции СССР 1977 г. Например, в Политическом отчете ЦК КПСС XXVII съезду партии ставилась задача — ускорить подготовку предусмотренных Конституцией закона о всенародном обсуждении и голосовании по крупным вопросам жизни страны и закона о порядке обжалования в суд неправомочных действий должностных лиц[29]. Ни слова о необходимости пересмотра Конституции не было сказано в докладе Генерального секретаря на XIX Всесоюзной партконференции, с которым он выступил по поручению ЦК КПСС 28 июня 1988 г. Выдвинув целую концепцию реформы политической системы, которая фактически ломала Основной Закон, Генсек одновременно призвал «действовать строго в рамках Конституции СССР и советских законов»[30].

В пяти из семи резолюций конференции этот призыв был выдержан. Даже в резолюции «О правовой реформе», которая, по словам А. А. Громыко, являлась «как бы надстройкой над надстройкой», речь шла о строгом соответствии принимаемых законов и постановлений Конституции СССР, об укреплении конституционного режима[31]. Однако принцип «ломай, строго сохраняя целостность» продержался недолго, три дня.

1 июля положение о необходимости внесения изменений в Конституцию СССР было включено в резолюцию «О демократизации советского общества и реформе политической системы». А к вечеру того же дня, закончив речь при закрытии партийного форума, Горбачев, сославшись на поручение Президиума конференции, неожиданно предложил седьмую резолюцию, редакционная комиссия по подготовке проекта которой не выбиралась. Это была резолюция «О неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны». Согласно ей, конференция высказалась за внесение на рассмотрение очередной(!) сессии Верховного Совета СССР проектов ряда законодательных актов, в том числе о дополнениях и изменениях в Конституцию СССР[32]. Эта резолюция дала старт конституционной реформе, ставшей центральным звеном политической реформы. Благодарный Генеральный секретарь разрешил делегатам из провинции задержаться в столице на несколько дней по своим делам.

---

[29] См.: *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 3. М., 1987. С. 241, 242.

[30] Там же. Т. 6. С. 389.

[31] XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стеногр. отчет: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 171–173.

[32] Там же. С. 185, 186.

Дополнения и изменения в Конституцию должны были закрепить преобразования в политической системе, а последние — радикальную ломку социально-экономических отношений. М. С. Горбачев в докладе на конференции назвал следующие пять причин, диктовавших необходимость реформы политической системы: во-первых, при Сталине сложились командно-административные методы управления, которые серьезно деформировали систему; во-вторых, система не смогла предохранить страну от застоя в социально-экономической жизни последних десятилетий и обрекла на неудачу предпринимавшиеся тогда реформы; в-третьих, система привела к чрезмерному огосударствлению общественной жизни, «спеленала» общество, породив «теневую» экономику и культуру; в-четвертых, система приспособлена выполнять главным образом валовые распоряжения и указания; в-пятых, государственные структуры обюрократились[33].

В докладе было выдвинуто семь задач политической реформы по преодолению пяти пороков системы: включить трудящихся в управление страной на деле; открыть простор саморегулированию и самоуправлению общества; отладить механизм выявления интересов и воли всех классов и социальных групп; обеспечить условия свободного развития каждой нации и народности, укрепления их дружбы и равноправного сотрудничества; укрепить социалистическую законность и правопорядок, исключив узурпацию власти; четко разграничить функции партийных и государственных органов[34].

Конференция одобрила эти задачи и постановила их решение начать с реформирования системы Советов, которые, согласно Конституции СССР 1977 г., являлись политической основой СССР и основой госаппарата. Обеспечение полновластия Советов было определено как решающее направление реформы политической системы. Однако главным решением конференции стало предложение, занявшее четыре строки в одной из семи резолюций. Оно звучало так: «Повышению роли представительных органов способствовала бы рекомендация на должности председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов»[35]. Этому решению конференции М. С. Горбачев придавал особое значение. Оно позволяло ему, совместив должности Генсека и Председателя Верховного Совета СССР, контролировать всю вертикаль партийно-государственной власти. Этот пункт резолю-

[33] Там же. Т. 1. С. 46–48.

[34] Там же. С. 48–49.

[35] Там же. Т. 2. С. 137.

ции «О демократизации» голосовался отдельно. Из 4986 делегатов против него проголосовало 209. Один внимательный делегат конференции, писатель О. Сулейменов, рассказывал, что после подсчета голосов Горбачев облегченно вздохнул и бросил многозначительную реплику: если бы не прошло это предложение, он бы не голосовал и за всю резолюцию о демократизации[36]. «Странным» образом реплика не вошла в стенографический отчет конференции.

В конце июля 1988 г. на Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев выдвинул план работы по перестройке Советов, рассчитанный на год. Он включал в себя выборы народных депутатов СССР, реорганизацию высших государственных органов Союза, органов власти республик, краев, областей, округов, городов, районов, поселков и сельской местности. Он особо подчеркнул необходимость провести в Советы людей, способных осуществлять «новые функции в условиях решительного усиления Советов»[37]. Перетряхнуть кадры Советов, заменить «неблагонадежных» и неверных новому руководству другими, своими кадрами было, вероятно, «побочной», а может быть, и главной целью перестройки Советов.

Крупномасштабные дела требовали правовой базы. Поэтому июльский Пленум ЦК постановил создать специальную комиссию ЦК для подготовки ряда существенных дополнений и изменений в Конституцию, в законодательство о выборах и другие правовые акты. В конце сентября 1988 г. Политбюро ЦК обсудило проект нового избирательного закона и проект изменений и дополнений Конституции СССР в связи с политической реформой и внесло законопроекты в Комиссию ЦК по вопросам подготовки и проведения реформы. В октябре они были вынесены на всенародное обсуждение.

В ходе обсуждения М. С. Горбачев, совместивший к тому времени должности Генерального секретаря и Председателя Президиума ВС СССР, подчеркивал решимость руководства «дополнять и совершенствовать» Конституцию для предотвращения «чрезмерной концентрации власти в руках узкого круга людей», исключения самой возможности «узурпации власти и злоупотребления ею»[38]. Такие заявления вдохновляли народ, помнящий периодический беспредел властей. 26 ноября законопроекты были одобрены Президиумом ВС СССР, 28 ноября —

---

[36] См.: *Сулейменов О.* За что я голосовал на конференции // Литературная газета. 1988. 13 июля.

[37] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 6. С. 516.

[38] Там же. Т. 7. С. 58.

Пленумом ЦК КПСС, а 29 ноября вынесены на внеочередную XII сессию ВС СССР 11-го созыва. По докладу М. Горбачева сессия приняла два закона: 1) Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР; 2) О выборах народных депутатов СССР.

Основные положения законов сводились к следующему. Прежде всего кардинально перестраивался верхний этаж системы Советов. Высшим органом государственной власти становился Съезд народных депутатов (СНД) в составе 2250 человек. Из своего состава он избирал Верховный Совет как постоянно действующий законодательный, распорядительный и контрольный орган государственной власти в составе 544 человек. Верховный Совет состоял из двух равных по численности и правам палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Первая избиралась съездом из числа депутатов от территориальных избирательных округов и от общественных организаций, вторая — из числа депутатов от национально-территориальных округов и от общественных организаций. В состав палат не входили избираемые съездом Председатель Верховного Совета (высшее должностное лицо государства) и его первый заместитель. Должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР упразднялась. Сам же Президиум ВС сохранялся. Его главной задачей было обеспечение организации работы СНД и ВС. В отличие от старого Президиума новый не наделялся правом вносить изменения в законодательство, издавать нормативные указы, заменять в межсессионный период Верховный Совет.

Конституция дополнялась идеей разделения законодательной и исполнительной власти с судебной путем учреждения нового органа — Комитета конституционного надзора (ККН). Избираемый съездом, он подчинялся только Конституции. Его задачей был надзор за союзным и республиканским законодательством в смысле соответствия его Основному Закону. Ему, однако, не были поднадзорны акты, принятые СНД СССР, и он не вправе был отменять противоречащие Конституции СССР и законам СССР акты. Он мог лишь констатировать противоречие.

Идея разграничения законодательной и исполнительной власти была заложена в запрете совмещения депутатских обязанностей с должностными в органах, подотчетных Совету (ст. 96). Должностные лица, избираемые или назначаемые Советами, не могли занимать свои посты более 2 сроков подряд.

Глава 13 «Избирательная система» предусматривала не только избрание депутатов от территориальных и национально-территориальных округов, но и прямое представительство от общественных организаций. К их числу впервые была отнесена и КПСС (ст. 95). Конституционное закрепление получил принцип альтернативных выборов (из нескольких

кандидатов). Для предварительного отбора кандидатов в депутаты от округов создавался фильтр в лице окружных предвыборных собраний.

Несмотря на внешнюю демократичность нововведений, в них содержался один крупный порок — отступление от демократических принципов избирательной системы, закрепленных в Конституциях СССР 1936 и 1977 гг. Прямые выборы Верховного Совета СССР заменялись двухступенчатыми, равные выборы — неравными. Члены руководящих органов общественных организаций (главным образом номенклатурные работники) обладали большим количеством голосов, чем простые избиратели. Под занавес своей работы народные депутаты высшего законодательного органа страны, избранные еще при К. У. Черненко, подложили бомбу под советскую демократию, выстраданную десятилетиями политического развития. Она дала тактический выигрыш реформаторам, позволила «войти во власть» многим активным сторонникам перестройки «по Горбачеву», но привела к стратегическому поражению. Попрание демократических норм породило у союзных и республиканских депутатов «новой волны» правовой нигилизм, пренебрежительное отношение к Конституции СССР, что с особой силой проявилось в 1991 г.

Политическая практика на основе принятых законов состоялась в марте–июне 1989 г.: были избраны народные депутаты СССР и состоялся их I Съезд, который работал 13 дней (25 мая–9 июня 1989 г.). Съезд избрал Председателя Верховного Совета СССР (М. С. Горбачев), его первого заместителя (А. И. Лукьянов), Верховный Совет СССР, утвердил Председателя Совета Министров СССР (Н. И. Рыжков)[39]. Дополнений и изменений в Конституцию Съезд не внес, но вопрос о развитии конституционной реформы затронул в 3 документах — в докладе Председателя ВС СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» и в двух из 26 постановлений («Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» и «Об образовании Конституционной комиссии»).

В докладе Председателя Верховного Совета СССР содержалось два взаимоисключающих предложения. М. С. Горбачев, с одной тороны, предостерег депутатов от поспешной корректировки действующей Конституции, поскольку она «слишком важный политический документ, чтобы

[39] В стенографическом отчете съезда ошибочно указана должность А. И. Лукьянова под постановлением Съезда от 25 мая об избрании Председателя ВС СССР – «Первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР» (Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. Стеногр. отчет. М., 1989. Т. 3. С. 351). В действительности таковым он стал лишь 29 мая, а до этого был первым заместителем Председателя Президиума ВС СССР.

приспосабливать его текст к тем или иным возникающим ситуациям»; с другой — предложил разработать и принять новую Конституцию. Но второе предложение было облечено в замысловатую форму. Заявив о необходимости закрепить в новой Конституции «революционные преобразования», Горбачев сразу оговорился, что «сейчас, в разгар реформ, у нас еще нет возможности учесть весь комплекс вопросов, которые должны найти отражение в новом Основном Законе»[40]. Странную логику Председателя ВС прояснило постановление Съезда, принятое по докладу. Съезд постановил одновременно решать обе задачи: и дополнять действующую Конституцию, поручив Верховному Совету уже к очередному Съезду подготовить необходимые поправки, и безотлагательно начать работу по подготовке новой Конституции, поручив эту работу созданной Конституционной комиссии. Новая Конституция должна была стать Конституцией «демократического социализма». Возглавить работу по двум документам было поручено М. С. Горбачеву. Практика показала, что с этой работой он не справился. К весне 1991 г. работа по двум указанным документам была заброшена, а Горбачев взялся за третий — Союзный договор.

Съезд образовал Конституционную комиссию в составе 107 человек. Ее председателем стал М. С. Горбачев, заместителем — А. И. Лукьянов. 55% членов комиссии были представителями высшего партийного руководства — секретари ЦК КПСС, республиканских ЦК, обкомов, крайкомов, члены ЦК КПСС и его аппарата. Около 40% были представителями научной и творческой интеллигенции, в том числе такие крупные юристы, как вице-президент АН СССР, академик В. Н. Кудрявцев и директор Института государства и права АН СССР, член-корреспондент АН СССР Б. Н. Топорнин. Среди остальных — один митрополит и двое рабочих. В состав комиссии вошли 4 лидера оппозиции, образовавшей на Съезде Межрегиональную депутатскую группу (МРДГ), — Б. Н. Ельцин, Г. Х. Попов, А. Д. Сахаров, А. А. Собчак.

Сахаров, выступив в прениях по составу комиссии, предложил подготовить два альтернативных проекта Конституции и рассматривать их «на равной основе»[41]. Однако предложение не было проголосовано, поскольку не относилось к существу обсуждаемого вопроса. Тем не менее А. Д. Сахаров, как один из сопредседателей МРДГ, взял на себя инициативу и, не будучи юристом, за несколько месяцев подготовил

---

[40] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 7. С. 589. Позиция Горбачева, выраженная в оговорке, в дальнейшем фактически парализовала работу Конституционной комиссии.

[41] Первый съезд народных депутатов. Стеногр. отчет. Т. 3. С. 298.

свой проект Конституции. Комиссия же во главе с М. С. Горбачевым, включавшая крупных юристов, под руководством которых работали целые институты, не смогла разработать проект за несколько лет. Это результат прежде всего безответственной организации работы комиссии. А организаторами были М. С. Горбачев и А. И. Лукьянов — оба юристы, поднявшиеся на вершину партийной и государственной власти по извилистым и каменистым номенклатурным тропам.

Вспоминая 1989 г., I Съезд, М. С. Горбачев высказал следующую мысль-жалобу, которая в вольном изложении (но точном по существу) выглядит следующим образом: все было хорошо, все шло по плану, да радикал-демократы помешали. Родившись весной 1988 г. в борьбе против правительственного плана реформы цен (либерализации цен), они затем сплотились в Межрегиональную депутатскую группу, переросшую в партию «Демроссия». Вождем у них был А. Д. Сахаров, а главным идеологом Г. Х. Попов. Все лидеры радикал-демократов, за исключением Сахарова, были членами КПСС. После Съезда набрав силу, радикально-демократическая оппозиция «начала систематически подрывать фундамент власти на путях циничного популизма и разжигания националистических спекуляций»[42].

Мысль, конечно, интересна, но жалоба безосновательна. Радикал-демократы появились тогда, когда часть политически активной интеллигенции поняла, что если не поторопиться, то можно не успеть к номенклатурному дележу общенародной собственности. Ей пришлось много поработать, чтобы протиснуться сквозь плотные ряды. До осени 1990 г. радикал-демократы были агрессивно-активной опорой вдохновителей и организаторов перестройки, у них они научились известному популизму — бороться за свои интересы под знаменем борьбы за интересы народа. Между ними было только два существенных различия. Вожди перестройки имели богатый опыт пребывания в «коридорах власти», поэтому были осторожнее, боясь эту власть потерять: демократы такого опыта не имели (кроме Б. Ельцина), поэтому были инициативнее. Первые долго представляли свою политику как продолжение дела Великого Октября, вторые были честнее.

В декабре 1989 г. состоялся II Съезд народных депутатов СССР. К этому Съезду МРДГ подготовила проект новой Конституции («Конституция Сахарова»)[43]. Как отмечалось в историографической части статьи, это был радикальный проект. Он отрицал социалистический ха-

[42] *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 361, 437, 443–444.

[43] В историографии этот проект представлен как «незавершенный».

рактер государства и кардинально перекраивал его национально-государственное устройство. Но он сохранял территориальную целостность государства и его советский характер. Нам неизвестно, обсуждался ли этот проект в Конституционной комиссии, но на II Съезде народных депутатов он не обсуждался.

II Съезд обсуждал вопросы уточнения, изменения и дополнения действующей Конституции СССР. С докладами по ним выступили два члена Конституционной комиссии: А. И. Лукьянов — первый заместитель Председателя ВС СССР (доклад «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР по вопросам избирательной системы») и Е. М. Примаков — Председатель Совета Союза ВС СССР (доклад «О проекте регламента Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР»). Съезд принял 3 конституционных закона: 1) «Об уточнении некоторых положений Конституции (Основного Закона) СССР по вопросам порядка деятельности Съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета СССР и их органов» от 20 декабря 1989 г.; 2) «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР по вопросам избирательной системы» от 20 декабря 1989 г.; 3) «Об изменениях и дополнениях ст. 125 Конституции СССР» от 23 декабря 1989 г.[44] Кроме указанных законов Съезд принял постановление «О поручениях Верховному Совету СССР и Конституционной комиссии по некоторым конституционным вопросам» от 19 декабря 1989 г.[45]

Основные решения съезда по конституционным вопросам сводились к следующему: предоставлено право республикам самостоятельно решать вопрос об учреждении Съезда народных депутатов, о сроках и порядке назначения выборов, определении структуры низовых звеньев местных Советов; Верховный Совет СССР получил право выразить недоверие правительству СССР; коллективы средних специальных и высших учебных заведений получили право на выдвижение кандидатов в народные депутаты; общественные организации лишились права непосредственного избрания народных депутатов; конституционный надзор распространялся не только на проекты, но и на сами законы и иные акты, принятые СНД. II Съезд поручил Верховному Совету СССР принять серию конституционных законов и представить очередному Съезду предложения о внесении в Конституцию СССР связанных с этим изменений и дополнений.

---

[44] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 28. Ст. 538, 540; № 29. Ст. 574.

[45] Там же. № 28. Ст. 537.

Решения II Съезда народных депутатов завершают первый этап конституционной реформы в СССР, в ходе которого шла постепенная передвижка власти от партии к Советам, от ЦК КПСС к Верховному Совету СССР. Старая площадь уступала место Кремлю мирным, дискуссионным путем. На втором этапе борьба за власть развернулась в самом Кремле. Она проходила на фоне резкого обострения социально-экономической ситуации в стране. Экономическая политика правительства, определенная в 1988 г., дала свои первые результаты в 1989 г. Впервые после Великой Отечественной войны произошел обвал экономики. Национальный доход сократился по сравнению с 1988 г. почти на 10 процентов, дефицитом стало все. Между республиками, краями, областями, городами началась экономическая война по поводу товарного запаса. По стране прокатились забастовки рабочих, в авангарде которых стали возглавленные «демократами» шахтеры. Капитал уверенно вбивал клин в социальную и межнациональную общность людей.

В этих условиях в марте 1990 г., через два с половиной месяца после II Съезда, в спешном порядке был созван внеочередной III Съезд народных депутатов СССР. Он внес радикальные изменения в политическую и экономическую системы общества. 12 марта 1990 г. с докладом «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР и учреждении поста Президента» на съезде выступил А. И. Лукьянов[46]. Он предложил изменить форму государственного строя, сложившегося в стране после 1917 г. Один из лидеров советской власти предложил высшему советскому форуму резко ограничить власть Советов, передав ее вновь учреждаемому институту президента, в значительной мере независимого от представительной системы.

Его поддержал С. С. Алексеев — председатель Комитета конституционного надзора. Он обосновал необходимость института президентства тем, что лозунг «Вся власть Советам!» ведет к диктатуре и противоречит идее «разделения властей»[47]. Другие делегаты смену курса реформы (от власти Советов к власти президента, от народовластия к единовластию) обосновывали двумя аргументами: во-первых, срочной необходимостью стабилизации внутриполитического положения в стране; во-вторых, усилением личной ответственности за проводимые преобразования. М. С. Горбачев и его единомышленники выступили на Съезде радикальнее радикалов, которые протестовали против введения поста президента.

---

[46] Правда. 1990. 13 марта.

[47] Там же.

III внеочередной Съезд народных депутатов СССР 14 марта 1990 г. принял Закон «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР». В политической сфере основные положения Закона сводились к трем: учрежден институт сильного президентства; устранена норма ст. 6 Конституции о КПСС как ядре политической системы; введено положение о многопартийности.

Закон от 14 марта 1990 г. характеризовал президента как «главу государства», лишил Верховный Совет СССР распорядительных функций, сохранив за ним лишь законодательные и контрольные. Закон интегрировал президента в структуру исполнительной власти, замкнув на него большую часть деятельности Совета Министров. Президент наделялся правом законодательной инициативы, утверждения законов и множеством других прав, сравнимых с правами американского президента. По Закону, президент не мог быть народным депутатом и избирался непосредственно избирателями. Высшие органы советской власти (СНД и ВС СССР) могли контролировать его работу лишь в форме заслушивания ежегодных докладов о положении страны. Закон предусматривал досрочное смещение президента Съездом народных депутатов. Исследователи отмечали, что Закон от 14 марта 1990 г. не создал в СССР президентскую форму правления. Он дал лишь тенденцию к сочетанию признаков парламентской и президентской республик в рамках и на основе советской власти, т. е. вводил смешанную форму правления[48]. Однако эта тенденция очень скоро стала трансформироваться в тенденцию сильного президента и слабого парламента с целью правового обеспечения устойчивого наступления Капитала на Труд.

В нарушение ими же принятого закона, делегаты Съезда, исходя из угрозы нависшей над страной гражданской войны[49], непосредственно на съезде избрали первого Президента СССР. Им стал М. С. Горбачев, активный борец против угрозы узурпации власти и концентрации ее в руках узкого круга людей на заре конституционной реформы. Предложения провести всенародные выборы президента СССР были отвергнуты, попытки провести выборы на альтернативной основе были блокированы. Самовыдвиженец А. Оболенский был отведен на этапе составления списка кандидатов, кандидаты Н. И. Рыжков и В. В. Бакатин взяли самоотвод.

---

[48] См.: *Овсепян Ж. И.* О ходе конституционной реформы в СССР. С. 14.

[49] Об этом говорил старейший народный депутат Д. С. Лихачев (Известия. 1990. 16 марта. С. 5).

Закон от 14 марта 1990 г. внес крупные изменения и в экономическую систему общества, конституционно закрепив экономический курс, взятый в 1988 г. Он создал правовые основы для преодоления монополии государства в системе отношений собственности. В перечне форм собственности на первое место была поставлена собственность граждан, в которую впервые была включена собственность производственного назначения. Закон закрепил новые формы коллективной собственности — арендная, акционерная. Это упрощало процесс сращивания «теневой» экономики с официальной.

Закон также создал правовые основы для преодоления монополии союзного государства в системе отношений собственности: вместо категории «исключительная собственность государства на природные ресурсы» была введена новая — «неотъемлемое достояние народов, проживающих на данной территории», а государственная собственность дифференцировалась на общесоюзную собственность, собственность союзных, автономных республик, автономных областей, округов и административно-территориальных единиц (ст. 10 и 13 Конституции СССР в редакции от 14 марта 1990 г.).

После перестройки республиканских органов власти, которая произошла летом 1990 г., радикализм сторонников президентской системы правления в СССР усилился. 24 сентября 1990 г. они провели через Верховный Совет СССР Закон «О дополнительных мерах по стабилизации экономической и общественно-политической жизни страны». Закон наделил президента правом законотворчества по вопросам, относящимся к компетенции ВС СССР, правда, с оговоркой, что это право дано на срок до 31 марта 1992 г., т. е. на полтора года. Закон фактически размыл грань между законодательной и исполнительной властью. Он развязывал президенту руки в историческом деле протаскивания частной собственности в правовое поле.

В декабре 1990 г., ссылаясь на паралич исполнительной власти и разрастающийся конституционный кризис в СССР, IV Съезд народных депутатов СССР вновь усилил власть Президента СССР. 26 декабря он принял Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления»[50]. Закон упразднил Совет Министров СССР и должность его Председателя, учредил Кабинет Министров в качестве исполнительного и распорядительного органа. Кабинет формировался президентом и подчинялся непосредственно ему. Роль Верховного Совета СССР ограничивалась учас-

[50] Известия. 1990. 28 декабря.

тием в согласовании вопроса. Закон продолжил курс на формирование структур президентской формы правления: был учрежден пост вице-президента СССР, созданы Высшая государственная инспекция, подчиненная президенту, Совет Безопасности при президенте, Совет Федерации. Последний из совещательного при президенте становился самостоятельным под руководством президента. Он должен был контролировать деятельность высших органов государственного управления Союза и республик, а также обеспечивать «соблюдение Союзного договора».

Высокую оценку Закону дал А. И. Лукьянов, сменивший М. С. Горбачева на посту Председателя Верховного Совета СССР в марте 1990 г. Он отметил, что Закон позволит президенту «активно влиять на все сферы реализации законов и других важнейших государственных решений»[51]. Положительное значение Закона отмечал и Председатель редакционной комиссии Съезда, академик В. Н. Кудрявцев[52].

Упоминание о Союзном договоре в Законе от 26 декабря 1990 г. свидетельствовало о новом крутом повороте конституционной реформы. На этом повороте проблема Конституции выскочила из колеи реформ. В 1991 г. речь уже шла не о судьбе Основного Закона союзного государства, а о судьбе самого государства. М. С. Горбачев объяснял необходимость перехода от одной радикальной реконструкции (учреждение поста президента) к другой (заключению Союзного договора) начавшимся «парадом суверенитетов». «Единственным средством воспрепятствовать развалу Союза, — отмечал он, — стала неотложная подготовка нового Союзного договора»[53].

Однако свои чрезвычайно широкие полномочия Президент СССР использовал вопреки конституционной клятве сохранять суверенитет и территориальную целостность СССР. В августе 1991 г. эту обязанность попытались взять на себя члены ГКЧП, но потерпели поражение и оказались в тюрьме. А Президент СССР и высшие руководители 10 союзных республик 2 сентября 1991 г. выступили с Заявлением, в котором фактически приостановили действие Конституции и объявили переходный период для принятия новой Конституции[54]. Эта позиция была закреплена в двух актах V внеочередного Съезда народных депутатов СССР (сентябрь 1991 г.): Законе «Об органах государственной власти и управления

---

[51] Там же. 23 декабря.

[52] См.: *Кудрявцев В. Н.* В Конституцию СССР внесены изменения. С. 3–6.

[53] *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 491, 525.

[54] Заявление Президента СССР и высших руководителей союзных республик // Известия. 1991. 2 сентября.

Союза ССР в переходный период» и Постановлении «О мерах, вытекающих из совместного заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик и решений внеочередной сессии Верховного Совета СССР»[55]. Под давлением президента СССР и его сторонников, съезд постановил прекратить деятельность Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, т. е. фактически распустил высшие органы государственной власти СССР. Как отмечал государствовед Д. Л. Златопольский, решение V Съезда народных депутатов СССР, находившееся в вопиющем противоречии с волей народа, означало нормативное решение о разрушении СССР[56]. Оно проложило путь к Беловежской пуще.

В литературе существует немало гипотез о причинах распада СССР. Изучение истории конституционной реформы в СССР в период перестройки позволяет, как в зеркале, увидеть среди главных причин буржуазное перерождение правящих кругов. Буржуазная контрреволюция в СССР нанесла свой первый удар в 1988 г. по трудовым коллективам, а закончила ударом по союзному государству. Помощь мирового капитала отечественному играла в этом процессе важную, но второстепенную роль.

---

[55] Известия. 1991. 6 сентября.

[56] См.: *Златопольский Д. Л.* Разрушение СССР: (Размышление о проблеме). М., 1998. С. 35.

А. С. Барсенков

Реформы М. С. Горбачева и судьбы союзного государства

Вопрос о связи распада СССР с реформами второй половины 80-х годов все чаще привлекает внимание исследователей. Катастрофические последствия дезинтеграции одной из сверхдержав, проявляющиеся в экономической, политической, внешнеполитической, духовной жизни нашей страны, заставляют вновь и вновь обращаться к вопросу о том, насколько это событие было исторически неизбежным, какова роль тех или иных факторов, приведших к Беловежскому соглашению 1991 г.

Политическая важность и злободневность темы предопределили полярность существующих оценок. В литературе встречаются обоснования исторической обреченности СССР, а его распад рассматривается как проявление общей закономерности, связанной с нежизнеспособностью многонациональных империй. Другие авторы полагают, что СССР пал жертвой негативного стечения ряда обстоятельств, взрывоопасное сочетание которых могло и не сложиться. На одном из центральных мест в публикациях стоит вопрос о роли субъективного фактора, позиции различных частей политической элиты СССР, и встречающиеся здесь оценки также часто противоположны.

Нынешняя историографическая ситуация характеризуется тем, что, в отличие от прежних лет, помимо традиционных источников исследователи уже сейчас располагают мемуарными публикациями многих участников событий. Воспоминания М. С. Горбачева, А. Н. Яковлева, В. А. Медведева, Э. А. Шеварднадзе, Н. И. Рыжкова, В. И. Воротникова, Е. К. Лигачева и др., книги их политических сторонников и оппонентов — при всей их субъективности — позволяют лучше представить менталитет высшего руководства страны той эпохи, понять мотивы и причины принятия тех или иных решений. В то же время определенная историческая дистанция позволяет уже сейчас более взвешенно анализировать сложные перестроечные перипетии.

На наш взгляд, в литературе последних лет более корректно и полно, чем ранее, поставлена проблема исторических предпосылок преобразований середины — второй половины 80-х годов[1]. Прежде всего обосновывается мысль о том, что необходимость перемен во всех сферах

---

[1] См., напр.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; *Шубин А.* Истоки перестройки. Т. 1, 2. М., 1997.

социально-экономической жизни вызревала постепенно в ходе длительного периода противостояния СССР и США в «холодной войне». Связанная с ней гонка вооружений оказала огромное деформирующее влияние на экономическое развитие и формирование структуры производства. Наша страна была вынуждена вступить в соревнование по производству вооружений с потенциальным противником, уступая ему по экономическому потенциалу в 6–8 раз. СССР предстояло конкурировать с государством, занимающим исключительно благоприятное геополитическое и географическое положение, имеющим возможность опираться на интеллектуальный и технологический потенциал всего Запада. СССР же должен был обеспечивать свою защищенность на традиционном сухопутном театре военных действий и одновременно создавать новые средства ведения войны, ставящие под угрозу потенциального противника[2].

Так родилась гонка ракетно-ядерных вооружений, на которую были истрачены триллионы долларов и рублей. Тормозилось решение социальных проблем, в структуре научных исследований и производства стали преобладать военные программы. Поскольку достижение и поддержание военно-стратегического паритета требовало примерно равных затрат, то, следовательно, различия в стартовом положении СССР и США неизбежно должны были привести к возрастанию разрыва в уровне жизни населения и величине научно-технического потенциала базовых отраслей экономики. Поэтому низкий уровень благосостояния советского народа и отставание в использовании научно-технического прогресса в интересах гражданского производства — запрограммированный результат «холодной войны», т. е. старение техники и технологии, высокая доля ручного труда, низкое качество и продукции, и производительности труда, запущенность социальной сферы — все это имело прежде всего фундаментальные причины, а не нежелание отдельных людей. «Страна, расходующая 34–36% своего произведенного национального дохода на военные нужды, не может иметь другого социально- и технико-экономического положения, исхода развития, даже если ею руководит гений»[3]. Все это объективно требовало от советского руководства уже на рубеже 70–80-х годов решительных, неординарных шагов как в области отношений с Западом, так и в сфере внутренней социально-экономической политики.

Другой мотив начала реформ связывают с радикальными технологическими изменениями, которые произошли в развитых странах За-

---

[2] См.: *Павлов В. С.* Горбачев-путч. Август изнутри. М., 1993. С. 13.

[3] Там же. С. 15.

пада в 70-х — начале 80-х годов. Исследователи отмечают, что если первый этап НТР связан с ростом потребления индивидов и превращением их в «общественно развитых индивидов», то нынешний, второй этап, получивший название «микроэлектронной революции», — с индивидуализацией процесса труда, превращением его (для значительной части общества) в разновидность творческой деятельности, средство самореализации, а также с гуманизацией и демократизацией (противоречивой и неравномерной) всей общественной жизни. Начало массового выпуска с середины 70-х годов персональных компьютеров привело к революции информационной. С этого времени научный, технический прогресс, эффективное управление экономическими и социальными процессами были немыслимы без такой техники. О значении компьютеров для военной сферы говорить не приходится. Оперативный доступ к большим информационным массивам способствовал и оптимизации многих управленческих решений. Весьма показательно, что с 1978 по 1984 г. мировой рынок продаж компьютеров вырос с 3 до 14 млрд долларов. Что же касается СССР, то он практически оказался вне зоны действия новых информационных реалий, и отставание в этой сфере грозило стать катастрофическим[4].

До недавнего времени у нас не было принято говорить об активной роли Запада, прежде всего США, в инициировании советских преобразований. Между тем, судя по имеющимся публикациям, эта роль была весьма существенной. Хозяин американского Белого дома в первой половине 80-х годов Р. Рейган сознательно дистанцировался от той политики, которую проводили в отношении СССР его предшественники в 70-е годы. Учитывая экономические трудности СССР рубежа 70–80-х годов и падение его международного престижа в связи с событиями в Афганистане, американский президент посчитал, что наступил благоприятный момент для того, чтобы добиться фундаментальных изменений советской системы. Основной упор был сделан на «разорение Советов» посредством широкомасштабной экономической войны. Реализация плана шла по целому ряду направлений. Во-первых, финансовая, разведывательная и политическая поддержка «Солидарности» в Польше с тем, чтобы расшатать советскую систему в Европе. Во-вторых, значительная финансовая и военная поддержка моджахедов в Афганистане. В-третьих, кампания по резкому уменьшению поступлений твердой валюты в Советский Союз в результате снижения цен на энергоносители и ограничения экспорта на Запад. В-четвертых, комплексные акции мирового масштаба с целью ограничения доступа СССР к новым технологиям. В-пятых,

[4] Модернизация: зарубежный опыт и Россия.

эскалация гонки вооружений на высокотехнологичных направлениях. Особенно разорительной для СССР должна была стать американская программа СОИ, предполагавшая перенесение гонки вооружений в космическое пространство. Эти и другие акции США действительно крайне негативно повлияли на советскую экономику, что дало основание для сарказма одному из отечественных политиков: «Рональд Рейган был отцом советской перестройки»[5].

Помимо факторов внешнего порядка внутри СССР происходили изменения, которые делали возможными и в какой-то степени неизбежными глубокие преобразования сложившихся здесь социально-экономических и политических отношений. Речь идет о трансформации советской политической элиты. В начале 80-х годов ушли из жизни А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Л. И. Брежнев, А. Я. Пельше, Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко. Это была последняя когорта руководителей, получившая политическую закваску в сталинское время и занимавшая в целом охранительные позиции в отношении той модели социализма и взглядов на характер мирового развития, которые сформировались в нашей стране в 30–50-е годы. Им на смену приходили совсем другие лидеры. Они не пережили атмосферы репрессий, были намного внутренне свободнее; в своем большинстве были и более образованны. Их становление как политиков происходило после XX съезда КПСС, когда разномыслие — постепенно и в разных формах — стало укореняться в советском обществе, особенно в интеллигентской среде. Свою роль сыграла и большая открытость СССР послесталинского времени, возможность, прежде всего для политической элиты, ознакомления с политическими и экономическими институтами тех стран, которые добились наиболее значимых успехов в своем развитии. Все это наряду с хозяйственными неудачами СССР подталкивало здравомыслящую часть советских руководителей к мысли о реформах.

Перемен, ведущих к изменениям экономических и социальных отношений, политической либерализации, избавлению от идейного догматизма, прекращению бездумной конфронтации на международной арене, хотели все. В представлении многих эту линию в высшем партийном руководстве олицетворял М. С. Горбачев, и в этом смысле в 1985 г. ему «не было альтернативы». Как справедливо отмечал Г. Х. Шахназаров, «Горбачев был избран, потому что такова была воля правящего слоя и хотя не признаваемого официально, но реально существовавшего общественного мнения»[6]. Новый Генеральный секретарь был знаковой

---

[5] См. об этом: *Швейцер П.* Победа. Минск, 1995.

[6] *Шахназаров Г. Х.* Цена свободы. М., 1993. С. 37.

фигурой. Его приближенность к Ю. В. Андропову и необычайная активность в черненковский период не оставляли сомнений в том, что этот лидер готов к проведению новой, инициативной политики, контуры которой, однако, в то время еще не были ясны.

1985–1986 гг. являются чрезвычайно важными для понимания того, что произошло в СССР впоследствии. Формально их включают в период перестройки, который обычно связывают с тем временем, когда высшие посты в СССР занимал М. С. Горбачев (1985–1991), что, на наш взгляд, не вполне точно. Сам Горбачев позже признавал, что первоначально продуманного плана реформ не существовало, а его ближайший соратник В. А. Медведев также вполне откровенно писал, что примерно первые полтора года ушли на поиск и разработку концепции преобразований советского общества[7]. Поэтому едва ли можно согласиться с В.Б. Согриным, который полагает, что первые два года прошли под лозунгом «Больше социализма!»[8]. Есть основания считать, что политика центрального руководства отталкивалась от представления о том, что «так (как ранее. — *А. Б.*) жить нельзя!», и носила во многом поисковый и экспромтный характер. Это была своеобразная «философия действия», попытка придать динамизм общественному развитию, начать решение тех проблем, которые объективно стояли перед советским обществом, но длительное время оставались без внимания.

Именно в этом плане следует рассматривать появление первого стратегического лозунга «Ускорение социально-экономического развития», прозвучавшего на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. При этом говорилось о важности «перестройки работы кадров» и «гласности в работе государственных учреждений». Буквально выстраданной на предшествующем этапе была постановка вопроса об ускоренном внедрении достижений научно-технического прогресса в народное хозяйство СССР. Новый курс предполагал проведение такой инвестиционной и структурной политики, при которой основной упор делался не на строительство новых предприятий, а на техническое перевооружение уже действующих. Сердцевиной этой политики являлось ускоренное (в 1,7 раза в сравнении со всей промышленностью) развитие машиностроения и достижение им мирового уровня в начале 90-х годов. В этом же плане следует рассматривать и решение о всеобщем компьютерном обучении школьников, которое предполагалось осуществить в ходе объявленной школьной реформы. Создание в ноябре 1985 г. Госагропрома

---

[7] *Медведев В. А.* В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 30.

[8] *Согрин В. Б.* Политическая история современной России. М., 1994. Гл. 1.

СССР через слияние шести ранее существовавших министерств должно было снять бюрократические ведомственные препоны в управлении аграрным сектором. Введение государственной приемки на предприятиях было призвано распространить накопленный ранее в отраслях «оборонки» позитивный опыт на гражданские отрасли. Решительное наступление на пьянство и алкоголизм в 1985–1986 гг. демонстрировало искреннее желание нового руководства в сжатые сроки покончить с одним из наиболее застарелых социальных недугов. Объявлялось об усилении борьбы с нетрудовыми доходами. Не могло не вызвать энтузиазм и апрельское (1986 г.) постановление ЦК КПСС, в котором говорилось о готовности к 2000 г. полностью решить весьма болезненную для СССР жилищную проблему. Эти и другие подобные декларации породили так называемую «революцию ожиданий» — представление о возможности быстрого решения волнующих общество проблем[9].

Все приведенные направления политики 1985–1986 гг. можно с известной оговоркой рассматривать как декларации о намерениях. Что же касается экономических новаций, то они были весьма скромны: осенью 1986 г. был принят закон об индивидуальной трудовой деятельности и разработано постановление Совмина СССР о создании совместных предприятий.

Представляется, что наиболее значительные подвижки в 1985–1986 гг. связаны со сферой внешней политики. С одной стороны, шло укрепление традиционных связей со странами, входившими в ОВД. С другой — была предпринята решительная попытка переломить ситуацию в отношениях Восток — Запад. Серия личных встреч М. С. Горбачева с лидерами западного мира, его широкомасштабные и порой необычные предложения в сфере разоружения, начало вывода войск из Афганистана — все это свидетельствовало о стремлении отойти от догматического видения системы современных международных отношений, изменить место СССР в мире. С внешнеполитической сферой были связаны и наиболее заметные перемены в идеологии. Развитие идей о «едином взаимосвязанном мире», «новом политическом мышлении», «общечеловеческих ценностях» говорило о серьезности теоретических исканий новых лидеров.

Современный анализ экономической жизни СССР в 1985–1986 гг. позволяет сделать вывод о том, что в рамках этого периода не только не была решена ни одна из поставленных задач, но и возникли обстоятельства, серьезно подорвавшие экономическую стабильность в последую-

[9] Там же.

щие годы. Во-первых, курс на ускоренное развитие машиностроения, не дав быстрых результатов, привел к перенапряжению бюджета, усугубил положение на рынке продовольствия и товаров широкого потребления вследствие сокращения их закупок за рубежом [10]. Во-вторых, массированная антиалкогольная кампания привела к недополучению в бюджет (по данным Горбачева) за три года 37 млрд рублей[11], Н. И. Рыжков же называл другую цифру — 67 млрд рублей[12]. В-третьих, резкое падение цен на нефть на мировом рынке (с 30 до 12 долларов за баррель) привело к тому, что в 1985–1986 гг. значительно сократились поступления от одной из самых значительных статей советского экспорта. Несмотря на эти неблагоприятные тенденции, были увеличены дотации сельскому хозяйству и промышленности, повышена заработная плата ряду категорий работающих.

Можно с уверенностью утверждать, что политические неудачи Горбачева и его сторонников 1989–1991 гг. были во многом обусловлены хозяйственными просчетами первых двух лет реформ. Ухудшение экономических параметров развития, обострение социальной ситуации стало тем фоном, на котором развертывались основные политические и идейные баталии. В этих условиях от реформаторов требовалась крайняя осторожность и тщательный просчет своих дальнейших шагов, ибо кредит доверия, полученный советским лидером в 1985 г., не мог быть бессрочным.

Думается, началом собственно горбачевского периода реформ следует считать 1987 г. В течение второй половины 1986 г. происходит постепенный отход от курса на ускорение социально-экономического развития и обосновывается необходимость глубинной перестройки всего общественного организма, сама же перестройка все чаще трактуется как революция. В отличие от спонтанных установок 1985–1986 гг. провозглашенный на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС план преобразований был достаточно стройным и содержал пусть не бесспорную, но все же концепцию реформ[13]. Принципиально новым в этом плане было то, что основное внимание концентрировалось не на изменениях в экономике, а на преобразованиях политической системы, которые в конечном итоге должны были дать мощный импульс социально-экономическому и духовному развитию общества. Некоторые авторы полагают, что

[10] Политическая история: Российская Империя – СССР – Российская Федерация. Т. 2. М., 1996. С. 616–620.

[11] Правда. 1988. 19 февраля.

[12] *Рыжков Н. И.* Перестройка: история предательств. М., 1992. С. 243.

[13] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. Гл. 8.

перенос акцента на политическую сферу был реакцией на неудачи в экономике. Видимо, ситуация была сложнее. Сейчас известно, что план реформ, в главных чертах совпадающий с проводившимся в 1987–1989 гг. курсом, был предложен М. С. Горбачеву его ближайшим советником того времени А. Н. Яковлевым еще в декабре 1985 г.[14]. И если мы вспомним высказывания самих реформаторов о том, что в 1985–1986 гг. шел активный поиск новых подходов и решений, то сможем сделать вывод: курс на демократизацию и гласность был результатом осознанного выбора правящей группы. Именно с этого времени берет начало процесс создания Горбачевым массовой политической оппозиции, которая вскоре повела атаку не только на «партократов» и партию, но и на самого инициатора преобразований[15].

Наиболее интересным и важным применительно к периоду 1987–1989 гг. является изучение политики «гласности». Западные исследователи достаточно быстро заметили, что «гласность» не равнялась «свободе слова». Российские авторы также показали, что первоначально гласность планировалась как институт управления, средство целенаправленного формирования массового сознания и придания ему нужного направления, и в таком понимании гласности не расходились ни Яковлев, ни Лигачев. Поэтому важно проанализировать, что привлекало внимание идеологов в эти годы[16].

Прежде всего, нужно отметить, что январский (1987 г.) Пленум не только наметил основные задачи политической реформы, но и открыл этап критики советского общества, масштабы которой постоянно расширялись. Именно на этом Пленуме было сформулировано понятие «механизм торможения», определявшего, по мнению его создателей, ситуацию во всех сферах жизни СССР до 1985 г. Анализ «эры стагнации», возникновения и действия «механизма торможения» занял важное место, особенно в центральной прессе, причем наблюдалась тенденция расширения хронологических и тематических рамок этих явлений. Естественный интерес к ранее неизвестным страницам прошлого приводил не только к возвращению ранее забытых имен, но и к освещению малоизвестных и негативных сторон советской истории, причем концентрация информации такого рода часто создавала впечатление, что вся история страны после 1917 г. состояла из череды ошибок, провалов и преступлений.

---

[14] См.: *Яковлев А. Н.* Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 205–212.

[15] Власть и оппозиция... С. 284.

[16] См.: *Согрин В. Б.* Указ. соч.; Власть и оппозиция...

В то же время современные руководители были выведены из зоны критики, и если таковая все-таки звучала, воспринималась на редкость болезненно. В качестве примера можно привести отношение к выступлению Б. Н. Ельцина на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Руководитель московской партийной организации высказал вполне разумные вещи. Он обвинил инициаторов обновления в отсутствии концепции преобразований и раскритиковал стиль работы высшего партийного руководства во главе с Горбачевым. Перестроечная, но выходящая за рамки разрешенной торопливость Ельцина была однозначно осуждена, а А. Н. Яковлевым даже оценена как «псевдореволюционный авангардизм». Сходной была реакция на известное письмо Н. Андреевой, выступавшей с иных позиций. С высоты сегодняшнего дня это письмо едва можно назвать «манифестом антиперестроечных сил»: вопросы, которые ставила автор, были столь же правомерны, сколь и сомнения Б. Н. Ельцина, отражали настроения не только так называемой консервативной части КПСС, но и просто здравомыслящей части общества. Н. Андреева обращала внимание на ухудшение социально-экономической обстановки уже в годы реформ, о чем сами реформаторы скромно умалчивали, осуждала огульное отрицание всей советской истории, ставившее под сомнение не только прежнюю систему ценностей, но и смысл жизни целых поколений советских людей; Н. Андреева также осуждала отсутствие внятной цели и программы преобразований.

Фактически выступление Ельцина отразило настроения «леволиберального» крыла КПСС, а Н. Андреевой — «охранительного, традиционалистского». Однако показательно другое: если кампания против Ельцина была свернута через несколько дней, то против Н. Андреевой продолжалась несколько лет. В тех условиях, когда средства массовой информации находились под жестким партийным контролем и курировались «дирижером гласности» А. Н. Яковлевым, идеологи реформ ясно показывали, какое крыло в партии они считали более опасным. С этого момента также происходит резкая поляризация охранительных и радикально-реформаторских сил, причем последние переходят в решительное наступление. «Враг перестройки», «сталинист», «консерватор», «аппаратчик», «номенклатурщик» — эти и другие ярлыки активно использовались «радикалами» против «охранителей» и прочно вошли в политический лексикон так называемых «прорабов перестройки», которые к тому времени уже господствовали в информационном пространстве СССР. Кампания против Н. Андреевой была рубежной и в другом плане: она не только разоблачала сталинизм, но и открыла этап критики марксизма-ленинизма как утопической и порочной доктрины, привела,

по сути, к отрицанию социалистической идеи как таковой и в итоге поставила под сомнение легитимность власти самого Горбачева. Таким образом, радикализм как идейное течение прочно утвердился в середине–второй половине 1988 г., а в следующем, 1989 г. он уже стал знаменем антигорбачевской политической оппозиции[17].

Вызванная проводимым «сверху» курсом идеологическая радикализация получила в 1988–1991 гг. мощную социально-экономическую подпитку, стимулируя появление радикализма политического. Во-первых, экономические новации этих лет создавали достаточно благоприятные условия функционирования и расширения сферы деятельности теневого капитала, возникшего еще в застойные годы. Во-вторых, проводившаяся государством «кооперативная политика» (при всей ее непоследовательности и непродуманности) привела к появлению пусть не очень многочисленного, но весьма социально активного слоя, заинтересованного в значительной либерализации экономических отношений, что было невозможно без политического представительства этой группы. И наконец, в-третьих, если не приватизация, то фактическое разгосударствление экономики, начало перехода к прямому распоряжению государственными ресурсами и использованию их в своих интересах значительными группами номенклатуры также берет начало в 1988 г. Создание совместных предприятий, концентрация значительных сумм наличных денег, получение льготных кредитов, разрешение осуществлять экспортно-импортные операции, преобразование некоторых министерств в акционерные общества, начало создания коммерческих банков — эти и другие пути формирования «альтернативной» экономики широко практиковались в те годы.

Следует специально отметить, что этот процесс, по всей вероятности, негласно, но стимулировался официальными властями, поскольку решение ни одной из перечисленных проблем не могло совершиться без системы сильных номенклатурных связей, притом на самом высоком уровне. В политическом плане это означало, что в среде партийной, советской, хозяйственной номенклатуры также вызревало течение, заинтересованное в легитимизации своего нового положения и, следовательно, в радикализации реформ[18].

Важной проблемой, которая встала во второй половине 80-х годов, но не решена и поныне, является проблема исторической преем-

[17] Власть и оппозиция... С. 290–294.

[18] См.: *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую советскую элиту // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996.

ственности преобразований. Это далеко не теоретический вопрос, как может показаться с первого взгляда. Дело в том, что национальное самосознание как фундамент государства и основа его устойчивости представляет собой тесное переплетение рациональных представлений и иррациональных чувств. Исследователи обратили внимание на то, что освобождение от коммунизма во всех странах сопровождалось восстановлением духовной преемственности с докоммунистической историей[19]. Такой сценарий в принципе предвидели и некоторые российские мыслители в 20-е годы. Они полагали, что если сущностью большевистской власти была антинациональная диктатура, основанная на уничтожении культурно-исторической памяти, то уход от большевизма будет означать лишь восстановление связи времен, углубление национального сознания и национальной памяти.

Еще в 1918 г. П. Б. Струве писал: «На развалинах России, перед лицом поруганного Кремля и разрушенных ярославских храмов, мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, республику или общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие ее прошлого и чаял, требовал величия для ее будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия, как живая соборная личность и как духовная сила. Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию. В этом смысле прошлое России, и только оно, есть залог ее будущего. На том пепелище, в которое изуверством социалистических вожаков и разгулом соблазненных ими масс превращена великая страна, возрождение жизненных сил даст только национальная идея в сочетании с национальной страстью»[20].

Любопытно, что из советских вождей попытка легитимизации настоящего через соединение рационального (строительство нового общества) и иррационального (любовь к Отечеству, его истории) была предпринята И. В. Сталиным. Причем опора на иррациональное относится к

---

[19] Одна из первых работ по этой теме: *Ципко А. С.* Реставрация или полная и окончательная советизация? // Российская Империя – СССР – Российская Федерация: история одной страны? М., 1993. И хотя не все положения работы бесспорны, тем не менее она содержит ряд интересных наблюдений.

[20] *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. (Сборник статей о русской революции). М., 1991. С. 296.

наиболее критическим моментам советской истории. Осуждая в 1941 г. планы гитлеровского командования, Сталин говорил: «Эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..»[21]. Едва ли «великий вождь» был знаком с приведенными словами Струве, но он инстинктивно понимал важность опоры на историческую традицию. При этом Сталина нельзя, как это делают некоторые авторы, называть русским националистом. Даже его знаменитая здравица «За здоровье русского народа — наиболее выдающейся из всех наций» — была ничем иным, как попыткой подкрепить проводимый курс иррациональным, но действенным ресурсом — русским, российским патриотизмом, ведь едва ли не главным достоинством русских в его глазах было доверие к партии и правительству[22]. При этом политика Сталина носила прямо противоположный характер: попытка поставить вопрос о российских интересах («ленинградское дело») была жесточайшим образом пресечена; не печатались русские писатели и поэты, которые «просто» любили Родину без приложения «социалистическая»; кампания же борьбы против «космополитизма», за «русское первенство» носила, по сути, антирусский характер, поскольку методы ее проведения не вызывали ничего, кроме отторжения того, что тупо навязывалось официальной пропагандой[23].

Проблема поиска идейной и исторической опоры обновленческих процессов во второй половине 80-х годов встала достаточно остро. Однако даже если бы «Горбачев и Яковлев были русскими патриотами, сторонниками реставрации дореволюционной России как государства, они, как лидеры коммунистической партии, должны были... искать обоснование своим действиям в социалистических авторитетах и в социалистической послеоктябрьской истории»[24]. Критика сталинизма как извращения ленинизма выдвигала на главные политические роли шестидесятников, как правило, детей вождей ленинской гвардии, репрессированных Сталиным, являвшихся антиподами российского патриотизма и почвенничества. Опора на антисталинизм и реставрацию ленинизма предполагала «реабилитацию ленинской гвардии и идеалов Октября,

---

[21] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951. С. 4.

[22] Там же. С. 30.

[23] *Цинко А. С.* Указ. соч.

[24] Там же. С. 105.

реабилитацию коммунистической интернационалистической основы большевизма»[25].

Таким образом, с самого начала идейные и духовные процессы пошли в направлении, прямо противоположном логике и закономерностям освобождения от коммунизма: бюрократическому социализму Сталина–Брежнева–Суслова противопоставлялся романтический большевизм 1917 г. Возможность перехода на идейные основы традиционалистского плана теоретически существовала в 1989–1990 гг., когда в печати уже развернулась критика ленинизма и социализма как системы. По сути, перед радикальными реформаторами тогда стояла дилемма — перейти к обоснованию преобразований как восстановления прерванной историко-культурной традиции России или внедрить в жизнь страны «общечеловеческие ценности», присоединиться к «цивилизованным» государствам. Как нам известно, фактически политическая элита СССР избрала второй путь, оказавшийся тупиковым. Однако мотив именно такого выбора пока не получил достаточного объяснения в литературе, хотя, на наш взгляд, он был во многом закономерным и коренился в советской политической традиции.

В СССР в 20-е годы сложилась система партийно-государственных отношений, с небольшими модификациями просуществовавшая до середины 80-х годов. Страной реально руководила КПСС, построенная по жестко централизованному принципу. Определенной автономией обладали союзно-республиканские компартии, которые в своей деятельности отражали не столько региональную, сколько национальную специфику соответствующих территорий, выступая от лица прежде всего граждан титульной национальности. Союзные же республики обладали и наибольшим набором политических и иных институтов, способных артикулировать национальные сюжеты. Партийные и государственные органы, академии наук, творческие объединения интеллигенции, система республиканских средств массовой информации — все они ставили и решали (как это было возможно в тех условиях) проблемы, связанные с развитием прежде всего тех этнических групп, которые дали название республике. В послевоенные годы широко развернулся процесс «национализации» республиканских элит. Это обстоятельство, а также прогрессирующая в 60–80-е годы догматизация официальной идеологии привели к тому, что в жизни многих народов росло значение национальных моментов, шла их определенная «деинтернационализация»[26].

На территории РСФСР ситуация складывалась иначе. Находившаяся в Москве союзная бюрократия, будучи преимущественно русской в

[25] Там же.

[26] См.: *Чешко С. В.* Распад Советского Союза. М., 1996. Гл. 5.

этническом плане, по «определению», была более интернациональной по взглядам, ибо в своей деятельности была обязана руководствоваться идеей гармонизации экономических, политических, социальных отношений в масштабах всего Советского Союза, учитывая особенности и запросы весьма разнородных его частей. Собственно российская политическая элита была рассредоточена по регионам, и хотя российские партийные и советские «бароны» формально доминировали в составе общесоюзных органов, этого, как показал исторический опыт, было недостаточно. Российские правительство и Верховный Совет в условиях политической гегемонии КПСС были не в состоянии играть роль консолидирующих республиканских центров. На протяжении 70–80-х годов верхушка КПСС постоянно пресекала тенденции расширения политической и экономической самостоятельности РСФСР, хотя необходимость в этом уже тогда многим казалась очевидной.

Следует специально отметить, что существовавшая система национально-государственной и партийной организации бывшего СССР оказала прямое влияние на идейное состояние и общественно-политические симпатии интеллигенции, интеллектуальных элит в союзных республиках, с одной стороны, и в России — с другой. Названия городов Тбилиси, Киев, Ташкент ассоциировались прежде всего с центрами развития грузинской, украинской, узбекской культур. Москву же небезосновательно рассматривали как столицу единого многонационального государства, центр общесоюзной интернациональной культуры, призванный играть интегрирующую роль. В сравнении с этим статус Москвы как столицы РСФСР выглядел и реально был вторичным. В результате интеллектуальные элиты союзных республик были намного больше укоренены в своих национальных историко-культурных традициях.

В Москве ситуация была иной. В силу объективной роли — столицы СССР — интеллектуальная элита была здесь предельно интернационализирована или даже, как считают некоторые авторы, космополитизирована. В основе этого лежала необходимость интеллектуального обслуживания центральных политических и идеологических аппаратов, денационализаторский характер политики которых сейчас отмечают многие авторы. Будучи намного более многонациональной по своему этническому составу, нежели республиканские, московская союзная общественно-политическая элита была намного меньше укоренена в российской и русской историко-культурной почве. Своим мировоззрением и объективным положением она была более открыта и подготовлена к восприятию «общечеловеческих ценностей», представленных преимущественно цивилизационными стандартами ряда стран Запада.

Анализ состава наиболее активных проводников перестроечных идей второй половины 80-х — начала 90-х годов свидетельствует: в своем подавляющем большинстве они вышли из центральной политической интеллектуальной и научной элиты.

К числу «неожиданных» последствий реформы политической системы, составившей суть собственно горбачевской перестройки и приведшей к снижению общего уровня управляемости союзного государства, относится «появление» национального вопроса[27]. Можно констатировать непонимание той сложной и тонкой связи в системе «партия–государство–этничность», ликвидация или ослабление одного из звеньев которой в итоге привело к взрыву, мощность которого не могли предсказать даже самые смелые недоброжелатели СССР. Отсутствие адекватных представлений о реальностях межнациональных отношений и вытекавшие отсюда теоретическое бесплодие и политическая беспомощность во многом предопределили предельно болезненные формы разрешения противоречий между основными элитными группами СССР.

М. С. Горбачев и его окружение руководствовались идейными положениями своих предшественников, многие из которых восходили еще к 20-м годам. Применительно к нашей теме следует выделить два. Во-первых, решение национального вопроса допускалось лишь в контексте экономических, социальных, политических преобразований. Значительная самостоятельность, подчиненность национализма собственной логике развития явно недооценивалась, что вело к серьезным упрощениям и вульгаризации в национальной политике. Во-вторых, эта политика допускала использование различных принципов в отношении различных народов страны, различных национально-государственных образований, что являлось источником подспудного сохранения целого ряда взрывоопасных межнациональных противоречий. В период перестройки такой «плюрализм» союзного руководства особенно ярко проявился в отношении, с одной стороны, к прибалтийским народам и республикам, а с другой — к РСФСР и русским.

Определенная часть союзной политической элиты разделяла убеждение об особом месте Прибалтики в Союзе, признавала ее право на определенную исключительность, основанную на большей «цивилизованности» в связи с культурной близостью к Европе. В этой же среде считали, что Прибалтику «надо отпускать»[28]. Такой подход едва ли можно считать дальновидным, поскольку при этом игнорировались права всех других народов, ибо история каждой этнической группы «особенная».

[27] В этом позже признавались и Горбачев, и Яковлев, и Медведев.

[28] См., напр.: *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 325.

И если учитывать эту «особость» подобно тому, как это делалось в прибалтийском варианте, то потребовалось признать такие же права — «вплоть до» — и в отношении всех других наций, и можно себе представить, какое количество межэтнических «разборок» возникло бы на территории СССР, где «чересполосно» проживали десятки народов. Тем не менее отмеченная позиция союзного руководства объясняет отсутствие реального противодействия литовским, эстонским и латышским сепаратистам, изначально взявшим курс на отделение своих республик от Союза. В итоге именно в Прибалтике в 1988–1989 гг. была апробирована та модель развала СССР, которая была реализована в 1990–1991 гг. Следует отметить, что в 1987–1989 гг. союзные власти «не замечали» активной антиконституционной деятельности прибалтийских «независимцев», которые разжигали антисоюзные и антирусские настроения по всей стране. Наличие финансовых ресурсов и организационной четкости свидетельствовало о целенаправленном характере этой активности.

В отношении РСФСР и русских М. С. Горбачев выступал в качестве продолжателя традиций предшествующих поколений партийно-политической элиты, многие из которых восходили к 1917–1920 гг., но развивались и позже. Политическому покровителю Горбачева Ю. В. Андропову приписывают фразу: «Главная забота для нас — русский национализм; диссиденты потом, их мы возьмем за одну ночь»[29]. Подобный подход, видимо, разделял и Горбачев. Сейчас очевидно, что не случайной была та шумная «протестная» реклама, которую делали обществу «Память» наиболее преданные делу перестройки издания[30].

Лукавство подобной позиции состояло в том, что фактически игнорировалось российское почвенническое, патриотическое движение 70-х — начала 80-х годов, накопившее значительный моральный и идейный потенциал[31]. Создание же негативного имиджа русского национализма, основанного, по мнению его критиков, на антисемитизме, ксенофобии, было одной из задач официальных идеологов. Цель такой позиции была одна — дискредитация всего русского национально-освободительного движения. О весьма сдержанном отношении к нему свидетельствуют и высказывания самого Горбачева. Призывая лучше понять природу обострения межнациональных отношений, Горбачев

---

[29] Цит. по: *Соловей В. Д.* Русский национализм и власть в эпоху Горбачева // Межнациональные отношения в России и СНГ. М., 1994. С. 52.

[30] Власть и оппозиция... С. 300.

[31] См. об этом: *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М., 1996.

напоминал слова грузинского диссидента Чалидзе: «Демократия будет сопровождаться сепаратизмом, но русские не допустят сепаратизма, а значит, будут против демократии». «Это, конечно, — добавлял Горбачев, — примитивная точка зрения, но она находит отражение в действительности»[32]. Подобные пассажи множили и прогорбачевские публицисты, у которых можно было прочитать: «Призывы к защите интересов великого русского народа — показатель консервативности политического деятеля»[33]. Приведенное понимание «русского вопроса» объясняет отсутствие какой-либо вразумительной реакции на открытую русофобию в союзных республиках, которая стала фактом в 1988–1989 гг. и шла по нарастающей.

Таким образом, к началу 1989 г. набирали силу два радикальных и формально альтернативных официальной идеологии течения — движение за трансформацию «бюрократического» социализма СССР в иную, «цивилизованную» систему и националистическое сепаратистское (имевшее различные формы) движение за «слом империи» и выход из СССР.

Многие авторы, изучающие перестройку, считают переломным для ее истории не 1991 и не 1990, а 1989 г., и, на наш взгляд, для этого имеются весьма серьезные основания[34]. Во-первых, в это время негативные тенденции в развитии экономики приобретают необратимый характер. Ухудшение экономического положения, влекущее за собой социальные трудности, как следствие имело сужение первоначально значительной политической поддержки реформаторов, которые во многом уже утратили инициативу. Во-вторых, во второй половине 1989 г. организационно оформляется радикальная оппозиция (опирающаяся на значительные теневые материальные ресурсы и организационную помощь Запада)[35]. В-третьих, в это же время национальные движения отбрасывают риторику в духе лояльности перестройке, переходят на открыто антисоветские позиции, сопровождающиеся выдвижением лозунга восстановления независимости[36]. В-четвертых, в 1989 г. в политике открыто появляется российский фактор. На рубеже 1988–1989 гг. как реакция на «прибалтийский вызов» в региональной прессе поднимается вопрос о российском суверенитете. На I Съезде народных депутатов СССР

---

[32] Цит. по: *Воротников В. И.* А было это так ... М., 1995. С. 341.

[33] *Шушарин Д.* Заметки русского националиста // Ожог родного очага. М., 1990. С. 74, 78.

[34] История современной России. М., 1995. С. 50–51.

[35] См. об этом: *Платонов О.* Терновый венец России. М., 1997. Т. 2. Гл. 66.

[36] *Чешко С. В.* Указ. соч. Гл. 8.

он вновь звучит в ответ на выпады ряда депутатов от республик. И наконец, на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, посвященном национальной политике, «плотину прорвало»: фактически впервые российские коммунисты «предъявили счет» союзному партруководству, Центру, за бедственное положение республики.

Горбачев и его окружение оказались неготовыми предложить какой-либо разумный вариант разрешения давнего исторического противоречия между союзными и российскими властными структурами. Растерянность союзных лидеров проявилась в их уклонении от создания новых российских политических структур, будь то Съезд народных депутатов или Российская компартия. Ни партийные, ни советские органы власти союзного уровня не занимались серьезной подготовкой ни к выборам народных депутатов России, ни работой с региональными парторганизациями в ходе набиравшего силу движения за создание республиканской компартии. Ошибочность подобного курса ретроспективно отмечали не только противники бывшего Генерального секретаря, но и его наиболее преданные сторонники[37].

Возможным разумным объяснением такой линии может послужить лишь то, что в период формирования российских властных структур (весна–лето 1990 г.) авторитет и популярность Горбачева стремительно снижались по мере нарастания социальных и других трудностей. Инициатор перестройки уже не был общепризнанным национальным лидером, как это было в 1985–1986 гг. Он имел все основания опасаться того, что открытое волеизъявление россиян ни в ходе партийной, ни в ходе советской избирательных кампаний не принесет ему никаких политических дивидендов. Широко используемый радикалами популизм делал шансы Горбачева и его сторонников еще более иллюзорными: осуждению партийных привилегий, смакованию экономических провалов и обещанию быстро решить все стоящие перед страной проблемы официальные власти не могли ничего противопоставить[38]. Фактически в этот период СССР находился на пути к возникновению двоецентрия (Союз–Россия) в принятии наиболее важных для страны решений, что во многом предопределило и стиль дальнейшего поведения Горбачева — политическое лавирование, при котором личностные мотивы (сохранение собственной власти и демократического имиджа) порой становились доминирующими.

---

[37] См.: *Медведев В. А.* Указ. соч. С. 137.

[38] Это описано, в частности, в кн.: *Пихоя Р. Г.* Советский Союз. История власти. 1941–1991 гг. М., 1998. С. 581.

К началу 90-х годов традиционная российская политическая элита оказалась в весьма странном состоянии: с одной стороны, антирусские и антироссийские настроения в целом ряде союзных республик (Прибалтика, Молдавия, Грузия), а с другой — почти демонстративное игнорирование нужд РСФСР союзным Центром. В этих условиях в первой половине 90-х годов произошло соединение «несоединимого»: выступающая за большую независимость от Центра российская (прежде всего региональная, или, как пишут некоторые авторы, «провинциальная») элита находит себе союзника в лице части расколовшейся союзной элиты, выступающей за радикальную смену социально-экономической и политической систем. Этот весьма условный союз нашел наиболее яркое отражение в почти единодушном принятии Декларации о государственном суверенитете РСФСР, одобренной на I Съезде народных депутатов России (917 — «за», 13 — «против», 9 — воздержались), и борьбе за него во второй половине 1990 — первой половине 1991 г.

Овладение российским уровнем управления, по мнению радикалов, делало необходимым разрушение союзных государственных структур — центральных министерств и ведомств, армии, МВД, КГБ — отсюда следовало их постоянное шельмование в подконтрольной прессе[39]. Логика борьбы за власть на территории РСФСР требовала расчленения политико-географического пространства исторического Российского государства, существовавшего в форме СССР, ибо только так, по мнению радикалов, можно было убрать «реакционный» имперский Центр. А эта линия вела к подавлению духа державности, патриотизма как традиционных исторических ценностей России и русских. Более того, патриотизм и демократия объявлялись несовместимыми. Та же логика диктовала необходимость поддержки просыпающегося национального самосознания прежде всего союзно-республиканских этносов, союза с националистическими сепаратистскими движениями, носившими откровенно антироссийский и антирусский характер.

В то же время у русских формировалось чувство вины перед другими народами за длительную «имперскую» эксплуатацию, которая якобы началась много веков назад и активно продолжалась в совстский период[40]. Более того, именно в это время в политический лексикон входит понятие «русофобия». «Русский характер исторически выродился, реанимировать его — значит вновь обрекать страну на отставание, которое может стать хроническим», русский народ — «это народ с иска-

[39] История современной России. С. 44–45.

[40] Там же. С. 56.

женным национальным самосознанием», русская культура — «накраденная», русская душа — «тысячелетняя раба» — эти и другие оскорбительные клише пропагандировались многотиражными перестроечными изданиями[41]. Занявшая заметное место в информационном пространстве русофобия уже тогда у многих вызывала возмущение. Группа известных российских писателей направила в адрес Верховного Совета СССР письмо, где, в частности, отмечалось: «Стремление вывести русских за рамки homo sapiens приобрело в официальной прессе формы расизма клинического, маниакального, которому нет аналогий. «Да, да, все русские... люди — шизофреники. Одна их половина — садист, жаждущий власти неограниченной, другая — мазохист, жаждущий побоев и цепей» — подобная «типология» русских тиражировалась московскими «гуманистами» в прессе союзных республик — для мобилизации всех народов страны, в том числе и славянских, против братского русского народа. Русофобия в средствах массовой информации СССР догнала и перегнала зарубежную антирусскую пропаганду»[42].

Тем не менее думается, что преобладание радикалов в российском руководстве не было неизбежным. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что Б. Н. Ельцин был избран Председателем Верховного Совета лишь в третьем туре голосования минимально необходимым количеством голосов (набрал 535 при том, что требовался 531). Вероятно, эта победа была обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, как мы уже отмечали, союзные власти (и партийные и государственные) не имели концепции взаимоотношений Центра и России в новых условиях, а прежний курс — «не пущать» Россию — уже не устраивал никого. Отсюда — на российском уровне горбачевцы не вели практически никакой политической работы. Во-вторых, фронтальные неудачи реформаторов, их идеологическая аморфность (на вопрос делегата XXVIII съезда КПСС о том, в чем состоит идеология перестройки, В. А. Медведев — главный идеолог тогдашнего Политбюро — ответил, что перестройка и есть идеология)[43] вели к отторжению в общественном сознании того, что Горбачев называл «социалистическим выбором», повышало привлекательность «антисоциалистического выбора». В-третьих, безусловно, сказались тактическая гибкость радикалов, использование ими широко применяемых на Западе современных политических технологий. На том этапе радикалам фактически удалось консолидиро-

---

[41] См. об этом: *Платонов О.* Указ. соч. Гл. 67.

[42] Письмо писателей России // Московский литератор. 1990. 2 марта.

[43] Цит. по: *Воротников В. И.* Указ. соч. С. 398.

вать вокруг себя большую часть протестного электората, куда входили и патриоты-государственники, и представители различных социалистических и коммунистических течений. Лозунги демократии как антитезы несвободы, тоталитаризма пользовались тогда широкой популярностью несмотря на то, что людей, называвших себя «демократами», можно было считать таковыми лишь условно: изначально предлагавшиеся их идеологами методы борьбы за власть были скорее большевистские, нежели демократические[44]. Интересно отметить, что события 1992–1993 гг. показали: последовательно на радикально-либеральных позициях (согласно итогам голосований в Верховном Совете) стояли примерно 25% российских депутатов[45], что лишний раз подчеркивает весьма относительный характер общероссийского единства 1990–1991 гг. и демонстрирует его прежде всего антигорбачевскую направленность.

Некоторые политики высказывают мысль о том, что не Прибалтике, не Грузии или Украине принадлежит решающая роль в разрушении СССР: судьба единого государства зависела от политической воли российского руководства. Формально дискуссии второй половины 1990 — первой половины 1991 г. касались прежде всего вопросов, связанных с различным толкованием понятия «суверенитет» и будущего национально-государственного устройства обновленного Союза. Фактически же расхождения между союзными и российскими политиками касались проблемы социалистического выбора, радикального изменения существовавшей социально-экономической и политической системы. И если Горбачев по-прежнему утверждал, что целью преобразований является обновление социализма, то Ельцин и его окружение все определеннее заявляли о либерально-демократическом характере реформ[46].

Принятие Декларации о российском суверенитете, выборы новых руководителей, готовых этот суверенитет отстаивать, создали уникальную в истории СССР ситуацию: впервые появился альтернативный союзному центр принятия решений, российская власть вышла из тени общесоюзной. Однако если провозглашение суверенитета было делом относительно легким, то для проведения реформ в РСФСР по сценарию радикалов в их руках не было достаточно материальных и властных ресурсов: в 1990–1991 гг. подавляющая часть экономических объектов в России была по-прежнему подчинена союзным ведомствам. Союзные же власти управляли и всеми силовыми структурами. Все это и предоп-

---

[44] См.: *Чешко С. В.* Указ. соч. Гл. 6.

[45] См.: *Согрин В. Б.* Указ. соч. С. 121.

[46] Власть и оппозиция... С. 317.

ределило политику российских лидеров: ее содержанием стала борьба за овладение находящимися на территории республики материальными, финансовыми и прочими ресурсами. По форме это была жесткая борьба «по всему фронту» против союзных властных структур и институтов и проводимой ими политики.

Известно, что борьба за власть имеет свою логику. На одном из первых мест в ней — подрыв позиций своего политического противника, притом методы такой борьбы далеко не всегда бывают моральны. У оппонентов Горбачева изначально была определенная «фора»: с одной стороны, они могли сколько угодно критиковать Президента СССР за ошибки, бездействие, а с другой — предлагать и обещать то, что в принципе было невыполнимо, но выглядело привлекательно. Осознание же народом того, что в настоящее время у российских властей нет возможности выполнить обещанное, отодвигало на второй план вопрос о потенциальной ответственности за явно утопические рецепты решения наболевших проблем. Поэтому Б. Н. Ельцин последовательно создавал себе имидж политика действия, через разноплановые популистские акции оттягивал от Горбачева его политических сторонников. Тактика «встречного пожара», при которой любая, даже разумная, инициатива Центра «побивалась» более широкомасштабными декларациями, носила откровенно конфронтационный характер, вела к дестабилизации во всех сферах. «Двоецентрие» постепенно превращалось в «двоевластие». А. Н. Яковлев даже утверждал, что уже к декабрю 1990 г. Горбачев потерял власть, лишь формально сохраняя ее внешние атрибуты[47].

Так или иначе, но с середины 1990 г. начинается проведение независимой политики России, в правовом плане опиравшейся на ст. 5 Декларации о суверенитете, где провозглашалось верховенство республиканской Конституции и законов над союзными. В чем выражалась эта политика? Во-первых, была принята серия актов, где развивалось положение одного из первых новых законов России — «Закона о собственности на территории РСФСР» от 4 июля 1990 г. В нем прямо говорилось о том, что право собственности на природные богатства и основные производственные фонды регулируется законами РСФСР и автономных республик. Союзу же ССР эти фонды «могут предоставляться в пользование на основе законов РСФСР и Союзного договора». Этой же цели были подчинены: реформа российской финансовой системы, изменение статуса республиканских судов, создание собственных таможни и товарных бирж. «Философия действия» являлась главным достоин-

[47] См.: *Яковлев А. Н.* Указ. соч. С. 242.

ством широко разрекламированной программы, известной под названием «500 дней». — ее основное отличие от рыжковского плана перехода к рынку состояло в предлагаемых темпах: союзный план предусматривал 6–8-летний срок перехода к рынку, Г. А. Явлинский обещал это сделать во много раз быстрее. Решения, радикально отличавшиеся от горбачевских, выдвигались и применительно к проекту нового Союзного договора: вместо постепенной трансформации бюрократического государства «сверху» радикалы предлагали его разрушить и начать построение новой федерации «снизу». Переход к этой стратегии был осуществлен во второй половине 1990 — начале 1991 г.: российская сторона резко критиковала все официальные проекты Союзного договора, на мартовском (1991 г.) референдуме о судьбе Союза вела агитацию против него. В то же время были заключены прямые двусторонние договоры между Россией и Украиной, Казахстаном, Литвой, Латвией, Эстонией; обсуждалась возможность «Союза 4-х»: России, Украины, Белоруссии и Казахстана.

Стремясь получить поддержку в борьбе с союзным Центром, Ельцин и его окружение содействовали суверенизации автономий, повышению их статуса, фактически стимулируя процесс конфедерализации России. «Россия заключит договор с Татарской Республикой или государством — это как решит Верховный Совет. Будет конфедеративный договор внутри России... Не надо исходить из того, сколько прав даст вам Россия. А надо исходить из того, сколько вы можете взять и какую долю власти делегировать России... Возьмите такую долю самостоятельности, какую можете переварить. А что не можете — отдайте России по договору», — говорил Б. Н. Ельцин в Татарстане в августе 1990 г.[48] Интересно отметить, что и в сфере внешней политики была поставлена задача обретения большей самостоятельности — ее должен был решать вновь назначенный министр иностранных дел России А. В. Козырев[49].

Таким образом, можно констатировать, что политическое противостояние между российскими и союзными властями привело к общей дестабилизации обстановки в СССР и в целом и к ослаблению власти как таковой. Прежняя система управления была расшатана, новой пока не было. Летом 1991 г. уже стало ясно, что нужны экстраординарные меры, чтобы предотвратить падение страны в пропасть. И здесь опять встал

---

[48] См. об этом подробнее: *Митрохин С.* Российский федерализм: история болезни // НГ-Регионы. 1998. № 16 (20). Октябрь. С. 10.

[49] Об этом писал сам А. В. Козырев в своих воспоминаниях (см.: *Козырев А. В.* Преображение. М., 1995).

вопрос о том, как это сделать. Высшие руководители СССР (за исключением Горбачева) склонялись к введению чрезвычайного положения в отдельных частях государства для восстановления порядка и подавления откровенно деструктивных элементов. Позиции Центра противостояли российские радикалы. По их мнению, было необходимо ликвидировать недееспособные союзные структуры и, сохранив на части бывшего СССР рыхлое конфедеративное объединение, в рамках независимых суверенных государств наконец-то решительно начать реформы. Формально стране предстояло избрать одну из этих альтернатив, фактически, наверное, выбора уже не было.

Верхушка союзной элиты была во многом скована бездействием и закулисными маневрами первого лица государства, который тогда вел только ему понятную политическую игру[50]. В результате итоговый вариант Союзного договора фактически означал прекращение существования единого государства, и в этом смысле радикалы уже добились многого. Правда, итоги референдума 17 марта 1991 г. не позволяли политикам окончательно отойти от общесоюзной риторики, что, однако, уже не меняло главного. Помимо этого, к августу 1991 г. радикалы смогли одержать победу над своими противниками в информационном пространстве[51]. В этой же среде сложилось убеждение, что «нужно идти до конца», что победа близка и возможна. «Консерваторы понимали, что осенью бой дадим уже мы... — писал в 1992 г. один из лидеров радикалов Г. Х. Попов. — Консерваторы попытались опередить нас... ГКЧП — конечно, нарушение законности. Но и нам пришлось бы ее нарушать (как, кстати, произошло при ликвидации СССР). Великие переломные эпохи нельзя судить по статьям прежних законов — раз речь идет о переходе к новой системе законов»[52]. В этом плане можно говорить, что «августовский путч» явился логическим завершением той борьбы за власть, которая началась в 1989 г. вместе с возникновением политической оппозиции. Массированное пропагандистское наступление на гекачепистов как бы отодвигало на второй план главное: борьба против заговорщиков переросла в демонтаж тех союзных структур, которые они возглавляли. Отсутствие Горбачева, нерешительность его восставшего окружения позволили осуществить Ельцину важнейший политический маневр, на

---

[50] Логика поведения членов ГКЧП достаточно полно изложена в мемуарах: *Крючков В. А.* Личное дело. М., 1996. Кн. 1–2.

[51] Власть и оппозиция... С. 326; *Шахрай С. М.* Советский Союз был убит информационным вирусом анти-СССР // Независимая газета. 1996. 10 декабря.

[52] *Попов Г.* Август девяносто первого // Известия. 1992. 21 августа.

который почти не обращают внимания в литературе: серией своих указов он переподчинил российскому руководству находившиеся на территории России силовые структуры Союза ССР: армию, органы госбезопасности, МВД[53]. Все эти события окончательно предопределили судьбу Союза, и Беловежские соглашения декабря 1991 г. явились констатацией свершившегося факта.

Итак, к середине 80-х годов необходимость реформ в СССР была осознана, однако границы возможных трансформаций не были ясны. Слом старых экономических, политических, социальных и идеологических регуляторов не сопровождался созданием новых соответствующих институтов. Все это привело к общему кризису власти и управляемости в стране на фоне ухудшающегося социально-экономического положения. Неспособность инициаторов реформ адекватно и вовремя отреагировать на «национальный вопрос» и экономический кризис привела к возникновению двух наиболее непримиримых оппозиционных течений: националистического и радикально-либерального. Логика их последующего объединения была обусловлена сложной иерархической системой национальной государственности бывшего СССР. Стремление к изменению этой иерархии при ослаблении роли партии было в тех условиях одним из немногих формально легитимных способов перераспределения власти и ресурсов. Какую цену придется заплатить за возможный распад исторического Российского государства, в то время не представлял себе почти никто.

[53] Логика противостояния сторон в августе 1991 г. хорошо отражена в сборнике документов: Красное или белое? Драма августа 1991 г. М., 1992.

А. Ю. Шадрин

ПРИБАЛТИЙСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В ИСТОРИИ РАЗРУШЕНИЯ СССР

Своими успехами политика сепаратизма во многом обязана последовательно шедшим друг за другом кризисам в разных сферах советского общества — национальной, экономической и политической. Однако очевидная взаимосвязь этих процессов не дает еще оснований для вывода о детерминированности сепаратизма объективными противоречиями советской системы. Вопрос о мере объективного и субъективного в развитии событий в Прибалтике во второй половине 80-х годов долго еще будет сохранять свою актуальность, как научную, так и политическую. Несколько упрощая, его можно сформулировать так: явились ли успехи политического сепаратизма закономерным следствием объективной нежизнеспособности советской системы или корни их лежали за пределами системы, а сепаратизм сам принадлежит к числу причин происшедшей с Советским Союзом катастрофы?

Один из первых импульсов к созданию массового движения в Прибалтике за выход из СССР задала идея возрождения культуры «коренных» национальностей. В республиках проходило огромное количество различных акций — певческих конкурсов, смотров, концертов, которые собирали десятки, а то и сотни тысяч зрителей и участников. Не случайно этот период называют «поющей революцией». Одновременно в местной периодике постепенно оформляется, а затем и начинает доминировать мысль о культурном ущемлении прибалтийских народов в составе СССР[1]. Главным образом разговор ведется вокруг проблем национального языка и двуязычия. К 1987 г. практически все массовые культурные акции стали под лозунгом превращения национального языка в государственный. Этот же лозунг стал лейтмотивом подавляющего большинства выступлений на митингах, разного рода съездах, конгрессах и т. п.[2] Итогом данного этапа политического становления сепаратизма явилось национальное размежевание в республиках.

С середины 1987 г. начинается второй этап движения за выход из Союза. Содержанием его является открытая борьба за власть. Добившись

---

[1] См., напр.: Речь А. Даниелова на проводах делегатов XIX партконференции // Советская Эстония. 1988. 21 июня.

[2] См.: *Хинт М.* Проблемы двуязычия: взгляд без розовых очков // Эстония: о том, что волнует. Таллинн, 1989. С. 87.

значительной культурно-национальной консолидации, идеологи независимости приступили к использованию экономического фактора. В октябре 1987 г. в эстонской газете «Рахва Хяэль» появилась статья Т. Маде, С. Калласа, Э. Сависаара и М. Титмы, представляющая собой в самом общем виде концепцию «самохозяйственной Эстонии» (сокращенно по-эстонски — IME, переводится как «чудо»). Идеи этой статьи были мгновенно подхвачены в Латвии и Литве и со временем оформились в разные варианты «теорий» республиканского хозрасчета, экономической самостоятельности и т. п. Все они основывались на утверждении, что экономика республик является национальной по своей природе и должна обеспечивать в полной мере лишь потребности своей национальности (в соответствии с «теорией» приоритета «коренной» нации). Вывод: хозяйство Прибалтийских республик нуждается в обособлении от единой народнохозяйственной системы СССР. Это предполагает перенос центра управления экономикой из союзных министерств и ведомств в республиканские и соответственно установление преимуществ республиканских законов перед общесоюзными. В интересах республик предусматривалось решить вопрос о собственности всех ресурсов, производственных фондов, инфраструктуры и т. п. С целью еще большего обособления в концепцию закладываются идеи введения собственной валюты, структурной и отраслевой перестройки, изменения характера межреспубликанского обмена[3].

Внешне концепции экономической самостоятельности республик преследовали цель внутренней хозяйственной стабилизации (которой якобы достичь легче, чем стабилизировать экономику в масштабах всего Союза), а также защиты внутреннего рынка республик. На самом же деле это была попытка экономического обоснования политики сепаратизма: «коренным» народам внушалась мысль, что залог будущего благополучия лежит в обособлении от народнохозяйственного комплекса СССР, их экономической переориентации на Запад.

В порыве откровенности основоположники идеи IME определили ее следующим образом: «Идея эта с экономической точки зрения абсурдна, и сама она ничто иное, как политический камуфляж»[4]. Наиболее четко сформулированная в статьях и выступлениях таких ученых-

[3] Республиканский хозрасчет: проблемы и перспективы // Вопросы экономики. 1989. № 4; *Зелгалвис Э. А.* К вопросу о хозяйственном расчете Латвийской ССР // Механизм хозяйственного расчета республики. Рига, 1988; *Калныньш А. А.* На пути перехода республики к хозяйственному расчету // Там же; *Бронштейн М. Л.* Об инновационном механизме в рамках территориальных (республиканских) хозрасчетных систем // Всесоюзная конференция «Проблемы управления народным хозяйством союзных республик». Таллинн, 1989.

[4] Советская Эстония. 1990. 28 сентября.

экономистов, как К. Антанавичюс, Э. Вилкас, С. Уосис, Э. Зелгалвис и др., она звучит таким образом: добиться экономической самостоятельности при помощи наделения республиканских ведомств и планирующих органов функциями, присущими союзным ведомствам. Это должно сопровождаться национализированием союзной собственности, ограничением вывоза, введением собственных денег и т. п. Эти меры, по мнению авторов, должны были обеспечить хозяйственную свободу, эквивалентность при обмене, а также защиту внутреннего рынка и в целом защиту экономических интересов республик. Связь с союзным комплексом сохранялась, но лишь в той мере, в какой это должно быть выгодно республикам[5]. С разной степенью откровенности, но вполне отчетливо «теоретики» республиканского хозрасчета проводили мысль о постепенной переориентации Прибалтики на западное экономическое пространство, прежде всего на Скандинавские страны.

Принципиально противоположная точка зрения на республиканский экономический суверенитет представлена в многочисленных статьях в основном латвийских экономистов С. Л. Диманиса, М. М. Гаврилова, А. В. Гапоненко, А. К. Берг-Бергмана, В. Н. Гурова и др. Большинство из этих статей вошли в сборники, изданные в Риге в 1988 и 1989 гг.[6]

Обе точки зрения объединяет стремление освободить хозяйственную систему республик от административного диктата союзных ведомств. Однако уже в этом вопросе кроется принципиальное различие в подходах. Если вторая точка зрения рассматривает экономику как неотъемлемую часть общесоюзного хозяйства и отстаивает ее вненациональный характер, то первая, наоборот, пытается доказать существование национальной основы республиканской экономики, которая лишь затерялась, но не исчезла совсем в «искусственно» сформированном производственном комплексе республик. Такой основой являются сельское, лесное хозяйство, пищевая промышленность, а также некоторые отрасли легкой, сфера услуг, портовое и рыбное хозяйство. Показательно, что в годы активной разработки концепции республиканского хозрасчета адепты «национальной» экономики всячески обходили вопрос о природе таких отраслей тяжелопромышленного комплекса, как, например, топливно-энергетическая промышленность Эстонии. Представить себе экономи-

[5] См.: *Зелгалвис Э. А.* Указ. соч.; *Калныньш А. А.* Указ. соч.; *Бронштейн М. Л.* Указ. соч.; *Раман М.* Пути и перепутья // Советская Латвия. 1988. 17, 18, 20 февраля; *Антанавичюс К.* Быть или не быть подлинному республиканскому хозрасчету // Советская Литва. 1989. 30 марта.

[6] Механизм хозяйственного расчета республики. Рига, 1988; Механизм экономической самостоятельности республики. Рига, 1989.

ку республики без добычи и производства сланцев невозможно, но признать эту отрасль «своей» означало оправдание размещения здесь энергоемкого производства, что принципиально противоречило исходным посылам «теории».

«Национальная» концепция, противопоставляя республиканскую экономику общесоюзной, на этапе внедрения экономической самостоятельности не может решить проблему собственности иначе, как с помощью простой передачи ее ведомствам республик. При этом характер собственности не может быть изменен, так как будет утерян контроль над процессом ее «освоения» и выделения из общесоюзного комплекса. Таким образом, претворение «национальной» концепции не только не вело бы к либерализации и разгосударствлению экономики, но, напротив, всячески препятствовало бы ликвидации основ командно-административной системы.

Концепция же С. Л. Дмитриса, М. М. Гаврилова и др. предполагала не только вывод республики из-под диктата центральных ведомств, но и полное освобождение экономики от администрирования. Экономическую самостоятельность эти авторы предлагали строить не на основе перераспределения функций центра и республик в пользу республик, т. е. «сверху», а путем перевода на самофинансирование и самоокупаемость самого низшего звена производственной цепи — предприятия. Предприятия, будучи самостоятельными, смогли бы отчислять часть своей прибыли в бюджет республики, тем самым обеспечивая ей материальную основу ее собственной самостоятельности. Хотя в данной программе не содержалось до конца разработанного механизма решения проблемы собственности[7], тем не менее в ней вполне отчетливо сформулированы подходы к разгосударствлению через развитие акционерной, кооперативной и других видов коллективной собственности при одновременном повышении хозяйственного значения городских и районных муниципальных органов в противовес ведомствам. В данной концепции вопрос о частной собственности оставался нерешенным, и, думается, именно это обстоятельство помешало ей приобрести законченный вид.

Понятно, что такая точка зрения не могла быть воспринята «теоретиками» экономической самостоятельности в духе национальной обособленности, хотя она и была близка к отысканию реального выхода из противоречий сверхцентрализации. Освободить предприятия с многонациональными коллективами — значит лишиться возможности подчинить экономику интересам одной нации. А эта-то цель и являлась главным экономичес-

[7] См.: *Гулян П. В.* Необходимость и существо экономического суверенитета республики // Известия АН Латвийской ССР. Рига, 1989. № 11. С. 18–30.

ким условием для победы политики сепаратизма. Логика чрезвычайно проста: сначала республика национализирует союзную собственность, сохранив ее государственную форму (это до поры будет противоречить рыночным лозунгам — тем легче идея пройдет у «консерваторов» в Кремле), потом, после соответствующей подготовки (введение собственной валюты, таможен и т. п.) — обособиться, добиться фактической самостоятельности, а затем начать процесс приватизации. Причем этот процесс неминуемо должен быть окрашен в национальные цвета, т. е. приватизировать надо сперва то, что является основой «национальной» экономики. Тогда проще будет развестись с Союзом. Во-вторых, приватизированная собственность только тогда будет гарантированно служить национальной независимости, когда ею будут обладать в основном представители «коренной» нации. Следовательно, до тех пор, пока не будет разработана такая законодательная система, при которой правом собственности могли бы владеть преимущественно «коренные» жители, с разгосударствлением спешить не следует.

Третий этап характеризуется раскручиванием социально-политического фактора накопившихся противоречий. С осени 1989 г. вслед за Народным фронтом Латвии, определившим в своей новой программе достижение независимости как главную политическую цель, об этом откровенно заговорили и в Эстонии и в Литве. В ходе подготовки намеченных на весну 1990 г. выборов в республиканские Верховные Советы развернулась открытая борьба за власть между сторонниками и противниками выхода республик из СССР. В течение марта–мая 1990 г., после победы на выборах в Верховный Совет, сепаратисты добились провозглашения деклараций независимости в Литве, а затем в Эстонии и Латвии. Весь 1990 г. и первая половина 1991 г. отмечены непримиримой политической борьбой победивших сепаратистов с оппозицией. В январе 1991 г. в Вильнюсе и Риге противостояние дошло до вооруженных столкновений, в которых принимали участие и военнослужащие СССР. Это дало толчок к усилению сепаратизма, вызвало новую волну сочувствия к нему за рубежом и позволило укрепить пошатнувшийся было авторитет нового руководства. Оппозиция была разгромлена. Лидеры ее вскоре либо были схвачены и посажены в тюрьмы, либо вынуждены были скрыться.

Начало этого этапа можно отнести к исходу 1988 г., когда в Эстонии, Латвии и Литве Верховные Советы и Советы Министров этих республик приступают к принятию законодательных актов, недвусмысленно указывающих на стремление изолироваться от советской правовой и политико-административной системы. Инициатором стал Верховный Совет Эстонской ССР, который 16 ноября 1988 г. на очередной VIII сес-

сии принял Декларацию о суверенитете Эстонской ССР, провозгласившую приоритет законов высших органов власти и управления Эстонской ССР на территории всей республики[8]. Пример Эстонии вдохновил на подобный шаг сначала Литву, а затем и Латвию, которые также приняли поправки к своим конституциям, устанавливающие право не подчиняться союзному Основному Закону[9]. Всего до марта 1990 г. в одной только Литве было принято более десятка законов и деклараций, противоречащих конституционному строю СССР, предусматривающих приоритет «коренного» населения перед «русскоязычным», ревизующих советские законы за предыдущие 50 лет[10].

В соответствии с этими нормами началось постепенное переустройство законодательных систем республик, обеспечивающее правовую независимость. Например, согласно закону о гражданстве Литовской ССР, граждане Литвы лишаются советского гражданства. Вскоре после окончания XIV сессии Верховного Совета Литовской ССР XI созыва, принявшей этот акт, Президиум Верховного Совета 16 ноября 1989 г. решил образовать комиссию по подготовке плана восстановления государственной независимости Литвы[11].

Принятые в тот же период новые законы в Эстонии так же прямо указывают на стремление этой республики к выходу из СССР. В их основу была заложена несколько иная концепция, чем в Литве: принятие закона о гражданстве должно лишь венчать всю систему законов о независимости, а не быть ее краеугольным камнем[12]. Предшествовать же этому должны законы о выборах и эмиграции. 8 августа 1989 г. Верховный Совет ЭССР принимает Закон о выборах, а в ноябре 1989 г. публикуется проект Закона об иммиграции, в котором, в частности, предусматрива-

---

[8] Советская Эстония. 1988. 18 ноября.

[9] Советская Литва. 1989. 16 октября.

[10] См., напр.: Закон «О внесении изменений в Конституцию (Основной Закон) Литовской ССР от 18.05.89 г.» // Ведомости Литвы. 1989. № 15; Закон «Об основных изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Литовской ССР» от 29.09.89 г. // Советская Литва. 1989. 10 октября; Декларация Верховного Совета Литвы от 26.05.89 г. // Ведомости Литвы. 1989. № 15; Закон об основах экономической самостоятельности Литовской ССР от 18.05.89 г. // Там же; Закон от 04.07.89 г. об изменении ст. 16 Закона Литовской ССР «Об основах экономической самостоятельности Литовской ССР» // Там же. № 20; Закон о выборах депутатов Верховного Совета Литовской ССР от 29.09.89 г. // Там же. № 29; Закон Литовской ССР «О выборах депутатов местных Советов народных депутатов Литовской ССР» от 07.12.89 г. // Советская Литва. 1989. 13 декабря; «Закон о гражданстве Литовской ССР» от 03.11.89 г. // Там же. 10 ноября; Закон о референдуме от 03.11.89 г. // Там же. 12 ноября.

[11] Советская Литва. 1989. 17 ноября.

[12] Вестник Народного фронта. 1989. № 19.

ется введение системы пограничного контроля, в функции которой, помимо прочего, входит фиксирование всех иммигрантов [13]. В ноябре же 1989 г. принято Постановление о событиях 1940 г., которое признает Декларацию о вступлении Эстонии в Союз ССР юридически недействительной и в связи с этим считает необходимым «ходатайствовать о восстановлении Эстонии в качестве субъекта международного права» [14]. Наконец, в феврале 1990 г. Республиканское собрание народных депутатов Эстонской ССР приняло Декларацию по вопросу государственной независимости [15].

В систему подготовки к выходу из СССР органично вплетаются законодательные акты, направленные на ограничение политических прав и свобод русских. В первую очередь это касается законов о государственных языках Эстонии, Латвии и Литвы [16], предусматривающих «перевод делопроизводства на язык коренной нации», обязательное знание государственного языка всеми должностными лицами, «в подчинение которых входит хотя бы один представитель коренной нации», а также сроки (2 года), в течение которых надлежит обучаться государственному языку.

Вслед за законами о языке во всех трех республиках разрабатываются положения об уровнях и порядке оценки знания государственного языка. Впервые это было введено в Латвии. Устанавливалось, что главным критерием пригодности работника является владение латышским языком. Из положения следует, что для занятия любых государственных должностей (включая дворников, сторожей, лифтеров, банщиков и т. п.) требуется хотя бы элементарное знание языка (900 слов). Для руководителей же высшего звена, их заместителей и секретарей, среднего медперсонала, юристов, работников исполкомов и др. необходимо уже умение свободно говорить и писать по-латышски [17].

Дискриминационными для русских можно также назвать законы о выборах в местные и Верховные Советы Латвии и Эстонии, содержащие введение, например, ценза оседлости, определяющего право участвовать в избирательной кампании и избираться в органы власти [18].

---

[13] Молодежь Эстонии. 1989. 2 ноября.

[14] Советская Эстония. 1989. 11 ноября.

[15] Там же. 1990. 3 февраля.

[16] Закон о государственном языке Эстонской ССР. Таллинн, 1989; Закон о государственном языке Литовской ССР. Вильнюс, 1989; Закон о государственном языке Латвийской ССР. Рига, 1989.

[17] Советская Латвия. 1990. 16 февраля.

[18] Закон Эстонской ССР «О выборах местных Советов народных депутатов». Таллинн, 1989; Закон Эстонской ССР «О выборах депутатов Верховного Совета»;

Далее — указы Верховных Советов и Советов Министров республик. В качестве примера можно привести Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 28 июля 1989 г. «О реабилитации лиц, осужденных за некоторые деяния». Он предлагает среди прочего реабилитировать лиц, осужденных за отказ в выполнении повинностей, заданий, имеющих *общегосударственное значение*[19]. В том же духе исполнено Постановление Верховного Совета Литовской ССР «О военной службе граждан Литовской ССР» (устанавливает, что вопросы начальной военной подготовки юношей республики относятся к ведению Литвы)[20]. Существуют и другие[21].

Столь подробное описание законотворческой деятельности формирующихся независимых систем дает возможность сделать важное обобщение. В течение всего периода после подписанного в декабре 1991 г. Беловежского соглашения пропагандисты идеи «суверенизации» бывших союзных республик заняты постоянным поиском ее исторического обоснования. «Находкой», с их точки зрения, позволяющей доказать закономерность и даже неизбежность распада советской федерации, стал тезис, который часто формулируется в виде риторического вопроса: «Можно ли считать жизнеспособной государственную систему, которая рухнула только под воздействием росчерка пера троих политиков — Б. Ельцина, Л. Кравчука, С. Шушкевича?»

Разумеется, если согласиться с определением тех государственных и политических отношений, которые утвердились в СССР к концу 1991 г., как системы, а не как химеры, то ответ на этот вопрос, действительно, может быть только один: «СССР рано или поздно должен был погибнуть». На самом же деле никакой системы уже не существовало. Она целенаправленно и методично разрушалась в течение ряда лет, и обозначенное выше законотворчество прибалтийских деятелей об этом свидетельствует. Кроме того, становится возможным установить некие направления, по которым распространялся паралич союзной государственности: Конститу-

---

Закон Латвийской ССР «О выборах депутатов местных Советов народных депутатов». Рига, 1989; Закон Латвийской ССР «О выборах депутатов Верховного Совета». Рига, 1989.

[19] Советская Литва. 1989. 2 августа.

[20] Там же. 3 октября.

[21] Постановление Верховного Совета Литовской ССР «О приостановлении действия некоторых постановлений Верховного Совета СССР на территории Литовской ССР» // Советская Литва. 1989. 14 декабря; Постановление Совета Министров Литовской ССР от 25.09.89 г. «О порядке создания и регистрации объединений, предприятий и организаций вневедомственного статуса хозяйства Литовской ССР, а также ассоциаций, концернов и консорциумов» // Ведомости Литвы. 1989. № 29.

ция, идеологические традиции, отношения собственности, функционирование оборонной системы, система социальных прав и защиты и пр.

И еще. Прослеживается теснейшая связь и совпадение интересов прибалтийских сепаратистов и тех, кто непосредственно повинен в уничтожении Советского Союза. Примерно к одному времени относятся следующие высказывания лидера эстонских националистов Т. Маде: «...Русские сами должны почувствовать, что империя распадается. Надо, чтобы они испытали потрясение и поняли, что не являются центром земли»[22] (вторая половина 1989 г.), а также идеолога «демократических реформ» Г. Попова: «Мы избрали тот путь борьбы за власть, который уже содержал вариант отказа от СССР»[23] (начало 1990 г.).

В связи с этим невольно задаешься вопросом: если у политиков полное единодушие в оценке момента и задач, то не являются ли они воинами одного легиона? Ведь в это время шла война, хоть и «холодная». Война велась США во главе с ЦРУ с помощью союзников. Методы, применяемые сепаратистами и московскими «демократами», вполне позволяют оценить их действия как согласованные и целенаправленные действия по нанесению противнику невосполнимого ущерба.

В 1988 г. Эстонская ССР недопоставила в союзный фонд от взятых на себя обязательств 13% мяса и 5% молока[24]. Какой-либо реакции в правительстве страны, повлекшей за собой неприятности для руководства республики, не было. На следующий год Эстония, вместо положенных 74 тыс. т мяса вывезла 59,6 тыс. т и вместо 555 тыс. т молока — 474 тыс. т. Снизилась также поставка яиц и птицы[25]. В этом же году не выполнила задания по поставкам в общесоюзный фонд мяса и молока Латвия (недопоставлено мяса 26,4 тыс. т, или 29% к плану, молока 76 тыс. т, или 11% к плану)[26]. Меньше положенного сдала государству и Литва (169,2 тыс. т мяса, или 86,3% к плану)[27]. Тут следует отметить, что подавляющая часть поставок мясомолочной продукции из Прибалтики приходилась на Москву и Ленинград.

Руководство республик оправдывало несоблюдение договорной дисциплины снижением объемов производства животноводческой про-

---

[22] Советская Эстония. 1989. 8 августа.

[23] *Попов Г.* Снова в оппозиции. М., 1994. С. 78.

[24] Об экономическом и социальном развитии союзных республик в 1988 г. Экономический обзор. М., 1988. С. 34.

[25] Советская Эстония. 1990. 19 ноября.

[26] Экономика и жизнь. 1990. №13. С. 11.

[27] Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., 1990. С. 488.

дукции, в частности неурожаем 1988 г.[28] Но как в связи с этим объяснить такой, например, факт: в 1989 г. в Эстонии цены на городских рынках на мясо составляли 92% от прошлогодних, в то время как в среднем по стране они выросли на 4%[29]. В Латвии же местная рыночная реализация в 1989 г. составила 104% к плану[30], тогда как общесоюзные ресурсы сократились на 2% к прошлогоднему[31]. Явно иждивенческие настроения прибалтийских руководителей иллюстрирует решение Совета Министров Латвийской ССР в декабре 1989 г. связать поставки продуктов животноводства в общесоюзный фонд с поставками в республику зернофуража по эквиваленту: молоко — 1:1, мясо — 1:10, яйца — 1:0,2[32]. На самом деле, как это признавалось самими прибалтийскими специалистами сельского хозяйства, для производства 1 т говядины, например, требуется всего около 7,5 т зерна[33].

Правительство СССР на этот раз решило не оставлять без внимания факты срыва поставок продуктов животноводства в общесоюзный фонд, и по отношению к ним были применены штрафные санкции в виде сокращения поставок кормов из расчета десять тонн зернофуража за каждую недопоставленную тонну мяса. В таком соотношении учитывались затраты на покупку зерна за рубежом, его доставку, хранение, т. е. те затраты, которые государство обычно брало на себя при расчетах с республиками[34].

Таким образом, в поставках кормовых ресурсов Прибалтийских республик образовался в 1990 г. значительный дефицит — 30–40%[35]. Это сразу же отразилось на результатах животноводства. Уже к февралю 1990 г. поголовье свиней в Эстонии сократилось на 40 тыс. голов, к тому же средний вес животных уменьшился на 4 кг, на 7 кг уменьшился вес крупного рогатого скота. Из-за нехватки кормов за восемь месяцев 1990 г. было получено на 3,4 тыс. т меньше кур (62,4% показателя 1989 г.)[36].

Как видим, снижение производства мяса уже в первом полугодии 1990 г. в Латвии, а также сокращение поголовья скота и птицы были зако-

---

[28] Советская Латвия. 1990. 26 января; Экономика и жизнь. 1990. № 13.

[29] Об экономическом и социальном развитии союзных республик в 1988 г. ... С. 40–41.

[30] Экономика и жизнь. 1990. № 13. С. 11.

[31] Народное хозяйство СССР в 1989 г. С. 488.

[32] Известия. 1989. 27 декабря.

[33] Эхо Литвы. 1990. 11 апреля; Советская Эстония. 1990. 18 февраля.

[34] Там же.

[35] Советская Эстония. 1990. 16 декабря; Эхо Литвы. 1990. 11 апреля; Советская Латвия. 1990. 7 февраля.

[36] Там же.

номерны. Причины всего этого очевидны. Уже первые попытки вырвать сельское хозяйство Прибалтики из единого сельскохозяйственного комплекса привели к тяжелым последствиям для республик. При этом следует учитывать, что большинство связей все же было сохранено: на 60–70% продолжались поставки зернофуража, почти полностью шло обеспечение техникой, энергоресурсами и т. д.

Процессы дезинтеграции начались, и их последствия не могли не быть прогнозируемы политиками! Г. Попов на секретной конференции Московского объединения клубов избирателей и Московской ассоциации избирателей выдвинул недвусмысленную тактику подрыва союзной власти со ставкой на «всеобщее народное возмущение», для чего предлагалось «довести систему торговли до такого состояния, чтобы ничего невозможно было приобрести... Таким образом можно добиться всеобщих забастовок в Москве. Затем ввести полностью карточную систему. Оставшиеся товары (от карточек) продавать по произвольным ценам»[37]. Едва ли эти планы московских «демократов» противоречили планам националистов в Прибалтике или даже в чем-то не совпадали с ними.

На фоне этого следует несколько пристальнее взглянуть на проблему межреспубликанских экономических связей, которая рассматривалась IME и родственными ей программами как чуть ли не центральная. Большинство авторов, исследовавших этот вопрос, объясняют интерес в Прибалтике к межреспубликанскому обмену в основном через их стремление доказать всему миру, что за ее счет кормятся другие республики СССР[38]. Подход, казалось бы, правомерный: стоит опровергнуть надуманность подобных утверждений и пропаганда сепаратизма, манящая народ открывающимся благоденствием, лишилась бы целой цепи аргументов[39]. На деле же получалось, что чем тверже и неопровержимее обозначались позиции критиков, тем откровеннее и безапелляционнее действовали критикуемые. Доводы тех, кто доказывал, что Прибалтийские республики живут далеко не по средствам, с ходу отметались со ссылками на

---

[37] Цит. по: Власть и оппозиция. М., 1995. С. 309.

[38] См.: *Гольденберг Л.* Всесоюзный рынок // Союз. 1990. № 21. С. 6.; *Малинковский А.* Экономическая самостоятельность: иллюзии и реальность // Советская Латвия. 1989. 21 октября; *Погосов И.* Кто кого кормит? // Литературная газета. 1989. № 32. С. 12; Сколько стоит самостоятельность? // Аргументы и факты. 1989. № 50. С. 6; *Федотов А.* Живет ли Прибалтика в долг? // Коммунист Советской Латвии. 1989. № 8. С. 50–57.

[39] Наиболее убедительно абсурдность утверждений о «грабительском» для Прибалтики характере обмена показана в работах А. Федотова, А. Малинковского, И. Погосова (см. прим. 38).

некорректность — советской статистики, неучтенность ею скрытых форм ввоза и вывоза и т. п.[40]

Вопрос сознательно запутывается, и в конце концов очевидным становится бесплодность, а то и вредность самой дискуссии. Возникает мысль: а не затевалось ли все с самого начала с единственной целью — рассорить республики и народы СССР выяснением «кто кого кормит»?

Основным провоцирующим и спекулятивным моментом в программах типа IME являлся тезис о неэквивалентности обмена в рамках советской системы, основывающейся на внеэкономическом административном перераспределении. Этот тезис нельзя, вероятно, опровергнуть, рассуждая в рамках понятий перестроечных экономических реформ. Обращение же к прежним понятиям также было бы неэффективно — население все меньше и меньше прислушивалось к «консерваторам». Вот так и получилось, что жители Прибалтики (не только титульных национальностей, но и русские) сочли, что, обретя государственную независимость, они резко улучшат свое материальное благосостояние. В Литве, например, в апреле 1990 г., согласно статистике, 80% литовцев думали, что люди будут жить лучше, чем до сих пор, если республика выйдет из СССР; такого же мнения были 51% поляков и 32% русских[41]. Парламенты Прибалтийских республик, принимая весной 1990 г. решение об отделении от СССР, имели все основания заявлять о том, что их действия опираются на поддержку большинства населения. Об этом же говорят и данные многочисленных социологических опросов, проводившихся в тот момент, и результаты референдумов[42].

Вступив на путь сепаратизма, руководство Прибалтийских республик понимало, что в новых условиях предстоит радикальная ломка всей структуры производства. Прежние отрасли специализации в едином хозяйственном комплексе страны, прежде всего машиностроение, химическая, топливно-энергетическая, не могут играть заметной роли в отделившейся экономике — для этого требуется глубокая внутриотраслевая переориентация с гигантскими капиталовложениями, что республикам совершенно не по силам. Поэтому предполагалось, хотя бы на первых порах, отдать приоритеты развития, как и в 20–30-е годы, лесному и сельскохозяйственному комплексам[43]. Вот, например, как высказывался по поводу перспектив лесного хозяйства министр промышленности Эстонской ССР Я. Тамм в канун провозглашения независимости:

[40] См.: *Шмулдерс Б.* Платежный баланс Латвии. Развернутый вариант анализа. Рига, 1989.

[41] Советская Эстония. 1990. 12 апреля.

[42] Там же. 5 марта; Летувос Ритас. 1990. 10 апреля.

[43] Советская Латвия. 1990. 31 июля.

«В свое время лес послужил основой подъема промышленности и всей экономики Финляндии. Думаю, что в развитии эстонской промышленности мы должны избрать тот же путь... Поначалу, чтобы заработать валюту, придется вывозить древесину, но в будущем главными экспортными статьями станут целлюлоза и бумага»[44]. Другими словами, больше всего внимания уделялось тому, что означало бы резкий отход от пути технического прогресса, возвращение к доиндустриальной стадии хозяйственного развития, сворачивание процесса разделения труда, превращение экономики в сырьевой придаток мирового производства. Таким образом, ясно, что в смысле перспектив развития «цивилизованного» общества сепаратисты для своих народов не ожидали ничего хорошего.

Разрыв с республиками влек за собой не только потери для Прибалтики. Все остальные составные части хозяйственного комплекса СССР также оказались в условиях критического испытания их экономической прочности. Вывоз из Прибалтийских республик при всем своем сравнительно малом объеме был способен серьезно повлиять на производство в других районах СССР. Этим обстоятельством как раз и рассчитывали воспользоваться лидеры сепаратистов. Рассуждения на этот счет были нередки в печати Прибалтики еще задолго до объявления независимости. Содержатся они и в официальных документах, например, в таком, как «Проблемы создания экономики независимой Литвы» Комиссии Верховного Совета Литовской ССР по подготовке плана восстановления независимости Литвы[45]. Смысл всего сводился к следующему: если Советский Союз «применит экономические санкции» против независимых прибалтийских республик (другими словами, перестанет поставлять сырье и материалы для производства и потребления), то, как говорил эстонский министр Я. Тамм, «в первую очередь мы будем вынуждены остановить предприятия союзного подчинения... Пострадают прежде всего именно эти коллективы и экономические интересы страны в целом»[46].

Понятна заинтересованность прибалтийских руководителей в поставках сырья из других республик, и если рассматривать вопрос с чисто экономической точки зрения, то проблема отделения Прибалтики во многом теряла бы свою остроту, коль скоро связи сохранялись бы в прежнем виде. Но в том-то и дело, что с самого начала предполагалось не совсем то. Вот, например, как излагает планы литовского правительства по поводу ожидаемых отношений с Советским Союзом советник

---

[44] *Тамм Я.* Выход на западные рынки — жизненно важный вопрос для экономики Эстонии // Политика. Таллинн, 1990. № 12. С. 78.

[45] Коммерсант. 1990. № 17. С. 1.

[46] Советская Эстония. 1990. 22 мая.

парламента по экономическим вопросам Б. Заикаускас: «Предполагается, не меняя прежних поставщиков сырья, электричества, активно включиться в западную технологию»[47].

Изрядная доля цинизма в этом замысле не помешала ему сыграть значительную роль в пропаганде сепаратистских идей среди «коренных» прибалтов. С одной стороны, людям внушалась вера в то, что никакой катастрофы не будет, так как Советский Союз не заинтересован в этом, а с другой — объективная самоизоляция Прибалтики трактовалась как применение «экономических санкций», давление «бывших хозяйственных партнеров». По сути дела, использовался испытанный прием — объединение нации перед лицом врага.

Блеф, основывающийся на экономических проблемах Советского Союза, стал буквально остовом механизма разрушения государства. В этом смысле блеф IME и блеф программы «500 дней» вполне органично сочетаются. Обе эти программы ставили своей целью децентрализацию управления экономикой СССР и ликвидацию единого народнохозяйственного комплекса. При этом главной задачей являлась бы дестабилизация производства и потребительского рынка страны[48]. Общим для них также являлось нагнетание конфронтации между «консерваторами» (т. е. защитниками советского строя) и радикал-либералами (ликвидаторами СССР), популяризация идей «демилитаризации хозяйственной жизни» — конверсии, внушение мысли об абсолютной неспособности советской экономики удовлетворить бытовые потребности народа[49].

Несомненно, что блефом в глобальной игре стало и разыгрывание экологической «карты», которую к тому же тесно связывали с проблемами миграции и «русскоязычного населения». В связи с экологической обстановкой в регионе наибольший общественный резонанс во второй половине 80-х годов вызвала ситуация, сложившаяся в местах добычи сланцев и фосфоритов в Эстонии. В северо-восточной части республики хранятся крупнейшие в Европе запасы фосфоритов — сырья для производства минеральных удобрений. При открытом способе добычи фосфоритов экологическую проблему создает самовозгорание

---

[47] Правда. 1990. 2 июня.

[48] В книге Р. Г. Пихои «Советский Союз: история власти (1945–1991)» автор хотя и оспаривает тезис о причастности программы «500 дней» к планам ликвидации СССР, но одновременно приводит ряд фактов, позволяющих усомниться в прочности его позиции (см.: *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: История власти (1945–1991). М., 1998. С. 594–605).

[49] См.: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 596; *Тамм Я.* Не отторгать, а интегрировать // Советская Эстония. 1990. 22 мая; *Чешко С. В.* Распад Советского Союза. М., 1996. С. 232.

сланца[50]. Не случайно, что именно проблема эстонских фосфоритов стала одним из символов этих движений: ведь, с одной стороны, таким образом можно было показать смелость и решительность в борьбе с властями, с другой — никто не смог бы доказать наличие корысти и амбиций в действиях лидеров «фронтов», так как фосфориты повсеместно и не без оснований воспринимались как угроза народной жизни. Таким образом, борьба за экологию практически с первых своих шагов стала носить политический характер. Решение же Совета Министров СССР осенью 1988 г. о прекращении начатого проектирования рудников рассматривалось как первая крупная победа Народного фронта Эстонии.

Особая ситуация в ряду всех экологических проблем Прибалтики сложилась также в сланцевом бассейне Северо-Восточной Эстонии. Уже к концу 70-х годов стали проявляться первые признаки надвигающегося кризиса, когда добыча сланца достигла 20 млн т в год. В отвалах на территории бассейна скопилось более 250 млн т твердых отходов, которыми было покрыто 2,5 тыс. га земли, и золоотвалами — почти 2 тыс. га[51]. Тем не менее и сам сланец не очень-то спешили использовать по назначению: огромное его количество надолго оседало на складах, участились случаи самовозгорания[52].

Тем временем последствия этого все больше и больше стали ощущать на своем здоровье местные жители, и вскоре республика узнала: в Кохтла-Ярвеском районе люди страдают в 2,5 раза чаще от бронхитов, в 2,7 раза — от гипертонической болезни[53], случаи малокровия и аллергических заболеваний встречаются в 2 раза чаще, чем в среднем по республике[54]. Кохтла-Ярве, Нарва, Силламяэ и другие населенные пункты Северо-Восточной Эстонии держали первые места в республике по смертности и последние по рождаемости. Здесь был выше производственный и бытовой травматизм и количество выкидышей у беременных женщин[55]. Все это дало основание наиболее радикально настроенным поборникам природы определить масштабы бедствия как «эстонский Чернобыль»[56].

Обнаружение проблемы сланцев по времени совпало с событиями вокруг фосфоритов, и это позволило деятелям НФ усилить «аргументированность» тезиса о «колониальной» сущности советской эко-

---

[50] Вечерний Таллинн. 1989. 28 октября.

[51] Советская Эстония. 1990. 16 марта.

[52] Там же. 16 мая.

[53] Там же. 27 июня.

[54] Там же. 16 мая.

[55] Там же. 16 марта.

[56] Там же. 1990. 16 мая.

номической политики. Более того, фосфориты и сланцы Эстонии как символы «советского колониализма» стали часто использоваться литовским «Саюдисом» и НФ Латвии. Все это в сочетании с местными проблемами подтолкнуло «народные фронты» включить экологический раздел в программу своей политической борьбы. Вот что сказано, например, во второй Программе НФЛ: «Существующая система доказала, что в ее пределах невозможно кардинально улучшить экологическое положение в Латвии»[57].

В ряд символов борьбы с «системой» были поставлены Игналинская АЭС, Мажейкский нефтеперерабатывающий завод и некоторые другие производства в Литве, Слокский ЦБЗ неподалеку от Юрмалы, Вентспилсский морской порт в Латвии. Единственным требованием, которое звучало в многочисленных выступлениях политиков «народных фронтов», было немедленное закрытие этих предприятий, так как от них «нет никакой пользы коренным народам, а вред огромен»[58].

Не следует удивляться, что ситуация не оставляла равнодушными эстонцев. Естественно, что даже те из них, кто непосредственно не соприкасался с вредными воздействиями, жившие вдалеке от опасных производств, по-особому воспринимали гибель родной природы. А это уже условия, которые можно использовать для нагнетания ксенофобии. Именно условия, а вовсе не причины ее, ведь на тех самых предприятиях и в тех самых городах, где все это проявлялось, работали и жили преимущественно русские. По всякой здравой логике их интересы и интересы эстонцев не могли не совпадать. Однако такая логика не устраивала сепаратистов.

Весной 1989 г. в г. Силламяэ, расположенном в центре сланцевого бассейна Эстонии, стало наблюдаться массовое выпадение волос у детей. Причины заболевания до конца установлены не были, но специалисты высказывали предположение, что виной тому воздействие радия, содержавшегося как продукт распада урана в сланцах[59].

В местной печати было уделено много внимания этой трагедии. Силламяэ, как и большинство городов Северо-Восточной Эстонии, по преимуществу населения — «русский» город, русских там свыше 90%[60]. И это обстоятельство в совершенно неожиданном ракурсе стало использоваться в выступлениях и публикациях деятелей Народного фронта, когда они заводили речь о проблемах экологии Эстонии. Так, например, одна из таких публикаций заканчивалась следующими словами: «Мой рус-

[57] Атмода. 1989. 20 ноября.

[58] Советская Латвия. 1990. 1 марта.

[59] Вестник Народного фронта. 1989. № 3. С. 8.

[60] Советская Эстония. 1990. 3 апреля.

ский земляк, неужели тебя действительно это не волнует?..»[61] Нетрудно предположить, что присутствующее в риторическом вопросе вежливое сомнение в нормальности русских людей в публикациях на эстонском языке выражалось в куда более определенной и сильной форме. Цель этого вполне ясна — представить русских как абсолютно равнодушных к природе края, где они живут, и пополнить тем самым «доказательства» того, что они — «орудие колониальной политики Центра».

Вообще на всех без исключения национальных движениях в защиту окружающей среды в Прибалтике, как нигде, ярко отразилась печать политической конъюнктуры. Достаточно сказать, что первый официально зарегистрированный антикоммунистический митинг провели «зеленые» Латвии[62]. В Юрмале, известном латвийском городе-курорте, некоторые принятые горсоветом (составленном в основном из числа сторонников НФЛ) решения в защиту природы носили откровенно провокационный политический характер: было запрещено проведение популярного в стране конкурса молодых эстрадных исполнителей, ликвидировались все пионерские лагеря и т. п.[63]

В свете этих «экологических» мер видится исключительно политическая подоплека в нашумевшей в свое время истории с закрытием Слокского целлюлозно-бумажного завода по решению того же Юрмальского горсовета. В постановлении сессии (осень 1988 г.) в категорической форме, не допускающей никакой возможности руководству завода предпринять какие-либо «реабилитирующие» шаги, сказано буквально следующее: «Считать необходимым прекратить производство целлюлозы на Слокском целлюлозно-бумажном заводе с 01.01.89 г., а бумаги — с 01.01.90 г.»[64].

Руководство предприятия перед тем, как оно было закрыто в январе 1990 г., сделало все возможное, чтобы свести к минимуму вредность производства. Уже в октябре 1989 г., несмотря на технологические нарушения в работе очистных сооружений, удалось снизить загрязненность стоков в 2,5 раза по отношению к среднему показателю 1988 г., что вполне оказалось приемлемым даже по нормам, принятым в Скандинавских странах[65]. Депутаты горсовета не переменили своего решения даже тогда, когда Совет Министров Латвийской ССР предложил компромиссный вариант выхода из конфликта — снизить производство целлюлозы до 40 тыс. т в год (вместо 110 тыс. т, как раньше) и перепрофилировать все

[61] Вестник народного фронта. 1989. № 8. С. 4.

[62] Советская Латвия. 1990. 13 марта.

[63] Там же. 15 мая.

[64] Юрмала. 1988. 15 сентября.

[65] Советская Латвия. 1990. 7 января.

бумажное производство в республике с учетом строительства нового завода по западным технологиям. При этом возможность полного закрытия ЦБЗ сохранялась, если какое-либо из условий не будет соблюдено[66].

Цель этой акции, игнорирующей огромные потери в сферах экономики (они оценивались в 1 млрд руб.)[67], социальной (свыше 7 тыс. работников завода остались без работы плюс сотни сотрудников простаивающих типографий по всей республике)[68], моральной (длительное время из-за перебоев с бумагой республика оставалась практически без газет), не может никак уложиться только в рамки борьбы за защиту окружающей среды. Нельзя это даже рассматривать как протест против «советской колониальной политики», по «прихоти» которой вредное производство оказалось в центре курорта: Слокский завод был основан в период буржуазной республики[69]. Остается одно: цель акции — продемонстрировать свое отношение к советской власти, к факту нахождения Латвии в составе СССР.

Пожалуй, еще более показательно выглядит роль экологических проблем в политической жизни Эстонии в конце 80-х годов. Вопреки тому, что издания местного «народного фронта» внушали своим читателям, что лишь «коренная нация» по-настоящему озабочена бедами родной природы, данные социологических опросов показывают несколько иную картину. Так, в ноябре 1989 г. 75% опрошенных русских (против 71% эстонцев) отметили в своих ответах состояние окружающей среды как наиболее важную для них проблему[70]. Этот результат неудивителен: ведь большинство жителей экологически неблагополучных районов русские.

Неудивительно также и то, что лидеры сепаратистского движения по мере своего приближения к политической власти в республике все больше охладевали к проблемам района, который они окрестили «эстонским Чернобылем». В Программе Народного фронта Эстонии, принятой еще в октябре 1988 г., записано: «НФ признает приоритет экологии перед экономикой»[71]. Первенство природоохранных мероприятий перед экономической, социальной и оборонной деятельностью было зафиксировано и в законе ЭССР «Об охране природы Эстонии»[72], приня-

---

[66] Там же. 18 января.

[67] Правда. 1990. 24 января.

[68] Советская Латвия. 1990. 7 января.

[69] Там же.

[70] Советская Эстония. 1990. 1 февраля.

[71] Народный Фронт Эстонии. Хартия. Программа. Таллинн, 1989. С. 23.

[72] Советская Эстония. 1990. 15 марта.

том в феврале 1990 г. как реализация «концепции» IME, разработанной под эгидой НФЭ. После таких категорических заявлений было бы логично ожидать, что именно правительство, составленное из членов этой организации и возглавляемое одним из ее лидеров, Э. Сависааром, среди своих первоочередных задач станет решать проблемы Северо-Востока республики. Однако попытки депутатов из Нарвы, Кохтла-Ярве, Силламяэ даже просто поставить вопрос об оказании помощи населению этих городов в повестку дня работы первой сессии нового состава Верховного Совета Эстонии в течение почти двух месяцев были безуспешными[73]. Когда же наконец началось обсуждение, то со стороны депутатов-народнофронтовцев постоянно звучали удивленные вопросы: «Почему речь идет именно о катастрофе?»[74]

Утрата интереса деятелей НФЭ к проблемам экологии говорит лишь о том, что практически с самого начала истинной целью их была политическая власть. То же и в соседних республиках, например в Литве. Приведем лишь два наиболее ярких примера.

В 1983 г. под Палангой литовскими геологами было найдено месторождение нефти. Министерство геологии СССР, получив информацию от литовских экспертов, что нефти мало и она невысокого качества, к разработке источников так и не приступило[75]. Как выяснилось впоследствии, информация эта не соответствовала действительности: исследованные запасы приближались к объему в 160 млн т[76], а качество нефти позволило бы продукты ее переработки продавать на рынке по самой высокой цене[77]. Главная же причина консервации месторождения крылась, будем полагать, в опасении за экологию края. Любопытно, что менее чем через месяц после провозглашения Декларации независимости Совмин республики принял решение приступить к промышленному использованию месторождения, а основная озабоченность в связи с этим выражалась лишь по поводу недостаточных мощностей Мажейкского нефтеперерабатывающего завода[78]. А ведь еще несколько месяцев назад это предприятие находилось под реальной угрозой закрытия под давлением активистов «Саюдиса» и других природозащитников.

А вот пример с Игналинской АЭС. Именно закрытием строительства ее третьего энергоблока в 1989 г. можно отметить один из этапов

[73] Там же. 15 мая.

[74] Там же. 14 октября.

[75] Коммерсант. 1990. № 17. С. 1.

[76] Эхо Литвы. 1990. 27 апреля.

[77] Коммерсант. 1990. № 17. С. 1.

[78] Эхо Литвы. 1990. 27 апреля.

деятельности «зеленого» движения Литвы. Однако в феврале 1990 г. стали распространяться смущающие слухи, что блок будет расконсервирован[79]. А в марте, вскоре после своего избрания на пост Председателя Верховного Совета республики, лидер «Саюдиса» В. Ландсбергис давал уже такую оценку ситуации: «По счастливой случайности у нас есть... атомная электростанция, против строительства которой мы протестовали многие годы»[80].

Наряду с антикоммунизмом, антисоветизмом, объединяющими прибалтийских сепаратистов с московским «демократическим» движением, в это время стремительно вырывается наружу русофобия. Один из руководителей СССР эпохи его заката А. Лукьянов так характеризует, например, обстановку в республиках в период проведения первых альтернативных выборов 1989 г.: «...в целом ряде республик не соблюдались никакие пропорции, выдвигались лишь национальные кадры. Было задушено русское начало вообще. Развал нашего Союза с этого и начинался. Он начался с того, что была возможность местному лидеру не подчиниться союзному государству, прикрываясь лозунгом суверенитета. А если Москва начинала давить, все говорили об империализме и русской великодержавности»[81].

Обоснованию русофобии в Прибалтике посвящена т. н. «теория приоритета коренной нации», одним из главных тезисов которой было утверждение о засилье мигрантов из РСФСР и других республик: «...люди, приехавшие в Эстонию после войны, волей-неволей являлись орудием колониальной политики Центра»[82]. «Теория приоритета коренной нации» не что иное, как закамуфлированное проявление самого оголтелого национализма. Вся ее «научная» и «нравственная» аргументация построена на спекуляции объективными проблемами, возникшими в недрах директивной системы. Апологеты «теории» примешивают к этим проблемам национальные мотивы, говорят о сознательной русификации и деэтнизации прибалтийских народов, проводимых союзным руководством на всем протяжении советской власти. Единственный способ противостоять этому — обеспечить социальные, юридические, политические гарантии «коренной» (титульной) нации, остальных же необходимо рассматривать как граждан второго сорта. Но была ли политика Центра на самом деле колониальной и были ли русские ее орудием?

Действительно, в Прибалтийских республиках ко второй половине 80-х годов миграционный прирост был самым высоким в стране. Так,

---

[79] Известия. 1990. 22 февраля.

[80] Комсомольская правда. 1990. 21 марта.

[81] *Лукьянов А.* Даже тюрьму не буду красить в черный цвет... // День. 1993. № 8. С. 5.

[82] Советская Эстония. 1990. 23 мая.

в 1986 г. положительное миграционное сальдо имели лишь 4 республики СССР: в РСФСР коэффициент миграционного прироста на 1000 человек населения составлял 1,7, в Литве — 3,9, в Латвии и Эстонии — 5,9. В 1987 г. в Латвии и Литве миграция была рекордной за последние 20 лет, и коэффициент миграционного прироста вырос соответственно до 7,1 и 4,5, в Эстонии он остался примерно на том же уровне — 5,1 (в РСФСР — 1,4)[83].

Сокращение удельного веса «коренной» нации сопровождалось увеличением доли русских (например, в Латвии с 26,6% в 1959 г. до 34% в 1989 г., в Эстонии с 20,1 до 26,3%, в Литве с 8,5% до 9,4%)[84]. Кроме русских существенную долю в населении республик составляли белорусы (по переписи 1989 г., в Латвии — 4,5%, в Литве — 1,7%, в Эстонии — 1,2%), украинцы (в Литве — 1,2%, в Латвии — 3,5%, в Эстонии — 6,6%), а также поляки (в Литве их насчитывалось 7,0%, в Латвии — 2,3%). Таким образом, отношения между русскими, с одной стороны, и титульными народами — с другой, в огромной степени определяют межнациональный климат в Прибалтике (в Литве, впрочем, такое же значение имеют отношения между поляками и литовцами).

Причем если сначала основной поток переселенцев шел из считанных районов России, расположенных довольно близко к республикам и связанных с ними многими историческими и культурными связями, то примерно с конца 70-х годов главное место в этом потоке стали занимать выходцы из областей и республик, не имевших традиций в отношении с Прибалтикой. Это создавало дополнительные трудности при адаптации вновь прибывших к непривычным для них культурным и социальным условиям, обычаям, психологии, нравам.

Изменение национального состава населения Эстонии и Латвии за годы советской власти было вызвано направленностью и темпами экономического развития этих республик[85]. Другим не менее важным фактором, обусловившим иммиграцию в Эстонию и Латвию, был традиционно более высокий уровень жизни местного населения. Уже в 1975 г. в Латвии и Эстонии уровень заработной платы рабочих и служащих был выше среднесоюзного[86]. При этом следует учитывать, что в некоторых областях РСФСР и Казахстана были введены дополнительные коэффициенты и надбавки к зарплате. Сравнительно невысокий уровень заработ-

[83] См.: *Чевачин В. Н.* Миграция как она есть и как с ней бороться. Рига, 1990. С. 10.

[84] Советская Литва. 1990. 3 марта; Советская Латвия. 1990. 22 марта; Советская Эстония. 1990. 3 апреля.

[85] См., напр.: *Федотов А. Н.* Критический анализ советологических концепций республик Советской Прибалтики. М., 1989. С. 127; *Фурман Д. Е.* Становление политических организаций в современной Эстонии. М., 1991. С. 10.

[86] Экономическая газета. 1988. № 51. С. 5.

ной платы в 1975 г. в Литве объясняет во многом как раз то, что из трех Прибалтийских республик Литва в то время меньше привлекала внимание переселенцев. Однако по мере ускорения производственного развития она в конце концов почти сравнялась со своими соседями в этом показателе, незначительно, но все же опережая их по темпам его роста[87].

В Прибалтике при одной из самых высоких в Советском Союзе оплате труда рабочих и служащих одновременно в большей степени, чем в других высокооплачиваемых районах страны, соблюдался принцип социального равенства. Так, по данным НИИ экономики при Госплане СССР, в 1988 г., меньше чем на 75 руб. в месяц жили: в республиках Средней Азии — от 40 до 60% населения, 33,3% жителей Азербайджана, 16,3% — Грузии, 18,1% — Армении, 15,9% — Казахстана, 13% — Молдавии, 8,1% — Украины, 6,3% — РСФСР, 5% — Белоруссии. В Прибалтике количество людей, на каждого из которых приходилось в месяц меньше, чем 75 руб., составляло в 1988 г. примерно 3,5%[88].

Уровень потребления здесь был также самым высоким в Союзе. Так, в 1986 г. по отношению к стране в целом в Эстонии населением потреблено товаров и услуг 133%, в Латвии — 129%, в Литве — 115% (далее следовали Украина — 106%, Россия — 105% и т. д.)[89]. Таким образом, более высокий уровень жизни в Прибалтике, с которым Эстония и Латвия вступили в СССР и который им удалось сохранить за все годы советской власти, стал стимулом для местного обеспечения производства рабочей силой. Без этого иммиграция туда из других районов страны едва ли достигла бы такой большой степени. Это подтверждается и примером Литвы: рост миграционного потока в эту республику начался именно тогда, когда благосостояние местных жителей стало приближаться к наиболее высоким показателям в стране. К концу 80-х годов Литва мало в чем уступала Эстонии и Латвии по уровню социального развития.

Неконтролируемый процесс миграции в Прибалтийские республики стал одним из факторов повышения напряженности в сфере межнациональных отношений и развития процесса формирования сепаратистских настроений. Следует подчеркнуть, что этот фактор имеет как объективную (связанную с реальными отрицательными последствиями миграции), так и субъективную (основывающуюся на стремлении определенных политиков использовать последствия миграции в своих интересах) стороны.

---

[87] Там же.

[88] Московские новости. 1990. № 10. С. 9.

[89] Там же.

Параллельно изменениям в структуре народного хозяйства Прибалтийских республик происходили изменения в национальной структуре персонала, занятого в производстве. На примере Эстонии можно представить, какая в целом картина представительства в народном хозяйстве русских и эстонцев сложилась к концу 80-х годов (таблица).

Цифры показывают, что эстонцы преобладают в сугубо интеллигентских профессиях и явно недопредставлены среди рабочих. Это дает основания сделать очень важное наблюдение: к национальному фактору противостояния «коренных» и «мигрантов» в сильной мере добавлен социальный, питающий чувство национального превосходства эстонцев над «грубыми», «глупыми», «полуазиатами» — русскими. Т. Маде, один из создателей НФ Эстонии, писал об этом откровенно: «Редко можно найти приятного, дружелюбного и добродушного русского. Их почти нет... Агрессивность, необходимость показать силу и выдавание чужих успехов за свои... Даже в любви проявляется агрессивность и насилие»[90].

Представленность русских и эстонцев в народном хозяйстве Эстонии в конце 80-х годов[91]

Профессии	Эстонцы	Русские
Рабочие машиностроительной промышленности	0,79	1,19
Текстильщики	0,83	1,16
Швейники	1,10	0,90
Строители	0,78	1,20
Железнодорожники	0,51	1,45
Работники автотранспорта	1,03	0,98
Работники торговли и общественного питания	1,10	0,91
Работники коммунального хозяйства и службы быта	1,02	0,98
Руководители предприятий и их подразделений	1,49	0,56
Инженерно-технические работники	1*	1*
Медицинские работники	1,04	0,98
Научные работники, учителя	1,34	0,69
Работники искусства	1,74	0,33
Специалисты планово-учетных органов	1,16	0,86

** «1» означает, что удельный вес в данной группе равен удельному весу в населении.*

[90] Советская Эстония. 1989. 8 августа.

[91] *Фурман Д. Е.* Указ. соч. С. 9.

После таких слов становится понятным, откуда у прибалтийских и московских «демократов» брались по отношению к русским такие эпитеты, как «черносотенцы», «сталинисты», «красно-коричневые», «коммунно-фашисты» и т. д. Стоило в Москве заявить о себе обществу «Память», как тут же все патриотические, просоветские движения и организации оказались «записаны» в ее сообщники. Высказывание крупного ученого, филолога и философа Ю. Лотмана, известного широко за пределами Эстонии, недвусмысленно подтверждает это: «Пресловутое общество «Память» и его сторонники в Прибалтике («Интердвижение») играют чрезвычайно негативную роль»[92]. Это обвинение в пособничестве «Интердвижения» «Памяти» тем более абсурдно, что лидер его Е. Коган по национальности еврей.

Движение сепаратизма в Прибалтике явилось мощным разрушительным фактором в процессе развала Советского Союза. Именно Прибалтика стала тем полигоном, на котором отрабатывались методы борьбы с советской системой, выискивались, прощупывались болевые точки и слабые места этой системы. Сепаратисты создали массу прецедентов разрушения советского законодательства, открыв целое направление борьбы с союзным центром, которое в 1990–1991 гг. успешно было использовано сторонниками Б. Ельцина под определением «войны законов». Прибалтийские сепаратисты показали, как можно эффективно возбудить энергию народа, подчинив ее своим узкокорыстным интересам и целям. Дали они и пример организации политической борьбы (организационные принципы народных фронтов явно просматриваются в оформлении таких движений, как «Демократическая Россия», «Демократический выбор России» и т. д.). И наконец, именно в Прибалтике был до совершенства доведен главный метод развала страны — травля русских, превращение их в людей второго сорта, вытеснение их на обочину политической жизни.

[92] Цит. по: *Фурман Д. Е.* Указ. соч. С. 56.

Становление новой России

В. А. Печенев

РУССКИЙ НАРОД И СУДЬБЫ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Конец XX в. — время критической переоценки многих прогнозов, во всяком случае, применительно к нашей стране. Даже всемогущий булгаковский Воланд оказался плохим пророком в нашем Отечестве, утверждая, что граждан Страны Советов испортил «квартирный» вопрос. Сегодня очевидно, что испортил нас не «квартирный», а *национальный* вопрос[1].

Действительно, национальные отношения в России, да и на всем постсоветском пространстве, носят беспокойный, взбудораженный, даже конфликтный характер. *Не успокоив их — не выстроить Россию как Федерацию*. Тем более, что фактически строим мы если не на совсем пустом, то, безусловно, на новом месте. Ведь по сути РСФСР (или точнее — то, что сегодня называют Россией) лишь по названию была федерацией, а фактически являлась унитарным государственным образованием, выстроенным, к тому же, по принципу так называемого демократического централизма. Это, во-первых.

Во-вторых, нельзя не видеть, что причины конфликтогенности наших межнациональных отношений носят не только и даже не столько этнический характер. Они, прежде всего, — в состоянии нашей государственности и экономики после обвального развала СССР, а также в не очень удачных, мягко говоря, семи годах перехода к рынку. Тем более, что сама по себе рыночная экономика (независимо от того, с большим или меньшим числом ошибок оно создается) нигде и никогда не располагала к национальному умиротворению народов, особенно на первых этапах своего становления и развития.

В строении нашей Федерации национальный момент, национальный фактор выражен более заметно и выпукло, чем во всех существующих *стабильных* федерациях мира. Это — очевидно. Говорят, причины этого — тоже очевидны. Они — в *многонациональном* характере нашего государства. Это вроде бы верно, даже бесспорно, но, как говорится, есть здесь и большое «но». И не потому лишь, что в мире очень

---

[1] В основу статьи положен доклад «О концепции к разработке государственной программы национально-культурного развития русского народа», с которым автор выступал на Парламентских слушаниях в Государственной Думе 14 ноября 1998 года.

много многонациональных государств, являющихся, тем не менее, унитарными по своему государственному устройству.

Россия не только страна, как принято говорить, более 150 наций и народностей. Она, вообще-то говоря, одна из самых *моноциональных* держав и на постсоветском пространстве, и в мире в целом: более 82% в структуре ее населения составляют, как известно, русские (а так называемых русскоязычных, для которых русский родной и нередко единственный язык — еще больше). Для сравнения отмечу, что примерно столько же (80%) жителей Израиля составляют евреи, во Вьетнаме вьетнамцев — 84%, в Испании испанцев всего 75%, а в Иране персов — менее половины.

И тем не менее, 21 субъект Российской Федерации, где в общей сложности проживает 15% населения страны, образован у нас, по сути, и во всяком случае по форме, по национально-этническому признаку — в качестве республик, которые иногда называют *национальными*. Многие лидеры этих республик даже считают, что именно их существование делает Россию федерацией. С чем вряд ли можно согласиться. И не только в силу количественных показателей, а потому, что в нашей громадной стране, самой большой по размерам в мире, достаточно много существенных сугубо региональных, природно-географических, территориальных различий, из-за которых можно было бы ставить вопрос о целесообразности *именно федеративного* устройства России как государства (другое дело — вопрос о числе «субъектов» такой федерации, ее конкретного членения, которое у нас носит довольно искусственный характер, и т. д.).

Есть еще одна *характерная особенность* России как федерации, связанная тоже с национальным моментом. *Самая крупная нация — русская — собственной национальной государственности, отличной от общероссийской, не имеет.*

Казалось бы, что проще: создать еще одну, 22-ю республику и на этом закончить строительство России как федерации на едином, так сказать, основании. Сторонники такой точки зрения у нас есть. Думается, однако, что попытка создать такую государственность в виде Русской республики чревата не только развалом России, но и общероссийской катастрофой. Не исключено, что и военной.

И не только потому, что Русская республика была бы «слишком большой» по сравнению с другими, но и потому, что создать ее практически невозможно, хотя бы в силу исторических особенностей расселения по стране, как русских, так и представителей других этносов.

Дело в том, что наши республики, в названии которых фигурируют, как правило, так называемые титульные нации (исключение составляет лишь Дагестан: в переводе с тюркских языков — «страна гор»), в большинстве тоже являются по своему этническому составу скорее русскими, чем нерусскими. Как известно, в 15 из 21 республики русские составляют либо большинство населения, либо самую крупную по численности этническую группу. Нетрудно предположить, что может произойти в этих 15 республиках в случае попыток образования Русской республики.

Да и с интересами так называемых титульных наций, проживающих в республиках, дело обстоит не так уж просто, когда речь заходит о целесообразности построения нашей федерации на национально-этническом основании. Дело в том, что в самих республиках и автономиях проживает всего лишь 7% представителей этих титульных наций, а остальные 8% (из 15% по отношению ко всему населению России) живут в иных национально-государственных или административно-территориальных образованиях РФ. Так, большинство татар, а их более 5,5 млн человек, проживает за пределами Республики Татарстан. Башкиры — 1,3 млн человек — составляют лишь третью (после русских и татар) по численности нацию в одноименной (Башкирской Республике). Мордва — 1,1 млн человек в «своей» республике составляют лишь треть населения, остальные — в основном русские.

Вот почему, определяя *специфику России как Федерации*, совершенно справедливо говорят, что *она построена на противоречивом принципе, сочетающем национально-территориальное и административно-территориальное начала.* Преодоление, снятие негативных сторон этого принципа, порожденного существованием названных двух начал, представляется важным и приоритетным. Путь к этому — не немедленное бездумное разрушение сложившегося, пусть и несовершенного государственного устройства, не «губернизация» республик или «республиканизация» краев и областей, а утверждение на деле *принципа равноправия всех национальных групп* в каждой республике, в каждом регионе, в масштабах всей России и во всех областях жизни. И, разумеется, необходимо *соблюдение на деле конституционного принципа равноправия всех субъектов Российской Федерации*, в том числе в сфере их взаимоотношений *с федеральным Центром и федеральным бюджетом*, сведя к минимуму нынешнюю практику предоставления разного рода льгот, предпочтений при распределении трансфертов, налоговых платежей и т. п., особенно по политическим мотивам.

Необходимо *решительно отказаться от идеи приоритета прав т. н. коренной* или *«титульной» национальности* на *«своей» терри-*

тории. Ибо система «национальной государственности», так популярная в среде национально ориентированных республиканских элит, *может удовлетворить интересы в лучшем случае 7% населения Российской Федерации*, поскольку, как уже отмечалось выше, именно такова численность т. н. коренных национальностей в республиках, входящих в состав РФ.

У нас не должно быть ни привилегированных наций, ни привилегированных республик, ни привилегированных краев и областей, автономных округов. Только в таком случае федерализм в России не останется красивым лозунгом, а глубоко укоренится в нашей жизни. *Только тогда станут бессмысленными споры о принадлежности территории той или иной этнической группе, что является сегодня источником многих межнациональных конфликтов, в том числе вооруженных.* Весь вопрос в том, позволяет ли существование двух противоречивых начал в государственном устройстве Российской Федерации — национального и регионального — остаться России крепким, политически стабильным государством? Не поведет ли их развитие к расшатыванию России как единого целостного государства?

Многое здесь, на мой взгляд, зависит от понимания того, что составляет *главное* содержание национального вопроса в России.

Ответить на этот вопрос тем более необходимо, что одним из наследий советского периода, от которого сегодня, похоже, отказалась даже КПРФ в лице Г. Зюганова[2], являлось такое понимание национального вопроса, при котором он, по сути дела, отождествлялся лишь с проблемами *нерусского* населения, национальными меньшинствами. Русский народ не только выводился «за скобки» национальной политики, не был его объектом, но и объявлялся чуть ли не основным субъектом истории, ответственным за то неравноправие наций, которое существовало в Российской Империи и стало одной из причин (хотя и не главной) ее распада.

Сталинская внутрисоюзная геополитика, превратившая в свое время РСФСР в самую фиктивную из фиктивных братских «национальных республик», также вела разными способами к вытравливанию подлинно национального духа русского народа. И не случайно к национально-этническому взрыву, уничтожившему СССР, русские пришли как нация, обладающая, согласно социологическим исследованиям, самыми низкими индексами национальной сплоченности и солидарности, степенью осознания своих национальных интересов и целей, своей причастности к собственной истории и культуре. Не в этом ли одна из причин того, что

---

[2] См.: Советская Россия. 1998. 12 февраля.

в ряде республик Российской Федерации, в том числе и в тех, где русские составляют преобладающую или очень значительную часть населения, тон в политике нередко задают антифедеративные, а то и сепаратистские, антироссийские силы?

Все это и привело в конечном счете к тому, что *русский народ оказался в фактически неравном положении в Российском государстве. А ведь именно он исторически сыграл в создании его решающую роль.* Да и по сей день в силу своей численности, характера расселения, масштабов экономического и духовного потенциала *именно русский народ остается опорой Российской государственности.* Более того, именно он, на мой взгляд, является главным носителем объединяющей все народы страны национальной идеи, которую иногда называют русской. Выдумывать ее — нет необходимости. Ее непременные составляющие, связанные с самой тысячелетней историей развития русского народа, его государственности и культуры, всем образованным людям известны: это — патриотизм, державность, государственничество, стремление к социальной справедливости и общелюдской (а не узконациональной или классовой) солидарности (или, если угодно, соборности).

И дело не только в этом. Самоочевидно, что без благополучия русской нации, составляющей четыре пятых населения страны, не может быть стабильного благополучия у других населяющих ее народов, от его национального самочувствия зависит в огромной мере сам характер, общее состояние межнациональных отношений в России. Вот почему у нас главное содержание национальных отношений объективно определяет русский вопрос. А не потому, что это кому-то из русских нравится.

Сегодня этот вопрос звучит острее, чем всегда. Ведь русские *как нация* — одна из наиболее пострадавших в XX в. Она потеряла в период гражданской войны и сталинских репрессий почти всю старую интеллигенцию. Она лишилась в годы коллективизации значительной, причем, судя по всему, наиболее предприимчивой и трудолюбивой, части своего крестьянства. Она отдала миллионы жизней в великой войне с фашизмом, а до и после нее постоянно, с русской щедростью разбрасывала свои лучшие кадры по так называемым национальным окраинам, поднимая их до уровня центра, который, естественно, опускался все ниже и ниже.

Коварную роль в истории русского народа как нации сыграла и экономическая реформа 90-х годов в ее *шоковом исполнении*, поскольку особенно болезненно, разрушительно она поразила производственную сферу, высокотехнологичные, наукоемкие отрасли производства, академическую науку, здравоохранение, образование. А ведь именно русское население (как в краях и областях, так и особенно в республи-

ках) традиционно было занято прежде всего в этих отраслях. К тому же «выдавливание» русских из управленческих структур в ряде республик РФ (а факты такие известны, хотя и не систематизированы) привело к тому, что они оказались оттесненными от процессов приватизации, которые пытаются единолично оседлать представители определенных так называемых титульных этнических групп, порождая дополнительное напряжение в межнациональных отношениях.

Сегодня в запустении и отсталости оказался целый ряд регионов традиционного проживания русского населения. Бесстрастная статистика утверждает, что русские — это вымирающая нация, ибо еще в 80-е годы началась депопуляция русских, по меньшей мере, на 27–30 исконно русских территориях. И такие территории — только множатся. Эта демографическая тенденция, которую нелегко будет переломить, сама по себе бросает серьезный вызов национальной безопасности государства.

Широкомасштабной и необычной трагедией обернулся для русской нации распад СССР. Самый крупный в Европе народ неожиданно для него стал разорванной, по сути, *разделенной* нацией. 25 миллионов русских внезапно обрели психологически нетерпимый для представителей великой нации статус «людей без родины», оказались в иностранных по отношению к России государствах, причем в большинстве из них превратились в граждан (а точнее — «неграждан»!), лишенных международно признанных прав человека (хотя, кстати, не менее половины из них *родились* в этих государствах, которое от России (точнее — от РСФСР) раньше отделяли не государственные, а, по сути, административные границы в рамках одного государства. Возникло совершенно новое в истории русского народа историко-социологическое явление. Я бы назвал его «русский нацмен». Это понятие и соответствующее ему самоощущение, самочувствие еще недавно русским трудно было даже себе и вообразить.

А ведь речь идет о таком «национальном меньшинстве», которое (по переписи 1989 г.) на Украине составляет более 11 млн человек, или 22% от всего населения, в Казахстане — более 6 млн человек, или 38% населения (почти столько же здесь казахов), в Киргизии — около 1 млн человек, или почти 21% населения, в Латвии соответственно 905 тыс. человек — 34%, в Эстонии 474 тыс. — 30% и т. д. Но даже в регионах, где в общей численности населения доля русских относительно не так велика (как, например, в Таджикистане: 388 тыс. или 7,6% населения), они составляют большую или весьма значительную часть жителей крупных городов и местной интеллигенции, в том числе инженерно-технических работников, занятых в промышленности, и превосходящих, как правило, численность работающих там же лиц так называемой коренной национальности.

Факты, к сожалению, говорят о том, что ни сами русские как национальные меньшинства, ни коренные жители национальных республик, внезапно поменявшиеся местами с бывшим «старшим братом», ни новая Россия, по праву претендующая на роль исторической Родины всех русских, не осознали до конца значения возникшего феномена «русского нацмена» и его последствий. Сотням тысяч русских, а можно уже сказать, что и миллионам, приходится покидать в качестве беженцев и вынужденных мигрантов ряд государств из бывшего СССР.

В то же время набирающий силу процесс суверенизации на территории бывшего Союза подводит нынешнюю Россию к ситуации, которая чем-то по сложности сопоставима с той, в которой триста лет назад начинал свою деятельность Петр Великий. Суть ее, по словам В. О. Ключевского, состояла в том, что, «во-первых, надо было довершить политическое объединение русского народа, едва не половина которого находилась еще за пределами Русского государства; во-вторых, предстояло исправить границы государственной территории, которые с иных сторон, именно с южной и западной, были слишком открыты для нападения». Звучит не слишком архаично, не так ли?

Причем, если говорить об уязвимости или «открытости» границ России в ее современном, «посткоммунистическом» виде, то сегодня ситуация, как показывают, в частности, события у ее южных границ, по-своему еще более опасна, чем триста лет назад. Если, конечно, не слишком убаюкивать себя модным в одно время тезисом, что теперь никто на нас нападать не собирается. Необходимо трезво взглянуть и просчитать все объективные (уже в ближайшем будущем) негативные военно-стратегические, экономические последствия для нашего государства и всех россиян нынешней распахнутости границ Российской Федерации, в том числе и прежде всего с бывшими союзными республиками.

В сложившихся условиях эффективная *защита Россией законных интересов русской нации в целом, включая ее диаспору, то есть тех, кто остался за новым рубежом, становится одним из важнейших принципов государственной политики Российской Федерации.* Это — единственная дальновидная политика на перспективу. А такая перспектива мыслится нами как развитие мощных и экономических, и культурных, и политических тенденций, направленных против попыток создать на обширных пространствах бывшего Союза этнократических, по самой своей сути не только не демократических, но и просто реакционных режимов. Ведь совершенно очевидно, что нормальные функционально необходимые связи по воспроизводству условий существования и развития наших народов никогда не строились и не должны,

учитывая и общемировые тенденции, строиться на национальной основе ни в экономике, ни в культуре.

Конечно, вряд ли можно и нужно, опираясь на эти объективные реинтеграционные тенденции, пытаться реанимировать то, что рухнуло под тяжестью накопившихся объективных противоречий и грубых просчетов прежних недальновидных политиков. История не повторяется, а если и повторяется, то, как правило, в фарсовском, шутовском одеянии. Но экономическое, культурное, а в каких-то формах и государственное единство (ну, скажем, в виде *гибкой конфедерации*), как это намечается с Белоруссией, и благотворно и, на мой взгляд, неотвратимо.

Положение русских внутри России и в ближайшем зарубежье и привело сначала к постепенному, а затем *заметному росту, даже активизации, самосознания русских как нации*. А поскольку факторы, побудившие этот процесс, носят весьма болезненный, противоречивый характер, то, понятно, что и рост национального русского самосознания — тоже противоречив. Тем более, что так уж повелось в России, что отношение к росту *русского* национального самосознания всегда было неоднозначным, если не сказать подозрительным.

Судите сами, еще в начале века выдающийся русский мыслитель С. Н. Булгаков с насмешливой иронией писал: «Достаточно было П. Б. Струве высказать ту простую мысль, что русские суть русские и имеют право и обязанность чувствовать себя русскими так же, как евреи чувствуют себя евреями, чтобы по поводу этого признания элементарного духовного равноправия наций поднялась газетная буря». И более серьезно и тревожно добавлял: «русская национальность в силу своей одиозной политической привилегированности в общественном сознании оказывается под некоторым моральным бойкотом: всякое обнаружение русского национального самосознания встречается недоверчивостью и враждебностью, и этот бойкот русского самосознания в русском обществе отражает его духовную слабость».

Нет нужды очень сильно напрягать свою память, чтобы обнаружить и аналогичность этого положения с современной ситуацией, и актуальность высказанных мыслей. Для людей старшего возраста известно, что сама попытка поставить в советский период русский вопрос как актуальную проблему вызывала со стороны лидеров государства либо враждебность и немедленный отпор, либо настороженность, либо недоумение. Одни усматривали здесь подкоп под великое интернациональное учение, провозгласившее слияние наций целью социализма, другие — антисемитские происки черносотенцев, третьи (их, пожалуй, было больше всего среди самих русских) — вообще искренне не замечали

самой проблемы. И потребовалось, как это часто бывало в истории *моего, русского народа*, а целая трагедия, катастрофа, чтобы фундаментальное значение русского вопроса было осознано самими русскими.

Тем не менее и сегодня со стороны ряда сил разной национальной принадлежности и политической ориентации продолжается массированное наступление на само право русских определяться по национальному признаку. Часто это делается в оскорбительной для русских форме. Приведу несколько цитат.

«Русский человек оказался банкротом, ограбленным обстоятельствами и всем ходом новейшей истории. Вся его духовная жизнь осталась в прошлом, которое отменено неожиданно наставшим будущим». Это — из статьи Л. Берга с характерным названием «Конец русской истории». У русских, добавлял другой автор, «не должно быть проблем в узком, национальном смысле "своих"». К сожалению, слова эти принадлежат незаурядному мыслителю, ныне покойному, М. Гефтеру. Скандально известная политическая дама гордо заявляет: «Я абсолютно не могу себе представить, как можно любить русского за леность, за его ложь, за его бедность, за его бесхребетность, за его рабство». Всем, разумеется, понятно, что я процитировал госпожу Новодворскую. Журналист, назвавшийся Левкиным, на страницах красивого, красочного журнала с прекрасным названием «Пушкин» пишет: «удивительно — у самого раздолбайского народа... — самая приемлемая для этого раздолбайства среда в своей массе организуется по логике милицейских — участков — досок почета — объявлений — красных уголков». И вообще, много у них, у русских то есть, «общенациональной глупости».

А вот кое-что из вызвавших общественный резонанс высказываний небезызвестных в России людей о русских: «Они так собой любуются, они до сих пор восхищаются своим балетом и своей классической литературой XIX века, что не в состоянии ничего нового сделать... Они сами на себя стучали, сами сажали в тюрьму, сами расстреливали. Поэтому этот народ пожинает то, что он сам плодил». Вспомнив, что кроме балета и литературы XIX в. у «этого» народа есть еще и ракеты с ядерными боеголовками, наш автор тут же дает совет, очевидно американцам: «чтобы отобрать у нас атомное оружие, достаточно одной парашютно-десантной дивизии. Однажды высадить и забрать все эти ракеты к чертовой матери».

Теперь я процитировал Альфреда Коха (одного из бывших руководителей нашего Правительства, ответственного вместе с Чубайсом за приватизацию, которую многие называют преступной), чтобы высказать одну простую мысль. Воинствующая безнаказанность и торжествующий антипатриотизм таких людей в немалой степени стимулирует на

другом конце спектра наших политических сил, в том числе и в массе русского народа, воинствующий национал-патриотизм, облекаемый в форму то великодержавного шовинизма, то просто антисемитизма, которые были осуждены Государственной Думой. Со сходными, хотя и более суровыми, осуждениями выступило и Министерство национальной политики, а также руководство Ассамблеи народов России, созданной летом 1998 г. Любые попытки противопоставления наших народов по национальному признаку, оскорбления народов — больших или малых, независимо от того, под какими бы лозунгами они ни осуществлялись и кем бы ни делались: русскими, евреями или немцами, людьми, называющими себя коммунистами, патриотами или демократами — должны встречать решительный отпор.

Принципиальные подходы к проблемам русского народа для органов власти страны на сегодняшний день определены «Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации», но ее одной явно недостаточно. В русской национальной среде накапливается сильное внутреннее напряжение, которое просто необходимо снять. Одно из средств снятия такого напряжения я вижу в подготовке Госпрограммы национально-культурного развития русского народа. Нет сомнения в том, что такая госпрограмма необходима. К сожалению, однако, остается открытым вопрос о реальной возможности ее осуществления, особенно финансирования, поскольку касаться она будет проблем развития 120 миллионов русских в России, да еще 25–30 миллионов наших соотечественников за ближним рубежом.

Поэтому такая работа должна осуществляться поэтапно. На ближайшее время, я имею в виду время до новых парламентских выборов, следовало бы ограничить себя созданием Концепции государственной программы национально-культурного развития русского народа и, быть может, принять ее на Госдуме нынешнего созыва. Это могло бы сыграть большую политически стабилизирующую роль в период предвыборной борьбы, из которой необходимо исключить националистические карты, особенно русскую карту. Подчеркиваю, речь идет о *концепции*, а не о самой Государственной программе, а также о том, что она должна быть ограничена проблемами именно *национально-культурного развития русского народа, а не всем комплексом социально-экономических, демографических, культурных и т.д. проблем развития русского народа*, то есть более чем четырех пятых населения страны. Это — неподъемная сегодня задача!

Непосредственная работа по созданию такой Концепции государственной программы национально-культурного развития русского на-

рода ведется в Минпаце России с 1996 г. Были учтены при этом и определенные заготовки, заделы, наработанные в 1991–1993 гг. экспертами Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР. Была проведена конференция с участием специалистов по русскому вопросу. Минпац России разослал в органы исполнительной власти субъектов РФ письма с предложениями высказать свое мнение относительно целесообразности создания такой программы и того, какие проблемы должны в первую очередь найти в ней отражение, какие источники финансирования могли бы быть задействованы для ее реализации и т.д. Ответы из 47 субъектов Российской Федерации показали, что подавляющее большинство из них (44) разделяет идею о необходимости разработки Государственной программы национально-культурного развития русского народа, считает ее актуальной и своевременной.

Нам представляется, что наступило время перевести на язык законодательства хотя бы основные положения, касающиеся *правового* и *морального статуса русского народа в государстве*.

Разумеется, это не так просто. Во многом и непривычно.

Может быть, стоит задуматься, а не следует ли изучить возможность введения в некоторых государственных структурах в субъектах РФ, образованных по национально-территориальному признаку, более пропорционального национального представительства? Именно *задуматься*, а не спешить вводить.

Если мы в настоящее время не готовы к отказу от идеи и практики фактического приоритета так называемых «титульных наций» в республиках в составе Федерации, возможно, настала пора разработать специальный законодательный акт, который закрепил бы тогда статус русских как титульной нации на всей территории Российской Федерации? Или найти другую возможность зафиксировать статус русских как нации, сыгравшей решающую роль в создании Российского Государства. Путь к действительно равноправному союзу всех народов лежит не через наделение их всех своей отдельной государственностью, а через признание основным законом Российской Федерации факта многонациональности всех входящих в него субъектов, через гарантирование равноправия различных национальных групп во всех областях жизни, на всех уровнях, повсеместно.

Утверждение на деле принципа равноправия национальных групп делает бессмысленными споры о принадлежности территории той или иной национальности, а ведь это — главный источник современных этнополитических конфликтов.

По-видимому, следует, не стремясь, как я уже говорил, объять необъятное, начать, тем не менее, «инвентаризацию» общероссийских

и региональных социально-экономических программ, в том числе антикризисных и оперативных, с целью более полного и объективного учета интересов и потребностей русского народа как нации.

Актуальнейшей задачей представляется и анализ ситуации, сложившейся сегодня на рынке труда. Необходимо разработать законы о защите права граждан России на преимущественное занятие рабочих мест, имеющихся и создаваемых в стране, по сравнению с иностранными гражданами, о создании для них в районах компактного расселения рабочих мест и центров переквалификации, о льготных условиях кредитования и налогового обложения деятельности фирм, ассоциаций, фондов и т. д., способствующих обустройству на новых местах беженцев и переселенцев.

Важной государственной задачей является содействие, в том числе целевым финансированием, *возрождению традиционных занятий русского народа в сфере материального производства* (ремесел, народных промыслов и др.) путем разработки совместно с другими заинтересованными учреждениями специальных программ.

Еще одна из первоочередных задач Минпаца России — совместно с Минобразования и Минкультуры России, Роскомпечатью и другими ведомствами начать разработку и реализацию программ развития, ориентированных на русские национальные ценности системы образования и средств массовой информации, а также программ сохранения памятников русской культуры, особенно в провинциях.

К числу первоочередных относится также задача организации и финансирования комплексного исследования проблем русского национального самосознания, менталитета с последующим изданием серии публикаций по данной тематике.

Наконец, хочу особо это отметить, в Министерстве национальной политики создано специальное структурное подразделение — Департамент этнических проблем русского народа, который возглавляет доктор исторических наук, опытный специалист. Внимание к этнокультурным проблемам развития русского народа становится важнейшим принципом работы Министерства.

За плечами русского народа — большой и сложный исторический путь. Государство наше — многонационально, но всегда исторически, да и в течение всего XX в., цементирующей силой, опорой нашей государственности был именно русский народ, который сохранил все народы, доверившие ему свою судьбу.

О. И. Чистяков

«РУССКАЯ РЕСПУБЛИКА»?

История государственности — это прежде всего история смены одних государств другими. Создаются небольшие политические образования, из них порой вырастают громадные империи, которые в свою очередь в силу объективных и субъективных факторов разрушаются, разваливаются на мелкие и порой мельчайшие государственные образования. История отечественного государства подчинялась тем же законам, проходила те же стадии. Сначала возникло Древнерусское государство, сложившееся из небольших местных княжеств, но ставшее значительной силой в X–XII в., достаточно крупной и могучей по тогдашним европейским масштабам, да и по современным тоже. Законы развития феодализма, породившие это государство, приводят, однако, к его гибели в конце XII в. Феодальный распад порождает массу сначала крупных, а потом все более мелких феодальных владений, что приводит вскоре к их порабощению татаро-монгольскими завоевателями.

На обломках Древнерусского государства с течением времени складываются другие политические образования, важнейшим из которых, и самым перспективным, станет Московское княжество. Это княжество уже с XIV в. начнет собирание русских земель, завершенное в начале XVI в. Вслед за тем оно будет продолжать расширяться, и этот процесс, хотя и не совсем прямолинейный, будет поступательно идти до самого конца XX в. Сложится великая держава, которая станет силой, создающей равновесие в сложном и противоречивом мире. Однако определенные объективные причины, а в первую очередь субъективный фактор, приведут к гибели и этой великой державы. Развитие государственности в большинстве случаев тесно связано с этногенезом, притом взаимоотношение и взаимодействие этих категорий обычно довольно сложное. Отнюдь не всегда то или иное государство создается одним народом. Тем более в ходе его развития возникают сложные связи с соседями, приводя к возникновению полиэтничности, к процессам ассимиляции или, наоборот, дифференциации. Все это было и в истории нашей государственности.

Древнерусское государство возникло сразу как государство полиэтническое. Можно как угодно относиться к норманнской теории, однако вряд ли стоит отбрасывать сведения Повести временных лет о том, что в так называемом акте призвания варягов участвовали, кроме славян, представители финских и балтийских племен. Для нашей темы неважно, означали ли события 862 г. создание Древнерусского государ-

ства или это было лишь приглашением иноземных князей на уже существующий престол. Важно лишь одно: летопись свидетельствует о том, что Древнерусское государство с самого начала было многонациональным. По другим источникам мы можем судить и о наличии в составе нашего государства восточных элементов.

Разрушение Древнерусского государства повлияло и на этногенез. Оно привело к постепенному разделению древнерусской народности на три новые этнические единицы. На протяжении нескольких веков сформировывались русская «великорусская», украинская «малорусская» и белорусская народности, создавшие со временем и свою государственность.

Ядром великорусской народности стало московское государство. Однако и оно с самого начала стало полиэтничным. Дело в том, что в русских княжествах существовали заметные нерусские включения. Со времен Древнерусского государства вперемешку с русскими жили финские племена, татаро-монгольское иго привело и к перемешиванию славян с тюрко-монголами, в силу чего присоединение к Москве означало не только собирание воедино русских людей, но и включение в новое государство разноплеменных элементов. При этом некоторые из нерусских народов растворились в общей массе, оставив о себе лишь следы в топонимике (мещера, меря), другие же продолжали самостоятельное развитие. Так или иначе, но когда Москва собрала все русские земли, она вместе с тем обогатила состав населения разного рода инородческим людом. Надо сказать, что слово «обогатила» следует понимать в самом прямом и широком смысле: взаимодействие культур, впитывание опыта соседей никогда не приносит вреда, если, конечно, оно происходит естественным способом.

Но в середине XVI в. начинается новый этап в развитии этнического содержания московского государства. Из государства по преимуществу все-таки русского оно становится многонациональным.

Присоединение нерусских земель к русскому государству шло двумя путями: насильственным и добровольным. Русские цари были ничем не лучше и не хуже своих европейских (и не только европейских) коллег. А для феодальных монархов, как известно, главной утехой были войны, имевшие целью захват у соседей того, что плохо лежит. Войны, правда, становились все дороже, теряя прежнюю рентабельность, но все-таки в случае удачи приносили победителю те или иные территориальные прибавки. Так было и в России. Покорив после многих и трудных попыток Казань, русские цари применили этот метод с разной степенью успешности и к другим землям на юге, востоке и западе.

Однако, кажется, уникальным был другой способ присоединения чужих земель — добровольный. Уже при том же Иване Грозном добро-

вольно присоединилось к Москве Сибирское Ханство, а Кабарда, став вассалом московского царства, подарила своему сюзерену даже вторую жену Марию. Крупнейшим присоединением к Москве стала Левобережная Украина, позже по тому же пути пошел Западный Казахстан, Грузия и другие земли.

В некоторых случаях, и довольно нередко, проходило не завоевание, а отвоевание нерусских земель, отбирание у прежних захватчиков. Например, в Прибалтике русские войска воевали не с коренным населением края — латышами, эстонцами, а захватившими эти земли еще в XIII в. немцами, шведами и пр. Следовательно, здесь русское завоевание означало одновременно освобождение коренного населения от иноземного ига, хотя, конечно, и неполное. Аналогично проходило освобождение поволжских народов от господства Казанского ханства, с той только разницей, что здесь власть прежних господ была ликвидирована полностью.

Конечно, присоединение нерусских земель имело большое значение для России, расширяя государство, увеличивая число подданных, обогащая страну новыми природными ресурсами. Но нельзя не отметить благотворность этого процесса в основной массе случаев и для самих присоединяемых народов. Экономическое взаимодействие центральной России и новых районов вело к более активному развитию их хозяйства, а значит, и к определенному улучшению благосостояния более или менее широких кругов населения. Причем это касалось не только отсталых восточных районов, но и столь развитых, как, например, Финляндия или Прибалтика. Финляндия, бывшая захудалой окраиной Швеции, войдя в состав Российской Империи, получила возможность активно работать на российских рынках, что особенно подтолкнуло вперед ее восточные районы. Прибалтика уже к концу XIX в. стала важным индустриальным районом империи, а ее порты осуществляли связь России с Западом, обеспечивая в то же время массу латышских и эстонских рабочих постоянным и хорошим заработком.

Присоединение к России влияло и на политическое развитие нерусских районов. Конечно, это влияние было противоречивым. Так, например, для Финляндии оно означало приобретение государственности. Финляндия в составе шведского королевства была лишь провинцией, где шведы играли доминирующую роль. После присоединения к Российской империи она, получив титул великого княжества, приобрела тем самым государственность, хотя и зависящую от России. Противоположный пример дает, конечно, Польша, в конце XVIII — начале XIX в. поделенная между тремя европейскими государствами. И хотя первоначально в составе Российской Империи Царство Польское имело особый статус, особые привилегии, включая конституцию, которой даже присягнул

российский император, уже при Николае I она лишилась всего этого в качестве наказания за восстание 1830–1831 гг.

В большинстве случаев присоединение к Российской Империи влекло за собой установление типично феодальных связей — отношений сюзеренитета-вассалитета, личной или реальной унии и т.п. В тех случаях, когда властители покоряемых территорий слишком активно сопротивлялись этому, они теряли свой политический статус, а их земли просто инкорпорировались в состав империи.

Наконец, нельзя не отметить культурное влияние России, особенно для восточных районов. Конечно, народы Средней Азии и Закавказья имели свою культуру, уходящую корнями в тысячелетия. Однако многочисленные захватчики, сменявшие друг друга на этих благодатных землях, сделали все, чтобы поломать тысячелетние основы культуры здешних народов. К тому же разорванность народов Закавказья и Средней Азии между различными государствами препятствовала их культурной консолидации. Ведь только в составе Российской Империи, например, грузины смогли объединиться в один народ, а значит развивать единую культуру.

В свое время у нас было принято говорить о более высокой или менее высокой культуре того или иного народа, при этом обычно отмечалось, что русские принесли более высокую культуру другим народам империи. Я не склонен измерять культурный уровень того или иного народа математическими показателями. Думается, что какой-нибудь представитель заполярных народов, помещенный в парижскую квартиру, через сутки освоится с ней. Но я не позавидовал бы любому парижанину, помещенному, скажем, в эскимосскую ярангу в разгар полярной ночи, даже снабженному всем необходимым местным инвентарем. Очевидно, что можно говорить не об уровне культуры, а о ее национальных особенностях, вытекающих из природных условий, и пр.

Я говорю это к тому, что влияние русской культуры на культуру присоединенных к империи районов совсем не означало привнесения более высокой культуры в массу некультурных районов. Мог ли, например, русский крестьянин научить виноградарству грузина или армянина? И могло ли означать ознакомление восточных народов с музыкой европейской, что эта последняя выше местной, национальной музыки?

Но несомненно и другое: распространение на нерусские районы достижений русской культуры, конечно, обогащало нерусские районы, как, впрочем, и освоение русскими переселенцами культуры коренных народов так же существенно помогало им в повседневной жизни. Одним словом, не господство одной культуры над другой, а их взаимопроникновение — вот прогрессивный путь отношений между народами, и по этому пути Россия шла на протяжении веков.

Я сделал столь далекий, но, конечно, очень поверхностный экскурс в историю, чтобы показать (даже не доказать, ибо это очевидно) одну простую истину: русский народ неразрывно связан всякого рода узами с другими народами нашей страны. А вспомнить эту очевидную истину заставляет одно новое явление, появившееся в нашей жизни, затронувшее науку и, что очень опасно, — государственную практику. Я имею в виду своеобразный русский национализм. Да, именно национализм, а не шовинизм.

Шовинизм, в котором обычно обвиняли русских («великодержавный шовинизм»!) свойствен обычно большим народам, имеющим тенденцию к угнетению малых. Наоборот, национализм — обычно защитная реакция малых народов на угнетение, попытка создать оборонительную систему против угнетателей и даже перейти в наступление на них. Так вот, в наше время в определенных русских кругах появилось именно это, вторая система взглядов и настроений. Одним из ее, я бы сказал, странных, но весьма опасных проявлений стала идея «русской республики».

На первом съезде народных депутатов Союза ССР российским делегатам пришлось выдержать широкое наступление других союзных республик, особенно прибалтийских, обвинявших Союз, а больше всего Российскую Федерацию в том, что последняя, якобы, живет за их счет. Представители республик не стеснялись высказывать мысль, что, например, громадная Эстония кормит маленькую Россию, население которой всего-навсего в сто раз больше. Отвечая подобным ораторам, известный русский писатель В. Распутин смеха ради и предложил: «Может быть, РСФСР выйти из Советского Союза?» — его слова были покрыты громовым хохотом всего зала — настолько абсурдной показалась собравшимся такая мысль.

Однако, к сожалению, этот абсурд довольно скоро стал проводиться в жизнь, началась работа по расшатыванию Советского Союза, и активными участниками ее стали, как ни странно, представители самых крупных республик — России и Украины. Была выдвинута идея создания нового союзного договора, в котором права республик расширялись бы за счет компетенции Союза. В ходе работы соответствующей комиссией разрабатывались проекты, превращавшие Союз из федерации в конфедерацию. И вот уже 12 июня 1990 г. первый Съезд народных депутатов РСФСР принимает Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики[1].

---

[1] Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

С точки зрения юридической, в принятии такого документа не было никакой необходимости, поскольку все конституции Союза начиная с 1924 г. признавали за РСФСР, как и другими союзными республиками, суверенитет. Этот принцип был отражен и в действовавшей Конституции Российской Федерации 1978 г. Поэтому речь в Декларации шла не о суверенитете вообще, а о его существенном расширении. В частности, Декларация вводила неслыханный до сих пор принцип приоритета законодательства России над законами Союза (ст. 5), хотя и в определенных рамках.

Вообще говоря, в ходе развернувшихся реформ снова стала актуальной проблема сущности суверенитета. С 1922 г. у нас господствовала американская идея сочетания суверенитета Союза с суверенитетом его членов. Конструкция, строго говоря, искусственная. В теории вроде бы признавалось, что суверенитет есть независимость государства от всякой власти внутри и вне его. Но если союзные республики были членами союза, подчинялись его Конституции и прочему законодательству, то о какой независимости могла идти речь? В свою очередь и Союз, ограниченный в своих правах компетенцией союзных республик, тоже трудно считать вполне независимым. Но указанная конструкция суверенитета была закреплена в законе, а потому стала непререкаемой.

Практически, однако, все споры о суверенитете до недавнего времени оставались далекими от практического применения. Все переменилось, когда определенные круги в союзных республиках захотели оторвать их от Союза. В первую очередь об этом задумались в Прибалтике, затем на Украине, Молдавии и т.д. Тогда-то и решили довести понятие суверенитета до его теоретических пределов, то есть до полной независимости. Но путь к этому шел через определенные ступеньки — наполнение компетенции республик все большими и большими правами. Жажда отрыва от Союза возникла и в определенных кругах России. Ну, естественно, что отрыв Российской Федерации от Союза означал его разрушение. Это и было произведено в декабре 1991 г. известными беловежскими актами.

Еще в ходе разговоров о новом союзном договоре М. С. Горбачев как-то говорил Б. Н. Ельцину, что вслед за разрушением Советского Союза процесс развала перенесется и на Российскую Федерацию. К этому были серьезные предпосылки. Еще с 30-х годов в некоторых крупных автономных республиках зрели настроения, направленные к повышению формы национальной государственности. Попросту говоря, они хотели получить права союзных республик. Этот разговор с особой силой поднялся в ходе разработки пресловутого нового союзного договора. Однако было очевидно, что преобразование Татарии, Башкирии, Якутии

и пр. в союзные республики означало их выход из РСФСР со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наиболее резко эта проблема была поставлена в Чечне.

Путем разного рода уступок и комбинаций удалось сохранить формальное единство России, но стала очевидной и непрочность этого единства. В такой ситуации и возникли две тенденции, по крайней мере идеологические, в решении проблемы. Одна идея состояла в том, чтобы всеми силами сохранить и укрепить целостность России. Некоторые даже договариваются до установления унитарной формы государственного единства. Сама по себе идея эта неплоха, но вряд ли ее можно считать реалистичной.

А вот на другом полюсе возникла изоляционистская идея «Русской республики». Собственно говоря, ее предтечей была солженицынская мысль об объединении славянских республик Союза и отбрасывании всех остальных. Авторы предложения о русской республике идут еще дальше: они хотят создать некое государство, очищенное вообще от нерусских элементов.

Абсурдность этой затеи видна даже невооруженным глазом. Я не случайно начал статью с исторического экскурса. Я думаю, что он с очевидностью показывает невозможность выделения ни чисто русской территории, ни чисто русского населения из общей массы территории и населения страны. Единственный путь, по которому можно пойти, чтобы создать русскую республику, это путь этнических чисток, хорошо известный нам из современной истории Югославии. Вряд ли такой образец может послужить соблазнительным примером для России.

Действительно, современная территория Российской Федерации построена так, что национальные республики и другие государственные образования разбросаны по всей территории страны, от Москвы до самых до окраин. Если исключить их из состава России, то карта ее будет похожа на дырявое одеяло. При этом тут же возникнет новая проблема: как быть с территорией самих нерусских республик, когда большинство из них тоже многонационально. Совершенно очевидно, что создать целостную русскую территорию, татарскую, башкирскую и т. п. просто невозможно. Если же заняться этой проблемой всерьез, то возникнет еще один интересный аспект. Как помним, Россия на протяжении веков расширялась от московского центра во все стороны. Земли, присоединяемые к русскому государству, хотя порой были и малонаселенными, тем не менее не были пустыми. А значит, возникает вопрос, как определить национальный характер ее территории, ее принадлежность к тому или иному народу. В свое время западные колонизаторы решили проблему

национальной территории просто: если коренное население мешало колонистам, его можно было просто уничтожить. Вспомним хотя бы судьбу тасманийцев, да и американских индейцев. В нашей истории ничего подобного не было. Русские колонисты, как уже отмечалось, осваивали новые земли, не притесняя коренное население в основной массе случаев. Во многих местах количество русских превысило число коренных жителей. Но тут-то и возникает вопрос: чья же это земля — русская или не русская?

Как видим, проблемы территориального размежевания относятся к числу неразрешимых, а без обособленной территории не может быть и государства. После Октябрьской революции в различных районах страны производилось так называемое национальное государственное размежевание. Большая и сложная работа в этом направлении была проведена в Поволжье и Приуралье, особенно в связи с созданием Башкирской АССР. Грандиозным было национально-государственное размежевание Средней Азии, начисто перекроившее карту громадного и сложного региона. Достаточно трудным было определение границ различных государственных образований Закавказья, и даже на западе Советского Союза (Белоруссия, Молдавия).

Всюду, где приходилось проводить границы между теми или иными советскими республиками, возникала прежде всего одна коренная проблема: как сочетать национальный состав и экономическую целостность территории. После попытки найти крайностные решения, когда приоритет отдавался либо национальному составу, либо экономическим связям, пришлось прийти к компромиссам, в силу чего некоторые автономии уже с самого начала были не только многонациональными, но и не обладали большинством титульного населения. В дальнейшем национальный состав всех республик в силу постоянной миграции еще больше усложнялся, а границы населения народов становились все более зыбкими. Попробуйте теперь в таких условиях выделить национальные территории, в первую очередь русскую. Если строго подходить с исторических позиций, то скоро выяснится, что русская земля — это вообще небольшой клочок территории вокруг Москвы, да и то спорный. Боюсь, что Русскую республику нельзя будет организовать даже в границах Кремля. Очевидно, что подобное решение не приведет ни к чему хорошему, но вызовет всеобщую драку.

Правда, ревнители «русской республики» придумали и еще одно «гениальное» решение: просто объявить территорию всей нынешней Российской Федерации «Русской республикой», т.е. попросту переименовать Российскую республику в Русскую. Вообще говоря, примеры

такого решения вопроса существуют. Например, Эстонию называют Эстонской, а не Эстлянской республикой, хотя эстонцев в ней всего 2/3. То же можно сказать о грузинской, молдавской республиках, название которых определяется не по этническому, а по территориальному принципу. В то же время даже самые крайние латвийские националисты не додумались переименовать свою республику из Латвийской в Латышскую. Казалось бы, что в России, где русские составляют свыше 80% населения, можно бы и пренебречь меньшинством, назвав всю территорию страны русской. Однако такое решение вопроса, несомненно, вызовет сопротивление и возмущение на тех территориях, где проживают нерусские люди.

И тут необходимо перейти к вопросу о разделении населения. Как уже отмечалось, Россия с самого своего рождения стала государством полиэтничным. При этом даже в тех случаях, когда присоединение нерусских народов проходило вооруженным путем, достаточно быстро устанавливались мирные отношения между покорителями и покоренными, поскольку все завоевания носили обычно верхушечный характер. Воевали не народ с народом, а по преимуществу княжеские дружины. И присоединение того или иного народа к России означало лишь, что верхушка покоренного народа начинала служить не своему князю, а русскому монарху. Что же касается всей остальной феодальной пирамиды, то она оставалась по преимуществу мало затронутой. Во всяком случае, русский крестьянин не угнетал татарского или башкирского, да и вообще трудовым массам не о чем было спорить между собой. Больше того, постепенно устанавливались отношения взаимопонимания, взаимопомощи, подкрепляемые частыми смешанными браками и иными интимными связями. Все это вело к постепенному перемешиванию народов, когда скоро стало трудно отличить, кто есть кто, причем подобные процессы мы видим во всех слоях общества. Вспомним, каких фамилий было больше в придворных кругах — русских или нерусских. И в народной толще: какие антропологические черты приобрели постепенно рязанские крестьяне или русские переселенцы в Сибири? Попробуйте теперь отделить истинно русского от всех иных жителей страны! Думаю, что даже гитлеровские мастера по расовому вопросу стали бы в тупик. Так неужели нам нужно соревноваться с расистами? Между тем поборники идеи «русской республики» в такое соревнование именно вступают. Они предлагают достаточно сложный путь определения национальной принадлежности, по которому звание русского человека становится чуть ли не почетным. Предлагается проводить генеалогическую экспертизу на предмет установления русскости предков того или иного человека вплоть

до определенного поколения. Если учесть, что, кроме чисто русского населения, в русскую республику автоматически включается около 20% инородческого, то становится неясным статус этой части населения.

И тут мы переходим еще к одной серьезной проблеме: национальному самосознанию русских. Очевидна истина: вся история русского народа привела к тому, что русские стали по духу своему народом интернационалистичным. Конечно, как в любом многонациональном государстве, в России существовали всякого рода межэтнические трения. Однако заметим, что даже татаро-монгольское иго не привело к сохранению вечной ненависти русских к татарам. Уже вскоре после того, как соотношение русских и татар в обществе диаметрально переменилось, в народной массе ненависть к былым захватчикам растворилась, и кроме пары шуток в обиходе, мы не встретим даже бытовой неприязни к татарам, как и к другим инородцам.

Государственная политика по отношению к нерусским народам тоже долгое время оставалась достаточно либеральной. Царское правительство не заботилось особенно о том, чтобы сделать национальный состав империи однородным, русифицировать нерусские народы. Только с конца XIX в., при Александре III и Николае II, было развернуто наступление на национальные особенности, приведшее к тому, что Россия заслужила звание тюрьмы народов. Это в свою очередь вызвало обострение национальных отношений, национальные движения, которые затем влились в единый революционный поток, коренным образом изменивший судьбу страны.

Нечего вспоминать о том, что в советском государстве проводилась предельно интернационалистическая политика, твердый курс на прекращение национальной борьбы и установление дружбы народов. Первое время в советском государстве даже вообще пытались похоронить национальное различие, вплоть до того, что ни в каких документах, ни в каких статистических отчетах не отражалась национальная принадлежность гражданина, что же касалось коммунистов, то в их среде считался почти оскорбительным вопрос о национальной принадлежности: «я коммунист, значит интернационалист, какой может быть вопрос о национальности?». Только с 1921 г., когда выяснилось, что с национальным вопросом одним махом не покончишь, коммунистическая партия и государство пошли по пути признания национальных особенностей, национальных интересов и всей сложности национальной проблемы. С той поры началась планомерная работа по сближению народов и наций, по установлению нормальных и дружественных отношений между ними, по созданию новой исторической общности — советского народа.

Следует отметить, что в ходе борьбы за равноправие и равенство народов русский народ шел на известные жертвы: экономический и культурный подъем отсталых окраин, особенно восточных, шел в определенной мере за счет перекачки средств из Великороссии в нерусские районы.

Свою роль сыграла политика коренизации, приведшая к созданию массы национальных кадров, национальной интеллигенции. Здесь тоже не обошлось без определенных перегибов: требования к профессиональному и культурному уровню нерусских специалистов обычно несколько занижались, что порой действовало разлагающе на эти кадры.

Говоря же в целом, следует подчеркнуть, что за годы советской власти сложилось действительно интернациональное единство нашего народа, являющееся громадным достижением в жизни общества. Ломать это единство — значит совершать преступление перед самим русским народом. При всех недостатках нашего времени, есть одно заметное достижение — попытка отменить знаменитую пятую графу в документах. Характерно, что это нововведение встретило сопротивление в нерусской среде, в некоторых национальных республиках Российской Федерации. Очевидна и причина такого сопротивления, ибо здесь национальная принадлежность стала основанием для привилегий, притом, конечно, не для русского населения.

Особо следует сказать о положении русских в тех республиках, которые недавно еще были членами Советского Союза. В некоторых из них процент русского или русскоязычного населения весьма высок. Вспомним, что в Латвии, например, он достигал почти половины. Большая часть русских, особенно в Прибалтике, не сразу осознала, чем грозит им разрушение Советского Союза, и даже помогла этому. Местные националисты, сепаратисты первоначально заигрывали с русским населением, убеждая его, что отделение от Союза будет полезным для всех. Когда же после разрушения Союза дело повернулось совсем по-другому, ничего не оставалось, как жаловаться в международные организации, просить защиты для остатков «великого русского народа» в этих государствах. Отсюда же вытекает и выдвинутая ревнителями русской республики идея о признании за русскими статуса разделенной нации. Прямо скажем, что концепция эта, с одной стороны унизительна, а с другой — огнеопасна. Ведь из нее прямо вытекает, что разделенный народ надо воссоединять. Следовательно, проблема выходит за рамки нынешней России, приобретает международный характер, грозящий уже внешними конфликтами: ведь известно наличие большого процента русского населения в Эстонии, Латвии, на Украине, в Казахстане.

Но вернемся к проблеме русского самосознания. Стремление к сепаратизму, изоляционизму само по себе превращает русских из великой нации в малую. Ведь как уже отмечалось, именно малым народам свойственно стремление к национализму. А кому нужен национализм?

Если говорить грубо, то националистические идеи обычно охватывают две категории людей: тех, кто хочет извлечь из этого прямую выгоду, и тех, кто одурманен пропагандой корыстолюбивых лидеров. Первые надеются получить на пропаганде идеи национальной исключительности определенный навар: места в государственном аппарате, капиталы и пр. Вторым же отводится роль простаков, которые готовы таскать каштаны из огня для первых. Вряд ли такая игра стоит свеч.

Не национальное обособление, а всемерное сплочение, объединение нерусских народов вокруг русского, сближение и слияние их в перспективе — вот, на мой взгляд, прогрессивный путь этногенеза в нашей стране.

В наше время в мире идет странный процесс обособления мелких, порой мельчайших народов в самостоятельные государственные образования или, по крайней мере, в территории и национальные группы с особым правовым режимом. Печальный пример тому дают мелкие государства, возникшие на развалинах Югославии. И даже там, где, казалось бы, всякая память о былой обособленности должна была стереться, вдруг возникают движения, зовущие к этническому обособлению. Можно понять, например, шотландцев, которые на протяжении веков не могут примириться с присоединением к Англии, но даже валлийцы, которые, казалось бы, давно растворились в английской среде, вдруг вспомнили об этнической особенности и начали бороться за реанимацию своего языка, государственных институтов и пр. Причем все это происходит в то время, когда в Западной Европе идут процессы интеграции. Думается, что и нашей стране, нашему народу, если он не хочет кануть в Лету, стоит думать и работать в направлении не разъединения, а объединения, как в рамках Российской Федерации, так и в более широких пределах.

Вместе с тем проблема единства нашего народа, его целостности вызывает еще одну идею. Она касается формы государственного единства. Как уже отмечалось, некоторые авторы предлагают преобразовать Российскую Федерацию в унитарное государство, в унитарную Русскую республику.

Сама по себе идея унитаризма — вещь неплохая. На мой взгляд, унитарное государство при прочих равных условиях обладает несомненными преимуществами перед федеративным. Оно, например, способствует укреплению экономических связей, созданию единого хозяйства. Не случайно Маркс, а вслед за ним и Ленин полагали, что лучшей

формой государственного единства для социалистического государства должен быть унитаризм. Однако уже в 1917–1918 гг. В. И. Ленин кардинально изменил свою точку зрения. В условиях, когда страна стала распадаться под влиянием массы национальных движений, встал вопрос, можно ли сохранить целостность государства, упорно отстаивая принцип унитаризма. Вот тут-то и было предложено компромиссное решение вопроса: не унитаризм и не сепарация, а федеративное устройство России. При этом Ленин даже обогнал партийную программу, которая перешла на рельсы федерализма лишь в 1919 г.

Вместе с тем В. И. Ленин не переставал считать унитарное государство более совершенной формой государственного единства, а федерацию лишь переходной ступенью к будущему социалистическому унитаризму. Ленин и Сталин связывали такой переход с процессом сближения и слияния наций. Развитие Советского Союза и пошло по линии такого сближения, которое сопровождалось укреплением единства, а значит централизации Советского государства. Конечно, ни в какие ворота не лезет утверждение нынешних пропагандистов, да и некоторых ученых, будто Советский Союз к моменту его разрушения стал унитарным государством. На деле его члены обладали широкими правами, достаточными для того, чтобы считаться субъектами федеративных отношений. Вообще, СССР обладал всеми признаками федерации. Конечно, если сравнить уровень централизации его в 1922 и 1985 гг., то мы заметим несомненную тенденцию к укреплению единства, централизации, но это еще ничего не значит. Ведь и буржуазные федерации очень различны по своему характеру, содержанию.

Тем не менее в наше время принцип унитаризма для России совершенно неприемлем. Он вызовет сопротивление всех нерусских районов, больше того, и русские области, привыкшие к определенным вольностям, не захотят отказаться от завоеванных привилегий. Понадобится, очевидно, большой срок, измеряемый десятилетиями, если не столетиями, пока все население России не убедится на практике в пользе унитаризма.

Впрочем, и сами поборники идеи унитаризма делают уступку некоторым национальным районам, признавая за ними право территориальной автономии в рамках русской республики. Но это не спасает положение, поскольку статус автономной области, который им предлагается, никак не подойдет тем, кто успел привыкнуть к суверенитету, да еще широкому.

Таким образом, идея Русской республики во всех ее модификациях не может считаться плодотворной. В лучшем случае она должна остаться плодом интеллигентских мечтаний, в худшем же доведет нашу страну до беды.

А. И. Вдовин, В. А. Коревский

РАСПАД СССР И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В литературе выдвинуто немало гипотез о причинах распада СССР[1]. Можно встретить ссылки на случайность произошедшего. Дескать, были бы у генерального секретаря Ю. В. Андропова здоровые почки, не было бы всей цепи событий, которая привела к распаду страны[2]. Союз можно было сохранить и в том случае, если бы между Б. Н. Ельциным и М. С. Горбачевым не возникло личной неприязни, роковым образом сказавшейся на судьбе СССР[3]. Куда как больше имеется авторов, усматривающих в распаде проявление некоей закономерности. На всеобщность претендует

---

[1] См.: ***Празаускас А. А.*** Мог ли быть вечным «Союз нерушимый»? // Свободная мысль. 1992. № 8; ***Ципко А.*** Если распад государства – плата за избавление от коммунизма, то она непомерно дорога // Я и мир. 1992. № 1; ***Шишков Ю.*** Распад империи: Ошибка политиков или неизбежность? // Наука и жизнь. 1992. № 8; ***Бондарев В.*** Самораспад: Можно ли говорить о закономерностях развала СССР? // Родина. 1993. № 4; ***Виноградская Т.*** Распад СССР как системный фактор национальных конфликтов // Обозреватель. 1993. № 7; ***Грачев А.*** Подлинная история распада Союза. Кораблекрушение Горбачева // Новое время. 1993. № 24; ***Дмитрук М.*** По лезвию геодуги. Неожиданная версия развала СССР // Рабочая трибуна. 1993. 23 июля. С. 7; ***Кортунов А. В.*** Дезинтеграция Советского Союза и политика США. М., 1993; ***Костина Р. В.*** О причинах распада социалистических федераций // Отечественная история. 1993. № 5; Разделит ли Россия участь Союза ССР? (Кризис межнациональных отношений и федеральная национальная политика). М., 1993; ***Зиновьев А. А.*** Гибель «империи зла» (очерк Российской трагедии) // Социологические исследования. 1994. № 10, 11; 1995. № 1, 2, 4; ***Пивк Э. А.*** Грозит ли России судьба СССР? Сепаратизм и федерализм в современной России // Дружба народов. 1994. № 6; ***Слободкин Ю. М.*** Кто разрушил СССР и распял Россию. Л., 1995; ***Челноков М. Б.*** Россия без Союза, Россия без России... М., 1994; ***Брумберг А.*** Советология и распад Советского Союза // Куда идет Россия?.. М., 1995. Вып. 2; ***Джукусов М.*** Союз народов – союз сердец: Анатомия развала великой державы // Правда. 1995. 29 дек. С. 2; ***Косолапов Н. Н.*** От союзного договора к распаду Союза: логика дезинтеграции // СНГ: надежды, иллюзии и действительность. М., 1995; ***Каппелер А.*** Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1996; ***Тягуненко Л. В.*** Причины и последствия распада югославской и советской федераций // Вестник научной информации. 1996. № 4; ***Чешко С. В.*** Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М., 1996; ***Чуднов В. П.*** Распад СССР и французская советология // Многоликая история. М., 1997; и др.

[2] См.: ***Мирский Г. И.*** Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // *Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 2. С. 13.*

[3] ***Бовин А. Е.*** После августовского путча развал Советского Союза стал неизбежным // Россия и современный мир. 1998. № 2. С. 11.

объяснение с опорой на так называемый закон энергетической неэффективности больших государств, согласно которому не только распался СССР, но идет распад России, распадутся США, Канада, Китай, Австралия[4].

В статьях историков получает развитие обозначенная еще в Беловежье «линия», согласно которой распад Союза ССР закономерен и объективен. А. Н. Сахаров успокаивает сограждан: «Происходит то, что и должно происходить... Россия просто проходит со значительным запозданием те же цивилизационные ступени эволюции, что и другие развитые страны»[5]. Дескать, цивилизационное развитие и политическая жизнь 60–70-х годов практически подготовили распад Союза, и тут уж ничего не поделаешь. Согласно такому подходу, СССР, как и советский социальный строй, рухнул в силу своей внутренней несостоятельности, он изжил себя сам по себе, будто советские люди сами (на своем жизненном опыте) пришли к мысли о необходимости отказа и от своего «имперского» государства, и от социализма[6]; СССР саморазрушился[7]. А. О. Чубарьян представляет распад СССР результатом «с одной стороны, роста национального самосознания, с другой — краха тех методов, с помощью которых создавался и жил СССР»[8]. Со ссылками на общецивилизационные основы выстраиваются объяснения крушения СССР его проигрышем в холодной войне в результате технологического отставания и снижения уровня конкурентности[9], поражением социализма в многовековом соперничестве с либерализмом[10].

---

[4] ***Клименко В.*** Энергия, климат и судьба России // Зеленый мир. 1997. № 8. С. 13. З. Бжезинский, к примеру, предвидит исчезновение американской империи за пределами 2050 года (Независимая газета. 1998. 31 декабря. С. 8).

[5] ***Сахаров А. Н.*** История все расставит по своим местам // Россия и современный мир. 1995. № 4. С. 23; ***Он же.*** К вопросу о причинах распада СССР // СССР и холодная война. М., 1995.

[6] См.: ***Зиновьев А.*** Советская контрреволюция // Советская Россия. 1998. 19 сентября. С. 3; и др.

[7] ***Сахаров А. Н.*** О причинах саморазрушения СССР // Советское общество: возникновение, развитие, финал. Т. 2. С. 615.

[8] Цит. по: ***Поляков Ю. А.*** Наше непредсказуемое прошлое: Полемические заметки. М., 1995. С. 160. Негативное отношение к беловежским соглашениям выразил патриарх российских историков академик Б. А. Рыбаков. «Беловежская Пуща была бы хороша, – полагает он, – если бы Белоруссия, Украина и Россия собрались, чтобы обдумать совместную политику. И уж ни в коем случае, чтобы рассыпаться на части» (***Рыбаков Б. А.*** Я – человек двадцатого столетия... // Правда (гл. ред. А. Ильин). 1998. 4 июня. С. 4).

[9] ***Назарбаев Н. А.*** Почему не состоялся новый Вавилон // Россия и современный мир. 1996. № 4. С. 79; ***Швейцер П.*** Победа. Минск, 1995; и др.

[10] ***Афанасьев Ю. Н.*** Непреодоленное прошлое // Советское общество: возникновение, развитие, финал: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 645.

Вина за распад Союза ССР нередко почти полностью перекладывается на Запад. В этом случае дезинтеграция предстает результатом осуществления планов реставрации капитализма в СССР, инициированных США и осуществленных американо-английской агентурой при помощи деятелей типа Хрущева и Горбачева[11]. И хотя бывший американский посол в Москве Дж. Мэтлок, занявшись «вскрытием трупа» СССР для установления причин смерти (его мемуары так и называются: «Аутопсия империи»), утверждает, что «администрация США в целом не была заинтересована в развале СССР»[12], факты не позволяют согласиться с этим. К нашим дням стали известны детали целого ряда проектов, разработанных в США и направленных на уничтожение СССР, расчленение его территории, уничтожение русского народа. Так, А. Даллес (директор ЦРУ в 1953–1961 гг.) еще в конце второй мировой войны предложил план послевоенной борьбы с СССР, в ходе которой «эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания»[13].

В основе этого и всех последующих планов ведения «холодной войны» против СССР лежала установка «взорвать Советский Союз изнутри с помощью подрывных средств и разложения» и старых, как мир, приемов натравливания одних народов на другие[14]. 18 августа 1948 г. Совет национальной безопасности США утвердил директиву «Цели США в отношении России», направленную на свержение советской власти и декоммунизацию страны силами «любых местных властей, которые придут на смену советской власти»[15]. В начале 1953 г. конгресс США принял предложенную президентом Эйзенхауэром резолюцию, в которой выражалась надежда на то, что «народы, находящиеся под господством

---

[11] ***Косолапов Р., Жухрай В.*** Не лучше ли вовремя остановиться? Открытое письмо стратегам развала России // Правда России. 1997. 25 февраля. С. 3. См. также: ***Платонов О. А.*** Терновый венец России: История русского народа в XX в. М., 1997. Т. 2. С. 502–624; и др.

[12] Цит. по: Из архива Национальной безопасности США. Прогнозы ЦРУ в отношении СССР 1991 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 113. См. также: ***Метлок Дж.*** Аутопсия империи. Рассказ американского посла о крушении Советского Союза // Компас. 1996. 25 января (№ 4).

[13] Подробнее см.: ***Красников А.*** Как нас предали... «Пятая колонна» опережает график Даллеса // Советская Россия. 1995. 9 мая. С. 13; ***Широнин В. С.*** КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997. С. 77; и др.

[14] ***Курчатов А. И.*** Идеологические диверсанты // Секреты секретных служб США. М., 1973. С. 290, 293.

[15] 50-летняя война // Русский Вестник. 1998. № 33–35. С. 9.

советского деспотизма, должны будут вновь обрести права самоопределения»[16]. 9 июля 1959 г. конгрессом США была принята резолюция о порабощенных нациях. В ней утверждалось, что «с 1918 г. империалистическая агрессивная политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет зловещую угрозу для безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира». Резолюция требовала освобождения и возвращения независимости целому ряду стран и народов, в том числе Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, Континентального Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала, Тибета, Козакии, Туркестана, Северного Вьетнама и других. Было постановлено ежегодно отмечать в США третью неделю июля как «Неделю порабощенных наций» до тех пор, пока «не будет достигнута свобода и независимость для всех плененных наций мира»[17].

Не является тайной и «Доктрина освобождения», принятая администрацией Дж. Буша в 1989 г. и преследовавшая цель демонтажа «советской империи». Доктрина ставила задачи поэтапного отторжения четырех кругов государств «империи»: Индокитая и стран социалистической ориентации (4-й круг), восточно-европейских стран и Кубы (3-й круг), союзных республик СССР (2-й круг), республик и регионов собственно усеченной России (1-й круг)[18]. Известен целый ряд откровенных признаний виднейших американских государственных и общественных деятелей, утверждающих, что «победа США в холодной войне была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза»[19]. В частности, Дж. Вулси во время сенатских слушаний при утверждении его директором ЦРУ сказал о бывшем Союзе ССР: «Да, это мы прикончили Гигантского Дракона»[20]. Президент США Дж. Буш после развала Союза

---

[16] Цит. по: *Судоплатов А.* Тайная жизнь генерала Судоплатова: В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 249.

[17] См.: *Курганов И. А.* Нации СССР и русский вопрос. Франкфурт на Майне, 1961. С. 188; *Емельянов Ю. В.* Большая игра: Ставки сепаратистов и судьбы народов. М., 1990. С. 240, 241; и др.

[18] *Доброхотов Л. Н.* Переломный год в судьбе СССР // Проблемы политической и экономической истории России: Сб. статей. М., 1998. С. 260. См. также: *Исаков В. Б.* Расчлененка. Кто и как развалил Советский Союз: Хроника. Документы. М., 1988. С. 170 и далее.

[19] Подборку высказываний такого рода см.: Русский Вестник. 1998. №33–35. С. 9.

[20] *Яковлев Н. Н.* «Да, это мы прикончили гигантского дракона» // Российский обозреватель. 1995. №1. С. 147; *Он же.* «Да, это мы прикончили гигантского

заявил, что это «наша победа, победа ЦРУ»[21]. Б. Скаукрофт (советник Буша по национальной безопасности) не мог не сообщить всему миру, что его «первой реакцией на окончательный спуск советского флага над Кремлем было чувство гордости за ту роль, которую мы сыграли в достижении этого. Мы упорно работали над тем, чтобы продвинуть Советский Союз в этом направлении...»[22].

Ныне в США открыто заявляют, что не только распад СССР, но расчленение России пойдет «на пользу» не только ей самой, но и Соединенным Штатам. В таком случае в американских руках оказались бы «эффективные рычаги давления». Имея дело с индивидуальными государствами внутри бывшей России, «США могли бы натравливать их друг на друга». И уж во всяком случае США имели бы больше власти над такими государствами «уже хотя бы благодаря своим явно превосходящим масштабам»[23]. Государственный секретарь США через российскую прессу объявляет, что задача США «состоит в том — поскольку это в наших (т. е. американских. — *Авт.*) интересах, — чтобы управлять последствиями распада советской империи» и, конечно же, исключительно в целях «помочь России добиться процветания»[24]. Заместитель государственного секретаря США всерьез пытается утверждать, что интересы русских, которые сегодня находятся вне России, заключаются только в том, чтобы «быть полноправными гражданами в своей новоприобретенной родине». Призывы к воссоединению русского народа в едином государстве, по его определению, есть не что иное, как «маниакальный великодержавный шовинизм», представляющий большую угрозу будущему России, чем сепаратизм «этнических меньшинств — чеченцев, татар, якутов, чукчей, калмыков, осетин и мордвы»[25].

На этом фоне не очень убедительно выглядят концепции, полностью отрицающие разрушительное действие внешних сил и придающие

дракона»: Заметки профессионального историка // Молодая гвардия. 1996. № 6. С. 43–73; ***Он же.*** Почему распался Советский Союз? Заметки профессионального историка // Завтра. 1996. Май (№ 21). С. 5.

[21] Цит. по: ***Жириновский В.*** Последняя битва России. 2-е изд. М., 1998. С. 5.

[22] Цит. по: ***Косырев Д.*** «Боже, как нам повезло...»: Джордж Буш и Брент Скаукрофт вспоминают о конце СССР // Независимая газета. 1998. 19 декабря. С. 15.

[23] ***Струа М.*** «...И натравливать их друг на друга» // Независимая газета. 1998. 15 декабря. С. 6.

[24] ***Олбрайт М.*** Задача США – управлять последствиями распада советской империи // Независимая газета. 1998. 16 октября. С. 8.

[25] ***Тэлботт С.*** О стратегическом терпении в смутные времена // Известия. 1998. 21 ноября. С. 4. Ср.: ***Лисичев Е. К.*** Оазисы полуправды. Заместителю государственного секретаря США // Советская Россия. 1998. 11 декабря. С. 3.

значение только внутренним факторам упадка и распада СССР, и прежде всего — экономическому кризису, нараставшему в СССР в течение десятилетий[26], ставшему едва ли не главной и единственной причиной «перестройки» и отказа от неэффективной экономики и государства.

В противовес этому обосновываются убеждения, что никаких серьезных объективных причин для распада Советского Союза не существовало[27], и это был не распад, а развал, явившийся следствием грубых просчетов и ошибок политиков, действия разрушительных политических сил и деятелей[28]. Виновниками случившегося в этом случае чаще всего представляется Горбачев и его окружение. Во всяком случае, трудно не воспринять как приговор Союзу ССР тайно выношенное Горбачевым решение «признать негодность самого социально-политического строя, который уже не раз после революции обнаруживал свою историческую бесперспективность, а значит, и антинародную, аморальную суть»[29]. В соответствии с таким подходом распад СССР объясняется «порочностью, авантюристичностью самой идеи социализма в ее марксистском варианте»[30], и роспуск СССР предстает уже как счастливый случай избавления от «насквозь прогнившего имперского альянса»[31], или как некая спасительная превентивная мера, предупредившая еще большее несчастье — «полномасштабную национально-освободительную (или имперско- восстановительную) резню»[32]. В ряде случаев вина за распад СССР перекладывается на других носителей власти в бывшем СССР — гекачепистов; депутатов V Внеочередного съезда народных депутатов СССР, во многом предопределивших своими решениями разрушение Союза.

Факты однако свидетельствуют, что самой мощной движущей силой разрушительных процессов выступали не союзные, а республиканские лидеры, и в первую очередь российские, сыгравшие главную роль

---

[26] *Медведев Ж. А.* Не гонка вооружений погубила СССР // Международная жизнь. 1998. № 1.

[27] *Шенин О. С.* Родину не продавал, и меня обвинили в измене. М., 1994. С. 42; *Затулин К.* Последствия распада СССР и будущее Содружества // Независимая газета. 1996. 15 декабря; *Леонов Н. С.* В тени измены // Русский Дом. 1997. № 1. С. 34–37; *Лигачев Е. К.* Предостережение. М., 1998. С. 401, 425–433; и др.

[28] *Хасбулатов Р.* Распад СССР не был неизбежным // Правда. 1992. 29 декабря. С. 2; *Осадчий И. П.* Беловежский сговор – трагедия народа, трагедия страны // ...Изм. 1998. № 2. С. 93–96; и др.

[29] *Черняев А. С.* Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 449–450.

[30] *Певзнер Я. А.* Мировая революция: великая авантюра и ее крах // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 11. С. 67.

[31] *Назарбаев Н.* Пять лет независимости. Алматы, 1996. С. 41.

[32] *Драгунский Д.* Распад во спасение // Итоги. 1996. № 32. С. 11.

в подготовке и реализации Беловежских соглашений. Наряду с деятелями, сделавшими Беловежскую пущу символом волюнтаризма и безответственности в политике, виновниками развала СССР в этом случае представляются парламенты бывших союзных республик, одобрившие роспуск СССР; «демократы» в целом или некие политически амбициозные и своекорыстные группы лиц, расчищавшие таким путем себе путь к власти[33]. С этой точки зрения, преднамеренное разрушение СССР предстает следствием целенаправленной политики «демократов»[34], и содеянное в Беловежской пуще осуждается как «самая чудовищная ошибка за всю историю Российского государства»[35]. Отражением такой позиции является принятие Государственной Думой РФ 15 марта 1996 г. постановлений «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года "О денонсации Договора об образовании СССР"» и «О юридической силе для Российской Федерации результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР»[36]. Позже нижняя палата российского парламента создала специальную комиссию по рассмотрению вопроса об отрешении Президента РФ от власти. Первым среди выдвинутых при этом обвинений значится развал СССР и участие

---

[33] *Тишков В. А.* Самоубийство Центра и конец Союза (политическая антропология путча) // Советская этнография. 1991. № 6; *Семенов В. С.* Почему Горбачев развалил страну. Кто он? // ...Изм. 1992. № 1; *Глобачев М.* Как «имперцы» добили империю // Столица. 1993. № 9; *Варенников В.* ГКЧП мог отвести угрозу развала СССР // Правда. 1994. 17 авг. С. 4; *Руцкой А.* Кто и как развалил СССР? // Наш современник. 1995. № 12; *Яковлев А.* Новый Советский Союз. М., 1995. С. 17; Кто развалил Советский Союз: история, Запад, Ельцин, Горбачев? // Независимая газета. 1997. 16 января (НГ-сценарии. С. 1, 4–5); *Межуев В. М.* Империи создают гигантов, а разрушают пигмеев // Правда-5. 1997. 28 января. С. 1, 2; *Жириновский В. В.* Как «демократы» разрушали Союз ССР // *Жириновский В. В.* Политическая классика. М., 1997. Т. 10. С. 183–188; *Уткин А. И.* Почему исчез Советский Союз: Еще одна попытка ответить на вопрос, кажущийся многим банальным // Независимая газета. 1997. 31 декабря. С. 11; *Грызлов В. Ф.* Непризнанная республика // ...Изм. 1998. № 2. С. 98; *Кравчук Л. М.* Крах СССР и перепективы СНГ // Независимая газета. 1998. 21 января. С. 11; *Биндюков Н.* Только социализм разрешит национальный вопрос // Диалог. 1998. № 2; *Златопольский Д. Л.* Разрушение СССР: (Размышление о проблеме). М., 1998; *Лигачев Е. К.* Ликвидатор: Свидетельство, переданное в комиссию по импичменту // Советская Россия. 1998. 17 сентября. С. 2; *Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.* Сталинизм и война. М., 1998. С. 408; *Рогозин Д. О.* Формула распада. М., 1998. С. 4; и др.

[34] *Семенов Ю. И.* Россия: что с ней было, что с ней происходит и что ее ожидает в будущем. М., 1995. С. 19.

[35] *Бурлацкий Ф. М.* Русские государи: Эпоха реформации: Никита Смелый, Михаил Блаженный, Борис Крутой. М., 1996. С. 333.

[36] См.: *Исаков В. Б.* Указ. соч. С. 419–422.

в Беловежском соглашении, «которые привели народ и государство к катастрофе»[37].

Большую долю истины содержит суждение о национальных элитах в бывших республиках СССР как могильщиках Союза. Эти элиты, с одной стороны порожденные Москвой, а с другой всегда тайно мечтавшие о бесконтрольной власти и тяготившиеся московской уздой, почувствовали в момент кризиса союзной государственности, что узда ослабла, и вырвались на свободу. Всем еще плохо, а им уже хорошо[38]. Наибольшая вина в этом случае возлагается на национальные элиты бывших союзных республик, вставших в оппозицию к известной попытке 1989–1990-х гг. уравнять в правах союзные и автономные республики. Это было воспринято не как повышение автономий до уровня союзных республик, а наоборот, — как понижение статуса последних до уровня бывших автономий. Особенно это задевало элиты крупнейших республик — Украины и Казахстана. Одно дело их статус в составе Союза с пятнадцатью союзными республиками, другое — с пятьюдесятью или более. Вслух против уравнения возражать было трудно — это воспринималось бы как выступление против равноправия народов, как приверженность сталинизму. Поэтому проблема решалась иначе: модернизация государства сначала просто саботировалась, а затем была сорвана объявлениями суверенитета и независимости[39]. Именно в среде национальных элит с готовностью, как индульгенция, принят на вооружение сомнительный постулат: «История человечества знает одну истину: империя не перестраивается, а распадается»[40]. Замешанный на русофобии этнонационализм может с полным основанием считаться одной из важных причин распада СССР[41]

---

[37] *Усманов И.* В комиссии по импичменту: Обвинение первое // Советская Россия. 1998. 30 июля. С. 2.

[38] *Бовин А. Е.* Указ. соч. С. 11. С точки зрения экономиста, «судьбу СССР в конечном итоге решили владевшие реальной информацией республиканские и региональные партийно-хозяйственные элиты. Элиты, которые в условиях разрушения основ их политического союза (данную функцию выполняла КПСС) поставили перед собой цель раздела крупных секторов союзной собственности на более мелкие республиканские и региональные сегменты» (*Валентей С. Д.* Федерализм: Российская история и российская реальность. М., 1998. С. 68).

[39] См.: *Калатозишвили Д.* Разрушение империи // Независимая газета. 1998. 28 июля. С. 5.

[40] *Акаев А.* Откровенный разговор. М., 1998. С. 52.

[41] Ср.: *Тишков В. А.* Нация // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998. С. 892; *Филимонов Р.* Русский вопрос по Скобелеву, Витте и другим // Правда (гл. ред. А. А. Ильин). 1998. 16–18 июня. С. 2.

В то же время представляется совершенно непродуктивным воспроизведение в нынешних условиях заклинаний начала 1920-х гг. о русском великодержавии как главном препятствии на пути российских народов к «светлому будущему». Согласно этой русофобской догме, некоторые полагают: «В разрушении СССР повинен русский национализм и он же является основной опасностью для России»[42]. Утверждается далее, что в советское время русская нация «несомненно была привилегированной в политическом, идеологическом, культурном, психологическом отношениях». И если она не извлекала экономических выгод из этого положения, то только потому, что властный центр государства, который якобы всегда был русским, просто-напросто использовал политику дотаций «как своеобразное отступное великодержавного центра за русификацию»[43]. Зачастую все это относят на счет сталинской национальной политики, резко противопоставляемой ленинской, «золотым веком» которой представляют 20-е годы[44].

Столь же малоубедительной представляются и внешне русофильские рассуждения о том, что «в конечном счете, свержение коммунистического режима оказалось триумфом русского национального сознания над сознанием коммунистическим», а распад СССР следует воспринимать «как величайшее завоевание русского народа и российских демократов»[45]. Крайне упрощают причины разрушения СССР ссылки на такие, якобы извечные черты русского национального характера, как лень и низкопоклонство. Именно эти черты, по мнению автора, торопящегося отправить Россию в историческое небытие, не оставляют россиянам никаких надежд на достойное существование в будущем. «Спад и распад — которым сами россияне способствовали своей ленью и глупым подражанием худшим примерам — только начались. За потерей Средней Азии последует утрата Кавказа. А потом россияне распрощаются с Сибирью, их подомнет самый сильный из "азиатских тигров"»[46].

Оригинальная трактовка причин распада СССР принадлежит бывшему советскому разведчику М. П. Любимову. Он построил свой мемуар-роман «Операция Голгофа» на версии о секретном плане перестрой-

---

[42] Заявление Г. Х. Попова в телепередаче «Диалог» в мае 1994 г. (Цит. по: *Кольев А.* Идеология абсурда. М., 1995. С. 31). Ср.: *Андреев Г.* Конец империй // Открытая политика. 1998. № 1. С. 65.

[43] *Брутенц К. Н.* Тридцать лет на Старой площади. М., 1998. С. 542.

[44] *Губогло М. Н.* От редактора // Бугай Н. Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев России) // М., 1998. С. 15.

[45] *Кортунов С. В.* Судьба русского коммунизма. М., 1988. С. 65, 68.

[46] *Кьеза Дж.* Прощай, Россия. М., 1997. С. 257.

ки путем уничтожения в СССР существующего социализма и погружения страны в дикий, необузданный капитализм, где царит закон джунглей. Хаос и неразбериха в конце концов должны были, согласно этой версии, мобилизовать массы на борьбу с властью под социалистическими лозунгами, вылиться в революцию, уничтожение компрадорской буржуазии и восстановление истинного социализма. Отрывок из романа был опубликован в газете «Совершенно секретно» (1995. №2) в рубрике «Сенсация», и многие сочли версию вполне правдоподобной. «Не верю, — пишет А. Тилле, — что в мозгу русского мог родиться такой изуверский план... А вот в ЦРУ такой план *мог быть* разработан, и теперь уже имеется довольно много данных, что такой план *был*»[47].

Проверку всех этих гипотез, для сущностного обозначения которых используются подчас противоположные ключевые понятия (гибель, дезинтеграция, крах, крушение, ликвидация, развал, распад, разрушение, расчленение, самораспад, самоубийство, убийство и т. д.), создание всеобъемлющей конкретно-исторической картины исчезновения СССР с геополитической карты мира еще предстоит осуществить. Убедительным может быть многофакторный анализ причин распада, представление о нем как о результате роста внутренних противоречий и воздействия внешних факторов. Анализ литературы о распаде СССР и подходов к его объяснению позволяет считать, что наиболее продуктивным может быть синергетический подход, лишенный односторонности линейных формационного и цивилизационного подходов[48]. Одним из известных сторонников такого подхода к изучению и объяснению причин распада СССР является историк Н. Ф. Бугай[49]. В согласии с таким подходом, крушение СССР «стало следствием лавинообразного нарастания экономических, политических и социально-психологических причин кризиса власти»[50].

В настоящей работе мы исходим из того, что российская цивилизация, с 1922 г. и до недавнего прошлого бытовавшая в широких геополитических рамках Союза ССР, в наши дни обретает новое лицо. Трансформации, которые здесь происходят, во многом обусловлены нерешенностью национального вопроса — проблем в отношениях между

---

[47] *Тилле А.* Доживет ли Россия до 2000 года // Советская Россия. 1997. 23 января. С. 3.

[48] См.: Самоорганизация в природе и обществе (философско-методологические очерки). СПб., 1994; *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М., 1995; Синергетика: новое миропонимание? М., 1995; *Громакова Е. И.* Синергетика и изменение форм научной организации. М., 1997; и др.

[49] *Бугай Н. Ф.* Межнациональные конфликты в СССР как причина распада: истоки, развитие. М., 1996. Рукопись. С. 23.

[50] *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: История власти (1945–1991). М., 1998. С. 718.

многочисленными народами единого государства, по-разному проявлявшимися на различных этапах истории. Наиболее существенные из них были обусловлены разрывами уровней социально-экономического и культурного развития народов, неодинаковостью их положения в национально-государственной структуре, различием условий функционирования национальных языков и культур. Определенное противоречие порождала принадлежность каждого гражданина СССР одновременно к двум общностям — своему народу (этносу, национальности) и гражданскому сообществу — наднациональной (надэтнической) государственной общности людей. Бесконфликтное развитие этих взаимосвязанных общностей требовало особой деликатности и большого искусства государственного управления. На наш взгляд, причины распада СССР во многом порождались идеологией вульгарного интернационализма и политикой, ориентированной на форсирование преодоления национальных различий. Теория национального вопроса в советский период истории оставалась несовершенной, крайне противоречивой в своих основах.

Непререкаемыми авторитетами для советской науки о нациях и национальных отношениях были Ленин и Сталин. До середины 50-х годов их подходы к решению национальных проблем России по сути дела отождествлялись. Определения «сталинская» и «ленинско-сталинская» для обозначения национальной политики КПСС и советского государства исчезли из научного лексикона с 60-х годов. Однако и позднее считалось, что «известное определение нации, сформулированное И. В. Сталиным, является обобщением всего того, что было сказано К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным по вопросу о сущности и главных признаках нации»[51]. Исследованиям генезиса конкретных наций и анализу национальной структуры общества это определение не способствовало. Несмотря на это научная мысль вплоть до середины 80-х годов к проблеме нации не возвращалась. А это не позволяло дать вразумительные ответы на вопрос, является ли данный конкретный народ нацией, и соответственно — народом, имеющим, по партийным догматам, право на самоопределение вплоть до отделения.

Новая попытка преодолеть недостатки сталинского подхода к национальному вопросу была предпринята на рубеже 80–90-х годов. Именно тогда было осознано, что нам более всего необходим критический анализ работ Сталина, и прежде всего — избавление от ошибочного представления, будто бы им дано исчерпывающее определение нации[52]. По

---

[51] К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 90.

[52] *Бурмистрова Т. Ю.* Зерна и плевелы: Национальная политика в СССР. 1917–1994. СПб., 1993. С. 63.

Сталину, «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»[53]. Анализ формулировки обнаруживает, что нация в ней по сути не определена. Здесь перечислены те признаки или черты этноса, которые свойственны социально-этнической общности людей как таковой, причем никаких специфических черт, отличающих нацию от родоплеменной общности или народности, не указывается. Утверждения о том, что только наличие всех признаков дает нацию и достаточно отсутствия хотя бы одного из них, чтобы нация перестала быть нацией[54], дела не меняют. Сталинская формулировка гласит, что наличие всех признаков составляет лишь базу, на которой появляется нация, но не нацию как таковую.

В 60–80-е годы отечественная историография пополнилась большим количеством работ о советском народе как новой исторической общности людей. Идея этой общности находится в тесном родстве с высказанной И. В. Сталиным в 1929 г. идеей об общности наций, объединяющихся на определенном историческом этапе вокруг зональных экономических центров и использующих наряду с национальными язык межнационального общения[55]. Однако развитие представлений об этом историческом феномене во многом сдерживалось традицией, в силу которой нацию полагалось относить непременно к разряду этнических общностей. Между тем мировая наука такого ограничения не знала, что позволяло ей избежать тотальной этнизации национальной проблематики. В конечном счете принципы отечественной науки о нациях не пошли впрок ни науке, ни народам страны. Наиболее негативным образом они сказались именно на трактовке советского народа как новой общности. С точки зрения международной терминологии, советский народ — это не менее правомерное понятие, чем американский народ, французский народ и все прочие народы, выражающие государственную принадлежность и обусловленную ею общность соответствующих групп человечества. Не было бы ошибкой употреблять термин «советская нация» в качестве эквивалента этатистского термина «советский народ». В СССР этого не делалось, чтобы не ставить под сомнение значимость наций как этнических общностей. В итоге приверженность сталинскому определению сыграла свою роль в распаде государства. Без собственной «нации»

[53] *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 333.

[54] См. там же. Т. 2. С. 297.

[55] См. там же. Т. 11. С. 348–349.

или равноценного этому понятию «советского народа» СССР в глазах многих его недоброжелателей (как зарубежных, так и доморощенных) легко превращался в колониальную империю, обязанную в силу исторической закономерности сойти с мировой арены. Национальный вопрос неоднократно и совершенно безосновательно провозглашался в нашей стране окончательно решенным[56], по сути же реальные проблемы в межнациональных отношениях зачастую игнорировались. Освобождение от национального нигилизма и наслоений сталинщины в национальной политике далеко не закончено и потребует еще немалых усилий. События в бывших союзных республиках показывают, что обличение сталинизма само по себе не приводит к торжеству демократических методов решения существующих межнациональных проблем.

В отечественной обществоведческой традиции под нацией чаще всего понимали определенную ступень в развитии народа (этноса), приводящую в условиях капитализма к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству определенной совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего независимого развития с помощью обособленного национального государства[57]. В странах Западной Европы понятие «нация» широко вошло в политический лексикон после Французской революции 1789–1799 гг. Однако утвердившаяся здесь концепция признает единственно законным определение национальной принадлежности как гражданства, все остальные способы национальной идентификации относятся к личной компетенции индивида. Под нацией как согражданством здесь имеется в виду совокупность граждан, демократически управляющих своим государством и имеющих равные права, не зависящие от национального происхождения. Становление таких наций совпадает со становлением гражданского общества. Сувереном в государствах нового времени выступает народ, а не монарх, как в средневековье, и не диктатор, как в тоталитарных государствах позднейших времен[58].

К созданию условий, которые облегчали бы начавшийся задолго до 1917 г. процесс формирования единой гражданской нации в масштабах России, призывала в свое время конституционно-демократическая

---

[56] К примеру, уже применительно к 1922 г. утверждалось: «Создание Союза Социалистических республик показало, что у нас национальный вопрос решен» (*Зиновьев Г. Е.* Соч. М., 1924. Т. 15. С. 268).

[57] См.: *Козлов В. И.* Нация. Этнос // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 459, 466.

[58] См.: *Вишневский А. Г.* Единая и неделимая // Политические исследования. 1994. №2. С. 28; *Морозов А.* «Нация» и «национализм» в трактовке некоторых современных теорий // Россия XXI. 1994. №6-7,8; и др.

партия. Ее теоретики усматривали отличительную черту формирующейся нации в том, что члены новой общности одновременно принадлежали к двум секторам — российскому и национальному. Наиболее адекватной формой государственного устройства, отвечающей такому видению тенденций и перспектив национального развития, представлялась конституционная монархия, обеспечивающая полное гражданское и политическое равноправие подданных[59]. Сходный характер приобрело развитие понятий о надэтническом единстве российских народов в концепции евразийцев в 20–30-е годы. Согласно их воззрениям, изменить ситуацию к лучшему в России можно было лишь при отвержении космополитизма и интернационализма как основы мировоззрения; их место должен был занять национализм — безусловно положительный принцип поведения народа. Национальным субстратом нового российского государства мыслилась вся совокупность народов, рассматриваемая как особая многонародная нация[60].

Убедительная критика права на обособление каждой национальности в самостоятельное государство или территориально-национальную автономию, отстаиваемое в России в XIX в. рядом политических движений, показала, что последовательное проведение в жизнь этой идеи нереально, оно потребовало бы создать на месте единого государства по меньшей мере три сотни национально-территориальных областей со своими национальными языками, что сделало бы Россию «непроезжей» и резко ограничивало возможности экономического роста. Альтернативным был исторический опыт западной и центральной Европы, государства которой сложились из нескольких этнографических общностей в одно целое за последние пять-шесть веков. Подобный путь разрешения национального вопроса — «путь национального примирения и органического слияния этнических национальностей в государственную нацию»[61] – считался естественным и для России[62]. Не исключал его и К. Маркс, писавший в свое время, что «Россия имеет тенденцию стать капиталисти-

---

[59] См.: *Милюков П. Н.* Национальный вопрос. Прага, 1925. С. 174; *Славинский М. А.* Национально-государственная проблема в СССР. Париж, 1938. С. 33.

[60] Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 42, 52, 95, 99.

[61] *Прокопович С. Н.* Об экономических основах национального вопроса. Прага, 1927. С. 9–10.

[62] В этой связи представляется актуальным суждение современного историка о том, что именно отказ Николая I и его преемников от попыток выработать общероссийское национальное сознание и их стремление обратить всех подданных в «русских» явились непреодолимой преградой развитию российского государства: «Не создав российскую нацию, они погубили империю» (*Цимбаев Н. И.* До горизонта – земля. К пониманию истории России // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 31).

ческой нацией» и станет таковой, превратив предварительно значительную часть своих крестьян в пролетариев[63]. Идеологи сменовеховства утверждали позднее, что в таком же направлении развивались национальные процессы и в СССР. Уровень социальной и моральной консолидации советского общества уже в начале 30-х годов давал основания для вывода о возникновении советской нации. «Как ни ново и ни странно такое словосочетание, — писал Н. В. Устрялов, — оно есть точное обозначение нарождающейся социально-исторической реальности»[64].

В дореволюционной России постановка вопроса о количестве населяющих страну наций зачастую представлялась несущественной, ибо «определение национальной физиономии многих из них находилось еще в процессе развития»[65]. Считалось, что далеко не все национальности России станут нациями, большинство из них пойдут по пути басков и бретонцев[66]. Ассимиляционные процессы среди российских народов воспринимались интеллигенцией как неизбежное следствие цивилизации. Согласно таким представлениям, требовалось еще полвека или век, чтобы вся Россия стала читать Пушкина по-русски, а этнографические пережитки сделались достоянием музеев и специальных журналов[67]. В этом отношении большевики не столь существенно выделялись ни из общей массы «передовой» российской интеллигенции, ни из среды «прогрессивных» политических партий.

Программы этих партий свидетельствуют, что ни одна из них не решалась называть себя русской, это считалось предосудительным. В умонастроениях «передовых» людей того времени господствовали отвлеченный космополитизм, антинационализм всяческих видов и оттенков. Партии, считавшие себя государственными и сверхклассовыми, ставили себе в заслугу, что они стоят выше национальных особенностей. Российские социалистические и интернационалистические партии однозначно полагали: национальное есть пережиток прошлого[68]. Будучи одной из таких партий, большевики использовали национальный патриотизм (иначе говоря, национализм — приверженность человека своей национальности, ее традициям и ценностям, стремление создать оптимальные условия для ее развития) лишь для достижения и удержания власти. Однако национальный патриотизм не был общественным идеа-

---

[63] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 120.

[64] *Устрялов Н. В.* Наше время. Шанхай, 1934. С. 30, 35.

[65] *Залевский К.* Национальные движения // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1912. Т. 4, ч. 2, кн. 7. С. 152.

[66] *Каутский К.* Национальные проблемы. Пг., 1918. С. 124.

[67] *Федотов Г. П.* Судьба империй // Свободная мысль. 1992. №5. С. 114.

[68] См.: *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 573, 574.

лом большевиков. Вопрос о судьбе наций они решали исходя из известного положения «Манифеста Коммунистической партии»: «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни». Считалось, что с переходом к социализму процессы эти ускорятся, нации постепенно отомрут, национальные черты народов вследствие уничтожения их основы — частной собственности неизбежно будут смешиваться и исчезнут. Прокламировалось, что даже естественно возникшие расовые различия могут и должны быть устранены историческим развитием[69].

Ликвидация частной собственности в результате мировой революции позволила бы коммунистам начать строительство своего рода мировой нации землян. Поэтапное решение этой же задачи (при утверждении социализма в одной стране и группе стран) с необходимостью предполагало целенаправленное формирование взамен былых буржуазных новых социалистических наций и, как выражение их сближения и слияния, — надэтнических сообществ в рамках отдельных социалистических государств. Представления о них вызывались к жизни осмыслением реальных общественных процессов в их конкретно-историческом выражении и желанием направить эти процессы по определенному руслу к определенной цели. В соответствии с этим формировались представления о нации-сограждании, идущей на смену нациям-этносам, в ее троцкистском, бухаринском и сталинском вариантах. Концепция о советском народе как новой исторической общности явилась своеобразным симбиозом и развитием идей Бухарина и Сталина.

Нынешняя потребность в поисках новых основ национальной политики Российского государства диктуется неразработанностью представлений о сущности нации, явственно обнаружившейся сразу же после того, как утратила свое влияние Коммунистическая партия, утверждавшая ранее своим авторитетом «истинность» основ теории нации. Непредвзятый же взгляд обнаруживает: ученые так и не смогли дать корректное и практически пригодное определение понятий «нация», «народ», «народность», которые используются в специальной литературе с весьма произвольным значением. Историография последних трех десятилетий демонстрирует поразительный разнобой в представлениях о народах нашей страны, заслуживающих названия нации. Количество их варьировалось от двух до семи десятков. На одном полюсе мнений нация определялась

[69] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 444; Т. 42. С. 360; Т. 3. С. 426.

по наличию у народа своей государственности в форме союзной или автономной республики, на другом абсолютизировался язык как признак нации, и наций получалось столько, сколько литературных языков функционировало в стране. Плодом сталинского волюнтаризма было утверждение, что в Советский Союз входят около 60 наций, национальных групп и народностей. Столь же необоснованной теоретически была и известная с 1959 г. официальная формула: в СССР проживает более ста наций и народностей. Вряд ли можно считать окончательным и утверждение, что ныне 176 наций и народностей России имеют право на пропорциональное представительство в структурах власти[70].

Изучая проблему соотнесения «нации», «народа», «сограждан-ства», исследователи с давних пор отмечали недостаточность представлений о нациях (этносах) и соответствующих им однонациональных государствах как наиболее универсальных формах жизни людей. В не меньшей мере социально-культурная и политическая ориентация людей определяется их принадлежностью к другим общностям (социальным, культурным, конфессиональным), в первую очередь государственным (подданство, сограждан-ство), выполняющим важнейшую роль в объединительных процессах, в возникновении мета- и суперэтнических, наднациональных образований. Поэтому при анализе межнациональных отношений и национальной политики представляется особенно важным не допускать односторонней трактовки проблемы соотнесения нации-этноса и нации-сограждан-ства, не игнорировать какую-либо из составляющих систем: «этнос — суперэтнос», «нация — сограждан-ство».

Большевики с приходом к власти в России получили возможность направлять в соответствии со своими политическими программами процессы сближения и слияния наций в стране и мире, поскольку Октябрьская революция в их представлениях открывала новую историческую эру. Курс на мировую революцию означал разрыв с идеями патриотизма, начало строительства единой мировой социалистической республики и, соответственно, — новой социалистической общности, призванной ликвидировать со временем былые государственные и национальные различия на планете. Представления о безнациональном будущем человечества не были свойственны одним только большевикам. Они издавна питались космополитическими и интернационалистскими идеями, слабо различавшимися между собой. Эти идеи были присущи значительной части российских интеллигентов, оппозиционных дореволюционному политическому режиму.

В сознании социал-демократов быть интернационалистом значило отрешиться не только от национальных пристрастий и антипатий, но и

[70] *Зорин В. Ю.* Пресс-конференция // Независимая газета. 1996. 26 ноября. С. 3.

от национальности как таковой. Многие из видных большевиков открыто кичились своей анациональностью, порою при заполнении формуляра паспорта демонстративно писали о себе: «Без национальности»[71]. Интернационализм в данном случае напрямую смыкался с космополитизмом. В 20-е годы левацкий интернационализм получил в нашей стране права гражданства, в словарях фигурировал как «социалистический космополитизм»[72]. Обнаруживался он и в попытках форсирования объединительных процессов в многонациональном сообществе. При угасании революционного запала и классового шовинизма интернационализм начал трактоваться как дружба и братство народов безотносительно к их классовой структуре. В наше время всякий отвергающий коммунизм как цель развития отвергает и пролетарский интернационализм. Ближайшим понятием, способным его заменить, снова оказывается космополитизм, альтернативным — государственный патриотизм[73].

В 20-е годы социалистический космополитизм (национал-нигилизм и его неизбежная и наиболее масштабная по негативным последствиям для государства производная — русофобия) нашел наиболее яркое выражение в работах Н. И. Бухарина, В. А. Ваганяна, А. В. Луначарского, Л. Д. Троцкого. Историки школы М. Н. Покровского внесли свой «вклад» в борьбу против патриотизма, отождествлявшегося с национализмом. Национал-нигилизмом и русофобией было вдохновлено «дело Платонова–Тарле» (1929–1931) — осуждение историков за их якобы великорусский национализм и контрреволюционность. Аналогичную направленность имело сфабрикованное «дело Российской национальной партии» («дело славистов», 1933–1934). «Интернационализацию» языковой жизни общества пытались осуществить путем латинизации письменности всех народов страны[74]. Считалось как бы само собой разумеющимся, что Россия — страна денационализирующаяся и ей потребен «денационализированный язык»[75]. Уродливые формы, рожденные «пафосом космополитизма и псевдоинтернационализма»[76], принимало в

---

[71] Цит. по: *Быстролетов Д. А.* Путешествие на край ночи. М., 1996. С. 575.

[72] Настольный энциклопедический словарь-справочник. М., 1926. С. 425; 2-е изд. М., 1927. С. 425.

[73] См.: *Шахназаров Г.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 194; *Ципко А.* Безумие Беловежья: три года спустя // Независимая газета. 1994. 9 декабря. С. 3.

[74] Подробнее см.: *Вдовин А. И.* Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1996.

[75] *Парнок С.* Б. Пастернак и другие // Русский современник. 1924. № 1. С. 309.

[76] *Толстой А.* Четверть века советской литературы // Новый мир. 1942. № 11–12. С. 210.

20-е годы отрицание всего прошлого литературного наследия, стремление противопоставлять пролетарскую культуру всей культуре человечества, вандализм в отношении исторических памятников «проклятому прошлому».

В целом российская история 20-х годов свидетельствует, что навязчивая идея мировой революции, довлевшая над умами властвовавшей элиты, дорого обошлась всем народам страны. «Мировая мечта, что кружила нам голову»[77], выражалась не только в призывах немедленно переименовать Совнарком в «Правительство Мировой гражданской войны и Мировой республики Советов»[78]. Этой мечтой были вдохновлены и Основные законы нового государства. Первые советские конституции создавались в расчете на решение не столько внутриполитических, сколько внешнеполитических задач. «Русская Советская Республика, — утверждалось на съезде Советов, принявшем Конституцию РСФСР, — рано или поздно будет окружена республиками-дочерьми и республиками-сестрами, которые, объединяясь, положат основание для федерации сначала европейской, а затем и всемирной»[79]. Многонациональная Россия представлялась своеобразным материалом для построения модели национально-государственного устройства планетарной многонациональной республики. Такая модель и была создана с образованием СССР, немедленно объявившим, что «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем»[80]. Признаки конфедерации, внесенные при этом в союзную модель, означали не столько уступку «независимцам» из Грузии и Украины, сколько отличительные черты начальных (наименее обязывающих) переходных форм объединения в единой мировой республике народов Советской России с национальностями будущих советских Германии, Польши, Венгрии, Финляндии и т. д.[81]

---

[77] *Слуцкий Б. А.* Мировая мечта, что кружила нам голову... // *Слуцкий Б. А.* Собр. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 2. Стихотворения. 1961–1972. С. 458.

[78] Предложения Н. И. Бухарина, Ф. Э. Дзержинского и других на V Всероссийском съезде Советов. Цит. по: Россия. Энциклопедический справочник. М., 1998. С. 166.

[79] *Стеклов Ю. М.* Доклад о проекте Конституции РСФСР // Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. 4–10 июля 1918 г. Стеногр. отчет. М., 1918. С. 186.

[80] Декларация об образовании СССР, 30 декабря 1922 г. // Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1922. С. 22.

[81] См.: *Сталин И. В.* Письмо В. И. Ленину от 12 июня 1920 г. // Ленин В. И. Соч. 2-е изд. М.; Л., 1928. Т. XXV. С. 624.

Во внутренней политике революционного российского правительства идеалы братства, идущего на смену «тюрьме народов»[82], стали причиной не прекращавшегося на всем протяжении 20-х и доброй части 30-х годов шельмования исторического прошлого России, ее традиционной культуры, беспримерного во всей мировой истории глумления «вождей» над естественными патриотическими чувствами соотечественников. Псевдоинтернационалистам повсюду мерещился великодержавный национализм великороссов как главное препятствие для слияния всех народов России и мира во всемирном братстве. И этот мнимый шовинизм искоренялся с беспримерной жестокостью. Над подданным бывшей Российской Империи осуществлялся эксперимент по превращению его в некоего *homo cominternicus* — гражданина Всемирного СССР. Собственно СССР рассматривался в программе Коминтерна государством, в котором международный пролетариат впервые обретает отечество и вместе с другой его частью, остающейся за пределами Союза, под руководством единой мировой коммунистической партии борется за установление мировой диктатуры[83]. Своеобразное великодержавие таких устремлений находило выражение в плохо скрываемом желании — схватить за шиворот и сразить весь капитализм, как только мы будем для этого достаточно сильны[84]. Освобождение от экспансионизма такого рода потребовало многих лет и жертв.

К счастью, утвердить навсегда извращенные представления об интернационализме, патриотизме, русском языке, русской истории и ее деятелях не удалось. Полоса резкого расхождения с патриотизмом оказалась сравнительно недолгой. Социализм в России осуществлялся не по троцкистским установкам, а по сталинским — как «социализм в одной стране». Благодаря этому идея мировой революции наполнялась новым

---

[82] Работы современных авторов убедительно опровергают русофобскую характеристику дореволюционной России как «тюрьмы народов». Настойчивая пропаганда ужасов национального гнета в царской России была призвана оправдывать необходимость революционных преобразований, однако она не имела должных научных оснований (см.: ***Матвеев В. А.*** Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Посев. 1994. № 4; ***Его же.*** Отечество не только русских... (размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. 1997. № 1; ***Басилов В.Н.*** Россия — «тюрьма народов»? // Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. М., 1998).

[83] Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 34–36.

[84] См.: ***Ленин В. И.*** Соч. 3-е изд. Т. 26. С. 50; ***Невежин В. А.*** Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных годов», 1939–1941 гг. М., 1997.

содержанием, предполагая создание царства справедливости на отвоеванной у капиталистов территории. Все большей поддержкой народа пользовалась идея превратить СССР в могучую индустриальную державу, способную защитить революцию и оказать помощь зарубежным братьям по классу в их справедливой борьбе. Политическая история страны обнаруживает процесс постепенного укрепления позиций большевиков-государственников и оттеснения от руководства космополитов-коммунистов, пораженных болезнью «левизны»[85].

Рубежной вехой на этом пути выступает 1934 год. Сознавая неизбежность войны с гитлеровской Германией, руководство СССР решило использовать патриотизм в советской трактовке, культивировать его с помощью исторической науки и всех средств массовой информации, пропаганды и агитации[86]. Находящиеся в эмиграции меньшевики и троцкисты дружно осудили этот поворот, обвинив большевиков в контрреволюционном перерождении, предательстве интересов мировой революции, переходе на позиции национал-реформизма[87]. (Их последователи и спустя десятилетия стояли на своем: коммунизм-де по своей сути космополитичен, ему предки не нужны; кампания против космополитов осуждалась как выступление против коммунизма, обращение к русскому патриотизму считалось недопустимым даже во время войны[88]. Ныне этой детской болезнью левизны страдают известные радикал-демократы, никак не желающие, как и их предшественники с троцкистским отличительным штампом «большевики-ленинцы», принимать в расчет национальной специфики своей страны. «И все это оттого, что они космополиты, они как бы живут в России и не живут в ней»[89]. Распадающийся СССР для такого рода людей — всего лишь «прекрасное поле для сравнительных исследований»[90]).

Опровержением обвинений «большевиков-сталинцев» в отказе от классовой позиции в пользу националистической в свое время пытался

---

[85] Россия сегодня: реальный шанс // Обозреватель. 1994. № 21–24. Спец. выпуск. С. 53.

[86] См.: За родину! // Правда. 1934. 9 июня. С. 1.

[87] См.: Социалистический вестник. 1934. № 12. С. 1–2; № 23–24. С. 14–15; Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1934. № 38–39. С. 25; № 40. С. 14.

[88] *Чалидзе В.* Победитель коммунизма. Нью-Йорк, 1981. С. 46, 49; *Данишевский И. М.* По поводу статьи В. Пескова «Отечество» // Политический дневник. 1964–1970. Амстердам, 1972. С. 65; *Лерт Р. Б.* На том стою: Публикации самиздата. М., 1991. С. 17; *Кожинов В., Кожемяко В.* Солженицын против Солженицына // Советская Россия. 1998. 3 декабря. С. 4.

[89] *Ципко А. С.* Партия Кремля против партии Белого дома // Независимая газета. 1998. 3 декабря. С. 3.

[90] *Фурман Д. Е.* Наша страшная революция. М.; Харьков, 1998. С. 6.

заняться Н. И. Бухарин. На страницах «Известий» в 1934–1936 гг. помещено немало его статей, связанных с осмыслением изменений в жизни советского общества, с выработкой новой, по тем временам, национально-государственной идеологии. Бухарину удалось создать своеобразную концепцию о советском народе как новой общности людей. Однако он не стал признанным родоначальником теории новой общности. Видимо, потому, что «героический советский народ» и *homo soveticus* в его понимании возникали на отрицании национальных традиций и ценностей народов, на месте якобы аморфной, малосознательной массы, универсальной чертой национального характера которой была «обломовщина»[91]. Патриотизм, приличествующий «героическому народу», мог быть совершенно новым, особенным. По определению А. И. Солженицына, он был «новоизобретенным, безнациональным советским патриотизмом»[92].

В несколько модифицированном виде бухаринскую идею о новой общности пыталась воскресить на совещании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. М. В. Нечкина (с 1953 г. член-корреспондент, с 1958 — академик АН СССР). По ее мнению, «советский народ — это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков»[93]. Идея эта и на сей раз не получила высочайшей поддержки в ЦК ВКП(б). Более того, в выступлениях на совещании осуждался «космополитический интернационализм» и его носители в аппарате ЦК партии[94]. Однако многочисленные приверженцы вульгарно-интернационалистских идей возвращались к их пропаганде при каждом удобном случае. К примеру, в феврале 1948 г. в Союзе писателей СССР состоялась явно санкционированная свыше проработка А. Т. Твардовского за якобы «русскую национальную ограниченность» его произведений «Родина и чужбина», «Василий Тёркин». Уступки национальным чувствам, сделанные в суровую годину, изображались как некие «накладные расходы войны», которые нужно как можно быстрее ликвидировать. Советских людей пытались в очередной раз призвать не думать о

---

[91] *Бухарин Н.* Героический советский народ // Известия. 1935. 6 июля. С. 3; *Он же.* Наш вождь, наш учитель, наш отец // Известия. 1936. 21 января. С. 2; и др.

[92] *Солженицын А. И.* «Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995. С. 83.

[93] *Нечкина М. В.* Выступление на совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 80.

[94] *Аджемян Х. Г.* Выступление на совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 61.

национальности узко и ограниченно, а сознавать себя «новой, широкой национальностью»[95], представители которой могли бы петь, подобно комсомольцам незабываемого 1919 года: «Веселую песню поют кашевары, / Тачанка в степях мельтешит... / Я рад, что в огне мирового пожара / Мой маленький домик горит»[96]. К счастью, подобные левацкие настроения не стали доминирующими, хотя до сих пор дают знать о себе либо в сетованиях, что-де никто не хочет встать под «чистое, никем не захваченное знамя космополитизма»[97], либо в браваде «бескомпромиссных космополитов», выбирающих для жительства Европу и Америку вместо своей исторической родины[98].

Сталинская позиция в этом отношении была внешне свободна от «левизны». Он ничего не говорил о новой общности, но поступал в соответствии со своим видением будущего. Еще в 1929 г. в статье «Национальный вопрос и ленинизм» он написал, что в будущем, прежде чем национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку, сначала будет происходить их объединение вокруг «зональных экономических центров для отдельных групп наций с отдельным общим языком»[99]. В сущности это была троцкистская теория «перманентной революции», растянутая во времени и осуществляемая с помощью и при активной поддержке страны «победившего социализма»[100]. Сталин тогда не стал публиковать свое откровение. На наш взгляд, — из-за сознания, что отличие от левацкого интернационализма в его взглядах было не столь уж принципиальным. «Уклонисты» были готовы форсировать процессы слияния наций уже в обстановке начала 30-х годов, а Сталин эту задачу выносил в неопределенное но, по-видимому, не столь уж отдаленное будущее. Суть его национальной политики выражается постулатом: расцвет наций для их отмирания[101] Однако это отличие позволяло делать акцент на слове «расцвет» и приносить немалые политические дивиденды. В пропагандистской работе в дальнейшем делался упор на то, что в СССР обеспечивается расцвет всех народов страны. Парадная книга, выпущенная редакцией «Правды» к 20-летию советской власти и воспевающая «глубину и жизненность боль-

---

[95] О книге А. Твардовского «Родина и чужбина» (Стенограммы обсуждений) // Вопросы литературы. 1991. № 9–10. С. 225.

[96] *Светлов М.* Двадцать лет спустя: Драматическая поэма // *Светлов М.* Пьесы. М., 1970. С. 105.

[97] *Померанц Г.* Вокруг предвечной башни // Дружба народов. 1996. № 10. С. 154.

[98] *Бирман И.* Я экономист: (О себе любимом). Новосибирск, 1996. С. 90.

[99] *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 349.

[100] *Марков А. П.* Как это было: (Воспоминания сибиряка). М., 1995. С. 157.

[101] См. *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 370.

шевистской национальной политики», провозглашала: «Народы не расстаются с богатствами национальной культуры. Им дорого их своеобразие. Но оно дорого и большевикам...» Ленин и Сталин представлялись в этой книге «народными героями на легендарном фоне национальной героики, в пышном окружении старинного поэтического орнамента»[102].

Учение о нациях в 30–40-е годы развивалось без новых теоретических выкладок Сталина. Считалось, что его работы и без того содержат «самые подробные указания для разрешения национально-колониального вопроса на всех этапах, при всех и всяческих условиях борьбы за мировой коммунизм»[103]. Тем не менее к началу 50-х годов обществоведы вплотную подошли к утверждению новых представлений о социалистической исторической общности, возникающей в результате объединения отдельных групп наций вокруг «зональных экономических центров». В новой интерпретации общность изображалась как результат развития лучших черт советских наций, и прежде всего русского народа.

Новый тон в характеристиках советского народа становится особенно заметным после принятия второй Конституции СССР. В связи со столетием гибели А. С. Пушкина «Правда», например, писала, что «единый в своем национальном многообразии советский народ» торжественно чтит своего великого поэта, «русский народ вправе гордиться своей ролью в истории»[104]. А об изображении его прошлого Н. И. Бухариным и «школой» Покровского вскоре выразилась и вовсе уничтожающе: «Можно только удивляться, как эта антинародная ересь печаталась...»[105]. В июле 1938 г. журнал «Большевик» давал новую установку в трактовке XIX в. отечественной истории: «Этот век был временем, когда русский народ властно занял одно из центральных, первенствующих мест в мировой культуре», когда впервые особенно ярко проявилось его мировое значение и «впервые русский народ дал понять, какие великие возможности и интеллектуальные и моральные силы таятся в нем и на какие новые пути он может перейти сам и в будущем повести за собой человечество»[106]. Таким образом, в 1937–1938 гг. получал зримые очертания новый курс национальной политики, новое отношение к отечественной истории и ее

---

[102] Творчество народов СССР. М., 1938. С. 8, 9.

[103] *Хацкевич А. И.* О плане основных работ Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР на 1935 год // Революция и национальности. 1935. № 5. С. 93.

[104] Слава русского народа // Правда. 1937. 10 февраля. С. 1. В том же году был впервые публично поправлен один из учителей пролетариата за русофобскую основу памфлета «Внешняя политика русского царизма» (Работы последних лет жизни Энгельса) // Правда. 1937. 23 марта).

[105] *Дроздов П.* «Историческая школа» Покровского // Правда. 1937. 28 марта. С. 3.

[106] *Тарле Е.* История XIX века // Большевик. 1938. № 14. С. 38, 40.

преподаванию, обозначенные на заседании Политбюро ЦК 15 марта 1934 г. Тогда было решено, что основным школьным учебником должна стать «История СССР», а не «История народов СССР», на чем настаивал ранее Наркомпрос в лице М. Н. Покровского. «Схема Покровского — не марксистская схема, и вся беда пошла от времен влияния Покровского», — отметил И. В. Сталин, отвергая эту схему, и подчеркнул: «Русский народ в прошлом собирал другие народы. К такому же собирательству он приступил и сейчас»[107]. Это означало, что на роль главной преобразующей силы в стране и мире наряду с пролетариатом выдвигался русский народ. В этой связи становилось неуместным числить его исключительно среди «наций, которые являлись нациями угнетающими», как это делала Программа РКП(б), принятая на VIII съезде партии в 1919 г.[108]

С середины 30-х годов стала усиленно подчеркиваться бескорыстная помощь России и русских другим республикам и народам страны. «Всей силой своего могущества, — утверждала центральная партийная газета, — РСФСР содействует бурному росту других братских советских республик. И если раньше у других народов, населяющих Россию, со словом «русский» часто ассоциировалось представление о царском гнете, то теперь все нации, освобожденные от капиталистического рабства, питают чувство глубочайшей любви и крепчайшей дружбы к русским собратьям... Русская культура обогащает культуру других народов. Русский язык стал языком мировой революции. На русском языке писал Ленин, на русском языке пишет Сталин. Русская культура стала интернациональной, ибо она самая передовая, самая человечная, самая гуманная»[109]. В конце 1937 г. запущено в оборот выражение о русском народе как старшем брате других народов страны[110]. Истинное назначение этой «концепции» состояло не в закреплении за русскими каких-то преимуществ. Новый титул был пожалован явно взамен старого, имевшего откровенно русофобское звучание. Расчет, очевидно, был на то, что комплиментарное титулование будет несколько скрашивать тяготы, которые русскому народу и впредь предстояло нести во имя «окончательного разрешения всех вопросов, связанных с ликвидацией остатков национального неравенства»[111].

---

[107] Цит. по: *Брачев В. С.* «Дело историков» (1929–1931 гг.). СПб., 1997. С. 88.

[108] КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 79.

[109] Конституция героического народа // Правда. 1937. 16 января.

[110] *Садовский А.* Старший среди равных // Ленинградская правда. 1937. 30 дек. С. 3; *Волин Б.* Великий русский народ. М., 1938. С. 3.

[111] *Дименштейн С. М.* За ленинско-сталинский интернационализм. М., 1935. С. 21.

Отрешение от крайностей национального нигилизма и осознание положительной значимости национального фактора в советском обществе привели к тому, что формирующаяся новая историческая общность благодаря гигантскому весу русской составляющей начала окрашиваться в явно русские национальные тона (язык межнационального общения, русскоязычная общесоветская культура и т. д.). В этой связи представляются не во всем верными суждения, что лишь «в своих далеких прогнозах, через десяток-другой поколений, лет через пятьсот Сталин видел единый субконтинентальный суперэтнос, сложившийся преимущественно на русской основе»[112]. Российский суперэтнос, как свидетельствует история, складывался издавна. «Старая историческая общность людей — российский народ»[113] существовала до 1917 г. Н. И. Бухарин в середине 30-х годов фиксировал новые черты суперэтноса «героический народ». Суперэтнос «зональная общность» не был лишь теоретической конструкцией И. В. Сталина. Вопрос заключается, скорее всего, в степени оформленности этого явления и адекватности отражения его в общественном сознании и науке, в целесообразности (или нецелесообразности) ускорения его формирования. Национальная политика в СССР со второй половины 30-х годов не оставляет сомнений в том, что предпринимались целенаправленные усилия для консолидации нового суперэтноса.

Намерением обеспечить дальнейшее сближение наций в СССР можно, на наш взгляд, объяснить и выселение в годы войны ряда народов из мест своего исконного проживания. Расселение депортированных народов вперемежку с другими «братскими» народами могло рассматриваться одновременно и наказанием и наименьшим злом, ибо могло способствовать их слиянию. Во всяком случае тенденция к ускорению складывания новой общности народов СССР и окрашивания ее в русские национальные тона в послевоенные годы получила свое развитие. Этот процесс нашел отражение в научной литературе. Работы о национальных отношениях в СССР, изданные в послевоенный сталинский период, содержали все более и более развернутые положения о процессах консолидации наций в условиях советского строя, об усилении их взаимосвязи и взаимозависимости. Уже в 1951 г. диссертант Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) вновь ввел в оборот положение: «В нашей стране сложилась невиданная в истории общность людей — советский

---

[112] *Курашвили Б. П.* Куда идет Россия? М., 1994. С. 188.

[113] *Абдулатипов Р. Г.* Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства. М., 1996. С. 44.

народ»[114]. Он трактовался как содружество классов и национальностей, имеющих единую систему хозяйства, единую систему государственной жизни, единые же идеологию, цель, партию, отечество.

В хрущевский период наука о новой общности и ее языковых аспектах утверждалась без каких-либо ссылок на первооткрывателей. При этом отчетливо обнаружилось стремление трактовать эти вопросы скорее в троцкистско-бухаринском, нежели сталинском духе. Надо полагать, в этом выражалось намерение отстраниться от сталинского великодержавия и возвратиться на позиции «подлинного» интернационализма. Вновь открываемая историческая общность поначалу отождествлялась с новой нацией. В 1960 г. известный государственный и политический деятель А. А. Андреев провозгласил: в СССР «выковывается единая социалистическая нация»[115]. В проект новой Программы партии М. А. Сусловым было включено положение о том, что «в СССР происходит слияние наций и их языков, образование одной нации с одним языком, с единой общей культурой»[116].

Однако полного ренессанса левацкого интернационализма тогда не произошло. В последующем утвердилась трактовка новой общности в том ее виде, как о ней впервые было заявлено на исходе сталинского периода. Постаравшись напрочь забыть подлинных авторов концепции, творцы «развитого социализма» утвердили «новую общность» в качестве конституционно закрепленного отличительного признака новейшей по тем временам эпохи. Л. И. Брежнев, в очередной раз выдавая желаемое за действительное, объявил в декабре 1972 г., что общенациональная гордость советского народа «глубже и шире естественных национальных чувств каждого в отдельности из народов, составляющих нашу страну»[117]. Незавершенность процессов объединения советских людей в новой общности, отсутствие действенной политико-воспитательной работы по утверждению в сознании широких народных масс преимуществ общесоветского единства и общенациональных ценностей, как ценностей, сопоставимых по значимости с национальными, плохо ук-

---

[114] *Кравцев И.* Великая сила идей советского патриотизма и пролетарского интернационализма // Большевик Украины. 1951. №9. С. 42–43; *Он же.* Советский патриотизм как высшее достижение пролетарского интернационализма. Автореферат дис. ... канд. филос. наук. М., 1953. С. 11.

[115] *Андреев А.* Торжество ленинских идей дружбы народов // Коммунист. 1960. №6. С. 39.

[116] *Мухитдинов Н. А.* Река времени. От Сталина до Горбачева: Воспоминания. М., 1995. С. 12.

[117] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1974. Т. 4. С. 100.

репляли преграду на пути нарастания центробежных тенденций и развала Союза ССР. В нынешней России начался поиск идей, способных успешно выполнять объединительные функции в жизни российского общества и сообщества народов бывшего СССР. Взоры политиков и исследователей при этом все чаще обращаются к роли, которую в этом смогут сыграть исторические традиции русского народа, русская и (или) российская национальные идеи.

Изученность русского народа в качестве субъекта межнациональных и межреспубликанских отношений, несмотря на активизацию разработки этой темы в последние годы[118], остается явно недостаточной[119]. В подходах к ее исследованию с наибольшей силой дают о себе знать утвердившиеся ранее идеологические клише, стереотипы, умолчания и предписания. Сложность изучения этой проблемы на современном этапе во многом объясняется обстоятельствами образования нынешней России. Ее особенности как многонационального государства определяются тем, что она представляет собой элемент былой системы, получивший возможность самостоятельного бытия, но еще хранящий все недостатки прежней целостности. Союз ССР был объединением многих «государственных» и «негосударственных» народов, создававших запутанную систему государств в государстве. Неповторимость федеративного устройства СССР объяснима с учетом двух обстоятельств. Во-первых, с помощью национально-территориального разделения единой в прошлом царской России большевикам легче было взять власть и укрепить свои позиции. Нерусскими народами подобное разделение воспринималось как определенная уступка со стороны новой власти их национальным чаяниям. Во-вторых, федеративный союз с иерархией субъектов федерации оправдывался тем, что не только изображался, но и реально выступал в качестве средства оказания помощи малым и отсталым нациям со стороны более развитой. «Одно из драгоценнейших

---

[118] ***Барсенков А. С., Вдовин А. И., Корецкий В. А.*** Русский вопрос в национальной политике. XX век. М., 1993; Русский народ: Историческая судьба в XX веке. М., 1993; ***Троицкий Е. С.*** Русский народ в поисках правды и организованности (988–1996). М., 1996; ***Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.*** Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998; ***Жириновский В. В.*** Прошлое, настоящее и будущее русской нации. (Русский вопрос: социально-философский анализ): Дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998; ***Он же.*** Русский вопрос: Внутриполитические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 1, 2; ***Он же.*** Русский вопрос: внешнеполитические аспекты // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 3; и др.

[119] См.: ***Стариков Н. В.*** Эпоха «оттепели» и этапы эволюции сталинизма: вопросы историографии // Советская историография. М. 1996. С. 327.

прав отсталых наций в Советском Союзе есть их право на активную помощь, и праву этому соответствует обязанность «державной нации» оказать помощь, которая есть только возвращение долга», — утверждалось в работе о Советской Конституции, выпущенной в 20-е годы семью изданиями[120]. Иерархический федерализм, оформившийся в СССР к началу 30-х годов, был целиком обусловлен «правом на помощь» и ее размерами. В БСЭ автономная область представлялась как «форма политического самоуправления для тех наций Советского Союза, которые вследствие неблагоприятно сложившихся исторических и иных условий... особо нуждаются в постоянной поддержке центральной власти». Далее отмечалось, что «автономная республика есть более высокий тип национальной автономии, чем автономная область. Но это означает лишь одно: автономная республика менее нуждается в поддержке и руководстве центра, чем автономная область». Правило в распределении средств между нациями в СССР — «больше тому, кто слабее»[121]. Подобные взгляды не претерпели изменений и в последующем. Конечные цели такой патерналистской национальной политики не скрывались. Прокламировалось, что федеративный союз открывал кратчайший путь к фактическому равенству и полному политическому единству наций, к их поэтапному сближению и слиянию. Сама федерация в СССР рассматривалась только как средство разрешения национального вопроса, утверждалось, что в однонациональных государствах она «не имеет смысла»[122].

По расчетливому замыслу наднационального руководства страны, этих целей легче было достичь при отсутствии Русской республики в Союзе, что позволяло бесконтрольно использовать ресурсы «державной нации» для помощи и нивелирования народов, входящих в содружество. Чтобы декларированный курс на расцвет всех наций при социализме, который предполагал коренизацию кадров и всякого рода благотворительность центральных властей, не приходил в противоречие с курсом на сближение и слияние наций, Центр широко использовал карательные меры по отношению ко всем, кого можно было заподозрить в буржуазном национализме и национал-уклонизме[123]. В сочетании с пропагандистской обработкой населения это по-своему способствовало формированию новой исторической общности. Преемники

---

[120] *Гурвич Г. С.* Основы Советской Конституции. 7-е изд. М., 1929. С. 189.

[121] БСЭ. М., 1926. Т. 1. Стлб. 380, 382.

[122] *Чистяков О. И.* Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984. С. 90.

[123] О так называемом «национал-уклонизме» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 76–84.

Сталина не сумели найти должную замену специфически сталинским методам консолидации общества, и этот процесс не получил своего завершения. Напротив, стал ускоренно продуцироваться местный национализм, обусловивший в конце концов печальную кончину Союза. Распад СССР ярко высветил негативные стороны государственной идеологии большевиков и несостоятельность ее основы — «подлинного интернационализма» и его неизбежных спутников: национального нигилизма, космополитизма, русофобии.

Русский вопрос на современном этапе является, прежде всего, результатом русофобской политики. Установки на победу социализма в мировом масштабе и на использование русского народа в качестве ударной армии и резерва мировой революции, взгляд на него как на народ, обязанный устранить исторически возникшее якобы по его вине неравенство наций, способны были превратить в русофоба почти каждого политика высокого ранга. Механизм подобного превращения был запрограммирован противоестественностью основ федерации, внутри которой были и есть государственные образования всех сколько-нибудь крупных народов кроме русского. У русских вопреки логике понятия федерации нет собственной республики, в то время как составляющие 7,02% от численности населения России нерусские национальные группы (данные переписи 1989 г.) имеют 21 национальную республику, одну национальную область и 10 автономных округов. Это — результат курса на расцвет национальных культур «инородцев», якобы сдерживаемый в прошлом русским народом-угнетателем. Угрозу осуществлению такого курса власти усматривали, в первую очередь, со стороны русского народа, особенно если бы советское государство официально считалось русским (по общемировому стандарту), или хотя бы содержало в своем составе русское национальное образование (по внутрисоюзному стандарту, примененному к другим советским нациям). Ни того, ни другого из явных эгоистических побуждений не желали представители нерусских национальных элит[124].

Об этом красноречиво говорят материалы многочисленных обсуждений вопроса о русской республике и в период образования СССР, и в последующем. К примеру, предложение выделить «русскую часть РСФСР» в русскую республику на совещании ВЦИК и ЦИК СССР в ноябре 1926 г.

---

[124] Одно из исключений представлял известный татарский «национал-уклонист» М. Султан-Галиев, выступавший за непосредственное вхождение в СССР «всех национальных образований в пределах Советской России, с дополнительным созданием Великорусской республики» (*Султан-Галиев М.* Избранные труды. Казань, 1998. С. 562).

было блокировано не только постоянным аргументом: это-де усилит великорусский шовинизм, но и тем, что «оставшиеся в национальных республиках русские элементы будут стремиться во что бы то ни стало воссоединиться с выделенным ядром и раздирать государственно и территориально организм национальных республик, и те из них, в которых примесь русского населения значительна (Башкирия, Татария), окажутся в невозможном положении»[125]. То есть самоопределение русского народа расценивалось как шовинизм, а самоопределение других народов – как необходимое условие их национального развития. Национальные интересы русских в автономных образованиях попросту игнорировались, да и говорилось о русских как о чем-то неодушевленном: элементы, примесь.

Примитивно понимаемые интересы «националов» находили понимание Центра, у которого имелись свои резоны опасаться русской республики и зародышей любой русской власти. Сообразно таким резонам не только Ленин и Каменев в 1922 г., Сталин и Троцкий в 1923, 1925 гг., Сталин, Берия и Маленков в 1949 г. («ленинградское дело»), но совсем недавно Горбачев решительно выступали против полного статуса России в качестве союзной республики. М. С. Горбачев на Политбюро так прямо и заявил: «Тогда конец империи»[126]. Опасение это справедливо *лишь в одном отношении*. Благодаря гигантскому «весу» РСФСР полноправие России в ранге союзной республики автоматически обеспечивало бы ее лидеру первое место среди руководителей национальных образований, означая фактический конец бесконтрольной власти главы Союза ССР. Конец империи, которым стращал, но которого больше всего страшился тогдашний президент, означал всего *лишь* его *конец как* «императора». Всесильный «русский патриот-интернационалист»[127], опасался того же[128]. (Известное выражение о Сталине — «великим русским этот был грузин»[129], представляется нам по меньшей мере поэтическим преувеличением.) Особенно явственно это проявилось в сталинских расстрелах «русских националистов» — члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенского, члена Оргбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова, члена

---

[125] *Авакьян С. А., Кулешов С. В., Морозова Е. Г., Сарычева И. А.* Политико-правовые проблемы развития Российской Федерации в свете отечественного и мирового опыта // Мир России. 1997. №3. С. 9.

[126] *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 279.

[127] *Косолапов Р. И., Кожемяко В.* Незагадочный Сталин // Советская Россия. 1998. 15 января. С. 6.

[128] См.: *Борев Ю. Б.* Сталиниада. М., 1990. С. 336.

[129] См.: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 272.

Оргбюро ЦК ВКП(б), Председателя Совета Министров РСФСР М. И. Родионова, кандидата в члены ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попкова и многих сотен других «ленинградцев», принявших за чистую монету громкий тост вождя за здоровье русского народа на приеме 24 мая 1945 г. в честь командующих войсками Красной Армии и увидевших в национальной идее не очередной тактический маневр, а смысл жизни и прямое руководство к действию[130]. Один из «ленинградцев», Н. В. Соловьев был объявлен «махровым великодержавным шовинистом» только за то, что предлагал создать Бюро ЦК по РСФСР, образовать Компартию РСФСР[131]. Выразительный памятник не искорененной русофобии ушедшего в историю режима являет собой изречение Ю. В. Андропова: «Главная забота для нас — русский национализм; диссиденты потом — их мы возьмем за одну ночь»[132].

К сожалению, глава нынешней России находится в положении, напоминающем сталинское и горбачевское. Он не видит возможности стать «русским президентом» без риска утратить право называться «президентом россиян». Оставаясь же в этом последнем качестве, он не заинтересован иметь рядом с собой и помимо себя официального выразителя интересов русской нации. Таким образом, нынешняя верховная власть России как преемницы СССР и всех отрицательных свойств бывшей власти не терпит «русского духа». В этом кроется действительная причина той легкости, с которой в стране с преобладающим русским населением живет совершенно немыслимая при нормальном положении вещей русофобия. Формы проявления этого феномена многообразны. И именно ему мы обязаны тем, что результатом 75-летнего интернационалистского руководства страной стал парадокс: 18 млн нерусского населения России имеют здесь собственную государственность, а 25 млн русских за пределами Российской Федерации не только лишены таковой, но и оказываются в государствах, возникших на месте бывшего СССР, гражданами второго сорта. Подобная ситуация складывается и в ряде бывших автономий России.

Современные российские политологи и публицисты демонстрируют избирательное отношение к национализму. В духе прежних под-

---

[130] См.: *Куняев С.* Post scriptum I // Наш современник. 1995. № 10. С. 184–199; *Дзенискевич А. Р.* Блокада и политика: Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998. С. 84

[131] См.: *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 66.

[132] Цит. по: *Соловей В. Д.* Русский национализм и власть в эпоху Горбачева // Межнациональные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. Вып. 1. М., 1994. С. 58.

ходов к его оценке, национализм малых народов принимается и извиняется, а русский национализм однозначно осуждается. Россия остается едва ли не единственной страной в мире, в которой едва ли не на официальном уровне продолжает сохраняться негативное отношение к этому этнополитическому феномену[133]. В контексте мировой научной традиции термин «национализм» не имеет априорно негативного смысла и не отождествляется однозначно с понятием «шовинизм». Сознательное отождествление национализма с шовинизмом в советском идеологизированном обществоведении нужно было для того, чтобы облегчить пропаганду достоинств сближения и слияния наций и, в конечном счете, осуществления всеобщей денационализации населения. Здравый смысл отсутствует и в прославлении развала СССР как героического избавления от якобы последней империи в мире, и в благотворности дальнейшего дробления страны[134]. Не только потому, что благоденствующие в наши дни империи (Британия, Япония и др.) не подают никаких признаков скорой кончины. Союз ССР, без сомнения, имел массу своих собственных недостатков, но империей все-таки не был (понятие это применимо к монархическим государствам древнего мира и нового времени), как не был имперским и русский народ[135]. Призывы раздробить Россию на более чем 30 стран (по числу регионов с радикально отличающимися природными условиями) и заверения, что их судьба, «безусловно, сложится более благополучно»[136], нежели нынешней «неэффективной» России, имеют, видимо, столь же глубокие научные основания, как и памятное заверение кандидата наук Г. Э. Бурбулиса «сбросить с России бремя «братских республик» — и заживем через год, через два так, что все завидовать будут»[137], или кандидата наук Г. В. Старовойтовой, объявившей в свое время готовность «заключить пари с лидерами западных стран, что в случае принятия радикальных рыночных программ Россия уже к 2000 году станет экономическим лидером мира»[138].

---

[133] См.: *Сахаров А. Н.* Русский национализм: истоки, особенности, этапы // Независимая газета. 1999. 13 января. С. 10; и др.

[134] См.: *Филиппов А. Ф.* Империя и тоталитаризм // Тоталитаризм и посттоталитаризм. М., 1994. Кн. 2. С. 235.

[135] *Моисеев Н. Н.* Размышления о национализме // Социально-политический журнал. 1994. № 3–6. С. 48; *Старченков Г. И.* Это коварное слово «империя»! // ...Изм. 1998. № 2. С. 89–92; и др.

[136] *Клименко В.* Указ. соч. С. 13.

[137] Цит. по: *Чернявев А.* Я пережил несколько эпох // Россия и современный мир. 1997. № 4. С. 14.

[138] Цит. по: *Разуваев В.* Все будет хорошо. Но только если в России утвердится «новый консерватизм» // Независимая газета. 1997. 20 ноября. С. 7.

Очевидно, только отрешение от двойного стандарта при оценке своего и чужого национализма, своей и чужой национальной государственности способно помочь разрешению национальных проблем России. В наши дни они оказались напрямую связанными с вопросом о целесообразности создания Русской республики в составе Российской Федерации. Однако аргументы «против» при обсуждении этого вопроса приводятся чаще всего из арсенала былых времен. Не обязательно быть сторонником подобного образования, поскольку более действенными, на наш взгляд, являются иные способы реализации государственных интересов русского и всех других народов России. Но это вовсе не предполагает отрицания самой правомерности вопроса о Русской республике. Сам факт наличия подобных образований у других российских народов служит достаточным основанием для аналогичного решения русского вопроса. Выступление против Русской республики, в соответствии с логикой, не может не ставить под сомнение легитимность существующих республик Российской Федерации. Между тем двойной стандарт в отношении русских и нерусских как наследие большевизма в этом вопросе остается фактом наших дней.

Суть происходящего в сфере межнациональных отношений объясняется крахом принципов и целей предшествующей национальной политики, таких, как пролетарский интернационализм, самоопределение вплоть до отделения, форсирование создания новой общности, слияние наций. Все, что делалось в России в последние три четверти века, определялось, в конечном счете, нереалистическими задачами, глубоко деформирующими естественные исторические процессы. Этим в значительной мере определяется и распад Союза ССР, и нестабильность Российской Федерации.

Недостатки бывшего СССР не должны служить основанием для огульного отрицания изменений к лучшему в жизни народов бывшей царской России, достигнутых в советское время. Эксплуатация нерусских национальностей русским народом была исключена напрочь. Более того, своеобразная «контрибуция», наложенная на русских как на бывшую угнетающую нацию, дает основание для квалификации властного режима Советской России как силы скорее антирусской, нежели русофильской. Великодержавие — родовая черта режима, изначально не скрывавшего своих стремлений к мировому господству[139], мировой

[139] См.: *Ильин И. А.* Большевистская политика мирового господства: Планы III Интернационала по революционизированию мира // *Ильин И. А.* Собр. соч. М., 1998. Т. 8. С. 7–342.

революции, мировой республике[140], — также формировалось на наднациональной основе. Это был своего рода великодержавный интернационализм.

Национализм как мощный фактор объединения и разъединения народов и государств был мастерски использован большевиками для захвата власти в России и при попытках распространить эту власть повсеместно в ходе революции. Фактор национализма был использован и новыми политическими элитами в их борьбе за власть в государствах, образованных на месте бывшего СССР. Что касается внутренней политики в СССР, то изначально в нем всякий национализм и сепаратизм расценивались как нетерпимое явление. Пресловутое право наций на самоопределение вплоть до отделения при сталинском правлении единству страны не угрожало, ибо действовало в рамках знаменитых сталинских установлений: «требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно» (1920)[141], «каждого, кто своими действиями и мыслями покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать» (1937)[142]. «Самоопределение» стало представлять угрозу позже, когда переродившаяся КПСС оказалась бессильной против сепаратизма окраинных националистов. Исключение из Конституции СССР 6-й статьи означало лишение союзного государства важнейшей скрепы. Взамен не было предложено никакого иного устройства, способного обеспечивать государственное единство многонациональной страны. В результате Союз рухнул, по историческим меркам — в одночасье.

Развал СССР, в конечном счете, продемонстрировал эфемерность государства, построенного на принципах не имевшего в истории России традиций этнического федерализма[143], не распространенных при этом на русскую нацию, принужденную строить свои отношения с другими

---

[140] В первой советской Конституции 1918 года прямо говорилось, что основной задачей РСФСР является «установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах»; Конституция СССР 1924 года объявляла образование Союза ССР «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в мировую социалистическую Советскую Республику» (Цит. по: *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 240, 265).

[141] *Сталин И. В.* Соч. Т. 4. С. 354.

[142] Цит. по: *Латышев А.* Как Сталин Энгельса свергал // Российская газета. 1992. 22 декабря. С. 4.

[143] См.: *Жилин А. А.* Теория союзного государства: Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыт построения его юридической конструкции. Киев, 1912; *Кокошкин Ф. Ф.* Автономия и федерация. Пг., 1917; *Корф С. А* Федерализм. Пг., 1917; *Новоторжский Г.* Национальный вопрос, автономия

народами страны на основе особого «интернационализма большой нации». Этот механизм решения межэтнических противоречий в полиэтническом обществе без дополнительных регуляторов, существовавших при Сталине, показал полную неэффективность, приведшую к распаду страны. Однако новая Россия, несмотря на провозглашенный принцип уравнивания в правах национальных единиц и административных регионов, по сути, продолжает функционировать на основе этнического федерализма и асимметричности — эвфемизма былой иерархичности советского федерализма[144]. Ныне уже ни для кого не секрет, что национально-политическая асимметричность государственного устройства России «приобрела форму социально-экономической асимметрии прав и ответственности субъектов федерации»[145].

Изменения, произведенные при реформировании национально-государственного устройства в суверенной России, пока еще мало выходят из старого круга идей. Все, что они содержат нового, на поверку означает возвращение к идеям, апробировавшимся при Сталине и позднее показавшим свою несостоятельность. Это, в частности, касается предложений создавать национальные районы и национальные сельсоветы, шире использовать культурно-национальную автономию наряду с территориальными национально-государственными и административно-территориальными образованиями. Культурно-национальная автономия как альтернатива нынешнему федеративному устройству России должным образом не воспринимается.

федерализм. Киев, 1917; ***Рожков Н. А.*** Уния, федерация и автономия. М., 1917; ***Сидоров А. А.*** Инородческий вопрос и идея федерализма в России. М., 1912; ***Ященко А. С.*** Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912; ***Он же.*** Что такое федеративная республика и желательна ли она для России? М., 1917; ***Алексеев Н. Н.*** Советский федерализм // Россия XXI. 1993. № 11–12; 1994. № 1; Национальные модели федеративных государств // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 1; и др.

[144] О необходимости избавления от необоснованной асимметрии российского федерализма, являющей собой не что иное, как эвфемизм былой иерархичности советского федерализма, — «дань истории, политике, психологии», см.: ***Строев Е. С., Валентей С. Д., Барабанов И. Л. и др.*** Развитие федеративных отношений в России: Проблемы и перспективы // Независимая газета. 1998. 20 января. С. 8; ***Строев Е.*** Спасемся любовью к России // Правда (гл. ред. В. Линник). 1998. 24 июля. С. 1, 2. См. также: ***Лысенко В.*** Что строим мы в России: симметричную или асимметричную федерацию? // Федерализм. 1998. № 1; ***Смирнягин Л. В.*** Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. М., 1998; и др.

[145] ***Валентей С. Д.*** Российский федерализм: Иллюзии и реальность. В нынешнем виде федеральный закон о принципах самоуправления несет угрозу единству России // Независимая газета. 1998. 26 марта. С. 8.

Крах советской системы национальных отношений в огромной степени предопределял русофобское основание национальной политики большевиков. Оно заключалось, конечно же, не в каких-то особенных гонениях или геноциде русского народа, а в боязни власть предержащих русского национального фактора, естественной приверженности русских, как и любого другого народа, своим национальным традициям, культурным и духовным национальным ценностям. Русский национализм, всегда отождествлявшийся властью не иначе как с шовинизмом, расценивался ею как главное препятствие для осуществления «подлинно интернационалистской» политики, бросавшей вызов идее нации и ее неотчуждаемым правам.

Боязнь русского национализма выразилась, прежде всего, в том, что в самом начале большевистского эксперимента русский народ был лишен возможности иметь органы своей национальной самоорганизации, в то время как другим народам такая возможность, хотя и в усеченном виде, предоставлялась. Большевистская национальная политика освящала явные и неоправданные различия в национально-государственном устройстве народов. Различия эти были результатом не столько самоопределения, сколько волюнтаристских решений всесильного Центра. Какому народу, в каких границах, когда и какое национально-государственное образование дать или ликвидировать, Центр решал, вдохновляясь по большей части древнейшим принципом правителей многонародных государств «разделяй и властвуй».

Анализ предложений по реформированию национально-государственного устройства и всей системы регулирования национальных отношений в России позволяет утверждать, что в многоэтническом государстве возможны три формы положения национальности: 1) государственный централизм, в качестве подавления всех инородцев державной нацией; 2) областной федерализм как господство «коренной» национальности исторически унаследованной области над национальными меньшинствами (местный централизм) и 3) национальный федерализм как полное равенство национальностей, не знающее принципиально национальных меньшинств в качестве коллективов, неравноправных с численно или социально-исторически господствующими национальностями[146]. Представляется, что последняя форма — как раз та, которая России ныне так же необходима, как и на заре советской власти.

История попыток построения общегосударственной общности людей на неадекватном подходе к национальным ценностям русского и

[146] *Лазерсон М. Я.* Национальность и государственный строй. Пг., 1918. С. 65.

других народов СССР (поначалу отрицание, затем явная недооценка) определяет ныне громадную значимость новых (в действительности наполняемых новым содержанием известных и ранее) интеграционных русской и российской национальных идей. В конечном счете, именно неясность национальной идеи и ослабление чувства общенационального единства привело к трагическим последствиям — ниспровержению вековых устоев народной жизни, гибели миллионов людей, разрушению российской государственности, существовавшей три четверти века в форме Союза ССР.

Русскую идею не следует ни отождествлять, ни противопоставлять российской, как это нередко делалось ранее и делается в наши дни. П. Б. Струве, к примеру, находил знаменательным, что социал-демократическая рабочая партия и царская империя, противостоящие друг другу, одинаково именовали себя не «русскими», а именно «российскими». Ни один русский иначе, как слегка иронически, писал он, не скажет про себя, что он «российский» человек, а целая и притом наирадикальнейшая партия применила к себе это официальное, ультра-«государственное», ультра-«имперское» обозначение. Значит, она хочет быть безразлична, бесцветна, бескровна в национальном отношении[147].

Действительно, В. И. Ленин подчеркивал: «Партия, чтобы уничтожить всякую мысль о ее национальном характере, дала себе наименование не русской, а российской»[148]. П. Б. Струве находил, что в этом обнаруживал себя космополитизм, свойственный тогдашней русской интеллигенции. Восставая против уничтожения «национального лица», Струве доказывал безнадежность и бесплодность такой затеи. Предполагалось, что если не следует заниматься «обрусением» тех из «инородцев», кто не желает «русеть», то так же точно самим русским не следует себя «оброссиянивать». Правда, это не мешало самому Струве выступать за национализм — свободный, творческий и в лучшем смысле завоевательный, создающий настоящее «imperium», — классическим носителем которого представлялся англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Америки и Британской империи. Открытый национализм означал свободное соперничество, состязание национальностей и уверенность, что народ «не растворится в море чужеземных элементов, а претворит их в себя»[149].

---

[147] *Струве П. Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 206.

[148] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 267.

[149] *Струве П. Б.* Указ. соч. С. 169, 170.

Противники российской идеи в наши дни, как правило, не выступают за соревнование наций до полной победы (ассимилирования соседей) или поражения (растворения среди них). Но угрозы нациям-этносам со стороны нации-согражданства страшатся, опасаясь, как и Струве, утраты национально-этнической идентичности. «Русских пытаются лишить национальной самоидентификации, растворить в каком-то безличном мифическом "россиянстве"», — говорят они[150]. Представляется, однако, что на сей раз мы имеем дело со случаем, когда обжегшиеся на молоке (советском народе как новой общности) дуют на воду (российский народ, российскую нацию).

Опасения такого рода уместны, если наднациональную историческую общность понимать как идущую на смену старым нациям-этносам[151], но они ошибочны, если представляют негативную реакцию на естественно-исторический процесс, в ходе которого взаимодействующие народы приобретают черты общности (сходства) и создают наднациональное образование. Неуместно в данном случае и поддаваться чувствам партийного противостояния: видеть у оппозиционной партии только национальный нигилизм там, где можно видеть и иное. Не следует забывать, что в результате крушения СССР расчлененным оказался не только русский народ, но и наднациональная общность, именовавшаяся советским народом. Соответственно этому российская идея не противоречит и не предполагает угрозы русской идее, а российская нация — русскому и другим народам России.

Русская идея сегодня — это не только осознание русскими людьми своей идентичности и общего пути, но также обязанность строить гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов. Известно, что в отличие от национальных интересов (того, что каждый народ желает для себя) национальная идея представляет более универсальную систему ценностей. Это то, что полагается существенным и важным не только для своего народа, но и для всех[152]. Интеграционной русская идея может стать, если будет приемлемой для всех российских народов. Ее смысл — в осозна-

---

[150] ***Зюганов Г.*** Самое трудное: Национальный вопрос в современной России. Проблемы и подходы // Советская Россия. 1998. 12 февраля. С. 1.

[151] См.: ***Бухарин Н.*** Героический советский народ // Известия. 1935. 6 июля. С. 3; ***Он же.*** Наш вождь, наш учитель, наш отец // Известия. 1936. 21 января. С. 2; ***Андреев А.*** Торжество ленинских идей дружбы народов // Коммунист. 1960. № 6. С. 39; ***Мухитдинов Н. А.*** Река времени. От Сталина до Горбачева: Воспоминания. М., 1995. С. 12; и др.

[152] См.: ***Подберезкин А.*** Русский путь: сделай шаг! М., 1998. С. 83.

нии необходимости отыскания народами России новой формулы российской государственности, способов совместного преодоления кризиса, выживания, взаимообогащения, достойного сосуществования в единой государственной общности. Иначе говоря, российская идея есть осознание российской идентичности во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства. Выработка и принятие ныне действующей Конституции России, последующие события народной жизни с особой силой выявили потребность россиян в общенациональной идее, которая объединяла бы и вводила национальные чувства в русло подлинного патриотизма. Поиск такой идеи далеко еще не завершен[153].

Объединенные усилия в разработке современной национальной идеи дают, на наш взгляд, основание для вывода: собственно национальную составляющую общероссийской национальной идеи должны представлять ценности, заключающиеся в свободе, равноправии, взаимообогащающем сотрудничестве народов страны на всех вертикалях и горизонталях российского государства и общества. На общероссийском уровне высшей ценностью должно быть признано единство россиян, понимаемое как единая российская политическая нация. На этническом уровне — единство и приверженность граждан отдельных национальностей культуре и традициям своего народа-этноса. На местном уровне — благополучие, свобода развития и равноправие национальных групп (общин).

История развития русской нации и российского суперэтноса, «русский вопрос», необычайно обострившийся на последнем истори-

---

[153] См: *Сагатовский В. Н.* Русская идея: Продолжим ли прерванный путь? СПб., 1994; *Подберезкин А.* Русский путь. М., 1996; Российская общенациональная идея (По материалам заседания клуба «Реалисты»). М., 1996; *Чубайс И. Б.* От русской идеи — к идее новой России. Как нам преодолеть идейный кризис. М., 1996; *Бутенко А. П.* Общенациональная идея для России как средство общественного компромисса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политика. 1997. № 3; *Николаев С. Г.* Как создается национальная идея // Свободная мысль. 1997. № 6; *Нуйкин А.* Нужна ли России общенациональная идея? // Вечерняя Москва. 1997. 1, 5, 15, 19, 26 марта; *Осипов Г. В.* Россия: национальная идея, социальные интересы и приоритеты. М., 1997; Россия в поисках идей. М., 1997; *Алексеев С. В., Каламанов В. А., Черненко А. Г.* Идеологические ориентиры России (Основы новой общероссийской национальной идеологии): В 2 т. М., 1998; *Вырщиков А. Н., Никонов К. М.* Российская национальная идея. Волгоград, 1998; *Потапов В. Е.* Поиск общенациональной идеи // Россия: Вызовы времени и пути реформирования. М., 1998. С. 121–125; *Романенко Л. М.* О вреде идеи общенациональной идеи // *Романенко Л. М.* Социальные технологии разрешения конфликтов гражданского общества. М., 1998; и др.

ческом этапе[154], говорят, на наш взгляд, о необходимости решительного отказа от так называемого подлинного интернационализма, понимаемого зачастую по-троцкистски и призванного обслуживать процесс всеобщей денационализации. («Я не еврей, я интернационалист!» — говорил о себе этот деятель[155], полагая, что аналогичным образом должны мыслить «интернационалисты», выходцы, в буквальном смысле слова, из русского и других народов.) Необходимо также решительнее избавляться от противоречий, свойственных Советскому Союзу с самого его рождения. Главное из них заключается в том, что русский народ был лишен в СССР своей внутрисоюзной государственности, в то время как другим народам таковая была предоставлена. Не будучи устраненным, этот порок со временем все плотнее закрывал возможность установления нормальных цивилизованных отношений между народами единой страны, их сплочения в единой нации — действительно нерасторжимой общности людей. В свете новейших воззрений, свободных от мистики и схоластики былых подходов к определению нации[156], она предстает как «сово-

---

[154] ***Козлов В. И.*** Русский вопрос: История трагедии великого народа. М., 1995; ***Он же.*** История трагедии великого народа: Русский вопрос. М., 1996 (2-е изд., дораб. М., 1997); ***Платонов О. А.*** Терновый венец России: История русского народа в XX в.: В 2 т. М., 1997; ***Солженицын А. И.*** «Русский вопрос» к концу XX века. М., 1995; ***Он же.*** Россия в обвале. М., 1998; ***Жириновский В. В.*** Геополитика и русский вопрос. М., 1998; ***Рогозин Д. О.*** Время быть русским. М., 1998; ***Свечников П. Г., Торбеев Г. И.*** Русский вопрос и оппозиция. Челябинск, 1998; ***Уваров А.*** Русское национальное самосознание. Современный взгляд. М., 1998; ***Паин Э.*** Русский вопрос // Литературная газета. 1999. 20, 27 января; и др.

[155] Цит. по: ***Шафевич А. С.*** Русские евреи больше русские, чем евреи // Коммерсантъ-власть. 1998. № 13–14. С. 27. Своеобразное понимание интернационализма, роли русского и еврейского народов в российском обществе приводит к обострению русско-еврейского диалога. См.: ***Белов Ю.*** Необычная война: К русско-еврейскому диалогу // Советская Россия. 1998. 10 декабря. С. 3; ***Зюганов Г.*** О национальной гордости патриотов. Заявление Председателя КПРФ // Советская Россия. 1998. 24 декабря. С. 1; ***Макашов А.*** Огонь на себя // Завтра. 1998. № 51. С. 3; ***Тополь Э.*** «Возлюбите Россию, Борис Абрамович!» Открытое письмо Березовскому, Гусинскому, Смоленскому, Ходорковскому и другим олигархам // Аргументы и факты. 1998. № 38. С. 7; ***Тростников В. Н.*** Россия не будет ваша // Русский Дом. 1998. № 11. С. 42–43; ***Распутин В.*** Краденый венец // Советская Россия. 1999. 5 января. С. 2; и др.

[156] К этому же ряду следует отнести и постмодернизм, объявляющий нацию фикцией, а приверженность к национальной культуре – национализмом (ср.: ***Тишков В. А.*** Забыть о нации (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9; ***Жириновский В. В.*** Прошлое, настоящее и будущее русской нации. С. 23; ***Басалай А. А.*** Развитие наций и их взаимоотношений в СССР. М., 1988. С. 65). Многие исследователи полагают, что постмодернизм – «не культурная эпоха, или парадигма, сменившая модернизм, а определенный стиль, форма, манера творчества, способ организации материала, часто неожиданный и шокирующий» (***Климшина С.*** Русская идея в постмодернистском пространстве // Россия XXI. 1998. № 1–2. С. 146).

купность людей, объединенных общностью отечества и отстаивающих его интересы, которые одновременно являются и их собственными общими интересами»[157]. В соответствии с такими воззрениями, «решающим фактором возникновения (конституирования) нации является осознанное стремление людей быть единым народом и жить вместе»[158].

Основываясь на таких представлениях о нации и особенностях ее связи с государственностью в отечественной истории, можно заключить, что жизненные интересы русского и других народов могут быть надежно защищены, если Россия станет государством русского народа с национально-территориальными автономиями для других народов и с культурно-национальной автономией для национальных групп, расселенных дисперсно. Важнейшим аргументом в пользу такого выбора является его полное соответствие логике событий, происходящих вокруг России в новообразованных независимых государствах[159], а также и во всем цивилизованном мире. По всем мировым стандартам, Россия есть государство титульной русской нации, и, как полагают некоторые видные русские этнологи, надо отразить преобладающее значение русского этноса в Конституции России, назвав ее без обиняков «государством русского народа (этноса), допустившего существование в границах этого государства территориальных автономий этнических меньшинств»[160]. К подобному решению склоняются и многие видные общественные и политические деятели. Влиятельнейший иерарх Русской православной церкви, митрополит Иоанн считал: «Надо открыто признать, что Россия есть государство русского народа. В этой простой констатации очевидного исторического факта ни для кого ничего обидного быть не может». Именно русские, по словам митрополита, «являются тем цементом, который стягивает государственное строение России: общность якута и лезгина, татарина и вепса поддерживается лишь тем, что они на равных включены в державное тело Руси»[161]. А. И. Лебедь, напи-

---

[157] *Семенов Ю. И.* Секреты Клио: Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 70.

[158] *Собчак А.* Имперская ностальгия // Независимая газета. 1998. 13 февраля. С. 7.

[159] *Барсенков А. С.* Распад СССР и «русский вопрос» // Трансформация цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР (тенденции, прогнозы). М., 1994. С. 157.

[160] *Козлов В. И.* Русские. Русскоязычные. Россияне... // Молодая гвардия. 1998. № 9. С. 34; *Савельев А.Н.* От Русской правды к Русскому праву // Русский дом. 1998. № 10. С. 50–51.

[161] *Иоанн*, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Чтущий да разумеет // Советская Россия. 1993. 30 апреля. С. 4.

сал статью, обосновывающую необходимость строительства «полноценного русского национального государства»[162]. Если же при этом мыслить будущее России — Российской (Русской) республики — как федеративное государство, то необходимо добиваться полного равноправия его субъектов и равноправия национальных групп внутри каждого из них — равноправия в формировании органов федеральной и региональной власти, доступа к образованию, возможности создания национальных культурных центров и развития культуры при опоре на потенциал своего народа, своей национальной группы. Именно такие подходы к решению национального вопроса способны сформировать подлинный, цивилизованный национализм — «то, что является атрибутом нации, способствует ее прогрессу и не направлено против других народностей и наций»[163], лишено проявлений национальной гордыни, стремления верховодить, агрессивности, хищности, и есть лишь выражение любви к своему народу, к своей стране[164].

Конечно, национализм (национальный патриотизм) бывает разный, и его крайние проявления (в фашизме, к примеру) неприемлемы. Однако просвещенная интерпретация этого феномена не содержит ничего предосудительного. Скажем, 15-е издание «Британской энциклопедии» утверждает: «Национализм — это верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы становятся выше личных или групповых интересов», 9-е издание «Американского политического словаря» (1993 г.) отмечает, что «национализм объединяет народ, который обладает общими культурными, языковыми, расовыми, историческими или географическими чертами или опытом и который обеспечивает верность этой политической общности»[165]. Считается совершенно правомерным и само собой разумеющимся, что в Бразилии все нации равны, нет господствующей нации, отсутствует национализм в его худших проявлениях, но нет недостатка национализма бразильского, патриотического и центростремительного, который не разъединяет, а объединяет разнородное население; в Швейцарии языки

---

[162] *Лебедь А.И.* Закат империи или возрождение России // Сегодня. 1996. 26 апреля. С. 6. Любопытно, что автору удалось убедить в необходимости такого строительства даже Збигнева Бжезинского, назвавшего статью «замечательной» (*Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 145).

[163] *Хмара Н. И.* О национальном вопросе // Социалистическая идея: уроки XX века. М., 1997. С. 62.

[164] См.: *Ильин И.* Идея нации // Голос Родины. 1991. № 5. С. 12.

[165] Цит. по: *Трощкий Е. С.* Вступительная статья // Строганов В. Русский национализм, его сущность и задачи. М., 1997. С. 10, 11.

народов равноправны, кантоны самоуправляются, политические и другие права отдельного гражданина обеспечиваются независимо от его национальности, внутришвейцарский антагонистический национализм отсутствует, однако «все швейцарцы ярые националисты, но националисты швейцарские, патриотические и наднациональные»[166]. Кто может утверждать, что подобное невозможно в России?

Совсем недавно, в 1994 г., не кто иной, как Генри Киссинджер, напомнил: «Всякий, кто хоть сколько-нибудь серьезно изучал историю России, знает, что именно русский национализм всегда обеспечивал целостность страны и ее способность справляться с многочисленными врагами и бедами». И заключил: «Теперь же русские потеряли созданную ими огромную империю. Можно ли ожидать какой-то иной реакции на это унижение, нежели взрыв национализма?»[167]. Здесь все верно. Как верно и то, что родина Киссинджера, по заключению другого, не менее известного американского государственного деятеля и политолога, «тоже, по сути дела, является империей, но исключительно нового типа и "чертовски удачливой"»[168]. Как видим, отнюдь не каждое полиэтническое государство, скрепляемое единой национальной идеей, является «империей зла». Стоит ли в таком случае российскому народу отрекаться от самого себя и своего государства только потому, что кому-то хочется именовать его последней империей в мире, а его патриотизм — ругательным словом «национализм»?

---

[166] *Быстролетов Д. А.* Путешествие на край ночи. М., 1996. С. 575.

[167] Цит. по: *Зюганов Г. А.* География победы: Основы российской геополитики. М., 1997. С. 162.

[168] Цит. по: *Козлов С.* Збигнев Бжезинский в Алма-Ате: Предсказатель конца коммунизма остался доволен визитом // Независимая газета. 1993. 11 декабря. С. 3.

Н. В. Наумов

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ РАСПАДА СССР

Причины и последствия распада СССР все современные отечественные и зарубежные исследователи рассматривают, как правило, в контексте глобальных социально-экономических, политических и культурных процессов XX в. Внутреннее развитие СССР анализируется в связи этими процессами.

Исследователи — сторонники системного подхода — исходят из того, что современный мир — мир второй половины XX в. — представляет целостную систему. Развитие капитализма на основе европейской цивилизации направило с XIX в. процесс интеграции в русло экономического прогресса. Мир стал западноцентричным (при этом понятие «Запад» толкуется расширительно, охватывая наряду со странами Западной Европы и Северной Америки такие страны, как Австралия, Южная Корея и Япония) в технико-экономическом плане, одновременно сохраняя, а подчас и углубляя культурную и историческую самобытность отдельных стран. Интернационализация производства сформировала систему мирового капиталистического хозяйства (МКХ). С развитием и углублением научно-технической революции (НТР) европейская цивилизация все более становилась техногенной и мировой. Техногенной — потому что она была порождена техническим прогрессом и постоянно порождала и порождает его. Суть европейской цивилизации стали выражать научно-технические параметры и связанная с ними социально-экономическая и политическая организация. Одновременно она — «мировая цивилизация», поскольку во главу угла ставится мировое интеграционное развитие (МИР), выражающееся в том, что система и механизм МКХ функционируют по общим принципам и требованиям технологической цивилизации. МИР превращает все национальные экономики в его подсистемы. Эти подсистемы (субструктуры), включают страны или группы стран, место которых в системе определяется степенью их вовлеченности в указанные глобальные процессы и способностью использовать результаты этих процессов в своем внутреннем экономическом и общественно-политическом развитии. Процессы МКХ, НТР и МИР рассматриваются в рамках «мировой переходности» от «незападной» модели развития к «западной». Распад СССР

был порожден противостоянием «Запад» — «Незапад», которое завершилось победой «Запада»[1].

Подобное объяснение, вполне допустимое в рамках макросоциологического анализа, вряд ли может удовлетворить историка, поскольку оно не дает ответа на вопрос, который является целью всякого исторического исследования: в силу каких конкретных причин в определенное время произошло то или иное событие, в данном случае — распад СССР в декабре 1991 г.?

Большинство отечественных и западных исследователей, которые пытаются определить факторы международного развития, способствовавшие распаду СССР, обращаются в первую очередь к процессам, порожденным «холодной войной» (термин был впервые употреблен советником президента США, американским финансистом Б. Барухом в ходе дебатов в американском конгрессе в 1947 г.)[2].

---

[1] По мнению российского исследователя, это было исторически неизбежно, потому что с углублением мирового интеграционного развития мировое сообщество (мировой социум) приобрело «высокую степень целостности и превратилось в глобальную систему и развитие его стало носить системный характер. Это значит, что любой сколько-нибудь значительный процесс, сдвиг или катаклизм в какой-то одной его субструктуре (неважно какой — развитой или отсталой) неизбежно... затрагивают все остальные его субструктуры» (***Шишков Ю. В.*** О механизме переходов в мировом сообществе // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 12. С. 15). См. также: ***Чешков М. А.*** Россия и человечество, возвращающееся из истории в эволюцию // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 7–15.

[2] The New Encyclopaedia Britannica [in 30 volumes]: Micropaedia. 15th ed. Chicago-London... Encyclopaedia Britannica Inc. 1975. Vol. II. P. 1049. «Термин означает открытое, но ограниченное соперничество, которое развивалось после второй мировой войны между США и СССР и соответственно их союзниками, война, которая велась на политическом, экономическом и пропагандистском фронтах с ограниченным использованием оружия из-за страха перед ядерным холокостом» (Ibidem). В издании 1993 г. это определение воспроизводится без существенных изменений (Op. cit. Micropaedia. Ready Reference. Chicago... 1993. Vol. III. P. 444). Наиболее полное обоснование хронологических рамок «холодной войны» содержат, на наш взгляд, статьи в Американской и Британской Энциклопедиях. По мнению J. L. Nogee, она продолжалась с 1945 до 1990 г. (см.: The Encyclopedia Americana. Intern. Ed. New York, 1994. Vol. 7. P. 222). Статья в Британской Энциклопедии дает те же временные рамки, отмечая при этом, что она началась после второй мировой войны. Ее окончание было ознаменовано подписанием 12 сентября 1990 г. главами правительств СССР, США, Великобритании и Франции «Договора об окончательном урегулировании вопроса о Германии», после которого последовало ее воссоединение, а также принятием 21 ноября 1990 г. 34 участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе Парижской хартии, в которой провозглашался конец «эры конфронтации и разделения в Европе» (The New Encyclopedia Britannica. Chicago... 1993. Vol. III. P. 444).

Как российские, так и западные исследователи исходят из того, что глобальное военно-политическое, экономическое и идеологическое противостояние двух блоков в период «холодной войны» определяло все развитие мира после 1945 г. Главное внимание уделяется исследованию тех событий и процессов, которые в течение 45 лет происходили в конфронтационном поле двух противостоящих друг другу военно-политических союзов. Признается при этом, что уже в период «холодной войны» в мире начались и получили быстрое развитие процессы, которые оказывали влияние на состояние антагонистов и формы, в которых «холодная война» протекала. Однако их реальное значение и масштабы стали более ясными с ее окончанием. В этой связи указывается прежде всего на появление в мире более чем 130 новых независимых государств, роль и значение которых в мировых экономических и политических делах развития стали быстро расти. Отмечается также научно-техническая революция, появление и быстрое развитие новых мировых центров экономического развития. Однако во время «холодной войны» все эти процессы, судя по работам российских авторов, играли второстепенную роль и не были определяющими[3].

По мнению западных исследователей, главной задачей Запада в «холодной войне» было «сдерживание коммунизма» («коммунистической угрозы», «коммунистической экспансии») и только поэтому она имела «смысл». «Война» закончилась поражением «империи зла», то есть коммунизма и как общественно-политической системы, и как идеологии, и потому она, несмотря на гигантскую трату людских и материальных ресурсов, была оправданной. Лишнее подтверждение тому — отказ политических руководителей России и стран СНГ, пришедших к власти в 1991 г., от социалистической (коммунистической) идеологии и признание ими несостоятельности советской модели социализма (коммунизма). Политика США и их союзников, таким образом, несмотря на некоторые неудачи и провалы, оказалась достаточно эффективной и отвечала объективным потребностям мирового развития[4]. Советская система «рухнула... потому что... финансовый гнет из-за военных затрат оказался ей не по силам», — утверждает Р. Макфарлейн, бывший в начале 80-х гг. помощником советника президента США Р. Рейгана по национальной безопасности и вошедший в историю американской внешней политики в качестве главного идеолога и орга-

---

[3] См.: СССР и холодная война. М.,1995. С. 5–202.

[4] См.: *Brzezinski Z.* The Grand Failure. The birth and death of communism in the twentieth century. New York, 1990. P. 187–252.

низатора программы СОИ. Последним витком гонки вооружений, навязанной Западом Советскому Союзу, который, по его мнению, окончательно подорвал советскую экономику, была «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), известная более как «программа звездных войн». Макфарлейн полагает, что СОИ была «экономической стратегией, задуманной для того, чтобы разрушить экономику советского государства». Далее в интервью российскому журналисту он утверждал: «Мы победили в науке и технологии, не в количестве вооружений. Мы обременили вашу страну так, что она этого не заметила, заставили тратить денег больше, чем их было на самом деле»[5].

Утверждение Макфарлейна вполне укладывается в логику схем, глубоко укоренившихся в массовом сознании и на Западе, и в России и усматривающих в распаде СССР закономерный итог «холодной войны». Такой вывод тем более представляется «закономерным», если оценить бремя гонки вооружений, которое нес СССР в последние два десятилетия, в контексте российской /советской истории XX в.

Занимая 5-е место по объему валового национального продукта после США, Германии, Великобритании и Франции, в 1914 г. Россия была одной из ведущих европейских держав и тем самым «великой мировой державой». С 1861 по 1913 г. Россия в 12 раз увеличила объем промышленного производства и по темпам развития обгоняла Германию, Англию и Францию. Однако эти впечатляющие цифры не должны вводить в заблуждение: накануне первой мировой войны Россия значительно уступала ведущим европейским странам и США по объему промышленной продукции и особенно по производству ее на душу населения[6]. Первая мировая война, революция 1917 г. и последовавшая за ней гражданская война и иностранная интервенция привели к катастрофическим последствиям для России. Ее территория сократилась более чем на 90 тыс. кв. км, население — почти на 49 млн чел. (с 185,2 млн до 136,9 млн человек), из которых примерно 31,5 млн связаны с территориальными потерями и эмиграцией и 18,5 млн приходится на прямые безвозвратные потери в результате войн, голода и эпидемий[7]. Экономика страны была

---

[5] Человек, придумавший «звездные войны» // Независимая газета. 1998. 24 декабря. С. 6.

[6] См.: *Хромов П.А.* Экономическая история СССР: Период промышленного и монополистического капитализма в России. М., 1982. С. 129.

[7] См.: Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 91–93; Мировая война в цифрах. М., 1934. С. 32; Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 118; *Вольф М.Б., Мебус Г.А.* Статистический справочник по

отброшена на многие десятилетия назад, приблизительно на уровень середины XIX в. Было потеряно около 48% национального богатства страны[8]. Модернизация страны («социалистическая реконструкция» народного хозяйства) в 20–30-х гг. начиналась с крайне низкого экономического, научно-технического и культурного исходного рубежа. К тому же она осуществлялась в условиях идеологического и военно-политического противостояния СССР с ведущими капиталистическими странами мира и его дипломатической и экономической изоляции, что существенно затрудняло и «удорожало» модернизацию промышленности и экономики в целом. Изоляция СССР была преодолена к середине 30-х гг., когда угроза второй мировой войны изменила расстановку сил в Европе и мире. Одним из проявлений международного признания СССР явился прием его в 1934 г. в Лигу Наций. Участие СССР во второй мировой войне и тот вклад, который внесли народы СССР в разгром стран «оси», сделали его страной, позиция которой определила послевоенное устройство Европы и всего мира. Однако победоносное участие СССР во второй мировой войне стоило его народам огромных человеческих потерь (прямые безвозвратные потери составили около 30 млн человек) и утраты значительной части (28,7%) его национального богатства. Прямые военные расходы СССР в 1939–1945 гг. составили 1172,3 млрд дол. (в ценах 1993 г.) или 55% его национального дохода[9]. Восстановление разрушенной войной экономики и преодоление последствий войны в демографической, социальной и культурной областях народам Советского Союза вновь — во второй раз — за ничтожно малый по историческим меркам срок в четверть века — пришлось начинать в экстремальных условиях послевоенной разрухи и дезорганизации всей общественной жизни, вызванной войной. Демобилизация многомиллионной армии, реконверсия промышленности, восстановление сельского хозяйства, воссоздание инфраструктур, уничтоженных в ходе войны на большей части европейской территории СССР, требовали огромных капиталовложений и гигантских усилий советских людей, переживших невиданные трудности и лишения. Все указанные выше проблемы наро-

---

экономической географии. М.; Л., 1927; Мир в цифрах (статистический сборник). 1992 г. М., 1992. С. 50–55; ***Степанов А.*** Россия, СССР в мировых войнах // Россия XXI. 1994. № 11–12. С. 87.

[8] См.: Труды ЦСУ. Т. IX. Вып. 1. Сборник статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств. М., 1922. С. 7; ***Нахимсон (Спектатор) М. Я.*** Мировое хозяйство до и после войны. Т. 2. М., 1926. С. 50–52; ***Степанов А.*** Указ. соч. С. 92.

[9] См.: ***Степанов А.*** Указ. соч. С. 91, 92.

дам и руководству СССР пришлось вновь решать в условиях экономической блокады СССР со стороны его недавних союзников по антигитлеровской коалиции и жесткого военно-политического и идеологического противостояния в условиях «холодной войны». В той острой пропагандистской полемике, которая велась в годы «холодной войны» по вопросам о том, кто виновен в установлении «железного занавеса» и развязывании «холодной войны», полемике, отзвуки которой можно найти и в современной историографии, на второй план отходил, а иногда и вовсе не затрагивался вопрос об экономических последствиях послевоенного раскола Европы. Между тем, как представляется автору настоящей статьи, раскол Европы и «холодная война», вина за которые на Западе возлагалась исключительно на СССР, ставили США и их союзников в более выгодные экономические условия. В зону советского влияния, установленную по соглашениям между союзниками, вошла большая часть территорий и стран, сильнее всего пострадавших от войны (Польша, Восточная Германия, Венгрия). В случае сохранения и дальнейшего развития сотрудничества стран антигитлеровской коалиции неизбежно бы встал вопрос о распространении «плана Маршалла» на СССР и его союзников. Этого, как известно, не произошло и разоренный войной СССР был вынужден взять на себя дополнительное бремя по восстановлению разрушенной экономики союзных с ним стран. Во время «холодной войны» антисоветская пропаганда видела в самом факте включения стран Восточной Европы в зону советского влияния лучшее доказательство «агрессивности» СССР и его стремления к «мировому господству». Понадобилась советская перестройка, чтобы риторика «холодной войны» уступила место более взвешенной оценке внешнеполитических действий СССР в послевоенные годы и признанию западными исследователями международных отношений того факта, что в основе их лежали геополитические интересы страны, ее естественное стремление обезопасить свои границы на Западе, откуда пришла на территорию СССР самая разрушительная война за всю ее многовековую историю, и создать там своеобразный «оборонительный пояс»[10].

В настоящей статье не рассматриваются вопросы, которым уделяется в некоторых работах отечественных и зарубежных авторов неоправданно, на наш взгляд, большое внимание. В их числе: «Кто был инициатором "холодной войны"?», «Кто ответственен за ее эскалацию и

[10] См.: *Rieber A. J.* Persistent factors in Russia foreign policy: an interpretive essay // Imperial Russian foreign policy / Ed. and transl. by H. Radsdale. Cambr. (Mass.) 1993. P. 355–359.

периодические обострения, ставившие мир на грань самоубийственной термоядерной войны?». При этом исследователи стремятся проследить хроно-логию событий и изучить военно-политические аспекты войны. Зачастую им трудно преодолеть влияние широко распространенных в массовом сознании идеологических стереотипов и пропагандистских мифов, рожденных в разгар «холодной войны». Будучи пропагандистским обеспечением внешней политики государств с различным общественно-политическим строем, они создавали атмосферу, которая делала объективную оценку «холодной войны» крайне трудной, а понимание ее истинной сущности для массового сознания почти невозможной[11]. Но и в наши дни, когда руководители правительств бывших враждующих стран торжественно заявили о ее окончании, влияние этих мифов прослеживается не только в работах западных, но и отечественных исследователей[12].

Представляется, что при изучении международных отношений в годы «холодной войны» второстепенное значение для их понимания имеют вопросы, подобные тому, считать ли ее началом речь У. Черчилля в Фултоне (США) в марте 1946 г. или интервью И. В. Сталина, которое он дал иностранным корреспондентам в том же году и в котором сравнил английского политика с поджигателем войны[13], хотя политический и

[11] Следует, однако, отметить, что и в разгар «холодной войны» делались попытки отойти от пропагандистских стереотипов. Проявлением более взвешенного подхода к оценке «холодной войны» было возникновение в 60-е гг. и развитие в американской историографии «ревизионистского» направления в исследовании внешней политики США и ее истории. Представители этого направления, существенно расходились в оценке причин и характера «холодной войны» с официальной, широко пропагандируемой в США точкой зрения. В их работах ответственность за начало и эскалацию «холодной войны» возлагалась на правительство США, которое «сорвало всякую возможность регионального соглашения о сотрудничестве с СССР и вело политику, которая привела к разделению Европы». «...В основе конфронтации лежали попытки США использовать свою экономическую мощь» (*Степанова О. Л.* «Холодная война»: историческая ретроспектива. М., 1982. С. 93–163. Подробно об этом направлении см.: *Rieber A. J.* Op. cit. P. 416–443).

[12] Авторы новейшего учебного пособия по истории СССР в годы «холодной войны» («экспериментального труда, обращенного как к студенческой аудитории, так и к научным работникам») так излагают свой замысел: «...Во-первых, сконцентрировать внимание читателя на узловых вопросах, характеризующих специфику экономического и социально-политического развития СССР; во-вторых, показать, в какой мере это развитие отражало имперские амбиции сталинского руководства (а затем его последователей), в то же время само (по принципу обратной связи) сказывалось на мероприятиях высших эшелонов власти» (СССР и холодная война. С. 8).

[13] См.: СССР и холодная война. С. 13–14.

идеологический подтекст этого вопроса очевиден: если СССР «виновен» в «холодной войне», которая окончилась с его распадом, то его внешняя политика, основанная на марксистско-ленинской доктрине, была «самоубийственной». Отметим в этой связи, что вопрос о том, в какой степени эта политика определялась идеологическими догмами и установками и в какой — интересами национальной безопасности и геополитическим положением СССР, практически оставался и до настоящего времени остается вне поля зрения российских исследователей, хотя они и признают его существование[14].

Важно констатировать, что после непродолжительной пропагандистской полемики «холодная война» приобрела характер жесткого военно-политического противостояния СССР и США и положила начало невиданной в мировой истории по масштабам гонки вооружений и созданию двух военно-политических блоков. Гонка вооружений началась при различных «стартовых возможностях» участвующих в ней сторон. Выше были приведены наиболее существенные, на наш взгляд, статистические данные, которые позволяют судить о состоянии советской экономики по окончании второй мировой войны. США вышли из нее, как это было и после первой мировой войны, с наименьшими среди всех участвовавших в ней стран потерями. Война вызвала невиданный до того подъем их экономики, который позволил окончательно преодолеть негативные последствия «великой депрессии» 1929–1933 гг., обеспечил полную занятость рабочего населения и небывалую деловую активность. Хотя прямые военные расходы США были наибольшими среди всех воевавших стран (3107,5 млрд дол. в ценах 1993 г.) и составили 38,4% их национального дохода, национальное богатство страны выросло в 1939-1945 гг. на 23,8%. Территория США не была затронута военными действиями. Прямые безвозвратные демографические потери США составили 405 тыс. человек, что составляет 0,8% общих потерь во второй мировой войне, численность которых оценивается в 50 млн человек. Западные союзники США потеряли в ходе войны значительную часть своего национального богатства: Британская империя — 13,6% и Франция — 13,8%. Однако их людские потери (Британская империя — 357 тыс. и Франция — 250 тыс.) не сопоставимы с советскими потерями или потерями такой страны, как Польша, ставшей после войны союзником

[14] Л. М. Нежинский и И. А. Челышев, утверждая, что доктринальный подход руководства СССР доминировал при решении внешнеполитических задач, вместе с тем отмечают: «Конечно, в реальной жизни все было не так однолинейно, как в теории» (там же. С. 41).

СССР[15]. Следует учитывать также, что длительное время после окончания войны Великобритания и Франция обладали обширными колониальными владениями, которые были источником сырья и дешевой рабочей силы, что существенно помогло этим странам в преодолении последствий войны.

Американские ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г. означали появление в мире сверхдержавы, которая обладала монополией на ядерное оружие. Эта монополия была в 1949 г. ликвидирована Советским Союзом, сумевшим к этому времени создать собственную атомную бомбу, а в 1954 г. — водородную. Тем не менее в конце 1940-х — начале 1950-х гг. США обладали арсеналом ядерного оружия, который длительное время превосходил ядерный арсенал СССР. Разработанная ими в 1954 г. «доктрина массированного возмездия» должна была обеспечить не только «сдерживание», но и «отбрасывание» коммунизма. Допускалась возможность использования ядерного оружия против СССР. В начале 1960-х гг. по инициативе министра обороны США Р. Макнамары была разработана новая стратегическая концепция «гибкого реагирования», которая предусматривала «гарантированное уничтожение» СССР, если эскалация какого-либо вооруженного конфликта поднимется до уровня всеобщей ядерной войны. Альтернативные варианты всеобщей ядерной войны предусматривали возможность «ограниченного применения ядерного оружия». В 1974 г. военно-стратегическая доктрина США допускала «ведение отдельных ядерных операций» в случае эскалации конфликта в каком-либо регионе мира. Однако в 1982 г. участники НАТО заявили, что ядерное оружие будет применено только в ответ на нападение[16].

В годы «холодной войны» в основу военно-стратегической доктрины СССР были положены тезисы о том, что «его оборонительная структура, включая структуру его стратегических вооружений, должна строится с учетом внушительного военного потенциала США и НАТО. Для стратегических ядерных сил Советского Союза суть оборонительной достаточности определяется необходимостью поддерживать эти силы на таком количественном и качественном уровнях, чтобы иметь надежные средства нанесения ответного удара в любых условиях, даже самых неблагоприятных, в случае ядерного нападения. Советский Союз

---

[15] См.: *Степанов А.* Указ. соч. С. 89–92.

[16] См.: Всеобъемлющее исследование, касающееся ядерного оружия. ООН. Департамент по вопросам разоружения. Нью-Йорк, 1991. С. 41–43; Советские вооруженные силы: Вопросы и ответы. М., 1987. С.335, 338.

утверждает, что не стремится к военному превосходству над США и не претендует на более высокую степень безопасности, но в то же время преисполнен решимости не допустить военного превосходства США над собой»[17]. Трактовка этой доктрины советскими руководителями и военными теоретиками отличалась на различных этапах «холодной войны». В 1960–1962 гг. руководство СССР заявляло, что любой вооруженный конфликт неизбежно перерастет во всеобщую ядерную войну, если в него окажутся втянуты ядерные державы. В 1965–1966 гг. советские военные теоретики допускали возможность ведения локальных войн с использованием ядерного оружия. Позже, в 1972 г., рассматривая ядерное оружие как средство устрашения, они считали возможным ведение широкомасштабной войны с применением только обычного оружия. В 1976 г. руководители СССР заявили, что в случае применения ядерных запасов, накопленных СССР и США, «человечество может быть полностью уничтожено». И наконец, в 1982 г. Советский Союз официально заявил, что он «никогда ни в каком конфликте не применит ядерного оружия первым»[18].

Изменение военно-стратегических доктрин США и СССР определялось в решающей степени развитием их военного потенциала. Несмотря на различия в стратегии США и СССР, их стратегические ядерные арсеналы, так же как и арсеналы Великобритании, Франции и Китая, состоят из трех основных элементов, образуя так называемую триаду: силы наземного и морского базирования и бомбардировочная авиация. Наиболее эффективными и наименее уязвимыми для противника являются межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и баллистические ракеты, установленные на подводных лодках (БРПЛ). В 1962 г. США располагали 1653 ракетоносителями с 3267 ядерными боеголовками, СССР — соответственно 235 и 481. Однако уже в 1971 г. у США было 2087 ракетоносителей с 6064 боеголовками, а СССР располагал 2075 ракетоносителями с 2441 ядерными боеголовками. В 1980 г. соотношение по этим показателям было следующим: США — 2022 и 10 608, СССР — 2545 и 7480[19]. К 1990 г. США располагали 1000 МБР с 2450 боеголовками, 592 БРПЛ с 5100 боеголовками на 33 подводных лодках и 350 стратегическими бомбардировщиками, несущими 4500 ядерных боезарядов. В ядерном арсенале СССР находилось 1356 МБР с 6450 боеголовками (большая часть их была развернута с 1966 по 1979 г.), 930

[17] Там же. С. 45.

[18] Там же. С. 44.

[19] См.: *Walker M.* The Cold War. A History. New York, 1995. P. 214.

БРПЛ с 3642 боеголовками и 160 стратегических бомбардировщиков, некоторые из которых несли крылатые ракеты (данные о количестве боезарядов на них СССР не предоставил)[20].

Как видно из приведенных данных, в начале 1970-х гг. Советский Союз достиг паритета с США в ядерных вооружениях и тем самым необходимой «оборонной достаточности». Однако это не внесло коренных изменений в советскую военную стратегию. Вопросы военной стратегии никогда не являлись в СССР предметом общественного обсуждения. Более того, они фактически никогда не обсуждались на заседаниях высшего законодательного органа СССР — Верховного Совета или его комиссий. Решения по ключевым вопросам национальной безопасности СССР принимались его высшим руководством на основе рекомендаций, предложенных представителями советского военно-промышленного комплекса и военных и разведывательных ведомств. Последние трактовали понятие «оборонной достаточности» в соответствии с логикой ведомственного мышления. Поэтому в 1970-е гг. наряду с дальнейшим увеличением ядерного арсенала СССР продолжал наращивание танкового, артиллерийского, химического и других вооружений. Именно после достижения ядерного паритета с США СССР развернул широкомасштабное строительство военно-морского флота, способного действовать в мировом океане. В 1978–1987 гг. СССР построил крупных надводных кораблей столько же, сколько и США, а многоцелевых подводных лодок — в два раза больше. Началось строительство новых типов особо крупных кораблей (авианосцев, крейсеров)[21]. По мнению адмирала С. Г. Горшкова, советский «военно-морской флот обрел способность открыть новое направление борьбы для вооруженных сил, причем те, которые с давних пор считались для нас недоступными»[22]. Далее он отмечал, что создание советского океанского флота «сопоставимо по значению» с созданием в СССР ядерного оружия[23]. Развитие флота потребовало создания военных и военно-морских баз на территории стран, находящихся за тысячи миль от границ СССР и его союзников. Количество этих баз и расходы на их содержание до настоящего времени не

---

[20] См.: Всеобъемлющее исследование, касающееся ядерного оружия. ООН. Департамент по вопросам разоружения. С. 11.

[21] См.: СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. Глобальные проблемы. Региональные аспекты внешней политики. Экономическая взаимозависимость. М., 1990. С. 106–107.

[22] *Горшков С. Г.* Морская мощь государства. М., 1979. С. 276.

[23] См.: Там же. С. 411–412.

опубликовано в российской печати и научных исследованиях. Можно лишь сказать, что в 1960–1980-е гг. базы (сюда включены и ремонтные базы для военно-морских судов) находились с различной продолжительностью на территории Алжира, Кубы, Египта, Ирака, Ливии, Корейской Народно-Демократической Республики, Мозамбика, Северного и Южного Йемена, Сирии, Сомали и др.[24] СССР оказывал экономическую и военную поддержку правительствам стран, на территории которых находились его базы. Огромные материальные и финансовые ресурсы расходовались на помощь политическим режимам стран, которые проводили — часто лишь временно — антизападную или антиамериканскую внешнюю политику. По свидетельству предпоследнего премьер-министра СССР Н. И. Рыжкова, только с 1986 по 1989 г. безвозмездная помощь зарубежным странам составила около 60 млрд долларов США (1,1% валового национального продукта СССР). Из них 22 млрд долларов пошло на экономическую и военную помощь Кубе[25]. Нередко с целью сохранить просоветский режим в той или иной стране СССР оказывался втянутым, как это было в случае с Афганистаном, в длительную войну. Решение о вводе советских войск в Афганистан, положившем начало девятилетней войне, было принято узкой группой членов Политбюро ЦК КПСС[26]. Долгое время эта война оставалась фактически неизвестной советскому народу. Советские средства массовой информации регулярно, но крайне скупо и осторожно сообщали о «братской помощи» «ограниченного контингента советских войск» политическому режиму, установленному в результате «победы народно-демократической революции в апреле 1979 г.». До окончания войны и наступления гласности в СССР советским людям были неизвестны истинные масштабы войны советских вооруженных сил против народа Афганистана. Влияние войны на политический и моральный климат советского общества было в результате этого малозаметным, тем более, что советские людские потери в войне (более 13 тыс. убитых и 37 тыс. раненых) были относительно невелики. Однако расходы на войну в Афганистане легли дополнительным бременем на и без того милитаризованную советскую экономику. Общие цифры этих расходов за 9 лет войны до настоящего времени не опуб-

---

[24] См.: *Николаев А.* Военные аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации // Международная жизнь. 1993. № 9. С. 17.

[25] См.: *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 232.

[26] См.: *Кондрашов С. Н.* Из мрака неизвестности // СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. С. 56–103; *Марчук Н. И.* Необъявленная война в Афганистане: официальная версия и уроки правды. М., 1993.

ликованы. Можно лишь привести мнение Н. И. Рыжкова, согласно которому «Афганистан стоил нам миллиарды... В 1985 г. война там обошлась нам в 2,6 млрд рублей, 1987 г. — 5,4 млрд»[27].

Определить объем расходов СССР на военные цели как за весь период «холодной войны», так и в отдельные годы является задачей едва ли разрешимой. Официальные цифры никогда не отражали их реальных размеров, поскольку многие военные программы шли по другим статьям государственного бюджета и были «спрятаны» в расходы на гражданские цели. По подсчетам Комиссии У. Пальме, удельный вес военных расходов СССР составлял в 1960 г. 12,4% его национального дохода, в 1970 г. — 12% и в 1980 г. — 5,6%[28]. А. И. Степанов полагает, что прямые военные расходы СССР с 1947 по 1991 г. составили в долларах США 1993 г. 10039 млрд, что составляет 12,6% национального дохода за эти годы[29]. Более реальное представление, на наш взгляд, об истинных размерах военных расходов СССР в годы «холодной войны» могут дать расчеты Международного института стратегических исследований в Лондоне, который оценивал военные расходы СССР в конце 1980-х гг. в объеме 17,6% валового национального продукта[30].

По последним подсчетам российских экспертов, советская экономика на 70% была ориентирована на тяжелую промышленность и лишь на 30% — на потребительские товары и услуги. К середине 80-х гг. советская экономика составляла около 50–60% ВНП США и была второй в мире 12-13% советского ВНП направлялось в военно-промышленный комплекс (оборону) (в США — 5–6%). Доля оборонных расходов в государственном бюджете СССР составлял 45–50% (в США — 25–27%). Советские военные расходы оценивались в 250–300 млрд долларов в год, что приблизительно соответствовало военным расходам США[31].

США израсходовали за годы «холодной войны» на военные цели 9471 млрд или 5,6% их национального дохода. Таким образом, более богатые США израсходовали на военные цели меньше, чем СССР.

---

[27] *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 233.

[28] См.: Безопасность для всех. Программа разоружения: Доклад Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности под председательством У. Пальме. М., 1982. С. 113.

[29] См.: *Степанов А. И.* Указ. соч. С. 89–92.

[30] См.: *Адуевский В.* Поражение милитаризованной экономики // Известия. 1992. 7 февраля. С. 2.

[31] Независимое военное обозрение. 1997. 12–19 июля. С. 1–7.

Это объясняется большей эффективностью американской экономики, сумевшей лучше использовать новейшие достижения научно-технической революции, и тем, что доля США в расходах на поддержание необходимого военного потенциала НАТО составляла 30%, в то время как доля СССР в военных расходах стран Варшавского договора составляла 80%[32].

США понесли в целом меньшие людские потери в «горячих» войнах в 1945–1990 гг.: 309 тыс. против 396 тыс., которые потерял СССР. Однако подлинная цена, которую заплатил Советский Союз за противостояние с США и их союзниками в годы «холодной войны», будет лучше видна, если сопоставить рост их национального богатства. С 1947 по 1991 г. в США оно выросло на 23 423,2 млрд дол. (189,2%), в СССР за тот же период на 1984,2 млрд дол. (136,5%)[33].

Очевидно, что выдержать военно-политическое противостояние с таким мощным экономическим соперником в течение сорока пяти лет СССР смог лишь благодаря сверхмилитаризации своей экономики и поддержанию низкого — по стандартам развитых промышленных стран — жизненного уровня своего населения. Гонка вооружений привела к деформированию всей экономики СССР, в котором ВПК составлял до 80% всего промышленного производства. Гражданские отрасли промышленности и сельское хозяйство были не более чем придатками гигантского советского ВПК. Такое положение этих отраслей экономики привело к тому, что к середине 80-х годов они все еще находились на технологическом и организационном уровне 30-х годов, а ряд отраслей сельского хозяйства — середины 20-х гг. Лучшие научные кадры, новейшие научно-технологические достижения внедрялись в ВПК. Концентрация материальных и интеллектуальных ре-

---

[32] Сюда входят расходы на содержание почти миллионной ударной группы войск, расположенной вдоль западной границы СССР и на территории союзных стран. К концу 80-х гг. в ГДР дислоцировались 546 тыс. солдат и офицеров вместе с членами их семей и вольнонаемными (Западная Группа Войск), 87 тыс. войск — в Чехословакии (Центральная Группа Войск), 67 тыс. — в Польше (Северная Группа Войск), 65 тыс. — в Венгрии (Южная Группа Войск), в Прибалтике располагалась 150-тысячная группа войск. Вместе с войсковыми группами, расположенными в Закарпатье и западных районах Украины и Белоруссии, группировка войск численностью более 1 млн солдат и офицеров была нацелена на участие в боевых действиях в случае вооруженного конфликта в Европе. Отметим, что здесь не учтены войска самих стран-участниц Варшавского договора (*Новопашин Ю. С.* Непраздничный юбилей // Кентавр. 1995. № 12. С. 6).

[33] См.: *Степанов А.* Указ. соч. С. 89–92.

сурсов на одном-двух направлениях (сначала — создание ядерного оружия, а затем — ракетно-космической техники) требовали максимальной мобилизации и концентрации материальных и финансовых ресурсов, которые отвлекались от развития гражданских отраслей экономики и социальных сфер. Результатом такой политики был разрыв между ВПК и гражданскими сферами экономики, который не смогли преодолеть ни использование военных технологий двойного назначения, ни «подключение» предприятий ВПК к производству продукции гражданского назначения. На развитии ВПК и на состоянии вооруженных сил СССР и его союзников не могло не сказываться отставание гражданских отраслей экономики. Их тормозящее влияние проявлялось двояко. Во-первых, новый этап научно-технической революции разрушал сложившуюся «анклавную» систему функционирования военной экономики, включая прежде всего производство вооружения, боевой техники и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Уже в 70-е гг. было много примеров того, что именно достижения, полученные в гражданской сфере, способны изменить качественные характеристики обычного вооружения, повысить его эффективность в 10–20 раз. Новые области науки — биотехнология, сверхпроводимость, создание новейших ЭВМ — открывали перспективные направления в создании средств вооруженной борьбы[34]. Во-вторых, с совершенствованием и усложнением военной технологии и вооружений встал вопрос о человеке, творческая и ответственная деятельность которого является главным условием «нормальной» деятельности ВПК и поддержания боеспособности вооруженных сил на необходимом для эпохи глобального военного противостояния уровне. А это было невозможно без повышения жизненного уровня людей, их профессиональной подготовки и общей культуры[35]. Иначе говоря, гипертрофированное развитие советского ВПК способствовало усилению к концу 70-х гг. общей экономической отсталости СССР, которая привела к качественному ухудшению советского военно-технического потенциала, что в свою очередь вело к ослаблению международных позиций СССР. Это выражалось, в частности, в невозможности бесперебойного и достаточного военного и экономического обеспечения своих союзников в странах «третьего мира». Результатом последнего явилось падение дружественных СССР поли-

[34] См.: *Благоволин С. Е.* Советские военные приготовления в эпоху нового политического мышления // СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. М., 1990. С. 115.

[35] См.: Интервью с академиком Л. И. Абалкиным // Огонек. 1989. №13. С. 18–19.

тических режимов в ряде стран «социалистической ориентации» в 70–80-е гг. (Гана, Алжир, Никарагуа и др.)[36].

Экономическое отставание отрицательно сказывалось на внутреннем социально-экономическом развитии СССР и его союзников. В первую очередь оно приводило к снижению жизненного уровня населения этих стран. Если в 50-е гг. среднегодовой прирост совокупного национального дохода в странах СЭВ составлял 9,5%, то в 1981–1984 гг. он упал до 2%, тогда как порог ощутимого расширенного воспроизводства и рост благосостояния населения происходит минимум при 3–3,5%[37]. В условиях ожесточенной идеологической и психологической борьбы низкий жизненный уровень населения и низкое, по «западным» стандартам, качество жизни, в первую очередь в СССР, были мощным аргументом антисоветской и антикоммунистической пропаганды. Этот уровень жизни СССР и союзных с ним стран (отметим здесь, что в некоторых странах социалистического содружества — ГДР, Чехословакии, Венгрии — он был выше, чем в СССР) был не только следствием сверхмилитаризации их экономики, но и результатом недостатков общественно-политической системы. Стремление к экономической замкнутости, продиктованное желанием избежать экономического и политического влияния (что было утопично и неосуществимо в условиях взаимосвязанного и взаимозависимого мира и развития средств связи второй половины XX в.) и поддерживаемое США и их союзниками путем целенаправленной политики (напомним в этой связи деятельность КОКОМ, которая хотя и не могла полностью перекрыть доступ новейших западных технологий в СССР, но сделала этот доступ замедленным и крайне дорогим), закрытость общества, жесткий полицейский контроль над научным и культурным обменом социалистических стран со странами Запада, культ государственной тайны, затрудняющий широкий и свободный обмен научной информацией даже в границах одной страны — все это способствовало тому, что СССР и его союзники с опозданием начали использовать новейшие достижения мирового научного и технического развития. В немалой степени на научное и техническое

[36] Некоторые исследователи считают, что «с середины 70-х гг. отношения с развивающимися странами вступили в критическую фазу, внешними проявлениями чего стали провал советской модели развития, в том числе в "третьем мире", неэффективность советской экономической помощи...» (*Жуков С., Резникова О.* Развивающиеся страны и постсоветская Россия // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 65. См. также: *Резникова О. Б., Рыбаков В. В.* Наследие и уроки политики СССР в «третьем мире». М., 1993. С. 21–29).

[37] См.: *Новопашин Ю. С.* Указ. соч. // Кентавр. 1995. № 12. С. 7.

отставание этих стран оказал влияние культурный кругозор и интеллектуальный уровень их руководителей, для которых было порою трудно уяснить подлинное значение и последствия для экономики страны и ее социального развития новейших достижений в таких, например, отраслях науки, как генная инженерия или ЭВМ. Но от решения руководителей в условиях жесткого централизованного планирования часто зависела судьба направлений и школ в научных исследованиях. Один из примеров тому — существование в советской биологической науке «лысенковщины», продержавшейся при личной поддержке Н. С. Хрущева до середины 60-х гг.

Руководство СССР после смерти Сталина, тем не менее, осознавало постоянно растущее технико-экономическое отставание СССР от передовых стран мира. Свидетельство тому — попытки реформ в 50-е, 60-е и 70-е гг., имевших своей целью повысить эффективность советской экономики путем улучшения форм и методов ее управления и внедрения в нее новейших достижений мировой и отечественной науки и техники.

В ходе перестройки руководство СССР, попытавшись применить традиционные для него методы повышения эффективности экономики («стратегия ускорения»), пришло к выводу о том, что выход на мировой технико-экономический уровень невозможен без ее интеграции в мировую экономику, что требовало, в свою очередь, не только радикального изменения форм хозяйствования, но и изменения всей государственно-политической системы СССР. Перестройка была невозможна без демилитаризации экономики и общественно-политической жизни, без избавления страны от бремени гигантских военных расходов, идущих на поддержание глобального противостояния с США и их союзниками. СССР ликвидировал свои военные базы на чужих территориях, вывел войска из Восточной Европы и Монголии, резко сократил военные расходы. Это, естественно, привело к ослаблению геополитических позиций СССР в мире. Политика нового мышления, которую провозгласило и попыталось реализовать советское руководство в 1987–1991 гг., была попыткой сохранить с учетом новых политических реалий СССР как великую мировую державу. Это было возможно лишь при глобальной перестройке всей системы международных отношений, при которой всем государствам должны были быть обеспечены безопасность и свободное экономическое и политическое развитие, чего, как известно, не произошло.

Все вышеприведенные факты, отражающие международное положение и внешнеполитический курс СССР в годы «холодной войны», были подробно проанализированы в конце 80-х — начале 90-х гг. в рабо-

тах отечественных и зарубежных исследователей, где они рассматривались в качестве причин, породивших глубокий и всесторонний кризис советского общества[38]. Внимание аналитиков было обращено к ним в связи с обсуждением концепций перестройки, которая и была задумана как средство преодоления этого кризиса. Никто из советских и зарубежных исследователей не связывал анализ причин кризиса с вопросом о возможности распада СССР. Однако после 1991 г. причины кризиса советского общества в конце 80-х гг., включая и те, что были порождены глобальными процессами периода «холодной войны», стали рассматриваться многими исследователями в качестве факторов, определивших распад СССР. Можно сказать, что в данном случае возобладал подход «после этого, следовательно вследствие этого». Его сторонники как бы исходят из того, что кризис советского общества конца 80-х гг. был непреодолим и, следовательно, с неизбежностью вел к распаду СССР. Однако правомерно будет предположить, что глобальные процессы не вели с фатальной неизбежностью к распаду СССР. Учитывая тот факт, что Советский Союз сумел после потрясений и огромных людских и материальных потерь в первой половине XX в. не только выдержать более чем 40-летнее противостояние с крупнейшими высокоразвитыми странами капиталистического мира, но и добиться ощутимых ее населением и признаваемых во всем мире успехов в социальном, культурном и научном развитии, невозможно допустить, что его распад в ходе перестройки был «неизбежен». История знает немало примеров, когда многонациональные государства, значительно менее развитые, преодолевали кризисы и сохраняли свою государственную целостность. Можно напомнить в этой связи, что в 1918–1921 гг. Россия сумела преодолеть в худших условиях значительно более глубокий кризис и выйти из него, благодаря воле правящей партии и ее руководителей. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением М. С. Горбачева, что «Союз можно было сохранить».

Что касается бремени вооружений, которое несла советская экономика, то убедительным представляется мнение российского специалиста по международным отношениям А. Арбатова о том, что «СССР не потерпел поражения в холодной войне и не рухнул под тяжестью гонки вооружений... Гонка вооружений сама по себе не была ни фактором,

---

[38] См.: *Brzezinski Z.* Op. cit. P. 33–50, 259–296; Армия и общество М., 1990; СССР в мировом сообществе: от старого мышления к новому. (Глобальные проблемы. Региональные аспекты внешней политики. Экономическая взаимозависимость). М., 1990; Погружение в трясину. (Анатомия застоя). М., 1991.

прямо подрывавшим советскую экономику, ни причиной распада империи»[39]. Косвенным подтверждением правомерности точки зрения российского исследователя на соотношение гонки вооружений и распада СССР служат воспоминания Д. Буша, бывшего в начале 90-х гг. президентом США, и его советника по национальной безопасности Б. Скаукрофта. Первый называет распад СССР «везением», а второй признается, что в декабре 1991 г. «произошло то, о чем я никогда не мог предположить, что это произойдет при моей жизни»[40].

Ни США, ни НАТО, ни «стратегическая оборонная инициатива» Рейгана, считает А. Арбатов, не могли оказать столь разрушительного воздействия на СССР. Учитывая цикл советских военных программ (научные исследования, разработка, производство и развертывание), ответ на СОИ потребовал бы максимальных затрат не ранее, чем во второй половине 90-х гг. Впрочем, если верить неоднократным утверждениям М. С. Горбачева, ответ СССР на американский вызов не потребовал бы столь разрушительных для советской экономики затрат[41]. Добавим к этому, что большинство оборонных программ, осуществлявшихся в СССР в 1986–1991 гг., были задуманы для реализации еще в 70-е гг., и нет никаких доказательств того, что политика нового мышления, будь она поддержана ведущими странами мира и реализована, не позволила бы значительно удешевить эти программы, сделать их более эффективными и обратить освободившиеся средства на гражданские нужды.

Политика нового мышления, ее цели и методы хорошо известны и нет необходимости подробно останавливаться на них. Отметим только, что новое мышление не было, строго говоря, «новым». Некоторые его положения были высказаны в Манифесте Б. Рассела и А. Эйнштейна в 1955 г. Известные ученые, обращаясь к правительствам и народам стран мира, писали: «Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для

---

[39] *Арбатов А.* Национальная идея и национальная безопасность // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5. С.12, 13.

[40] *Косырев Д.* «Боже, как нам повезло...»: Джордж Буш и Брент Скаукрофт вспоминают о конце СССР // Независимая газета. 1998. 19 декабря. С. 15.

[41] *Арбатов А.* Указ. соч. // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5. С.13. Сходные положения ранее убедительно аргументировал А.Уткин (*Уткин А.* Почему исчез Советский Союз. Еще одна попытка ответить на вопрос, кажущийся многим банальным // Независимая газета. 1997. 31 декабря). См. также: *Докучаев А.* Ракетный залп по «челноку». Если бы понадобилось, наше противоспутниковое оружие могло поразить «Шаттл» // Общая газета. 1998. 3–9 декабря. С. 15.

достижения военной победы тем лагерем, к которому мы принадлежим, ибо такие шаги более неосуществимы. Мы должны задать себе следующий вопрос: какие шаги мы должны предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников»[42]. Премьер-министр Швеции У. Пальме в начале 1980-х гг. выступил с программой всеобщего разоружения под красноречивым названием «Безопасность для всех»[43]. По мнению некоторых исследователей, много точек соприкосновения основные идеи политики нового мышления имеют с доктриной «нового мирового порядка», выдвинутой США в конце 1980-х гг., а также с резолюцией 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1989 г.), провозгласившей создание глобальной системы мира и безопасности и сотрудничества на новых основах (Документ Генеральной Ассамблеи ООН №44/21)[44].

Руководство СССР, проводя политику нового мышления, стремилось к тому, чтобы ослабить международную напряженность, прекратить военное противостояние, затормозить гонку вооружений и тем самым «остановить «адский поезд», мчащийся к ядерной пропасти»[45]. Одновременно оно заявило на весь мир о том, что отныне весь экономический и военный потенциал СССР, весь его авторитет на мировой арене оно направит на создание нового мирового порядка, который бы учитывал глобальные изменения, происшедшие после второй мировой войны, и устранил угрозу уничтожения человечества в случае термоядерной войны. Встреченная вначале с подозрением и настороженностью, вполне объяснимыми опытом «холодной войны», внешняя политика СССР, основанная на «новом мышлении», вскоре получила

---

[42] ***Эйнштейн А.*** Собрание научных трудов: В 4 т. М., 1967. Т. 4. С. 323. Манифест стал доступен широкой общественности СССР после опубликования его в журнале «Вопросы истории» (1990. № 1. С. 107–109).

[43] См.: Безопасность для всех. Программа разоружения: Доклад Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности под председательством У. Пальме. М., 1982. Некоторые авторы считают, что «"новое мышление Горбачева", так поразившее в свое время Запад, – это "старое мышление" Пальме» (***Смирнов А.*** Швеция: десять лет без У. Пальме // Московские новости. 1996. 3–10 марта №9. С.12).

[44] См.: ***Косолапов Н.*** Внешняя политика России: проблемы становления и политикоформирующие факторы // Мировая экономика и международные отношения. 1993. №2. С. 9.

[45] Внешняя политика СССР и России 1985–1995 (К десятилетию перестройки). Материалы конференции 20 апреля 1995. М., 1995. С. 6

поддержку со стороны нейтральных и неприсоединившихся стран, а затем общественного мнения в ведущих капиталистических странах, правительствам которых потребовалось несколько лет для осознания того, что «новое мышление» — не очередная пропагандистская акция советского руководства, а новый внешнеполитический курс, который оно намерено осуществлять последовательно и неуклонно. Советская внешняя политика в 1987–1991 гг. была подлинным дипломатическим наступлением, носившим глобальный характер, и менее всего была похожа на поведение страны, проигравшей «холодную войну». Однако это наступление не достигло поставленных руководством СССР целей. Перестройка всей системы международных отношений на основе нового мышления не состоялась. Одной из главных причин этого был распад СССР.

Спустя восемь с лишним лет после распада СССР в российской и зарубежной литературе все еще нет научного исследования, в котором бы объяснялись причины распада СССР. Преобладают эмоциональные оценки типа «потрясающий развал Советского Союза», «неожиданный распад великой Российской Империи» и т.п.[46]

Большинство авторов согласны в том, что с развитием и углублением реформ в конце 80-х гг. партийное руководство все больше утрачивало контроль над обществом. Многочисленные воспоминания бывших лидеров СССР дают картину их растерянности перед лицом процессов, которые они сами инициировали[47]. Складывается впечатление, что за бюрократическими интригами на разных уровнях партийного аппарата и государственной администрации они не всегда могли разглядеть глубину и необратимость общественных процессов. Это вело к дальнейшему ослаблению центральной союзной власти. В мае–июне 1989 г. состоялся 1-й Съезд народных депутатов СССР, на котором с невиданной за все годы существования советской власти откровенностью и остротой обсуждались проблемы общественного развития. На этом же съезде прибалтийские республики — Литва, Латвия и Эстония — заявили о своем намерении выйти из СССР. Их руководство стало последовательно проводить линию на государственную независимость. В начале 1990 г. руководители Литвы прямо заявили М. С. Горбачеву о своем нежелании ос-

---

[46] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С.118.

[47] В книге «Союз можно было сохранить» (М., 1993) собраны документы, призванные показать, что выбранный М. С. Горбачевым план реформирования СССР был осуществим и не был реализован из-за противодействия руководителей некоторых союзных республик, в первую очередь Б. Н. Ельцина.

таваться в СССР. Несмотря на постоянное давление Москвы, не останавливавшейся иногда, как это было в столице Литвы в январе 1991 г., перед применением вооруженного насилия, руководству СССР не удалось подавить стремление прибалтийских республик к национальной независимости. В 1990 г. прошли выборы в республиканские и местные Советы. В результате их во многих Верховных Советах республик и ряде крупнейших городов депутаты демократической ориентации составили сильные фракции или оказались в большинстве. Возникла новая политическая ситуация: к республикам постепенно стала перемещаться реальная власть. Фактически это знаменовало начало распада СССР.

Все эти процессы происходили на фоне демократических преобразований в странах Восточной Европы, результатом которых было падение в них в 1989–1990 гг. коммунистических режимов. Представляется однако, что было бы преувеличением утверждать, что эти преобразования оказали существенное влияние на усиление дезинтеграционных процессов в СССР. Можно предполагать, что они повлияли на общий политический климат в СССР, народы которого связывали свои надежды на улучшение материальной, политической и духовной жизни с перестройкой и вызываемыми ею изменениями. С другой стороны, «не может быть сомнений, что широкое освободительное движение [в странах Восточной Европы] не развернулось бы с такой силой и такой глубиной, если бы импульс к переменам не исходил из Москвы»[48].

Международные последствия распада СССР рассматриваются российскими и зарубежными исследователями преимущественно в геополитическом и экономическом аспектах. Большинство из них пытаются оценить эти последствия в глобальных масштабах. При этом одни авторы считают, что «крушение СССР является геополитической катастрофой, которая выходит за рамки понятия «системы международных отношений» и может быть оценена лишь на уровне истории взаимодействия цивилизаций»[49]. Другие же оценивают распад СССР как «конец системы международных отношений, основу и стержень которой образовывали итоги второй мировой войны, а также идеологическое и военно-политическое противоборство двух систем, и прежде всего их государств-лидеров: СССР и США»[50]. После распада СССР наблюдается

---

[48] ***Верт Н.*** История Советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 463.

[49] ***Нарочницкая Н.*** Национальные интересы России // Международная жизнь. 1992. №3–4. С. 114.

[50] ***Косолапов Н.*** Внешняя политика России: проблемы становления и политикоформирующие факторы // Мировая экономика и международные отношения. 1993. №2. С. 8.

«возвращение к многополюсному миру и менее крупных держав»[51]. Происходит перестройка глобальной системы международных отношений, что порождает нестабильность в отдельных районах мира.

Эта перестройка затронула в первую очередь систему безопасности в Европе. Парадоксальным образом годы «холодной войны» были для нее наиболее длительным периодом стабильности и экономического процветания за последние несколько веков. Ликвидация организации Варшавского Договора и распад СССР нарушили сорокалетнее устойчивое равновесие. Возник очаг войны в Югославии, возобновились споры между некоторыми странами Восточной и Центральной Европы по территориальным вопросам (между Венгрией и Румынией, Словакией и Венгрией, Чехией и Германией, Молдавией и Приднестровской республикой). Этим, вероятно, объясняется появление ностальгической ноты в оценках «холодной войны», которые содержатся в работах некоторых западных аналитиков. По их мнению, поляризация в Европе в годы «холодной войны» «внесла целостность и стабильность в западно-европейскую политику, которых она доселе была лишена», и «далеко не все годы стабильного антагонизма были плохими и — уж совсем точно — это был не худший период в историческом контексте. Жесткость идеологического противоборства и система союзов создали замечательно стабильный политический фон для растущей интеграции Запада и сильный импульс для экономического роста»[52]. По мнению российского исследователя, система двух военно-политических блоков «за 40 лет доказала, что она наиболее стабильна в центральном ее направлении», т. е. в Европе[53].

Районом нестабильности и локальных вооруженных конфликтов стала территория бывшего СССР. Его распад вызвал ликвидацию единого правового пространства, что сделало невозможным «разрешение конфликтов... в рамках общесоюзной конституционной процедуры под защитой общесоюзной и потому нейтральной армии»[54]. Независимые государства, возникшие на его месте, до сих пор не нашли эффективной формы экономического и политического сотрудниче-

---

[51] *Гартхофер Р.Л.* Почему возникла «холодная война» и почему она закончилась // Международная жизнь. 1992. № 3–4. С. 131.

[52] *Фридмен Л.* Силовой потенциал и вакуум безопасности в Европе // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 2. С. 26–27.

[53] *Косолапов Н.* Указ. соч. С. 9.

[54] *Нарочницкая Н.* Национальные интересы России // Международная жизнь. 1992. № 3–4. С. 18.

ства. Содружество Независимых Государств (СНГ) существует, но «нет оснований полагать, что его дальнейшая дезинтеграция остановится». Причина этого «в различном понимании его учредителями сути содружества»[55].

Распад СССР и возникновение на его территории независимых государств существенно усложнили «противоречия мирового интеграционного процесса, обусловив увеличение числа «горячих точек», расширение международных потоков миграции, усложнение борьбы с терроризмом, наркобизнесом и всеми видами контрабанды»[56].

Нестабильностью в европейском и азиатском регионах пользуются США, страны Западной Европы и Япония для распространения своего экономического и политического влияния, а нередко и прямого военного присутствия в районах, которые ранее были сферой влияния СССР или находились под его непосредственным контролем. Планы распространения НАТО на восток, вмешательство НАТО в конфликты на территории бывшей Югославии, экономическая активность западных инвесторов в бывшей советской Средней Азии и бассейне Каспийского моря, американское военное присутствие в Украине, на Черном море, в странах Балтии — все это лишь некоторые из последствий нового соотношения сил в Европе и мире, сложившегося после распада СССР.В последние годы все отчетливее проявляется внешнеполитическая «стратегия мирового преобладания» США, основанная на «господстве Америки» как единственной в мире супердержавы и «его геостратегических императивах»[57]. В числе последних американские политики называют «управление последствиями распада советской империи»[58]. В этой связи ими обсуждается вопрос о том, «какая Россия нужна Америке»[59]. Бывшие республики СССР, ставшие независимыми государствами, мучительно ищут свое место в современном, быстро меняющемся мире. В России этот вопрос является предметом острых политических и научных дискуссий.

---

[55] Россия в новом мире // Международная жизнь. 1992. № 5. С.12.

[56] *Кузнецов В.* Что такое переходность? // Мировая экономика и международная политика. 1995. № 12. С.15.

[57] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. С.11–41; Уткин А. «Новой» стратегии США уже 60 лет // Независимая газета. НГ-сценарии. 1998. № 12. С. 4.

[58] *Олбрайт М.* Задача США – управлять последствиями распада советской империи // Независимая газета. 1998. 16 октября. С. 8.

[59] *Тэлботт С.* Какая Россия нужна Америке. (Политике Вашингтона в отношении Москвы требуется «запас стратегического терпения») // Независимая газета. 1997. 11 декабря. С.6.

Нынешняя Россия находится в границах, которые были у нее в 1653 г. до объединения с Украиной. Россия как бы отодвинута в северную и северо-восточную часть Евразии. Резко выросла ее изоляция от Европы, с которой у СССР были тесные экономические и политические связи. Теперь Россия отделена от Европы двойным поясом — бывших республик СССР и бывших союзных государств Восточной Европы, стремящихся интегрироваться в западно-европейское экономическое и политическое пространство. Сузился выход России к незамерзающим западным морским портам. Она оказалась в стороне от главных мировых коммуникаций. Наиболее открытым для нее является доступ к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), который в XXI в., согласно современным прогнозам, будет самой динамичной — с точки зрения экономического роста — частью мира. Однако районы России, которые примыкают к АТР, являются наименее развитыми. Быстрое социально-экономическое и промышленное развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока крайне затруднительно из-за их отдаленности и низкой плотности населения и требует огромных капиталовложений.

Попытки радикальных реформ подорвали экономику России и разрушили основы безопасности страны. После распада СССР Россия унаследовала 76% территории и 60% экономического потенциала и населения и 60% советского ВНП, который составлял 50–60% ВНП США. С 1992 г. национальный доход России уменьшился на 50% и в настоящее время находится на уровне 8–9% американского национального дохода. Общий ВНП России составляет около 600 млрд дол. Россия в 1997 г. занимала 17 место в мире, отстав не только от «большой семерки», но и от таких стран, как Индия, Бразилия, Индонезия, Мексика, Южная Корея. Федеральный бюджет на 1997 г. составил около 93 млрд дол.[60]

В стремительно развивающемся мире на рубеже тысячелетий экономический потенциал в решающей степени определяет место и роль той или иной страны в мировом сообществе. Учитывая глубину российского социально-экономического кризиса, трудно не согласиться с вы-

---

[60] *Арбатов А.* Национальная идея и национальная безопасность // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5. С. 13. По оценке В. Дашичева, с 1992 по 1997 г. ВВП России сократился наполовину (50%) и составляет ныне 10% американского. Промышленная продукция сократилась на 55%, капиталовложения — на 50–60%. Произошло резкое падение жизненного уровня населения (на 60%) (*Дашичев В.* История разрушения основ национальной безопасности страны. Радикальные реформы демократов страшнее большевистской коллективизации // Независимая газета. НГ-сценарии. 1998. Июнь (№ 6). С. 6).

водом, что «Российская Федерация в XXI в. не будет играть какой-либо существенной роли» в мировых делах[61].

Перед лицом таких реалий некоторые исследователи пытаются решить проблему самоидентификации России в категориях «великая», «малая», «средняя» и т. п. Одни считают, что Россия «перестала быть глобальной державой»[62]. Вторые — что она — «Великая держава»[63]. Третьи высказывают мнение, что после развала СССР она превратилась «в среднюю по размеру державу. Осталась, естественно, огромная территория и ядерный потенциал. Но численность населения и особенно размеры валового национального продукта (ВНП) ставят нас в другую категорию держав»[64].

Поиски «самоидентификации» идут также и в русле традиционного для отечественной историографии и философии положения о «русской исключительности»[65]. Подобные споры «сильно напоминают дискуссии почти вековой давности или по крайней мере идеи мыслителей времен начала холодной войны»[66].

Большинство исследователей полагают, что главная задача, стоящая ныне перед руководством России, «сформулировать оптимальную внешнеполитическую стратегию». Ее целью должно стать создание «благоприятных внешних условий для ее постепенного перехода из пе-

---

[61] ***Арбатов А.*** Выбор без выбора. Российская Федерация в XXI веке не будет играть какой-либо существенной роли // Независимая газета. НГ-сценарии. 1998. № 4. С.6.

[62] ***Плешаков К. В.*** Миссия России. Третья эпоха // Международная жизнь. 1993. № 1. С. 25.

[63] ***Позднякова Э. А.*** Россия — великая держава // Международная жизнь. 1993. № 1. С. 12.

[64] ***Караганов С. А.*** Национальные интересы России // Международная жизнь. 1992. № 7. С. 135.

[65] Ее сторонники утверждают без каких либо аргументов научного характера, что «Россия предпочитает собственный путь» (название статьи Б.Мартынова — Международная жизнь. 1994. № 5. С. 60–65), «Россия – не Европа, не Азия и не Евразия. Россия — это Россия», одновременно утверждая, что «Россия — Великая держава», «обреченная быть сильной» (***Позднякова Э. А.*** Россия — великая держава // Международная жизнь. 1993. № 1. С. 15, 12; ***Мартынов Б.*** Указ. соч. С. 64). Дж. Сурманидзе утверждает, что Россия «по своему культурному масштабу равновелика Европе в целом и является уникальной цивилизацией», что она «самоценный мир и может гордиться этим» (***Сурманидзе Дж.*** Надежды России. Соединенные Штаты Евразии // Международная жизнь. 1992. № 7. С. 113–114).

[66] Стратегия России в XXI веке: анализ ситуации и некоторые предложения (Стратегия–3). Тезисы Совета по внешней и оборонной политике // Независимая газета. 1998. 18 июня. С. 8.

риферии в центр мирового развития, что предполагает приоритетное развитие взаимодействия и сотрудничества с ведущими государствами мира, прежде всего США, Европейским Союзом и Японией, а в перспективе — вхождение в «семерку» наиболее развитых стран. Другим основополагающим интересом России является сохранение ее роли как европейской нации»[67]. По мнению некоторых авторов, приоритетным направлением внешней политики современной России должна быть не только Европа, но и Азиатско-Тихоокеанский регион[68]. Некоторые аналитики полагают, что «геополитической формулой XXI века» будет «единство и борьба Америки и Евразии», что позволит России играть роль «связующего звена Евразии и мира»[69].

Другие исследователи считают, что в условиях крайне медленного включения России в мировые интеграционные процессы она должна направить основные усилия на организацию тесного экономического и политического сотрудничества с бывшими республиками СССР. При этом подчеркивается, что республики, не сумевшие интегрироваться в мировые экономические связи, заинтересованы в сотрудничестве с Россией больше, чем сама Россия[70].

Сама Россия стремится включиться в мировые экономические связи. Попытка интегрироваться в европейское, а через него в мировое экономическое сообщество пока не состоялась и в ближайшее время вряд ли состоится. Это объясняется как слабым участием СССР в международном разделении труда, когда он выступал преимущественно

---

[67] ***Загорский А. В., Злобин А. А., Солодовник С. В., Хрусталев М. А.*** Россия в новом мире // Международная жизнь. 1992. № 5. С. 13. Возражая сторонникам концепции «особой роли России как культурного и экономического моста между Европой и Азией», авторы подчеркивают, что ее возрождение «было бы глубокой иллюзией».

[68] «Только ярко выраженная роль России как сильной азиатской и тихоокеанской державы придает ей силу в европейских делах. И наоборот, сохранение фундаментальных европейских реалий с помощью сильной традиционной европейской политики позволит сохранить престиж в отношениях с главными и перспективными пограничными партнерами в Азии – Китаем, Японией, Кореей и Монголией» (***Нарочницкая Н.*** Россия — это не Восток и не Запад. Она нужна миру именно как Россия и должна остаться ею // Международная жизнь. 1993. № 9. С. 48).

[69] ***Батурин Ю., Доброчеев О.*** Россия — связующее звено Евразии и мира. Тенденции естественного развития геополитики в XXI веке // Независимая газета. НГ-сценарии. 1998. № 4.С. 5.

[70] См.: ***Загорский А.*** Россия — СНГ и Запад // Международная жизнь. 1994. № 10. С. 80–81.

в роли поставщика энергоносителей, так и нынешним состоянием России, которая «в обозримом будущем останется непредсказуемой страной»[71].

Стать «предсказуемой» страной Россия может, лишь сосредоточив свои усилия на решении внутренних проблем. Укрепление правового государства, успешное осуществление экономической реформы, углубление экономической и политической интеграции с бывшими республиками СССР, разработка концепции национальных интересов и национальной безопасности с четко обозначенными внешнеполитическими ориентирами должны обеспечить ей преодоление социально-экономического и политического кризиса и прогресс во всех сферах общественной жизни. Тогда появится шанс на то, что Россия не останется в стороне от мировых интеграционных процессов[72].

Необходимо, хотя бы кратко, остановиться на распаде СССР в контексте глобальных культурных и идеологических процессов. Марксизм в его различных национальных интерпретациях в XX в. был базовой составляющей социалистической идеологии и общественной практики во многих странах мира. Распад СССР был оценен большинством консервативных политиков и обществоведов Запада как «смерть» марксистской теории и ее практического применения в экономической и социальной сферах, а в более широком плане как наиболее убедительное доказательство банкротства социалистической идеологии и практики. Такая точка зрения стала официальной и во всех государствах — бывших республиках СССР. Таким образом, мир в очередной раз стал свидетелем «похорон» марксизма, которые, как известно, уже имели место в сравнительно недалеком прошлом. Думается, настоящие похороны также преждевременны. В большинстве европейских стран, где марксизм стал неотъемлемой частью интеллектуальной жизни общества, нет никаких признаков, что он «похоронен»[73]. На начало 1999 г. сложилась ситу-

---

[71] ***Кортерье П.*** Россия должна выгодно продать свое «да» // Новое Время. 1995. № 30. С. 23–25.

[72] Стратегия России в XXI веке: анализ ситуации и некоторые предложения (Стратегия–3) (Тезисы Совета по внешней и оборонной политике) // Независимая газета. 1998. 18 июня. С. 8; 19 июня. С. 8.

[73] Французская газета «Фигаро» в номерах с 22 января по 11 февраля 1996 г. опубликовала серию статей под общим названием «Большое расследование по поводу возвращения коммунистов на Востоке и на Западе», в которых признавалось, что коммунистические партии играют активную политическую роль в странах Восточной и Западной Европы, а марксизм по-прежнему вызывает интерес у европейских интеллектуалов (***Mandeville L.*** Russie: la nouvelle maree rouge // Le

ация, когда в большинстве европейских стран у власти находятся социалистические правительства. Отметим также то, что модернизация многих стран Европы, Азии и Латинской Америки проходила под социалистическими лозунгами. Для народов этих стран достижения в социальном, культурном и научном прогрессе неразрывно связаны с социалистической идеологией. Отказ от нее означал бы для них «возвращение», «откат» в «третий мир», к традиционным, чаще всего архаическим, формам экономической и социальной жизни, чего они вряд ли хотят. В России после официально провозглашенного разрыва с социалистической идеологией в духовной жизни общества образовался вакуум, который руководство страны пытается заполнить насаждением клерикальной идеологии (православия и других конфессий). Поощряется возрождение архаических форм социальной, экономической и политической жизни (сельские сходы, казачество, казачий круг). В российской печати публикуются призывы развернуть «широкую дискуссию о монархическом строе» и обсуждается вопрос о восстановлении его в России[74]. Оживились и широко пропагандируются самые реакционные идеологии (расизм, нацизм, различные религиозные секты, оккультизм и т. д.). Происходит «вестернизация» духовной и интеллектуальной жизни общества, ведется массированная пропаганда «западного образа жизни», широко распространяется низкопробная продукция западной массовой культуры. Понизился художественный уровень национальной литературы и искусства, на что обращают внимание не только отечественные, но и зарубежные деятели культуры и обозреватели[75]. В этом отношении пример современной России в высшей степени поучителен, особенно для стран, переживающих процесс реформирования экономики и общественно-политического строя.

Figaro. 1996. 22 janvier. P. 2; ***Abboneau J.*** Les inoxydables du marxisme-leninisme // Le Figaro. 1996. samedi 10 – dimanche 11 fevrier. P. 2).

[74] ***Сахаров А.*** Династия Романовых как исторический феномен // Независимая газета. 1997. 31 декабря. С.14–15; ***Краснов М.*** Конституционная монархия спасет демократию. (Необходима широкая дискуссия о монархическом строе в России) // Там же. НГ-сценарии. 1998. № 8. С. 6; ***Журавлев А.*** Россия обречена возвратить царя. (Любое современное государство является монархией) // Там же. С. 7.

[75] Оценивая современные российские телепрограммы и кинофильмы, известный французский обозреватель Ж.-М. Шовье на страницах влиятельного журнала «Монд дипломатик» пишет: «Хорошо видно, до какой степени конец СССР повлек за собой не только крах режима, но и поражение культуры России, ее гуманистических идеалов» (Monde Diplomatique. 1994. Fevrier. P. 5).

На исходе XX в. складывается и в значительной мере уже сложился новый — и противоречивый — мир. С одной стороны, возникли новые центры экономического развития, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанском регионе, произошла достаточно четкая дифференциация стран «третьего мира», лидирующая группа которых вступила в постиндустриальную стадию. Эти процессы происходят на фоне глобализации общественной жизни и интернационализации политических и экономических элит, подъема третьей волны научно-технической революции, образования планетарного информационно-коммуникационного поля, растущей унификации образа жизни тех слоев и групп, которые обычно относят к среднему классу[76]. С другой стороны, противоречия, которые представлялись второстепенными на фоне противостояния двух военно-политических блоков и постоянной угрозы ракетно-ядерной войны, вышли на передний план и обнаружили всю глубину и остроту. В их числе можно назвать проблемы «север»—«юг», исламский мир и Запад, страны индустриальные с грязными технологиями и страны с наукоемкими производствами, основанными на «чистой технологии», продовольственная ситуация в мире, особенно в странах «третьего мира», глобальные экологические проблемы. От того, как будут разрешены эти противоречия — на основе применения силы и экономического и политического диктата или же при их решении будут учтены интересы всех стран, — зависит судьба мира в XXI в.

[76] *Жуков С., Резникова О.* Развивающиеся страны и постсоветская Россия // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 66.

В. И. Котов

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Будет ли существовать Россия как государство? Вопрос этот не ясен. Казалось бы, что, освободившись от необходимости в новых условиях оказывать неэквивалентную поддержку называемым ныне «странам ближнего зарубежья», Россия получила хорошие возможности для ускоренного развития экономики, но результат-то оказался прямо противоположным. Межнациональные противоречия не только не прекратились, но вспыхнули с еще большей силой. Наличие острейшего кризиса российской государственности не желают признавать только, пожалуй, в Кремле. Ведутся какие-то непонятные переговоры, заключаются на межгосударственном уровне договоры между центральным правительством и субъектами федеративного государства. Уже несколько лет открытый вооруженный мятеж идет в Чечне, который упорно старались представить некоторые политические деятели как некие шалости современных «робин гудов». Права человека провозглашаются высшей ценностью, а человеческая жизнь стала стоить гораздо меньше, чем хотя бы даже десять лет назад. Не проходит и дня, чтобы средства массовой информации не упоминали о том, какое это счастье — жить в свободном и демократическом государстве, а счастливых лиц уже практически не видно. Подобная ситуация порождает порой какое-то иррациональное, кафкианское ощущение действительности, когда реальность и фантасмагория настолько тесно переплетены друг с другом, что отличить их едва ли возможно.

Едва ли не все социологические опросы населения показывают, что его громадное большинство крайне негативно относится к разрушению СССР как единого государства. Причем этот факт нельзя отнести только к ностальгии коммунистов по старым добрым временам — очень многие из опрошенных не придерживаются коммунистической направленности. Просто явные невыгоды от ликвидации СССР перевешивают даже кажущиеся плюсы. Но...

Распад СССР поставил перед современными исследователями ряд вопросов, на которые в настоящее время нет однозначных ответов. И первый из них заключается в возможности длительного самостоятельного существования его бывших составных частей, в том числе и Российской Федерации. Согласно одной из точек зрения, дезинтеграционные процессы, сопутствовавшие исчезновению Советского Союза, перешли в его бывшие союзные республики и несут в себе опасность нового распада.

Полярная позиция заключается в полном признании нежизнеспособности СССР, но в то же время в отсутствии возможностей распада России и других государств. Как бы промежуточным является подход, которого придерживался бывший Министр Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям В. А. Михайлов. Он признает, что в конце 1980-х гг. «в России начались процессы суверенизации, резко усилившиеся после распада СССР. Лишь с огромным трудом федеральному центру и национальным элитам на местах удалось остановить опасное развитие сепаратизма в бывших автономных республиках и областях»[1]. Но, вероятно, В. А. Михайлов считает эти процессы завершенными с подписанием Федеративного договора, поскольку далее он замечает, что «в результате этих усилий субъектами Российской Федерации был подписан Федеративный договор о разграничении полномочий и предметов ведения, сыгравший в тот сложный период большую роль»[2].

Однако думается, что слабым местом этой позиции является его представление о национальных элитах как консолидирующем факторе межнациональных проблем, так как исторический опыт показывает, что по самой своей сути национальные элиты выступают катализатором сепаратизма, и если идут на какие-то соглашения, то только в качестве временной меры, никоим образом не отказываясь от идеи полной национальной самостоятельности. Ссылки на соответствие этой идеи праву наций на самоопределение малосостоятельны, так как похоже, что происходящий в России процесс — не столько национальное самоопределение, сколько этническая эйфория, упоение собственной атрибутикой и символикой, собственной государственностью.

Затягиваясь, эйфория самостоятельности в ряде национально-государственных образований Российской Федерации перерастает в этническое правление — этнократию с идеалом этнически чистого общества. Классический пример этому — Чечня. При этом национальная идея подменяется этнической. Этнический режим неизбежно вынужден нарушать права инонациональных меньшинств. Между этнической идеей и этнократической властью возникает своеобразная взаимосвязь, при которой одно поддерживает другое и наоборот. Хочешь быть у власти — будь этнопатриотом. В свою очередь этническая идея требует этнической среды, в которой проявляется этническое превосходство. Причем все это происходит в условиях неопределенности многих границ

---

[1] Национальные окраины Российской Империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 3.

[2] Там же.

между бывшими республиками Союза, вопрос о которых где раньше, где позже неизбежно встанет во весь рост, если процесс дезинтеграции будет углубляться. Представляется, что после СССР этот процесс уже захватывает и Российскую Федерацию.

Тем не менее распад СССР стал реальностью, а перспективы дальнейшего развития его отдельных частей — туманными. Существует точка зрения, поддерживаемая нынешним официозом, согласно которой Беловежские соглашения лишь оформили протекавший естественным образом процесс, только поставив точку в его логическом завершении. По данной логике, именно существование СССР мешало свободному развитию проживавших в нем народов, а его ликвидация лишь показала утопичность заложенной в нем конструкции. Тем более, что подобные процессы затронули другие восточноевропейские государства — СФРЮ и ЧССР. Иными словами — Союз все равно был нежизнеспособен. Серьезное обвинение. Так ли это? Для ответа на этот вопрос необходимо возвратиться хотя бы к краткому анализу некоторых аспектов его существования, рассмотреть, пусть даже в самом общем виде, некоторые стороны различных этапов его формирования и развития.

Вернувшись в Россию после Февраля 1917 г., В. И. Ленин выступает с призывом немедленного осуществления отделения от России всех наций и народностей. Означало ли это стремление к разрушению российской государственности? Да, если понимать под этим старую государственную систему, в том числе и в национальном вопросе, которая была явно неприемлема для стремившихся к власти революционеров. Нет, если постараться вникнуть во внутреннюю логику их теоретических воззрений, поскольку новая государственная власть была им необходима для защиты и развития завоеваний революции. Национальный вопрос был для них не главным. Они подходили к этой проблеме, выясняя, «*каковы конкретные* особенности национального вопроса и национальных движений *данной* страны в *данную* эпоху?»[3]. Он был лишь одним из средств слома старого мира, который, с их точки зрения, надо было валить любыми путями. Главным же был вопрос о власти. Нет надобности приписывать им анархистские идеи. Необходимость же наличия подконтрольных им государственных институтов они прекрасно понимали. «Пролетарская партия, — разъяснял вождь революции, — стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключи-

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 265.

тельно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций»[4].

Вот за это упоминание о «сближении и слиянии» В. И. Ленин подвергся ожесточенной критике российских «государственников» всех времен и направлений. Не помогли также его ссылки ни на то, что возможность полного устранения национального гнета может «...превратиться в *действительность* «только» — «только»! — при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения»[5], ни на то, что «...мы за *свободное, добровольное* сближение и слияние, а не насильственное. Только поэтому!»[6].

Обвинения в использовании большевиками России в качестве материала для раздувания мирового пожара сыпались и продолжают сыпаться. Насколько же они серьезны?

Не вдаваясь в излишне детальный анализ этого вопроса, представляется, что все же многие политические и государственные деятели большевистской партии были гораздо ближе по своим теоретическим взглядам к Л. Д. Троцкому и Н. И. Бухарину, т.е. к «левому» и «правому» коммунизму[7], чем это позднее пытались показать в разных научных и популярных изданиях. Показательно, что, отметив в известных «Последних письмах» «небольшевизм» Троцкого, резко выступая против ряда его идей, особенно в дооктябрьский период, Ленин, тем не менее, признавал его талантливость и не мог помешать последнему много лет занимать важнейшие государственные посты. Влияние же Троцкого и Бухарина на рядовую партийную массу, а также молодежь было порой не меньшим, а иногда даже большим, чем Ленина. Так, «верный ленинец» Н. И. Бухарин на VIII съезде РКП(б) предлагал заменить понятие «самоопределение наций» «самоопределением трудящихся», и большинством съезда это положение было закреплено в партийной программе, отмены которого В. И. Ленин с большим трудом добился на VIII Всероссийской конференции РКП(б)[8]. Именно в этой среде получила распространение идея о необходимости осуществления мировой революции и создания на ее основе всемирной республики советов. Поэтому возникшие на территории бывшей империи образования действительно рассматрива-

---

[4] Там же. Т. 31. С. 167.

[5] Там же. Т. 30. С. 22.

[6] Там же. С. 120.

[7] См.: *Валентинов Н. В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 82–158.

[8] *Ненароков А. П.* Регионализм — федерализм — сепаратизм. Исторический опыт России // Межнациональные отношения в России и СНГ. С. 141.

лись лишь как исходный материал для формирования этой республики и не считались с этой точки зрения какими-либо законченными и долгосрочными системами. Мировая же революция, которую в эйфории после октябрьской победы многие на самом деле ждали со дня на день, должна была естественным образом смести не только классовые, но и национальные различия, сделав «граждан из Веймара» гражданами всего мира. Представляется, что А. П. Ненароков был не так уж не прав, полагая, что большевизм как политическое течение изжил себя после 1923 г.[9]

Взгляды В. И. Ленина были гораздо менее радикальными. Он прекрасно понимал, что возникшее новое государство чрезвычайно слабо, требует укрепления всех своих звеньев и для достижения этой цели необходимо идти на ряд компромиссов, используя для этого и национальный вопрос. Он настоял, например, на предоставлении независимости Финляндии, учитывая традиционное наличие там сильных антироссийских настроений и не видя возможности удержать ее в составе нового государства. Что же касается пресловутого «сближения и слияния», то, по-видимому, он рассматривал возможность этого явления лишь теоретически и в каком-то весьма отдаленном будущем. Не случайно он не занимался детальной разработкой изучения этого процесса, да и само это понятие лишь в единичных случаях употребляется в его литературном наследии. Тем более, что в «Детской болезни "левизны" в коммунизме» имеется следующее высказывание: «Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами, а эти различия будут держаться еще долго и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе — единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения основных принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло к национальным и национально-государственным различиям»[10].

Требования же момента заставляли идти на уступки национальным движениям. Большевики прекрасно это поняли. Основные принципы новой национальной политики Советского государства нашли отражение в «Декларации прав народов России», где и были провозглашены равенство и суверенитет народов России, а также право народов на самоопр-

[9] Там же. С. 142.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 77.

ределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Они были также повторены в «Декларации трудящегося и эксплуатируемого народа» и в первой конституции РСФСР (июль 1918 г.), включив в себя также отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, а также принцип свободного развития национальных меньшинств, национальных и этнических групп[11].

Можно, конечно, сказать, что от декларации до реального воплощения в жизнь ее принципов — дистанция огромного размера. Но удачное решение советским правительством на том этапе национального вопроса было одной из немаловажных причин победы большевиков в гражданской войне. Показательно, что ни одно белогвардейское правительство принципиально не могло пойти на принятие хоть чего-нибудь подобного, поскольку все они выступали с патриотических, но не находивших в то время на национальных окраинах ответа позиций сохранения «единой и неделимой» России. Все же попытки создания на территориях, не подконтрольных советской власти, каких-либо автономных образований или оказывались мертворожденными (Урало-Волжские штаты), или жесточайшим образом пресекались белогвардейскими властными структурами (знаменитое «кубанское действо» против кубанских федералистов). В то же время, при первых же намеках на межнациональный конфликт в Татаро-Башкирской АССР, советское правительство приняло решение предоставить татарам и башкирам самостоятельную национальную государственность. Такие действия не могли, конечно, не вызвать ответной положительной реакции.

Тем не менее гражданская война еще рассматривалась многими сторонниками советской власти лишь как переходный этап мирового революционного процесса. Они действительно стремились «землю в Гренаде крестьянам отдать» и явно надеялись на интернациональную помощь зарубежных трудящихся. Не случайно многие авантюрные действия советского командования на польском фронте имели причиной убежденность в слабости противника, поскольку предполагалось, что польский пролетарий с винтовкой не будет стрелять в своих российских братьев по классу. Практика показала обратное.

Однако после того как схлынул первый вал революционного романтизма, а неудачная война с Польшей показала, что европейский пролетариат не спешит оказать российскому помощь в деле победы мировой революции, среди правящих кругов становилась все более популярной идея создания нового государства на базе бывшей Российской

[11] См.: Образование Союза Советских Социалистических Республик: Сб. документов. М., 1972. С. 130.

Империи. Не так уж парадоксально выглядит известный факт поддержки советской власти во время советско-польской войны лицами, которые ранее ее явно не принимали. Пленные и перебежавшие белые офицеры охотно направлялись по мобилизации на польский фронт при минимальном проценте дезертирства. С их точки зрения, это была война за восстановление российского государства. Конечно, для большинства членов правящей партии это государство мыслилось в полном соответствии с принципом пролетарского интернационализма как форпост трудящихся всех стран для борьбы с мировым капитализмом, как возможность передышки, перегруппировки сил перед решающим броском к конечной победе, но нельзя не признать, что это уже было определенной сменой позиций. Правда, утвердилась эта идея далеко не сразу. Например, еще многие положения программы и устава Коммунистического Интернационала, принятые на VI конгрессе Коминтерна (17 авг. — 1 сент. 1928 г.), позволяют утверждать, что граждане СССР рассматривались в то время не столько гражданами государства, сколько самим мировым социалистическим согражданством (его частью, ядром). СССР изображался государством, в котором «мировой пролетариат впервые действительно обретает свое отечество» и, совместно с другой его частью, остающейся за пределами Союза, под руководством «единой мировой коммунистической партии» борется «за установление мировой диктатуры пролетариата, за создание Всемирного Союза Советских Социалистических Республик». Считалось, что «в случае нападения империалистических государств на СССР и войны против него международный пролетариат должен ответить самыми смелыми и решительными массовыми выступлениями и борьбой за свержение империалистических правительств под лозунгом диктатуры пролетариата и союза с СССР». Мощный революционный взрыв в таком случае «должен похоронить капитализм в ряде так называемых цивилизованных стран» и сделать гигантский шаг «в сторону окончательной мировой победы социализма»[12]. Последующие события показали, что эти положения не были подтверждены реальными действиями, но отказ от них затянулся на долгие годы и происходил весьма болезненно.

Сложность стоявшей перед большевиками задачи заключалась в том, что в многонациональной стране идея единого государства вступала в противоречие с широко пропагандировавшимся ими же правом наций на самоопределение. Тем более, что в полном соответствии с этим правом на территории России был образован ряд самостоятельных (по крайней мере формально) национальных государств.

---

[12] Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 34–36, 46.

Для чего это делалось? Ведь казалось бы, что этим решением уже тогда закладывалась бомба, посредством которой и был взорван впоследствии Советский Союз. Пускай считалось, что в новых условиях сепаратистские тенденции народов объективно лишены корней, что такое национально-государственное устройство многонациональной страны, основанное на равноправии всех народов и народностей, способствовало централизации экономической и политической жизни государства, что «...централизм не только не исключает местного самоуправления с *автономией* областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п., а напротив, необходимо требует и *того и другого*»[13]. Но предоставляя отдельным территориям государства суверенные права и возможность выхода из него, любое правительство обязано считаться с тем, что в изменившейся ситуации эти права могут быть реализованы совершенно законным путем и тогда государство просто прекратит свое существование.

В этой связи нужно отметить эволюцию взглядов В. И. Ленина, который в дооктябрьский период выступал за унитарную форму государственного устройства России, считая неприемлемой федерацию. В дальнейшем его точка зрения изменилась, хотя допустимость расчленения страны на отдельные государства он продолжал отвергать.

Будучи сторонником крупных государств, В. И. Ленин отмечал, что их «выгоды с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны...»[14]. «Мы хотим, — писал он, — как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций»[15]. При образовании Союза ССР Ленин выдвинул идею создания федеративного многонационального государства, основанного на союзе равноправных республик. «Мы признаем себя, — писал он, — равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз»[16]. Им специально отмечалось, что это необходимо для того, «чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных

---

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 144.

[14] Там же. Т. 27. С. 255.

[15] Там же. Т. 34. С. 379.

[16] Там же. Т. 45. С. 211.

республик»[17]. Национальные противоречия, с его точки зрения, должны были отступить перед классовым единством. Он определял сущность советской федерации как «последовательный переход к сознательному и более тесному единству трудящихся, научившихся подниматься выше национальной розни...»[18].

Может показаться странным повторение, казалось бы, давно известных вещей, но практика показывает, что всего за несколько лет господства в стране воинствующих антикоммунистических идей действительная теория коммунизма, в том числе и в национальном вопросе, была настолько хорошо и намеренно забыта, что даже ее фрагментарное изложение в большинстве выходивших в последнее время изданий является весьма далеким от истины.

Нетрудно заметить, что пресловутое «право наций на самоопределение» понималось В. И. Лениным не только, да и не столько как право на непременное отделение, что совершенно несправедливо инкриминировали ему впоследствии, а как право народов самостоятельно решать свою судьбу. Напротив, Ленин неоднократно подчеркивал, что большевики не являются сторонниками отделения и признают его по сути только теоретически, как признается в цивилизованных странах право на развод супругов, но сам развод никоим образом не поощряется. Таким образом, по мнению Ленина, среди народов, имеющих общую идеологию, экономические и политические цели, причины для отделения какого-либо из них практически отсутствуют, но лишение этого права в законодательном порядке означает переход к антидемократическим методам ведения национально-государственной политики, чего идейные марксисты позволить себе не имеют права. К тому же, «право на самоопределение» означает еще и право народов на присоединение к какому-либо государству, в составе которого народы имеют больше возможностей для сохранения своей национальной самобытности и лучшего развития. Отказывать же народам в таком присоединении значило бы перейти на позиции национальной замкнутости и ограниченности. Теоретически против таких доводов трудно что-либо возразить. Но что же произошло на практике?

Таким образом, попытка большевиков после их прихода к власти добиться решения национальных проблем страны на основе осуществления мировой революции и полного слома государственных границ успеха не имела, и они были вынуждены перейти к созданию нового государства в рамках прежней Российской империи за исключением получивших независимость Польши и Финляндии, образовавшихся рес-

[17] Там же. С. 212.

[18] Там же. Т. 36. С. 73.

публик Прибалтики и некоторых других территорий. За основу формирования был взят федеративный принцип, но субъектами федерации стали не области, а национальные государства, имевшие свои конституции, государственный аппарат, органы управления и т. п., которые к тому же имели формальное право выхода (правда, только союзные республики) из Союза. Несомненно, что это было сделано в качестве уступки «независимцам» с целью предотвращения сепаратистских движений. Большевистская (коммунистическая) партия, став после жестоких лет гражданской войны и подавления оппозиционных ей других социалистических партий единственной политической силой общества, рассчитывала держать под контролем местные национальные движения, что достаточно длительное время ей и удавалось.

Что же касается новейших спекуляций о насилии при формировании государственности в советский период, то им можно противопоставить справедливое суждение известного западного историка Э. Карра. «Достоинство большевистской национальной политики, — писал он, — заключается, видимо, не в том, что ее можно было осуществлять без применения силы — это было явно невозможно, хотя она, пожалуй, способствовала установлению порядка в России при меньшем применении непосредственного насилия, чем того требовал любой другой вариант; при этом соответственно требовался больший элемент добровольности, чем при проведении любой другой политики. В пользу большевистской национальной политики говорило то обстоятельство, что буржуазная теория самоопределения наций к 1919 г. зашла в тупик, из которого не было выхода; что при капиталистическом строе, в той его форме, какую он принял с разделением труда между передовыми индустриальными народами и отсталыми или колониальными народами, подлинное равенство между нациями стало недостижимым и что идея воссоединения при социалистическом строе действительно, а не только формально равных наций была смелой творческой попыткой вырваться из тупика» [19].

Показательно, что Э. Карр совершенно спокойно и даже благожелательно относится к насилию как к методу сохранения государства. Он имеет на это полное право, поскольку высказывания ряда президентов едва ли не наиболее классической федерации западного мира — США просто пестрят подобными положениями. Еще в 1833 г. президент Э. Джексон прямо заявлял, что: «Право населения отдельных штатов по освобождению себя по собственному желанию от торжественных обязательств... не может быть признано». Когда в 1850 г. возникли территориальные споры между штатами Техас и Нью-Мексико, то президент М. Филмор

[19] *Карр* Э. История Советской России. Большевистская революция 1917–1923. М., 1990. Т. 1–2, кн. 1. С. 300.

отреагировал на это совершенно недвусмысленно: «Если в Штате или Территории законы не исполняют или препятствуют их исполнению комбинации сил, слишком мощные, чтобы применить к ним юридическую или гражданскую власть, то долгом президента является... применить военные и военно-морские силы США... с целью подавить такие комбинации». В 1860 г. в преддверии гражданской войны между Севером и Югом президент Д. Бьюкенен предостерегал, что в случае реализации сепаратистских тенденций, проявлявшихся в ряде штатов, США «могут быть разбиты на куски в течение нескольких недель, в то время как нашим отцам их создание стоило многих лет труда, лишений и крови». И, наконец, в своей речи при вступлении в должность президента А. Линкольн поставил в этом вопросе жирную точку: «Ни один штат по собственной воле не может на законных основаниях выйти из Союза...»[20].

Но является ли современная Россия федерацией в классическом понимании этого термина? На первый взгляд — несомненно, так как в ее государственном устройстве внешне присутствуют все атрибуты федерализма. Правда, русский народ, на долю которого приходится почти пять шестых населения страны, представлен в ней не государственным образованием, а пятью десятками областей и краев, способных выражать и защищать в лучшем случае интересы своего населения, но никак не всего народа. Но думается, что главное все же не в этом. Дело в том, что пока нет оснований говорить об ослаблении сепаратизма в Российской Федерации или заметном улучшении межнациональных отношений, несмотря на ежедневные заверения об обратном официальных лиц и средств массовой информации. Вооруженная борьба между Северной Осетией и Ингушетией, образование Конфедерации народов Северного Кавказа, усиление антирусских настроений в некоторых национальных регионах и наконец — позорная и безрезультатная война в Чечне — все это скорее свидетельствует об обратном. Национальный вопрос вновь выдвинулся на одно из первых мест.

Кроме того, в последнее время появилась масса публикаций, в которых постулируется, что СССР по сути был унитарным государством, имея лишь внешние и далеко не полные атрибуты федерализма. Идея эта не нова. Профессор Руанского университета П. Желар, давая оценку Конституции СССР 1977 г., еще двадцать лет назад заявлял, что в ней «прежде всего бросается в глаза совершенное отсутствие определения компетенций союзных республик»[21]. Ему вторил английский профессор А. Ноув,

---

[20] Great Presidential Decision. Richardson, Steirman & Black, Inc. New York, 1988. P. 292–314.

[21] *Gelard P.* La Constitution D'Octobre // Problemes politiques et sociaux. P., 1977. № 326. P. 35.

утверждая, что в СССР «официальные права народов носят в основном фиктивный характер»[22]. С другой стороны, Г. Ходнетт в статье «Дискуссия по поводу советского федерализма» писал, что советский федерализм предполагает, что представителям местных национальностей открыт более легкий доступ к рычагам власти, чем это было бы при другой организации[23]. Как можно заметить, его точка зрения в какой-то степени перекликается с позицией Э.Карра. Поэтому для определения сущности современного российского государственного устройства необходимо вернуться к анализу некоторых основополагающих понятий.

Сам термин «федерация» произошел от латинского «fedus», что означает «договор» и «союз», а также «порядок» и «закон». В позднелатинском языке под «foederatio» понималось также «объединение». В современном понятии федерацией считается такая форма государственного устройства, при которой входящие в состав государства федеральные единицы — члены федерации (например, земли, штаты, в бывшем СССР — союзные республики) имеют собственные конституции, законодательные, исполнительные, судебные органы и т. п. Наряду с этим образуются единые союзные — федеральные органы государственной власти, устанавливается единое гражданство, денежная единица и т. д. Федерации основаны, как правило, на прочной экономической и политической интеграции без права «выхода» из объединения. Самостоятельность субъектов союзного государства гарантируется во всем, что не опасно для его единства. Именно по такому принципу формировалось большинство ныне существующих федеративных государств — США, Швейцария, Канада, Германия, Индия и т.д.

Исходя из подобного подхода, следует признать, что СССР был федеративным государством почти классического типа, поскольку структура его государственных институтов и основополагающие принципы в основном соответствовали федеративному устройству. Некоторый элемент «конфедеративности» вносило «право выхода» республик из Союза, но, как уже говорилось, его практическая реализация выглядела тогда малореальной.

Главное противоречие в проводившейся национальной политике заключалось, по-видимому, в том, что, предоставив народам России право на национальное самоопределение, большевистское правительство по сути пошло по пути «самоопределения территорий» и создания национально-государственных образований в виде союзных и автономных рес-

---

[22] *Nove A.* The Soviet Economic System. London, 1977. P. 69.

[23] *Hodnett J.* The Debate over Soviet Federalism // Soviet Studies. Glasgow, 1967. № 4. P. 459–460.

публик. Строго говоря, «самоопределение народов» не тождественно понятию «самоопределения территорий», но при желании между ними очень легко поставить знак равенства, поскольку очень немногие народы мира могли существовать длительное время без конкретного ареала расселения. Придание же этому ареалу государственного статуса как бы юридически закрепляло преимущественное право «титульного» народа на эту территорию, ставя остальные народы в положение национальных меньшинств. Из всех современных федераций, пожалуй, только СССР, ЧССР и СФРЮ были образованы по национальному принципу.

Определенные основания для такого решения были. Россия была многонациональной страной. X съезд РКП(б) констатировал, что из 140 млн населения страны около 65 млн составляли невеликороссы; из этих 65 млн около 30 млн человек (по преимуществу тюркское население) не успели пройти стадию капиталистического развития. Перед только что образовавшимся Союзом Советских республик стояло много проблем, важнейшей из которых являлась значительная диспропорция между ними по состоянию экономического уровня. Подчеркивалось, что задача состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию[24]. На XII съезде партии еще раз было отмечено: «Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии использовать полностью права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне»[25]. Согласно национальной политике Советского государства, требовалась помощь народов (в первую очередь русского), имеющих значительные отряды рабочего класса, для основания в национальных республиках очагов промышленности, где были бы представлены группы местных пролетариев, которые могли бы служить связующим звеном между русскими пролетариями и трудящимися массами этих республик.

Подобные решения послужили причиной массового перемещения разнонационального населения на территории Средней Азии, Закавказья, Дальнего Востока и других регионов страны для создания промышленной и сельскохозяйственной базы народного хозяйства. Это

[24] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 365–370.

[25] Там же. Т. 3. С. 83.

переселение уже тогда в значительной степени изменило национальный состав ряда союзных республик.

Понятно, что в этих условиях практически все союзные республики СССР по сути не могли, да и не собирались использовать свое право выхода из федерации. Слишком слаба была еще их экономика, интеграционные связи с другими территориями бывшей Российской империи несмотря на мировую и гражданскую войны были достаточно налажены. Так что у республик не было серьезных оснований для того, чтобы ради обретения мнимой «самостоятельности» бросаться в неизвестность.

Помощь центра национальным республикам была оказана. Но к чему это привело? Данные показывают, что ставившаяся в 20-е годы перед партийными и государственными органами задача создать на окраинах России национальный рабочий класс все же, по крайней мере к концу 30-х гг., не была выполнена — большинство местного населения предпочитало все же вести традиционно сельский образ жизни. В то же время, требование центральных органов «коренизации» местного управленческого аппарата выполнялось весьма успешно — примерно половину управленческих работников составляли представители местного населения, хотя квалификация этого контингента оставляла желать много лучшего[26]. Не отсюда ли берет свое начало знаменитый местный бюрократизм, бурная деятельность которого так хорошо видна в наши дни?

С другой стороны, наличие антирусских (будем говорить прямо) настроений среди части населения национальных регионов было вызвано массовым переселением значительной части русских на эти территории, начиная с 20-х гг. Эти настроения тихо тлели за десятилетия советского периода, оживились с началом «перестройки» и достигли своего апогея во время недавнего вооруженного конфликта в Чечне. Известно, что еще в 20-е гг. ряд газет Северного Кавказа прямо призывал к поголовному выселению русских, и этот вопрос неоднократно рассматривался на съездах горских народов. Казачьи станицы и крестьянские хутора нередко подвергались нападениям горцев, а их земли перераспределялись в пользу последних. Это вызывало ответные действия. Основа конфликта закладывалась.

Здесь надо сказать, что упреки ряда российских ученых и политических деятелей патриотического направления по адресу местных националистов в неблагодарности по отношению к России, благодаря которой здесь была создана развитая инфраструктура и был поднят жизненный уровень населения, справедливы по существу, но выглядят психологи-

---

[26] См.: *Котов В.* Северный Кавказ в 30–40-е годы. Проблемы этнодемографического развития // Россия. XXI. 1996. № 1–2. С. 71–72.

чески наивно, поскольку не встречают ответного понимания. Контраргументация националистов достаточно стандартна — развитие промышленности региона проводилось исключительно в интересах самой России (возможны варианты: центра, командно-административной системы, коммунистического тоталитарного государства, советской империи и т. п.), и именно для этого сюда были направлены значительные массы русского населения, которые в первую очередь и пользовались результатами своей деятельности. Местным же народам эти преобразования все равно мало что дали, зато сопровождались разрушением традиционных систем хозяйства, уклада, быта и, в конечном счете, самих этносов, что наиболее ярко проявилось в насильственной депортации народов с мест их постоянного проживания. Ссылки же на то, что русское население в ходе подобных преобразований понесло не меньшие, если не большие потери, не принимаются во внимание по принципу «большой народ должен уметь все вынести, на то он и большой». Здесь совершенно прозрачно прослеживается, с одной стороны, намек на киплинговскую неизбежность тяжелой доли «бремени белого человека», а с другой — на естественное оправдание эгоистически-иждивенческой позиции цивилизуемых, всегда готовых воспользоваться плодами созданной цивилизации, развитие которой, по их же собственному утверждению, происходило помимо их воли, при слабом их участии и не в их интересах. Последнее положение представляет, кстати, пример типичного политического лукавства, поскольку, несмотря на широковещательные призывы к возрождению национальных традиций, возвращаться к патриархальным методам ведения экономики на основе этих традиций руководство бывших республик СССР не собирается.

Таким образом, СССР был уникальным государственным образованием, внутреннее устройство которого не было направлено ни на укрепление позиций какой-либо одной «имперской» нации (отсутствие «Русской республики»), ни на постнациональное состояние общества, т. е. на формирование нации как сограждан ства (именно так формировалась американская нация). Правда, в последние десятилетия своего существования в СССР была выдвинута идея формирования советского народа как новой исторической общности, но теоретически разработана она была слабо, а порой откровенное начетничество выхолостило из нее даже все имевшиеся в ней рациональные и интересные элементы.

Из этого можно сделать вывод, что основной слабостью национальной политики советского периода стало проявляющееся со временем противоречие между идеей реального равноправия всех народов, проживающих на территории страны, и идеей доминанты «титульной» нации в национальных государствах внутри СССР.

Надо признать, что формирование национальной государственности происходило весьма противоречиво и нередко без признаков какого-либо системного подхода, в зависимости от конкретно сложившейся ситуации. Представляется, что можно согласиться с В. И. Козловым, который считает, что «при проведении административных границ национальных республик и областей национальная принадлежность населения, как это сейчас ни покажется странным, далеко не всегда имела основное значение. Так, автономия для башкир сначала была создана в виде этнически сравнительно однородной «Малой Башкирии», а затем — в более широких границах, с присоединением ряда районов, большинство жителей которых составляли русские (в том числе город Уфа, где башкир почти не было). Показательно и создание казахской (киргизской) автономии в составе Российской Федерации; эта обширная... автономия на северо-западе включала населенные русскими земли Уральского казачьего войска, экономически тяготеющие к Поволжью и Уралу, а на юго-востоке — земли семиреченских казаков с поселком Верный (на базе его позже вырос город Алма-Ата), которые принадлежали сибирскому казачеству. Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР состоялся, кстати сказать, в Оренбурге (1920 г.), и если бы кто тогда из казахских делегатов заявил о суверенных правах казахов на всю территорию республики и об их законных преимуществах в ее границах перед русскими, то его в самом лучшем случае подняли бы на смех»[27].

Таких примеров можно привести очень много. Это порождало у ряда народов взаимные территориальные претензии, которые часто были взаимоисключающими, что создавало почву для межнациональных конфликтов.

Часто цитировавшаяся в литературе прежних лет ленинская фраза: «Мы дали *всем* нерусским национальностям *их собственные* республики или автономные области»[28] весьма далека от истины. Одним народам, часто весьма малочисленным, давалась национальная государственность, другим же, более многочисленным, — нет. Некоторые национально-государственные образования ликвидировались и больше не восстанавливались (Карело-Финская ССР, АО Немцев Поволжья). Порой весьма значительные территории передавались в состав других союзных республик (Крым) без учета мнения их населения.

Еще в 1982 г. с одной высокой трибуны привычно декларировалось, что многонациональность нашей страны — один из факторов ее

---

[27] *Козлов В. И.* Национальный вопрос: парадигмы, теория и политика // История СССР. 1990. № 1. С. 12.

[28] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 146.

могущества. Это действительно так, когда перед государством и населяющими его народами стоят общие цели и задачи, поддержанные подавляющим большинством населения. В противном же случае многонациональность оказывается слабостью государства и возникающие национальные движения представляют острейшую опасность для самого факта его существования. Это прекрасно понимал З. Бжезинский, еще в те годы заявлявший, что «...Величайшая слабость перестройки, ее ахиллесова пята — это проблема нерусских народов в составе Советского Союза»[29]. Сегодня можно добавить, что эта проблема захватила и Россию.

В первые годы «перестройки» это объясняли тем, что «функционированию этой системы и тем самым — реализации многообразных интересов народов, проживавших в нашей стране, огромный урон нанесли унитаризм, командно-административные методы руководства, которые ограничивали права республик и других национальных образований, вели к выхолащиванию реального содержания федерации, сдерживали прогресс всего нашего общества»[30].

Действительно, в ряде случаев эти явления были связаны с нечеткой работой многих звеньев политической системы общества, с попытками «перескочить» через межнациональные противоречия, которые при социалистическом строе объявлялись «пережитками прошлого». Отношения между национальными республиками и центральными органами управления стали приобретать характер бюрократического диктата со стороны последних.

В то же время надо признать, что прочность советской федерации оказалась тогда достаточно высокой. Это показало совместное участие наших народов в Великой Отечественной войне. Несмотря на существование у гитлеровцев четко разработанного плана действий по разобщению и привлечению к сотрудничеству народов СССР, в целом его все же выполнить не удалось, хотя некоторые национальные вооруженные формирования и действовали в оккупационных войсках[31].

Думается, что в многонациональной стране национально-государственные образования в виде союзных и автономных республик действительно выступали носителями государственного суверенитета лишь формально. Полный государственный суверенитет субъектов единого государства в реальности, видимо, невозможен и может быть принят только

---

[29] Советской империи грозит самораспад? // Родина. 1989. № 10. С. 82.

[30] Правда. 1989. 20 сентября.

[31] См.: *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1966. С. 123.

теоретически, поскольку при вступлении в федерацию любой ее субъект обязан передать часть своих суверенных прав федеральным органам власти. В противном случае федерация просто перестанет существовать, как, кстати, случилось и с СССР, СФРЮ и ЧССР. Что же касается автономных областей и округов, то их статус в плане реального выполнения функций государственной власти вообще представлялся весьма сомнительным. Ссылки же при этом на необходимость придерживаться права наций на самоопределение выглядят не всегда уместными, так как не вполне ясно, насколько оно может быть реализовано в полной мере в данной конкретной ситуации. Таким образом, неизбежно встает вопрос о соотношении национального и государственного суверенитетов.

Вообще-то, в англоязычных странах понятия «национальный» и «государственный» — почти синонимы, поскольку имеют общий эквивалент — «national». Так, «national defense» переводится и как «оборона страны», и как «национальная оборона»; «national security» — как «национальная безопасность» и как «государственная безопасность» и т.п. В русском же языке эти слова имеют разные смысловые оттенки, что порождает порой смещение понятий при их употреблении.

В юридическом аспекте национальный суверенитет означает возможность той или иной нации осуществлять свою волю. По существу, национальный суверенитет и находит свое выражение в праве наций на самоопределение во всех его различных аспектах.

Государственный суверенитет подразумевает независимость государства от всякой государственной власти вне его, а также всевластие над своей территорией, независимость от какой-либо власти внутри страны. В сложных государственных формах возникает проблема соотношения суверенитета государственного объединения и его членов. В зависимости от конкретного решения вопроса и получаются различные формы государственного устройства.

Но в СССР, как в СФРЮ, ЧССР и современной Российской Федерации, субъектами федерации выступали национально-государственные образования, и, как уже говорилось, право наций на самоопределение фактически реализовывалось как право территорий на самоопределение. В этих условиях всегда была опасность ситуации, когда «титульная» нация требовала закрепить за собой право на «свою» территорию, что в конце концов и случилось. В многонациональном государстве, когда четвертая часть населения проживала не на «своей» территории, это не могло не привести к межнациональным конфликтам.

Еще в период существования советского государства эта опасность была замечена зарубежными специалистами. Профессор социологии университета в штате Мэриленд (США) Т. Парминг писал, что рост

численности некоренных жителей может создать угрозу для национальной самобытности латышской, литовской, эстонской наций. По его словам, «этот прилив населения извне вызвал призрак русификации и привел к вспышке политического национализма»[32].

Именно это, кстати, имел в виду Х. Сетон-Уотсон, называя СССР «номинальной» федерацией и задавая риторический вопрос: «Почему бы номинально федеративному Советскому государству не стать настоящей федерацией?» И далее сам же на него отвечал: «На этом пункте разбиваются все попытки разумного подхода к русским. В русском представлении тотчас же наплывают кошмарные видения сепаратизма... и развала Советского Союза»[33].

Вывод напрашивается вполне определенный. Административно-территориальное деление современного многонационального государства по меньшей мере не обязательно должно абсолютно связываться с этносом. Как уже упоминалось, перед лидерами большевиков стояла задача практического строительства мирового социалистического государства. Конкретно при создании СССР были использованы существовавшие тогда проекты федераций — Соединенных Штатов Европы и Соединенных Штатов Мира. Специфика решения национального вопроса в России, обусловленная особенностями ее исторического развития, была в значительной мере подчинена этой теоретической конструкции. В тоже время в качестве своеобразной переходной ступени была принята на вооружение теория национального государства, государства-нации, которая берет свое начало от Великой французской революции и позднее отразилась в идеологии европейской социал-демократии.

Впрочем, по мнению Р. Пайпса, «процесс создания национальных государств, который в XV, XVII и XVIII вв. происходил в Западной Европе, а позднее — в Восточной Европе, в настоящее время переправляется в Россию»[34]. Отсюда следует логичный вывод, что процесс образования суверенных национальных государств, что неизбежно приводило к распаду СССР, носил характер объективной необходимости.

Думается, что такое утверждение все же излишне категорично. Современное развитие цивилизации показывает, что национальные меньшинства многих государств (баски, бретонцы и пр.) активно противо-

---

[32] ***Parming T.*** Population Processes and the Nationality Issue in the Soviet Baltic // Soviet Studies. Glasgow, 1980. № 3. P. 398.

[33] ***Seton-Watson H.*** Nationalismus, Nationen und die Politic des Western // Europaische Runschau. Wien, 1979. № 2. S. 29.

[34] Nationalities and Nationalism in the USSR: A Soviet Dilemma. Washington, 1977. P. 21.

действуют ассимиляции наций, давшей наименование государству, в пределах которого они проживают. При этом практика показывает, что в ряде случаев можно обеспечить условия для нормального развития этноса, не предоставляя ему национальной государственности (пример — положение финнов в Швеции). В то же время пример франкоязычного Квебека, в котором сторонники сепаратизма на прошедшем недавно референдуме не смогли набрать всего считанные проценты голосов, чтобы их мечта стала реальностью, показывает, какая опасность подстерегает государства, независимо от их общественного устройства, в случае, если в них появляется хоть намек на оживление национального федерализма (что, кстати, косвенно опровергает точку зрения Р. Пайпса, если он только не считает и Канаду территорией, находящейся в процессе становления национальных государств). Образование же автономий без увязки с каким-либо «титульным» этносом, как уже говорилось, практиковалось и в РСФСР (Горская, Крымская АССР), но не получило своего развития, хотя представляется, что подобная идея еще не исчерпала себя.

Исходя из изложенного выше, приходится констатировать, что современные отношения российского федерального центра и ряда автономных республик начинают выходить за рамки федеративных принципов (договор о разграничении полномочий) и все более приобретают черты договорной конфедерации, что еще более подчеркивается неравнозначностью юридических прав субъектов государства. Конфедерация же, как исторически известно, нестойкое образование. Со временем она либо распадается на полностью независимые территории, либо трансформируется в какую-то иную систему. Каковы же в таком случае перспективы российского федерализма?

Сегодня выход, возможно, заключается в попытке совмещения национального и территориального принципов. В истории национально-государственного строительства СССР они были реализованы в виде Горской АССР, Крымской АССР (она, кстати, никогда не была «чисто» национальной автономией, чтобы ни говорили по этому поводу активисты движения крымских татар), да и существовавшая некоторое время ЗСФСР по сути тоже была такого рода образованием.

Значит ли это, что при внутреннем делении государства следует вообще отказаться от национального принципа и вернуться к проектам «единой и неделимой России», которые активно пропагандируют ныне некоторые политические деятели? Никоим образом. Полный отказ от этого принципа, равно как и его бездумная абсолютизация чреваты весьма тяжелыми последствиями. Специфика исторического развития России такова, что какое-либо однозначное решение проблемы, особенно в со-

временных условиях, вряд ли возможно. Представляется, что сама идея федерализма далеко не исчерпала себя, хотя и проводилась часто бессистемно, а в конечном счете была заторможена и не получила достаточного и полного развития. Но и слепой возврат к старой модели едва ли можно считать оптимальным. Думается, что при проектах образования нового государства (если таковые, конечно, будут рассматриваться) следует максимально принять во внимание всю национальную территориальную, хозяйственную специфику страны и с учетом всех этих факторов создавать пусть сложную конструкцию, но непременно с расчетом на перспективу. Возможно, придется пойти на сочетание национальной и территориальной автономии, возможно использовать иные варианты. Главное — не загнать страну сразу же в жесткие рамки нежизнеспособной системы, пусть даже теоретически и идейно привлекательной, не стараться решить проблему раз и навсегда, а, чутко прислушиваясь к велениям времени, воссоздавать единство народов нашей страны, которое все же бесспорно имело место, несмотря на попытки многих представить ситуацию в ином свете.

Но это возможно лишь при одном условии — постановке перед многонациональным населением бывшего СССР (равно как и любого другого государства) ясной стратегической цели. В конце концов именно это может и должно объединить народы. Практика показывает, что построение «рыночной экономики» (попросту говоря, капитализма, да еще с диким лицом) такой объединительной целью служить не может. Социалистические идеи, умело «подставленные» их недавними «теоретиками» и практиками, опошлены и растоптаны (коммунизм открыто сравнивается с фашизмом). Так что только выработка и проведение в жизнь перспективной линии развития страны, основанной на грамотных теоретических положениях и показывающей конкретную, понятную большинству населения цель, и должна являться главной задачей всех тех, кто хочет воссоздания единого многонационального союзного государства.

Насколько возможно воплощение этих идей в жизнь в современных условиях, сказать трудно. Захватив «реальный суверенитет», местная национальная бюрократия вряд ли добровольно от него откажется, какими бы межнациональными конфликтами это ни угрожало. Вероятно, только общее улучшение экономических отношений в Российской Федерации сможет привести народы к экономической интеграции, которая повлечет за собой и политическую.

С. Ю. Пентелеев

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Нужна ли России государственная идеология? Пережив период тотального ее отрицания, пришедший на смену десятилетиям тотального ее господства, российское общество в поисках путей преодоления нынешнего идейного распада все чаще начинает поднимать вопрос о необходимости обретения новых мировоззренческих ориентиров, разработки новой идеологии, отвечающей задачам обустройства Российского государства.

Как отмечает философ В. В. Ильин, «цена идеологии и цена ошибки в идеологии грандиозны, в чем убеждает опыт отечественного послеоктябрьского устройства... Памятуя об этом, надо тем не менее не деидеологизировать жизнь (в силу интенциональности духовность не терпит пустоты... заполняясь низкопробным равнодушием, являющимся формой цинизма слабых духом), а делать ставку на мобилизующее дееспособное миропредставление, органически стыкуя слово с делом»[1].

С точки зрения политической науки, «государственная идеология — это отражение в сознании коренных потребностей оптимальной самореализации данного народа, организованного в государство путем создания для этого адекватных социальных и природных систем». При этом особо подчеркивается, что «любая государственная стратегия должна опираться на историческое и духовное наследие своего народа, с утратой которого политика превращается в политическую игру различных социальных сил»[2].

Быть может, нынешнее обращение к идеологии знаменует собой попытку обретения утраченных духовных ценностей — надежного лекарства от обрушившихся на нашу страну социальных и политических болезней? А в событиях, происходящих на наших глазах, возможно уловить очертания грядущего?

В данной статье делается попытка анализа основных идеологических доктрин, использовавшихся высшими кругами российской власти в 1992–1998 гг., исследуется динамика изменения отношения властвую-

---

[1] Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994. С. 219.

[2] *Ковалев А. М.* Государственная идеология. Что это такое? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 1. С. 8–9.

щей элиты к проблеме места идеологии в собственной политической практике, выявляется направление, к которому склонялся вектор идеологических поисков власти, отражающий, в свою очередь, изменение общественных настроений. Рассматриваемый период подразделяется на три этапа (1992–1993; 1994–1995; 1996–1998 гг.), которые отражают процесс изменения позиции официальных российских властей к проблеме обеспечения своей власти соответствующей идеологической базой.

В 90-е годы социалистическая идея подверглась ожесточенным нападкам со стороны представителей либерального направления общественно-политической жизни страны. Взятая демократической оппозицией на вооружение идеология либерализма воплотилась в лозунгах политической демократии, плюрализма, правового государства, гражданского общества.

Главным «коньком» российских либералов в идеологической сфере стал постулат, который заключался в представлении о благотворности свободных, не обремененных государственным контролем экономических отношений. Как отмечает В. Согрин, «если старая официальная идеология исповедовала своего рода политический детерминизм... то новая радикальная вера основывалась на экономическом детерминизме, по принципу «от противного» пытаясь доказать, что стоит устранить государство из естественного исторического процесса, как тут же заработают благодатные для общества рыночные механизмы, способные быстро расставить все по своим «естественным местам» и облагодетельствовать всех»[3].

Характерной чертой этой формирующейся идеологии стала внутренняя схожесть с той доктриной, которую она решительно отвергала. А именно: признание безальтернативности путей реформирования России. При коммунистах «единственно верным учением» выступал марксизм-ленинизм, при либералах — «западная демократия», «свободный рынок», «открытое общество».

В свое время еще В. О. Ключевский, рассуждая о проблемах реформирования Отечества, развенчивал утопическое представление о единственности модели «порядка человеческого общежития», отвергающее «все особенности, разделяющие людей: национальные, географические, религиозные. Вместе с тем он видел силу этой модели в создании «общественного мнения»[4].

---

[3] *Согрин В.* Политическая история современной России. М., 1994. С. 109–110.

[4] *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. Л., 1988. С. 201.

Именно благодаря этой сильной стороне лозунги радикального либерализма получили поддержку значительных масс населения, соединив в рядах антикоммунистической оппозиции, казалось бы, несоединимые силы: либералов, социал-демократов, демократически ориентированных коммунистов, часть националистов. С крахом Советского Союза этот блок распался как карточный домик, оставив в руках радикал-либералов бразды правления урезанного, но все еще огромного государства с тяжело-больной экономикой, массой социальных и национальных проблем.

Вступая в 1992 г., Россия начинала новый период своего развития, от которого люди ожидали улучшения своего положения, преодоления экономических неурядиц, наведения элементарного порядка в стране. Вера в демократические реформы еще жила в сознании народа, несмотря на катастрофические последствия предыдущего периода.

План экономических реформ был опубликован в конце октября 1991 г., но именно с началом 1992 г. новое российское правительство, в которое вошли, в основном, молодые, никому тогда не известные экономисты-рыночники Е. Гайдар, А. Шохин, А. Чубайс, П. Авен и другие, принялось за претворение экономического плана в жизнь.

Теоретические и идеологические постулаты российских реформаторов не отличались по сути от тех, которые использовались радикал-либералами в период борьбы за власть. Они продолжали оставаться сторонниками взгляда, согласно которому частная собственность и рынок быстро превратят Россию в общество «среднего класса», создадут общественную гармонию, упрочат политическую демократию и реформу.

Но, очевидно, что эти весьма расплывчатые положения, сыгравшие свою мобилизирующую роль в период борьбы за власть, в новых условиях — условиях глобальной реформы существующих экономических, социальных и политических отношений, со всеми вытекающими для народа последствиями, не смогут уже выполнять подобную роль по причине слишком большой оторванности, с одной стороны, от реальных житейских потребностей населения, с другой — от русской традиции идти на жертвы во имя какой-то высокой цели.

Вместе с тем очевидно также и то, что в условиях радикальной реформы, проводящейся в традиционно идеологизированном обществе, для обеспечения социальной стабильности необходима была определенная социально ориентированная идеологическая доктрина, объясняющая людям цели и задачи реформы, разъясняющая, во

имя чего гражданам страны придется запастись терпением на время неизбежного временного ухудшения материального благосостояния.

В реальности же команда реформаторов попросту проигнорировала проблему социальной работы с населением.

Весьма характерен ответ тогдашнего министра внешнеэкономических связей РФ П. Авена на вопрос корреспондента «Независимой газеты» о необходимости учитывать в реальной политике социальные ожидания и настроения народа: «Мы не собираемся этого делать. Это не к команде Гайдара!»[5].

На многочисленные вопросы о том, почему именно «шоковая терапия» была выбрана правительством в качестве модели экономических реформ, главный архитектор этих преобразований вице-премьер по экономической политике Е. Гайдар заявлял, что у России, в силу ее специфических условий конца 1991 г., просто не могло быть альтернативной модели реформ. О том же заявлял и Г. Бурбулис, ставший ключевой фигурой в правительстве, заняв пост госсекретаря РФ, первого заместителя председателя правительства России: «Имеется несколько способов излечения, но реальность исключает выбор. Принимаемые меры носят принудительный и неизбежный характер. Мы вынуждены их принимать, потому что все другое еще хуже»[6].

Кроме того, очень показательны взгляды членов «команды Гайдара» (как очень быстро стали называть правительство) на проблему специфических особенностей каждой страны и необходимости учитывать эти особенности в экономической политике. Например, П. Авен следующим образом реагировал на эту проблему: «Я что-то не понимаю, в чем разница. Для меня это осталось неясным, сколько я на эту тему ни думал... Есть иллюзия, что Россия это особая страна... Это неправда. Это — не-пра-вда. Нет особых стран. С точки зрения экономиста — если экономика наука со своими законами, — все страны в плане стабилизации одинаковы... Поэтому мы в минимальной степени экспериментаторы. Мы стабилизируем так, как стабилизировали поляки, как стабилизировали евреи в Израиле... как делалось в Аргентине»[7].

---

[5] *Пархоменко С.* «Все профессора экономики будут против вас». (Интервью с министром внешнеэкономических связей РФ Петром Авеном) // Независимая газета. 1992. 27 февраля. С. 5.

[6] На первый взгляд, мы приближаемся к пропасти. Правительство убеждено, что удаляемся // Российская газета. 1992. 11 января. С. 3.

[7] *Пархоменко С.* «Все профессора...». С. 5.

Вместе с тем, отрицая особенности России в плане экономических преобразований, члены кабинета усматривали их при обосновании необходимости сильной президентской власти, которая должна стать гарантом проведения радикальных реформ, жестко связывая в своих выступлениях эту власть с личностью Б. Ельцина: «Существует совершенно специфическая российская ментальность... Это своеобразное сочетание психологии, нравов, ожиданий... Она, эта ментальность, предполагает для нас принудительно только такой вариант. В нем был социальный и, можно сказать, исторический заказ. И великое достижение России, что ее первый президент оказался созвучен, соразмерен этой потребности. А эта сверхзадача попала в резонанс и с его чисто человеческим, жизненным стилем»[8].

Все эти высказывания ведущих деятелей правительства хотя и дают некоторое представление об их идейных установках, однако мало что проясняют в вопросе об их стратегических взглядах на проблему реформирования России, проблему реформы в истории нашей страны, в конце концов, — взглядах на те особенности «русского пути», которые, вероятно, можно игнорировать в частных случаях, но не учитывать в реальной стратегии реформ — попросту невозможно.

Ответы именно на эти вопросы мы находим в книге главного идеолога экономических реформ Е. Гайдара под названием «Государство и эволюция», сразу же вызывающим ассоциации с известным произведением В. И. Ленина. Эта работа была написана в августе-сентябре 1994 г., то есть спустя почти два года после проведения курса «гайдарономики», однако ключевые, мировоззренческие установки, представленные в книге, позволяют нам понять то, с какими мыслями и взглядами на объект реформирования — Россию приступала к работе «команда Гайдара».

Историю человеческой цивилизации Е. Гайдар рассматривает через традиционное противостояние «Восток — Запад», которое, по его словам, является «одной из главных дихотомий мировой истории». Согласно автору, восточная цивилизация, которую он оценивает на основе марксистского анализа «азиатского способа производства», вращается по замкнутому кругу и потому — принципиально нереформируема: «Само понятие реформ в несвропейской древности неразрывно связано с новым возрождением одряхлевшего в предыдущий период государства, но на старых основаниях»[9].

---

[8] *Он же*. Геннадий Бурбулис: политическое амплуа – «killer» // Независимая газета. 1992. 29 января. С. 2.

[9] *Гайдар Е. Т.* Сочинения: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 12-17.

В отличие от восточной деспотии, «национальные государства Запада вызревали из общества, а не надстраивались над ними, как гигантский котел». По мнению Е. Гайдара, «европейским западным обществам удалось найти самое эффективное в известной нам истории человечества решение главной задачи: оптимального соединения традиций и развития. На Востоке реализуется ригидность и жестокость системы, которая кроваво ломается и восстанавливается в прежнем виде. На Западе — рост на базе традиций, рост, снимающий противоречия, позволяющий суммировать и материальные и духовные итоги жизни предыдущих поколений»[10].

По словам Е. Гайдара, «противостояние «восточных» и «западных» обществ красной нитью проходит сквозь всю историю России». Встав на «восточный» путь в результате сверхусилий, связанных с ликвидацией татаро-монгольского ига, наша страна, согласно Е. Гайдару, в XVII в. осознала необходимость дать ответ на «европейский вызов». С тех пор в России идет борьба вокруг двух альтернатив развития: либо «свой путь» с использованием всей мощи русского государства и неизбежным насилием над обществом, либо «западный путь», означающий разрыв с государством восточного типа и взращивание на российской почве европейских институтов. Рассматривая «ленинский социализм» как явление, глубоко лежащее в русле русской традиции, Е. Гайдар ставил перед собой и своими соратниками задачу, которая заключалась в том, чтобы «большевистский цикл стал действительно последним в истории государства российского». Для этого, по его словам, необходимо «сменить свою социальную, экономическую, в конечном счете историческую ориентацию, стать республикой «западного» типа»[11].

Таким образом, отказ от русской исторической традиции, смена цивилизационной парадигмы развития, смена цивилизационного кода России, — вот единственный, по мнению лидера отечественных либералов, путь к выходу из современного кризиса.

В целом, характеризуя взгляды Е. Гайдара и его «команды», можно выделить следующие определяющие моменты. Это, во-первых, ярко выраженное объяснение практически всех цивилизационных процессов через экономические проблемы (экономизм); во-вторых, характерный для либералов антиэтатизм, принимающий особенную окраску по отношению к историческому русскому государству — полное отрицание последнего по причине его принципиального нереформирования, свя-

[10] Там же. С. 26–27.

[11] Там же. С. 41–166.

занного с принадлежностью к «азиатскому способу производства», государству «восточного типа»; в-третьих — ярко выраженный «европоцентризм», признающий именно западную цивилизацию наиболее эффективной, жизнеспособной и, в конечном счете, для России — безальтернативной.

Как отмечает политолог А. М. Ковалев, «нигилистическое отношение к единой государственной идеологии на практике зачастую ведет к подмене общих интересов групповыми, клановыми или, в лучшем случае, к сведению идеологии к политике, а иногда и политиканству»[12]. Пример либеральных реформаторов, отрицавших необходимость государственной идеологии и, одновременно с этим, в собственной политической практике отстаивавших принципы радикального либерализма, в очередной раз подтверждает данную точку зрения.

Реализованные на практике, эти принципы обернулись глубоким социальным, политическим и экономическим кризисом. Сменив в конце 1992 г. Е. Гайдара на посту главы российского правительства, В. Черномырдин, признав банкротство предшествовавшей политики, фактически не сумел предложить какой-либо альтернативы прежнему курсу.

1993 г. прошел под знаком противостояния законодательной и исполнительной власти, закончившегося октябрьской катастрофой. Трагические события конца сентября — начала октября стали во многом закономерным итогом политики, направленной на смену культурно-исторической парадигмы России и игнорирующей ее социальные, экономические и политические особенности.

Одним из последствий сентябрьско-октябрьского кризиса стало резкое изменение психологического климата в обществе. Тон этим изменениям задавала сама власть, вставшая на жестко авторитарный, силовой путь достижения политических целей. Эта тенденция отразилась и была закреплена в принятии новой Конституции, по которой большинство властных прерогатив передавалось от законодательной власти к президенту, в результате чего вся полнота реальной власти, фактически, оказывалась в руках главы государства. Среди особенностей новой Конституции необходимо отметить и внесенное в статью 13 положение, согласно которому «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»[13]. Парадокс заключается в том,

---

[12] *Ковалев А. М.* Указ. соч. С. 8.

[13] Конституция Российской Федерации. М., 1993.

что именно в это время в президентских кругах был поставлен вопрос о необходимости создания новой «государственной идеологии», о чем пойдет речь ниже.

Что же касается общественного настроения, то оно ярко проявилось в итогах состоявшихся в декабре 1993 г. выборов в Государственную Думу, в результате которых большинство мест в нижней палате парламента получила Либерально-демократическая партия России, лидер которой В. Жириновский во время предвыборной кампании, проявляя себя как политик «вождистского» типа, играя на унижении и оскорблении достоинства русской нации, спекулируя на великодержавных чувствах и используя в пропаганде экспансионистские и гегемонистские установки, сумел собрать большинство голосов недовольных правящим режимом, чья «партия власти», представленная «Выбором России» Е. Гайдара, получила одобрение менее 8% общего числа избирателей.

Четко выраженной тенденцией политического развития России после октябрьского кризиса стал откат к авторитаризму. С началом нового 1994 г., казалось, «новый курс» Б.Ельцина стал реальностью. В политическом плане он выражался в сосредоточении ключевых рычагов государственной власти исключительно в руках президента, что дало повод некоторым аналитикам говорить о формировании «режима личной власти» Б. Ельцина[14]. В экономическом отношении смена курса выразилась в наметившейся вначале тенденции свертывания монетаристской политики и возвращения государственного регулирования, что сразу же привело к демонстративному выходу Е. Гайдара из правительства. При этом бывший первый вице-премьер в статье с характерным названием «Новый курс», написанной сразу после демарша, резко заявил: «Реформы окончены. Забудьте»[15]. В идеологической области, несмотря на то, что новая Конституция однозначно заявляла о невозможности установления в России государственной или обязательной идеологии, «новый курс» выразился в выдвижении «новой государственной идеологии».

Инициатива ее разработки исходила из недр правительства и президентской администрации. Так, еще в конце 1993 г. В. Шумейко в одном из своих интервью приоткрыл правительственные планы создания новой идеологии. По его словам, «когда создавался Федеральный Информационный Центр, полагали, что он возьмет на себя аккумулирование идеологии для привнесения ее в массы». По мнению бывшего тогда мини-

---

[14] См.: *Пугачев Б. М.* Основные тенденции политического развития России. М., 1995. С. 29.

[15] *Гайдар Е. Т.* Соч. Т. 2. С. 726.

стром печати и информации В.Шумейко, «должно быть при главе государства информационно-аналитическое подразделение — очень серьезное, которое следит за идеологией, накапливает и решает, как ее привносить... В министерстве должны быть подразделения, которые будут решать эту задачу технически. Тогда нам удастся поставить на данном направлении специалиста, которому знаком этот вопрос»[16]. Очевидно, что под «техническими средствами» министр подразумевал СМИ, которые именно в это время были переподчинены непосредственно президенту.

В другом своем интервью В. Шумейко даже обозначил возможные контуры новой идеологии. По его словам, «в последнее время, в попытках найти общероссийскую универсальную ценность, единый подход к возрождению российской государственности, уже многие ученые, деятели искусства, просто думающие люди высказывают идею... о создании единой российской нации (по аналогии с американской), которая вберет в себя потомков всех народов, населяющих Российскую Федерацию. Наверное, идеология этой единой нации вберет в себя все духовные и культурные ценности и национальные традиции народов России, соединив их с гуманистическими и демократическими ценностями, накопленными Западом... Новая идеология должна появиться сама, органично произрасти из нашего российского бытия. На это уйдет немалое время (может быть десятилетия), а ждать нельзя ни минуты. Создавать новую российскую идеологию нужно сегодня...»[17].

Наряду с В. Шумейко в работу над конструированием «новой идеологии» включился тогдашний пресс-секретарь президента В. Костиков. В своих построениях он исходил из того, что «в условиях политического плюрализма, при всех его очевидных плюсах, нация оказывается условно разделенной», и это, по его словам, «способно ослабить общий созидательный потенциал нации». В таких условиях, подчеркивал В. Костиков, «задача дисциплинирования нации является одной из сложнейших государственных и общественных задач... необходимо, чтобы государство предлагало гражданам определенные поведенческие рамки и строго настаивало на их соблюдении». Президентский пресс-секретарь выдвигал идею создания всеохватывающего движения, ставящего своей целью способствование «восстановлению лучших идеалов русской семьи и русского дома, воспитанию молодого поколения в традициях русского и российского патриотизма». По его словам, «такое движение могло бы иметь название «Чистая Россия» и работать под покровительством

---

[16] Цит. по: *Пугачев Б. М.* Указ. соч. С. 34.

[17] *Шумейко В.* Россия возвеличится // Российская газета. 1993. 19 ноября. С. 3.

Президента России как общенационального символа, символа надпартийности, единства и стабильности страны»[18].

Сетуя на «отсутствие четко сформулированной и донесенной до каждой семьи и каждого гражданина национальной идеи — «русской идеи», российской цели и мечты», В. Костиков связывал главные надежды страны и народа с освоением новой Конституции, которая, по его мнению, «выявляет демократическое будущее единой и неделимой России в качестве цели национальной политики». Подчеркивая, что Конституция «впервые в истории нашего государства» ставит перед народом «общенациональную и объединяющую задачу», президентский пресс-секретарь, так же как и В. Шумейко, отмечал особую роль СМИ в выполнении этой задачи[19].

Для того чтобы осознать всю широту смены общественных настроений в начале 1994 г., любопытно остановиться также на позиции Е. Гайдара. Открыто высказав несогласие с «новым курсом» Б.Ельцина, вчерашний противник любых идеологических шор вдруг именно себя и своих сторонников объявил... настоящими патриотами и государственниками. В июньской статье 1994 г. с характерным названием «Фашизм и бюрократия» автор российской «шоковой терапии» заявил: «Лозунги государственников и националистов сегодня в цене. Нам нет нужды лгать и примерять чужую шкуру. Не из-за конъюнктуры, а по существу мы были и остаемся государственниками. Наша цель — эффективное, не самоедское государство. Если не путать государство с Держимордой, то, очевидно, что мы государственники»[20]. Выше уже отмечалась особая склонность Гайдара, несмотря на декларированный антикоммунизм, ссылаться на классиков марксизма-ленинизма. В данном случае весьма показательно выглядит близость его аргументации с известными словами вождя мирового пролетариата о «национальной гордости великороссов» и великорусских «держимордах». Если в свое время В. И. Ленин считал, что «интерес национальной гордости великороссов совпадает с социалистическим интересом великорусских и иных пролетариев»[21], то Гайдар объявлял «всех своих единомышленников государственниками и патриотами своей страны» по той простой причине, что глав-

---

[18] *Костиков В.* Прощай, «немытая Россия» // Комсомольская правда. 1993. 5 ноября. С. 2.

[19] *Он же.* Контуры «Чистой России» // Российская газета. 1994. 10 января. С. 7.

[20] *Гайдар Е. Т.* Соч. Т. 2. С. 755.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 110.

ную свою задачу видел в «решении стратегических проблем государства, доведении до конца рыночных реформ и построении устойчивого, динамичного, богатеющего общества западного типа в нашей стране»[22].

Изменение политической лексики самого президента ярко проявилось на открытии Совета Федерации, выступая перед которым, Б. Ельцин вдруг неожиданно заговорил о национальных интересах страны, о России как «первой среди равных» в процессе реинтеграции постсоветского пространства, о защите соотечественников за рубежом, называл Россию «великой державой» и призывал «активно задействовать мощный потенциал многонациональной отечественной культуры»[23].

Эти тенденции получили логическое оформление в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, которое носило название «Об укреплении российского государства». Помимо прочего, в послании было выдвинуто очень важное положение о том, что национальные проблемы современной России «будут решаться на основе нового, заложенного в Конституции, понимания нации как сограждан ства»[24].

Как мы помним, о необходимости формирования новой российской нации говорил и В. Шумейко, сходные мысли высказывал В. Костиков, оба они особо подчеркивали важность СМИ в формировании новой идеологии... Именно с этого времени начинается активное, по выражению В. Шумейко, «привнесение в массы» термина «россияне», в ходе которого средства массовой информации действительно стали играть первенствующую роль.

Таким образом, с начала 1994 г. в правительственных кругах явно обнаружилась тенденция к формированию новой национально-государственной идеологии, составными элементами которой становятся: теория формирования новой политической нации «россиян»; общепатриотическая риторика, включающая в себя идею России как великого государства; заявления о необходимости реинтеграции постсоветского пространства, в котором Россия должна быть «первой среди равных»; а также вновь взятая на вооружение формула «единая и неделимая Россия». В политической программе были задействованы в той или иной

---

[22] *Гайдар Е. Т.* Соч. Т. 1. С. 169.

[23] Выступление Б. Н. Ельцина на открытии Совета Федерации // Российская газета. 1994. 12 января. С. 1–2.

[24] Об укреплении Российского государства (основные направления внутренней и внешней политики): Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. 1994. 25 февраля. С. 4.

мере все эти элементы, однако, наряду с патриотической риторикой, именно слово «россияне» стало все чаще звучать с экранов телевизоров и в устах самого Б. Ельцина.

Так, обращаясь с ежегодным Посланием к депутатам Федерального Собрания в феврале 1995 г., президент призвал россиян «проникнуться верой в успех, в созидательную силу нашего национального характера», без которой, по его словам, «сложный и болезненный процесс консолидации многонационального российского общества» вряд ли получит ускорение. Б. Ельцин подчеркивал, что в этом процессе большую роль может сыграть высшая школа, изменения в содержании гуманитарного образования, которые должны формировать новые нравственные ориентиры, воспитывать гражданственность, патриотизм, правовую культуру[25].

Идея реинтеграции постсоветского пространства отразилась в оживившейся дискуссии по проблеме евразийской интеграции. Поводом к началу этой дискуссии стала инициатива президента Казахстана Н. Назарбаева о создании Евразийского Союза — нового интегративного объединения стран, входивших некогда в Советский Союз. Проект формирования ЕАС предусматривал создание экономического, валютного и политического союза, основанного на взаимном признании «сложившихся государственных институтов... территориальной целостности и нерушимости границ». Высшими наднациональными органами должны были стать совет глав государств и глав правительств, а также парламент ЕАС[26]. При условии реализации данный документ фактически окончательно закрепил бы территориальные и политические изменения, вызванные распадом СССР, и, предоставляя бывшим советским республикам беспрепятственный доступ к экономическим ресурсам России, лишил бы ее естественной роли «собирательницы» евразийского пространства[27]. Поэтому неудивительно то, что, вначале поддержав в лице тогдашнего

---

[25] *Послание Президента РФ Федеральному Собранию* // Российская газета. 1995. 17 февраля. С. 1, 5, 7.

[26] См.: Не СССР, но и не СНГ. Нурсултан Назарбаев разослал Проект формирования Евразийского Союза главам государств СНГ // Независимая газета. 1994. 8 июня. С. 1, 3.

[27] См.: ***Касенов У.*** Размышления о Евразийском Союзе // Независимая газета. 1994. 11 октября. С. 3; ***Мяло К. Г., Нарочницкая Н. А.*** Восстановление России и евразийский соблазн // Наш современник. 1994. № 11–12. С. 211–219; ***Снивковский Е. Н.*** Евразийское сотрудничество» или «евразийский тупик»? // Новое зарубежье: поиски путей обновления. Пути реформ в Евразии II. М., 1995. С. 171; ***Кольев А.*** Идеология абсурда. Симптомы и лечение. М., 1995. С. 57.

заместителя председателя правительства РФ С. Шахрая эту идею, российская власть вскоре дистанцировалась от обсуждения данного проекта[28].

Наконец, взятая вновь на вооружение формула «Единая и неделимая Россия» должна была пройти «обкатку» в реальных условиях радикального сепаратизма. Ее применение в форме «наведения конституционного порядка в Чеченской республике» обернулось катастрофой, усугубившей ряд тяжелых синдромов, грозящих самому существованию российской государственности[29]. На этом фоне излишними стали выглядеть какие бы то ни было разговоры о «новом курсе» и политике, направленной на укрепление Российского государства. Что же касается «новой государственной идеологии», то ее «эффективность» блестяще продемонстрировали СМИ (на которые, как мы помним, возлагалась задача «привнесения идеологии в массы»), ставшие, фактически, информационными союзниками «чеченских боевиков» по дискредитации российской армии и русского солдата.

Все это, наряду с продолжающимися кризисными процессами в экономике, предопределило итоги выборов в Государственную Думу в декабре 1995 г., на которых убедительную победу одержали коммунисты.

Одним из главных событий современного этапа (1996–1998 гг.) стали выборы президента Российской Федерации. Кампания носила крайне идеологизированный характер. Для достижения победы президентской командой была избрана стратегия идеологической поляризации российского общества, его намеренное деление на «красных» и «белых».

Попытка Г. Зюганова выступить в роли кандидата от объединенной коалиции «народно-патриотических сил», включая весь спектр коммунистической и национально-традиционалистской оппозиции, была, фактически, сорвана стратегами президентской команды, которые полностью подчинили интересам президента средства массовой информации и жестко привязали, благодаря им, фигуру оппозиционного кандидата исключительно к КПРФ. Исходя из этого, обществу была навязана ложная альтернатива — возврат к прошлому со всеми его негативными сторонами (ГУЛАГ, всевластие КПСС, железный занавес, хронический дефицит товаров и т. д.) или сохранение курса реформ, направленного на выход из сегодняшнего кризиса, в котором, опять же, виноваты те же

---

[28] См.: Перспективы евразийской интеграции. «Круглый стол» ученых и политиков. М., 1994.

[29] См.: *Мигранян А.* Россия в поисках идентичности. 1985–1995. М., 1997. С. 315–316.

коммунисты, курса пусть и нелегкого, но дающего реальные перспективы на построение «демократической и великой России». Естественно, что главным орудием подобной тактики президентской команды стал жесткий антикоммунизм, соединенный с патриотической риторикой и с безоглядным популизмом. В итоге президентской стороне удалось навязать потенциальным избирателям свою схему принятия решений, по которой выбор сводился, фактически, к голосованию за «плохое» и «еще более худшее».

Победив во втором туре своего главного соперника, Б. Ельцин, очевидно, не мог не осознавать, с одной стороны, не бесспорности своего успеха, с другой — необходимости преодоления идеологической поляризации российского общества, вызванного во многом, его же собственной предвыборной стратегией. Вероятно, именно этим было обусловлено первое послевыборное заявление президента, в котором он призвал не делить страну на победителей и побежденных.

Спустя же девять дней после второго тура Б. Ельцин делает заявление, которое подводит своеобразный итог процессу, начавшемуся на рубеже 1993–1994 гг. Выступая на встрече со своими доверенными лицами 12 июля 1997 г., президент, обращаясь к ним, сказал, что «в истории России в XX в. были разные периоды — монархизм, тоталитаризм, перестройка, наконец демократический путь развития. На каждом этапе была своя идеология. А у нас ее сейчас нет. И это плохо. И над этим надо работать. Подумайте над тем, какая национальная идея, национальная идеология — самая главная для России». Глава государства особо подчеркнул, что «она может понадобиться уже в 2000 году, на следующих президентских выборах», и указал на необходимость скорейшей ее разработки: «Наступит момент, когда я спрошу каждого из вас, что вы надумали, скажем, через год...»[30].

Таким образом, после этого заявления Б. Ельцина и на основании вышеизложенных фактов можно обозначить следующий путь изменения позиции российской властвующей элиты к проблеме обеспечения своей власти соответствующей идеологической базой. В 1992–1993 гг. в правительственных кругах активно отрицали необходимость какой-либо идеологии, что, в конце концов, отразилось в тексте принятой в декабре 1993 г. Конституции, закрепившей положение о том, что в России никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В 1994–1995 гг., вероятно, под влиянием разразившегося осенью 1993 г. политического кризиса, в президентском окруже-

[30] Независимая газета. 1996. 13 июля. С. 1.

нии стали активно работать над созданием «новой идеологии», которая стала оказывать заметное влияние на политический процесс в стране. В 1996 г., после президентских выборов, выявивших, несмотря на победу Б. Ельцина, шаткость его положения и предельную идеологическую разобщенность российского общества, сам президент четко поставил вопрос о необходимости выработки новой национальной идеологии.

Естественно, наиболее живой отклик проблема, поставленная Б. Ельциным, нашла в пропрезидентских и правительственных кругах, которые активно подхватили инициативу президента.

Примечательно то, что их первая реакция носила своеобразный корректировочный характер, направленный на разъяснение некоторых наиболее спорных положений в заявлении Б. Ельцина. Так, уже 19 июля в интервью «Известиям» помощник президента Г. Сатаров уверял се читателей в том, что «национальная идея — это не больно». По его словам, в президентском выступлении не было и не могло быть антиконституционного термина «государственная идеология». Президент говорил лишь о необходимости универсальных ценностей. Национальная идея — это то, что не может быть навязано государством, а должно исходить снизу, поэтому Президент и не говорит: «Я вам дам национальную идею», а, наоборот, просит: «Найдите ее»[31].

Вместе с тем В. Шумейко, отвечая на вопрос о том, как соотносится инициатива Б. Ельцина с текстом Конституции, замечал, что 13-я статья появилась «в тот момент, когда были свежи воспоминания о старой Конституции с ее ведущей и направляющей ролью партии и господством идеологии марксизма»[32], допуская, очевидно, возможность ее изменения. Несмотря на единичный характер данного признания, это, видимо, достаточно близко к истине. Во всем же остальном позиция В. Шумейко мало отличалась от выступлений по этому поводу Г. Сатарова и других пропрезидентских «комментаторов». Смысл их слов можно свести, во-первых, к активному принятию инициативы Б. Ельцина, при которой особо подчеркивалось различие понятий «национальная идея» и «государственная идеология»; во-вторых, к использованию в этом вопросе зарубежного опыта, к словам о том, что и в Америке, и во Франции и в Германии, и в Израиле есть своя национальная идея; в третьих, к конъюнктурно-политическому аспекту, выражавшемуся в антикоммунистической ри-

---

[31] *Сатаров Г.* Национальная идея – это не больно // Известия. 1996. 19 июля. С. 3.

[32] *Шумейко В.* Умом Россию не понять // Российская газета. 1996. 20 июля. С. 1.

торике и в утверждении о необходимости вырвать «патриотическую идею из рук коммунопатриотов»[33].

Что же касается самой проблемы «разработки» национальной идеи для России, то, наряду с просочившейся в прессу информацией о создании особой экспертной группы президентских советников, приступивших к реализации его поручения, и с активным участием в этом процессе значительной части интеллектуальной элиты, особенно демократического направления, большая работа по обсуждению различных вариантов «национальной идеи» и разнообразных подходов к данному вопросу развернулась на страницах правительственной «Российской газеты», объявившей о проведении конкурса «Идея для России». В этой акции, наряду с курьезностью избранной формы обсуждения вопроса, прежде всего поражает ее масштабность: с июля 1996 г. по февраль 1998 г. на газетных разворотах были опубликованы сотни материалов, посвященных проблеме поиска общенациональной идеи для России.

Как и можно было ожидать, некоторая часть участников конкурса отнеслась к постановке данной проблемы крайне отрицательно. Так, вице-президент Академии гуманитарных исследований П. Гуревич полагал, что, «призывая новую идеологию, мы призываем демонов», и считал лучшим достижением современности идею общечеловеческих ценностей[34]. Ему вторили А. Карпычев и С. Трунов, считавшие, что демократическая идея времен перестройки о «возрождении России», Конституция РФ и идеология демократического государства вполне заменят какие бы то ни было «национальные идеи»[35]. Подобной же точки зрения придерживались Н. Овсянников и другие авторы либерального направления[36].

И все же, основная часть участников конкурса однозначно высказывалась за необходимость национальной идеи, но и здесь не было единства во взглядах на суть проблемы. Большая часть публикаций придерживалась официального «демократического патриотизма», основой которого является теория единой нации «россияне» и приверженность

---

[33] См.: *Юрков А.* О чем звонят колокола // Российская газета. 1996. 30 июля. С. 1; *Гуревич М.* И каждый чистильщик сапог // Там же. 20 июля. С. 5.

[34] *Гуревич П. С.* Долой диктатуру идей! // Российская газета. 1996. 13 августа. С. 2.

[35] *Карпычев А., Трунов С.* Соединенные одной судьбой на одной земле // Российская газета. 1996. 9 октября. С. 1, 3.

[36] *Овсянников Н. М.* Лиха беда начало // Российская газета. 1996. 17 сентября. С. 3–4.

существующему федеративному устройству России. Для этого направления характерна констатация запоздалого обращения демократов к понятиям «патриотизм» и «национальная идея», в результате чего, по словам А. Кивы, «произошел всплеск национализма, великорусского шовинизма, реакционного традиционализма и даже национал-социализма»; активная поддержка президентской инициативы; указание на то, что «национальная идея есть практически в каждой стране, особенно в великих странах»; подчеркивание того, что «национальная идея в наших конкретных условиях есть общероссийская идея»[37].

Однако подобные взгляды не стали определяющими или доминирующими; не менее распространенной оказалась и позиция, восходящая к русскому национальному традиционализму, определяющими положениями которой явилось особое внимание к русскому вопросу и русским национальным ценностям, а также стремление к отказу от существующего национально-территориального административного устройства страны в пользу губернского, административно-территориального принципа[38].

Так, доктор философских наук, профессор В. Печенев считает, что национальная идея «должна иметь духовно-нравственный характер и вытекать из всей истории становления уникальнейшего в мировой практике государства», каковым, по его мнению, является Россия. Он придерживается точки зрения, согласно которой в России идея демократии, разлученная с общенациональной идеей, неизбежно терпит крах и ведет сначала — к хаосу, конфликтам, а затем — к тоталитаризму. Указывая на многонациональный характер Российского государства, В. Печенев подчеркивает, что его объединительным ядром всегда были русские — «этнос, не имеющий аналогов ни в Европе, ни во всем мире». Автор высказывается за создание особого типа государства — союза всех народов, в котором не должно быть возможности для решения национального вопроса на основе национально-территориального принципа. По его словам, «нельзя позволить, чтобы примерно 7% населения страны (нерусское население в пределах своих национально-государственных

---

[37] *Кива А.* Иден отливаются не на бумаге, а в сознании народа // Российская газета. 1996. 1 августа; *Трифонов Е.* Мы перестали быть империей // Там же. 1996. 2 августа.

[38] См.: *Кузнецов Ю.* Ленинская концепция по-прежнему жива // Российская газета. 1996. 26 декабря. С. 2–3; Канавщиков А. О чем шумим, братья? // Там же. 17 сентября. С. 4-5; *Кобылянский В. А.* Самобытность ничего общего не имеет с шовинизмом // Там же. 21 ноября. С. 4-5; *Агаев Р.* Вам нужно вернуться к своим корням, к своим истокам // Там же. 31 октября. С. 4–5.

образований) навязывали свой тип государственного устройства, фактически, на национально-этнической основе». Он выделяет три основных принципа, которые должны лечь в основу российской государственности. Во-первых, понимание России как союза равноправных народов (именно наций, а не национальных элит). Во-вторых, понимание того факта, что русский народ, самый многочисленный народ в Европе, один из мировых интеллектуально-культурных лидеров, стал в результате развала СССР — разорванной, разделенной нацией. Исходя из чего, по мнению В. Печенева, стратегическим лозунгом должно стать признание и утверждение в различных международно-правовых и иных нормах единства русского народа как целого, независимо от того, в каком из постсоветских государств оказались те или иные его представители. В-третьих, признание важнейшей реальности конца XX в. — беспрецедентной по масштабам борьбы за передел геополитического наследства многовекового Российского государства и формирование основанного на этом официального внешнеполитического курса России[39].

Показателем все более возрастающей роли в общественной жизни и, соответственно, в политике традиционных ценностей и русского фактора стал выбор победителя конкурса за 1996 г. Лучшей работой была признана статья депутата Законодательного Собрания Вологодской области Г. Судакова, весьма далекая от правительственной идеи «демократического патриотизма», с ее теорией российской нации, либеральными ценностями и приглушенностью русских проблем[40].

О не случайности данного выбора говорит опубликованная в феврале 1998 г. статья политолога А. Кивы, выступившего в роли эксперта «Российской газеты», который подвел итоги состоявшегося конкурса. В ней, помимо прочего, автор, еще недавно клеймивший «великорусский шовинизм» и «реакционный традиционализм», обращался к позитивно понимаемому термину «русский национализм», развенчивал «насажденный либералами» миф о «русском фашизме», ратовал за развитие русского национального сознания и подчеркивал, что «новая общероссийская идея может состояться только с учетом фактора русского народа, его особенностей, традиций и т.д.»[41].

---

[39] *Печенев В.* Союз народов, а не субъектов // Российская газета. 1996. 17 октября. С. 4-5.

[40] См.: *Судаков Г.* Шесть принципов русскости, или Когда в России появится праздник Датского королевства // Российская газета. 1996. 17 сентября. С. 4-3.

[41] *Кива А.* В больном сознании великое не рождается // Российская газета. 1998. 12 февраля. С. 3.

Последующие события: реакция российских официальных лиц на новые проявления дискриминации русских в Латвии, кампания по захоронению «царских останков», позиция России в косовском конфликте только лишь подтвердили тенденцию к усилению традиционалистских установок в действиях российских властей.

После 17 августа 1998 г. можно с достаточной долей уверенности говорить об окончании периода новейшей русской истории, начавшегося в августе 1991 г. Очевидный крах свободного рынка и идей либеральной демократии на российской почве с неизбежностью влечет за собой возвращение патерналистской роли государства в экономике и общественных отношениях. Отказавшись от противоречий и искусственности ельцинского «демократического патриотизма» в пользу более органичной идеологической доктрины, новый лидер получит возможность мобилизации созидательного потенциала граждан страны на работу по обустройству Отечества.

Вместе с тем идеологические попытки соединения заведомо несоединимого, предпринимавшиеся в годы либерального курса, дают опыт, который нельзя игнорировать. Этот опыт сводится к следующему.

Во-первых, идеологические поиски российской власти показали невозможность совмещения идей либерализма и традиционализма. Кратко главные противоречия можно выразить в следующих антитезах: смена культурно-исторической парадигмы в пользу западной — национальная самобытность; свободный рынок — государственная роль в экономике; идеологический плюрализм — государственная идеология.

Во-вторых, западно-европейская теория «нации-государства» «не работает» в российских условиях. Находясь в вопиющем противоречии с национально-территориальным принципом административного устройства федерации, она, наряду с этим, парадоксально продолжает выполнять интернационализирующую» роль старой концепции «новой исторической общности — советского народа», лишая русских естественного статуса государствообразующей нации.

В-третьих, необходимость учитывать «либеральное» положение 3-й статьи Конституции и очевидная потребность в новой объединительной идеологии заставляли президентских идеологов пользоваться своеобразным «эзоповым языком» при публичном обсуждении данной проблемы. При этом «антиконституционная» государственная идеология превращалась в естественную и необходимую «общенациональную идею». Между тем, уже исходя из слов самого Б. Ельцина, можно сделать вывод о том, что «национальная идея», вырабатываемая для сохранения власти, ничем иным, кроме государственной идеологии, не является.

В-четвертых, необходимо определиться в вопросе соотношения русского фактора с проблемой поиска новой идеологии. Очевидно, что без мобилизации русских на позитивный созидательный процесс национального возрождения, который невозможен без решения русского вопроса, в России нереально изменить политико-экономическую ситуацию к лучшему. Властвующая элита долго игнорировала этот факт, так же как она долго игнорировала и вообще необходимость какой бы то ни было общенациональной идеологии, и других бесспорных принципов государственного строительства. Нынешнее робкое и непоследовательное обращение к этой теме должно смениться четким обозначением русских проблем и началом целенаправленной работы над их решением.

Наконец, необходимо остановиться на понимании уже не раз упоминавшейся категории «национальная идея». Как мы помним, Б. Ельцин поручал своим советникам «придумать» национальную идею, «Российская газета» объявляла на нее конкурс с денежным вознаграждением... Как заметил по этому поводу В. Г. Распутин, «объявлять конкурс на национальную идею... все равно, что объявлять конкурс на мать родную»[42]. Национальная идея — категория, которую невозможно придумать. Она непосредственным образом связана с национальным характером народа, отражена в национальной культуре, обращена к ее духовным истокам. Если есть народ — есть и его идея. Ее осмысливает национальная философия, бережно хранит отечественная история. Именно на ней основывается действенная и эффективная государственная идеология.

Сегодня время требует особо деятельной позиции русского историка в осмыслении судьбы Отечества. Роль истории в обретении национальной идеи во многом связана с особенностью исторического сознания, являющегося не только знанием о прошлом, но и его переживанием. История учит видеть не только факты, но и целостно воспринимать их, переживать судьбу родной страны, своего народа как свою личную судьбу. В данной позиции не нужно видеть стремление к новой идеологизации истории. Тайна каждой нации скрыта в ее индивидуальности. Призвание историка — стремиться раскрыть эту тайну, овладение которой дает власти государственную ответственность, а народу — надежные ценностные ориентиры, сплачивающие его в творческую соборную личность.

---

[42] Цит. по: *Коваленко В. И., Голошумов Е. В.* Национальная идея как научная проблема современной российской политологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. 1998. № 4. С. 20.

Из истории общественно-политической жизни

Л. П. Муромцева

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Последняя треть XIX в. характеризуется появлением новой волны российских либералов-конституционалистов, расцвет политической деятельности которых пришелся на конец XIX — начало XX в. (особенно в период существования думского представительства). Такие либеральные идеологи, как С. А. Муромцев, Н. И. Кареев, П. Б. Струве, П. Н. Милюков, М. М Ковалевский и другие, во многом определяли специфику российской политической жизни начала века.

Центральное место в их общественной и политической деятельности заняли проблемы российской государственности, ставшие в тот период основополагающей темой, одним из наиболее актуальных вопросов. И это не случайно.

При рассмотрении политического положения европейских государств конца XIX — начала XX в. выделяются специфические особенности Российской Империи. В то время, как в других европейских странах государственная власть развивалась в направлении парламентаризма и создания выборных структур, Российская Империя оставалась одним из последних оплотов абсолютизма, государством, в котором власть царя не была ограничена никакими выборными органами. В Своде законов Российской Империи издания 1892 г. царская власть определялась как «самодержавная и неограниченная»[1].

Абсолютные прерогативы царя ограничивались всего лишь двумя условиями, обозначенными в основном правовом документе империи. Ему вменялось в обязанность неукоснительно соблюдать закон о престолонаследии и исповедовать православную веру. Самодержавная власть российского императора считалась сакральной, полученной от Бога, а царь являлся, согласно традиции, преемником и наследником византийского императора, соединившего в своей власти абсолютную духовную и абсолютную государственную власть. С этой точки зрения любая попытка ограничить царскую власть становилась святотатством, нарушала кроме государственной еще и религиозную традицию. Незыблемость принципов абсолютной власти императора препятствовала эво-

---

[1] Свод законов Российской Империи. 1892. Т. 1, ч. 1. Основные законы. С. 5.

люции государственного строя и делала невозможным введение конституционного парламентарного строя в стране.

В России необходимость перехода к конституционному правовому государству стала осознаваться передовой частью общества еще в XVIII в., но открыто в форме требований к верховной власти эта проблема была поставлена лишь в конце XIX — начале XX в. Первое десятилетие XX в. ознаменовалось политическим кризисом в стране. О приближении социальных катаклизмов в России свидетельствовали грандиозные демонстрации, впервые вынесшие на улицу лозунг борьбы против государственной системы управления: «Долой самодержавие!». Невиданных размахов в первые годы XX в. достигло крестьянское движение с десятками разгромленных помещичьих имений. Значительным становится стачечное движение рабочих.

В это время представителями общественного движения были разработаны модели политического переустройства, предлагавшие введение в России различных типов государственного устройства: от конституционной и парламентарной монархии до президентской республики.

Среди этих моделей государственного устройства в России особое место принадлежало либеральной модели, созданной на рубеже веков группой либеральных теоретиков и получившей отражение в программах либеральных партий и организаций. Опираясь на теоретические изыскания зарубежных и отечественных обществоведов, опыт западно-европейских стран, российские либералы создали альтернативную авторитарному режиму рациональную модель политической системы, основанной на идеях разделения властей, всестороннего обеспечения прав личности, при учете национальных традиций и политической расстановки сил.

Начавшаяся в январе 1905 г. революция еще более обострила проблему политических реформ в России. Солдатские залпы уже почти полгода разгоняли народ, но проблема реформ так и не была снята. Под давлением революции самодержавие вынуждено было пойти на уступки. 6 августа 1905 г. Николай II подписал манифест, которым в системе державной власти учреждалась законосовещательная Государственная Дума, названная «булыгинской» по имени тогдашнего министра внутренних дел А. Г. Булыгина, разработавшего ее проект[2]. Но самодержавие явно плелось в хвосте общенародных настроений. Проект законосовещательной думы уже никого не удовлетворял, тем более что революция ширилась, на ее сторону начали переходить воинские части. В октябре в

[2] Самодержавие и политические партии России 1904–1917: Сб. документов. Вып. I. М., 1995. С. 10–12.

стране началась Всероссийская политическая забастовка, встали железные дороги, была парализована работа промышленных предприятий, а Николай II фактически оказался изолированным в Царском Селе под Петербургом. В обстановке, когда трудно было определить, в какую сторону склонится политическая чаша весов, ему не оставалось ничего другого, как подписать Манифест, составленный под руководством гр. С. Ю. Витте.

Манифест 17 октября 1905 г. устанавливал новый порядок производства законодательства и сообщал о воле государя: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; ...привлечь теперь же к участию в Думе... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законному порядку, и установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей». За Манифестом последовал именной указ Сенату от 11 декабря 1905 г. — «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу»[3].

Вскоре прошли выборы, и вот наступил долгожданный день — 27 апреля 1906 г. Выслушав в середине дня краткую и оставшуюся без ответа речь царя в Зимнем, депутаты отправились в Таврический дворец, где состоялось открытие первого заседания первой в истории России законодательной Государственной Думы. Относительное большинство мест (179 из 478) в Думе завоевали конституционные демократы, заранее согласовавшие на своем съезде кандидатуру ее председателя Сергея Андреевича Муромцева, известного общественного деятеля, адвоката, крупного ученого-юриста. Она получила одобрение и у депутатов, представлявших другие политические партии и направления, при первичном голосовании кандидатура С. А. Муромцева прошла единогласно[4]. Избрание председателем I Государственной Думы стало венцом его жизненного пути, многолетнего служения обществу.

Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) происходил из старинного дворянского рода. Вопреки семейной традиции его совсем не привлекала перспектива военной службы. Он избрал для себя на-

---

[3] Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1995. Т. 9. С. 41.

[4] Государственная Дума 1906–1907. Стеногр. отчеты. М., 1995. Т. 1. С. 36.

учное, а затем и политическое поприще. К этой своей деятельности он готовился с юных лет.

Особенно запомнились близким Сергея Андреевича игры в «государство». Имение Лазавка объявлялось конституционным государством, в котором имелся парламент с верхней и нижней палатами — «Государственным советом» и «Палатой депутатов», размещавшимися в двух беседках сада, а резиденция его главы располагалась в помещичьем доме. Позднее Сергеем была написана история своего «государства». С ответственностью относился Сергей и к выпуску ежедневной семейной газеты. Ее очередной номер, заполненный реальными домашними известиями, готовился вечером и раскладывался наутро на столе перед местом, которое обычно занимал во время чаепития отец. Так, уже в детстве, постепенно формировались многие черты характера и будущие интересы Сергея Андреевича. Благодаря матери С. А. Муромцев получил хорошее домашнее образование. К сентябрю 1860 г. семья Муромцевых переселилась в Москву. Здесь С. А. Муромцев поступил в гимназию и в 1867 г. окончил ее с золотой медалью.

Становление Сергея Муромцева происходило в годы общественного подъема, вызванного буржуазными реформами 60-х — начала 70-х гг. Огромное влияние на формирование его жизненной позиции оказал дядя, брат отца — Семен Алексеевич Муромцев, человек либеральных взглядов, занимавший должность мирового судьи, — «вольнодумец и вольтерианец», как его звали в уезде. Их переписка продолжалась и после того, как племянник, получив университетское образование, стал профессором Московского университета. Именно от него Сергей усвоил в юности необходимость критического отношения к действительности, смелость в отстаивании своих взглядов, в преодолении всего отжившего, старого. Вот какую оценку роли Семена Алексеевича дал в письме к нему сам Сергей Муромцев в 1878 г., приступая к изданию «Юридического вестника»: «Каждый раз, милый дядя, когда мне приходится браться за новое дело и вести его с борьбой против всяких предрассудков, невежества, пошлости, предо мною восстает Ваш образ, служащий мне символом борьбы за правду. С самого детства я привык видеть в вас человека, который ставил своею жизнью такую борьбу и имел достаточно мужества и перед властью и перед толпою (которая подчас бывает опаснее власти), чтобы делать свое дело до конца, как следует». Именно под влиянием Семена Алексеевича Сергей решил стать юристом и посвятить свою жизнь науке[5].

---

[5] *Милюков П. Н.* Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С.4, 7–8.

Во многом благодаря дяде еще в годы обучения в гимназии Сергей Муромцев проявил жгучий интерес к системе российского судопроизводства и после введения новых судебных уставов 1864 г. долго уговаривал отца выдвинуть свою кандидатуру на выборах председателя Новосильского съезда мировых судей. В Москве в свободные от занятий часы гимназиста можно было увидеть на заседаниях окружного суда, где он внимательно следил за ходом наиболее интересных, на его взгляд, судебных процессов. Интересовала молодого Муромцева и деятельность Московского губернского земского собрания, прения в ходе обсуждения особенно важных и полезных постановлений. Так задолго до окончания гимназии он вполне осознанно и твердо сделал свой жизненный выбор, считая юриспруденцию и самым подходящим для себя, и весьма нужным людям занятием.

Рано проявившийся интерес к государственному праву привел Сергея Муромцева в 1867 г. на студенческую скамью юридического факультета Московского университета. На первых двух курсах его интересовали не только специальные предметы (энциклопедия права, статистика и др.), но и блистательные лекции знаменитого историка С. М. Соловьева, способствовавшие укреплению «западнических» настроений будущего первого председателя Государственной Думы. Активно участвовал он и в деятельности студенческого кружка, рассматривавшего на своих примерных судебных заседаниях уже решенные уголовные дела, полученные при содействии профессуры из окружного суда. Функции его председателя обычно выполнял Сергей Муромцев, готовивший, правда, себя к научной карьере[6]. Он еще в 1869 г. в записной книжке пророчески наметил ее основные вехи: защита магистерской диссертации через 6 лет, чтение лекций, а затем спустя некоторое время отставка «за распространение либерализма»[7]. Став с юности либералами по убеждениям и отдавая приоритет законам в исправлении недостатков общества, Муромцев и его ближайшие друзья были далеки от революционных настроений студенчества.

В 1871 г. С. А. Муромцев был утвержден Советом Московского университета в степени кандидата права «За отличные успехи», а немногим позже оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. Для совершенствования образования С. А. Муромцев вместе со своим

---

[6] *Цуриков А.* Из воспоминаний старого товарища // Сергей Андреевич Муромцев. С. 75-79; *Давыдов Н.* К характеристике С. А. Муромцева. (Из личных воспоминаний) // Сергей Андреевич Муромцев. С. 65–74.

[7] *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 19.

близким другом князем Л. С. Голицыным в 1873 г. направился в Германию. По пути к главной цели путешествия Муромцеву довелось проезжать через Константинополь, Афины, ряд городов Италии, Австрии. Один семестр он занимался в Лейпцигском университете, а в Геттингене на него произвели неизгладимое впечатление лекции профессора Рудольфа фон Иеринга, основоположника социологического направления в европейском правоведении.

По возвращении из зарубежной поездки, значительно обогатившей его кругозор, Сергей Андреевич защитил в 1875 г. диссертацию «О консерватизме римской юриспруденции», получил степень магистра гражданского права и стал доцентом юридического факультета Московского университета. В 1877 г. последовала успешная защита докторской диссертации «Очерки общей теории гражданского права». Обе диссертации были сразу же опубликованы в виде отдельных монографий. Следующие вехи в его послужном списке — экстраординарный и ординарный профессор кафедры римского права (1878), проректор Московского университета (1880–1881). Одна за другой издавались новые книги С. А. Муромцева: «Определение и основное разделение права» (1879), «Гражданское право Древнего Рима» (1883), «Рецепция римского права на Западе» (1886). Кроме них из-под его пера выходили десятки статей, заметок, рецензий. Всего список печатных работ С. А. Муромцева насчитывает свыше 180 наименований[8]. Наряду с напряженными научными исследованиями он постоянно читал в университете лекции и, по отзывам слушателей, был прекрасным оратором.

Его научные взгляды сформировались во многом под воздействием философского позитивизма и позитивистской теории права. В рамках последней во второй половине XIX в. возникли два направления — юридический позитивизм, носивший формально-догматический характер, и социологический позитивизм, включавший психологическую теорию права. В отличие от юридического позитивизма, который рассматривал право как самодовлеющую форму, оторванную от содержания, социологический позитивизм не ограничивался догмой права, стремясь понять его внутреннюю суть в связи с социальными явлениями.

Сергей Андреевич, став одним из основателей этого нового оригинального направления буржуазной социологической юриспруденции, смог существенно обогатить правовую науку на базе позитивистской

[8] См.: Перечень публикаций С. А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. С. 407–419.

философии. Его заслуги в этой области признавались даже советскими юристами. Муромцевым задолго до ряда крупнейших зарубежных правоведов, еще в 70-х гг. XIX в., была выдвинута концепция социологического изучения права с применением функционального и историко-сравнительного методов. Его теоретические изыскания были тесно связаны с жизнью — с действовавшей в России после 1864 г. правовой системой, нуждавшейся в дальнейшем усовершенствовании в духе идей либерализма. Вот почему Сергей Андреевич в своих научных трудах тогда оправдывал либеральное судейское правотворчество как один из путей становления российского правопорядка. Для него, убежденного сторонника верховенства права, был категорически не приемлем формально-догматический подход, оторванный от контекста общественной жизни. Вместе со своими сторонниками он боролся против превращения правоведения в формально-догматическую дисциплину, тем самым расходясь с последователями юридического позитивизма.

Далеко не все из российских правоведов соглашались с воззрениями С. А. Муромцева, нередко он вступал в полемику со своими оппонентами. Но надо отдать ему должное: изложив основные положения своей концепции в магистерской и докторской диссертациях, т.е. на заре научной деятельности, он не изменял им всю жизнь. Уже первые его печатные юридические труды отличались высочайшим уровнем философских и исторических обобщений, что сразу же создало ему огромный авторитет в ученых кругах[9].

Прирожденный либерал, сторонник создания в России правового государства типа конституционной монархии, он не мог ограничиться лишь научной и педагогической работой. На рубеже 70–80-х гг. XIX в. страна переживала очередной общественный подъем: на фоне участившихся крестьянских волнений, террористических акций народовольцев заметно активизировались и российские либералы, связывавшие свои надежды с дарованием монархом конституции и созывом общероссийского представительного органа. Профессор Муромцев, будучи не только кабинетным ученым, не мог оставаться сторонним наблюдателем происходивших событий. Ведь участие в них давало возможность проверить на практике жизненность его научных идей.

Активная общественная деятельность С. А. Муромцева начиналась в период наивысшего накала борьбы против самодержавия революци-

---

[9] *Яблочков Т. М.* С. А. Муромцев как ученый. Ярославль, 1910; *Зорькин В. Д.* Муромцев. М., 1979.

онного народничества, считавшего себя единственным последовательным защитником народных интересов. Русский конституционализм, зарождавшийся преимущественно в среде передовой дворянской интеллигенции, еще не пустил прочные корни и не пользовался значительной поддержкой общества. Против либеральных идей выступали как справа, так и слева. И те, и другие явно недооценивали значение демократической правовой системы.

Придавая большое значение публицистике в воспитании правосознания общества, в пропаганде идеи правового государства, С. А. Муромцев в 1878–1892 гг. возглавлял журнал «Юридический вестник», а с 1880 г. был избран председателем Московского Юридического общества, члены которого под его руководством активно занимались подготовкой проектов более совершенных и столь необходимых России законов. Всех их объединяла идея создания правового государства в России. Вокруг «Юридического вестника» группировались либерально настроенные публицисты и правоведы. На рубеже 70–80-х гг. практически ежемесячно в журнале публиковались материалы по конституционной тематике, связанные не только с Россией, но и с другими европейскими государствами. В таком же русле действовало и Московское Юридическое общество, чья задача в тогдашней обстановке, по словам Муромцева, заключалась «в проведении в публику политических идей, усвоение которых требуется современным общественным состоянием России»[10]. Автором наиболее злободневных политических заметок в «Юридическом вестнике» был его редактор С. А. Муромцев, сблизившийся с выдающимся ученым-социологом, либералом по убеждениям М. М. Ковалевским. В сотрудничестве с единомышленниками — юристами В. Ю. Скалоном и А. И. Чупровым Сергей Андреевич написал весной 1880 г. «Записку о внутреннем состоянии России» и передал ее получившему от Александра II весьма широкие полномочия графу М. Т. Лорис-Меликову, на которого либералы первоначально возлагали большие надежды, требуя созыва общероссийского земского представительства и гарантий демократических свобод. Они прямо призывали верховную власть привлечь общественные круги к более широкому участию в государственной жизни, создав из представителей земств «особое самостоятельное сове-

[10] Юридический вестник. 1882. Кн. I. Приложения. С. 5, 6.

[11] См. публикацию «Записки»: *Муромцев С. А.* Статьи и речи. М., 1910. Вып. V. С. 11–38.

щание» с законосовещательными функциями[11]. Рукописные копии «Записки» распространялись в либеральной среде, где она получила большой резонанс. Опубликовать ее в России тогда не удалось из-за запрета цензуры, потребовавшей вырезать крамольный текст из апрельского номера «Вестника Европы» за 1881 г. Но в том же году в Берлине под названием «В первые дни министерства гр. Лорис-Меликова» вышло ее заграничное издание. Содержавшиеся в «Записке» идеи частично использовались при составлении так называемой «Конституции» М. Т. Лорис-Меликова — проекта ограниченных реформ, представленного императору Александру II накануне 1 марта 1881 г. Впрочем, к этому моменту один из авторов «Записки» С. А. Муромцев уже успел разочароваться в Лорис-Меликове, видя в его деятельности как министра внутренних дел «много хорошего», но «ни одной решительной меры», а главное — отсутствие хорошо продуманного и последовательного плана действий[12].

Надеждам на продолжение реформ не суждено было сбыться. Вскоре после убийства Александра II и воцарения Александра III произошла резкая смена внутриполитического курса, начавшегося с отклонения проекта М. Т. Лорис-Меликова и его отставки. Наступившая эпоха контрреформ коснулась всех сторон государственной и общественной жизни, в том числе и системы просвещения. Либеральная деятельность профессора Муромцева и его коллег, их противодействие принятию нового антидемократического университетского устава 1884 г. не остались незамеченными в правительственных кругах. Новый министр просвещения И. Д. Делянов постарался избавиться от прогрессивной университетской профессуры, лекции и политические взгляды которой оказывали, по мнению властей, вредное воздействие на умы студентов. С. А. Муромцев в 1881 г. был уволен с должности проректора Московского университета из-за примирительной позиции по отношению к весенним студенческим выступлениям. Но это первое серьезное предупреждение сверху не заставило его отказаться от передовых убеждений, которые им высказывались открыто. И в июле 1884 г. вступило в силу предписание министерства народного просвещения ректору университета о немедленном увольнении «ввиду сообщенных его Высокопревосходительству Министерством внутренних дел сведений о политической неблагонадежности профессора Императорского Московского университета статско-

---

[12] Юридический вестник. 1880. Кн. X. С. 316–317; *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 32, 33; *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX в.). М., 1995. С. 105–107.

го советника Муромцева». Некоторые из коллег на заседании университетского Совета 15 сентября того же года, отозвавшись о С. А. Муромцеве «как о даровитейшем ученом и преподавателе», выразили сожаление в связи с его вынужденным уходом[13].

После отставки путь на государственную службу для него был закрыт. Пришлось искать иное поприще практической деятельности — адвокатуру, чтобы обеспечить семью. Уже в октябре 1884 г. он становится присяжным поверенным Московского судебного округа. Известность в широких кругах ему принесло участие в качестве адвоката в судебных заседаниях по гражданским делам, особенно при их обжаловании в кассационном порядке. Вот какую характеристику Муромцеву как адвокату дал его коллега И. А. Кистяковский: «Русская адвокатура знает много талантов, богатых житейским красноречием, но в смысле того юридического красноречия, где слово-чекан, С.А. остается недосягаемым образцом. Это не красноречие внешнего и широкого успеха, оно не трогает чувства, но нужна великая дисциплина ума, дабы явиться носителем именно этого красноречия»[14].

Будучи честным и нравственно щепетильным человеком, Муромцев всегда тщательно изучал материалы дела. И если у него появлялось сомнение в достоверности какого-либо из документов, обычно отказывался от защиты, хотя ему и предлагалось крупное вознаграждение. Очень ответственно относясь к подготовке к судебным процессам, он имел в производстве, как правило, немного дел. Поэтому доходы его от юридической практики, несмотря на авторитет и известность, уступали гонорарам других адвокатов. На протяжении 1890–1905 гг. С. А. Муромцев являлся товарищем председателя Московского совета присяжных поверенных. Огромная эрудиция и принципиальность создали ему блестящую репутацию в юридических кругах.

Глубоко зная гражданское право и умело применяя его нормы на практике, Сергей Андреевич и в своей адвокатской деятельности оставался прежде всего ученым, стремившимся в выступлениях на судебных процессах развивать нормы действующего права, дать их исчерпывающее толкование. Коллеги называли его истинным мастером формулировки правовых решений. Такой подход к выполнению функций защит-

---

[13] *Медушевский А. Н.* Кем был председатель Первой Государственной Думы? Генеалогия С.А. Муромцева // Генеалогические исследования: Сб. научных трудов. М., 1994. С. 285, 286.

[14] *Кистяковский И. А.* Адвокатская деятельность // Сергей Андреевич Муромцев. С. 147–157.

ника, конечно, отнимал у С. А. Муромцева не только немало времени, но сил и здоровья. Как вспоминал известный деятель кадетской партии и адвокат М. М. Винавер, который не раз вел вместе с ним судебные дела, они проводили «много дней, а подчас и ночей, в общей умственной работе»[15]. Защита прав личности от произвола — вот что стояло на первом плане перед Муромцевым-адвокатом, вот для чего не жалел он своих сил.

После увольнения из университета наряду с адвокатской деятельностью Сергей Андреевич, особенно в первые годы, продолжал активно заниматься публицистикой: до 1892 г. редактировал «Юридический вестник», сотрудничал с газетами «Порядок», «Русские ведомости», «Судебная газета», журналами «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник» и другими изданиями, обосновывая на страницах прессы необходимость тесного взаимодействия властей и общества, ратуя за расширение сферы использования суда присяжных, применение его в гражданском процессе[16]. Он откликался на многие события общественной и литературной жизни. Нередко публиковал некрологи в связи с кончиной известных ученых (Р. фон Иеринга, Н. И. Крылова, С. М. Соловьева и др.). Современникам запомнилась его страстная речь во время похорон И. С. Тургенева в Петербурге в 1883 г. А произнесенное им 26 мая 1899 г. приветствие от имени Московского Юридического общества Обществу любителей российской словесности по случаю 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина стало поводом для правительственных репрессий. Властей особенно возмутили заключительные слова его выступления: «Празднуя ныне память поэта, мы торжествуем вместе с тем победу, одержанную русскою личностью над рутиною жизни и властной опеки!»[17]. В результате Юридическое общество в Москве, возглавлявшееся на протяжении почти двух десятилетий С. А. Муромцевым, было закрыто.

---

[15] ***Винавер М. М.*** Недавнее. (Воспоминания и характеристики). Пг., 1917. С. 59–99.

[16] ***Кривонос М.*** Муромцев Сергей Андреевич // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996. С. 375.

[17] ***Муромцев С. А.*** Статьи и речи. М., 1910. Вып. 1. С. 28. Эта критическая речь, сопровождавшаяся оглушительными аплодисментами, была произнесена в присутствии московского генерал-губернатора и переполнила чашу терпения министра народного просвещения, давно уже считавшего необходимым положить конец «вредной деятельности» Юридического общества, которое тот называл всероссийским пропагандистским центром. См.: ***Шацилло К. Ф.*** Русский либерализм накануне революции. 1905–1907 гг. М., 1985. С. 51.

В 80-х гг. XIX в. Муромцева можно было нередко встретить на квартире И. И. Янжула, где собирался кружок либерально настроенной профессуры (Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, А. И. Чупров) и куда заходил будущий лидер кадетской партии, молодой тогда еще историк П. Н. Милюков[18].

После увольнения и вплоть до восстановления в должности профессора Московского университета (июнь 1906 г.) лишь эпизодически ему доводилось заниматься преподавательской работой, читая лекции в Александровском лицее в Петербурге и в Русской высшей школе общественных наук в Париже.

На протяжении многих лет Муромцев активно участвовал в земском движении: не раз в 80–90-х гг. XIX в. избирался в Московское и Тульское губернские собрания, заслужил репутацию либерала в качестве гласного Московской городской Думы (1881–1884, 1889–1893, 1897–1907 гг.). Сохранились свидетельства о его работе в Московском комитете грамотности и комиссии по народному образованию.

Не жалея сил, он в качестве гласного думы немало потрудился над разработкой ее постановлений по многим вопросам жизни крупнейшего города. Особый интерес у него вызывали проблемы создания юридической базы органов городского самоуправления, соотношения между местным и общероссийским законодательством. Занимался он решением и чисто хозяйственных вопросов: обсуждением отчета о строительстве Александровских казарм, рассмотрением проектов создания окружной железной дороги, упорядочения Цветного бульвара, газового освещения Москвы. Особенно в первый период своей думской работы, в 1881–1884 гг., ему приходилось нередко выступать в качестве наиболее квалифицированного юридического эксперта по правовым вопросам работы думы, ее гласных и председателя. Позднее, воздавая дань памяти Сергею Андреевичу, городская дума после его кончины учредила премию и стипендию имени Муромцева при юридическом факультете Московского университета и поместила портрет одного из самых известных своих гласных в зале заседаний. Неоценимый опыт практической работы приобрел С. А. Муромцев, участвуя также в 80-х гг. XIX в. в земском движении. Его не раз избирали в гласные Московского и Тульского губернских земств, Новосильского и Московского уездных земских собраний[19].

---

[18] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 103.

[19] См.: *Астров Н. И.* В Московской городской Думе // Сергей Андреевич Муромцев. С. 158–179; *Шаховской Д. И.* Работа в земстве // Там же. С. 180–204; *Муромцев С. А.* Статьи и речи. М., 1910. Вып. IV.

В земствах, ставших оплотом российского либерализма, он приобрел немалый опыт практической работы.

Накануне первой революции в России заметно оживилась деятельность либералов, объединившихся в Союз «Освобождения» (1904 г.) и Союз земцев-конституционалистов (1903 г.). К последнему примкнул и С. А. Муромцев. Пик его плодотворнейшей деятельности пришелся на конец 1904-1906 гг.: начиная с ноября 1904 г. — он активный участник всех земских съездов, соавтор важнейших программных документов либералов. При его непосредственном участии составлялись политические заявления Московской городской Думы, московского и петербургского советов присяжных поверенных, в которых звучали конституционные требования[20].

Вскоре наступило Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. В стране грянула революция. В разгар революционных событий либералы с упорством и терпением не ослабляли своих усилий по созданию правового государства. В это время Сергей Андреевич Муромцев словно переживал вторую молодость. Не жалея сил, захватывая нередко ночные часы, он подолгу сидел над текстами столь нужных стране проектов законов, оттачивая до блеска их формулировки. В вопросе законотворчества для него, крупного юриста-ученого, не существовало мелочей.

И по праву проект конституции, представленный на рассмотрение земского съезда в июле 1905 г., именуется «муромцевским». Этот проект стал теоретической основой последующего конституционного движения в России[21].

Конституционная модель Муромцева была призвана не столько заменить существующие законы, сколько постепенно наполнить их новым содержанием. Муромцев, как и многие другие либералы, считал наиболее целесообразным введение в России конституционного строя путем ряда реформ сверху, последовательно осуществляемых самой монархической властью.

Основные идеологические установки русского конституционализма сказались в проекте конституции наиболее четко: Муромцев (работавший при этом совместно с Ф. Ф. Кокошкиным — другим виднейшим юристом и либералом) стремился обеспечить эволюционный переход от самодержавия к правовому государству, основным условием суще-

---

[20] *Кокошкин Ф. Ф.* С.А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев. С. 205–250.

[21] *Шацилло К. Ф.* Указ. соч. С. 260, 261; Медушевский А. Н. Конституционный проект С. А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1996. С. 173–196.

ствования которого признавалась Государственная Дума как важнейший инструмент политических реформ и установления ее контроля над монархической властью. Подобная модель политического развития позволяла избежать радикальной революционной ломки всего государственного строя и осуществить легитимный переход к новой политической системе. «Проект изложен таким образом, — пишет С. А. Муромцев, — что мог бы быть включен в Свод законов взамен ныне действующих статей 47–81 первой части первого тома, не затрагивая непосредственно остальных отделов ни первой, ни второй части первого тома Свода и предоставляя уже дальнейшему ходу законодательства дать то или другое выражение влиянию новых начал на старые части законодательства»[22].

Впервые проект конституции был опубликован 6 июля 1905 г. в газете «Русские ведомости». Он состоял из 6 разделов и 113 статей, представляя собой достаточно сжатый и четко сформулированный документ[23]. В проекте Основного и Избирательного законов уже в первых статьях первого раздела провозглашалось, что «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов», проекты которых «исходят от Императорской власти или от Государственной Думы и не иначе получают силу закона, как по одобрении Государственной Думы и по утверждении Императором за собственным Его Величества подписанием»[24]. Особое значение имело и декларировавшееся равенство всех российских граждан перед законом, «не взирая на различия их племенного происхождения, веры или сословного положения»[25]. Проект был направлен на введение в стране всеобщего равного избирательного права, последовательным сторонником которого являлся С. А. Муромцев, широко использовавший при его разработке тексты европейских конституций и избирательных законов. Надо учесть, что документы были одобрены земцами-конституционалистами в начале июня 1905 г., когда самодержавная власть еще не рассталась с иллюзиями откупиться от народа созывом законосовещательной «булыгинской» думы.

С 12 по 18 октября в Москве в разгар Всероссийской политической стачки проходили заседания первого съезда оформившейся организационно партии конституционных демократов. С. А. Муромцева, при-

---

[22] ГАРФ. Ф. 575. Д. 8. Л. 3-5.

[23] Проект Основного и Избирательного законов в редакции С. А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. статей. Приложение первое. С. 384–406.

[24] Сергей Андреевич Муромцев. С. 385.

[25] Там же. С. 386.

нявшего деятельное участие в нем, избрали в состав временного ЦК. Накануне закрытия съезда 17 октября Николай II, опасаясь обострения ситуации, подписал Манифест, даровавший политические свободы и объявлявший о созыве законодательной Думы, того самого всероссийского народного представительства, которого так долго добивались либералы.

На первый план С. А. Муромцев и другие идеологи российского либерализма выдвигали конституционную реформу как основу для продвижения по пути создания правового государства. Наиболее приемлемой для России формой правления, по их мнению, была монархическая власть, ограниченная конституцией, которая гарантировала ее легитимность. Демократическая избирательная система, земские учреждения на местах и народное представительство в виде парламента в центре могли обеспечить эффективный контроль за властью.

Высшими ценностями для Муромцева и других русских конституционалистов являлись права личности и законность. Все преобразования в России должны были (и в этом состояла их твердая убежденность) осуществляться только правовым путем. Ничто не могло поколебать их твердую веру в приоритет права. Умеренный либерал по взглядам, Муромцев наряду с другими известными юристами-кадетами (И. В. Гессеном, П. И. Новгородцевым) считал, что монарх в России должен обладать равными правами с народным представительством в лице Государственной Думы.

Много сил у Сергея Андреевича отняли проходившие в октябре и ноябре 1905 г. переговоры земских делегаций с вновь оказавшимся на гребне событий С. Ю. Витте. Речь шла о создании коалиционного правительства с непременным участием либералов, в том числе и Муромцева в качестве министра юстиции. Но главные надежды он возлагал, конечно, на законодательную Думу, твердо решив в случае избрания ее председателем в первой же речи заявить, что «Россия стала конституционной монархией», хотя многие тогда опасались даже произносить слово «конституция»[26].

Избранный 27 апреля 1906 г. на высокий и ответственный пост председателя Государственной Думы, к которому он готовился всю предшествовавшую жизнь, Сергей Андреевич выступил с краткой речью: «Кланяюсь Государственной Думе... Совершается великое дело,

---

[26] *Шелохаев В. В.* Либеральная модель переустройства России. М. 1996. С. 50, 54 и др.; *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881 1914. М., 1997. С. 293.

воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас достало сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо Родины»[27]. Завершая выступление, Муромцев подчеркнул настоятельную необходимость уважительного отношения депутатов Думы к прерогативам конституционного монарха.

Сразу же после своего избрания Сергей Андреевич вышел из фракции конституционных демократов, создав тем самым прецедент для последующих двух дум. Председательствуя на думских заседаниях, он не единожды строго указывал на нарушения процедурных норм своим соратникам по кадетской партии, внешне одинаково относясь ко всем депутатам, независимо от их партийной принадлежности и политической позиции.

По словам А. А. Кизеветтера, видного историка и члена Центрального комитета кадетской партии, «свое дело Муромцев выполнял так превосходно, что все члены Думы без различия партий восхищались его председательствованием и признавали его своим общим вождем»[28]. Дополняя эту высокую оценку, А. А. Кизеветтер далее пишет: «Строгий, суровый, торжественный стоял он на своем месте и вел заседание твердо, в полном сознании правоты своих действий. Но несмотря на его суровость, все члены Первой Думы не только слушались его, но и сердечно любили его. Они все чувствовали, что Муромцеву Дума была дорога, потому что ему дорога была родина, для блага которой он пошел в Думу»[29].

Заняв председательское место, Сергей Андреевич возложил на себя тяжкое бремя ответственности и перед депутатами, и перед всей Россией, считая этот пост вторым по значимости после императора. Вряд ли эта ноша оказалась бы под силу кому-либо из других видных русских либералов, деятелей кадетской партии. Лидер кадетов П. Н. Милюков признавал, что «именно С. А. Муромцеву первая Государственная Дума обязана тем, что введение русского представительства, действительно, не застало «врасплох» наиболее подготовленную часть русской ин-

---

[27] *Муромцев С. А.* Статьи и речи. М., 1910. Вып. V. С. 94. См. также: Государственная Дума 1906–1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. 1. С. 36.

[28] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 12.

[29] Там же. С. 13.

теллигенции»[30]. Обладая глубокими познаниями, Сергей Андреевич приложил колоссальные усилия к выработке думского регламента и процедурных норм. Как подчеркивал депутат I Государственной Думы Н. Езерский, «если Дума не блуждала первое время ощупью, не раскалывалась в ненужных вопросах процедуры... по возможности сокращала время, тратимое на выполнение формальностей... то этим в значительной степени Дума обязана такту и твердости своего председателя»[31].

Объективности ради надо отметить наличие в воспоминаниях наряду с восторженными отзывами более сдержанных, критических оценок деятельности I Государственной Думы, особенно в мемуарах представителей правительственного лагеря. Так, известный государственный деятель России С. Ю. Витте, занимавший посты министров финансов и путей сообщения, а также председателя Совета министров, в своих мемуарах писал позднее, что «было бы правильнее ее прозвать "Думою общественного увлечения и государственной неопытности", а не "народного возмездия"»[32].

Да, первый опыт парламентаризма давался России с большим трудом. Но вряд ли стоит винить в этом думских депутатов, даже самых радикальных и нетерпеливых, выражавших установки своих политических партий, интересы и настроения своих избирателей. Как председатель I Государственной Думы, С. А. Муромцев сделал все, что было в его силах, дабы направить ее работу в нормальное парламентское русло[33]. Но Дума не являлась в полном смысле слова парламентом. Она не имела права касаться целого ряда важнейших вопросов государственного управления: пересмотра основных государственных законов, внешней политики, а также дел, связанных с вооруженными силами. Все это оставалось прерогативой только царя. Даже бюджетные права Думы оказались урезанными: она, например, не имела права контролировать бюджет Синода, расходы, связанные с содержанием царского двора.

Самым главным ограничением Государственной Думы в России было то, что исполнительная власть в государстве — правительство — подчинялось только царю и ни в малейшей степени не зависела от Думы. Мало того, над Думой была поставлена верхняя законодательная палата — Государственный Совет. Половина его членов назначалась

---

[30] *Милюков П. Н.* Сергей Андреевич Муромцев. С. 44; *Он же.* Воспоминания. С. 247–250.

[31] *Езерский Н.* Государственная Дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 19.

[32] *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 356.

[33] *Шацилло К. Ф.* Первая Государственная Дума // Отечественная история. 1996. № 4. С. 60–71.

прямо царем, а другая половина выбиралась от крупных землевладельцев, представителей промышленности и торговли, Академии наук и других элитарных сфер общества. Государственный Совет призван был играть роль фильтра, не пропускавшего законопроекты, которые проходили через Думу, но не были приемлемы для самодержавия. В «Свод основных государственных законов» был введен специальный параграф 87, который разрешал императору в перерывах между сессиями Думы издавать законы от своего имени. Царь мог распустить Думу.

Но, несмотря на все эти оговорки, введение в России законодательной выборной Думы было важнейшим в ее истории событием и крупнейшим завоеванием народа, достигнутым в годы первой российской революции.

Заняв первенствующее положение в Думе, кадеты 5 мая в письменный ответ на «тронную» речь царя включили требование отмены смертной казни и амнистии политическим заключенным, установления ответственности министров перед народным представительством, упразднения Государственного Совета, реального осуществления политических свобод, всеобщего равенства, ликвидации казенных удельных монастырских земель и принудительного выкупа частновладельческих для ликвидации земельного голода русского крестьянина. Думцы надеялись на то, что с этими требованиями царь примет Муромцева, но Николай II не удостоил его этой чести. Ответ думцев был отдан в обычном порядке для «монаршего прочтения» председателю Совета министров И. Л. Горемыкину. 13 мая премьер поднялся на трибуну и на все требования послания ответил категорическим «Нет!». Даже консерваторы были обескуражены. Дума приняла резолюцию о полном недоверии правительству и потребовала его отставки.

Центральным в I Государственной Думе был аграрный вопрос. Его обсуждение в Думе вызвало рост общественного возбуждения в широких массах и революционные выступления в стране.

Желая укрепить положение правительства, отдельные его представители — Извольский, Коковцев, Трепов — выступили с проектом обновления правительства путем включения туда кадетов.

В июне 1906 г. лидеры кадетов вели переговоры с дворцовым комендантом Д. Ф. Треповым о создании однородного кадетского «министерства» либо коалиционного правительства. С. А. Муромцева прочили на пост председателя Совета министров. Но в разговоре с правым либералом, старым знакомым по работе в земстве и московской городской управе Д. Н. Шиповым Сергей Андреевич решительно отказался поддержать идею формирования правительственной коалиции с участием либералов, поскольку в руководстве конституционно-демократичес-

кой партии уже созрело твердое мнение о большей целесообразности однородного кадетского кабинета[34]. Однако это предложение было встречено в штыки консерваторами. Некоторые из них считали, что лучше избавиться от Думы вообще, чем обсуждать эту проблему.

В условиях обострения внедумской борьбы классов правительство находило дальнейшее существование Государственной Думы опасным. 20 июня 1906 г. оно выступило с заявлением, в котором категорически высказалось за неприкосновенность помещичьей собственности на землю, а 8 июля был подписан царский манифест, объявивший, что, поскольку «выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежавшую им область», Государственная Дума распускается. В этом факте сказалась вся призрачность российского парламентаризма, вся реальность самодержавного строя в России.

И хотя такого исхода либералы (в том числе и С. А. Муромцев) не могли не ожидать, обнародование царского указа 9 июля произвело на большинство думских депутатов ошеломляющее действие. На спешно созванном утреннем совещании многие из них решили выступить с протестом и в тот же день поездом отправились в Выборг, входивший тогда в состав Финляндии, где рассчитывали на большую свободу действий. К вечеру в гостинице «Бельведер» собралось около 180 человек, наутро следующего дня подъехало еще 20 депутатов от фракций кадетов, трудовиков и других. Около десяти часов вечера 9 июля наконец решили открыть заседание, председательствовать на котором предложили С. А. Муромцеву. Глубоко порядочный и честный человек, он вместе с другими депутатами безоговорочно подписал знаменитое Выборгское воззвание «Народу от народных представителей». Собравшиеся в Выборге призвали население России в знак протеста против произвола — роспуска I Государственной Думы — оказать «пассивное сопротивление», прекратив уплату налогов, явку новобранцев на призывные пункты, выполнение других повинностей[35].

Таким способом, который, быть может, он сам внутренне и до конца не одобрял, Сергей Андреевич проявил солидарность с остальными депутатами, согласившимися поставить свою подпись под воззванием. В результате бывших депутатов — участников протеста власти привлекли к судебной ответственности. Их лишили избирательных прав и

---

[34] *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Указ. соч. С. 241–245.

[35] Суд над первой Государственной Думой 12–18 декабря 1907. СПб., 1908. С. 7–9; *Тютюкин С. В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С. 82.

права быть избранными в Государственную Думу. Но Муромцев, духовно не сломившийся, продолжал жить с верой в лучшее для страны будущее, занимаясь подготовкой Наказа для будущей Думы. Достойнейшим было его поведение и во время суда над депутатами I Государственной Думы 12–18 декабря 1907 г. в Петербурге и в период трехмесячного пребывания в Таганской тюрьме в Москве[36]. Правда, жизненные потрясения — роспуск I Государственной Думы, репрессии властей, суд и тюремное заключение — негативно сказались на состоянии здоровья Сергея Андреевича.

Но он продолжал напряженно работать в нескольких областях: и в роли адвоката, и в качестве профессора на кафедре гражданского права Московского университета, и как преподаватель на Высших женских юридических курсах, в Коммерческом институте и Народном университете имени А. Л. Шанявского. В 1908 г. вышла книга С. А. Муромцева «Основы гражданского права. Человек и общество», а через два года его «Статьи и речи» в пяти выпусках (последние два выпуска уже после кончины автора, успевшего подготовить их к печати).

Вот далеко не полный перечень его дополнительных обязанностей уже в достаточно пожилом возрасте: председатель суда чести при Обществе деятелей периодической печати и литературы, член редакции Энциклопедического словаря братьев Гранат, один из организаторов Общества мира в Москве, член Общества народных университетов.

Выражением жизненного кредо С. А. Муромцева в этот период стала его проникновенная речь, произнесенная 26 апреля 1909 г. на торжественном собрании в Московском университете, посвященном 100-летию со дня рождения Н. В. Гоголя: «Чествование Гоголя есть чествование духовной народной мощи — той жизнедеятельной силы народного духа, которую сам Гоголь постоянно созиавал в основе своего художественного творчества. Чествование Гоголя есть обращение к чувству общественности, призыв к нелицемерному и горячему служению народу, к самоусовершенствованию личности, как составной единицы человеческого общежития»[37].

В том же году чествовали и самого оратора по случаю 25-летия его адвокатской деятельности. А 23 сентября 1910 г. Сергей Андреевич скромно отметил шестидесятилетие и, хотя летом пришлось в связи с

---

[36] См.: Суд над первой Государственной Думой 12–18 декабря 1907 г. СПб., 1908; *Обнинский В. П.* 90 дней в тюремном заключении. Тюремные заметки. М., 1917.

[37] *Муромцев С. А.* Статьи и речи. Вып. 1. С. 37–41.

ухудшением здоровья обращаться к врачам, юбиляр был переполнен жизненными планами: готовил проекты законов для будущей, либеральной по составу Думы; планировал новый курс лекций, новые научные работы[38]. Но этим планам не суждено было осуществиться. В ночь с 3 на 4 октября 1910 г. он скончался от сердечного приступа.

Весть о смерти С. А. Муромцева разнеслась по всей России от Петербурга до Владивостока. Скорбные некрологи напечатали многие русские и зарубежные органы прессы. Похороны председателя I Государственной Думы 7 октября 1910 г. надолго запомнились москвичам. В течение нескольких часов по центральным улицам и площадям первопрестольной к Донскому монастырю двигалась огромная траурная процессия. Такой массовой манифестации Москва, пожалуй, не знала со времен первой русской революции[39]. Студенты, стоявшие с двух сторон цепью, порой с трудом сдерживали натиск многотысячной толпы. В ней можно было встретить и молодых людей, и убеленных сединами респектабельных господ, и интеллигенцию, и рабочих. Полиция тоже присутствовала, но вела себя незаметно, не вмешиваясь в организацию похорон. Десятки колесниц везли венки с траурными лентами. В центре не работали магазины, учебные заведения. Так, отдавая дань глубокого уважения его памяти, провожали в последний путь благороднейшего человека, чье имя тогда знала вся просвещенная Россия.

Многим из присутствовавших на траурной церемонии глубоко запали в душу проникновенные слова юриста Ф. Ф.Кокошкина, депутата I Государственной Думы от Москвы.

«Сергей Андреевич Муромцев был явлением пророческим в нашей жизни. Он не только учил нас началам правового государства, но и предсказывал их осуществление, предсказывал не словами, нет, — но сам собою, своею личностью, всем существом своим. В те времена, когда самая мысль о народном представительстве в России казалась многим бредом, люди проницательные, видя его в московской городской Думе, в московском земстве, могли предугадать, что представительный строй близится к нам. Ибо уже тогда в лице Сергея Андреевича мы имели народного представителя, и даже более того — главу представительного собрания. Пророчество сбылось. Москва помнит ту минуту, когда она отказывалась от своих исключительных прав на Муромцева, когда она отдавала его всей России...»[40].

---

[38] *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 59, 60.

[39] См.: Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910.

[40] Там же. С. 48.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В. И. ВЕРНАДСКОГО

«Я не могу уйти в одну науку...» — эти слова принадлежат ученому-естествоиспытателю, оригинальному мыслителю, историку и организатору науки Владимиру Ивановичу Вернадскому (1863–1945), никогда не отделявшему себя от судеб Отечества, принимавшему деятельное участие в политической и общественной жизни страны.

В современных условиях, когда в России идет трудный поиск путей эффективного развития общества, особый интерес приобретают политические воззрения виднейших представителей российской интеллигенции, имеющих свое, самостоятельное видение происходивших в российском государстве процессов на различных этапах его существования.

Политическая ангажированность исторической науки долгое время не позволяла объективно проанализировать политические воззрения Вернадского, охарактеризовать его деятельность как члена Государственного Совета Российской Империи, бессменного члена ЦК кадетской партии, члена Временного правительства. Упрощенными и не отвечающими действительности были заключения исследователей, утверждавших, что Вернадский сразу же после революции осознал подлинное величие Октябрьской революции и изменил свою политическую ориентацию. Только в последние годы стали появляться работы, где общественно-политические аспекты деятельности Вернадского стали предметом специального изучения[1].

Для объективного освещения общественно-политических взглядов В. И. Вернадского огромное значение имеют опубликованные в 90-е гг. публицистические статьи, полные тексты его дневников, относящиеся к

---

[1] *Шацилло К. Ф.* Общественно-политическая деятельность В.И. Вернадского в дооктябрьский период // Исторические силуэты. М., 1991; *Волков В.* Кадет Вернадский // Нева. 1992, № 11–12; *Берлявский Л. Г.* Общественно-политические взгляды В.И. Вернадского (исторический анализ) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 4; *Аксенов Г.* Вернадский. М., 1994; *Леонова Л. С.* «Творческое исканье правды...» Общественно-политические взгляды В.И. Вернадского // Свободная мысль. 1995. № 5; *Волков В. П.* В.И. Вернадский — общественный деятель и публицист // Публицистические статьи. М., 1995.

ряду периодов жизни ученого, письма и другие документы автобиографического характера[2].

Политическая деятельность В. И. Вернадского, его политические воззрения неразрывно связаны с тремя российскими революциями, их влиянием на судьбу Отечества. Опыт величайших событий российской истории заставлял Вернадского корректировать свои прежние убеждения, формировал обогащенное исторической практикой новое видение политического процесса.

Ко времени первой российской революции Вернадский имел опыт просветительской, земской деятельности, борьбы с голодом в России в начале 90-х гг. XIX в., борьбы за автономию высшей школы. Он испытал влияние народничества, но не принял крайнего радикализма этого течения. Его не увлекла теория социализма. Идейно-политическая ориентация Вернадского — правовое государство. Силу, способную построить государство, действующее на конституционных основах, он видел в русском либерализме. Система ценностей Вернадского закономерно привела его в ряды либеральной оппозиции.

1905–1907 гг. — годы активного участия Вернадского в общественно-политической жизни страны. Он стоял у истоков создания кадетской партии (октябрь 1905 г.). В апреле 1906 г. он был избран членом Государственного Совета. Его публицистическая деятельность в эти годы носила ярко выраженный политический характер. «Жизнь заставляет, и теперь она не дает уйти в тихую научную и философскую работу, к которой все влечет меня, и вызывает на общественное дело», — пишет он[3].

В революции Вернадский увидел явление исторического значения, поворотный пункт в истории России: «Мы переживаем исторический момент, который не повторяется в истории народа. Мы стоим на заре новой жизни. Как ни тяжело нам, будущие поколения будут нам завидовать»[4].

---

[2] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи. М., 1995; *Он же.* Дневники 1917-1921. Киев, 1994; *Он же.* Дневники. Март 1921 - август 1925. М., 1998; *Он же.* Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 2, 3; *Он же.* Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11–12; *Он же.* «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5; *Он же.* Из писем разных лет // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 5; *Он же.* Письма к сыну и дочери // Вестник АН СССР. 1990. № 12; *Он же.* Совершенно конфиденциально // Родина. 1990. № 7; *Он же.* «Я смотрю на будущее по-прежнему оптимистично». (Письма к детям) // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2; и др.

[3] Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 202.

[4] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи. М., 1995. С. 37–38.

В его идейно-политическом наследии нашли отражение важнейшие аспекты политической жизни России революционных лет. Он отмечал наличие глубоких противоречий в российском обществе, противостояние власти и народа, назревшую необходимость политических преобразований в стране, неадекватность отживших государственных институтов задачам реформирования страны в демократическом направлении. В его работах отражены проблемы становления российского парламентаризма. В его оценке итогов первой русской революции — признание ее всемирно-исторического значения.

Вернадский отмечал, что события 9 января 1905 г. пробудили народ к политической жизни: «Бюрократия хотела мерами исключительной строгости подавить движение в самом начале... Суровые меры вызвали обратное действие. В этот день произошел психический перелом в душе русского народа... *Народ* после 9-го января 1905 г. пошел по иному пути — он перестал искать счастья и лучшей жизни в старых рамках бюрократического строя»[5].

Вернадский обращал внимание на характерное для России начала XX в. переплетение элементов традиционного уклада жизни, сохранившего пережитки крепостничества, и капиталистического строя, на наличие двойного гнета, выпавшего на долю народных масс: «В сложной конструкции русской общественной жизни соединились вместе все самые тяжелые стороны как современного капиталистического строя, так и старинного государственного устройства, где народные массы несут лишь служилое тягло, где они являются рабской безличной основой государственного благополучия. На русский народ выпала фатальным ходом истории доля двойной тяготы; бесправие, полная подчиненность государству, самые элементарные нарушения прав личности, отнятие в пользу государства на чуждые цели внешнего могущества главной части народного труда — соединились с захватом в пользу меньшинства источников народного богатства, с эксплуатацией его труда, тесно связанной с основными условиями современного строя»[6].

Вернадский убежденно пишет о характере и содержании назревших в России преобразований, подчеркивая, что в стране не случайно, а исторически неизбежно они приняли «формы осуществления демократических идеалов»[7]. Он конкретизирует задачи, которые «должны быть разрешены *во что бы то ни стало*». Это — «установление свободных усло-

[5] Там же. С. 118.

[6] Там же. С. 59.

[7] Там же. С. 38.

вий личной и общественной жизни на принципах равенства, а с другой — коренное разрешение земельного вопроса»[8]. Вернадский убежденно доказывает необходимость коренной политической реформы государства и перехода власти «в руки самого народа, ибо только при этом условии возможно — в настоящую эпоху — правильное развитие и существование государства»[9].

С участием широких народных масс в освободительном движении Вернадский связывал крушение «старых исторических форм русского государства». Он подвергает резкой критике государственную систему России. Он пишет о неспособности придворно-бюрократического режима управлять судьбами великого государства: «Благодаря невежеству и неспособности правящих сфер Россия низведена на роль слабого и бессильного государства, огромные средства, извлеченные из населения с безумной расточительностью, привели народ к обнищанию, но не создали государственного могущества; созданный вековой историей крепкий государственный механизм совершенно расшатан»[10]. В статье, написанной под влиянием сообщений о поражении и гибели русского флота в Цусимском проливе 14 мая 1905 г., он подчеркивал связь поражения с устарелостью политического строя страны: «Вполне выяснилось, что причиной поражений является не состав русского флота и русской армии, а вся система, положенная в их основание. На арену борьбы XX в. Россия выступила с государственной организацией, годной лишь для войны первой половины XIX столетия»[11]. Вернадский не ограничивается констатацией причин поражения. Он предлагает *«немедленный созыв народных представителей, свободно и правильно выбранных... Они должны* реформировать центральную государственную власть, следить и контролировать ход государственной обороны России. В их руках, а не в руках нового бюрократического учреждения должна находиться эта оборона»[12].

Требования Вернадского к государственной власти отражает данная им сравнительная характеристика государств, ведущих войну, — России и Японии. Вернадский писал, что война не обусловлена государственными интересами России, это — авантюристический шаг правительства. Политика, ввергнувшая страну в войну, есть политика людей,

---

[8] Там же. С. 70.

[9] Там же. С. 71.

[10] Там же.

[11] Там же. С. 33.

[12] Там же. С. 34.

не осведомленных и малообразованных. Вернадский отмечает неготовность России к ведению войны и с военно-стратегической, и тактической точек зрения, обращая внимание на «невежество и отсталость в специальной подготовке офицерского корпуса, незнание языка и сил противника». Он подчеркивает, что народ и общество не поддерживают эту войну. Правительство хотело «воспользоваться войной для торжества в стране реакционных мероприятий», но война, наоборот, обострила «внутреннюю смуту».

Вернадский отмечает преимущества Японии в войне перед Россией. Россия столкнулась «со стройной и приноровленной к новым условиям государственной жизни системой управления и хозяйства Японии». Японский народ и общество понимают цели войны, их государственный смысл, национальные интересы и потому в стране наблюдается патриотический подъем. Народ и правительство Японии выступают как единое целое. Армия и флот Японии организованы на современном уровне, с учетом и использованием новейших научных достижений военной, морской техники. Их военная тактика отличается «поразительным знанием и учетом сил и средств противника».

Вернадский верил в патриотизм, силу и разум народа при условии понимания, осознания им интересов России. Не исключая неприемлемых условий мира, выдвинутых Японией, Вернадский в этом случае предлагает следующий выход из ситуации: «И если бы оказалось, что условия мира, предлагаемые победителем, не отвечают интересам России, — страна должна знать это, понять и почувствовать. В глубинах русского народа таятся великие силы, и государственные средства России не истощены. Война должна получить новый облик. Ее *неизбежность* и необходимость для блага России тогда будут сознаны и шансы борьбы будут иные... В сознании неизбежности бедствия подымется русский народ, воспрянет русское общество»[13].

События 1905 г., ознаменовавшиеся широким и мощным движением народных масс, дали Вернадскому материал для осмысления проблем, связанных с теорией и практикой социалистического движения. Сохранился набросок его статьи «Исторический смысл событий в России» (1905 г.), оставшейся незавершенной, но позволяющей выделить ряд аспектов, на которых сделал акцент Вернадский. В русской революции он увидел проявление, наряду с другими течениями общественной мысли, социалистического мировоззрения. Из его логических рассуждений следует вывод, что социалистические идеи оказывают огромное воздей-

[13] Там же.

ствие на ход революции в России, вовлекают в движение народные массы, что в социалистической теории отражены черты, особенности будущего общественного строя, что социалистический идеал будущего общества дает представление о новом государстве трудящихся. Вернадский подчеркивает научный характер социалистической теории: «Социализм вырос из науки и связан с ней тысячью нитей; бесспорно, он является ее детищем, и история его генезиса — в конце XVIII, в первой половине XIX столетия — полна с этой точки зрения глубочайшего интереса»[14]. Социализм раскрыл «причины экономического неравенства и связанных с ними несчастий и страданий с такой силой, какая была раньше неизвестна», — делает вывод Вернадский[15]. Силу социализма Вернадский видел в том, что он вносит сознательность в движение народных масс.

В условиях революционного взрыва в стране царь Николай II вынужден был заявить о своей готовности к установлению конституционной монархии. 6 августа 1905 г. он утвердил закон об учреждении Государственной Думы и выборов в нее. Дума имела законосовещательный, а не законодательный характер. Выборы были непрямыми. В основу выборов была положена система курий, то есть распределение избирателей по сословным и имущественным признакам. Было образовано три курии — земледельческая, городская, крестьянская. В соответствии с «Положением о выборах в Государственную Думу» от 6 августа 1905 г. рабочие, женщины, военные, учащиеся, городская беднота, многие нерусские народы, то есть широкие слои населения, были лишены избирательных прав. Выборы Думы (Булыгинской) на этих принципах были сорваны бойкотом, объявленным левыми партиями, радикальным крылом либерального движения.

Указ от 6 августа вызвал всеобщее возмущение в стране. Вместо ожидаемого успокоения народ пришел в крайнее возбуждение. Всероссийская октябрьская политическая стачка, в которой приняло участие свыше 2 млн человек, декабрьское вооруженное восстание в Москве, крестьянские бунты, выступления в армии и на флоте свидетельствовали о накале революционной борьбы в обществе.

Всероссийская политическая стачка заставила самодержавие пойти на новые уступки — 17 октября 1905 г. царем был подписан манифест, в котором говорилось о даровании населению «незыблемых основ гражданской свободы» на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов. Учреждался законодательный пред-

---

[14] *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 527.

[15] Там же. С. 527–528.

ставительный орган — Государственная Дума. Государственный Совет был преобразован в верхнюю палату парламента и получил права законодательной инициативы (хотя и с ограничениями). Законопроекты представлялись после рассмотрения и одобрения их Государственной Думой и Государственным Советом на окончательное решение царю. Обнародование Манифеста 17 октября 1905 г. стимулировало образование двух крупных буржуазных партий — кадетов и октябристов.

Начавшийся после поражения декабрьского вооруженного восстания спад революционного движения сопровождался активизацией реакционных сил, террором, погромами.

Глубиной анализа политической ситуации, конкретными предложениями по выводу страны из тяжелого кризиса отличаются статьи Вернадского «Три решения» (опубликована в газете «Полярная звезда» 19 марта 1906 г.) и «Русская жизнь и "внепартийные"» (опубликована в газете «Русские ведомости» 25 марта 1906 г.), написанные перед выборами в I Государственную Думу.

Размышляя о существующих в обществе вариантах преодоления «смуты и анархии», Вернадский группирует их в три направления. Одна из идеологем, по мнению Вернадского, заключается в «идеализации прошлого». В стремлении подавить народное движение, направленное против старого режима, власть вступила на путь террора, масштабы которого огромны: «количество жертв, павших в эти последние месяцы, во многом превысило печальную работу до сих пор памятных революционных трибуналов Франции конца 18-го столетия»[16]. Однако, считал Вернадский, «великое народное движение, какое охватило всю Россию и захватило и нас, сильнее их (ударов защитников старого режима. — *Л. Л.*) и во много раз могущественнее. Оно явно не может быть остановлено такими примитивными, хотя бы жестокими и ужасными средствами»[17]. Но если сторонники старого строя «раздавят движение» — ставит Вернадский вопрос, — «не подорвут ли они в случае успеха все живые силы страны?»[18].

Вторая идейная платформа — это платформа социалистических партий. Следуя ей, пишет Вернадский, надо осуществить захват власти, установить диктатуру тех классов населения, в интересах которых должен быть перестроен государственный и общественный строй, — диктатуру пролетариата или крестьянства. «Достигнуть этого, как всякой дик-

---

[16] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи... С. 58.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 59.

татуры, можно только силой, путем вооруженного восстания или террора. Введение элементов насилия с этой точки зрения неизбежно. Ибо только тогда программа крайних групп русского общества получает практический смысл, перестает быть идеологическим созданием мечтателей»[19]. Вернадский осуждает насильственные действия, запрограммированные левыми партиями, сомневается в их позитивном результате. «Не приведут ли они в конце концов к бесцельной гибели живых сил русского народа, к торжеству темных сил реакций? Не работают ли они в конце концов... на пользу идеологов прошлого?»[20].

Вернадский предлагает свое решение выхода страны из кризиса: «На больной вопрос общественной этики, что должен делать отдельный человек для того, чтобы помочь стране выйти из бедствия, чем он может помочь общей беде — ...ответ один: он должен войти в политическую партию, он должен участвовать в ее работах, в ее деятельности.

В конечном результате совместной работы всех партий получается политическая организация народа, та сила, которая в конце концов совершенно реорганизует государство, придает ему новую форму, в которой задачи и цели государственной политики определяются волей организованного народа... Чем энергичнее будет организация партий, чем шире она охватит русскую жизнь, тем скорее и полнее прекратится анархия»[21].

«Таким образом, — делает вывод Вернадский, — в настоящую великую и ответственную минуту народной жизни выяснились три ответа на вопрос об обязанностях и нормах поведения отдельного русского гражданина. Один ответ требует от него энергичного и безусловного подавления всего освободительного движения, другой — налагает на него обязанность участия в вооруженной борьбе с правительственной машиной старого государства. Наконец, третий — приводит к энергичной работе над политической организацией народа, к работе в политических партиях. Только этот третий ответ исключает возможность истощения народных сил, то есть государственную гибель, которая существует при победе как идеологов прошлого, так и мечтателей будущего»[22].

На основе вхождения всех граждан в партии получится политическая организация народа: «*весь народ* будет организован и благодаря этому получит возможность воплощать в жизнь, проводить в нее все то,

---

[19] Там же. С. 59–60.

[20] Там же. С. 60.

[21] Там же. С. 61.

[22] Там же.

чему он будет верить, чего он хочет... партий будет несколько; но в их борьбе проявится и выяснится *воля организованного народа* в лице той партии, которая будет призвана таким путем к власти, и эта воля представляет из себя такую решающую силу, перед которой должно склониться все, которой ничто в стране не будет в состоянии долго противиться»[23]. «Произвол и насилия, анархия власти невозможны в стране, где народ составляет политически организованное целое, обладающее органами, могущими выражать его волю и его мысль, — политическими партиями и их комитетами»[24].

До осознания ими необходимости вступления в какую-либо политическую партию «они должны решать практический вопрос выборов. С нравственной точки зрения для них здесь один выход — на этот момент они должны войти в ряды политических партий, подать голоса по их спискам и по их указаниям. В этом теперь патриотический долг каждого русского гражданина»[25]. Неучастие в выборах Вернадский считает противообщественным явлением, а о занявших такую позицию гражданах пишет, что они «живут иностранцами в своем отечестве»[26].

Вернадский высказывает свою точку зрения на причины игнорирования частью населения избирательной кампании: «...трудно отнестись к этому противообщественному явлению с достаточно сильным осуждением. Это порождение долгого рабства, результат векового, развращающего действия бюрократии на широкие слои русского общества»[27].

Вернадский апеллирует к гражданским обязанностям, нравственному долгу населения, постоянно подчеркивая, что «от того, *как мы* поведем себя в эти месяцы и годы, во многом зависит будущее нашей страны», что «может быть, никогда еще не стояла перед отдельным человеком такая ответственная нравственная задача, какая стоит теперь перед нами. Ибо теперь... мы участвуем в строении будущего, кладем камни сооружения, которое определит судьбу поколений»[28]. В статье «Русская жизнь и "внепартийные"» он, логически развивая свой тезис, показывает нравственную недопустимость «жить вне и отдельно от русской жизни... Общее благо должно стоять впереди личных интересов и привычек», «...нельзя отрицать *значения* одного голоса...»[29], который

[23] Там же. С. 64–65.

[24] Там же. С. 65.

[25] Там же. С. 67.

[26] Там же. С. 66.

[27] Там же. С. 66.

[28] Там же. С. 63.

[29] Там же. С. 64, 63.

может решить судьбу выборов. Призывая народ вступать в политические партии, он сознавал невозможность объединения всего народа в одну партию, нереальность ситуации, когда бы весь народ «имел одну мысль и одну душу, — партий будет несколько»[30].

Интересна оценка Вернадским социалистического движения в России, данная в 1906 г. В практически-политическом плане, пишет Вернадский, они считают «неизбежным для спасения страны и для достижения умиротворения полную реконструкцию общественных отношений»[31]. Характеризуя социально-политические ориентиры российских социалистических партий, Вернадский отмечал наличие в их программах привлекательных для масс контуров будущего: «Народные массы впервые за многие столетия почувствовали в себе человека; крайние левые партии открыли перед ними заманчивые картины лучшего мыслимого будущего, они забросили в их среду веру в достижимость справедливого распределения материальных и умственных благ, в возможность полного его осуществления в немногие годы или месяцы»[32]. Вернадский отмечает, что «государственный идеал», перспективы будущего, нарисованные именно социалистическими партиями, вовлекли широкие народные массы в общественную жизнь[33]. Вернадский очень осторожно, а больше — с сомнением в положительных результатах относился к стремлениям левых партий России нетворчески перенести на российскую почву опыт деятельности социалистических партий Запада: «Опыт государственной жизни более современных организаций человечества, вековая работа теоретиков и программы социалистических партий Запада дали готовые формулы, дали идеи и указания, применение которых кажется этим защитникам интересов народных масс легко и просто осуществимым»[34]. Он называет социалистов мечтателями, «верящими в возможность быстрого и скорого переустройства в немногие месяцы или годы всех государственных и общественных отношений, в достижимость социального переворота одним мощным усилием толпы, несорганизовавшегося народа»[35]. Для Вернадского характерно неприятие средств достижения цели, форм поведения, выдвигаемых социалистами, — насилия, вооруженного восстания, организованного террора, диктатуры.

---

[30] Там же.

[31] Там же. С. 59.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Там же. С. 64.

В контексте концепции политической организации общества и путей ее достижения, изложенной Вернадским, логически выглядит его осуждение сторонников левых партий, равно как и правых, бойкотирующих выборы: «В зависимости от своих идей, сторонники более левых воззрений, — социал-демократы, социал-революционеры, республиканцы, на словах, не вступающие в соответствующие партии и не принимающие участия в выборах, на деле повышают шансы более правых партий, работают на пользу и славу своих врагов, играют в жизни роль, диаметрально противоположную своим принципам»[36]. Вернадский считал бойкот I Государственной Думы крупной политической ошибкой, совершенной вождями социалистических партий, не понявшими хода событий.

Парламентаризм в России — коренное положение программы партии кадетов. В идейном наследии Вернадского отражены его взгляды на особенности создания, характер и опыт деятельности российского парламента — Государственного Совета и Государственной Думы как верхней и нижней палат этого политического института.

Проанализировав принципы формирования Совета (они определялись придворными кругами, едва ли, констатировал Вернадский, желающими установления конституционного режима в России), его внутренний регламент, классовый состав, Вернадский сделал вывод, что «он в крайне слабой степени может отражать настроение и мнение народа и общества»[37]. «Он не может согласиться с широкой демократической реформой государственного управления, с аграрной реформой, основанной на интересах крестьянства, с рабочей реформой, отвечающей желаниям и программам рабочих масс»[38]. Вернадский пишет, что Совет «не был создан как вторая палата, как необходимое звено в определенной системе конституционного устройства страны. Его надо рассматривать не с этой, государственной, а с политической точки зрения»[39]. Вернадский осуждает замыслы правящей бюрократии противопоставить эту палату палате народных представителей — Государственной Думе, создав ей в лице Государственного Совета реакционный тормоз[40]. Он доказывает неконструктивность противостояния Государственного Совета и Государственной Думы (в первой Думе преобладали кадеты). Он счита-

[36] Там же. С. 66.

[37] Там же. С. 83.

[38] Там же. С. 82.

[39] Там же. С. 81.

[40] Там же. С. 70.

ет, что «патриотизм и сознание государственного блага» должны быть выше узких классовых и сословных интересов, выше мелких личных интересов членов Государственного Совета[41]. Вернадский предупреждает, что невыполнение Советом стоящих перед ним исторических задач будет способствовать решению их путем вооруженного восстания: «Во имя государственного блага и спасения русского государства от кровавой распри и разложения он обязан всеми мерами помочь Думе в ее тяжелой и трудной работе успокоения и обновления русской жизни»[42].

Характерно, что статьи о Государственном Совете Вернадский написал, будучи членом этого Совета. Редакция журнала «Свобода и культура», где была опубликована 1 мая 1906 г. его статья «О Государственном Совете», обращала «внимание читателей на политическую важность предлагаемой статьи, автор которой проф. В. И. Вернадский — член Государственного Совета»[43]. Вернадский оценил реорганизованный Государственный Совет («с точки зрения государственной целесообразности») как «одно из самых неудачных и самых бесцельных созданий бюрократического законодательного творчества последних месяцев»[44].

В 1924 г. Вернадский дал обобщенную характеристику состава Государственного Совета. «В среде белой молодежи, не видевшей старого режима, происходит его идеализация. Им кажется, что во главе власти стояли люди, морально и умственно головой выше окружающего... И передо мной промелькнул Государственный Совет, где я мог наблюдать отбор "лучших" людей власти... Несомненно, среди них были люди с именами и с большим внутренним содержанием, такие, как Витте, Кони, Ковалевский, Таганцев и др. Но не они задавали тон. Не было тех традиций у сановников, здесь собравшихся, какие были в такой красивой форме у дворецких, — не было ни esprit du corps, ни блеска знания и образования, ни преданности России, ни идеи государственности. В общем — ничтожная и серая, жадная и мелкохищная толпа среди красивого декорума... Помню один разговор с Д. Д. Гриммом, когда мы возвращались из заседания Совета. Ему больше нас, обычных членов оппозиции, пришлось сталкиваться лично с членами Совета. Он был совершенно потрясен циничным нигилизмом этих людей, которые были готовы пожертвовать всем для того, чтобы "устроить" своих детей, получить лишние деньги... Их интересы и их мысли все были направлены главным образом в эту

---

[41] Там же. С. 72–73.

[42] Там же. С. 72.

[43] Там же. С. 68.

[44] Там же.

сторону... И эти министры последних лет — да и раньше — Горемыкин, князь Н. Голицын, Протопопов, Щегловитов... Какой ужасный подбор!»[45].

Деятельность Вернадского в Государственном Совете 1905–1907 гг. ознаменовалась активной защитой своих позиций по вопросам амнистии, смертной казни, помощи голодающим. В его выступлениях и статьях на эти темы — осуждение репрессивной политики, жестокости властей, стремление к установлению приоритета закона в стране, приверженность мирным формам общественного развития.

8 июля 1906 г. указом царя Государственная Дума была распущена с мотивировкой, что она не «успокаивает народ, а еще более разжигает смуту». Вернадский расценил роспуск Думы как «акт безумия и самоубийства»[46]. 11 июля 1906 г. он писал Н. Е. Вернадской: «...я думаю, что теперь начнется борьба, которая в конце концов может вызвать гораздо более коренное изменение строя России, чем предвиделось несколько недель тому назад.

Сделано это, я думаю, по невежеству и полному отсутствию государственного смысла»[47].

Вернадский высказал предположения о причинах роспуска Думы: «Государственная Дума впервые в истории России дотронулась до бюджета, приступила к контролю и рассмотрению того нерва, которым жила бюрократия. Этого бюрократия снести не могла»[48].

Радикальная часть депутатов (около 200 человек) Думы собралась в Выборге, где было составлено воззвание к народу. Депутаты призвали население к пассивному сопротивлению власти. Текст воззвания «Народу от народных представителей» был подготовлен П. Н. Милюковым. В. И. Вернадский принимал участие в его редактировании.

Вместе с коллегами по академической курии Вернадский подал официальное заявление об отставке из членов Государственного Совета.

После разгона первой Государственной Думы председателем Совета министров России стал П. А. Столыпин. Это был убежденный монархист, последовательный сторонник и активный защитник «твердой власти», сохранения помещичьего землевладения. В его политике значительное место занимали борьба с революционным движением и противостояние либеральной оппозиции. Вернадский, как и партия кадетов, отрицательно относились к внутренней политике Столыпина. Он был

---

[45] Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М., 1981. С. 214–215.

[46] Там же. С. 213.

[47] Там же.

[48] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи... С. 128.

убежден, что предлагаемая Столыпиным модель российской государственности носит традиционалистский характер, что правящая политико-административная элита заинтересована в сохранении прежнего типа властных отношений и потому осуществляемые ею перемены не могут затронуть основ существующего режима. Вернадский отмечал, что правительство Столыпина «держится исключительно на грубой физической силе»[49], что государственный террор призван охранять и защищать власть. Он был убежден, что «неспособное и безответственное» правительство Столыпина не может обеспечить динамическое развитие страны, решить острые социальные проблемы, провести радикальные реформы, затрагивающие властные структуры и обеспечивающие политические свободы и права граждан. Вернадский дает характеристику Столыпину как государственному деятелю и его политике: «Семь месяцев назад Столыпин решительно и смело бросил Россию в ту анархию, из которой мы никак не можем теперь выйти. Это была не смелость государственного человека, истекающая из строгого расчета и провидения грядущих событий, а смелость чиновника, основанная на незнании и непонимании окружающего»[50]. Единственный выход из кризиса, считает Вернадский, это — «путь создания думского министерства, хотя бы не состоящего из членов Думы, но обладающего ее доверием и способного поднять в глазах страны нравственный облик власти»[51].

В идейно-политическом наследии Вернадского периода спада революционного движения в стране значительное место занимает проблема выборов во II Государственную Думу, которые он рассматривал в неразрывной связи с коренными вопросами государственного устройства страны, партийно-политической борьбы. Естественно, что он много внимания уделяет партии кадетов на новом этапе революции — целям ее деятельности в Думе, средствам осуществления программных идеалов, участию в избирательной кампании, блоковой тактике кадетов и других оппозиционных сил.

Вернадский был уверен, что именно партия народной свободы вооружена программой, «верно отвечающей историческим условиям русской жизни», что она способна, придя к власти, реализовать принципы парламентаризма и осуществить преобразования в аграрной сфере. Кадетская партия идет в Думу, пишет он, с конструктивными намерениями упорядочения и возрождения государственной жизни в отличие от

---

[49] Там же.

[50] Там же. С. 127.

[51] Там же. С. 129.

других оппозиционных сил, для которых Дума «есть агитационное средство для возбуждения революционного движения»[52].

Вернадский с возмущением пишет о вмешательстве бюрократии в избирательную кампанию с целью повлиять на результаты выборов.

В связи с выборами Вернадский высказывает ряд характерных замечаний, касающихся института власти. Так, он неоднократно обращает внимание на аспекты «нравственности и достоинства власти»; он убежден, что «страна не может управляться только физической силой», что такая власть не имеет будущности, что она «неизбежно или приводит страну к катастрофе, или сдается при первом серьезном внешнем или внутреннем осложнении»[53]. Он пишет о необходимости для власти общественного доверия, при котором невозможны были бы слухи, подрывающие ее авторитет в обществе.

О глубоком понимании Вернадским расстановки партийно-политических сил в стране свидетельствует точность его прогноза о составе II Государственной Думы, оказавшейся левее своей предшественницы. Вернадский с гордостью пишет о своей партии кадетов, о ее историческом призвании и роли, которую она должна сыграть во II Думе. Он акцентирует внимание на том, что лозунг «Берегите Думу!» был впервые выдвинут партией Народной свободы. В избрании председателем II Государственной Думы земского деятеля, кадета Ф. А. Головина, Вернадский увидел «рост политического самосознания русского общества». Важнейшей задачей оппозиции Вернадский считал борьбу с правыми группами в Думе. Отмечая раздробленность, разнородность оппозиции («большевики, меньшевики, трудовики, социал-революционеры разных оттенков, народные социалисты, Крестьянский союз, просто левые и, наконец, крайние левые»[54]), он прозорливо пишет о проблематичности объединения всех этих групп в один «левый» блок. Кадеты приняли тактику, согласно которой их депутаты в Думе не входили в какие-либо блоки с другими группами оппозиции.

Редакционные статьи Вернадского, написанные после выборов Государственной Думы, в феврале-апреле 1907 г., содержат разностороннюю характеристику состояния общества, отражают тревоги, сомнения, надежды Вернадского, связанные с судьбой демократических идеалов. Для Вернадского и его единомышленников появившиеся сразу же после начала работы Думы слухи о ее роспуске означали при их осуще-

[52] Там же. С. 116.

[53] Там же. С. 132–133.

[54] Там же. С. 135.

ствлении крах идеи права и закона, попрание принципов парламентаризма, развязывание революции.

Его статьи в газете «Новь» — это страстный призыв к сохранению Думы. Он предлагает извлечь политический урок из опыта роспуска I Государственной Думы: «Тысячи казней, десятки тысяч арестованных и сосланных, миллионные экспроприации и убийства; вся страна наводнена революционной литературой; озлобление и негодование охватило не отдельные кружки, оно перешло в народные массы. Рознь между партиями усилилась, взаимное озлобление разрушило рамки закона. Исчез последний престиж власти — вместо успокоения вся страна находится в непрерывном сотрясении. Мы стоим накануне финансового краха, и государственная деятельность приостановлена. Закон нарушается на каждом шагу теми, кто его должен охранять; преступления оцениваются и караются различно, в зависимости от политических убеждений»[55].

Вернадский осуждает «придворные и дворянские круги», заинтересованные в роспуске Государственной Думы, «ибо для них русское государство давно заволоклось классовыми или служилыми идеалами»[56]. Глубокая боль сквозит в его словах о возможном падении государственного могущества страны, ее авторитета в мире: «В пылу партийной борьбы правые не останавливаются перед медленной распродажей государственного достояния. Они забывают об интересах государства, защищая мелкие — по существу — интересы своего класса или сословия... Неужели нам предстоит перейти через глубокое унижение иностранного вмешательства? Лица, ищущие денег у иностранных банкиров для того, чтобы с помощью этих денег произвести в стране государственный переворот, способны на все... В их руках судьба России находится в огромной опасности»[57].

О Государственном Совете, его оценках Вернадским говорилось выше. Обратимся к характеристике Вернадским Государственной Думы — этого нового для России представительного учреждения. Вернадский считал, что Государственная Дума выражала общенародные интересы, что в своей деятельности она была неразрывно связана с народом. Он обращал внимание на интеллектуальный потенциал Думы, конструктивный характер ее работы и ее работоспособность. Определилась и совершенствовалась организационная структура Думы. Складывался механизм подготовки законопроектов в думских комиссиях, в околодумских поли-

[55] Там же. С. 141.

[56] Там же. С. 161.

[57] Там же.

тических организациях. Началась законодательная работа Думы. Стала осуществляться практика запросов, в которых Вернадский видел «оружие, которое всегда находится в руках народного представительства и является — при умелом пользовании — огромной силой для очищения страны от нарушений закона, произвола и преступлений органов власти»[58]. Появился опыт блоковой тактики депутатов, отвечающей требованиям и интересам избирателей. Вернадский подчеркивал огромное политическое значение деятельности Думы — она сдерживала анархию в стране, нарушения законов, репрессии, что способствовало поддержанию авторитета правительства.

Не подлежит сомнению утверждение Вернадского о том, что революция 1905–1907 гг. пробудила народ к политической жизни, показала возможность выбора и осуществления в России новой формы правления. Вместе с тем очевидна идеализация им первого опыта парламентаризма в России.

3 июня 1907 г. II Государственная Дума была досрочно распущена. Царский манифест о роспуске Думы и новый закон, изменивший порядок выборов в Думу, означали государственный переворот в стране, поражение революции, наступление реакции.

Поражение революции осложнило движение России к демократическому устройству общества. Но у Вернадского не было сомнений в неизбежности победы демократии в России. Он считал, что историю нельзя повернуть назад, что процесс демократизации невозможно остановить никакими казнями, гонениями, партийной борьбой, что речь может идти только о способах осуществления демократии. Еще в апреле 1907 г. он писал: «Для России нет выбора. Новый режим для нее неизбежен, так как на его стороне народные массы и все умственные силы страны. И есть два выхода. Один — более спокойный переход к новому режиму — парламентской монархии — через Государственную Думу, путем постепенного расширения ее прав и уничтожения бюрократической анархии. Другой — бурный и долгий путь революции, который в конце концов приведет к новым устойчивым укладам жизни — неизвестно каким, но раньше может смести все, что еще дорого миллионам русского народа»[59].

Подчеркивая роль революции 1905–1907 гг. в российском историческом процессе, Вернадский в 1916 г. писал: «...в эти 11 лет после 1905 г., мы впервые жили настоящей политической государственной жизнью,

---

[58] Там же. С. 159.

[59] Там же. С. 162.

резко отличной от того, что мы переживали до 1905 г.. Вся Россия за эти 11 лет перешла в другой период своей истории»[60]. Он отмечал «огромное всемирно-историческое значение» русской революции, характеризовал конкретные проявления ее влияния на жизнь других стран и народов.

В публицистике Вернадского 1908–1916 гг. нет специальных статей, посвященных проблеме политической жизни России. В то же время характерная для его публикаций по высшей школе и научной жизни в стране политическая заостренность, постановка этих вопросов в контексте обеспечения национальной безопасности России, сохранения и укрепления ее государственности позволяет расширить представления о политических воззрениях Вернадского. Эффективность системы государственного управления, военную мощь страны, ее независимость, благосостояние населения Вернадский ставит в прямую зависимость от уровня образованности людей, стоящих у власти, от понимания ими роли образования и науки в жизни страны.

Он активно борется за демократизацию высшего образования, за сохранение университетской автономии, рассматривая ее как фактор демократии в обществе, квалифицируя возможные последствия наступления реакции в этой сфере как «национальное бедствие».

«Спасение России, — пишет он в статье "Перед грозой", опубликованной в газете "Русские ведомости" 12 января 1908 г., — заключается в поднятии и расширении образования и знания»[61]. Глубоко убежденный в своей правоте, он стремится убедить в ней и своих оппонентов, активизировать действия своих сторонников: «Каждый удар высшей школе, каждое стеснение ее автономии есть удар национальной силе, есть удар русской культуре. Ибо высшая школа совершает национальную работу первостепенной важности: в ней сосредоточивается работа и куется все будущее великого народа»[62]. Вернадский подчеркивает роль научной работы в обеспечении могущества государства: «Страна, которая не работает самостоятельно в области научной мысли, которая только усваивает образование — чужую работу — есть страна мертвая»[63].

Государственный подход, патриотизм пронизывают выступления Вернадского, в которых он обосновывает необходимость постановки в России на государственный уровень работы, связанной с изучением и использованием радия. Подчеркнув общечеловеческое значение иссле-

---

[60] Там же. С. 207.

[61] Там же. С. 169.

[62] Там же.

[63] Там же.

дований в этой области, он пишет: «Для каждой страны, для каждого народа неизбежно выдвигаются при этом более узкие — но и более для него дорогие — его собственные интересы. И в вопросе о радии ни одно государство и общество не может относиться безразлично, как, каким путем, кем и когда будут использованы и изучены находящиеся в его владениях источники лучистой энергии. Ибо владение большими запасами радия даст владельцам его силу и власть, перед которыми может побледнеть то могущество, какое получают владельцы золота, земли, капитала». «Для нас совсем не безразлично, — подчеркивал он, — кем они будут изучены. Они должны быть исследованы нами, русскими учеными»[64].

В феврале 1911 г. Вернадский, протестуя против введения полицейского режима в Московском университете, вместе с большой группой профессоров ушел из Московского университета. Одну из причин сложившейся в Московском университете и других вузах ситуации он видел в том, что высшая школа «сделалась ареной политической борьбы в ее самой убийственной и недопустимой для школы форме»[65].

Вновь и вновь он поднимает вопрос о взаимосвязи высшей школы и «мощи и силы государства»: «...в наш суровый век беспощадной мировой борьбы за государственное существование» «гибель или упадок высшей школы есть национальное несчастье, так как им подрывается одна из основных ячеек существования нации»[66].

8 ноября 1911 г. в день открытия торжеств, посвященных 200-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, в газете «Речь» была опубликована статья В. И. Вернадского «Общественное значение ломоносовского дня». Ей присущи та же полемическая направленность, гражданский пафос, что и прежним статьям по этой проблематике. Вернадский выступает против низкопоклонства царского правительства перед Западом, против его попыток переноса сложившихся в Германии основ образования и научной работы на русскую почву. Вернадский гордится вековыми традициями научной работы в России, достижениями научной мысли русских ученых, стоящих в первых рядах ученых мира. «Русская научная мысль стоит сейчас в передовых рядах человечества, — пишет В. И. Вернадский. — А между тем, у себя на родине ей приходится сейчас доказывать право на свое существование. Министр народного просвещения, при поддержке части общества, считающей себя русской, выдвигает законопроект нового обучения азов у "немцев", основанный на отрица-

[64] *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни... С. 219.

[65] *Он же.* Публицистические статьи... С. 180.

[66] Там же. С. 179.

нии и незнании вековой научной работы России, принимает ряд мер, невозможных ни в одной стране, дорожащей национальным достоинством»[67]. «Едва ли есть сейчас культурная страна, которая бы, по сравнению с другими своими расходами, так мало тратила на задачи научной работы, как Россия, — с горечью восклицает он. — Создание гения Петра Великого, коллегия, которой Ломоносов отдал свою жизнь и о которой думал на смертном одре, Императорская академия наук, находится в положении, недостойном великой страны и великого народа; у нас нет средств и нет места для развития научной работы!»[68]. Положение, по мнению Вернадского, может измениться тогда, «когда русское общество привыкнет ценить идущую в его среде научную деятельность как дело национальной важности, стоящее вне временных настроений, политических партий или отношений»[69].

В 1910 г. в России появились признаки нового революционного подъема, который неудержимо нарастал в последующие годы. Уже в 1912 г. Вернадский сделал вывод: «Мы опять стоим на перепутьи...»[70].

Начавшаяся мировая война затормозила революционный взрыв. Однако Вернадский предвидел, что страну ожидают крупнейшие события мирового значения, что сложнейшие явления современности «окажут глубокое влияние на отдаленные поколения»[71], по своим последствиям превосходящее то, «что внесено было в человеческую жизнь 1789 годом и его грозными отголосками»[72]. Так, в октябре 1914 г. он прогнозировал увеличение интенсивности политической борьбы после войны[73].

В годы войны в деятельности Вернадского органически переплетались научная и общественно-политическая деятельность. Он активно работает в созданной по его инициативе Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Отчетливо сознающий научный потенциал России, ее природные богатства, Вернадский остро не приемлет положения, когда Россия оказывается в качестве сырьевой базы западных стран, а обработка сырья производится в Англии, Франции, Германии. Продолжается его деятельность в Тамбовском земстве. В сентябре 1915 г. он вновь избирается в Государственный Совет.

---

[67] Там же. С. 184.

[68] Там же.

[69] Там же. С. 185.

[70] Там же. С. 196.

[71] Страницы автобиографии... С. 276.

[72] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи... С. 200.

[73] Страницы автобиографии... С 272.

Революционное движение рабочих и солдат, недовольных политикой царского правительства в экономической, социальной, внешнеполитической сферах, приняло массовый характер и привело к падению самодержавия.

26 февраля 1917 г. члены Государственного Совета послали царю в Ставку телеграмму, в которой предлагали Николаю II отречься от престола, сместить правительство и передать власть Временному Комитету Государственной Думы. Среди подписавших этот документ четырех выборных членов — В. И. Вернадский[74].

ЦК кадетской партии играл определяющую роль в формировании состава Временного правительства. Кадетская партия, наряду с другими либеральными партиями, превратилась из оппозиционной в правящую.

В публицистике Вернадского, дневниках, письмах, воспоминаниях отражены все главные вопросы, вставшие перед кадетской партией и Временным правительством после Февральской революции, — внешняя политика, государственное устройство, аграрный, национальный. Политической позиции Вернадского были присущи в основном те же черты и особенности, что и кадетской партии в целом, хотя он, как всегда, проявлял и свои независимые суждения. Вернадский не был профессиональным политиком, и в его публицистических выступлениях этого времени значительны теоретические аспекты поставленных жизнью вопросов, представляющие несомненный интерес, но в динамичной и сложной обстановке 1917 г. не подсказавшие кадетской партии практического выхода из сложившейся ситуации.

Вернадский одобрил и поддерживал внешнеполитический курс Временного правительства — сохранение обязательств перед державами-союзниками и доведение войны до победного конца. Вернадскому, по его словам, Россия и Франция представлялись «оплотом свободы Европы от Великой Германской Империи»[75]. В статье «Мир без аннексий», опубликованной в газете «Речь» 14 марта 1917 г., он обосновывает неприемлемость для России формулы «мир без аннексий». Он считает ее двусмысленной для России без добавления: «мир с возвращением всей земли русского государства, занятой неприятелем»[76]. Кадетско-государственническая идеология нашла проявление в аргументах Вернадского в защиту политики продолжения войны с целью расширения сферы влияния России на ряд территорий. В частности, он пишет: «...для

---

[74] *Аксенов Г.* Вернадский. М., 1994. С. 216.

[75] Страницы автобиографии... С. 271.

[76] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи... С. 223.

России выступают с железной силой вопросы экономического характера, настоятельно требующие решения вопроса о проливах, которые не могут находиться в руках чужого нам сильного государства»[77].

Вернадский излагает свое понимание выхода из политического кризиса, в котором оказалась страна. В 1917 г. Вернадский видит угрозу России — ее свободе, целостности, независимости в аморфности, несамостоятельности большинства ее граждан. Он требовательно и страстно взывает к гражданской ответственности соотечественников, призывает их к организованности и объединению для выражения своей политической воли. «В свободном государстве, особенно в государстве демократическом, есть только *одна* форма такого единения, такой организации — это единение в *политические партии*, — пишет он. — Бывают грозные эпохи в жизни страны, когда ни один человек нравственно не должен сметь оставаться вне политических партий, так как только этим путем он сможет стать свободным гражданином, будет закономерно проявлять свою волю и свою мысль в политической жизни, работать над превращением аморфной и мятущейся толпы в стройное организованное целое, обладающее возможностью влияния и воздействия на политическую жизнь страны»[78]. Вернадский убежден, что в сложных условиях XX в. демократия не может существовать без политической организованности народа, что политические партии должны быть массовыми, что каждый гражданин России должен вступать в политические партии, участвовать в их работе. «Надо единичными усилиями достигнуть коллективного решения, превратить толпу взбунтовавшихся и испуганных рабов в организованное общество свободных граждан»[79], — обращается Вернадский к каждому гражданину России.

Вернадский резко осуждает политику большевиков, направленную на вовлечение народных масс в борьбу за переход всей государственной власти к Советам, сознательно шедших на обострение социальной и политической борьбы. Борьба против Временного правительства, по его мнению, это «внутренняя кровавая распря, междоусобная война»[80]. «В борьбе за интересы одного класса большевики потеряли не только государственное сознание, они оторвались от России»[81], — пишет он в мае 1917 г.

---

[77] Там же. С. 224.

[78] Там же. С. 226.

[79] Там же. С.227.

[80] Там же. С. 231.

[81] Там же.

Декларируемая партией кадетов идея защиты общенародных интересов находилась в полном противоречии с классовыми установками социалистов, что вызывало критику Вернадским действий большевиков, других социалистических партий, а также народных масс, попавших, по его мнению, под влияние идей социализма и забывших якобы об интересах государства. 25 мая 1917 г. он пишет в газете «Речь»: «Огромная масса людей действует в жизни, забыв об условиях действительности — забыв о войне, об опасностях внешнего порабощения, надвигающегося голода, анархии. Она не заботится ни об общих интересах государства, ни о его будущем, ни о его безопасности и целости. В жизни она видит только свои личные интересы, свое благополучие, в лучшем случае — интересы и благо своего класса»[82].

Февральская революция стимулировала национальные движения в России, радикализировала выдвигаемые ими в этой области требования. Вопрос о государственной независимости поставили Финляндия, Польша, Литва, Латвия, Украина. Имели место требования территориальной автономии и создания местного самоуправления с законодательными полномочиями. Кадетская программа по национальному вопросу после Февральской революции не претерпела существенных изменений. Она, как и прежде, базировалась на принципе сохранения государственного единства России. Сознавая остроту и сложность национального вопроса в России, наличие дискуссионных сюжетов в связи с этим в кадетской партии, например в вопросе о федерализме и автономии, Вернадский выступает со статьей «Об автономии» (4 июня 1917 г., газета «Свободный народ»). Как видно из статьи, Вернадский, в принципе поддерживая решение VIII съезда кадетской партии о местной автономии, идет дальше обозначенных в нем границ автономии. Он — за большую самостоятельность и полномочия местной власти; он не исключает вариант федеративного устройства государства.

Указом Временного правительства от 11 августа 1917 г. Вернадский был утвержден в должности товарища министра народного просвещения. Свое согласие на занятие этой должности он обосновывал впоследствии так: «В это время я получил телеграмму от Сергея Ольденбурга с предложением занять должность товарища министра и не имел мужества отказаться, так как сознавал свой долг не оставлять людей... в общем деле...»[83].

---

[82] Там же. С. 233–234.

[83] Страницы автобиографии... С. 287.

Он проявляет инициативу в создании новых учебных и научных центров, широкой организации внешкольного образования. Он выступает с докладами, основополагающий тезис которых — государственные интересы России, государственное строительство и научные искания, научная работа неразделимы.

Принципиальные позиции В. И. Вернадского по вопросам высшего образования и науки в России были известны. Однако жизнь на каждом конкретно-историческом этапе развития общества определяла специфику постановки этих проблем и их решения. В статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России» (июнь 1917 г.) конкретизированы основные направления научной работы, наиболее злободневные для послефевральской России с ее экономической разрухой, дезинтеграционными процессами в национальных и окраинных районах. Не анализируя все сюжеты поднимаемой Вернадским проблемы, обратим внимание на один из них, имеющий непосредственное отношение к вопросу российской государственности, а следовательно, и политическим ориентирам Вернадского.

Вернадский отмечает, что в силу неоднородности физико-географических условий, этнического разнообразия России в ней сильны центробежные тенденции, грозящие единству российского государства. Надо учитывать также, продолжает он, что отдельные ее части связаны друг с другом недавно и «были добыты суровыми, нередко кровавыми событиями истории»[84].

Между тем, по мнению Вернадского, большое по размерам государство — великое благо для живущих в нем людей, прообраз мирного мирового сожительства народов. В сохранении единства Российского государства, уменьшении центробежных сил в нем Вернадский видит одну из наиболее важных задач государственной политики. И если до сих пор, считает он, центробежные стремления подавлялись «грубой силой и насильственной русификацией», питаемыми в том числе и недостаточной осведомленностью русского общества и правительства о местной жизни, местных особенностях и жизни составляющих Россию народностей, то теперь в целях государственного единства наши устремления должны идти по другому направлению. Мысль Вернадского нацелена на государственную организацию работы по взаимному ознакомлению проживающих в России народностей, на изучение их жизни во всех проявлениях. Он считает необходимым оказание широкой государственной помощи в изучении истории, языка, этнографии, литературы населяю-

[84] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи... С. 248.

щих Россию народностей, в изучении родиноведения отдельных областей нашей страны. Надо перейти, продолжает Вернадский, к «политике национальной свободы, государственной поддержки национальных учреждений народностей, при сохранении государственного единства»[85]. Положительные итоги научно-исследовательской работы, достигаемые в результате такой политики, уже сами по себе являются мощным средством сплочения народов, считает он.

Опыт Февральской революции и постреволюционного развития показал, что программа, ориентированная на действия кадетов в условиях конституционной монархии или парламентской республики, оказалась беспочвенной в условиях победившей буржуазно-демократической революции. Своеобразие политической ситуации в послефевральской России не было понято кадетами. Несмотря на наличие в их партии многих ученых разных областей знаний и опыт политической деятельности, они не смогли адекватно оценить степень взрывоопасности накопившихся в обществе проблем. Четко обозначились и проявились особенности их понимания социальной психологии народных масс, означающего (по существу) незнание ими народа. Кадеты не обладали или не проявили в этот период политической воли, энергии, необходимых для победы. Либеральная альтернатива общественного развития сначала была отвергнута царской властью, а затем оказалась нереализуемой, невостребованной в бурной революционной ситуации 1917 г. История вскоре подтвердила утопичность их утверждений о внеклассовом характере партии кадетов.

Вернадский как член партии «народной свободы» отразил в своем мировоззрении основные стороны и черты политических воззрений и деятельности этой политической организации.

В Октябрьской революции В. И. Вернадский увидел разрушительную, а не созидательную силу. По его мнению, развертывалась «небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нем чувствуешь себя бессильной пылинкой»[86]. В его дневниковых записях 1917 г. нашли отражение боязнь анархии, опасение развала государства, кровавой междоусобицы, возмущение в связи с фактами уничтожения культурных ценностей, тревога за будущее страны.

В. И. Вернадский неоднократно возвращался к мысли о том, что русский народ не подготовлен к жизни в условиях демократии. Рассуждая о принципах организации выборов в Учредительное собрание, Вер-

---

[85] Там же. С. 248.

[86] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Киев., 1994. С. 28.

надский склоняется к выводу, что «народ не подготовлен ни к каким выборам. Но все же слишком безличны и неперсональны выборы по спискам. А деление партий недостаточно проникло глубоко, и долгой их спокойной, мирной борьбы идей не было»[87]. Он пишет: «Положение трагическое: получили значение в решении жизненного строя силы и слои народа, которые не в состоянии понять его интересы. Ясно, что безудержная демократия, стремление к которой являлось целью моей жизни, должна получить поправки»[88]. По его мнению (запись 14 ноября 1917 г.) «демократия показала свое лицо... В критический момент покажет и свою энергию. Но ясно одно: русский народ до этих форм жизни в мировом государстве не дорос...»[89]. Он думает о тормозе «против безумия, какое может наделать... демократия при отсутствии подготовки к ней народных масс, как мы это видим теперь»[90].

Вернадский излагает свое видение причин осуществления революционных преобразований именно в тех направлениях и в тех формах, которые имели место в России: «Невежество русского народа — одна причина, другая — аморализм. Если преодоления первого не дало государство — монархи, то второго не дали духовные и умственные вожди. В этом грех русской интеллигенции»[91]. У него сложилось убеждение, что интеллигенция не знала народа: «Народ был фетишем для интеллигенции. Между народом и интеллигенцией, в широком смысле этого слова, огромная рознь»[92]. 3 ноября 1917 г. он записывает в дневнике: «Неужели рознь интеллигенции и демоса? Или не мыслимы для устойчивости государства те формы жизни, к каким мы стремились все время?»[93].

Аналитический ум Вернадского позволил ему определить реальную расстановку классовых и партийно-политических сил в стране. Он отмечает, что «в сущности массы за большевиков», что, «несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного», что «большевистское движение, несомненно, имеет корни в населении — в черни, толпе. Она не верит интеллигенции»[94]. Вернадский не считал Ок-

---

[87] Там же. С. 46.

[88] Там же. С. 37–38.

[89] Там же. С. 43–44.

[90] Там же. С. 46.

[91] Цит. по: *Аксенов Г.* Вернадский... С. 244.

[92] Там же. С. 242.

[93] *Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1921. С. 29.

[94] *Вернадский В. И.* Из дневников октября ноября 1917 г. // Огонек. 1990. № 49. С. 13, 14.

тябрьскую революцию заговором, бунтом, инспирированным большевиками. Захват власти большевиками, убежден он, опирался на широкое народное движение; он стал возможен благодаря поддержке масс, выступивших против эксплуатации и социальной несправедливости.

И в контексте тревожных размышлений этого времени — оптимистическая нота: «Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской нации, несмотря на ее антигосударственное движение... Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить»[95]. Вернадский убежден, что поворот в развитии России в 1917 г. настолько «глубок, что то, что за ним сохранится, само по себе огромно»[96]. Он уверен, что «возврат к унитарной монархии невозможен» и «выход один — сильные области, объединенные единой организацией — федерация»[97].

После победы большевиков и перехода к ним власти Временное правительство, его министры не покинули своих постов — они считали своим долгом выполнять возложенные на них обязанности, охранять от захвата и разрушения те отрасли народного хозяйства, которые особенно важны для армии и страны. Дневник Вернадского отражает его участие в работе этого подпольного правительства, а также в ЦК кадетской партии. С 26 октября Временное правительство, членом которого был Вернадский, ушло в подполье. Министры и их заместители собирались на заседания, собрания на частных квартирах, обсуждая меры борьбы против новой власти и перспективы политического устройства России.

Вернадский принимал участие в регулярно проводимых заседаниях ЦК партии кадетов. На заседаниях ЦК кадетской партии обсуждались вопросы, связанные с участием в выборах в Учредительное собрание, с сопротивлением Советской власти.

Вернадский принял участие в нелегальном заседании неарестованных членов Временного правительства в Петрограде 16 ноября 1917 г.; его подпись — на двух документах, принятых Временным правительством — Обращении к русским гражданам и о созыве Учредительного собрания[98]. В «Обращении» сложившаяся в России ситуация характеризовалась как «дни тягчайшей смуты и разрушения Государства Российского»[99]. Временное правительство, по мнению подписавших, являлось «единственной в стране законной властью». Захват власти большевика-

---

[95] Там же. С. 14.

[96] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. С. 43.

[97] Там же. С. 44.

[98] Там же. С. 47.

[99] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи. М., 1995. С. 299.

ми расценивался как «мятеж», приведший к «господству насильников», а мятежники — как изменяющие народу и революции, разжигающие по всей земле русской «пожар злобы, ненависти и гражданской войны»[100]. Авторы «Обращения» писали, что мятеж способствовал усугублению тяжелого положения страны. Они одобряли забастовку служащих государственных учреждений. «Обращение» пронизывал призыв к гражданам России «штыку и насилию противопоставить право и закон», «сплотиться вокруг Учредительного собрания для осуществления своей воли»[101].

18 ноября 1917 г. в газетах было опубликовано постановление ВРК «о переводе в Кронштадт бывших министров Временного правительства под надзор Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов», в котором была названа и фамилия Вернадского[102]. В официальных документах Советского правительства заявлялось, что ЦК партии кадетов — это «политический штаб всех контрреволюционных сил страны»[103]. Видные деятели кадетской партии были арестованы.

В целях безопасности Вернадский уезжает в Полтаву, где проживали родственники его жены. Находясь в Полтаве, он ведет работу, направленную на консолидацию кадетских сил, на усиление их влияния в политических структурах Украины. В этот период в Полтаве находился целый ряд известных кадетских деятелей. Было принято решение создать украинскую партию народной свободы. Вернадский вошел в комиссию для выработки устава и программы новой партии[104].

В июне 1918 г. Вернадский часто встречается с Милюковым в Киеве. В их разговорах важное место занимает вопрос о ликвидации большевистского режима, о восстановлении единой России[105].

Он стремится понять идеи социализма, анализирует государственную практику большевиков, прогнозирует продолжительность нахождения их у власти. Вернадский увидел в только что нарождающемся новом строе черты диктатуры, а в духовной сфере — подавления инакомыслия. Он считал, что русская революция погубила родившуюся в стране конституционность, что в сложившихся условиях она не может решить земельный вопрос, волнующий крестьянство, что решить эту проблему

---

[100] Там же. С. 301.

[101] Там же.

[102] Петроградский ВРК. Документы и материалы. М., 1967. Т. 3. С. 175.

[103] Там же. С. 165.

[104] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. С. 68.

[105] Там же. С. 103, 105.

может только могучее независимое государство, а не раздробленная Россия. Реальная действительность приводила Вернадского к корректировке и даже отказу от ряда прежних социально-политических воззрений. У него возникают сомнения в целесообразности сформулированных ранее кадетами принципов народовластия. В мае 1918 г. он писал: «Мы хотели верить в русскую революцию, в мировое демократическое движение. Теперь мы верить в нее не можем. А у меня все более и более поднимается *презрение!*»[106]. Он делает вывод о необходимости «полного пересмотра основ своего мировоззрения». 17 августа 1918 г. он делает запись в дневнике: «Я не верю в эти основы — ни народная воля, ни всеобщее право, ни социализм, ни интересы бедных и "униженных" сейчас не могут представлять для меня никакого значения. Из-за них и для них жить не стоит. Неужели можно переживать такой развал государства, ничем не нарушив своих идеалов»[107].

Трудно представить, что эти слова принадлежат В. И. Вернадскому, — так диссонируют они с его дооктябрьскими заявлениями о народовластии, о народе, где не было подобного элитарного высокомерия, апологетики интеллигенций. В понимании, объяснении причин трансформации убеждений Вернадского важное значение может иметь статья В. И. Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Задолго до Октябрьской революции (1906) В. И. Ленин прозорливо предсказывал эволюцию идейно-политических установок партии кадетов. Отметив, что «среди кадетов несомненно есть преискренние люди, верящие в то, что их партия есть партия "народной свободы"»[108], Ленин предупреждал, что их «двуличную политику» объяснять личными качествами было бы глубоко ошибочным. Он заостряет внимание на классовых характеристиках этой партии. Ленин отмечал, что партия кадетов по своей классовой структуре не была связана с каким-либо определенным классом общества, что их социальная опора была внутренне противоречивой. Однако она была буржуазной по своим идеалам, характеру. «Кадеты, — писал он, — партия мечтаний о беленьком, чистеньком, упорядоченном, "идеальном" буржуазном обществе... Кадеты не могут вести революцию вперед, ибо нет за ними сплоченного и действительно революционного класса. Они боятся революции. Они сплачивают вокруг себя всех, весь "народ" лишь на почве конституционных иллюзий, объединяют лишь отрицательной связью: ненавистью к обожравшемуся зверю, — к само-

[106] Там же. С. 76.

[107] Там же. С. 120.

[108] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 288.

державному правительству...»[109] Кадеты рассчитывали, что массы примут их принципы политического поведения, политической борьбы, их способы решения социально-исторических вопросов. Они стремились опереться на народ и в то же время боялись его революционной самодеятельности, боялись главенства пролетариата и крестьянства в политической борьбе.

Октябрьская революция нанесла удар абстрактно-гуманистическим идеалам кадетов. Программа и тактика кадетов, рассматривающих парламентскую борьбу как главную и почти исключительную форму борьбы, делающую ненужным «насилие», «захваты», «диктатуру», оказались в полном несоответствии с революционной практикой большевиков. Большевики инициировали революционную энергию народа, направленную на осуществление своих программных целей, и не стремились ограничивать ее в этот период какими-либо правовыми нормами. Суть политического поведения пришедшей к господству власти В. И. Ленин выразил следующим образом: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»[110]. Масса населения, продолжал Ленин, непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право[111].

Кадеты кричат, писал Ленин, «об исчезновении мысли и разума, когда вместо кромсания законопроектов всякими канцелярскими чинушами и... писаками... наступает период непосредственной политической деятельности "простонародья", которое попросту прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества»[112].

В первые послереволюционные годы Вернадский неоднократно ставит вопрос об изменении своего отношения к освободительному движению в России как предшественнику социализма и его разновидности — большевизма. «Старые боги — Чернышевский, все прогрессивное русское движение 1860–1910 годов должно быть сброшено. Надо произ-

[109] Там же. С. 294.

[110] Там же. С. 320.

[111] Там же. С. 321.

[112] Там же. С. 328–329.

вести в умах идейную чистку»[113], — пишет он 19 марта (1 апреля) 1918 г. 29 мая 1919 г. он констатирует в дневнике: «Удивительна ирония судьбы — к чему пришло русское освободительное движение — к полному попранию человеческих условий существования... Напоминает то, что должны были переживать культурные народы и общества, когда захватывали их другие завоеватели, с иной идеологией»[114].

Несмотря на неприятие идей социализма и власти большевиков, Вернадский после Октябрьской революции интенсивно занимается научной работой. В сложной, быстро меняющейся военной и политической ситуации он принимает участие в создании Украинской АН и в октябре 1918 г. избирается ее первым президентом. Сразу же после избрания он публично заявил о своем выходе из конституционно-демократической партии с мотивировкой, что глава Академии, организатор науки должен быть беспартийным, отказаться от политической деятельности.

Однако Вернадский продолжал принимать участие в заседаниях ЦК кадетской партии и «Национального центра» — подпольной организации, созданной летом 1918 г., где кадетам принадлежала главенствующая роль, с целью осуществления практической связи с белогвардейским движением. В то же время происходивший в его сознании процесс переоценки кадетских взглядов с учетом проверки их опытом исторических событий отдалял Вернадского от партийной жизни. «Я сейчас очень холоден к партийным вопросам, тем более, что для меня ясна ошибочность основного принципа партии Народной Свободы — принципа народовластия», — писал он 15/28 сентября 1919 г.[115]

Власть на Украине в 1918–1919 гг. менялась неоднократно. Гетманско-немецкое правление, Директория Винниченко, Советская власть, приход Добровольческой армии Деникина вынуждали Вернадского к переездам, смене места проживания. В 1917–1921 гг. он жил в Полтаве, Киеве, Ростове, Екатеринодаре, Симферополе.

В это время в Ростове были сосредоточены крупные силы ученых, профессоров высших учебных заведений, которые, по словам Вернадского, «не смогли выдержать большевистского режима, принесшего нам ужасы рабства и инквизиции», и прибыли в Ростов из Москвы, Петрограда, Киева, Харькова и др. городов России. Вернадский прибыл сюда 26. 11 (9.12). 1919 г. из Киева с группой киевской профессуры, по-видимому, не желая оставаться там при большевистской власти, которая ста-

[113] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. С. 67.

[114] Там же. С. 136.

[115] Там же. С. 156.

новилась реальностью в результате широкого наступления частей Красной Армии и взятия ими затем города. В Ростове предполагалось проведение ряда совещаний научных работников, профессоров российских университетов и вузов, пребывавших в Ростове и Новочеркасске. По его убеждению, «сейчас главнейшей силой, спаивающей новое русское государство, ...будет являться великая мировая ценность — русская культура во всех ее проявлениях»[116]. Возлагая надежды на победу Добровольческой армии и разгром большевиков, Вернадский считал, что центр организации научных деятелей должен находиться в Ростове — «там, где находится центр правительственной власти»[117].

Отступление войск Деникина под ударами Красной Армии определило отъезд В. И. Вернадского из Ростова 18(31) декабря 1919 г. После Екатеринодара, Новороссийска, Ялты он переезжает в Симферополь. В октябре 1920 г. В. И. Вернадский избирается ректором Таврического университета.

Выступления в печати, дневниковые записи, другие материалы дают представление о волновавших Вернадского проблемах. Главные идейные и политические сюжеты его произведений 1919–1920 гг. — ответственность интеллигенции за Октябрьскую революцию и ее роль в новом обществе, государственное устройство России, национальный мир, русско-украинские связи, нравственное возрождение в обществе.

Опыт гражданской войны привел его к выводу о невозможности реставрации дореволюционных порядков — «старая Россия не вернется»[118]; «мечтать о реставрации могут только люди, абсолютно лишенные чутья реальной действительности»[119].

В раздумьях Вернадского значительное место занимает проблема «единой неделимой России». Однако он подчеркивает, что это — не старый лозунг, а новый — «это воссоздание России — России новой, великой, свободной и демократической с прочно владеющим землею крестьянством. Такой России еще не было»[120]. Вернадский выступает убежденным сторонником сохранения единства России «в смысле великого государства, что является великим благом для общества». «Большое государство, — писал он в сентябре 1919 г., — есть всегда явление в истории прогрессивное — а свободное большое государство дает такие

---

[116] *Вернадский В. И.* Публицистические статьи... С. 284.

[117] Там же. С. 285.

[118] Век XX и мир. 1989. №6. С. 42.

[119] Век XX и мир. 1990. №1. С. 27–28.

[120] Там же. С. 26.

возможности роста и влияния человеческой личности и такие удобства жизни, какие недоступны мелким формам государственности. По мере роста мировой культуры значение граждан великих государств будет все увеличиваться и их духовная жизнь достигнет максимально возможного размаха и широты проявления»[121].

Находясь на Украине и остро переживая национальные распри, В. И. Вернадский выступает за национальное примирение, русско-украинское единение «как залог воссоздания единой, великой, неделимой России»[122]. По его мнению, «культура украинская... вполне и целиком соединена с идеей единой и неделимой России и может найти в ее великих рамках полную возможность своего самого широкого проявления»[123].

Вернадский излагает свое представление о национально-государственном устройстве новой России. Отвергая централизм власти, свойственный старой России и до известной степени советской, он видит новую Россию единым государством, великим по размеру федеративным или с автономными провинциями[124].

Вернадский был противником диктаторской власти при любом политическом режиме: «Какая бы власть в России ни была, монархическая или республиканская — безразлично, немыслимо то давление на внутреннюю жизнь общества, какое производилось или производится, например, монархической самодержавной властью старой России или же диктатурой коммунистов при республиканской организации власти»[125].

Думая об основах новой России, Вернадский не мыслит эффективного развития государства «при бесправном — de jure или de facto — положении творческих производительных сил страны, из них главнейшие — крестьянство и интеллигенция»[126].

В. И. Вернадский резко осудил «красный террор». В статье «Памяти П. Я. Армашевского», опубликованной 9 сентября 1919 г. в газете «Объединение», он писал: «В XX веке мы пережили и состояние неполноправных граждан старых времен, и ужасы возрожденной к жизни инквизиции»[127]. Однако он призывает не к мести, а к «нравственному возрождению»[128]. В ноябре 1919 г. по дороге из Киева в Ростов он делает

---

[121] Там же.

[122] Там же. С. 27.

[123] Там же. С. 26.

[124] Там же. С. 28; 1989 №6. С. 43.

[125] Век XX и мир. 1989. №6. С. 43.

[126] Там же. С. 43.

[127] Век XX и мир. 1990. № 1. С. 27.

[128] Там же.

запись: «Мне иногда кажется, что если бы большевики заявили, что они прекращают террор и чрезвычайки, население было бы с ними в широких кругах. По крайней мере интеллигентные слои»[129].

Характерна эволюция позиции Вернадского в отношении «белого движения». Еще в сентябре 1919 г. Вернадский, далеко не во всем одобряя действия Добровольческой армии, был убежден в необходимости и целесообразности ее поддержки. «Все-таки важнейшая и главнейшая цель — освобождение от большевиков», — пишет он[130]. В его представлении армия Деникина была в тот период единственной силой, которая могла бы восстановить российскую государственность, спасти страну от полного развала. Он писал: «В общем итоге для меня ясно, что во что бы то ни стало надо поддержать ДА, так как она есть та сила, которая становится русской армией, а без русской армии нас растащут по кускам. В связи с этим нам надо мириться со многим плохим, что с ней связано, с ее ошибками и с, возможно, чуждыми нам ее стремлениями и деятельностью. Борьба должна вестись в ее рамках, ломать и разрушать ее рамки было бы сейчас губить русскую государственность»[131].

Однако вскоре Вернадский оказался глубоко разочарованным в белом движении. В отличие от белогвардейцев Вернадский был противником возвращения старой России, дореволюционных порядков в стране: «Мне представляется сейчас огромной опасностью то, что ДА стремится неуклонно к реставрации. Стоит ли тогда их поддерживать? Не легче ли и не проще ли идти через большевизм, добившись для него мира»[132]. «В ДА нет... идейного содержания, кроме восстановления старого, пишет Вернадский 24.11 (7.12) 1919 г. — Все другие части ее программы несерьезные приманки?»[133]

В конце 1919 г. Вернадский, видимо, проанализировав политическую практику руководства белой армии и сопоставив ее с большевистской, изменил о них как о политиках прежнее представление: «Както мало верится в государственные черты и творчество деятелей Д. А. Серые люди из серых. В этом отношении большевики ярче»[134]. В Добровольческой армии, пишет Вернадский, «*нет* патриотизма» (21.11 (4.12). 1919 г.)[135].

---

[129] *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. С. 181.

[130] Там же. С. 150.

[131] Там же. С. 166.

[132] Там же. С. 186.

[133] Там же. С. 186.

[134] Там же. С. 204.

[135] Там же. С. 185.

Вернадский констатирует, что программа «белого движения», моральные принципы белой армии не могли привлечь массы. Отсутствие идейного содержания обусловило ее полное разложение к концу 1919 — началу 1920 г.: «По-видимому, ДА разложилась и даже в казачьих полках нет желания сражаться. Моральное падение ДА полное, и едва ли она подымется. Очень ярко здесь проявилось ее полное разложение благодаря отсутствию идейного содержания. Идея большого "великого" государства не могла повести за собой массы. Да и при создании императорской России она явилась следствием ряда событий, а не целью. А тут думали создать из нее цель. И эта цель не могла даже возбудить патриотические чувства, так как основана была на гордости, которая неконкретна для обывателя. К ДА так же, как к большевикам, присосалась масса нечисти, и в конце концов они не лучше друг друга; только при ДА легче жить культурным людям»[136].

В условиях гражданской войны и военной интервенции иностранных государств, преследующих и территориальные цели, Вернадский опасается за потерю Россией территории. Его мысль направлена на поиски пути сохранения великого государства. Для Вернадского, видевшего противоречия и внутри белогвардейского лагеря, ясно, что длительное «вооруженное междоусобие» — это «гибель России»: «пока две русские армии дерутся — чужаки расколят всю нашу территорию. Надо найти выход». Его логическое заключение вылилось в форму вопроса-ответа: «Какое-нибудь соглашение с командованием Красной армии?»[137].

Красная Армия стала реальной силой. К концу 1919 г. победа большевиков по всей стране почти не вызывала сомнений у Вернадского. Многочисленные противники советской власти, большевиков были побеждены. Коммунистическая партия смогла повести за собой миллионные массы населения. Дневниковые записи Вернадского воспроизводят его оценку ситуации, отношение населения к советской власти. 11/24 декабря 1919 г., находясь в Ростове, он пишет: «Население все более реально учитывает возможность победы большевиков. Низы их ждут как своих»[138]. Сделанная Вернадским на другой день запись отражает ситуацию в Новочеркасске: «Здесь настроение масс большевистское»[139]. Гибель большевизма, пишет он, «начинает мне казаться все сомнитель-

[136] Там же. С. 207.

[137] Там же. С. 190.

[138] Там же. С. 194.

[139] Там же. С. 195.

нее» (13/26 декабря 1919 г.)[140]. Он отмечает, что идеи большевизма глубоко проникли в сознание народных масс России, стран Европы и Азии и потому они быстро и легко не исчезнут.

Вчитываясь в дневники Вернадского, отражающие его жизнь в годы гражданской войны, невозможно не поражаться не только широте его научного и общекультурного кругозора, непреодолимой тяге к научным изысканиям, но и умению вести научную работу в любых условиях, независимо от ситуации — политической, военной, материальной, бытовой и т. д., стремлению поставить результаты научных исследований на службу своей стране, во имя воссоздания и укрепления Российского государства, во имя его будущего. Он верил в Россию даже тогда, когда она была разорена, разделена на части, когда в стране царила анархия, когда она была охвачена гражданской войной, когда в стране были холод и голод: «*Война становится поистине мировой, а Россия, пока поверженная в прах*, объектом ее. А между тем я ясно чувствую, что в конце концов она является силой гораздо более значительной, чем это многие считают»[141]. В конце декабря 1919 г. он пишет: «Исполняю свой долг доведения до конца дела исследования Азовского моря, но не очень верю в успех при нынешнем положении фронта. Однако, по существу, я считаю правильным производить такое исследование даже при тяжелом положении фронта: 1) война междоусобная, следовательно, каждая власть, обе борющиеся стороны должны охранять и поддерживать центры культурной работы страны... 3) нельзя откладывать исполнение таких задач, как поднятие производительных сил на после установления нормального порядка вещей. Этот порядок, может быть, установится через годы...»[142].

В конце 1919 г. у Вернадского — настойчивые мысли об эмиграции. С одной стороны, его пугает жизнь в условиях власти большевиков, под ударами которой контрреволюционные силы теряли политический авторитет и занятые ими территории, где находился Вернадский. С другой стороны, эмиграционные настроения питались сознанием невозможности ведения плодотворной научной работы в условиях, в которых оказался ученый. Трудно сказать, какой из факторов был в это время решающим. Однако логика рассуждений Вернадского, его последующий выбор заставляют склониться к выводу о том, что для него приоритетное значение имел фактор науки. Процитируем характерные для понимания его настроя отрывки из дневника конца декабря 1919 г.: «Идет

---

[140] Там же. С. 197.

[141] Там же. С. 120.

[142] Там же. С. 194.

катастрофа, или же большевики будут остановлены и волна пойдет обратно? Могут быть оба варианта... Мысль об эмиграции крепнет, но после разговора в Ростове с Орловым считаю невозможным не испробовать всех путей остаться в России. На днях написал Медведеву, сегодня Танфильеву — может быть, удастся устроиться в Новороссийском университете? Неясно мне, что дадут мои заграничные хлопоты... Я совершенно неясно представляю свой научный вес на Западе. Все главное печаталось по-русски. Но больше всего хочется иметь возможность научной работы»[143]. «Я очень подумываю об отъезде. Очень тяжело под большевиками. Хочется на большой простор: 2 года не знаешь, что делается на Западе и в мировой литературе... Сегодня с А. С. Гинзбергом разговор о невозможности работы научной в Екатеринодаре без книг, новых журналов, возможности экскурсий. Но я все-таки как-то не решаюсь на этот шаг — разрыв с работой в России. А между тем работа в славянских землях даст возможность связать и их с русской культурой. Может быть, окажусь за границей»[144]. Однако, став ректором Таврического университета, Вернадский отверг в 1920 г. поступившее от Британской ассоциации наук, членом которой он состоял, предложение переехать вместе с семьей в Англию.

После установления в Крыму советской власти (ноябрь 1920 г.) ректорская работа Вернадского продолжалась недолго (по февраль 1921 г.). Созданная при Крымревкоме чрезвычайная комиссия начала реорганизацию университета, а по сути — ликвидацию университета в его классическом понимании: упразднение гуманитарных факультетов, разделение других факультетов с целью придания им прикладного характера, проверку политической лояльности преподавателей и студентов с целью удаления антисоветских элементов. Вернадский, руководствовавшийся давно уже сложившейся у него концепцией университетского образования, пишет в январе 1921 г. развернутую «Записку о необходимости сохранения Таврического университета» и адресует ее правительству Крыма.

Вернадский доказывал необходимость фундаментальной подготовки студентов, убеждал не исходить из интересов минуты, развивая только прикладную науку, которая «кажется в данный момент политическим деятелям практически важной», предупреждал, что «то, что сегодня не имеет значения в приложении к жизни, завтра может явиться самой насущной ее потребностью». «И было бы величайшей ошибкой

[143] Там же. С. 204.

[144] Там же. С. 208.

для всякого народного правительства, вырывая из всей науки ее часть, давать народу полузнание как раз в тот момент, когда можно дать ему полное знание».

Вернадский резко возражал против «уничтожения» факультета общественных наук и философско-словесного. Он убеждал, что установление нового социалистического или коммунистического строя требует систематического и непрерывного научного изучения всех основных вопросов, связанных с этим строем, что только в этом случае возможно правильное влияние «на научное мировоззрение и научную мысль». На философско-словесном факультете, писал он, сосредоточено изучение философских дисциплин, без которых «не может существовать Университет и не может идти жизнь цивилизованного человечества», изучение языка и духовной культуры народа.

Реагируя на оценку Таврического университета как буржуазного университета, центра буржуазной науки, Вернадский доказывал, что нет наук социалистической и буржуазной, отличных от мировой науки, что эти определения вносятся лишь «преходящими настроениями политических деятелей». «Наука одна, — писал он, — и независима как от религиозных и политических, так и от социальных форм жизни... Новый социальный строй будет прочен только тогда, когда он даст свободу научному творчеству, а не тогда, когда он будет против него бороться и поставит его в тиски каких бы то ни было религиозных, социальных или политических мнений»[145].

Революционное правительство Крыма вскоре отстранило Вернадского от работы ректором в университете как политически неблагонадежного.

В первой половине февраля 1921 г. в Симферополь прибыл санитарный поезд, шедший из Севастополя в Москву. По инициативе непременного секретаря АН С. Ф. Ольденбурга и наркома здравоохранения Н. А. Семашко один вагон был отдан семье Вернадского, охраняемой в дороге чекистами. В поезде Вернадский выступил перед ранеными красноармейцами с сообщением о природных богатствах России. Как он писал, «аудитория слушала внимательно и после предлагались вопросы. После лекции тов. Табашников пытался использовать мою лекцию в целях коммунистической пропаганды — указать им, за что они сражаются»[146].

Возвратившись в апреле 1921 г. в Петроград, Вернадский активно включается в научную жизнь. Летом 1922 г. он уезжает в Париж для чте-

---

[145] *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 570.

[146] *Аксенов Г.* Вернадский... С. 308.

ния лекций в Сорбонне, куда был приглашен как редчайший специалист по геохимии. Три с половиной года Вернадский работает в Париже, занимаясь научными изысканиями и педагогической деятельностью.

Эти годы — во многом переломные в биографии В. И. Вернадского. В этот период окончательно сформировался его вывод о необходимости пересмотра своих прежних кадетских социально-политических взглядов и действий, оформилось осознание причин отхода от политической деятельности и выхода из кадетской партии. С другой стороны, несмотря на противоречивый характер развития общества, именно в эти годы под влиянием позитивных преобразований в стране укрепляется вера Вернадского в возрождение России.

Вернадский сопоставляет идеал кадетов, которые последовательно подчеркивали особую роль свободной человеческой личности в обществе, отстаивали его в своей практической деятельности, с политикой большевиков в духовной сфере и делает вывод о принципиальных отличиях их идеала от идеала большевиков: «Сейчас видно резкое противоречие большевизма, ведущего к новому массы, и того идеала — свободной человеческой личности, который нам дорог и который мы думали видеть в борьбе с абсолютизмом.

Сейчас для будущего человечества более страшен и опасен идеал большевизма и социализма, более глубокий враг свободы, даже, чем опасность со стороны христианской церкви, потерявшей прежнюю возможность преследований»[147].

Осуждая практику большевиков, Вернадский и после Октябрьской революции сохранил критическое отношение к царскому самодержавию. В 1924 г. в связи с 10-летием начала мировой войны, вспоминая ситуацию в Чите, где его застало известие о войне, Вернадский писал: «Теперешний развал имеет глубокие корни в недовольстве народных масс той жизнью, какая была создана царским строем...»[148].

Выводы Вернадского — не поверхностные штрихи к характеристике осмысливаемых им явлений, а плод глубокого анализа своих прошлых политических взглядов, политической деятельности, сопоставления их результатов с реалиями послеоктябрьских лет. Вернадский искренне излагает свои переживания в письмах из-за рубежа И. И. Петрункевичу — единомышленнику-кадету, семьи которых связывали тесные дружеские отношения: «...обращаясь к Вам, мне хочется высказать то, чем живу»[149].

---

[147] *Вернадский В. И.* Дневники. Март 1921 — август 1925. М., 1998. С. 118.

[148] Там же. С. 152.

[149] «Я верю в силу свободной мысли...». Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 217.

Вернадский подчеркивает: «...в политическую работу я не вмешиваюсь... — И мое неучастие в политической борьбе основано на моей критике прошлого и на сознании, что всякая культурная и бытовая работа в данный исторический момент гораздо важнее. Форм для политической борьбы сейчас нет, и быт сейчас гораздо сильнее в борьбе с коммунизмом, чем все интервенции, заговоры (которых к тому же почти нет!) и болтовня а la Милюков, Кускова и т. д.»[150]. Обращаясь к «критике прошлого», Вернадский отмечает присущее ему и ранее принципиальное несогласие с социалистической идеологией: «Я думаю, что Вы и я были rari aves в русской жизни — мы совсем никогда не были затронуты социализмом — всегда видели в нем проявление насилия над человеческой личностью». «Не только коммунисты, но и все социалисты — враги свободы, так как для них личность человеческая исчезает перед целым»[151]. Вернадский находит в коммунизме черты и старого самодержавного строя: «Как это ни странно, Луначарский и Покровский — прямые продолжатели Делянова и Кассо, и корни коммунизма только отчасти в социальных построениях социализма — частию они в старой русской государственности»[152].

В практической деятельности Вернадский, как и многие другие кадеты, стремясь расшатать самодержавный строй, поддерживал по ряду вопросов левые партии России. В 1923 г. он пишет: «И, осматривая свою жизнь, я вижу, что я не понял в пережитом, что ни в каком случае нельзя было соединяться в действиях с социалистической по партийности или с социалистической по существу толпой. «Демократия» социализма и «демократия», о которой мы говорили, была разная. Уважения к человеческой личности нет и не может быть в социализме, так же как его не может быть в якобинизме»[153]. «И с этой точки зрения, — продолжает Вернадский, — если духовным предком моим и может быть Радищев, то только одной стороной своей личности, — а среди декабристов Пестель рисуется мне скорее предком большевиков в их якобинских проявлениях. В политической борьбе, какую мы переживали, те из нас, которые понимали варваризацию, вносимую в жизнь социализмом, и для которых уважение и признание ценности человеческой личности не позволяло идти по пути якобинизма — как, например, я, — не оказались доста-

[150] Там же. С. 207.

[151] Там же. С. 209, 213.

[152] Там же. С. 213.

[153] Там же. С. 209.

точно стойкими. Я вижу в прошлой своей политической деятельности большие ошибки: видел опасного врага культурной работе не там, где он был...»[154].

Вернадский считает необходимым осуществить переоценку ценностей, которым поклонялась русская интеллигенция и воплощение которых в жизнь привело к власти большевиков: «Но ведь поколениями русская интеллигенция подготовляла (и с какой энергией и страстностью) этот строй. Как химическая реакция: полученный результат освещает весь процесс. Должна в нашем самосознании произойти коренная перестройка ценностей! Радищев, Пестель, Желябов, Перовская и tutti quanti ближе к Магницкому, Бенкендорфу, Победоносцеву, чем к нам. Деятельность "Отечественных записок" или "Русского богатства", по существу, деятельность глубоко реакционная!»[155].

Вернадский пришел к отрицанию позитивной роли демократических и революционных традиций борьбы против царизма, сложившихся в России. Неприятие идеологии и практики большевизма определило критику Вернадским и его глубинных истоков, корней освободительного движения в России. Интеллигенция, по его мнению, не поняла природы человека, силы движущих им мотивов, а также и природы общества, условий его развития. О человеке, обществе, государстве, а также и о своих реальных силах она имела ложное представление. Интеллигенция исходила из представления, что после ухода с политической сцены самодержавия представители всех классов общества, представители народа встанут во главе государства и будут осуществлять необходимый с ее точки зрения порядок. Планомерное и упорное воздействие интеллигенции на низшие классы способствовало, по логике Вернадского, отрицанию народными массами государственности, развязыванию анархических инстинктов в них, классовой ненависти, погромных страстей. Большевистская действительность, считал он, явилась закономерным результатом воплощения в жизнь устремлений интеллигенции.

Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу окрашены пессимизмом в сюжетах, касающихся идейной, моральной, политической обстановки в России. «Чем более я вдумываюсь в происходящее, тем более вероятным мне представляется положение в России мрачным»[156].

Социально-философский, нравственный, эмоциональный настрой Вернадского при оценке реалий идейно-политического плана находился

[154] Там же. С. 209–210.

[155] Там же. С. 208–209.

[156] Там же. С. 212.

в противоречии с его оптимистическим настроем при анализе научной жизни страны, преобразований в сфере культуры. Его оценки всегда были связаны с уважением к факту: «Я эмпирик в своей научной работе, и в целых областях знания — а также особенно в жизни — эмпирическое обобщение непременно должно, мне кажется, преобладать над чисто логическими построениями разума. Обычно не отделяют и не видят огромного отличия эмпирического обобщения от научной или иной гипотезы. А между тем оно огромно, и особенно должно иметь значение эмпирическое обобщение в явлениях общественной жизни»[157]. Такой подход позволил Вернадскому объективно оценить достижения Советской власти в сфере культуры и науки. Он горд и удивлен тем, что в России в ряде областей науки, несмотря ни на что «получаются крупные результаты, совершенно сравнимые с работой Запада» (21 августа 1924 г.). И дальше: «Любопытны указания — которые я имею с разных сторон — в области точного знания — на появление молодых талантов из народной страны [среды]. Может быть, в этом главная возможность возрождения... Если действительно на смену идут новые силы — а факты, к моему совершенному удивлению, как будто начинают на это указывать, — возрождение России может совершиться скорее, чем я думаю»[158]. «Когда говоришь с некоторыми из приезжающих... — видишь, что они говорят о "чуде" — о будущем расцвете. Едва ли может быть расцвет в связи со всякой революцией, а особенно с такой, как коммунистическая. Но, по-видимому, страна справляется с этим несчастьем духовно лучше, чем я думал...»[159].

Этот тезис становится убеждением Вернадского. В апреле 1924 г. он пишет: «Из России я имею много писем и думаю, что картина жизни в ней чрезвычайно сложная, — но все же самая главная сила, которая в конце концов переборет все, — это мысль и умственное творчество — науки, философии, религии, искусства. И оно сейчас в России не иссякает»[160]. «В силу свободной мысли я верю как в единственную реальную силу, более могущественную, чем мы это думаем в политических наших расчетах»[161]. Одновременные достижения в разных областях культуры обеспечат возрождение России, считает он. Осуществляемая в стране научная работа была для Вернадского «глубоким признаком жизненной

---

[157] Там же. С. 216.

[158] Там же. С. 214.

[159] Там же. С. 218.

[160] Там же. С. 213.

[161] Там же. С. 214.

силы нации». Он видел заинтересованность руководства страны в научном прогрессе, помощь государства развитию науки. Создавались новые научные учреждения, развивались новые научные направления, проводились съезды и конференции научных работников, осуществлялось материальное обеспечение научных учреждений, расширялись возможности публикации научных работ, оформлялись командировки ученых в зарубежные научные центры, улучшались материальные условия жизни ученых.

Новые факты придавали новое видение послеоктябрьской действительности, Октябрьской революции в жизни народа: «Та молодежь, которая начинала работать в эпоху революции, выросла и в значительной мере не погибла. Всюду сообщают о страстном стремлении к знанию и его исканию при невероятных трудностях жизни. И несомненно, среди этих людей есть люди *низов*, которые вышли на поверхность благодаря революции»[162] (январь 1925 г.).

«Вы чувствуете огромный исторический сдвиг: для меня ясно, что вековое — поколениями шедшее — стремление народа освободиться от помещиков — навсегда — и получить землю исполнилось. И это — основной процесс. По-видимому, есть и разочарование — но то, что произошло, и крепко, и чувствуется, как завоеванное. Очевидно, собственность на землю — есть основное достижение, и не только мелкая собственность. На этом не остановится. Сейчас в этом будет основная борьба»[163] (июнь 1927 г.).

«Огромно и интересно решение национального вопроса. Вся азиатская Россия находится в очень сильном движении. Много глубоко важного и интересного... Идет всюду огромная и разнообразная интересная культурная работа. Массовое и широкое научное исследование»[164].

Подчеркивая достижения национальной политики в СССР, Вернадский, всю жизнь интересовавшийся национальными проблемами, понимавший их значение и сложность решения в многонациональной стране, заостряет внимание на кажущихся на первый взгляд незначительных нюансах в этой сфере, но могущих превратиться при определенных обстоятельствах в серьезный фактор политической жизни. «Многие смотрят оптимистически с точки зрения *русского* языка и значения русской культуры. У меня есть серьезные сомнения и беспокойство»[165], —

---

[162] Там же. С. 218.

[163] Там же. С. 220.

[164] Там же.

[165] Там же.

пишет он, «Украина, мне кажется, сейчас окрепла национально, и коммунисты там должны считаться с национальным движением больше, чем в России. Это сейчас важный фактор внутренней *политической* жизни, и с ним приходится считаться на каждом шагу, в частности, им определяется, например, и новый строй нашей Академии Наук. Ведь серьезно был поставлен вопрос (в связи с Днепровскими порогами) о выходе Украины из Союза»[166].

Вернадский выступал против интервенции и гражданской войны как условий изменения политической власти в России. Интервенцию он считал несчастьем для России, так как она в конце концов может привести к раздроблению России, внесению гражданской войны. Он трезво оценивал и возможности эмиграции — «силы у эмиграции нет, и идеалы многих из них чужды в русской среде»[167]. Вернадский подчеркивал резкую разницу между патриотизмом в России («там оберегают оставшуюся территорию России и мечтают о воссоздании потерянного и боятся дальнейшего дробления») и в эмиграции («здесь — считают лучшим вырвать от большевизма хоть части...»)[168]. «Центр мысли и научной работы не в эмиграции, а в России...», — писал он[169]. «Возрождение старого мне представляется фантазией», — уверенно заявляет Вернадский[170].

Он не видел в первой половине 20-х г. ни в России, ни в эмиграции сил, которые создадут «политически новую Россию». По его мнению, «центр этих сил — где-то в молодых поколениях, которые не ответственны за грехи отцов... Вожди будут новые. И, очевидно, они должны найтись где-то среди молодых»[171].

Вернадский пытался разобраться во множестве сложных вопросов, от решения которых зависело будущее России. В его раздумьях о судьбе своего Отечества — сомнения, противоречия, пессимизм и оптимизм, мысли об эмиграции. Истинная любовь к Родине, гражданская совесть, убеждение в силе творческой личности определили поведение Вернадского в этот сложный для него исторический период. Независимо от характера политической власти он стремится возможными для него средствами сохранить целостность Российского государства, не ослабить его мощи: «А сила русская сейчас в *творческой* культурной рабо-

---

[166] Там же.

[167] Там же. С. 207.

[168] Там же. С. 207-208.

[169] Там же. С. 206.

[170] Там же. С. 215.

[171] Там же. С. 213.

те — научной, художественной, религиозной, философской. Это единственная пока охрана и русского единства, и русской мощи»[172].

Вернувшись в начале марта 1926 г. в СССР (в Ленинград), Вернадский активно включился в научную жизнь страны. Он полон творческих планов. Основное место его работы — Государственный радиевый институт и КЕПС. Он проявляет инициативу в восстановлении работы Комиссии по истории знаний, замершей в связи с его командировкой, участвует в работе геологического съезда. Неуклонно возрастает его авторитет среди мировой научной общественности. Все его дела, выступления, статьи — свидетельства глубокой заботы о престиже СССР, о настоящем и будущем родной страны. Он подчеркивает необходимость при осуществлении научных работ принимать во внимание «*интересы нашей страны и нашего народа*»[173]. Широкая организация исследовательской работы «в области прикладного к жизни знания» в нашей стране, по мнению Вернадского, особенно необходима по двум соображениям: «Во-первых, в связи с тем, что в нашей стране сейчас идет — в небывалом масштабе — опыт создания и действования государства и быта на новых, социалистических основаниях. Во-вторых, потому, что годы войны, междоусобия, связанные с этим годы голода и обнищания требуют в нашей стране особого напряжения сил в общей работе над подъемом глубоко потрясенного народного благосостояния. Необходимо *быстро* увеличить народное богатство нашей страны»[174]. В решении обеих задач «роль науки должна быть огромна»[175].

В феврале 1930 г. Вернадский пишет о небывалом в истории социальном опыте, имевшем место в СССР и заключающемся «в социалистическом строительстве жизни, особенно в его применении к организации массового перехода земледельческого населения к основанному на научных достижениях XX в. научно построенному агрокультурному труду»[176]. Переход к коллективизации сельского хозяйства и создание на ее базе крупных хозяйств обострил, видимо, давние планы и надежды Вернадского на внедрение результатов научных исследований в эту сферу и повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Он подчеркивает, что социальное творчество и особенно касающееся крестьянства «может иметь успех только при условии, что научные дос-

---

[172] Там же. С. 207.

[173] ***Вернадский В. И.*** Начало и вечность жизни... С. 382.

[174] Там же. С. 383.

[175] Там же.

[176] Там же. С. 577-578.

тижения будут использоваться во всей мере»[177]. Он убежден, что «социальный опыт нашего масштаба может быть удачен, если к его проведению будут привлечены не только люди огромной воли, но и люди науки, люди ума, знания и таланта»[178].

Свое мироощущение, духовную настроенность он отразил в письме от 1 июля 1928 г. из Ленинграда Н. А. Рубакину, учившемуся одновременно с Вернадским в Петербургском университете, а впоследствии — директору Международного института библиопсихологии в Лозанне (Швейцария): «С 1917 года я непрерывно нахожусь во все увеличивающейся творческой научной работе. В ней я перенес все невзгоды жизни и революцию и междоусобия. Работал научно все эти годы непрерывно. Иногда мне, как углубляющемуся в историю науки, как бы со стороны кажется странной и такая моя работа и в эту эпоху и в этом возрасте. Седьмой десяток живу на свете — а между тем старости моей... я не чувствую»[179].

Конец 20-х годов — переломный период в истории советского общества, ознаменовавшийся глубокими переменами в экономической, политической, духовной жизни страны. «Великий перелом» — это свертывание нэпа в хозяйственной и социальной политике, политический и идеологический разгром его сторонников.

Сложившаяся в стране ситуация нашла отражение у Вернадского в письмах к сыну за границу из Праги, где Вернадский находился в командировке (лето 1929 г.). Эти письма обойдут цензуру (и Вернадский это знал) и поэтому автор был очень откровенен в своих высказываниях.

Его восприятие положения в стране — «Мы идем к какой-то катастрофе, если не найдется человек, который сумеет остановить и повернуть безумный бег»[180]. Отношения власти с крестьянством ему представляются как «столкновение с русским крестьянством», «борьба власти с русским крестьянством»[181].

По его наблюдениям, на руководящих постах в государстве и обществе — «малограмотные, ограниченные и бездарные люди»; «бюрократия низшего сорта» сейчас «захватила государственную и общественную жизнь России»[182].

---

[177] Там же. С. 580.

[178] Там же. С. 580–581.

[179] Отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина. Ф. 358. Карт. 213. Ед. хр. 49.

[180] Письма В. И. Вернадского сыну // Родина. 1990. №7. С. 84.

[181] Там же. С. 84, 86.

[182] Там же. С. 84.

Отмечая широту задач, поставленных перед народом, их интересное содержание, рассматривая направление огромных капиталов на государственно-научное строительство как «провозвестник будущего», Вернадский вместе с тем делает следующее заключение: «Но все уничтожается в корне выбором людей. Выбирают благонадежных, а не талантливых и знающих»[183].

В контексте этих размышлений Вернадский пишет о В. И. Ленине. Он подчеркивает его волю, «личность организатора», «своеобразный государственный ум» (отмечая вместе с тем, что у Ленина «не было творчества и мысль его мне представляется не интересной»), считает, что «сохранение — в общем — центров научной и художественной работы, вероятно, очень многим обязано лично Ленину в самые трагические моменты»[184]. По мнению Вернадского, Ленин «совершил — в короткую жизнь — колоссальное изменение в жизни страны», внес «в человечество не только свою политическую веру, но и свою философскую мысль — определенную форму материализма, борьбу с эмпириокритицизмом»[185]. Вернадский считает, что, может быть, смерть Ленина «в начале коммунистического строительства очень неблагоприятно сказалась на русской жизни»[186]. Вернадский, по существу, предлагал оценить Ленина как политического деятеля с позиций историзма: «Мне кажется, фигура Ленина еще не выявилась, так как неизвестно, чем кончится переживаемая стадия революции: распадом государства или нет. Фигура эта сейчас народная, но если ближайшее будущее сведется на борьбу коммунизма с крестьянством, иную получит окраску и эта фигура в нашей истории»[187]. К характеристике В. И. Ленина (а также К. Маркса и Ф. Энгельса) как мыслителя и политического деятеля Вернадский обращался и в 30-е г. Он подчеркивал, что «это были крупные мыслители и не менее крупные политические деятели», обладавшие широким научным кругозором, имевшие широкие научные интересы, необычные для политических деятелей. Они были волевыми личностями, организаторами действий народных масс. Они выражали их чаяния; социальное благо народа являлось целью и смыслом их жизни[188]. Вернадский отмечал огромное влияние их на историю человечества.

---

[183] Там же. С. 84.

[184] Там же. С. 86.

[185] Там же.

[186] Там же.

[187] Там же.

[188] *Вернадский В. И.* О науке. Дубна, 1997. С. 521.

Убежденный государственник по своим политическим воззрениям, Вернадский опасался потери целостности государства; в единой России он видел условия ее силы и процветания. Он пишет сыну: «Больше всего я боюсь развала русского государства, вновь связать разорвавшиеся части обычно никогда не удается — Украина и Грузия — наиболее опасные части... Если развала не будет — у меня все укрепляется вера или скорее сознательное убеждение, что в конце концов Россия идет к демократическому... крестьянскому царству с сильной федеративной структурой... Все больше кажутся правыми те лица, которые считают, что великий народ выйдет из испытания — выйдет, если не распадется русское государство»[189].

Размышляя о советской действительности, Вернадский соотносил ее с самым важным и ценным для себя — свободой мысли, верой в самоценность свободной личности, преклонением перед идеями права. И многое не принимал в политической жизни, идеологии тех лет. Так, в письме В. М. Молотову 17 февраля 1932 г. он отмечает, что не является сторонником ни капиталистического («Я идеологически чужд — был и есьм — основам капиталистического строя и всю жизнь стоял — и стою — на стороне угнетенных народных масс»), ни «социалистического или коммунистического, в частности, строя» и считает, что «реально выявится нечто новое»[190].

В. И. Вернадский глубоко вникал в окружающую его жизнь, впитывал и анализировал получаемую из разных источников информацию о происходящем в стране. Его дневниковые записи, переписка конца 30-х — начала 40-х г. — это отражение жизни СССР. Вернадский высказывает свои мысли, сомневается, критически проверяет свои взгляды. Он не идет на сделку со своими убеждениями при оценке политики, социальной жизни, морали общества. Он видел, что наряду с утверждением новых форм жизни, обогащением ее содержания в обществе шли процессы, несовместимые с провозглашаемыми социалистическими принципами и сдерживающие развитие потенциала социализма. Наряду с крупными социальными завоеваниями в стране имело место беззаконие. Приоритет политических качеств кадров перед деловыми порождал соответствующий подход к их подбору и расстановке, формировал психологию, снижавшую возможности творчества из-за боязни высказать оригинальные мысли, принять на себя ответственность.

---

[189] Минувшее. Исторический альманах. Вып. 7. Париж, 1989. С. 447.

[190] *Вернадский В. И.* Из писем разных лет // Вестник академии Наук СССР. 1990. №5. С. 89–90.

В 1937–1938 гг. были арестованы друзья, родственники, коллеги, ученики Вернадского. Записи в дневниках отражают его восприятие морально-политической атмосферы тех лет. Он пишет о ложности доносов, о страхе граждан за последствия знакомства с арестованными, о травле ученых, о фальшивости политических процессов, о подобострастии из-за страха к власть имущим, о невиновности людей, которых он знал, о нервных стрессах под влиянием террора, о лести и подхалимстве в этих условиях, о последствиях «полицейского жестокого произвола» в научной среде, о «терроре, разрушающем основу страны, как безумии и т. д.»[191].

Вернадский стремится избегать официальных торжеств, приемов, заседаний, ибо там порой надо требовать смертной казни «подлым убийцам», он уклоняется от подписывания коллективных писем по подобным сюжетам, раболепных адресов. Вернадский оказывает моральную поддержку ученым, подвергавшимся несправедливым обвинениям, помогает материально и морально семьям репрессированных, обращается в высокие инстанции с просьбой облегчить участь репрессированных ученых, помогает устроить на работу «неблагонадежных» людей или в учебные заведения детей «врагов народа». По существу, это сопротивление произволу властей, политическая позиция.

В письмах, дневниках В. И. Вернадского — не только большое количество фактов, но и обобщения тонкого и глубокого мыслителя. Характерно, что критику сложившихся в стране порядков Вернадский ведет с позиций патриота своей Родины. Жизненность, эффективность, справедливость государственной системы, общественного строя он ставит в прямую зависимость от их возможности обеспечить экономическое и духовно-культурное развитие общества, единство страны, ее независимость. Он верит в огромные созидательные силы народа. Он ценит советское государство, «в котором интересы народных масс — во всем их реальном значении (кроме свободы мысли и свободы религиозной) — стоят действительно в основе государства»[192]. Он видит реальные достижения страны.

Разрушительные последствия репрессивной политики в экономической, социальной, духовно-нравственной сферах общественной жизни вызывают у Вернадского глубокую тревогу за будущее своей страны: «Тревога в том, в здравом ли уме сейчас власть — беспечная власть, делающая нужное и большое дело, и теперь его разрушающая. Может

[191] *Вернадский В. И.* Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 2, 3; Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11–12.

[192] Там же. С. 240.

иметь пагубное значение для всего будущего. Чувство непрочности и огорчения, что разрушение идет не извне, а его производит сама власть»[193]. Появляются сомнения в стабильности достигнутого в стране.

В дневниковых записях 1938–1941 гг. часто проводится мысль, что члены партии, «господствующий класс» ниже среднего уровня страны и по деловым, и по моральным качествам[194]. Констатируя затруднения в различных сферах жизни общества — продовольственной, транспортной, топливной и др., Вернадский связывает их с плохим подбором людей: «Причина для всех ясна: плохой подбор лиц, причем ясно — для одних больше, для других меньше — что люди есть, но партийная организация сама ниже среднего уровня и выбирает не их»[195]. Он пишет о разрушительной, бездарной работе партийного аппарата.

Через несколько лет, в ноябре 1941 г., он напишет об истреблении «ГПУ и партией своей интеллигенции — людей, которые делали революцию, превратив ее в своеобразное восстановление государственной мощи русского народа, — с огромным положительным результатом. Партия "обезлюдилась", и многое в ее составе — загадка для будущего»[196].

Вернадский правильно определил соотношение структур, обладающих реальной властью в стране. 14 марта 1938 г. он записывает: «Две власти — если не три: ЦК партии, правительство Союза и НКВД. Неизвестно, кто сильнее фактически»[197]. Действительно, к концу 30-х г. НКВД, приобретя громадную силу, не всегда считался с мнением не только советских, но и партийных органов. Утверждение и вопрос в словах Вернадского: «Партия боится Сталина. Ежов и Сталин — не одно?»[198].

В 1941 г. его выводы становятся более определенными и точными: «Двойное на словах правительство — Центральный Комитет партии и Совнарком. Настоящая власть — Центрального Комитета партии, и даже диктатура Сталина»[199]. Вернадский недвусмысленно указывает на причастность Сталина к политическому террору в стране: «Одну основную

---

[193] Там же. С. 240.

[194] *Вернадский В. И.* Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. 11–12. С. 18–19, 22 и др.

[195] Там же. С. 14.

[196] *Вернадский В. И.* «Коренные изменения неизбежны...». Из дневников 1941 года // Литературная газета. 1988. 16 марта. С. 13.

[197] *Вернадский В. И.* Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. №2. С. 243.

[198] Там же. С. 228.

[199] *Вернадский В. И.* «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года. С. 215.

ошибку он сделал под влиянием мести или страха: уничтожения цвета людей своей партии — невознаградимы...»[200] (28 ноября 1941 г.). О ГПУ он пишет как о государстве в государстве, обладающем реальной и разрушительной властью: «Это — нарост, гангрена, разъедающая партию, — но без нее не может она в реальной жизни обойтись. В результате — мильоны заключенных — рабов, в том числе, наряду с преступным элементом, — и цвет нации, и цвет партии, которые создали ее победу в междоусобной войне»[201]. Вернадский пишет, что такая политика становится традицией и ведет к снижению интеллектуального и нравственного уровня коммунистов, что «при этих условиях смерть Сталина может ввергнуть страну в неизвестное»[202].

Вернадский считает, что жизнь страны развертывалась бы во многом иначе, если бы так рано не оборвалась творческая деятельность В. И. Ленина: «1924 год — еще не сложилось Советское государство. 17 лет, прошедшие после его смерти, не дали развиться многому, что он мог бы дать»[203]. С уважением, с признанием в нем качеств государственного деятеля, с теплотой отзывается В. И. Вернадский о С. М. Кирове, считает его человеком «государственного калибра»[204]. Он высоко ценил его деятельность. Убийство Кирова, пишет Вернадский, «может быть, смертельный удар для партии»[205].

Особенно угнетал Вернадского «деспотизм» в духовной жизни, «в области непризнания идей свободы»: свободы совести, слова, научного, философского, религиозного искания. Такой гнет, по его мнению, «может разложить и уничтожить то, что сейчас создается нового и хорошего»[206]. Записи в его дневниках о репрессированных ученых или целых группах научных работников сопровождаются порой комментариями о гибели целых научных направлений, научных школ.

Вернадский улавливает нарастающее в обществе чувство протеста против произвола власти, дух сопротивления антигуманным действиям. «Со всех сторон слухи об арестах... Накапливается недовольство, и *слышишь* его проявления, несмотря на страх. Раньше этого не было. Я сталкиваюсь с глубоким изменением психологии людей»[207].

---

[200] Там же. С. 217.

[201] Там же. С. 215.

[202] Там же.

[203] Там же. С. 197.

[204] Там же. С. 218.

[205] Там же. С. 217.

[206] ***Вернадский В. И.*** Дневник 1939 года // Дружба народов. 1991. №11-12. С. 22.

[207] ***Вернадский В. И.*** Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 2. С. 245.

Беззакония, низкий жизненный уровень советского народа, идеологический диктат в научной сфере, монопольное положение коммунистической партии в политической структуре, углубляющийся разрыв между властью и народом заставляли Вернадского делать вывод об опасном кризисе, перед которым оказалась страна: «Ясен развал, и жутко становится за ближайшее будущее»[208]. Однако Вернадский верил в создание новых форм жизни общества, в его оздоровление, ибо он верил в огромные силы российского народа, в силу разума, в преобразующую роль научного знания. Одновременно с резко критическими оценками многих явлений советской действительности и мрачными предсказаниями в его дневниках — оптимистические утверждения, касающиеся будущего страны: «Окружающая жизнь — неясно, какой идет процесс, — невольно врывается и отражается. Глубокий развал и, в то же время, — огромная положительная работа... Впервые и кругом чувствуется беспокойство за прочность совершающегося... Что будет? Но, мне кажется, положительное победит, но какие примет формы, — неясно»[209].

По воспоминаниям людей, составлявших окружение Вернадского, он в конце 30-х годов, возмущенный и встревоженный происходившим в стране произволом, беззаконием, решил обратиться с личным письмом к И. В. Сталину, в котором намеревался дать оценку ситуации в стране. Такое письмо было подготовлено. Однако, узнав о нем, Президиум Академии наук направил к Вернадскому делегацию ученых с поручением отговорить его отсылать письмо во избежание обратной реакции, могущей повлечь за собой усиление репрессий и общее ухудшение положения Академии и ученых. Письмо было уничтожено[210].

Научный поиск и вторжение в сложнейшие проблемы общественно-политической жизни страны теснейшим образом переплетаются в жизни и деятельности Вернадского. Он с одобрением относится к внешнеполитическим акциям Советского государства, касающимся воссоединения Украины и Белоруссии, советско-финляндской войны и др. В этом контексте происходит оценка личности Сталина: «Сталин, действительно, мировая фигура»[211]. Вернадский констатирует, что «масса сознательно за активную политику Сталина в Финляндии и Польше»[212].

---

[208] *Вернадский В. И.* Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 3. С. 263.

[209] Там же. С. 256–257.

[210] *Бастракова М. С., Мочалов И. И., Неаполитанская В. С.* Натуралист, мыслитель, гуманист // *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни... С. 40–41; *Вернадский В. И.* Дневник 1938 г. Вступительная статья И. И. Мочалова // Дружба народов. 1991. № 2. С. 219.

[211] *Вернадский В. И.* Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11–12. С. 36.

[212] Там же. С. 39.

В. И. Вернадский честно и сознательно работал в условиях советской власти, верно служил своей стране, своему народу. Как писал он в 1940 г., «русская беспартийная интеллигенция здесь работала и работает плечо с плечом с коммунистической партией сознательно — верой и правдой. Восстановление и рост народа и страны в широкой обстановке есть наше общее достижение»[213]. Будущее нашей страны «мне дорого и велико»[214], — заявлял он.

В июне 1941 г., незадолго до начала Великой Отечественной войны, Вернадский, подчеркивая последствия первой мировой войны для России, считая созданное после нее Советское государство (как и довоенное), «полицейским», признавал в то же время, что «власть находится в новых руках и осуществлены основные стремления социализма — без свободы личности, без свободы мысли»[215].

Кризисные явления в экономике стран Западной Европы и их социальные последствия, приход фашизма к власти заставляли Вернадского переоценивать свои взгляды на европейские демократии, авторитет которых в сознании Вернадского был достаточно высок. В 1939 г. он пишет, что «идейно и Франция, и Англия также мало выражают демократию, как и СССР, и может быть, до известной степени Германия... Свободы мысли и личности больше у западных демократий — но социалистическое (и анархическое) отрицание правильности собственности на орудия производства не может быть отрицаемо в реальной демократии»[216].

Великая Отечественная война советского народа, осознание роли СССР в разгроме фашизма укрепили патриотические позиции Вернадского. Он внимательно анализировал ситуацию в тылу и положение на фронтах Отечественной войны, переживал неудачи нашей армии. Но никогда у него не было сомнения в победе СССР и гибели гитлеризма.

Вернадский делает вывод: «Принципы большевизма — здоровые; трутни и полиция — язвы, которые вызывают гниение, — но здоровые основы, мне кажется, несомненно преобладают»[217].

---

[213] ***Вернадский В. И.*** Из писем разных лет // Вестник Академии Наук СССР. 1990. № 5. С. 112.

[214] ***Вернадский В. И.*** Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11–12. С. 19.

[215] ***Вернадский В. И.*** «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 197.

[216] ***Вернадский В. И.*** Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. №11–12. С. 26.

[217] ***Вернадский В. И.*** «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 207.

16 июля 1941 г. Вернадский вместе с женой и ближайшим окружением выехал в Боровое (курорт в Казахской ССР). Условия жизни в Боровом, учитывая военное время, по его словам, были прекрасными.

В его дневниках, письмах — размышления о предвоенной и военной действительности — о власти, о партии, об армии, народе, войне, фашизме, о перспективах страны и мировом развитии.

Он отмечает глубокие социальные сдвиги, которые произошли в Казахстане за годы советской власти. 10 августа 1941 г. он пишет: «Я кончил книгу "Казахстан. XX лет Казахской ССР" (1940 г.). Я ясно почувствовал глубокую силу большевиков на этом примере. Здесь революция еще глубже, чем у нас: сметен тот эксплуататорский слой (баи), который царил. Лицо народа изменилось. Прежние батраки — идейно сознательно создают новое общество... Создались и литература, и новая музыка, и новый театр — социальный сдвиг. Это — сила большевиков, отличающая их от других партий»[218]. «Ярко переживаю огромный исторический сдвиг, который совершен в советское время в этих местах, которые из захолустья превращаются в одну из богатейших, с огромной будущностью частей Союза»[219], — пишет он 14 августа в письме к Н. Н. Глебову. И под влиянием этих и других глубоких преобразований в стране, способствующих победе СССР над фашизмом, Вернадский оценивает В. И. Ленина как фигуру исторического масштаба. Он пишет, что равного Ленину в других партиях «не было ни одного», что он «был самый крупный человек, глубоко понимавший ход событий... исторически стоявший на правильном пути»[220].

В. И. Вернадский высоко оценил выступления Сталина 3 июля 1941 г. («Речь очень хорошая и умная...»)[221] и 7 ноября 1941 г. («...огромное впечатление... Речь, несомненно, очень умного человека»; «В связи с речью Сталина — значительное успокоение»)[222]. Безусловно, Вернадскому импонировали сделанные Сталиным акценты на всенародное единство, обращение к патриотическим традициям, уверенность в победоносном для СССР исходе войны.

Под влиянием процессов становления сильной советской государственности, уверенности в победе над фашизмом В. И. Вернадский

---

[218] Цит. по: *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский... С. 347–348.

[219] Там же. С. 348.

[220] Там же. С. 350.

[221] *Вернадский В. И.* «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 201.

[222] Там же. С. 214.

все более укрепляется в выводах о конструктивном потенциале большевизма: «Сейчас исторически ясно, что, несмотря на многие грехи и ненужные — их разлагающие — жестокости, в среднем они (большевики) вывели Россию на новый путь. Если — как я уверен — есть все основания думать, что борьба с Гитлером кончится победой, — исторически Ленин и Сталин стояли на правильном пути»[223].

Победоносное наступление советской армии вызывает у него гордость за свою страну: «Едва ли кто-нибудь из нас мог думать, что через 30 лет после величайшей революции мы окажемся самой мощной военной силой...»[224]. В письме к сыну он проводит параллели между Россией времен первой мировой войны и Великой Отечественной войны. Он подчеркивает резкие изменения между ними: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерством и солдатами. Много талантливых людей... достигает высших военных должностей»[225]. Он высоко оценивает колхозы как форму хозяйствования, хотя здесь имеет место идеализация им степени интенсификации сельскохозяйственного труда в колхозах. Он отмечает помощь, оказываемую колхозами и отдельными колхозниками разоренным немцами городам и селам, а также армии. «Это — новая, многоязычная Россия», — пишет Вернадский[226].

Вернадский смотрел на социальные процессы и через призму своей науки. Данные естественных наук становились основой его политических прогнозов. 21 июля 1941 г. В. И. Вернадский писал Б. Л. Личкову: «Я смотрю на ближайшее будущее... очень оптимистично, но это не оптимизм, а эмпирический вывод»[227]. Несмотря на продолжавшееся наступление фашистов, он убежден как ученый-энциклопедист в безнадежности гитлеровской авантюры: «А между тем я по-прежнему считаю гибель Гитлеровской Германии неизбежной — и, вероятно, являюсь наибольшим оптимистом — благодаря созданию ноосферы»[228]; «...для меня ноосфера — не фикция, не создание веры, а эмпирическое обобщение»[229], — такова была логика научных изысканий Вернадского.

---

[223] ***Вернадский В. И.*** «Коренные изменения неизбежны...». Из дневников 1941 года // Литературная газета. 1988. 16 марта. С.13.

[224] Цит. по: ***Мочалов И. И.*** Владимир Иванович Вернадский... С 393.

[225] Там же. С 350.

[226] Там же.

[227] Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым. 1940–1944. М., 1980. С. 70.

[228] ***Вернадский В. И.*** «Коренные изменения неизбежны...». Из дневников 1941 года // Литературная газета. 1988. 16 марта. С.13.

[229] Там же.

Постулаты фашизма, подрывающие основы единства человечества, противоречили законам природы и потому, Вернадский был в этом убежден, не имели перспективы.

В письмах, дневниках В. И. Вернадский неоднократно поднимает вопрос о цене победы в Отечественной войне, считая, что она могла бы быть иной, если бы не массовые репрессии, в том числе и против военных кадров. Он пишет: «Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных. Он сильно понизился в последние годы — в тюрьмах, ссылке и казнены лучшие люди партии, делавшие революцию, и лучшие люди страны. Это сказалось очень ярко уже в первых столкновениях — в финляндской войне, и сейчас сказывается катастрофически»[230].

Уверенный в победе, Вернадский в самые тяжелые годы войны думает о послевоенных перспективах страны. В письме к Б. Л. Личкову от 6 ноября 1942 г. он сообщает: «Я сейчас очень думаю о записке, которую я представляю Академии о необходимости обсуждения вопроса о реконструкции страны после нашествия немецких варваров»[231].

Вернадский размышляет о возможности трансформации тоталитарного государства (каким было, по его мнению, советское государство) в демократическое общество. Он прогнозирует «коренные изменения» в развитии нашей страны в связи с победой в войне и влиянием союза с «англосаксонскими государствами — демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы»[232].

Вернадский, тяжело переживая смерть жены, наступившей 3 февраля 1943 г. в Боровом, одиночество, принимает решение ехать в США к детям и внучке. Мысли о свидании с родными и ознакомлении с состоянием науки в США все настойчивее овладевали им. Возвращение из эвакуации в Москву 30 августа 1943 г. и включение в напряженную творческую работу, возможности которой расширились в связи с наличием в Москве необходимых материалов, возобновлением контактов с коллегами и учениками, перспективами организации научных исследований в СССР, сглаживают остроту проблемы отъезда.

Желание покинуть СССР охватывало Вернадского, когда он сталкивался с насилием над свободной мыслью, с бюрократизмом: «Вчера

---

[230] Там же.

[231] Цит по: *Личков Б. Л.* Владимир Иванович Вернадский... С. 41.

[232] *Вернадский В. И.* «Коренные изменения неизбежны...». Из дневников 1941 года // Литературная газета. 1988. 16 марта. С. 13.

чувствовал унижение жить в такой стране, где возможно отрицание свободы мысли. Ярко почувствовал, что помимо всего прочего, хочу прожить и кончить жизнь в свободной стране. Я подумал в этой печальной обстановке — надо ехать в США в свободную страну и там в родной среде детей и внучки (и друзей) кончить жизнь»[233]. Это — запись в дневнике 28 мая 1944 г. Его сын, известный историк, с 1927 г. жил в США, был профессором русской истории Йельского университета (1927–1956 гг.). Дочь, врач-психиатр, заведовала женским отделением в крупном госпитале под Бостоном; зять возглавлял кафедру иранистики в Йельском университете. Внучка — их дочь.

С позиций ученого-энциклопедиста Вернадский постоянно анализировал жизнь в СССР, соотносил реальность со своим идеалом. В письмах к сыну он дает характеристику новой России. «Мы доехали в Москву прекрасно. Меня поразило изменение дороги, основной линии Урал–Владивосток, на участке от Петропавловска до Москвы... Сейчас всюду двойной путь и непрерывно идут поезда в обе стороны. На Урале в местах, которые я знаю, меня поразил рост заводов»[234], — пишет он 14 сентября 1943 г.

В. И. Вернадский признал роль коммунистической партии в позитивных преобразованиях в стране после Октябрьской революции.

«Огромный сдвиг. Не только среднее, но и высшее образование — действительно всем. Все грамотные, всем желающим доступна высшая школа». «Мы привыкли уже к тому, что вся Россия грамотная, и студенчество, главным образом, идет из того же крестьянства. А также — генералы...»

«Я думаю, что если бы у нас был царь, то нашествие немцев кончилось бы иначе».

«Я смотрю на будущее по-прежнему оптимистично. На будущее России»[235].

Обращаясь к сыну, он повторяет слова: «тебе было бы очень хорошо увидеть новую Россию»[236].

Оглядываясь на пройденный жизненный путь, Вернадский делал вывод, что «пережил — как в науке, так и в жизни — огромные сдвиги»[237].

---

[233] Цит. по: *Аксенов Г.* Вернадский... С. 522.

[234] Цит по: *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский... С. 375.

[235] *Вернадский В. И.* «Я смотрю на будущее по-прежнему оптимистично». (Письма к детям) // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 100.

[236] Там же. С. 103.

[237] Там же.

Идут годы, но интерес к личности, к творчеству В. И. Вернадского не ослабевает. Вернадский жил и работал в эпоху, насыщенную величайшими историческими событиями. «Судьба поставила меня, — писал он, — свидетелем поразительных изменений жизненных переживаний человечества и столкнула с огромным количеством замечательных людей — русских и иностранцев». «Мы пережили такое удивительное время, значение которого далеко еще не понято»[238]. На протяжении жизни ученого менялись его общественно-политические взгляды. Его политические воззрения, общественно-политические позиции в послеоктябрьский период жизни невозможно оценить однозначно. Они претерпели сложную эволюцию — от оценки им Октябрьской революции как катастрофы для России до признания позитивной роли большевиков в создании нового могущественного и независимого государства.

В приходе к власти большевистской партии Вернадский увидел угрозу существованию российской государственности, ее культуре, отступление от сформировавшихся в его сознании принципов демократического устройства общества. Критикуя большевизм, Вернадский никогда не оправдывал и не защищал самодержавие.

Оппозиционность Вернадского по отношению к большевистской идеологии и практике сочеталась у него с деятельным участием в научной жизни страны. Он не стал ни сторонним наблюдателем при строительстве нового общества, ни эмигрантом. Он принял решение остаться со своим народом и активной научной работой, в которой он видел мощный фактор развития государства, способствовать повышению его экономического и культурного потенциала, обеспечению независимости, росту международного авторитета. Он хотел видеть свою Родину, Россию великим, независимым государством образованных и свободных людей. Он всю жизнь неустанно боролся за свободу личности, свободу научной мысли, демократизацию науки и культуры, духовный рост общества. Вся его жизнь и деятельность были отданы своему народу, своей Родине — России, СССР. Он был патриотом, до конца дней своих работавшим на благо своей страны и народа.

Отношение Вернадского к большевистской партии, к советской действительности противоречиво. Его отталкивал тоталитаризм существующего режима, но находила поддержку и одобрение деятельность правящей партии по созданию научно-технического потенциала, экономического могущества российского государства. Вернадский видел и отмечал огромные достижения советского народа, достигнутые под ру-

---

[238] Цит. по: *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский. М., 1981. С. 364.

ководством правящей партии большевиков, пафос социалистического строительства, его несомненные успехи в сфере науки и культуры и, порой, катастрофические последствия действий руководства страны. Отсюда — его противоречивое отношение к социалистической идеологии, советскому строю, коммунистической партии. Противоречивость оценки происходивших процессов — отражение сложной советской действительности. Но какими бы ни были отталкивающими отдельные стороны советской жизни, для Вернадского Россия всегда оставалась его Родиной.

Рост экономической и культурной мощи страны, приобщение всех народов многонациональной России к социалистическому строительству, независимость и международный престиж СССР соответствовали представлениям Вернадского о национально-государственных интересах страны, что обусловило эволюцию его общественно-политических взглядов.

Прочность советской системы, выдержавшей нашествие фашизма, патриотический подъем народа, роль коммунистической партии в организации борьбы против фашизма, решающий вклад СССР в разгром гитлеровской Германии и ее союзников оказали существенное влияние на признание Вернадским конструктивной роли большевиков в построении великого государства.

Следует отметить, что изучение мировых проблем развития науки и человечества, долговременных тенденций хода истории планеты давали Вернадскому уверенность в будущем человечества, оптимизм (учение о ноосфере). Он как бы возвышался мысленно над противоборством социализма и капитализма, над догмами материалистической и идеалистической философии. Для него характерна высокая степень глобализма мышления на базе энциклопедичности знаний и научных интересов. Мировые, планетарные масштабы затушевывали для Вернадского, отвлекали или мешали ему понять социально-политические проблемы, борьбу классов и государств современности.

Получившая отражение в его многогранном идейно-политическом наследии жизнь страны, народа помогает глубже понять историческое прошлое нашей страны, судьбы российской интеллигенции.

А. И. Остапенко

«БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ» И ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ

Картина гражданской войны не может быть полной без анализа деятельности «белого движения». Учитывая этот факт, автор ставит своей задачей посмотреть на «белую» Россию как бы изнутри, опираясь главным образом на мемуары ее деятелей и архивные документы, содержащие первые варианты программы «белых» правительств. В центре нашего внимания взгляд лидеров «белого движения» на проблему целостности России, то есть сохранения ее, а точнее, возрождения в границах 1914 г. В тесной связи с этой проблемой и для ее раскрытия исследуются взгляды лидеров «белых» на будущее устройство России в случае их победы, политика в отношении казачества, особенно актуальная для Юга России, попытки объединения «сибирского» и «южного» направлений антибольшевистского сопротивления и, наконец, их подходы к союзу со странами Антанты и Центральными державами.

Учитывая огромный объем новых источников, мы ограничились изучением двух главных ветвей «белого движения», имея в виду Вооруженные силы Юга России, возглавлявшиеся А. И. Деникиным, и армии под руководством А. В. Колчака, претендовавшего на роль «Верховного Правителя» России. Естественно, исчерпать поставленные вопросы в одной статье оказалось невозможным.

Обращаясь к теме «белого движения», мы постарались использовать достижения отечественной историографии[1]. Достаточное внимание нашими историками было уделено военным действиям и походам «белых» армий и их связям с иностранной интервенцией[2]. Освещались и вопросы политической борьбы в Сибири в годы гражданской войны[3]. Последнее время большой интерес вызывают личности

---

[1] Литература по истории гражданской войны огромна и достаточно хорошо изучена. Ввиду этого автор счел возможным не останавливаться на ее анализе.

[2] *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. Из истории Белой армии в России. М., 1983; *Лихович Дм.* Белые против красных: судьба генерала А. Деникина. М., 1992; *Веркеенко Г. Н., Минаков С. П.* Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина: Пособие для студентов вузов. М., 1993. *Филимонов Б. Б.* Белая армия адмирала Колчака. М., 1997.

[3] См. напр.: *Звягин С. П.* А. В. Колчак и атаман Семенов: конфликт между центром и регионами // Россия на пути реформ: исторический опыт. Тезисы докладов. Челябинск, 1995.

«белых» военачальников, основательно разбиралось следственное дело адмирала Колчака[4].

Все это позволяет опереться на вышедшие работы и начинать изучение «белого движения» далеко не с чистого листа.

Вместе с тем недостаток источников и определенная заданность в выводах долгое время мешали исследователям всесторонне проанализировать программы «белого движения» и дать им объективную оценку.

Гражданская война была тяжелейшим испытанием для российского народа и всех политических сил, вступивших в противоборство. В эти трагические годы для большевиков и лидеров «белого движения» немаловажным был один общий вопрос об отношении к имперскому наследству царской России. Речь шла о формах устройства будущего государства, о сохранении его целостности и решении национального вопроса, затрагивающего в том числе и окраинные новообразования.

Распад центральных государственных структур и армии способствовал стремительному подъему национальных движений в Прибалтике, Финляндии, на Украине, в Польше, на Кавказе и в Средней Азии. В каждом из этих регионов консолидированные национальные силы претендовали на независимость. Лидеры «белого» и национальных движений российских окраин были близки в определении социально-экономического строя предполагаемых государств. Что же касается независимости или автономии этих новообразований, то взгляды националов шли вразрез с политической платформой «белых» генералов, стремившихся сохранить территориальную целостность России. В то же самое время большевики в связи с эволюцией их мировоззрения и меняющейся внутренней и международной обстановкой порой в практической деятельности шли навстречу буржуазно ориентированным националистическим силам.

В борьбе с большевиками руководители «белого движения» и ведущие деятели национальных партий искали поддержку у стран Антанты, реже у Центральных держав, преимущественно у Германии. Вопрос будущего государственного устройства, таким образом, становился для обеих сторон вопросом внутренней и международной политики.

Не менее злободневной внутренней проблемой для командования Красной и Белой армий была проблема казачества, стремившегося к самостийности или автономии, что также шло вразрез с принципом целостности страны. Особенно остро этот вопрос стоял на Юге России.

---

[4] Адмирал А. В. Колчак: Очерки. М., 1992; *Гордеев Ю. Н.* Генерал Деникин. Военно-исторический очерк. М., 1993; *Кларов Ю.* Арестант 5-й камеры. М., 1994; *Дроков С. В.* Следственное дело А. В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1998.

«Белое движение» и его идеология возникли как форма протеста определенных классов и социальных слоев российского общества против захвата власти большевиками, следствием чего было лишение их поместий, капиталов, продолжения карьеры, разрушение привычного уклада жизни. Приняв Февральскую революцию 1917 г., идеологи «белого движения» в дальнейшем расценили Октябрьскую революцию как «смуту», синоним беззакония, насилия и непредсказуемости.

Основателем антибольшевистского движения был «триумвират» в составе генералов царской армии М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова и А. М. Каледина. Базой движения и формирования Добровольческой армии с декабря 1917 г. стал Новочеркасск. Первоначальную цель борьбы этой армии, состоящей в основном из людей в царских погонах, выразил ее генерал Я. А. Слащев. «Их цель, — писал он, — была собрать новую армию взамен разложившейся на фронте и продолжать борьбу с германским нашествием, причем большевики рассматривались как ставленники немцев»[5].

Видный военачальник, участник корниловского мятежа генерал-лейтенант А. И. Деникин также принимал участие в организации Добровольческой армии. В начале первого Кубанского похода Корнилов назначил Деникина своим заместителем. После гибели Л. Г. Корнилова 31 марта 1918 г. Деникин вступил в командование Добровольческой армией, сражавшейся в этом регионе в союзе с казачьими формированиями против большевиков. Инициатор и один из главных организаторов Добровольческой армии М. В. Алексеев руководил всеми гражданскими и финансовыми делами и носил полуофициальное звание «верховного руководителя». К этому времени в пространство, охватываемое «белым движением» на Юге, входили Дон, Северный Кавказ, Крым. Шла борьба за Кубань.

Таким образом, на Юге России весной 1918 г. возник наиболее мощный центр сопротивления Советской власти.

Для более тесного сплочения всех антибольшевистских сил необходима была стержневая идея. По инициативе Деникина в рядах «белого движения» широкое распространение получил лозунг — «Великая Единая и Неделимая Россия» в границах, существовавших до первой мировой войны. Уже в своем первом политическом обращении к русским людям от 23 апреля 1918 г. в качестве главной цели Деникин провозгласил борьбу «за целость разоренной, урезанной, униженной России»[6].

---

[5] Цит. по: *Гордеев Ю. И.* Генерал Деникин: Военно-исторический очерк. С. 103.

[6] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. М., 1991. С. 342.

Для огромного большинства боровшихся с Советской властью этот лозунг оказался чрезвычайно популярным. Вместе с тем при его осмыслении совершенно естественно возникли противоречия, так как большая часть офицеров как в армиях Деникина, так и в недалеком будущем в армии А. В. Колчака, была убеждена, что обеспечение целостности в многонациональной стране возможно лишь при конституционной монархии. В пользу этого, по их мнению, свидетельствовало значительное поправение всех партий кроме социалистических. Таким образом, возникал вопрос — на какой базе, монархической или республиканской, предстоит обеспечивать целостность России.

Для Деникина дело осложнялось тем, что большинство командного состава и офицеров руководимой им Добровольческой армии были монархистами. Так, например, бывший Верховный Главнокомандующий и военный советник Временного правительства генерал М. В. Алексеев был убежден, что только монархическая форма правления может «обеспечить целость, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию»[7].

В генералитете Деникина были члены тайных монархических организаций, требовавшие официального признания этого принципа. Таковым, например, был один из соратников Деникина генерал М. Г. Дроздовский.

Были люди, готовые идти на компромисс. Тот же Алексеев, несмотря на свои монархические убеждения, был согласен придерживаться формулы «умолчания». Иначе говоря, он считал возможным во избежание раскола движения отложить определение будущего государственного устройства России, принимая во внимание, что этот вопрос еще недостаточно назрел в умах русского народа и его преждевременное обсуждение может затруднить выполнение основной цели борьбы. Генерал верил, что в будущем реставрация монархии совершится естественно и безболезненно.

Деникин также опасался междоусобной борьбы в антибольшевистском лагере. Кроме того, он учитывал, что среди монархистов нет единого мнения о претенденте на российский престол и, таким образом, нет определенного имени, которое можно было бы связать с монархическим лозунгом. Постоянной тревогой генерала была и угроза разрыва с казачеством, враждебным самой идее возрождения монархии.

В результате размышлений Деникин предложил собственную формулу — «непредрешения государственного строя». По этому поводу он писал: «Что касается лично меня, я бороться за форму правления не

[7] Цит. по: *Деникин А. И.* Белое движение и борьба Добровольческой армии // Белое дело. Избр. произведения: В 16 кн. М., 1992. С. 222.

буду, я веду борьбу только за Россию... форма правления для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления — я в ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России и при монархии, и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский в массе желает той или другой власти»[8]. Своих убеждений в этом вопросе Деникин на протяжении всей своей деятельности не изменял.

Можно сказать, что высший генералитет «белого движения» Юга России (генералы Корнилов, Алексеев, Деникин) в программном документе от 23 апреля 1918 г. заявили о том, что будущая форма государственного строя России будет зависеть «от воли Всероссийского Учредительного Собрания, созванного по водворении в стране правового порядка»[9].

В начале мая 1918 г. Деникин с ведома генерала Алексеева разослал наказ представителям армии. В нем подтверждался тезис декларации от 23 апреля и говорилось: «Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства»[10].

Подобных же взглядов на единство и неделимость России придерживался и адмирал Колчак, свергнувший 18 ноября 1918 г. эсеровское правительство в Омске и принявший на себя полномочия «Верховного Правителя» России.

Отношение Колчака к будущему устройству государства обнаруживается в общеполитических декларациях, дипломатической переписке со странами Антанты и материалах допроса. Как человек военный до Февральской революции 1917 г. он видел свою обязанность в том, чтобы выполнять присягу и защищать существующий монархический строй. На заседании чрезвычайной следственной комиссии 23 января 1920 г. Колчак заявил: «Я был монархистом и нисколько не уклоняюсь... Я не могу сказать, что монархия это единственная форма, которую я признаю. Я считал себя монархистом и не мог считать республиканцем, потому что тогда такого не существовало в природе. До революции 1917 г. я считал себя монархистом».

После коренных изменений в России взгляды адмирала претерпели определенную эволюцию. По его мнению, первостепенной «должна быть воля Учредительного Собрания или Земского собора... сам народ

---

[8] *Деникин А. И.* Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 227–230.

[9] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. С. 341.

[10] *Деникин А. И.* Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 226.

должен установить в учредительном органе форму правления, и какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился». И далее он утверждал: «Я считал, что монархия будет, вероятно, совершенно уничтожена. Для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбирают. Я считал, что с этим вопросом уже покончено, и думал, что, вероятно, будет установлен какой-нибудь республиканский образ правления, и этот республиканский образ правления я считал отвечающим потребностям страны»[11]. По мнению членов Чрезвычайной следственной комиссии, а также ряда исследователей, Колчак скрывал свой монархизм[12]. Но можно считать его ответы и политической гибкостью. Так или иначе, это было объяснимо, так как возврат к монархии был неприемлем для держав Антанты, на помощь которых «Верховный Правитель» очень рассчитывал.

Внутренней проблемой «белого движения» и серьезной угрозой для реализации лозунга «единой и неделимой» России стала позиция казачества. Первым с ней столкнулся генерал Деникин. В 1918 г. его противоречия касались Дона, а в 1919 г. — Кубани.

Нельзя сказать, что казачество этих областей было враждебно к «общерусской национальной идее». Так, например, на заседании Рады Кубани от 2 мая 1918 г. одним из основных положений ее политики была признана «необходимость продолжения героической деятельности Добровольческой армии, действующей в полном согласии с кубанским правительством...»[13]. Но верность этой идее нередко отодвигалась на второй и даже третий план. Традиции казачьей вольности, привязанность к своей территории и собственному хозяйству были характерными чертами менталитета этой части российского населения в течение всей гражданской войны. Так, разъезжая по казачьим станицам, донской атаман П. Н. Краснов обычно призывал земляков: «Любите свою великую, полную славы Родину — Тихий Дон и мать нашу Россию! За веру и Родину — что может быть выше этого девиза!» И приведем его же слова, произнесенные в июне 1918 г. на совещании с представителями кубанского правительства и горских народов: «Хорошо Добровольческой армии: у нее нет ни земли, ни народа, она может идти, хотя до Индии, но куда я пойду со станицами, хуторами, со стариками и детьми?»[14].

---

[11] Допрос Колчака. Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. (Стеногр. отчет.) Л., 1925. С. 42–45.

[12] Там же. С. VI. См. также: *Иоффе Г. З.* Указ. соч. С. 172.

[13] ***Деникин А. И.*** Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 240.

[14] ***Краснов П. Н.*** Всевеликое Войско Донское // Белое дело. Избр. произведения: В 16 кн. Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 26–31.

«Добровольцев», являвшихся в прошлом офицерами, юнкерами или гимназистами, а затем лишенных своих домов, поместий, земель, в казачьей среде нередко называли «гастролирующими музыкантами». Естественно, что подобные прозвища вызывали у белогвардейцев Деникина горькую обиду, оборачивающуюся недоверием к казачеству, сражавшемуся с ними в одних рядах[15].

В то же самое время с лета этого же года стало очевидно тяготение казачества Юга России к единению и к союзу с горцами Северного Кавказа для укрепления своей позиции по отношению к генералитету Добровольческой армии.

В конце июля 1918 г. Деникин получил декларацию Доно-Кавказского союза. Текст ее гласил: «...Атаманы Всевеликого Войска Донского, Войска Кубанского, Войска Астраханского, Войска Терского и председатель «Союза горцев Северного Кавказа», беря на себя всю полноту Верховной Государственной власти, настоящим провозглашают суверенным государством Доно-Кавказский союз». При этом предполагалось, что этот «союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Кубанского войска, Астраханского войска и «Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана», соединенных в одно государство на началах федерации...». В соответствии с этим документом объединение должен был возглавлять Верховный совет из Атаманов, а среди министров, назначаемых этим органом, был и министр, ведающий иностранными сношениями. Целью борьбы Союза провозглашалась борьба с большевиками, находившимися на его территории[16].

Вполне понятно, что выделенные нами положения декларации являлись совершенно несовместимыми с идеологией Добровольческой армии. Создание «суверенного государства» в корне противоречило идее единой России. Объявленное объединение не состоялось из-за внутренних противоречий, но попытки организации такого союза в годы гражданской войны предпринимались не менее трех раз.

Автономия, а порой и независимость казачьих отрядов от командования Деникина затрудняли борьбу с Красной Армией. Для российской общественности, составляющей опору «белого движения», Добровольческая армия представлялась началом общегосударственным, а казачество с его тяготением к родным станицам и привычками к захвату военной добычи для укрепления собственных хозяйств — началом областным. Кроме того страны Антанты рассматривали Дон как недавнего союзника — пусть даже невольного — немцев, в то время как Добровольческая армия сохраняла им верность.

---

[15] Там же. С. 29.

[16] *Деникин А. И.* Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 316–317.

Склонность атаманов Дона к договоренности с немцами действительно имела место. Между тем воевать на два фронта: с немцами, оккупировавшими Донскую область, и с большевиками — у казаков не было сил, и они предпочли сотрудничать с первыми. В мае и июне 1918 г. атаман Краснов обращался к германскому императору Вильгельму II с письмами. В первом он просил императора помочь ему оружием и признать Войско Донское «впредь до освобождения России от большевиков самостоятельною республикою», управляемой своими законами. Во втором послании просьбы Краснова были уже значительно серьезнее и относились к территориальным притязаниям Дона. Атаман надеялся на поддержку Его Императорского Величества в «разрешении спора между Украиной и Войском Донским из-за Таганрога и его округа в пользу Войска Донского» и содействие императора в присоединении к войску «по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии, и города Воронежа, и станции Лиски и Поворино...»[17]. Аппетиты донского правителя, как мы видим в данном случае, превышали требование самоуправления.

В ответ германский император проявил благожелательность к Краснову, но способствовать его территориальным притязаниям не собирался, да и не мог. Летом 1918 г. его собственный трон начал шататься.

Не лишен был оригинальности и подход Краснова к помощи, оказываемой «белому движению» странами Антанты. Он смотрел на последних как на должников России и Дона из-за того вклада, который внесла русская армия в достижение их успехов в Великой (то есть в первой мировой. — *А. О.*) войне, и требовал возвращения долга[18].

В целом же атаман с сомнением относился ко всякой чужеземной помощи и в одной из первых речей в августе 1918 г. перед казачьим Кругом, избравшим его, заявлял: «Спасет Россию сама Россия. Спасут Россию ее казаки! Добровольческая армия и вольные отряды донских, кубанских, терских, оренбургских, сибирских, уральских и астраханских казаков спасут Россию»[19].

Подобную же мысль он высказал в октябре 1918 г. в письме заведующему политической частью Деникина генералу А. С. Лукомскому: «Нельзя рассчитывать на чужеземную помощь, надо работать самим, самим в своем творчестве искать жизненные силы. Иначе мы будем, как

---

[17] ***Краснов П. Н.*** Всевеликое Войско Донское. С. 19, 37, 38.

[18] Там же. С. 54.

[19] Там же. С. 55.

цветок, подвязанный к палке, хилый и больной. Выдерните палку, и он упадет и завянет»[20].

У Деникина позиция атамана Краснова вызывала большое беспокойство. Численность Войска Донского, по сведениям атамана, составляла около 60 тыс. по сравнению с 2,5 тыс. «добровольцев»[21]. За спиной Краснова стояло пятимиллионное население края. Да и сам он имел звание генерал-лейтенанта и соединял в себе образованность и высокую квалификацию опытного офицера с необузданным характером. На Дону он пользовался большим влиянием и был своеобразным идеологом казачьей вольности.

По собственному признанию атамана, он не раз, шутя, говорил: «У меня четыре врага: наша донская и русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, — мой самый страшный враг; генерал Деникин; иностранцы — немцы или союзники и большевики. И последних я боюсь меньше всего, потому что веду с ними открытую борьбу и они не притворяются, что они мои друзья»[22].

Уже будучи в эмиграции, Краснов писал: «К 15 августа 1918 г. ...большевиков не было на донской земле, и не вмешайся в дела Войска генерал Деникин и союзники, может быть, и сейчас Войско Донское существовало на тех же основаниях, как существует Эстония, Финляндия, Грузия — существовало отдельно от *советской* России»[23].

Разногласия Деникина с Красновым сменялись непрочным миром. Так, например, 12 октября 1918 г. Донское правительство по поручению атамана обратилось к Деникину с предложением созвать совещание в Екатеринодаре по вопросу о едином представительстве на Парижской мирной конференции. В дальнейшем на совещании 13 ноября эта проблема была легко урегулирована. Представительство на мирном конгрессе было возложено на бывшего министра иностранных дел царского правительства С. Д. Сазонова. В состав технических советников министра предполагалось включить представителей от Дона. Вопрос о связи с союзниками и участии в Парижской мирной конференции был поставлен своевременно. Осенью 1918 г. страны Антанты стали рассматривать Деникина как серьезную силу в борьбе с Советской властью и костяк антибольшевистского сопротивления Юга России.

В конце ноября 1918 г. в Новороссийск прибыли суда Антанты, а в начале декабря в штабе Деникина в Екатеринодаре появились предста-

---

[20] Там же. С. 81.

[21] Там же. С. 23, 29.

[22] Там же. С. 17–18.

[23] Там же. С. 6.

вители английской и французской миссий. На приеме, устроенном командованием Добровольческой армии, они заявили, что хотят увидеть возрожденную Россию, единый русский фронт и единое командование.

Русского командующего на Юге союзники видели в лице Деникина и старались обеспечить ему поддержку[24]. Ожидалось, что с прибытием миссии союзники начнут оказывать «белому движению» Юга через черноморские проливы действенную помощь флотом и войсками. «Для ориентировки союзного командования, — вспоминал председатель «Особого совещания», то есть глава деникинского правительства генерал А. С. Лукомский, — в середине-конце ноября 1918 г. штабом главнокомандующего Добровольческой армии был составлен подробный доклад о политическом и стратегическом положении на Юге России и о плане формирования и развертывания русских вооруженных сил»[25]. Но никакого ответа на этот доклад от англичан и французов не последовало.

Деникин не знал, что уже в декабре 1918 г. Англия и Франция приняли решение не посылать в южный регион своих войск за исключением частей, предназначенных для занятия Одессы, Севастополя и Закавказья[26]. Подтверждался, таким образом, прогноз атамана Краснова о призрачности иностранной помощи. Союзники, как оказалось, начали преследовать в России свои политические и экономические интересы, связанные с черноморским побережьем.

Между тем в конце 1918 г. Деникину с большими сложностями удалось согласовать вопрос о едином военном командовании «белого движения» Юга России. По соглашению с атаманами Всевеликого войска Донского и Кубанского 26 декабря он вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами региона. И все же до разгрома «белого движения» Юга Красной Армией казачьи войска оставались как бы союзными, так как Деникин не ведал назначением лиц высшего командного состава. Единоначалие Добровольческой армии вступало в противоречие с казачьим сепаратизмом.

Вместе с тем не получил разрешения не менее актуальный вопрос об организации гражданской власти южных областей России, находившихся под властью «белого движения». Эта власть была необходима для решения многих вопросов и, в первую очередь, для пополнения Белой армии путем мобилизации местного населения и организации ее снабжения.

---

[24] Генерал *Лукомский А. С.* Деникин и Антанта // Деникин, Юденич, Врангель. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991. С. 65–69.

[25] Там же. С. 67.

[26] Там же. С. 69, 87.

На протяжении всей гражданской войны казачество Дона и частично Терека стремилось к самоуправлению, то есть к автономии в пределах России, к самостийности тяготели казаки Кубани.

В начале января 1919 г. Красная Армия перешла в решительное наступление на южном фронте и, преодолевая упорное сопротивление «добровольцев» и казачества, успешно продвигалась в южном и юго-восточном направлениях. До окончания борьбы было еще далеко, но начался развал донских формирований. В этой обстановке в феврале 1919 г. атаман Краснов ушел в отставку и трения Деникина с Доном потеряли свою остроту. Новый очаг противоречий возник на Кубани. Именно это во многом дезорганизовало «белое движение» Юга.

Свободолюбивые традиции казачества и здесь проявлялись в том, что они видели в офицерах Добровольческой армии прежних помещиков и сторонников монархии, которая отобрала их вольности и так и не предоставила им желанного самоуправления. Поэтому, порой, не разбираясь в обстановке, казачьи станицы восставали то против Советской власти, то против Белой армий.

Позднее, оценивая политический смысл этого противостояния, Деникин писал: «Внешне эта борьба преподносилась общественному мнению (со стороны казаков. — *А. О.*) как противоположение «казачьего демократизма» «монархической реакции»; на самом деле она представляла поход кубанской самостийности против национальной России вообще»[27]. В данном случае Деникин был прав.

С весны 1919 г. генералитет Белой армии ставил своей задачей создание гражданской власти в занимаемых областях. В то же самое время Кубань, Дон и Терек продолжали свои попытки организации казачьего союза. Параллельно Кубанская Рада не раз обращала свои взоры к Украине с надеждами на устройство кубанско-украинского союза.

В июне 1919 г. из-за распрей между делегациями казаков и давления представителей Добровольческой армии конференция о казачьем союзе переросла в дискуссию о создании гражданской Южнорусской власти. В постановлении конференции от 20 июня 1919 г. говорилось: «Признать безотлагательную необходимость организации временной общегосударственной власти на Юге России на основе представительства от государственных образований Юга России и главного командования ВСЮР» (Вооруженные силы Юга России. — *А. О.*)[28].

---

[27] *Деникин А. И.* Вооруженные силы Юга России // Белое дело. Избр. произведения: В 16 кн. Поход на Москву. М., 1996. С. 102.

[28] Там же. С. 113.

Но это был всего лишь проект. До действительного установления гражданской власти в южных областях, охваченных «белым движением», прошло еще несколько месяцев. Разногласия с казачеством так и не удалось преодолеть.

Расстановку сил в данном противостоянии достаточно точно определил сам Деникин. «Мы стремились к тому, — писал он в своих мемуарах, — чтобы создать нормальные взаимоотношения казачества не только по отношению к временной власти ВСЮР, но и к России, не растрачивая государственных прав и не создавая опасных прецедентов для будущей общерусской власти. Казачество, наоборот, стремилось закрепить за собой максимум прав и вольностей именно в целях создания исторического прецедента»[29]. Чтобы во всеоружии решать свои проблемы, Дон, Кубань и Терек вновь и вновь добивались создания казачьего союза, чему всячески противодействовало командование Добровольческой армии.

Сложнейшие переговоры в обстановке непрекращающихся военных действий между Белой и Красной армиями продолжались четыре месяца. В это же время постоянные восстания горцев на Кавказе также доставляли немало неприятностей военному командованию Юга. «Особое совещание» (то есть законосовещательный и исполнительный орган, действовавший при главкоме ВСЮР с августа 1918 по декабрь 1919 г.), как и сам Деникин, твердо стояло на позиции, что «русское государство, как единое целое, восстановлено с момента признания в нем единой верховной власти в лице адмирала Колчака». Порядок вхождения казачьих земель в общегосударственный строй определялся односторонним актом власти «Верховного Правителя», реализуемой через главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России, то есть через генерала Деникина[30].

Казачество же было недовольно таким подходом и требовало, чтобы этот вопрос решался на съезде на договорной основе.

Не давал покоя Деникину с весны до осени 1919 г. и Северный Кавказ. Чечня и Дагестан пылали в огне восстаний, направленных против Вооруженных сил Юга России. Справиться с ними было особенно трудно, так как выступления поддерживались большевиками, Азербайджаном, Грузией и направлялись Горским правительством. По этому поводу 14 октября 1919 г. терский атаман писал Деникину: «...В то время как казачья и добровольческая русская кровь льется за освобождение Родины, мобилизованные, снабженные русским оружием чеченцы и ингуши массами дезертируют и, пользуясь отсутствием на местах муж-

[29] Там же. С. 116.

[30] Там же.

ского населения, занимаются грабежами, разбоями, убийствами и поднимают открытые восстания...»[31].

Со своей стороны кубанцы увидели в горских народах возможных союзников. В печать просочились слухи о том, что в июле 1919 г. между властями Кубани и Республики Союза горцев Кавказа был заключен договор о дружбе. В нем говорилось, что правительства Кубани и Республики горских народов Кавказа настоящим взаимно признают государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Союза горских народов Кавказа.

Для «белых» последствия такого соглашения означали отторжение от Терско-Дагестанского края горских областей, утрату Каспийской военной флотилии, которая была бы отрезана от белогвардейских войск, и передачу кубанских формирований Северного Кавказа в подчинение Горскому правительству.

Такой ход событий побудил командование Белой армии к более жестким действиям. Вялотекущим мирным переговорам с Кубанью был положен конец. 25 октября 1919 г. Деникин отдал приказ, в котором лица, причастные к заключению «договора о дружбе», объявлялись изменниками России и подлежали военно-полевому суду[32]. Кубанской Раде был предъявлен ультиматум с требованием о выдаче виновных и о прекращении «травли Белой армии». В итоге Рада подчинилась всем выдвинутым требованиям, но впоследствии не могла простить «белым» генералам этого унижения. Впрочем, примирение было недолгим, и вскоре борьба возобновилась.

Успешные действия Красной Армии и нестабильность внутренней обстановки в последние месяцы 1919 г. побудили Деникина подтвердить и конкретизировать программу-декларацию, провозглашенную им в апреле 1918 г. В своем приказе от 14 декабря 1919 г. он предписывал «Особому совещанию» руководствоваться в его действиях следующими положениями:

«1) Единая, Великая, Неделимая Россия. Защита веры. Установление порядка. Восстановление производительных сил страны и народного хозяйства...

2) Борьба с большевизмом до конца.

3) Военная диктатура. Всякое давление политических партий отметать, всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать. Вопрос о форме правления — дело будущего. Русский народ создаст верховную власть без давления и без навязывания.

---

[31] Цит. по: *Деникин А. И.* Вооруженные силы Юга России. С. 123.

[32] *Деникин А. И.* Вооруженные силы Юга России. С. 123–125.

Единение с народом. Скорейшее соединение с казачеством путем создания Южнорусской власти отнюдь, не растрачивая при этом прав общегосударственной власти.

Привлечение к русской государственности Закавказья.

4) Внешняя политика — только национальная русская. Невзирая на возникающие иногда колебания в русском вопросе у союзников — идти с ними. Ибо другая комбинация морально недопустима и реально неосуществима.

Славянское единение. За помощь — ни пяди русской земли...»[33]. Заявленная программа, пронизанная идеей единства и неделимости России даже вопреки реально складывавшимся обстоятельствам, так и осталась лишь декларацией, так как реальных сил для ее реализации у Деникина уже не было. Бескомпромиссность подходов генерала к сохранению России в ее прежних границах отталкивала от «белого движения» Юга России возможных союзников. Таковыми могли быть, в первую очередь, правительства новых государств, созданных на окраинах прежней Российской империи.

Ничего не изменило и провозглашение Деникина 16 января 1920 г. главой гражданской власти южных областей России, контролируемых Белой армией. В документе, принятом в результате переговоров с казачеством, указывалось:

«1) Южнорусская власть устанавливается на основах соглашения между главным командованием Вооруженными силами на Юге России и Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека, впредь до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

2) Первым главой Южнорусской власти по соглашению Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, с одной стороны, и Главного командования Вооруженными силами на Юге России, с другой стороны, признается генерал-лейтенант Деникин...»[34]. Формально Деникин оказался победителем в продолжительном политическом споре с казачеством. Для него это был вопрос не только будущего устройства России, но и жизнеспособности его «белого» войска. Добровольческая армия, составлявшая его костяк, с каждым днем редела, и казачество как военная сила приобретало все большую значимость. Но привязанность казаков к родным местам, собственной земле и стихийность их сознания, в конце концов, наряду с возрастающими победами Красной Армии явились одной из причин развала армии Деникина, произошедшего в первые месяцы 1920 г.

---

[33] Там же. С. 174.

[34] Там же. С. 212–213.

С подобными проблемами в отношениях с казачеством пришлось столкнуться «белому движению» и на Востоке страны. В 1918 г. сибирское казачество, пройдя этап самовластия крупных и мелких атаманов, также претендовало на особую роль в административном управлении. Так, Колчаку предлагалось учредить специальное министерство по казачьим делам, с министром, назначаемым казачьим Кругом. Причем этот министр должен был осуществлять свою власть при помощи Круга, и ни один закон, касавшийся казаков, не мог быть принят без рассмотрения Круга. Назначение командиров в казачьи части также должно было относиться к компетенции самого казачества.

Не случайно много сложностей возникло у адмирала Колчака с атаманом Забайкальского казачества Семеновым[35].

После переворота 18 ноября 1918 г. казачий атаман Семенов был среди тех, кто не приветствовал учреждение верховной власти Колчака. «Я был уверен, — говорил Колчак на допросе, — что Семенов будет против меня, ввиду тех отношений, которые сложились раньше. Едва ли, можно было рассчитывать, что Семенов пойдет вместе со мной, и я думал, что, вероятно, он попытается действовать отдельно, независимо»[36].

По-видимому, сближению с Колчаком препятствовала ориентация Семенова на Японию, которая имела при нем своего представителя подполковника Куроки и снабжала его оружием и деньгами. Совершенно очевидно, что это делалось японским правительством, чтобы в противовес державам Антанты оказывать свое влияние на «белое движение» в Сибири и иметь возможность в будущем в выгодном для себя свете решить территориальные проблемы на Дальнем Востоке[37].

«Белое движение» на Востоке страны имело свою историю. Ведущей фигурой в его развитии был уже упоминавшийся адмирал А. В. Колчак. Решение о борьбе с большевизмом бывший царский адмирал принял после подписания большевиками 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора с Германией. По этому поводу на допросе в 1920 г. он говорил: «Это было для меня самым тяжелым ударом... Я видел, что вся работа моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался, и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал. Для меня было ясно, что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости. Тогда я задал себе вопрос: что же я должен де-

[35] Допрос Колчака. Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. (Стеногр. отчет.) С. 108, 110, 113, 117, 119.

[36] Там же. С. 185–186.

[37] Там же. С. 121–122.

лать? Правительство, которое заключает мир, я не признаю, мир этот я также не признаю; на мне, как на старшем представителе флота, лежат известные обязательства, и признать такое положение для меня представлялось невозможным»[38]. Ясно, таким образом, что решение о борьбе с большевиками было для адмирала не случайным.

Активные действия против новой власти Колчак начал весной 1918 г., волей обстоятельств оказавшись в Харбине. Здесь, наблюдая за развитием событий в России и будучи избранным членом нового правления КВЖД, Колчак пришел к выводу о том, что Дальний Восток и Сибирь являются наиболее благоприятным регионом для организации антибольшевистского сопротивления.

Вместе с тем первоначально Колчак планировал присоединиться к армии генералов Алексеева–Деникина на Юге страны. Путь его пролег через Сибирь, где власть находилась в руках меньшевиков и эсеров. Прибыв в Омск в октябре 1918 г., он вступил в контакт с главнокомандующим войсками Уфимской Директории генералом В. Г. Болдыревым, который предложил ему занять пост военного и морского министра. Назначение состоялось 4 ноября 1918 г.[39] Впрочем, вскоре адмирал почувствовал, что его полномочий недостаточно, чтобы объединить антибольшевистские силы на Востоке и вести активную борьбу с Советской властью.

Переворот 18 ноября 1918 г., организованный при участи Колчака, имел своим результатом свержение эсеровской Директории. Совет министров, действовавший еще при Директории, вручил власть «Верховного правителя» России Колчаку. Во главе Совета министров остался П. В. Вологодский. Новые полномочия адмирала рассматривались как временные. В соответствии с «Положением о временном устройстве Государственной власти в России» в дальнейшем предполагался созыв некоего «представительного собрания», которое и должно было установить форму государственного строя страны[40].

Подобно Деникину, Колчак стремился сохранить страну в ее прежних границах и полностью разделял стержневую идею «белого движения» о «единой и неделимой» России.

Вместе с тем в обстановке гражданской войны эта идея была недостижима без ее одобрения прежними союзниками Российской империи — державами Антанты. И это хорошо понимали лидеры «белого

---

[38] Там же. С. 99–100.

[39] Там же. С. 145–150; *Дроков С. В.* Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 59–60; *Иоффе Г. З.* Указ. соч. С. 144–146.

[40] *Иоффе Г. З.* Указ. соч. С. 172.

движения» на Востоке, Юге и Севере страны. Особую роль в реализации этой задачи было призвано сыграть «Русское политическое совещание», разместившееся в столице Франции, где на Парижской мирной конференции решались вопросы послевоенного устройства. Этот орган был основан в конце 1918 г. представителями ряда эмигрантских организаций и наиболее видными российскими политиками недавнего прошлого. Председателем его стал бывший глава Временного правительства князь Г. Е. Львов. Совещание, находившееся в контакте с Добровольческой армией и разделявшее ее основные программные декларации, подобным же образом провозгласило своей целью «отстаивание единства, целостности и суверенитета России» и претендовало на роль руководящего центра «белого движения».

При Совещании была создана «Русская политическая делегация», которая и должна была повлиять на решения всемирного форума в наиболее благоприятном для национальной России духе.

В состав Делегации вошли наиболее видные бывшие российские послы в странах старого и нового света, а также некоторые известные деятели царского времени. Среди них: уже упомянутый князь Г. Е. Львов, бывший царский министр иностранных дел С. Д. Сазонов, посол Временного правительства во Франции В. А. Маклаков.

Члены «Русской политической делегации» прекрасно понимали, что прежде, чем заявлять об отстаивании российских интересов на Парижской конференции, необходимо было определиться с вопросом о том, какие именно силы в самой России представляет данная организация и какой реальной властью они обладают.

Решено было начать с объединения всех элементов «белого движения», действующих в России. Для этого надлежало добиться признания единого лидера движения и согласовать хотя бы в общих чертах политическую программу, признаваемую всеми наиболее влиятельными участниками антибольшевистского лагеря. Очевидно, что выбор должен был пасть на человека, который бы обладал в настоящий момент и в перспективе наибольшими возможностями в борьбе с большевиками с военной точки зрения, являлся бы достаточно авторитетной фигурой для «белого движения» в целом и был бы приемлем для стран Антанты. Политическое совещание в Париже сочло, что на такую роль больше всего подходил адмирал Колчак.

В результате переписки между Сазоновым и Колчаком в декабре 1918 — январе 1919 г. адмирал был уведомлен, что Парижское совещание признает его власть в качестве «Верховного Правителя» России, надеясь при этом, что он солидарен с политической и военной программой Добровольческой армии, действовавшей на Юге России. В ответном посла-

нии Сазонову Колчак уверил членов «Русской политической делегации», что он поддерживает выдвинутые Югом лозунги. Одновременно Сазонов был назначен министром иностранных дел Омского правительства. При этом Сазонов сохранил свою должность управляющего отделом внешних сношений в «Особом совещании» Деникина. Таким образом, в лице Сазонова «белое движение» Востока и Юга России объединило свои внешнеполитические усилия для достижения общих целей.

Вместе с тем уже в период первых контактов с «Политическим совещанием» в окружении Колчака началась подготовка документов для отстаивания интересов России на Парижской мирной конференции. Так, в декабре 1918 г. в Омске постановлением Совета Министров Российского (колчаковского. — *А. О.*) правительства при министерстве иностранных дел было учреждено Особое подготовительное к мирным переговорам совещание под председательством министра этого ведомства. Материалы для этого органа разрабатывались комиссиями, созданными при министерствах: Иностранных дел, Военном, Морском, Финансов, Внутренних дел, Торговли и промышленности, Путей сообщения, Труда, Земледелия, Продовольствия и снабжения и при Главном Управлении почт и телеграфов, функционирующих также в Омске. В итоге Совещание должно было свести воедино результаты работы комиссий и представить их на рассмотрение Совета Министров[41]. Таким образом, намерения сибирского руководства в отношении сотрудничества с державами Антанты в «русском вопросе» были самыми серьезными.

Работа Комиссий и Особого Совещания проходила в обстановке особой секретности в течение двух месяцев и была завершена 4 февраля 1919 г. Руководил Особым подготовительным совещанием Товарищ министра иностранных дел В. Г. Жуковский. Документ представлял собой детальную программу действий российской стороны на международном форуме в наиболее важных для страны направлениях. Учитывая, что данный архивный материал впервые вводится в научный оборот и является базовым, остановимся на нем подробнее.

За время разработки упомянутой программы сибирское руководство наладило отношения с «Русской политической делегацией» в Париже, которой и предстояло реализовать на практике выработанные омским Совещанием рекомендации. Предполагалось, что «Русское политическое совещание» в Париже будет стремиться к обеспечению российского представительства на мирной конференции и обсуждению следующих вопросов:

---

[41] Государственный Архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 176. Оп. 5. Д. 359. Л. 5–6, 6 об.

1) «Об общих принципах нашего представительства на мирной конференции и основах его работы.

2) О самоопределении народов.

3) О свободной торговле.

4) О проливах и Константинополе.

5) По славянскому вопросу». При этом омское Совещание «не задавалось целью выработать какие-либо исчерпывающие тот или иной вопрос директивы для русской делегации в Париже, возглавляемой С. Д. Сазоновым, но имело в виду ввести каждую из обсуждаемых тем в те рамки, которые обеспечивают интерес России при ее дальнейшем участии в мировом общении народов, — на новых, выдвинутых временем демократических и культурных началах»[42].

Выработанные омским органом тезисы основывались на следующих задачах:

«1) Охранить договорные начала, объединившие союзников в предвидении войны и составляющие основу героического участия России в общей борьбе.

2) Подтвердить и выявить историческую жизненность для России некоторых подробностей наиболее важных вопросов (Польша, проливы и Чехо-Словачена).

3) Сочувственно относясь к демократическим принципам президента Вильсона, положенным в основу будущего, в связи с войной, мирного сожительства народов, предохранить ослабленную Россию от умаления ее государственного достоинства и оградить ее самостоятельное экономическое развитие»[43].

Поставленные задачи свидетельствовали о том, что правительство Колчака было намерено сохранить союзнические отношения с державами Антанты и США, не допустить обсуждения без учета интересов России проблем, касающихся Польши, черноморских проливов и судьбы Чехословакии. Постановка третьей задачи была достаточно гибкой. Доброжелательное отношение Омска к «Четырнадцати пунктам» американского Президента В. Вильсона, выдвинутым им 8 января 1918 г., видимо, означало, что Россия поддержит шестой пункт программы, предусматривавший освобождение Германией всех оккупированных ею российских территорий, предоставление России возможности определить свою национальную политику и вступить в «сообщество свободных наций». Что же касается тринадцатого пункта, в котором говорилось о создании

---

[42] Там же. Л. 10.

[43] Там же. Л. 10, 10 об.

независимого Польского государства, то в отношении его, как мы увидим в дальнейшем, у России была особая позиция[44].

Идея «белого движения» о возрождении Великой Единой России, ранее провозглашенная в апреле 1918 г. в декларации генерала Деникина, была заявлена в первом основном принципе, на котором базировалось участие российской делегации на Парижской мирной конференции.

Направленность двух основных следующих принципов свидетельствовала о готовности России «идти в одних рядах с передовыми демократиями мира» и признании исторической неизбежности русской революции, поставившей на очередь дня ряд основных политических и социальных вопросов внутренней жизни страны. Одновременно декларировалось, что Россия не должна возвратиться к старому политическому строю. Включая эти положения, омское руководство показывало державам Антанты, что оно отказывается от монархического устройства государства.

Наряду с основными на утверждение Совета Министров колчаковского правительства были предложены общие и общие политические принципы работы российской делегации на мирной конференции. Общие принципы включали пять пунктов. Первый из них предусматривал, что представительство России на мирной конференции будет единым. Это свидетельствовало о намерении Омска объединить под своим началом разрозненные силы «белого движения» для защиты национальных интересов страны. Естественным для колчаковского руководства было требование, изложенное во втором пункте, о том, что Советская власть не должна быть участником международного форума.

В третьем параграфе особо подчеркивалось равенство статуса будущей российской делегации со статусом делегаций стран Антанты. В соответствии с этим в документе говорилось: «Число делегатов России на мирной конференции должно быть определено применительно к представительству остальных союзных с нею Великих Держав. Русская делегация участвует в работах конференции на равных основаниях с делегациями Великих Держав»[45].

В следующем, четвертом пункте заявлялось о претензиях сибирской власти на руководство русской делегацией на Парижской конференции и на лидерство в «белом движении» в целом: «Русская делегация, получившая свои полномочия от Омского и присоединившихся к нему

---

[44] Дипломатический словарь: В 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 574.

[45] ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 359. Л. 11.

Правительств, согласует свою текущую работу с директивами Российского правительства в Омске. Правительства других частей России, в случае образования их, передают свои полномочия указанной делегации».

В соответствии с пятым принципом «белая» Россия подтверждала свою верность международным обязательствам прежней империи и не брала на себя ответственность «за действия большевиков и все договоры и заявления, ими совершенные».

Раздел об общих политических принципах содержал четыре пункта. В них говорилось об уважении и всемерном способствовании предполагавшегося руководства «белой» России к «проведению в жизнь всех тех новых международно-правовых и международно-политических начал, которые имеют целью установление прочного мира и братского сожительства между народами» и к созданию Лиги Наций. При этом допускалось обращение к международному суду в случаях споров и разногласий государств и притом не только по поводу вопросов, «не затрагивающих чести и жизненных интересов их, но и при всяких спорах без исключения» и развитие института третейского международного суда. Теоретически эти положения предполагали возможность рассмотрения конфликтных ситуаций, касающихся новых национальных образований и изменения прежних государственных границ, на международном уровне. Этот пункт, с нашей точки зрения, должен был продемонстрировать мировому сообществу готовность Колчака идти на компромиссы. В подобном же духе, созвучном идее демократии, был написан 11 подпункт первого параграфа о том, что внешняя политика государств может быть подчинена широкому парламентскому контролю.

Четвертый параграф общих политических принципов отвечал идее государственной целостности России. Он гласил: «Необходимое ограничение национального начала при построении программ международных отношений во имя начала государственного и правового». Иными словами, был закреплен приоритет общегосударственных интересов над узконациональными[46].

Проблеме самоопределения был посвящен отдельный раздел документа, озаглавленный «Самоопределение народов. Самоопределение международное». Здесь достаточно подробно рассматривались общетеоретические подходы к вопросу о праве наций на самоопределение с точки зрения обеспечения целостности России. При анализе содержания этого раздела обращает на себя внимание, что омское правительство, несмотря на внутренние сложности, рассматривало Россию как

[46] Там же. Л. 11 об., 12, 12 об.

державу — победительницу в Великой войне наряду с государствами Антанты. В связи с этим оно намекало на свое право полноценно участвовать в разделе наследства повергнутых Германской, Австро-Венгерской и Османской империй, в частности на присоединение к России территорий, принадлежавших ей в недавнем и далеком прошлом. Об этом свидетельствуют следующие строки: «Области существующих государств, которые были отторгнуты от них или искусственно присоединены другими, но являющиеся культурно или экономически связанными со своими основными государствами, могут иметь право на самоопределение и воссоединение с последними. (Например, Прикарпатская Русь, Сербо-Хорватия, Трансильвания, Буковина и т. д.)». Естественно, что в числе «последних» имелась в виду Россия.

К некоторым национальным государствам, потерявшим в прошлом свою национальную независимость, но сохранившим национальную самобытность, омское правительство соглашалось применить принцип самоопределения в полной мере. В документе об этом говорилось так: «Культурные самостоятельные государства, подвергнувшиеся захвату со стороны других, но не утратившие своей культуры и ресурсов дальнейшего развития, имеют право на самостоятельное существование. (Например, Чехия и Польша)».

Для народностей, отставáвших в культурном отношении и входивших в состав государства, образованного более многочисленной и экономически и культурно более развитой нацией, предусматривалась культурно-национальная автономия. «Народности некультурные, — как следовало из документа, — завоеванные или добровольно присоединившиеся и достигшие культуры благодаря тому государству, в составе которого они находятся и от которого экономически зависят, могут иметь право на культурно-национальную автономию». В дополнении к этому положению указывалось на неблагоприятные последствия, которые будут результатом предоставления этим народам независимости. «Полное отделение от основного государства, — подчеркивали составители раздела, — таких народностей 1) может повлечь к присоединению их к другим государствам, если они заселяют пограничные области (например, Литва, Белоруссия, кавказские племена, прибалтийские народности и т. д.) и создать угрозу задачам самосохранения того государства, в состав которого они входили. 2) Может поставить вновь созданные государства фактически в невозможность осуществить свои права, если они окажутся при своей незначительности населения в самом центре господствующей нации (например, чуваши, мордва и т. д.)». Можно сказать, что перечислением упомянутых наций и народностей, которые на-

ходились в ходе гражданской войны под угрозой отделения от России, участники «Особого совещания» давали прямую директиву своей делегации на Парижской мирной конференции на удержание этих национальностей в составе будущего Российского государства. Идеи обеспечения стратегической безопасности и целостности явно превалировали над поддержанием внутренней стабильности.

Для Украины планировалась культурно-национальная автономия на том основании, что народности, «входящие в состав государства, которые близки ему по крови, языку и культуре и которые занимают территории, заключающие в своих границах естественные богатства, а также по своему экономическому и стратегическому значению лишающие основное государство путем отделения возможности его дальнейшего экономического развития и средств самозащиты, имеют право лишь на культурно-национальную автономию (например, Украина)».

Статус Финляндии приравнивался к Ирландии, и ей также отказывалось в независимости по существу на том же основании. В документе это было сформулировано следующим образом: «Народности, чуждые по культуре и крови господствующей, входящие в состав государств как политически автономные единицы (например, Ирландия, Финляндия и т. д.), в том случае, если их полное отделение прямо угрожает экономическим и военным интересам основного государства, отделены быть не могут».

В разделе о свободе торговли подчеркивалось, что в условиях конкуренции земледельческой России с индустриально развитыми странами этот принцип оказывался невыгодным для разоренной страны и препятствующим ее возрождению.

Большое внимание составителями программы деятельности русской делегации на Парижской конференции было уделено проблеме «Россия и славянский вопрос». По их мнению:

«Для правильного развития междуславянских отношений необходимо:

I Владение Россией Мраморным морем и проливами.

II Воссоединение Прикарпатской Руси с Россией.

III Создание тесного экономического и политического союза с Югославией.

IV Признание самостоятельности Чехо-Словачины и установление непосредственного соприкосновения ее государственных границ с Россией (через Словачину и Галицию), а также установление ее территориальной связи (при помощи так называемого коридора с Юго-Славией).

V Признание самостоятельности Польши с выходом в море через Данциг и заключение с нею политического и экономического союза.

VI Создание культурного объединения между всеми славянскими государствами и культурного взаимодействия всех славянских народов.

VII Всемерное способствование к созданию Общеславянского Союза»[47].

Задача культурного и отчасти политического объединения славянских народов в решении ряда международных вопросов, сближение их границ в эти годы, как, впрочем, в предыдущие и последующие, была актуальна. Но в условиях мировой войны и социальных революций она становилась нереальной.

Было очевидно, что после распада Австро-Венгерской империи изменения будут неизбежны и Чехия и Словакия создадут свое государство. По этому же пути пойдут сербы, хорваты и словенцы. Знаменательно при этом, что в проведении границ этих новых государств с Германией и другими неславянскими странами колчаковское правительство готово было оказать им поддержку. Правда, следует учитывать, что здесь, как и в предыдущих случаях, мало что зависело от России, пребывавшей в состоянии гражданской войны.

Нереальными выглядели и территориальные претензии «Верховного Правителя» относительно владения Россией Мраморным морем и проливами и воссоединения Прикарпатской Руси с Россией.

Польша уверенно шла к самостоятельности, и воспрепятствовать этому уже не могли ни Советская власть, ни «белое движение». В данном случае колчаковское правительство посмотрело на этот вопрос прагматически. Нерешенным и весьма важными для России оставалось установление ее границ с Польшей. Программа Колчака обоснованно предполагала, что при рассмотрении границ Польши с Россией должны быть приняты во внимание стратегические, экономические соображения и этнографические условия. На основании анализа статистических и исторических данных разработчики документа выдвигали следующие положения:

«а) Литва и Белоруссия ни в какой части не могут быть присоединены к Польше.

б) Холмщина должна остаться в пределах России.

в) Русь Галицкая, Угорская и Буковинская должны быть присоединены к России, причем западная граница России должна непосредственно соприкасаться со Словачиной»[48].

---

[47] Там же. Л. 13 об.

[48] Там же. Л. 13 об., 14.

Это был первый базисный документ колчаковского правительства, программа-максимум, которая предполагала не только сохранение ряда территорий Российской империи, как, например, Литвы, Белоруссии, Холмщины, но и присоединение земель, входивших когда-то в состав Русского государства. Положению о Прикарпатской Руси в целом, включающей Русь Галицкую, Угорскую и Буковинскую, был посвящен специальный раздел документа. Такая постановка вопроса отвечала идее возрождения могучей державы, но вела к неизбежным спорам с Польшей и Румынией и втягивала Россию в затяжной спор с державами Антанты, покровительствовавшими этим странам.

Вполне демократично был поставлен и вопрос о правах меньшинств, которые при проведении русско-польской границы должны были остаться на территории смежных государств. В документе об этом говорилось: «Ввиду неизбежности включения местностей со смешанным населением как в Польшу, так и в Россию должны быть выработаны положения о правах меньшинства населения, обеспечивающие культурно-национальную самобытность той или иной народности». Подобный подход был проявлен и в отношении изменяющейся российско-румынской границы[49].

Колчаковское руководство, причисляя себя к правительствам держав-победительниц, считало, что территория Польши должна быть расширена за счет Восточной Германии. «Территория Польши, — гласил один из пунктов документа, — должна простираться вплоть до берегов Балтийского моря, то есть включать в себя все те части Восточной Германии, которые являются искони польскими»[50].

Анализ документа в целом оставляет о нем самые серьезные впечатления. Несомненно, что колчаковский МИД во всех деталях проработал внешнеполитическую платформу «белой» России для защиты ее интересов на международной мирной конференции. Вместе с тем ясно, что многие положения программы в создавшихся условиях невозможно было осуществить. В дальнейшем при контактах со странами Антанты происходило постепенное отступление от некоторых положений документа. В целом же, почти до полного поражения своей армии Колчак оставался верным принципу целостности России.

Между тем, в тот период, когда в окружении Колчака составлялась программа деятельности российской делегации на Парижской мирной конференции и налаживались контакты с союзниками, не менее ос-

[49] Там же. Л. 14.

[50] Там же.

тро стоял вопрос об объединении всех направлений «белого движения» в России. В первую очередь, это относилось к вооруженным силам Колчака и Деникина.

С конца февраля 1919 г. главными фронтами гражданской войны стали Восточный и Южный. 4 марта отряды сибирского «правителя» перешли в наступление. Фронт Красной Армии был прорван и расчленен на две части — северную и южную. К началу апреля войска Колчака овладели Уфой, Сарапулом, Чистополем, Бугульмой, Богурусланом, Орском и Актюбинском. Открывался путь к Волге и соединению с армией Деникина.

В это же самое время главнокомандующий Вооруженными силами Юга России также готовился к крупным военным операциям. Опираясь на 85-тысячную армию и помощь Англии, Франции и США, он составлял далеко идущие планы, вплоть до овладения Москвой.

Весной 1919 г., пользуясь тем, что главные силы Красной Армии были заняты борьбой с отрядами Колчака, Деникин двинул в наступление имеющиеся в его распоряжении Добровольческую, Донскую и Кавказскую армии и сумел выйти на стратегический рубеж: Царицын, Балашов, Харьков, Полтава. Создавались условия для его похода вглубь страны[51].

Складывалась таким образом ситуация, при которой Колчак и Деникин доказали свой приоритет в «белом движении» и вызвали наибольший интерес со стороны держав Антанты.

Для обоих военачальников также наступило время тесного сотрудничества. В условиях гражданской войны их связь налаживалась главным образом через Париж, а также через Константинополь и занятый союзными войсками Бухарест.

27 мая 1919 г. по поручению уже упоминавшегося Парижского совещания к Деникину в Екатеринодар приехали бывшие генералы царской армии Д. Г. Щербачев, Аджемов и Вырубов. В их переговорах с главнокомандующим Юга России конкретно был поставлен вопрос о необходимости его немедленного подчинения адмиралу Колчаку. Данная субординация мотивировалась ими следующим образом: 1) «Мощь сибирских армий и огромная освобожденная ими от большевиков территория, подчиненная адмиралу Колчаку; 2) впечатление, произведенное на правительства и общественное мнение Европы быстрым выходом сибирских войск к Волге; 3) ожидающееся официальное признание союзными правительствами адмирала Колчака при условии объедине-

[51] *Гордеев Ю. Н.* Указ. соч. С. 121–122.

ния в его лице всей верховной власти; 4) наконец, признание Всероссийской власти сделает невозможным признание власти советской и облегчит нам борьбу с сепаратными течениями»[52].

Большинство членов «Особого совещания», то есть правительства при Деникине, опасаясь переориентации помощи союзников на «сибирского правителя», предлагали отложить подчинение Колчаку до фактического соединения «белых» фронтов. Первоначальный ход мыслей Деникина шел в том же направлении. Он понимал, что, приняв верховенство Колчака, он таким образом ослаблял собственную позицию в отношении казачества и, кроме того, обязывался сразу принять политическую программу омского руководства, отказавшись от собственного политического опыта. Содержание заключительной речи Деникина на «Особом совещании» сводилось к следующему: вопрос о воссоздании России поставлен не приезжими из Парижа, он назрел. Отказ от положительного ответа будет истолкован как начало борьбы за власть. Поставленный вопрос распадался на две части — нужно ли немедленное образование национального правительства России и нужно ли для этого немедленное признание Колчака. Видимо, сторонники Деникина опасались умаления роли своего главнокомандующего, а также углубления противоречий среди лидеров «белого движения».

В итоге заседание приняло следующее решение: «Признавая настоятельно необходимым образование в России единого национального правительства, «Особое совещание» полагает, что жизненные интересы Российской державы властно требуют, чтобы такое правительство было образовано путем непосредственного соглашения между генералом Деникиным и адмиралом Колчаком на началах, изложенных в официальном сообщении от 10 (23) апреля (1919 г.) текущего года (Политическая декларация правительства Юга)»[53]. Таким образом, подчеркивалось равенство договаривающихся сторон: «Верховного Правителя» и главнокомандующего ВСЮР.

Между тем, положение на фронтах не было устойчивым, и соединение территорий затягивалось. В этих условиях признание союзниками всероссийской власти адмирала Колчака становилось фактором, укреплявшим международное положение «белой» России. Все это требовало оказания сибирскому правителю немедленной политической поддержки. Несомненным было и то, что факт объединения антибольшевистских движений вызовет подъем энтузиазма в войсках и обществе и ослабит

[52] *Деникин А. И.* Вооруженные силы Юга России. С. 22–25.

[53] Там же. С. 25.

внутренние противоречия. Последние соображения оказались первостепенными и 30 мая 1919 г. был издан приказ главнокомандующего Вооруженными силами Юга России о подчинении Колчаку. В нем говорилось: «Беспримерными подвигами Добровольческой армии, Кубанских, Донских, Терских казаков и Горских народов освобожден Юг России и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России. С замиранием сердца весь Русский народ следит за успехами Русских армий с верой, надеждой и любовью.

Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением великой единой России.

Спасение нашей родины заключается в единой верховной власти и нераздельном с нею едином верховном командовании.

Исходя из глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку как «Верховному Правителю» Русского Государства и Верховному Главнокомандующему русскими армиями.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России»[54].

Отношение казачества к этому шагу, как и предполагал Деникин, было отрицательным. На уже упоминавшейся конференции по организации общеказачьего союза, проходившей весной–летом 1919 г., не менее остро стоял вопрос о признании адмирала Колчака, к «которому донцы отнеслись неопределенно, терцы и особенно кубанцы вполне отрицательно». Причиной казачьей оппозиции к Колчаку на конференции назывались: тяжелое положение к тому времени Восточного фронта, «недостаточная солидность базы, на которую опирается адмирал», форма его правления, «далекая от народоправства», и «отсутствие гарантий сохранения демократических установлений на Юге»[55].

Как сторонник сильной власти, особенно в сложившихся условиях, Деникин считал невозможным согласиться с выдвинутыми казачьей конференцией мотивами, как и не мог отступить от уже принятого решения. По этому поводу он писал: «Мы проводили идею полной концентрации власти в виде диктатуры, признавая такую форму правления единственно возможной в небывало тяжелых условиях гражданской войны... Казачество, допуская единоличную власть главнокомандующего, добивалось "гарантий", превращавших "единство" в федерацию, дикта-

---

[54] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 335. Л. 97.

[55] *Деникин А. И.* Вооруженные силы Юга России. С. 117.

туру — в чистейший парламентаризм. Оно требовало права образования союзов государственно-правового значения и автономных армий; учреждения законодательной палаты вместо законосовещательной; назначения председателя правительства по соглашению со "съездом"; права палаты выражать недоверие правительству»[56].

Предрешить структуру будущей государственной власти было невозможно. Казачество не отказывалось от своих требований на большую независимость, и его сепаратизм вновь грозил расколом «белому движению». Правда, вскоре выяснилось, что лидеры казачества согласны признать военное главенство адмирала Колчака, оставив верховную гражданскую власть за своими представительными учреждениями. Их формула построения общерусской власти выглядела следующим образом: «Верховный Правитель» (адмирал Колчак) и его полномочный представитель на Юге — главнокомандующий, палата областных и губернских представителей, общее правительство, автономия казачьих войск»[57]. Иначе говоря, как и ранее, самостоятельная позиция казачества препятствовала полному объединению «белого движения».

Все сказанное свидетельствовало о том, что Деникин торопился укрепить позиции Колчака в целях международного признания омского правительства в качестве общенационального. Только это могло обеспечить полноправное представительство «белой» России на Парижской мирной конференции, созванной державами-победительницами в первой мировой войне для выработки мирных договоров с побежденными странами.

На этой конференции, проходившей с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г., «русский вопрос» был фактически одним из главных в повестке дня Версальского форума. Главную роль на конференции играл «совет четырех» в лице президента США В. Вильсона, премьер-министров Ж. Б. Клемансо (Франции), Д. Ллойд Джорджа (Великобритания) и В. Э. Орландо (Италия).

26 мая 1919 г. «совет четырех» отправили «Верховному Правителю» в Омск дипломатическую ноту, в которой для признания его правительства в качестве правительства России поставил ряд условий. Вопрос о судьбе окраинных образований и спорных территорий затрагивался в четвертом, пятом и шестом пунктах.

В четвертом пункте выдвигалось почти категорическое требование признать независимость Польши и Финляндии. В случае же невоз-

---

[56] Там же.

[57] Там же. С. 113.

можности такого решения или возникновения споров относительно проведения границы все эти вопросы предлагалось передать на третейское рассмотрение Лиги Наций.

Пятый пункт гласил, что если урегулирование в отношениях с Эстонией, Латвией и Литвой, а также Кавказскими и Закаспийскими территориями не будет достигнуто, то решение будет принято также путем консультаций с Лигой Наций, а до этого правительство России (то есть Колчак и его окружение) должно признать эти территории как автономии и подтвердить, что существующие у них правительства могут иметь отношения с союзными и ассоциированными странами (то есть со странами Антанты и союзными с ними государствами). Разграничение спорных между Россией и Румынией территорий в Бессарабии, согласно пункту шестому, должно было передаваться на рассмотрение Мирной конференции[58].

Выдвинутые требования о значительном сокращении прежней территории Российского государства ни в какой мере не соответствовали декларациям и заявлениям Деникина и Колчака по сохранению целостности России и решению национальных вопросов. Вместе с тем международное признание для сибирского правителя и всего «белого движения» было первостепенным. Тем не менее ответ Колчака, последовавший 3 июня 1919 г., был уклончивым.

«Верховный Правитель» подтверждал независимость Польши, провозглашенную Временным правительством 1917 г., и признавал фактически существующее Финляндское правительство, заявляя о готовности обеспечить ему полную независимость, но лишь во внутреннем устройстве и управлении Финляндией. При этом установление границ с Польшей и окончательное урегулирование всего комплекса проблем с Финляндией он оставлял на усмотрение Учредительного собрания.

В том же документе Колчак заявил о намерении своего правительства обеспечить автономные права национальных групп Эстонии, Латвии, Литвы, а также народностей Закавказских и Закаспийских территорий. Одновременно была сделана оговорка о том, что границы и условия установления каких-либо автономных институтов будут решаться отдельно в каждом случае. Не исключил Колчак и сотрудничество с Лигой Наций, хотя и подчеркнул, что только Учредительное собрание будет вправе решить все вопросы внутренней и внешней политики[59].

---

[58] Внешняя политика СССР: Сб. документов: В 6 т. М., 1944–1956. Т. 1. М., 1944. С. 283–284; ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 333. Л. 68–69.

[59] *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М., 1949. С. 230–245; ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 333. Л. 22. 22 об.

Колчак был заинтересован, чтобы его ответ был воспринят Мирной конференцией как единая позиция всего «белого движения». С этой целью в тот же день он направил телеграмму своему министру иностранных дел Сазонову, находившемуся в Париже. В ней говорилось: «Благоволите настоять на том, чтобы этот ответ рассматривался, как связывающий все национальные государственные центры России, и указать союзникам, что он не требует дополнительных подтверждений и переговоров с Архангельском (то есть с Миллером. — *А. О.*) и Екатеринодаром (то есть с Деникиным — *А. О.*)». Сазонову также поручалось «обеспечить единство государственных заявлений»[60].

Таким образом, было ясно, что от стержневой идеи по обеспечению целостности России Колчак не отказался. Согласие же на автономию национальных групп Прибалтики, Закавказья и Закаспийских территорий было лишь формальной уступкой. Характеризуя ответную ноту «Верховного Правителя» державам Антанты, управляющий Омским министерством иностранных дел И. И. Сукин отмечал: «Ответ «Верховного Правителя» содержит суммарное повторение прежних его деклараций по внешней и особенно по внутренней политике. В нем нет никаких уступок, он вполне охраняет национальное достоинство России и выдержан в демократическом стиле»[61].

Ответ Колчака удовлетворил союзников тем более, что в это время они еще воздерживались от абсолютного признания окраинных образований, за исключением Финляндии и Польши.

О требованиях, предъявленных ему «советом четырех» и о содержании своего ответа в Париж «Верховный Правитель» в тот же день, 3 июня 1919 г. проинформировал генерала Деникина[62].

В свою очередь, 7 июня 1919 г. Деникин направил Колчаку доклад о положении дел на Юге России. В этом же документе содержалось пожелание о предоставлении Южной власти права внешних сношений по вопросам, касающимся исключительно Юга России. Связь между Екатеринодаром и Омском осуществлялась через Париж и была крайне нерегулярной.

Ответ был получен только в конце августа 1919 г. Просьба Деникина была удовлетворена, общее же руководство в области внешней политики, финансов и в других вопросах было оставлено за Колчаком.

Согласованность в основных направлениях внешней политики была достигнута назначением 13 августа 1919 г. начальника Управления ино-

---

[60] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 333. Л. 24.

[61] Там же. Л. 40.

[62] Там же. Л. 30.

странных дел «Особого совещания» А. А. Нератова товарищем российского министра иностранных дел в Париже Сазонова. Деникин разделял общие направления, изложенные в документах «Верховного Правителя» по отношению к новообразованиям, в частности в «польском вопросе». Колчак и Деникин приняли предложенную Сазоновым формулу относительно использования этнографического принципа при определении восточных границ Польши и об отсрочке окончательного решения до Учредительного собрания[63].

В связи с неопределенностью позиции союзников по отношению к «белому движению» и с затягиванием признания Омского правительства в окружении Колчака и Деникина возникли колебания по вопросу об отношении с немцами. В большей или меньшей степени нарастала волна германофильства. Об этом свидетельствует, в частности, телеграмма адмирала Колчака генералу Деникину в октябре 1919 г. «Наши отношения к Германии, — говорилось в ней, — определяются отсутствием всяких сношений и формально продолжением войны; практически же военных действий нет, Брест-Литовский мир аннулирован Версальским постановлением; ныне Германия выступает активно и вмешивается в наши внутренние дела. Представляется необходимым разрешить это ненормальное положение, и надо принять решение о взаимоотношениях с Германией, явно игнорировать которую долее невозможно»[64].

Омский Совет министров посвятил германскому вопросу специальное заседание и выразил отрицательное отношение к перемене курса.

В свою очередь Деникин имел четкую позицию и считал, что немцы продолжают вести борьбу против русской государственности и целостности страны — вполне открыто в Прибалтике, Малороссии, на Кавказе и тайно — среди русских партий. В его ответе Колчаку говорилось: «Версальский мир не закончил борьбу, а лишь приостановил ее и углубил непримиримые противоречия между двумя политическими группировками. В будущем намечаются впервые широкие возможности всеславянского объединения. Союзники оказывают нам реальную помощь, диктуемую, правда, их собственными интересами, но не расходящимися с идеей воссоздания русской государственности. В то же время немцы продолжают политику растления и разъединения, поддерживая русский большевизм и наши центробежные силы. Отсутствие всяких сношений с ними является не слабостью, а силою, придавая устойчивость прямоту и

[63] *Деникин А. И.* Вооруженные силы Юга России. С. 32.

[64] Там же. С. 32–33.

искренность русской политике в глазах тех, с которыми нам суждено идти по одному пути»[65].

В принципе это была объективная оценка сложившейся ситуации. Что касается немцев, то Деникин не мог простить им Брест-Литовского мира с большевиками. Надежды на всеславянское объединение, как показали дальнейшие события, оказались неоправданными.

Таким образом, верность союзникам сохранялась. «Вероятно, и убежденные германофилы, — писал Деникин, — не могли бы указать, какую реальную помощь была в состоянии оказать русскому делу Германия — поверженная, оккупированная, зависимая от победителей — без их санкции»[66].

По существу страны Антанты оставались единственной возможной опорой «белого движения». Один из членов колчаковского правительства в связи с этим писал: «И мы шли старым путем... потому что иного не было, потому что в сонме и победителей и побежденных национальная Россия оказалась чужой и одинокой»[67].

Между тем результатом достигнутого взаимопонимания между Омском и Екатеринодаром явилось назначение Деникина указом Колчака от 11(24) июня 1919 г. заместителем Верховного Главнокомандующего. В нем говорилось: «Назначается Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России Генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин Заместителем Верховного Главнокомандующего с оставлением в должности Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России»[68].

Тем же актом, по сведениям Деникина, предусматривалось, что «в случае болезни или смерти Верховного Главнокомандующего заместитель его (генерал Деникин) незамедлительно вступает в исполнение обязанностей Верховного Главнокомандующего»[69]. Вопрос же о преемственности власти «Верховного Правителя» оставался открытым.

В течение весны–осени 1919 г. Колчак был признан в качестве «Верховного Правителя» России со стороны Временного правительства Северной области, возглавлявшегося генералом Е. К. Миллером, а также со стороны Северо-Западного правительства Лианозова, в которое в качестве военного министра и главкома входил Н. Н. Юденич[70].

---

[65] Там же. С. 33.

[66] Там же. С. 82.

[67] Там же. С. 34.

[68] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 335. Л. 121–122.

[69] *Деникин А. И.* Вооруженные силы Юга России. С. 18.

[70] *Иоффе Г. З.* Указ. соч. С. 76–77.

Казалось бы, укрепление власти Колчака в «белом движении» России было налицо. Большую роль в этом сыграло объединение Востока и Юга. И все же ожидаемых результатов в международном плане это не принесло. После принципиального одобрения союзниками изложенного нами отвата Колчака от 3 июня 1919 г. новых ободряющих сведений из Парижа не поступало. Естественно, надежды на признание Омского правительства союзными державами угасали. Все это разочаровало Колчака и Деникина, понимавших, что союзники не исключали возможности дальнейших попыток достигнуть соглашения с Советами. Вопрос о международной поддержке идеи целостности России оставался открытым и даже ставился под сомнение.

Очевидно, что державы, собравшиеся в Париже, не были уверены в падении Советской власти и одновременно в намерениях лидеров «белого движения» установить в будущей России демократический режим. При этом собственные национальные интересы каждая из держав ставила на первый план. Удручали союзников и периодические поражения их «белых» армий. Кроме того лидеры большинства западных и южных новообразований, созданных на территории прежней России, в своих обращениях к международному форуму решительно отмежевались от заявлений глав «белых» правительств Юга, Севера и Востока.

Больше всего неудовлетворения у лидеров «белого движения» вызывала колеблющаяся политика Франции. С одной стороны, эта страна опасалась возрождения военной мощи Германии и российского союза с ней как «белых», так и большевиков. С другой стороны, она боялась угрозы распространения большевизма и была заинтересована в уплате ей царского государственного долга, составлявшего весьма внушительную сумму. В результате Франция так и не сделала своего выбора и делила скудную материальную помощь и дипломатическую поддержку между «белым движением» России, Украиной, Финляндией и Польшей.

Таким образом, ключевая идея «белого движения» о «целостности» России в ряде случаев сталкивалась с интересами западных государств, что неизбежно препятствовало как будто бы наладившемуся сотрудничеству. Но главной причиной ослабления поддержки со стороны держав Антанты являлись возрастающие успехи Красной Армии. Тем не менее англо-французская интервенция на Юге России продолжалась. Вооружения и боеприпасы, поступающие с Запада, были главным жизненным источником, питающим армии Деникина. Одновременно британская эскадра оказывала серьезную поддержку в операциях деникинских войск на побережьях Азовского и Черного морей.

Вместе с тем положение на Восточном и Южном фронтах было переменчивым. В июле 1919 г. Деникин провел поголовную мобилизацию мужчин призывного возраста подчиненных ему областей. Данная мера по пополнению вооруженных сил таила в себе гибель. Эта мобилизация лишила войска Деникина их классовой однородности. Для поднятия духа армии и наглядного проявления мощи «белого движения» в представлении союзников требовались успешные операции. Стремясь к этому, Главнокомандующий ВСЮР 12 сентября 1919 г. отдал приказ о переходе в общее наступление «от Волги до румынской границы». В сентябре–октябре войска Деникина после ряда успешных операций вышли на линию Царицын, Воронеж, Орел, Чернигов, Киев, Одесса[71].

Что же касается стратегической обстановки на других фронтах гражданской войны, то она складывалась неблагоприятно для ВСЮР. С весны 1919 г. неудачи и поражения преследовали колчаковскую армию. В результате летнего контрнаступления Красная Армия в мае–июне 1919 г. разбила главную группировку колчаковских войск, менее чем за два месяца нанеся поражение двум самым сильным армиям «Верховного Правителя» — Западной и Сибирской. Войска «Верховного Правителя» были отброшены южнее Камы и освободили почти всю территорию, которую они захватили в ходе своего весеннего наступления.

В июле 1919 г. Красная Армия заняла Екатеринбург, в августе — Челябинск, в ноябре подошла к Омску. Почти накануне вступления красных в город «Верховный Правитель» покинул свою «столицу».

На Юге в октябре 1919 г. фронт вооруженных сил «белого движения» оказался растянутым от Волги до Киева. Внутренние резервы были отвлечены на борьбу с Н. И. Махно, С. В. Петлюрой и партизанами. В середине октября 1919 г. Красная Армия перешла в наступление на Южном фронте. Неся большие потери, войска Деникина оставили Орел, Воронеж, Курск, Касторную и другие города.

Последнюю телеграмму от Колчака Деникин получил 19 ноября 1919 г. В ней говорилось: «Обстановка требует предоставления генералу Деникину всей полноты власти на занятой им территории; я прошу передать генералу Деникину полную уверенность мою, что я никогда не разойдусь с ним в основаниях нашей общей работы в возрождении России». Опасаясь политического соперничества в своем окружении и обострения противоречий с казачеством, Деникин не огласил этого сообщения. Полноту гражданской власти, но уже на значительно сокращенной территории Юга России Деникин, как уже упоминалось, получил в конце января 1920 г. в итоге сложных переговоров с казачеством.

---

[71] *Гордеев Ю. Н.* Указ. соч. С. 122–128.

Что же касается преемственности «всероссийской власти», то есть замещения «Верховного Правителя» Колчака на его посту, то здесь следует обратить внимание на ряд моментов. По данным отечественного исследователя С. В. Дрокова, эти полномочия Деникин получил 6 января 1920 г., когда Колчак подписал приказ о сложении с себя звания «Верховного Правителя» с передачей его Деникину[72]. По утверждению же самого Деникина, это произошло 2 декабря 1919 г.[73]

Возникшая ситуация самым неблагоприятным образом отразилась на поведении союзников. Обескураживающе подействовали на Деникина заявления британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа. В начале ноября 1919 г., после того как обнаружились военные неудачи Колчака, глава правительства Англии начал поворот в своем политическом курсе. С его точки зрения Великобритания не была в состоянии навести порядок в стране, занимавшей огромную территорию в Европе и Азии, и где пытавшиеся завоевать ее иноземные армии неизбежно терпели поражения. Уже давно смущало Д. Ллойд Джорджа и то, что адмирал Колчак и генерал Деникин борются за «единую и неделимую» Россию, которая в прежние времена испытывала интерес к Персии, Афганистану и Индии, составляя немалую угрозу Британской империи[74].

В ноябре 1919 г. после ряда поражений, постигших Белые армии, британское правительство Д. Ллойд Джорджа решило прекратить помощь Колчаку и Деникину на том основании, что продолжающиеся военные поставки не приносят пользы.

Реакцией на этот поворот в политике Великобритании послужило заявление Деникина, сделанное им 24 декабря. В нем он объявил о своей готовности вести переговоры со всеми пограничными правительствами на базисе статус-кво в целях организации общих акций против большевиков[75].

Но это заявление было уже запоздалым, тем более что сторона, терпящая поражение в гражданской войне, не представляла уже особого интереса ни для стран Антанты, ни для правительств новых окраинных образований. Поставки же со стороны Франции, как уже указывалось, и до этого были небольшими.

В начале 1920 г. наступил полный распад армии Колчака. 15 января 1920 г. А. В. Колчак был арестован чехами и передан эсеро-меньше-

---

[72] *Дроков С. В.* Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 64.

[73] *Деникин А. И.* Вооруженные силы Юга России. С. 218.

[74] Parliamentary Debates. House of Commons. 1919. Nov. 8 and Nov. 18.

[75] Цит. по: *Senn A. E.* The Emergence of modern Lithuania. N. Y., 1959. P. 176, 184.

вистскому Политическому центру, а затем Иркутскому ВРК. После допроса Чрезвычайной следственной комиссией в январе–феврале 1920 г. адмирал был расстрелян.

В конце декабря 1919 г. армия Деникина вынуждена была оставить Киев, Чугуев, Екатеринослав, весь Донецкий бассейн и постепенно отошла к Таганрогу, Ростову и Новочеркасску. 3 января 1920 г. Кавказская армия ВСЮР покинула Царицын. Наступил окончательный перелом в пользу Красной Армии.

Правда, 8 февраля 1920 г. последовал приказ Деникина о переходе в наступление, и 20 февраля Добровольческий корпус захватил Ростов. Но этот частный успех не изменил общий ход борьбы. В марте 1920 г. началась эвакуация остатков деникинской армии из Новороссийска в Крым и Константинополь[76]. Главные очаги «белого движения» на Юге и Востоке потерпели поражение.

Таким образом, для «белого движения» гражданская война оказалась проигранной. Эпизодические победы армии барона Врангеля, разместившейся в Крыму в 1920 г., не изменили сложившуюся ситуацию. Идеи, лозунги и декларации, выдвигаемые А. И. Деникиным и А. В. Колчаком, не смогли объединить для антибольшевистской борьбы население бывшей Российской Империи. В условиях того времени российский народ поддержал идеи и социальные программы, предложенные большевиками. В офицерах и руководителях Белых армий значительная часть трудящегося населения, не исключая и их союзников-казаков, видела бывших помещиков, капиталистов, а также петербургских правителей, вовлекших Россию в тяжелую и кровопролитную войну. В этом была основная причина поражения «белых». Были также и другие причины неудач, о чем мы скажем в дальнейшем.

Но при всем этом нельзя не обратить внимания на последовательную верность российского «белого» генералитета собственному пониманию национальных интересов России. Страстное желание вернуть прежнюю Россию, воинская верность союзническому долгу в продолжающейся мировой бойне и зависимость от стран Запада в поставках боеприпасов и вооружения обращали взоры А. И. Деникина и А. В. Колчака к державам Антанты. И все же все их помыслы, отраженные в декларациях главнокомандующего Вооруженными силами Юга и программе «Верховного Правителя», были направлены на сохранение целостности России, то есть всех ее территорий в границах 1914 г. Опасаясь развала их родины и превращения ее в «московское княжество», они

[76] *Гордеев Ю. Н.* Указ. соч. С. 130–133.

жестко придерживались этих принципов в отдельных переговорах с Англией и Францией и в попытках добиться своего полноправного участия в работе Парижской мирной конференции. Делая формальные уступки державам Антанты в отношении независимости Польши и Финляндии, они практически до полного поражения своих армий оставляли окончательное решение этих вопросов до предполагаемого Учредительного собрания.

Заявляя об автономии других окраинных образований, в первую очередь прибалтийских, Деникин и Колчак и в этом случае ссылались на последний вердикт Учредительного собрания. В верности провозглашенной ими идеи оба военачальника были едины и последовательны.

Постоянный спор генерала и адмирала с казачеством разных регионов России так и не нашел своего разрешения. Стремление этих слоев российского населения то к самоуправлению, то к самостийности, наряду с уже указанной причиной поражения «белого движения», подрывало тылы Белых армий.

Непрекращающиеся восстания горских народов Кавказа, включая чеченцев, досаждали как «красным», так и «белым», но особенное неприятие их неугасающей воинственности возникало у Деникина.

Нельзя не сказать и о маневрах держав Антанты. Ожидаемая от них помощь так и не поступила. И Деникин, и Колчак не сразу поняли, что идея могучей «единой и неделимой» России даже при предполагаемой ее демократической форме правления далеко не во всем устраивала эти страны, а каждая из них преследует свои традиционные национальные интересы.

Заключая, можно сказать, что в условиях гражданской войны, рвущей страну на части, возрождения национального самосознания на окраинах, незаконченной мировой войны и, наконец, острых противоречий с казачеством отстаивание целостности России не могло принести результатов, хотя и вызывало сочувствие у основной массы «белого движения».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Байбаков Сергей Александрович — профессор кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (1998). Родился 7 октября 1950 г. Окончил исторический факультет МГУ (1972). Кандидат исторических наук (1976). Доктор исторических наук (1997).

Баркова Ольга Николаевна — младший научный сотрудник, ассистент кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1997). Родилась 2 апреля 1967 г. Окончила исторический факультет МГУ (1989).

Барсенков Александр Сергеевич — доцент кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1998). Родился 26 декабря 1957 г. Окончил исторический факультет МГУ (1979). Кандидат исторических наук (1983).

Вдовин Александр Иванович — профессор кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1996), заведующий лабораторией истории национальных отношений России XX века (1983). Родился 11 ноября 1941 г. Окончил исторический факультет МГУ (1970). Кандидат исторических наук (1973). Доктор исторических наук (1995). Действительный член Академии гуманитарных наук (1998).

Данилов Александр Анатольевич — заведующий кафедрой истории Московского педагогического государственного университета (1990). Родился 19 августа 1954 г. Окончил исторический факультет Хабаровского педагогического института (1979). Кандидат исторических наук (1985). Доктор исторических наук (1990). Профессор (1990). Действительный член Академии педагогических и социальных наук (1995). Академик-секретарь Международной академии наук педагогического образования (1997).

Данилова Елена Николаевна — старший научный сотрудник лаборатории истории национальных отношений России XX века исторического факультета МГУ (1991). Родилась 31 декабря 1939 г. Окончила исторический факультет МГУ (1965). Кандидат исторических наук (1974).

Златопольский Давид Львович — профессор кафедры конституционного права юридического факультета МГУ. Родился 12 декабря 1919 г. Окончил Военно-юридическую академию Советской Армии (Ашхабад, 1942). Участник Великой Отечественной войны. Доктор юридических наук (1963). Профессор (1964). Заслуженный деятель науки РСФСР (1979). Академик Международной Академии наук высшей школы (1995). Заслуженный профессор МГУ (1996).

Котов Виктор Иванович — старший научный сотрудник Института российской истории РАН (1989). Родился 21 августа 1953 г. Окончил исторический факультет Донецкого университета (1982). Кандидат исторических наук (1987).

Корецкий Валерий Александрович — директор Научно-исследовательского института социальных систем при МГУ (1998). Родился 8 июля 1959 г. Окончил исторический факультет Донецкого университета (1982). Кандидат исторических наук (1987). Почетный профессор РАЕН (1998).

Леонова Лира Степановна — заведующая кафедрой истории общественных движений и политических партий России исторического факультета МГУ (1982). Родилась 1 февраля 1930 г. Окончила исторический факультет МГУ (1953). Кандидат исторических наук (1965). Доктор исторических наук (1979). Профессор (1983).

Муромцева Людмила Петровна — доцент кафедры истории общественных движений и политических партий России исторического факультета МГУ (1986). Родилась 11 мая 1949 г. Окончила исторический факультет МГУ (1971). Кандидат исторических наук (1978). Доцент (1987).

Наумов Николай Васильевич — доцент кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1982). Родился 25 мая 1936 г. Окончил исторический факультет МГУ (1959). Кандидат исторических наук (1969). Доцент (19).

Остапенко Александр Иванович — доцент кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1994). Родился 16 июля 1961 г. Окончил исторический факультет МГУ (1984). Кандидат исторических наук (1989). Доцент (1995).

Пантелеев Сергей Юрьевич — аспирант кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1998). Родился 15 марта 1972 г. Окончил исторический факультет МГУ (1998).

Печенев Вадим Алексеевич — первый заместитель министра национальной политики РФ (1998). Родился 8 июня 1940 г. Окончил философский факультет МГУ (1962). Кандидат философских наук (1967). Доктор философских наук (1980). Профессор (1985).

Седунская Валерия Михайловна — профессор кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1967). Родилась 7 ноября 1920 г. Окончила исторический факультет Горьковского педагогического института (1944). Кандидат исторических наук (1952). Доктор исторических наук (1966). Профессор (1968).

Серова Ирина Константиновна — доцент кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1994). Родилась 29 августа 1951 г. Окончила исторический факультет МГУ (1977). Кандидат исторических наук (1987). Доцент (1996).

Сивохина Татьяна Александровна — доцент кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1974). Родилась 9 января 1932 г. Окончила исторический факультет МГУ (1954). Кандидат исторических наук (1970). Доцент (1977).

Терещенко Юрий Яковлевич — доцент кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1993). Родился 11 ноября 1948 г. Окончил исторический факультет МГУ (1971). Кандидат исторических наук (1982). Доцент (1966). Профессор Международной славянской академии (1999).

Чечевишников Александр Леонидович — руководитель отдела стратегических исследований НИИ социальных систем при МГУ (1998). Родился 15 ноября 1959 г. Окончил исторический факультет Челябинского государственного университета (1984). Кандидат исторических наук (1989). Доцент (1995).

Чистяков Олег Иванович — заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ (1979). Родился 4 мая 1924 г.). Участник Великой Отечественной войны. Окончил Московский юридический институт (1950). Кандидат юридических наук (1953). Доктор юридических наук (1965). Профессор (1966). Член-корреспондент РАЕН (1992). Заслуженный профессор МГУ (1993). Лауреат Государственной премии (1996).

Шадрин Андрей Юрьевич — доцент кафедры Отечественной истории XX века исторического факультета МГУ (1998). Родился 27 апреля 1959 г. Окончил исторический факультет МГУ (1983). Кандидат исторических наук (1992).

Шагин Эрнст Михайлович — заведующий кафедрой новейшей отечественной истории исторического факультета Московского педагогического государственного университета (1983). Родился 2 марта 1933 г. Окончил исторический факультет Рязанского педагогического института (1954). Кандидат исторических наук (1961). Доктор исторических наук (1976). Профессор (1978). Заслуженный деятель науки РФ (1994). Действительный член Академии гуманитарных наук (1997).

Научное издание

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО. XX ВЕК

Текст публикуется в авторской редакции

Художественный редактор
Ю. М. Добрянская
Обложка художника
А. И. Вдовина
Технический редактор
Г. Д. Колоскова
Корректоры
Т. С. Милякова, Г. В. Сибирцева
Макет и оформление
В. В. Пономаревой

Ордена «Знак Почета» издательство
Московского университета
103009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97
Подписано в печать 15.03.99. Формат 60×88/16.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 34,2. Уч.-изд. л. 34,19.
Тираж 1000 экз. Заказ 971
Изд. № 6776

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНИТИ
140010, г. Люберцы, Моск. обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86